Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»

Научно-исследовательский Центр тверского краеведения и этнографии

Тверское областное общество книголюбов

Тверь в записках путешественников

Выпуск 3
Водные пути Верхней Волги.
Вторая половина XIX – начало XX века

Издание подготовлено
Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым

Творческое
объединение
"Книжный клуб"

Тверь, 2014

УДК 94(470.331)"15/18"
ББК Т3(2Рос–4Тве)
Т26

Исследование выполнено при финансовой поддержке
РГНФ и Правительства Тверской области
в рамках научно-исследовательского проекта
«Верхневолжские водные пути в русской культуре»,
проект № 14-14-69002.

Издание осуществлено при финансовой поддержке города Твери
в рамках социально-культурного просветительского проекта
Тверского областного общества книголюбов
«Тверской край и русские путешественники».

Т26 **Тверь в записках путешественников. Выпуск 3:** Водные пути Верхней Волги. Вторая половина XIX — начало XX века / составление, вступительная статья, биографические справки, подготовка текста и комментарии Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. — Тверь: ТО «Книжный клуб», 2014. — 464 с.: ил.
ISBN 978-5-903830-51-0

Книга является третьим выпуском серии «Тверь в записках путешественников» (первый выпуск вышел в 2012, второй — в 2013 г.). В ней собраны записки о Твери и Тверском крае путешественников второй половины XIX — начала XX в., совершавших поездки по водным путям Верхней Волги. В свод входят сочинения известных и забытых авторов, книги, ставшие библиографической редкостью и недоступные современному читателю. Все эти путешествия сопровождаются комментарием и в совокупности позволяют уяснить значение верхневолжских водных путей в русской культуре.

Для жителей Тверского края и приезжих людей, желающих ознакомиться с достопримечательностями Тверской земли; для научных работников, преподавателей и учащихся высших и средних учебных заведений.

УДК 94(470.331)"15/18"
ББК Т3(2Рос–4Тве)

В оформлении обложки использованы материалы офорта А. Хиршфогеля «С. Герберштейн во время путешествия по России» (1546) из книги «Записки о Московитских делах» (Базель, 1557) и фотография «Вид на Отрочь монастырь и устье реки Тверцы» (изд. фотографа И. А. Тачалова. Тверь, 1908–1909).

ISBN 978-5-903830-51-0

© Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов, составление, вступительная статья, биографические справки, подготовка текста, комментарии, подбор иллюстраций, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© ТО «Книжный клуб», оформление, оригинал-макет, 2014

Содержание

Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов.
Водные пути Верхневолжья 5

Список условных сокращений 17

А. Дюма. 1858 19

М. И. Семевский. 1860, 1861, 1888 35

Н. П. Боголюбов, А. П. Боголюбов. 1861 106

С. В. Максимов. 1872, 1899 150

Е. П. Вишняков. 1890 193

И. Ф. Тюменев. 1892, 1893, 1899 218

Тверская мужская гимназия. 1914 434

Над книгой работали:

В. В. Кузнецов (подготовка текста и комментарии к путешествию И. Ф. Тюменева: 1893, разделы «Зубцов» и «Старица»);

Е. Г. Милюгина (подготовка текста и комментарии к путешествиям А. Дюма, М. И. Семевского: 1860, 1888, Н. П. Боголюбова, А. П. Боголюбова, С. В. Максимова, Е. П. Вишнякова);

Е. В. Петренко (подготовка текста и комментарии к путешествию И. Ф. Тюменева: 1892, 1899);

М. В. Строганов (подготовка текста и комментарии к путешествиям И. Ф. Тюменева: 1893, тверских гимназистов);

А. И. Федута (подготовка текста и комментарии к путешествию М. И. Семевского: 1861);

Е. А. Чистякова (подготовка текста и комментарии к путешествию тверских гимназистов).

Водные пути Верхневолжья

Новый том серии «Тверь в записках путешественников»[1] посвящен путешествиям по воде и с помощью воды. Это заставляет нас вновь продумать вопрос о месте-пути путешествия и о транспортном средстве путешественника.

1. Стихия и дорога

Человеку изначально предоставлены два места-пути: путешествие по суше и путешествие по воде. И совершенно не случайно известный художественно-географический альманах-ежегодник, который издавался в нашей стране в 1960–1991 гг., назывался «На суше и на море».

Путешествие по воздуху, в отличие от путешествий по суше и по воде, человек может совершить только с помощью высокоорганизованной техники. За отсутствием технических средств человек может, в конце концов, пойти пешком или пуститься вплавь, может соорудить примитивное транспортное средство для суши или воды своими руками. Но ни взлететь, ни подняться в воздух без специальных (не самодельных) технических средств человек не может.

Кроме того, воздух максимально сокращает пространство и процесс путешествия. Путешественник по воздуху не может самовольно прервать свой путь и «остановиться, оглянуться». Если его привлекли красоты открывшегося за иллюминатором горного пейзажа, он не может остановить движения, чтобы полюбоваться ими, ибо такая остановка была бы смертельной. Путешествие по воздуху — это очень специфическое путешествие, еще не до конца освоенное человеком и тем более не до конца осмысленное.

Итак, человеку изначально предоставлены два места-пути: путешествие по суше и путешествие по воде. Но, противопоставленные путешествию по воздуху, они очень существенно различаются между собой.

---

[1] См.: Тверь в записках путешественников XVI–XIX веков / издание подготовлено Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2012; Тверь в записках путешественников. Выпуск 2: записки XVIII–XIX веков / издание подготовлено Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013 (*далее — Тверь 1; Тверь 2*).

Дорога по суше должна быть проложена, организована. Чтобы путешествие стало путешествием, а не научной экспедицией по «неведомым дорожкам» в поисках «невиданных зверей», пространство должно быть предварительно освоено человеком. На суше человек рождается, здесь он живет всю свою жизнь, и здесь его кладут после смерти. Но такая родная суша, земля требует для путешествия специальной подготовки.[2]

Дорога по воде такой подготовки не требует. Вода не такое родное пространство для человека, как суша, но ее не надо расчищать, чтобы отправиться по ней в путь-дорогу. Вода изначально организована для путешествия. Поэтому первые дороги человека всегда шли по рекам. Расчистить и вытоптать тропинку в лесу гораздо более сложное дело, чем воспользоваться дорогой-рекой.

Можно было бы сказать, что суша — это место жизни человека, а вода — это место его передвижений. Правда, в мировой культуре путь человеческой жизни (да и история всего человечества) чаще всего представляется в виде путешествия по воде — от истока до устья. Таким иносказанием служил образ реки в византийской и русской иконописной традиции. На ранних русских иконах мы видим Христа, представленного стоящим на вершине горы, из которой изливаются четыре потока: это образ рая, а четыре реки символизируют четыре Евангелия. На фресках по мотивам Страшного суда из-под ног Христа-Судьи вытекает огненная река, унося с собой грешников в ад. Этой теме посвящены многочисленные стихи самых разных поэтов и самых разных народов. Жизнь человека изображалась как река: «Четыре возраста человеческих: Отрывок из Делилевой поэмы: Воображение» А. Ф. Воейкова, «Жизнь» В. А. Жуковского, «Мои четыре возраста» А. А. Дельвига, «Элегия» М. Д. Деларю. И даже жизнь человечества изображалась как поток: «Осмнадцатое столетие» А. Н. Радищева, «На тленность» Г. Р. Державина. Только у А. С. Пушкина в «Телеге жизни» изображен не водный, а сухопутный путь жизни.[3] Суша — это статика, а вода — движение.

Да, вода всегда подвижна. Уже в силу неустойчивости своего положения на ней человек воспринимает воду как стихию подвижную.

---

[2] О природной и социальной аритмии сухопутного пути см.: *Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Динамический текст русской культуры: пространство в зеркале путешествий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 3. С. 70—77.

[3] См.: *Строганов М. В.* 1) Человек в художественном мире Пушкина: учеб. пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990; 2) Человек в русской литературе первой половины XIX века: учеб. пособие для студентов вузов по спец. «Филология». Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001; *Милюгина Е. Г.* 1) «Живых и мертвых вод исток»: акватическая мифология в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в. // Мир романтизма. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Т. 9 (33). С. 42—58; 2) Русская река. М.: Белый город; Редакция «Воскресный день», 2012. (Русская традиция)

И тем более подвижна река, которая течет, петляет, бежит. Мы и про сухопутную дорогу скажем, что она бежит вперед и петляет между холмов, изначально же всё это относилось только к дороге-реке.

Но различие между сухим и водным путями не только в этом. Вспомним свои зрительные впечатления о путешествии по суше и по воде. Суша бежит нам навстречу и ложится под колеса нашей машины или поезда, хотя в поезде по-настоящему наблюдать это может только машинист из лобового окна, а мы можем только слегка почувствовать это, высовывая голову в окно на крутых поворотах. Тут-то и видно, как леса и овраги, мосты и переезды спешат тебе навстречу, чтобы расстелиться при этой встрече под твоими колесами. И уж тем более всё это видно из лобового окна машины. Говорят, что дорога зовет тебя вдаль. Метафорически, может быть, это и верно. Но зрительно дорога бежит тебе навстречу.

Путешествие по воде оставляет совсем иные зрительные впечатления. Плывя по реке, мы плывем вместе с рекой. Вода сама несет нас вниз по течению, и берега (суша) идут нам навстречу, а мы с водой стремимся вперед. Дорога под нами (и под нас!) не стелется, дорога воды вывозит нас. Это, правда, относится только к сплавным водным путям (вниз по течению).

Взводные пути (вверх по течению), конечно, преодолевают движение воды, которая ложится под водный транспорт. Но тут возникает другой очень важный зрительный эффект. Поднимаясь вверх по течению, мы режем воду, и нос нашей лодки (корабля) буквально разрезает воду на две части, которые, бурля, расходятся по обе стороны. В путешествии по суше ничего подобного нет. Любое транспортное средство по суше твердо стоит на ней и не проваливается в нее. Если наше транспортное средство погрузилось в сушу, это плохо: это значит, что мы завязли в грязи и без подмоги нам не выбраться. Если наше транспортное средство не погрузилось в воду, это очень плохо, без необходимого погружения корабль не поплывет.

Таковы условия путей, которые продиктованы человеку природными стихиями и одолеть которые он, конечно, может, но стереотипные представления, сложившиеся в течение тысячелетий, от этого не изменятся.

Итак, вода — это исходная дорога для человека. И не случайно первые путешествия совершались, где возможно, по воде. По суше путешествовали там, где не было воды. Первые тверские путешественники выбирали воду. Так посол Священной Римской империи С. Герберштейн в 1517 г. по пути из Новгорода в Москву пересек по воде почти весь Тверской край, следуя от Выдропужска до Твери по Тверце и далее до Городни по Волге. Тверцу как общепринятый путь от Вышнего Волочка до Твери и Мсту как водную дорогу от Вышнего Волочка до Новгорода упомянул путешествовавший в 1578 г. посуху датский дипломат Я. Ульфельдт (*Тверь 1*, с. 24—25, 27). Второй из назван-

ных маршрутов выбрало посольство А. Гюльденстиерне, сопровождавшее жениха Ксении Годуновой датского герцога Ганса (1602): герцог со свитой отправился из Вышнего Волочка по реке Цне и, пройдя озеро Мстино, приплыл по Мсте в Новгород. Востребованность этого пути отмечал позже и посол антиохийского патриаршего дома Павел Алеппский (1655). Тверцой как водной дорогой от Торжка до Твери воспользовался голландский путешественник Я. Стрейс (1668). Удобство водного сообщения «на лодках и баркасах по рекам Тверце и Волге до самого города Твери, Нижнего Новгорода, Астрахани» подчеркивал шведский военный инженер Э. Пальмквист (1674). Реки служили удобной дорогой не только в теплое время года, но и зимой и ранней весной: в марте 1636 г., когда Волга еще была покрыта толстым слоем льда, а сухопутные дороги размыла распутица, А. Олеарий преодолел по реке путь от Твери до Городни.[4]

Если в XVI–XVII вв. путешественники-дипломаты выбирали речные маршруты вынужденно, по необходимости, не имея альтернативных комфортных сухопутных дорог, то в XVIII в., после организации искусственных водных систем, отношение к путешествиям по воде существенно изменилось. Отныне водные маршруты стали неотъемлемой частью представительских вояжей, более того — их главным компонентом, центральным эпизодом.

Так в 1785 г. Екатерина II в сопровождении свиты предприняла путешествие в Вышний Волочек с целью показать иностранным посланникам обновлявшуюся Вышневолоцкую водную систему, причем в маршрут входило намерение провести караван судов через довольно опасные Мстинские и Боровицкие пороги. Об этом пишет французский дипломат Л.-Ф. Сегюр; эти же эпизоды вояжа придворный художник М. М. Иванов запечатлел в акварелях «Вышний Волочек» и «Императорская флотилия на реке Мсте» (*Тверь 1*, с. 107–112).

Менее масштабным было представительское путешествие по Вышневолоцкой водной системе до Петербурга, которое предприняли в 1810 г. губернатор тверской, новгородский и ярославский принц Георг Ольденбургский и его супруга великая княгиня Екатерина Павловна. Однако и это путешествие было обставлено с пышностью и торжественностью: по примеру Екатерины II, которая ознаменовала свою поездку закладкой Борисоглебского собора в Торжке, на реке Тверце, тверские правители заложили Богоявленский собор в самом центре Вышневолоцкой водной системы — в Вышнем Волочке,

---

[4] *Соколов И. И.* Тверской край в XVI–XVII веках по описаниям иностранцев / подгот. текст и коммент. П. Д. Малыгина, А. Ю. Сорочана, М. В. Строганова // Литература Тверского края в контексте древней культуры: сб. статей и публ. / отв. ред. М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2002. С. 146, 154, 157, 165, 170.

на реке Цне (*Тверь 2*, с. 97–98). Поскольку обе реки составляют сердце Вышневолоцкой водной системы, закладка и возведение храмов стали своеобразным освящением этого главного водного пути Верхневолжья.

Для частных же путешественников к концу XVIII в. стали очевидны преимущества сухопутного передвижения: оно было комфортнее и быстрее. Так, при наличии Вышневолоцкой, Тихвинской и Мариинской водных систем, позволявших, по примеру Екатерины II и четы Ольденбургских, часть путешествия совершить по воде, М. Н. Волконская, О. А. Кипренский, Г. В. Гераков, П. И. Сумароков, С. Т. Аксаков, А. О. Ишимова, Р. Шуман, П. И. Небольсин выбирают Петербургско-Московский тракт (*Тверь 1*, с. 263–287, 324–349; *Тверь 2*, с. 73–142). К сухопутным представительским вояжам переходят и члены императорской семьи: великая княгиня Елизавета Алексеевна, ездившая в 1801 г. из Петербурга в Москву на церемонию коронации своего супруга Александра I, цесаревич Александр Николаевич, путешествовавший по России в 1831 и 1837 гг. вместе со своим наставником В. А. Жуковским (*Тверь 1*, с. 145–170, 241–254; *Тверь 2*, с. 119–126), великий князь Владимир Александрович, совершивший поездки по северу России в 1884–1887 гг.[5] Даже Н. Я. Озерецковский, первым (в 1814 г.) описавший истоки Волги и озеро Селигер, не пересекал озера на водном транспорте. Во всяком случае, в его путешествии нет описания берегов со стороны воды. Озерецковский видит другой берег с этого берега, но никогда — с пространства воды. Можно было бы сказать, что Озерецковский совершил свое водное путешествие по суше (*Тверь 2*, с. 21–65). Чуть раньше, в 1811 г., Ф. Н. Глинка сделал попытку совершить водное путешествие из Ржева в Тверь. Но на последнем перегоне путника застала суровая непогода, и он выбрал более комфортный путь по суше (*Тверь 1*, с. 171–240).

Первым, кто в новое время совершил и завершил свое путешествие по воде, был А. М. Петропавловский. Вместе со своим престарелым отцом-священником, вместе с сестрой и ее семьей (муж-чиновник и ребенок) этот небогатый петербургский чиновник покупает в Твери лодку и нанимает гребцов. И таким образом в 1852 г. эти пятеро пассажиров и два гребца совершают водное путешествие до Калязина (*Тверь 2*, с. 303–400). Такие путешествия были, как известно, очень дешевы, и поэтому недостаточные люди всегда выбирали водные дороги.

Петропавловский совершил свое путешествие по старинке. Но он будто предвосхитил тот водный бум, который начался в России во второй половине 1850-х гг. Изучение водных ресурсов стало предметом специальных научных экспедиций, организованных морским ведомством страны. На Верхнюю Волгу с этим заданием в 1856 г.

---

[5] *Случевский К. К.* По Северу России. М.: ОГИ, 2009. С. 167–178.

приехал А. Н. Островский (*Тверь 1*, с. 350–415). И тогда же стали возникать акционерные общества по организации пароходного транспорта на реках России, в первую очередь — на Волге.

2. Водные травелоги

И все наши путешественники путешествуют по Волге и ее притокам или, во всяком случае, вдоль рек.

В 1858 г. Александр Дюма из глубины сухопутных дорог России выезжает к Волге, великой русской реке. Дюма — француз самой чистой воды. Во-первых, красивый оборот речи оказывается для него самоцелью. Всем известно, что дороги в России плохи, но Дюма скажет об этом так: «в России в реках недостаточно воды, а на дорогах слишком много песка». Во-вторых, описывая чужую страну, Дюма постоянно говорит о себе. Встретились по пути глубокие пески, в которых лошади и коляски завязли, — только наш француз нашел способ спастись из этого безвыходного положения. На проводы Дюма из Калязина собрался весь офицерский корпус стоявшей там части, и все они в полном составе провожали его на пароход, а потом на пароходе до Углича в сопровождении музыкантов и нескончаемого шампанского. Мы не знаем имени ни одного офицера, но имя знаменитого романиста на устах у всех.

Итак, Дюма выехал на Волгу, чтобы тут же покинуть тверские пределы. Но наши путешественники вновь и вновь возвращаются сюда.

Чаще других героев этого тома Тверскую губернию посещает историк М. И. Семевский, начинающий отсюда свои путешествия по Большой Волге. В 1860 г. он останавливается в Твери по пути в Нижний Новгород, в 1861 — по дороге в Астрахань, в 1888 — отправляясь в поездку по России. И хотя во всех этих маршрутах Тверь — не цель вояжа, а лишь отправная точка, интерес Семевского к городу не мимолетный и не праздный. Встретив в первое посещение города спутника-автохтона, он не разлучается с ним и в следующие приезды, причем это не условная литературная фигура, а реальное лицо, и не наивный носитель локального народного сознания, а человек по тверским меркам высокообразованный — учитель истории Тверской мужской гимназии Р. Н. Никулин. Благодаря его расположению и дружеским связям Семевский заводит в Твери знакомства с представителями духовной и интеллектуальной элиты, и связанные с ними места становятся любимыми и памятными для посещения в каждый следующий приезд. Таковы Желтиков монастырь и его настоятель архимандрит Платон, тверские гимназии и их преподаватели, Тверской музей и его основатель А. К. Жизневский. Конкретность городских зарисовок, точность характеристик автохтонов сочетаются в травелогах Семевского с исторической точкой зрения — ведь он наблюдает развитие Твери на протяжении почти трех десятилетий! И повторяемость

водных путешествий, отраженная в цикле травелогов-возвращений, позволяет ему запечатлеть живой, динамичный, эмоционально окрашенный портрет Твери — города у реки.

В отличие от инициативного, личностно пережитого путешествия Семевского, травелог морских офицеров Н. П. и А. П. Боголюбовых 1861 г. является заказным, что и определяет его специфику: он рассчитан на широкого читателя и имеет отчетливо выраженный рекламный характер. Братья Боголюбовы отправляются в большое волжское путешествие по предложению директора пароходства «Самолет» В. А. Глазенапа, поручившего им создать иллюстрированный путеводитель по Волге от Твери до Астрахани. Выбор авторов не случаен: заказчик не столько знает старшего брата как писателя, а младшего — как художника, сколько уверен в них как в специалистах по навигации и водному транспорту. И потому Боголюбовы, люди творчески одаренные, реализовали свои таланты лишь в определенном заказчиком русле — как маринисты. Книга «Волга от Твери до Астрахани» написана Н. П. Боголюбовым с профессиональным знанием истории, географии, кораблестроения — и в основном по книжным источникам, и лишь иллюстрации А. П. Боголюбова передают реалии конкретного путешествия (такова, например, зарисовка корабельного дока в тверском овраге Лазурь). Намерение совместить в описании волжского пути жанры лоции для капитанов и энциклопедии для пассажиров почти вытеснило из текста самое интересное в травелоге — личностное начало, индивидуальный взгляд. Это особенно заметно при сравнении путеводителя с параллельными местами записок А. П. Боголюбова. Записки запечатлели живую жизнь на Волге: плывущие по течению расписные расшивы, украшенные фантастической резьбой мокшаны, шныряющие струги и шитики, медленно ползущие «чудовищные» коноводки, тянущиеся по бечевнику вереницы бурлаков. Ракурс наблюдений в записках принципиально нов для травелога середины XIX в.: жизнь на реке увидена не с берега, а с воды и потому переживается не статичным наблюдателем, а человеком, движущимся в том же речном потоке и включенным в тот же водоворот событий. В записках и зарисовках А. П. Боголюбова своеобразно преломилась идея творческого эксперимента братьев Г. Г. и Н. Г. Чернецовых, совершивших по поручению Географического общества в 1838 г. путешествие по Волге и с борта своего судна нарисовавших живописную панораму реки от Рыбинска до Астрахани.[6]

Этнологу С. В. Максимову интересна не столько жизнь на реке, сколько жизнь у реки, повседневная культура волжских жителей. Это обусловило особенности его травелога: в то время как тексты Семевского и Боголюбовых посвящены путешествиям вниз по Волге,

[6] *Чернецовы Г. Г., Н. Г.* Путешествие по Волге. М.: Мысль, 1970.

Максимов в 1872 г. выбирает обратное направление и описывает путь от Астрахани до Твери и затем по Вышневолоцкой водной системе до Петербурга. Здесь в развитии жанра волжских травелогов возникает особый поворот. Поскольку в реальности наши путешественники совершали поездки туда и обратно, сам выбор описываемого направления — вниз или вверх, по течению или против течения — становится содержательно и жанрово значимым. Путь вниз по Волге — прежде всего рекреационная прогулка столичного жителя, путь вверх по Волге — трудовая дорога, по которой продовольствие доставляется с хлебородных низовьев в неурожайный край. Выбрав второй вариант, писатель называет свой травелог «путешествием куля хлеба», смещая акцент с личных переживаний на описание наблюдаемой культуры автохтонов. Это, конечно, литературный прием, но он позволяет отказаться от принятого в путеводителях подробного перечисления географических и социокультурных объектов и подняться над конкретностью локальных описаний. В результате Максимов воссоздает динамическую картину жизни городов Верхневолжья, благополучие которых зависит от ритмичной работы питающих их водных артерий. Подобным же ракурсом отличается и травелог 1899 г., в котором природные реалии Тверского края представлены в неразрывном единстве с социокультурными и этнографическими наблюдениями. В этом травелоги Максимова созвучны пейзажам М. О. Доливо-Добровольского, А. В. Маковского и В. М. Максимова, отразившим бурное развитие судоходства, оживление экономических связей торговых городов, и живописи П. П. Верещагина и А. К. Беггрова, с их движением к реалистической точности. Главной темой травелогов Максимова стало не эффектное изображение старинных городов, а жизнь человека и жизнь реки, неразрывно между собой связанные.

Иную задачу решают в своем путешествии фотограф Е. П. Вишняков и художник И. И. Шишкин. В 1890 г. они отправились в путешествие к истокам Волги — местам, что называется, почти не тронутым цивилизацией. Их маршрут частично совпадает с маршрутом научных травелогов Н. Я. Озерецковского (1814), В. И. Рагозина (1880) и Д. Н. Анучина (1890),[7] но служит иной цели — художественному исследованию речных ландшафтов, созданию жанра волжского фотопейзажа. В этом творческий эксперимент Вишнякова и Шишкина близок эстетическим поискам А. К. Саврасова, А. И. Мещерского и В. Д. Поленова, которые стремились в речных пейзажах воссоздать мир реки, выразить сопричастность его тайной внутренней жизни.

---

[7] *Тверь 2*, с. 21–65; *Рагозин В. И.* Волга: в 3 т. СПб.: тип. К. Ратгер, 1880–1881. Т. 1: От истока до Оки. 1880. С. 1–131; *Анучин Д. Н.* Из поездки к истокам Днепра, Западной Двины и Волги: очерки // Северный вестник. 1891. № 8. С. 119–162.

В центре данного выпуска находится травелог И. Ф. Тюменева, который путешествовал по Верхней Волге в 1892, 1893 и 1899 г. вместе с художниками А. П. Рябушкиным, В. В. Беляевым и В. П. Павловым. Тюменев создал самый обширный текст о своем путешествии. Он честно рассказывает, что, готовясь к поездке, он в зимнее время изучает материал, а потом, во время путешествия-экспедиции, поверяет книжные данные живыми дорожными впечатлениями. Травелог становится научно-популярным очерком. Он адресован широкому читателю и потому является популярным. Но он исключительно точен по сообщаемым фактам и потому оказывается строго научным. Правда, в заключительной части травелога у путешественника появляются собеседники-автохтоны с низким образовательным цензом и наивным сознанием. Эти собеседники сообщают факты легендарного и заведомо ложного характера, которые вступают в противоречие с теми научными сведениями, которые сообщает сам путешественник. В таких случаях важную роль начинает играть научный комментарий к тексту.

Тюменев за три летних сезона проехал от Волговерховья до границы Тверской и Ярославской губерний, и это единственное путешествие по Верхней Волге, которое исчерпывает весь возможный маршрут. Иногда путь Тюменева лежал по воде, иногда и по берегу. Но Волга всегда оставалась в центре его внимания.

Завершает настоящий выпуск описание путешествия, которое в 1914 г. совершили к истокам Волги ученики Тверской мужской гимназии. Это не обычное путешествие, и это — совершенно новый тип путешествия, который сформировался в условиях прикладной педагогики, которая считала необходимым дополнять теоретические знания практикой. Экскурсия была одной из форм такой практики, причем практики комплексной, так как в процессе ее учащиеся актуализировали свои знания в области географии, истории, культуры, языка, физики. Помимо этого, экскурсия была прекрасным видом совмещения рекреационного и учебного времени. И этот тип обучения получил в начале XX в. широкое распространение, в том числе и в Тверской губернии.[8]

Итак, перед нами экскурсия. Но и травелог, который посвящен ей, так же необычен. Это не монологическое описание пути одним человеком, а калейдоскоп, составленный из небольших очерков, которые

---

[8] См.: *Строганов М. В.* 1) Экскурсия в системе краеведческих исследований и преподавания краеведения // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. Вып. 2 (8). С. 181–185; 2) Экскурсия как форма краеведческого исследования и преподавания краеведения // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 4 / сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов, В. В. Цыков; ред. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Торжок: ВИЭМ; СФК-офис, 2012. С. 455–459.

сделаны разными учащимися. Данный травелог исключительно ценен, так как дает совершенно новую точку зрения — наивное, простодушное описание местностей, особенностей быта, которое недоступно взрослому и культурно зашоренному сознанию. Мальчики, участники экскурсии, честно сообщают, что те или иные памятники не произвели на них большого впечатления, а иногда показались и неинтересными. Так говорить об исторических памятниках взрослый человек едва ли бы смог: он всегда учитывал бы традицию, стоящую за данным памятником. Молодые люди, не обремененные этой традицией, говорят то, что думают. Более того, они замечают и описывают такие детали, которые для взрослого путешественника обычно не важны. На обратном пути от Волговерховья экспедицию закусали оводы. Взрослый человек в лучшем случае упомянет этот факт, молодые люди описывают этот эпизод как событие, приключение. Иногда молодые путешественники ошибаются в написании географических названий, лиц, в датировке событий. И очень хорошо, что их педагог, директор гимназии П. П. Чернышев, не исправлял эти ошибки. Они ярко показывают нам обычное явление: что и как запоминает человек в результате своих экскурсий. В следующем выпуске мы надеемся поместить еще несколько подобного рода травелогов, которые, мы не сомневаемся, будут не менее интересны для читателя.

3. Заметки комментаторов

Читатель этого выпуска нашей серии сразу увидит, что во второй половине XIX в. изменились не только путешествия и путешественники, но и описания путешествий, травелоги.

Во-первых, описания путешествий стали гораздо более пространными. Если в первом выпуске помещены тексты 20-ти авторов, а во втором — 15-ти, то в настоящем выпуске помещены тексты только семи авторов. Это значит, что травелоги стали значительно более объемными: по сравнению со вторым выпуском они увеличились в среднем в два, а по сравнению с первым выпуском — в три раза. Авторы знают уже так много и стремятся рассказать читателю всё, что знают, так обстоятельно, что превращаются в плохих экскурсоводов, которые вместо того, чтобы вести своих подопечных по экскурсионному маршруту, встанут в одно место и простоят там всё время, рассказывая, а не показывая. Мы, конечно, таких плохих экскурсоводов в нашу книгу не брали, да столь плохих экскурсоводов среди них и нет, мы только хотим отметить общую тенденцию, которая была именно такова.

Во-вторых. Как известно, историческое, географическое, культурно-этнографическое знания к середине, а тем более к концу XIX в. стали гораздо более основательными и в целом гораздо более доступными. Поэтому путешественники в описании достопримечательностей редко пользуются слухами и легендами, они заблаговременно и весьма основательно подготавливаются к путешествию, а потом поражают читателя

своего травелога обилием разнообразной информации. Информация эта по преимуществу точна, и современному комментатору остается чаще всего только одно — подтверждать ее, повторяя в своих примечаниях те сведения, которые приводит и автор. Это тем более легко сделать, что авторы травелогов обычно и не скрывают своих источников и ссылаются на них либо прямо и непосредственно, либо косвенно, но достаточно прозрачно. И комментаторы настоящих путешествий оказались перед очень трудной задачей. Сначала автор травелога подробно рассказывает об этом месте, потом комментатор подробно рассказывает об этом же месте то же самое, а бедный читатель ощущает, что его обманывают, и вместо путешествия он топчется на одном и том же месте. Понимая это, комментаторы очень часто задумывались над тем, стоит ли им комментировать эти путешествия?

И, наконец, в-третьих. Учитывая, что информационная волна начала нарастать в это время уже лавинообразно, мы легко поймем, почему из путешествия в путешествие повторяется всё время одна и та же информация. Иногда эти повторы начинают даже утомлять читателя, и хочется поскорее отделаться от них. А если всё время комментировать эти повторы, повторяя каждый раз, что тот или иной автор переписал кусок из предшественника, то дублирование информации оказывается неизбежным и еще более утомительным.

Составители данного издания решили существенно изменить принципы комментирования. Поскольку в данном выпуске авторы травелогов посещают почти одни и те же объекты, постольку мы не повторяем в каждом пункте комментария все ссылки на предшествующие травелоги. Мы просто в одном месте сразу указываем на тех предшественников, травелоги которых следует учитывать при чтении описания данного путешествия. Это имеет свои неудобства, поскольку читатель вынужден обращаться за комментариями к предыдущему травелогу. Но это гораздо более экономично, чем несколько раз повторять одну и ту же информацию.

В данном издании отразились не все результаты работы над проектом.[9] Некоторые подготовленные к печати путешествия остались

---

[9] Помимо антологий, работа над проектом отражена в серии тематических публикаций: *Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* 1) Из опыта работы над сводом травелогов «Тверской край в записках путешественников XVI–XX веков» // Труды Русской антропологической школы. М.: РГГУ, 2013. Вып. 13. С. 203–214; 2) Частное путешествие как документальный жанр: тверской материал // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 6. С. 39–45; 3) Русская культура в зеркале путешествий: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. 176 с. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rfh.ru/downloads/Books/134493002.pdf. Дата обращения: 12.12.2013. Загл. с. экрана. Перечень работ прежних лет см.: *Тверь 1*, с. 6–7; *Тверь 2*, с. 8–16.

за пределами данного издания и будут опубликованы в следующих выпусках. Мы благодарим тех авторов, чьи работы еще не увидели свет: С. Г. Кашарнову (текст путешествия Г. Г. Москвича); Н. З. и А. Ф. Коковиных (текст путешествия В. И. Рагозина); В. В. Кузнецова (текст путешествия Н. Н. Лендера, текст и комментарии к путешествиям И. Я. Красницкого, И. И. Колышко: Торжок, Ржев, В. М. Сидорова, Ю. и З. Шамуриных: Торжок); Е. А. Чистякову (текст и комментарии к путешествиям воспитанниц Тверской женской учительской школы им. П. П. Максимовича, учащихся Тверской мужской гимназии: 1916).

Мы рады принести благодарность всем, кто помогал нам в нашей работе. Неоценимую библиографическую помощь на всех этапах работы оказывал нам Д. К. Равинский. Дружеское содействие в получении ряда текстов для этой книги оказали нам Л. А. Тимофеева и А. В. Вишняков. О. А. Григорьева, И. В. Гришанкова, М. В. Логинова, А. Б. Касимова, Н. А. Корчмарчик осуществили набор ряда текстов (А. П. и Н. П. Боголюбовы, К. К. Случевский, И. И. Колышко, И. А. Виноградов, А. Я. Бесчинский, Ф. А. Тарапыгин).

Мы рады сообщить, что первый выпуск нашей серии отмечен дипломом Тверской областной универсальной научной библиотеки им. А. М. Горького «Лучшая тверская книга. Выбор читателя» и дипломом лауреата межрегионального фестиваля «Региональная книга России» в номинации «Лучшее краеведческое издание» (оба 2013). Кроме того, каждый из двух первых выпусков включен журналом «Литература» Издательского дома «1 сентября» в топ-лист «Выбор литературы: выбор „Литературы“» как книга года в номинации «Родные края» (вып. 1 — 2012; вып. 2 — 2013). Книги вызвали интерес в кругу читателей. И мы благодарим всех, кто высказывал нам свои мнения и соображения. Пользуясь случаем, мы рады сообщить уточнение, сделанное Л. В. Тимофеевым (Петербург), который указал нам, что на портрете работы О. А. Кипренского, который мы считали портретом генерала Д. В. Вындомского, на самом деле изображен генерал-майор А. П. Великопольский, герой Отечественной войны 1812 года, кавалер ордена Св. Владимира 3-й степени.[10]

Особую признательность мы выражаем председателю Тверского областного общества книголюбов В. В. Ткаченко, благодаря энергичной настойчивости которой увидели свет три книги этой серии и чья дружеская поддержка для нас неоценима.

Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов

---

[10] См.: *Тимофеев Л. В.* Кто же позировал художнику? // Невское время. 1996. 26 марта.

Список условных сокращений

АН — Академия наук.

ГАТО — Государственный архив Тверской области.

Генеалогия — Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год, с алфавитным указателем и приложением / сост. М. Чернявский. Тверь, [б. г.].

Генеральное соображение — Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 гг. Тверь: тип. Губ. земской управы, 1873.

ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

ГРМ — Государственный Русский музей.

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея.

ГЭ — Государственный Эрмитаж.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978—1980.

Добровольский — Тверской епархиальный статистический сборник / сост. И. Добровольский. Тверь, 1901.

Жизневский — Описание Тверского музея. Археологический раздел / сост. А. К. Жизневский, прим. гр. А. С. Уварова. М.: Синод. тип., 1888.

ИАХ — Императорская Академия художеств.

Илиодор — *Илиодор, иеромонах*. Историческо-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1861.

Литература Тверского края — *Соколов И. И.* Тверской край в XVI—XVII веках по описаниям иностранцев / подгот. текст и коммент. П. Д. Малыгина, А. Ю. Сорочана, М. В. Строганова // Литература Тверского края в контексте древней культуры: сб. статей и публ. / отв. ред. М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2002. С. 118—179.

Максимов — Максимов С. В. По Русской земле / предисл., прим. А. Д. Каплина. М.: Институт русской цивилизации, 2013.

Пословицы русского народа — Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо-пресс, 2000.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

Пушкин — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959.

Сахаров — Сахаров И. П. Сказания русского народа: в 2 т. / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013.

Свод — Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Тверская область: в 6 ч. Ч. 1, 2, 3 / отв. ред. Г. К. Смирнов. М.: Наука, Индрик, 2002, 2006, 2013.

ТвГВ — Тверские губернские ведомости.

Тверские говоры — Тематический словарь говоров Тверской области: в 5 вып. / авт.-сост. Т. В. Кириллова, Л. Н. Новикова, Т. В. Габлина и др. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002—2006.

Тверь 1 — Тверь в записках путешественников XVI—XIX веков / издание подготовлено Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2012.

Тверь 2 — Тверь в записках путешественников. Выпуск 2: записки XVIII—XIX веков / издание подготовлено Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013.

ТГОМ — Тверской государственный объединенный музей.

ТЕВ — Тверские епархиальные ведомости.

ТОКГ — Тверская областная картинная галерея.

Александр Дюма

[1858]

Дюма Александр (26.07.1802—5.12.1870), французский писатель-романист, драматург, журналист, путешественник. В 1858 г. по приглашению графа Г. А. Кушелева-Безбородко приехал в Россию. Путешествие началось 15 июня. Из Парижа Дюма прибыл в Кронштадт и некоторое время гостил в Петербурге, 3 августа выехал на поезде в Москву. Эта поездка описана кратко. Писатель запомнил единственную станцию, и то не по личным впечатлениям, а по чужим рассказам: Вышний Волочек «примечателен тем, что является местом встречи воров и скупщиков краденого из обеих столиц. Когда в Санкт-Петербурге совершается крупная кража, вор сейчас же выезжает в Вышний Волочек, где встречается со скупщиком из Москвы; если крупное воровство происходит в Москве, грабитель тотчас находит в Вышнем Волочке петербургского скупщика. Таким образом происходит оборот». В августе—сентябре Дюма посетил Бородинское поле и Троице-Сергиеву лавру и остановился в с. Елпатьеве, принадлежавшем камергеру императорского двора Дмитрию Павловичу Нарышкину (1797—1868). Здесь Дюма познакомился с полковым врачом из Калязина и решил совершить поездку по Волге. Волжское путешествие Дюма от Калязина до Астрахани началось 1 октября. Осень он провел на Кавказе и в калмыцких степях, а в начале марта 1859 г. через Марсель вернулся в Париж. Результатом поездки стал цикл очерков и исторических эссе. Первоначально этот цикл был опубликован в журнале «Монте-Кристо», а в 1865 г. выпущен в виде книги: Dumas Alexandre. Impressions de voyage: En Russie; De Paris à Astrakan: Nouvelles impressions de voyage (1858). 3 vols. Paris, 1859—1862; полностью: Paris: Lévy Frères, 1865. Две главы посвящены Калязинскому уезду: «Дорога в Елпатьево», «Вниз по Волге». Впервые на рус.: Дюма А. Дорога в Елпатьево; Вниз по Волге / пер. с франц. Н. А. Жирмунской // Дюма А. Путевые впечатления в России: сочинение в 3 т. М.: Ладомир, 1993. Т. 3. Текст печатается по этому изданию (с. 8, 101—121). В оформлении использован рисунок В. П. Павлова из путешествия И. Ф. Тюменева (1893).

Дорога в Елпатьево

На следующий день, после основательного осмотра Троицкой лавры,[1] мы отправились в путь, оставив там Муане,[2] чтобы он мог сделать столько набросков, сколько пожелает. Из лавры в Елпатьево[3] ведут две дороги, если это вообще можно назвать дорогами.[4]

Для того чтобы увидеть нашими четырьмя глазами как можно больше — два глаза Калино[5] не в счет, — мы договорились, что Муане поедет по той дороге, от которой мы откажемся. У него были все основания полагать, что на своей телеге он проедет повсюду. Дорога вдоль озера ему не досталась.

Не ждите от меня никаких сведений об озере, кроме одного: в нем водятся сельди того же вида, что и в океане. Я пообещал Муане отведать их, чтобы убедиться в этом. Что до Калино, то, будучи малороссом, он никогда не едал сельдей, и я не мог на него сослаться.

Наша дорога считалась лучшей, так что мы ясно могли себе представить, какова была та, по которой следовал Муане.

Впрочем, благодаря ей я познакомился с любопытной вещью, до сих пор мне совершенно неизвестной: дорога была проложена по трясине и состояла из сосновых стволов, уложенных в ряд и скрепленных друг с другом. Она имела футов тридцать в ширину.

Двигаясь по этому зыбкому настилу длиной с версту, сотрясавшемуся под копытами лошадей и колесами экипажа, я искренне пожалел о Муане; мне хотелось, чтобы он нарисовал эту своеобразную дорогу. По приезде в Елпатьево оказалось, что мое желание исполнено: первое, что показал мне Муане, был вид болота и моста, которые — готов поклясться — были наши. На самом деле, это было просто такое же болото и такой же мост. Нарышкин уверял, что в России множество

---

[1] Троице-Сергиева лавра — православный мужской ставропигиальный монастырь в Сергиевом Посаде Московской губ. Основан в 1337 г. прп. Сергием Радонежским. С 1688 г. патриаршая ставропигия; с 1742 г. лавра. В 1858 г. в лавре было 11 храмов.

[2] Муане Жан-Пьер (1819—1876), французский художник. Поездка в Россию вместе с Дюма принесла ему известность. Пейзажи, выполненные во время путешествия, экспонировались на парижских выставках. Благодаря зарисовкам Муане французская публика познакомилась с российской провинцией, с природой средней полосы и Поволжья.

[3] С. Елпатьево Переславского у. Ярославской губ. при р. Нерли.

[4] Из Сергиева Посада в Елпатьево вели две дороги: одна, по которой отправили Муане, — через Плещеево оз. и Переславль; другая, по которой ехали Д. П. Нарышкин, Женни Фалькон и Дюма, — через Меленковский у. Владимирской губ.

[5] Калино Александр Иванович (1835—1862), студент Московского университета (1854, 1857), сопровождавший Дюма в качестве переводчика.

таких болот и мостов, и мы напоминаем ему детей, которые, впервые попав на берег моря, набивают себе карманы галькой.

Дидье Деланж[6] предупредил, что нам предстоит взобраться на песчаную гору, по которой забыли проложить настил из сосен, и что это дело трудное.

Мы ежеминутно спрашивали Деланжа:

— Мы уже у песчаной горы?

— Нет, нет, — отвечал Деланж. — Когда вы окажетесь там, вы сразу увидите.

На второй перепряжке в карету впрягли восемь лошадей вместо четырех, и мы поняли, что приближаемся к malo sitio,[7] как говорят в Испании.

С нашей восьмеркой лошадей мы сначала мчались как ветер и выглядели как его величество император и самодержец всея Руси.

После получаса этой великолепной езды мы увидели небольшую желтую траншею, прорытую в холме и поднимавшуюся ввысь.

— Этот пригорок и есть то, что вы называете песчаной горой, Деланж? — спросил я.

— Он самый.

— Ничего себе! Я ожидал увидеть что-то вроде Монмартра или Чимборасо,[8] а оказывается, ради этой вот кучки песка вы распорядились впрячь в карету восьмерку лошадей?

— Да, ради нее, и дай Бог, чтобы не пришлось впрячь еще восемь!

Я тогда еще не видел в Сураме[9] шестидесяти двух волов, впряженных в карету английского посланника в Персии, поэтому счел шестнадцать лошадей чрезмерной роскошью для четырех человек.

— Ба! — сказал я Деланжу. — Будем надеяться, что обойдемся дюжиной.

— Пошел! Пошел! — крикнул кучеру Нарышкин.

Тот хлестнул лошадей, которые с удвоенной скоростью лихо помчались на склон горы. Но скоро они замедлили аллюр, с галопа перешли на рысь, потом пошли шагом и, наконец, совсем остановились.

— Ну? — спросил я.

— Ну вот то, что я говорил, — сказал Деланж.

---

[6] Деланж Дидье, француз, управляющий Д. П. Нарышкина, спутник Дюма в поездке.

[7] Плохое место (*исп.*).

[8] Монмартр — холм на севере Парижа (130 м); Чимборасо — потухший вулкан, самая высокая точка Эквадора (6267 м).

[9] Сурамский перевал на Лихском (Сурамском) горном хребте в Грузии (949 м).

Я высунулся из кареты; лошади стояли в песке по грудь, карета — по кузов.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Кажется, пора разгрузить карету.

И, открыв дверь, я спрыгнул на землю. Едва коснувшись песка, я испустил крик.

— Что случилось? — испуганно спросила Женни.[10]

— А то, — ответил я, цепляясь за подножку кареты, — что я исчезну в зыбучих песках, совсем как граф Эдгар де Равенсвуд,[11] если вы не подадите мне руку.

Три руки вместо одной потянулись ко мне; я уцепился за самую сильную, и мне удалось ступить на подножку.

— Ну как, — спросил Деланж, — что вы скажете о моей песчаной горке?

— Скажу, дорогой друг, что она более глубока, чем высока. Но дело не в этом; нужно выйти из кареты и выбраться на твердую почву.

— Как это? — спросила Женни, уже начавшая беспокоиться.

— О! — успокоил я ее. — Не бойтесь, мы будем следовать морскому закону — при кораблекрушении спасают прежде всего женщин.

— Прежде всего, я не выйду, — сказала Женни.

— Вот увидите, вы спуститесь и доберетесь до твердой почвы с легкостью трясогузки.

— Ничего лучшего и не надо, если вы гарантируете мне безопасность.

— Прежде всего встаньте, прелестная сильфида. Вставай, толстый лентяй!

Женни и Нарышкин встали.

— Вот у нас уже четыре подушки, еще две возьмем с ко́зел, итого шесть. Подавайте мне две подушки, Деланж. Так, превосходно.

Нарышкин глядел на меня, ничего не понимая.

Я взял подушку, положил ее на песок перпендикулярно подножке, вторую кинул подальше, третью еще дальше.

— А! Понимаю, — сказала Женни. — Дорогой друг, теперь меня не удивляет, что вы сочиняете романы. У вас бездна воображения.

Я обхватил руками три остальные подушки и, пользуясь первыми тремя, установил если не мост, то, по крайней мере, опоры моста, так что последняя почти касалась твердой почвы.

---

[10] Фалькон Женни Петровна, бывшая актриса Михайловского театра в Петербурге, жена Нарышкина.

[11] Граф Эдгар де Равенсвуд — герой романа В. Скотта «Ламмермурская невеста», который, намереваясь покончить с жизнью, мчится на лошади по зыбучим пескам.

— Пойдемте, — сказал я Женни.

Она перепрыгивала с подушки на подушку, как трясогузка скачет с камня на камень. Оказавшись на твердой почве, она испустила радостный крик.

— Ну вот, женщины спасены! Теперь займемся стариками: твоя очередь, Нарышкин.

— Старик, старик, — пробурчал он. — Я на два года моложе тебя.

— Это еще не значит, что ты не старик, не так ли, Женни?

Женни засмеялась, но не ответила.

Я последовал за Нарышкиным, Деланж за мной, подбирая за собой подушки.

— А что будем делать сейчас? — сказал Нарышкин. — Этот болван Деланж! Почему ты не выбрал другую дорогу?

— Во-первых, не ворчи, боярин, и присядь; тут три подушки для тебя одного, две для Женни и одна для меня. Как видишь, с тобой обходятся согласно твоему рангу.

— Со всеми этими проволочками мы не доберемся к обеду.

— Ну, значит, доберемся к ужину, это предусмотрено.

Потом, обратившись к Деланжу, я сказал:

— Деланж, дружище, вы говорили о дополнительных восьми лошадях, не так ли?

— О, я думаю, хватит и четырех.

— Ладно, пусть будет четыре, Деланж; но приведите двух мужиков, и пусть захватят доску.

— Слепо повинуюсь, — ответил Деланж.

— Хотел бы я знать, зачем тебе доска, — заметил Нарышкин.

— Это тебя не касается; я назначил себя капитаном тонущего корабля; спасательные работы — мое дело.

Деланж велел кучеру выпрячь одну из лошадей и так упорно тянул ее за повод, что наконец вытащил на твердую почву.

Как только лошадь стала на ноги, Деланж вскочил на нее и помчался во всю прыть.

— Да, кстати, — крикнул я ему вслед, — захватите веревки, покрепче и подлиннее.

Через десять минут Деланж вернулся с четырьмя лошадьми, двумя мужиками, веревками и доской.

— Ну вот, у тебя теперь всё, что требуется, — сказал мне Нарышкин, — надеюсь, ты вытащишь нас отсюда.

— Если только ты не пожелаешь выбраться сам.

— Нет, черт возьми, ты же сказал, что это твоя забота.

— Тогда молчать и слушать мою команду. Деланж, установите по доске переправу от нас к карете. Прекрасно! А теперь поставьте

ваших мужиков на доску, сами станьте на подножку и освободите карету от лишнего груза.

— Понятно, — сказал Деланж.

— Образуйте с мужиками цепочку.

Началась разгрузка экипажа. В мгновенье ока чемоданы и саквояжи оказались подле нас; всего набралось около двухсот килограммов, о которых уже можно было не беспокоиться.

— А теперь? — спросил Деланж.

— А теперь распрягите лошадей.

— Всех?

— Всех.

— Значит, ты собираешься сам тащить карету? — спросил Нарышкин.

— Может быть.

Он пожал плечами.

— Лошади распряжены, — доложил Деланж.

— Попробуйте вытащить их из песка.

Лошади, свободные от груза, выбрались, подстегиваемые ударами кнута; их вывели, как и нас, на твердую землю.

— А теперь внимание, Деланж.

— Слушаю.

— Привяжите к карете на всю длину веревки четверку свежих лошадей, а к ним восемь усталых.

— Право, — сказал Деланж, — право, господин Нарышкин, я думаю, все-таки дело пойдет.

— Черт возьми, — ответил я.

Четверку свежих лошадей впрягли в тяжелую карету на всю длину веревки, а к ним припрягли восемь усталых.

Двенадцать лошадей стояли на твердой почве. Они могли бы сдвинуть с места крупнокалиберную пушку. При первой же попытке они сдвинули карету.

— Ну, как? — спросил я Нарышкина.

— Хитро придумано! — ответил он.

— Сам знаю; это колумбово яйцо.

Потом я обратился к Деланжу:

— Теперь пусть ваши мужики снесут на руках на ту сторону горы чемоданы и ящики, а вы сами поднимайтесь на гору, но так, чтобы по крайней мере четыре лошади оставались у вас на твердой почве, а прочие пусть выкарабкиваются как могут.

— А мы, что же, пойдем пешком? — спросил Нарышкин.

— Неужели тебе трудно пройти пешком одну восьмую версты?

— Но мне кажется, когда есть экипаж, незачем идти пешком.

— О, мой друг! Какое заблуждение! Я никогда столько не ходил пешком, как тогда, когда у меня был экипаж!

Карета скатилась по ту сторону горы как на роликах. Багаж снова погрузили, и мы заняли свои места.

— Ну, а теперь, — сказал я Нарышкину, — дай этим славным людям четыре рубля.

— Ни копейки! Почему они не содержат свои дороги в лучшем состоянии?

— А почему в России в реках недостаточно воды, а на дорогах слишком много песка? Такая уж страна! Дай им четыре рубля, или я дам восемь, и тогда знатным барином буду я, а ты всё равно не станешь поэтом.

— Деланж, дайте им двенадцать рублей, и пусть катятся ко всем чертям!

— Деланж, дайте им двенадцать рублей и скажите, что князь благодарит их и желает им всяческих благ.

— Я не князь. Будь я князь, я велел бы избить их палками и не дал ничего.

— Вот первое разумное слово, которое ты произнес за целый день; пусть Женни поцелует тебя в награду за труд.

— Как мило! Значит, я должна расплачиваться за все издержки!

— Платите, платите, Женни; чем больше женщины платят этой монетой, тем больше им остается.

Не знаю, есть ли на свете человек, более ворчливый и одновременно более благородный, щедрый и великодушный, чем Нарышкин. Поверьте, старый русский боярин, цивилизованный француженкой, прекрасная вещь.

Наши два мужика и восемь лошадей отправились восвояси, а мы продолжали свой путь без всяких приключений.

Только вместо того чтобы прибыть в Елпатьево в шесть вечера, мы добрались туда в девять и вместо обеда сели за ужин.

Всё, что мы видели по дороге уже при лунном свете, выглядело очень красивым: мост, речка, довольно отвесная гора, где мы уже не застряли в песке, а чуть было не покатились кувырком вниз; наконец, аллеи старинного парка, по которым мы четверть часа ехали до господского дома. У дверей нас ждали Кутайсов, Кармушка и Семен, да еще с дюжину мужиков, желавших знать, как себя чувствует барин.

Барин чувствовал себя отлично, но умирал от голода, поэтому он довольно неприветливо принял знаки почтения со стороны своих смиренных подданных.

Но Женни шла за ним, и, я думаю, войдя к себе в дом, они вряд ли пожалели о потерянном дне.

После ужина, который делал честь Кутайсову, мы пошли взглянуть на свои комнаты.

Кутайсов оказался на высоте, но Деланж превзошел самого себя.

В ста пятидесяти верстах от Москвы, в затерянном краю на берегу Волги, в доме, двадцать лет стоявшем нежилым, мы неожиданно застали не только всё, что требуется для комфорта, но и настоящую роскошь. У себя в комнате в Елпатьеве я обнаружил все свои туалетные принадлежности из Петровского парка, от зубной щетки до тульского стакана и ложечки.

Пока мы завтракали в Петровском парке, Деланж по приказанию Женни всё это упаковал и уложил в карету.

Добавлю, что, когда я уезжал из Елпатьева, всё было упаковано так же, как и при отъезде из Петровского парка. Так что сегодня, 10 июля 1861 года, сидя за этими строками на другом конце Европы, на террасе палаццо Кьята-моне, я пью воду со льдом, слегка подкрашенную неаполитанским самбуко, из того самого стакана, из которого я пил московский мед в Петровском парке и в Елпатьеве.

На другой день на восходе солнца мы с Женни пробежались по парку и спустили со сворки на лужайке двадцать две борзых, о существовании которых Нарышкин и не подозревал.

В одиннадцать часов нас ожидала охотничья линейка; только в России я видел подобного рода экипажи, чрезвычайно удобные. Это длинная повозка с очень низкими скамейками, на которых сидят спиной к бортам, как на империале наших омнибусов, четыре, шесть или даже восемь человек, в зависимости от длины экипажа, ширина же всегда одинаковая, сколько бы ни было охотников. Он может проехать по любой дороге и благодаря небольшой высоте никогда не опрокидывается.

В ту минуту, когда мы должны были тронуться в путь, на пороге дома показался миниатюрный охотник, на которого мы не рассчитывали. Это была Женни, которая, никого не предупредив, заказала себе в Москве охотничий костюм наподобие наших и, с ружьем за плечами, явилась требовать своей доли в наших забавах.

Нам нужно было проехать около версты. Охота началась при выезде из парка, и дичь, не потревоженная никем, кроме Семена, не пугалась нас.

Впрочем, этот уголок России, суровый к своим детям, не был обласкан природой и наделен особым плодородием. Я уже говорил, как мало здесь птиц, известно, что и плотность населения реже, чем в любой другой стране, за вычетом необитаемых широт. Этот всеобщий закон заброшенности распространяется и на дичь: ее здесь встречается значительно меньше, чем должно было быть. Правда, этот недостаток возмещается обилием волков: их здесь тысячи; и даже над Москвой

трудно поднять глаза к небу, не увидев парящего в воздухе коршуна, сокола или ястреба.

Правда и то, что волк охотится не только за козлятами и зайцами, но и за другой добычей; с наступлением зимы, когда выпадает снег, приходит голод, и волк охотится за охотником. Несколько лет назад зима была такой лютой, что, следуя поговорке «Голод гонит волка вон из леса», волки вышли из лесов и, подойдя вплотную к деревням, нападали не только на скотину, но и на жителей.

Перед лицом такого нашествия правительство приняло решительные меры. Устроили облавы, и за каждый предъявленный волчий хвост выплачивалась награда в пять рублей.

Было предъявлено сто тысяч волчьих хвостов, за них уплачено пятьсот тысяч рублей, то есть два с половиной миллиона франков.

Потом стали выяснять, наводить справки, произвели расследование и обнаружили в Москве фабрику по производству волчьих хвостов.

Из одной волчьей шкуры стоимостью в десять франков выделывали от пятнадцати до двадцати хвостов, которые приносили триста пятьдесят — четыреста тысяч: как видим, сколько бы ни стоила сама выделка, доход составлял три с половиной тысячи на сотню.

Тем временем у нас были все условия для удачной охоты. Сотня крестьян загоняла нам дичь, а охотников было двое — Нарышкин и я.

Правда, зайцы, попадавшиеся мне навстречу, поначалу не внушали мне особого желания стрелять; одни были совсем белые, другие на три четверти белые. Это смахивало на охоту на ангорских кошек.

К великой радости Нарышкина, я промахнулся на первых трех-четырех выстрелах, этот цвет меня мало вдохновлял. Бедные животные уже начали менять его к зиме.

Русские зайцы относятся к иной разновидности, чем наши, их мех скорее напоминает серых кроликов, нежели рыжих зайцев, зимой, как известно, он меняет свой цвет и становится белым как снег.

Это защита от врагов, которой снабдила их заботливая природа.

Мы охотились четыре или пять часов и убили около двух десятков.

Огромное имение Нарышкина, шестьдесят или восемьдесят тысяч десятин земли, возделано едва на четверть; везде нехватка рабочих рук, повсюду человек не в силах справиться с землей, а земля между тем хороша и всюду, где только всходят посевы, урожай прекрасный.

У Нарышкина есть еще одно имение под Казанью, на берегу Волги. Оно больше елпатьевского — около ста тысяч десятин.

Итак, восемьдесят тысяч десятин невозделанной земли, производящей только сено. А сколько платят за сено? Две копейки за дюжину вязанок, меньше двух су!

Россия может прокормить в шестьдесят или восемьдесят раз больше людей, чем ее населяют. Но Россия останется ненаселенной и не-

пригодной к обитанию до тех пор, пока будет существовать закон, запрещающий иностранцам владеть землей.

Что касается закона об отмене рабства, который должен удвоить если не число работников, то хотя бы объем производимой работы, то понадобится, по крайней мере, пятьдесят лет, прежде чем почувствуются первые его плоды!

За восемь дней, проведенных в Елпатьеве, мы охотились трижды.

В двух последних охотах участвовали Муане и Калино. Всякий раз мы проезжали много верст по невозделанной степи; на трех четвертях ее не растут даже травы, только никому не нужный вереск.

Я посоветовал Нарышкину превратить эти земли хотя бы в пастбища.

— Ладно! — сказал он. — Чтобы говорили Порций Нарышкин, как говорят Порций Катон.[12]

Вниз по Волге

Как бы судорожно я ни цеплялся за время, чтобы удержать его бег, к великому моему отчаянию, оно неумолимо двигалось, часы летели, за ними следом дни, за днями недели. Прошло уже больше месяца, как я приехал в Москву. Я думал пробыть там всего лишь пятнадцать дней, а пробыл месяц. В Елпатьеве я рассчитывал провести три-четыре дня, а провел восемь.

Нижегородская ярмарка, открывшаяся 15 августа, должна была продлиться только до 25 сентября. Пришлось расстаться с этими добрыми и дорогими друзьями, с которыми я охотно прожил бы всю жизнь.

Было решено, что я отправлюсь в путь вечером 13-го. Хотя небо было великолепным, хотя комета пышно распустила свой огненный хвост, затмевая звезды, холод уже начал давать о себе знать; и можно было опасаться, как бы Волга не замерзла, прежде чем я завершу свое плавание.

Пропустить пароход, прибывавший в Калязин в воскресенье утром и совершавший рейс от Твери до Нижнего, значило опоздать на восемь дней, а они могли жестоко сказаться в конце нашего путешествия. К тому же нас почти всюду ожидали: в Москве один молодой офицер, отвечавший за расквартирование армии, вручил мне бумагу, согласно которой мне должны были отвести в Казани полковничью квартиру.

---

[12] Марк Порций Катон (234—149 до н. э.), государственный деятель республиканского Рима из рода Порциев, родоначальник которого, вероятно, разводил свиней (porcus).

Там же, в Москве, богатый астраханский купец, господин Сапожников, заранее дал знать своему управляющему, чтобы он предоставил в мое распоряжение его дом, лучший в городе.

И опять же в Москве очаровательная графиня Ростопчина[13] написала, как я уже, кажется, упоминал, князю Барятинскому,[14] чтобы предупредить его о моем приезде на Кавказ.

Затем, уже в Елпатьеве, нас навестило множество гостей, и в их числе полковой хирург калязинского гарнизона,[15] который взял с нас слово не садиться на пароход, не предупредив его.

Два других гостя написали, каждый сам по себе, один господину Грассу в Нижний Новгород, чтобы обеспечить нам квартиру; другой — калмыцкому князю, в чьи степи я собирался съездить.

Словом, задерживаться долее было уже никак нельзя, и, должен сказать, помешать нашему отъезду могла только невозможность выехать…

За два дня до отъезда Дидье Деланж куда-то исчез; в тот самый вечер, когда мы должны расстаться, он вернулся с великолепной шубой Нарышкина.

Садясь в экипаж, я обнаружил эту шубу на дне дрожек; я хотел, в свою очередь, рассердиться.

— Брось! — сказал Нарышкин.— Как ты себе представляешь — неужели я отпущу тебя на Кавказ в мужицком тулупе? Если бы узнали, что ты жил у меня, я был бы обесчещен.

Что мне оставалось? Принять шубу. Что я и сделал.

В России в 1858 году эта великолепная шуба мало мне пригодилась; зато пришлась очень кстати в Италии в 1859 году.

Деланжу было поручено сопровождать нас до Калязина. Отпуская со мной Деланжа, Нарышкин жертвовал гораздо большим, чем шубой. Два дня, потраченных Деланжем на поездку в Москву и обратно, день на проводы в Калязин и возвращение в Елпатьево — это был отпуск, какого Деланж не получал за все пятнадцать лет службы. Но я в течение шести недель так жестоко обращался с моим милым боярином, что он безусловно был у меня в долгу за все мои труды по его перевоспитанию.

---

[13] Ростопчина Евдокия Петровна (урожд. Сушкова, 1811/1812—1858), писательница.

[14] Барятинский Александр Иванович (1815—1879), генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, член Государственного совета.

[15] В Калязине квартировал Егерский полк его высочества Михаила Павловича.

Минуты расставания были грустными; путешествие к калмыкам, татарам и на Кавказ не так уж безопасно; кто знает, свидимся ли? Мы разошлись только в два часа пополуночи. Никогда я не видел более прекрасной ночи, даже на берегах Сицилии; комета, всё более яркая по мере приближения к полюсу, сверкала, прочерчивая по небу перламутрово-серебристый след; небо было глубоким и казалось бесконечным.

Кармушка понял, что, если он не возьмет всё на себя, мы никогда не уедем. Он хлестнул своих двух лошадей кнутом, и легкий экипаж рванул с места, увлекаемый двойным галопом.

На горизонте полыхал огромный пожар; несомненно, это был один из тех пожаров, уничтожающих целые леса, о которых мы уже говорили.

Проделав за два часа езды шесть или семь французских лье, мы остановились, чтобы дать лошадям передохнуть, в селе Троица-Нерль.[16] Это свободная деревня.

Каким образом Троица-Нерль оказалась свободной? Выкупила ли свою свободу у правительства или у помещика? Сослужила ли какую-нибудь службу, за что получила вольную бесплатно? Не знаю. Ни на один из этих вопросов хозяин трактира, куда я зашел, не мог дать ответа.

Он знал, что село вольное, вот и всё; как оно стало таковым, ему было неизвестно. Но одно бесспорно: Троица-Нерль, судя по внешнему виду, — это совсем другая деревня, нежели любая крепостная, какую я когда-либо видел: чище, богаче, счастливее. В особенности же прелестен был маленький трактир с его кухней, выложенной изразцами. Когда я говорю — кухня, то подразумевается всё понемногу: кухня, столовая, гостиная и спальня.

На худой конец она могла бы стать и танцевальной залой, ибо ее украшала гигантская шарманка.

Само собой разумеется, хозяин дома не преминул обратить наше внимание на этот шедевр. Пока мы сидели за стопкой его водки, он продемонстрировал нам целый репертуар русских мелодий.

---

[16] С. Нерль (Троица-Нерль) Калязинского у., в 25 км к югу от Калязина на р. Нерли при впадении в нее р. Вьюлки. Впервые упоминается в 1238 г. в связи с разорением этих мест ханом Батыем. До XVII в. здесь были Троицкий монастырь и Троица-Нерльская торговая слобода. В 1609 г. монастырь сожгли поляки, возобновленная слобода стала государственным селом с церковью Св. Троицы (конец XVIII в., архитектор М. Ф. Казаков). В 1858 г. в с. Нерль 75 дворов, 540 жителей, площадь с торговыми рядами, лавками купцов; в селе шла крупная торговля: еженедельно базары, в Троицу — ярмарка.

Город Калязин. Рисунок. 1893

А потом, внезапно распознав нашу национальность и, очевидно, желая преподнести нам сюрприз, он сменил валик и перешел на французский репертуар.

Мы хотели засвидетельствовать наше удовлетворение музыкой, заплатив ему вдвое за водку, он же, напротив, утверждал, что мы его гости и потому он не возьмет ни копейки ни за водку, ни за музыку. Я положил свой рубль обратно в карман, заменив его крепким рукопожатием.

Одна вещь меня чрезвычайно порадовала, когда я вошел в избу этого славного человека: вместо душной, зловонной, нездоровой жары, в которую погружается путешественник, шагнувший прямо со свежего воздуха в эту своеобразную печь — жилище русского крестьянина, мы почувствовали, что нас мягко обволакивает приятное тепло.

Во время моей поездки в Бородино, где, несмотря на август, ночи были холодные, я дважды пытался войти в эти избы, и оба раза меня отталкивали зловоние и жара.

В пять часов мы вновь пустились в путь и в семь прибыли в Калязин. Пароход приходил в полдень.

Похоже, что Калязин не является вольным городом, ибо я не видел ничего грязнее того трактира, где нам пришлось менять лошадей. Мы сделали попытку устроиться на некоем подобии антресолей, откуда нам пришлось выдворить добрый десяток ворон. Но через несколько минут ужасающий зуд в ногах вынудил нас пойти поискать другой ночлег.

Я остановился на мгновение у какого-то грязного двора, чтобы поглядеть, как дюжина русских девушек готовят квашеную капусту, напевая заунывную песню. Таких мелодий в России много, и они очень хорошо передают ту безмолвную меланхолию, о которой я говорил и которая сопутствует русскому среди его развлечений.

Впрочем, я торопился увидеть Волгу. В каждой стране есть своя национальная река: в Северной Америке — Миссисипи, в Южной Америке — Амазонка, в Индии — Ганг, в Китае — Желтая река, в Сибири — Амур, во Франции — Сена, в Италии — По, в Германии — Рейн.

В России это Волга, то есть самая большая река Европы. Она берет начало в Тверской губернии и, проделав путь в семьсот пятьдесят лье и образовав семьдесят восемь извивов, впадает в Каспийское море. Итак, Волга — это нечто величественное. И я поторопился поклониться ее величеству Волге.

К реке спускался своеобразный овраг, прорытый в городе потоками ливней, устремлявшихся в лоно своей госпожи и повелительницы; такие ливни частенько выпадают в России.

Издалека мы увидели высокий берег, под которым текла река, но самой реки не было видно.

И только подойдя вплотную к обрыву, мы увидели ее, стиснутую в глубине и шириной не больше наших малых рек — Орны или Ионны.

Весной во время таяния снегов она поднимается на двадцать футов и нередко выходит из берегов; но сейчас была осень, и Волга вернулась к самому скромному своему состоянию.

Возвратившись с этой экскурсии несколько разочарованными, мы встретили нашего хирурга. Деланж, человек слова, предупредил его о нашем приезде, и он примчался предложить нам позавтракать у него.

Мы с радостью приняли приглашение, тем более что благодаря нашей охоте и искусству Кутайсова, превратившего зайцев, тетеревов и куропаток в паштеты, были в состоянии внести свою лепту в припасы, а благодаря винному погребу Нарышкина, чьи образцы перекочевали в наши ящики, внести и свою долю напитков.

Такое богатство в сочетании с его собственными яствами придало нашему хирургу смелость, и он попросил у нас разрешения пригласить кое-кого из своих товарищей.

Понятное дело, разрешение было дано.

Но, по-видимому, весь офицерский состав был в числе его товарищей; ибо через час все, кто носил эполеты или погоны, от подпоручика до подполковника, заполнили его обширную гостиную.

Каждый принес то, что сумел раздобыть, так что по количеству вина наш пир достиг уровня свадьбы в Кане Галилейской,[17] а по числу блюд — свадьбы Камачо.[18]

Это еще не всё: в свой черед явились заранее предупрежденные музыканты, и внезапно под окнами раздались громогласные звуки фанфар. Празднество было полным. Мы как раз сидели за кофе, когда ровно в полдень пришли сообщить нам, что пароход причалил и ожидает нас. Господа пароходы не любят долго ждать, поэтому мы поспешили осушить бокалы и спустились рука об руку, как старые и добрые друзья.

Музыканты, которые, как вы понимаете, не были нами обижены и получили изрядную долю от наших щедрот, увидев, что мы направляемся к пароходу, рассудили, что им лучше всего последовать за нами. И они действительно пошли вслед, наигрывая самые веселые свои мелодии.

Население Калязина, никогда не видывавшее подобных празднеств, повалило за музыкантами.

Мы подошли к пароходу, к величайшему изумлению пассажиров, недоумевавших, кто же эти путешественники, в честь которых кричат *ура!* и вовсю трубят в трубы.

Но их изумление возросло вдвое, когда они увидели офицеров, поднимающихся по трапу на пароход. Музыканты, продолжая музицировать, последовали за ними. А самый веселый из этой компании крикнул мажордому:[19]

— Гарсон, всё шампанское, какое есть, — на борт!

Капитан решил, что настало время вмешаться.

— Господа, — смиренно обратился он к офицерам, — имею честь заметить, что мы отчаливаем через пять минут, и если только вы не хотите плыть с нами в Углич…

— А ведь действительно, — сказал я, смеясь, — почему бы вам не доехать до Углича?

— Да, да! Едем в Углич! — вскричали самые решительные из всей компании.

---

[17] Чудо, совершенное Иисусом Христом во время брачного пира в городе Кане, — претворение воды в вино (Ин 2: 1—11).

[18] «Свадьба Камачо» (1825) — комическая опера Ф. Мендельсона по роману Сервантеса «Дон Кихот» (либретто Ф. Фойгта). Камачо, невеста которого уходит от него во время свадебного пира, не прекращает веселья. *Свадьба Камачо* означает бесполезное дело, на которое затрачены большие деньги.

[19] Мажордом — здесь: старший лакей, управляющий рестораном.

— Господа, — сказал подполковник, — обращаю ваше внимание на то, что без разрешения полковника вы не можете отважиться на подобную шалость.

— Ну что же, пошлем к полковнику депутацию, — закричали офицеры.

— Это было бы чудесно; но полковника нет в Калязине.

— Тогда, за отсутствием полковника, дайте вы нам разрешение.

— Это выходит за пределы моих полномочий, господа.

— О! Командир! Командир! — воскликнули они в один голос умоляющим тоном.

— Невозможно, господа; я не могу вам дать разрешение.

— Командир! — произнес я, в свою очередь.

— Но, — продолжал командир, — я могу дезертировать, как вы, и подвергнуться тому же наказанию, что и вы, отправившись проводить господина Дюма до Углича.

— Ура командиру! Да здравствует командир! В Углич! В Углич!

— И с музыкантами? — спросил я.

— А почему бы и нет? — решили офицеры. — Эй, музыканты, едем!

— Ах, черт возьми! — вскричал Деланж, подбрасывая в воздух шляпу. — Пусть боярин говорит что хочет, я тоже еду в Углич.

— Сколько у тебя бутылок шампанского, мажордом?

— Сто двадцать, ваше благородие.

— Что поделаешь! Это немного, но как-нибудь обойдемся. Давай сюда свои сто двадцать бутылок.

— В таком случае, господа, можно отчаливать? — спросил капитан.

— Когда пожелаете, друг мой.

И мы отчалили под звуки труб и хлопанье взлетающих пробок шампанского. Каждый из этих милых безумцев рисковал пятнадцатью днями гауптвахты ради того, чтобы провести со мной лишние четыре или пять часов.

Нужно видеть, как русские пьют шампанское, грузины — кахетинское, а флорентийцы — воду Тетуччо, чтобы измерить возможности некоторых привилегированных желудков.

Я воспользовался первым же удобным предлогом, чтобы покинуть их ряды и перейти от деятельного состояния к покою.

М. И. Семевский

[1860, 1861, 1888]

Семевский Михаил Иванович (4.01.1837–9.03.1892), историк, журналист, общественный деятель, член Археографической комиссии, почетный член Археологического института. Окончил Константиновский кадетский корпус (1855), служил на военной (до 1861) и государственной (до 1882) службе, участвовал в Петербургском городском самоуправлении (с 1877). С 1856 г. печатал статьи по русской истории, издавал журнал «Русская старина» (1870–1892). Путешествовал по России с научными целями, знакомился с учеными архивными комиссиями, несколько раз посетил Тверскую губернию. В 1860 г. по пути в Нижний Новгород осмотрел Желтиков монастырь и гимназию. Путешествие 1861 г. от Твери до Астрахани связано с педагогическими интересами Семевского: в 1861–1862 гг. он преподавал в Смольном институте благородных девиц. Экспедиции 1863 и 1869 гг. посвящены исследованию культуры Торопца в историко-этнографическом отношении; в приложении к путевому очерку 1863 г. Семевский приводит записанные им торопецкие обрядовые и исторические песни и словарь местных торговцев-ходебщиков (Семевский М. И. 1) Торопец // Библиотека для чтения. 1863. Т. 12. С. 1–40; 2) Торопец // Записки Имп. РГО. 1864. Кн. 1. С. 9–50; 3) Торопец, уездный город Псковской губернии. 1016–1864: очерк. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1864; 4) Торопец: историко-этнографический очерк. 1016–1869 // Всемирная иллюстрация. 1870. № 57. С. 95–96; № 58. С. 106; № 59. С. 126–127). Путешествие 1888 г. связано с историко-археологическими изысканиями: особое внимание в нем уделено Тверскому музею и деятельности Тверской ученой архивной комиссии. Текст печатается по изд.: Семевский М. И. 1) Прогулка в Нижний Новгород // Русский вестник. 1860. Т. 28. Современная летопись. С. 16–23; 2) От Твери до Астрахани: волжские заметки // Отечественные записки. 1861. Т. 139. С. 421–439; 3) Путевые очерки, заметки и наброски. Поездка по России в 1888 г. // Русская старина. 1888. Т. 59. С. 421–448. В оформлении использованы рисунки В. П. Павлова из путешествия И. Ф. Тюменева (1893) и прорись иконы «Преподобные Ефрем и Аркадий, новоторжские чудотворцы» из книги А. К. Жизневского «Описание Тверского музея» (1888).

1860
Тверь, 27 июня 1860 г.

Я только что вернулся из загородной поездки, был в Жёлтиковском монастыре;[1] видел темницу царевича Алексея,[2] толстые стены ее, надежные решетки, узкий вход, изразцовые старинные печи и проч. И эта поездка, и этот осмотр произвели на меня сильное впечатление; под влиянием его берусь за перо с целью передать и виденное, и слышанное.

Дорога в монастырь идет лугом, мимо фабрик и заводов, наконец пролегает через прекрасную рощу громадных сосен. Роща эта историческая: в ней заключен был мир между московскими и тверскими великими князьями.[3]

— Да ведь и какая была роща, — заметил между прочим извозчик, — такая роща, что теперь и звания того нет! вишь редень какая, везде сквозит небо-то, и мудрено ль дело? Есть запрет: отнюдь, мол, не рубить, да сунут штоф водки, вот те и вали дерево... Как под вечер иной едешь, так справа да слева так и постукивают топоры...

---

[1] Тверской Успенский Жёлтиков мужской монастырь (Тверь, с. Борихино) основан в 1394 г. тверским архиепископом Арсением в местечке Жёлтиково на правом берегу р. Тьмаки в 5 в. от Твери. Соборный монастырский храм Успения (1404); мощи свт. Арсения в серебряной вызолоченной раке, иконы Нерукотворного образа Спасителя и свт. Арсения. Монастырский храм во имя прп. Антония и Феодосия (1394); икона Успения Божией Матери, келейная святителя, резная икона Страдания Спасителя. В монастыре хранились омофор свт. Арсения, крест, найденный в гробе его, посох и каменный гроб, сделанный самим Арсением для своего погребения. В 1709 г. на средства Петра I в связи с обетом по случаю болезни царевича Алексея в обители возвели церковь прп. Алексия, человека Божия. Храм соединялся с жилыми покоями, построенными на случай приездов царевича Алексея Петровича в виде небольшого квадратного двухэтажного старинного терема с выпуклыми карнизами и колонками у верхних окон. Эти палаты называли «чертоги Алексея» и считали местом заточения опального царевича. Изначально в монастыре погребали тверских епископов, с конца XVIII в. стали хоронить уважаемых и известных граждан Твери и губернии (например, там похоронен Ф. Н. Глинка). В 1928—1929 гг. монастырь закрыли, часть построек разобрали на кирпич. Сохранилось несколько строений, в том числе плотина монастырской мельницы. См.: Описание второклассного Тверского Успенского Желтикова монастыря. Тверь: тип.-лит. Н. М. Родионова, 1908; см. также путешествие А. М. Петропавловского (*Тверь 2*, с. 315—318).

[2] Царевич Алексей Романов (28.02.1690—7.07.1718), сын Петра I, великий князь.

[3] Исторические предания связывают Жёлтиковскую рощу с событиями примирения после долгой вражды тверских удельных князей с московским князем Василием Дмитриевичем (30.12.1371—27.02.1425) в конце XIV в.

Желтиков монастырь в Твери. Рисунок. 1893

При выезде из рощи показался монастырь... Небольшие церкви его обнесены толстою и высокою стеной, у подошвы протекает речка Тьмака,[4] кругом зеленеют луга да чащи кустарников; место живописное. Мой спутник Р. Н. Н-н,[5] человек весьма образованный, пользующийся дружеским расположением настоятеля монастыря, повел меня в его келью, несмотря на поздний вечер, и представил отцу Платону.[6] Семидесятилетний старец встретил нас в длинной и мрачной зале: по стенам висели большие портреты тверских архипастырей, в углах образá, из коих некоторые принадлежат кисти весьма хороших художников; на одном из столов соседней комнаты, между множеством священных книг, подле портрета сына отца Платона стоял портрет

[4] Р. Тьмака, правый приток Волги; исток — болото близ д. Бакланово Старицкого р-на. Протекает по заболоченной низине вдоль западных склонов Тверской моренной гряды по территории Старицкого и Калининского р-нов, Пролетарского и Центрального р-нов Твери. Устье находится в Твери. Длина 73 км.

[5] Никулин Роман Николаевич (1815—1895), коллежский советник, учитель истории Тверской мужской губернской гимназии, позже инспектор Тверской мужской гимназии, знаток тверской старины (ТвГВ. 1895. № 29, ч. неофиц. С. 1—3).

[6] Платон (Петр Гаврилович Казанский; 1772—9.01.1865, Желтиков монастырь), архимандрит, настоятель Новоторжского Борисоглебского монастыря (1837), Тверского Отроча монастыря (1840), Тверского Желтикова монастыря (1848).

Н. И. Новикова[7]... Я изумился и обрадовался, неожиданно встретив в станах уединенной обители такое почтение к памяти великого человека.

— Человека этого искренно и глубоко я уважаю, — говорил отец Платон, очаровавший меня и приемом, и беседою, — человек этот был истинный поборник христианства, подвижник евангельских истин, он понимал дух религии и в самый разрушительный для нее век своими сочинениями, своею неутомимою деятельностью многих и многих спас от падения, многих просветил и наставил на путь истины и добра! Не могу не вспомнить следующего предания, слышанного мною от весьма близких лиц к Новикову. Незадолго до ареста он мирно проживал в своем Авдотьине. Он предчувствовал наступающие для него бедствия. Однажды слышится ему голос: «Готов ли ты, готов ли, раб Николай?» Новиков оглядывается на все стороны, не может понять, откуда слышится ему вопрос; но вот вновь раздается голос: «Готов ли ты?» И после третьего вопроса Новиков с теплою молитвой ответил: «Готов, Господи!» В это время взбежал кто-то: «Николай Иванович, гости, кажется, из Москвы едут?» — «Я знаю, что́ это за гости, и готов их принять». Действительно, гостями оказались жандармы, и Новиков был арестован.

— Слышал я, — говорил отец Платон, — и другое предание: к заключенному явился в Шлиссельбурге адъютант с вопросом от государя, не нужно ли ему чего. «А вы передадите то, что́ я вам скажу?» — спросил посланного Новиков. Тот обещал это сделать. «Так слушайте ж: я не имею ни в чем нужды, но спрашиваю монархиню: как могла та рука, которая начертала бессмертные слова: „лучше простить десять виновных, нежели наказать одного невиновного“,[8] — по ложным изветам утвердить приговор неправедный, обрекший меня на страдания?» Посланный отказался передать вопрос.

— Мы находимся на заре возникающей, на заре Христова царствования, — говорил достопочтенный старец Платон, — это царствование близко: в нем не будет злых, будут добрые люди, будут единственно подвижники добра, будут любить ближнего, как самого себя, рассеются предрассудки, суеверия, поймется дух учения Божественного Спасителя!.. Все политические события, все перевороты так или иначе, положительно или отрицательно, но способствуют тому, торопят наступление сего времени...

---

[7] Новиков Николай Иванович (27.04.1744—31.07.1818), журналист, издатель, общественный деятель, масон. Узник Шлиссельбургской крепости (1792—1796).

[8] Афоризм приписывается Екатерине II.

Я с любопытством слушал немного мистическую беседу старца, достойно чтимого за его ум, многостороннее образование и безупречную жизнь. Дивился в нем многому такому, что крайне отрадно видеть в нашем монахе... Очень и очень хотелось бы нам поделиться беседой отца Платона, но мы не имеем такого права, да притом и боимся оскорбить его скромность... Скажу одно, что, увлеченный разговором, я забыл про главную причину своей поездки. Р. Н. Н-н напомнил о ней, указав в окно на разноцветную старинную стену Алексеевского терема. Дождь бил в окна, небо заволокло тучами, и только изредка из-за них выглядывала луна и фантастическим светом обливала и обитель, и окна темницы.

Отец Платон повел нас сам, вопреки убедительной просьбе не рисковать здоровьем: впереди шел мальчик-служка с фонарем в руках. Мы вышли на монастырский двор, покрытый могильными памятниками и усаженный толстыми, коротко и красиво обстриженными елками. Этим деревьям более ста лет, рассказал настоятель, самые давние старожилы видели и слышали о них от отцов, что деревья эти всегда были такие, так как постриг мешал им более разрастаться. Самый монастырь основан Арсением, епископом Тверским, в 1394 году, при великом князе Михаиле Александровиче.[9] Дальнейшую историю монастыря можно найти в особо изданной книге.[10] В первых годах восемнадцатого столетия болезнь царевича Алексея побудила его отца, по обету, построить в Желтикове каменную церковь во имя Алексея Божьего человека.[11] Церковь была выстроена. Тогда же или в другое время выстроено *жилье* для Алексея — это неизвестно.

---

[9] Арсений († 2.03.1409, Желтиков монастырь), свт. (память 2 марта и в 1-ю неделю после 29 июня — празднование перенесения мощей Арсения и в Соборе Тверских святых), епископ Тверской (1390), основатель Желтикова Успенского монастыря. Михаил Александрович (в иночестве Матвей; 1333—26.08.1399, Тверь), князь микулинский и тверской (1368—1382), великий князь тверской (1382—1399), один из младших сыновей Александра Михайловича Тверского.

[10] Она напечатана архимандритом Платоном в 1852 году: Историческое и статистическое описание Тверского Успенского Желтикова монастыря. Тверь. 8 д. 64 с. В этой обстоятельной брошюре при подробном рассказе о жизни основателя монастыря, описи вкладов и рукописей духовного содержания XIV, XV и других веков сделана весьма незначительная заметка о тереме Алексея. — *Прим. Семевского.*

Историческое и статистическое описание Тверского Успенского Желтикова монастыря с присовокуплением Жития святого основателя оного, святителя Арсения, епископа Тверского, составленное настоятелем Желтикова монастыря архимандритом Платоном. Тверь: тип Губ. правл., 1852.

[11] История российских иерархов. М., 1812. Ч. IV. С. 106. Письма Алексея. Издание 1849. Примечание 1. № 4. Кроме вышеназванного сочинения архимандрита Платона, нам известно: «Собрание слов и бесед», изданное им

Жилье состоит из двух этажей. Нижний с маленькими подвальными окнами заключал в себе кухню и службы. Подле стояла, как помнят еще старики, гауптвахта для караула. Стены дома раскрашены наподобие шахматной доски. Узкая лесенка, ведшая во второй этаж, лет тридцать назад заменена широкою, светлою лестницей; она ведет в большую комнату, род *паперти* домашней церкви во имя св. Алексия. С этой площадки, паперти, или комнаты, окна выходят в наружную сторону монастыря. Из небольшого коридора в толстой стене проделан низенький ход; дверь деревянная, петровского времени, очень прочная; на ней еще видны следы каких-то рисунков, которыми разукрашена она была в свое время; сохранились железные скобки — того же времени. Первая комната, в которую мы вошли, видимо, заменяла переднюю; она без окон, очень невелика, с правой стороны большая печь, старинная, с зелеными изразцами; прямо дверь с прежними рисунками; она ведет в зал. Правая стена имела дверь — ныне замурованную, это был вход в церковь; как кажется, в этой же стене сделано было окно на церковную паперть; окно, разумеется, с решетками. Подобные два окна с крепкими, затейливо сделанными решетками находятся на западной стене комнаты и выходят внутрь двора монастырского.

Из зала другой ход с старинною дверью, на которой, кроме следов рисунка и скобок, сохранился еще лоскуток красного сукна, ведет в соседний, подобный первому, небольшой зал. На западной стене четыре, на боковой два окна с решетками. Наконец, третья и последняя комната в одно окно была, как видно по всему, спальнею царевича. Здесь находится лежанка позднейшей работы вместо бывшей здесь современной лежанки, и отсюда же сделан выход в коридор; но этот ход, по всем признакам и по словам отца Платона, сделан уже после Петра. Стены во всех комнатах чисто выбелены, разумеется, уже в позднейшее время, причем и перебеливались не раз, но внизу их до окон, в предохранение от сырости, по тогдашнему обыкновению, стены остаются обтянутыми деревянною панелью, на которой видны следы красок, может быть рисунков; пол обыкновенный, деревянный. Жилье это не всегда оставалось пусто, как пусто оно теперь. Здесь временно жил настоятель, жили певчие — и таким образом старинная мебель постепенно уничтожилась и от времени, и от употребления. Впрочем, мне говорили, что еще сохранилось будто бы кресло да из вещей одна чернильница.

в 1839 году. Тверь. 8 д. С. 394. Все они написаны языком простым, общепонятным и оставляют за собой громады речей наших духовных риторов. Впрочем, чего-нибудь особенного в издании архимандрита Платона ждать нечего; но стоит обратить внимание на *два* цензорские разрешения. — *Прим. Семевского.*

Когда жил в этих покоях Алексей, жил ли он здесь подолгу, было ли это место его временных остановок при проездах в Москву — вот вопросы, невольно возникшие при осмотре жилья. Но на наши вопросы мы не нашли вполне определенных и точных ответов. В монастырских бумагах, по свидетельству отца Платона, не сохранилось никаких о том известий. Р. Н. Н-н, как сам сообщил нам, несколько лет тому назад слышал от одного из монахов здешней обители (ныне умершего), что была рукопись, в ней же рассказывалось о пребывании царевича в монастыре; рукопись была интересна, да проезжий путешественник с ученою целью выпросил у него тетрадь и увез ее в Петербург; что же касается до местных преданий, то в них именно сохранилось сказание, что покои эти служили *тюрьмою* для царевича; мало того, одно из подобных устных сказаний передает следующий эпизод: Петр приехал однажды к сыну, запер за собой дверь и долго объяснялся с заключенным. Наконец монарх вышел в величайшем гневе; вошедшие в покои увидели наследника престола поверженным на землю. Он лежал без чувств, из носа и ушей его текла кровь.[12]

Кто знает отношения Петра к его первенцу-сыну, характер государя, его пристрастие к собственноручной расправе, наконец, кому из множества исторических рассказов известна сила руки великого преобразователя, тот ничего не найдет невероятного в предании Желтиковской обители.

Мы не имеем под рукой ни нашей библиотеки, никаких других книг, где бы могли навести справки, как часто и по скольку времени жил в этом монастыре Петр и его сын. Но, имея в виду: а) местные предания о приведенном эпизоде, о присутствии *караульни* и проч.; б) устройство жилья, видимо приготовленного по особо задуманному плану *для долгого*, постоянного здесь житья; в) то обстоятельство, что Петр, далеко не прихотливый на помещения, для временных остановок не стал бы отводить службы именно внизу, в окна вделывать решетки, прорубать окна внутрь двора, делать внутренний ход в церковь и проч. и проч.; г) наконец, очень хорошо зная, что Алексей *подолгу* не жил в этом монастыре, мы делаем, как кажется, совершенно безошибочное заключение такого рода: Петр имел в виду сперва ограничиться строжайшим заточением сына и в ожидании окончательного повода к тому приготовил вполне удобную, удовлетворявшую всем строгим требованиям заточения темницу. Темница эта описана нами и навсегда останется предметом тщательного осмотра каждого, занимающегося отечественною историей.

---

[12] В. И. Колосов писал, что Семевский первым зафиксировал рассказы о царевиче Алексее (*Колосов В. И.* Прошлое и настоящее Твери. Тверь: Леан, 1994. С. 54—55).

В покоях настоятеля висит, между другими портретами, портрет Петра Великого. Он рисован масляными красками; Петр в красном кафтане стоит боком, обращенный в правую сторону; как кажется, работа современная государю, и в таком случае нет сомнения, что портрет висел в тюрьме Алексея. Кстати, о портретах: между изображениями тверских архиереев мы обратим внимание на портрет Иннокентия Тверского.[13] Он был учителем риторики в Казани в царствование Анны Иоанновны.[14] Ректор относился и к ученикам, и к учителям довольно оригинально: в видах внушения учитель был иссечен нещадно розгами. Подобное немножко сильное, но по тогдашнему времени вполне духовное поощрение к продолжению педагогических занятий не совсем понравилось Иннокентию. Он бежал в Москву, сиживал и горевал у часовни Иверской, молился в церкви Казанской Божией Матери[15] и тут-то вызвал внимание и участие двух учеников Московской духовной академии, Григория и Платона, впоследствии двух архипастырей.[16] Иннокентий был определен учителем же в их академию, приобретя через учеников покровительство ректора. Императрица Елисавета[17] обратила внимание на Иннокентия. Пред ним открылась дорога к повышениям. В начале царствования Екатерины[18] он был уже в числе главнейших членов Синода. В это-то время предан был суду духовенства митрополит Ростовский Арсений Мацеевич,[19] смело

---

[13] Иннокентий (Нечаев; 1722—1799), архиепископ Псковский и Рижский. Окончил Московскую Славяно-греко-латинскую академию, учитель риторики, префект (1759); наместник Троице-Сергиевой лавры, архимандрит (1761), епископ Кексгольмский, викарий Новгородской епархии (23.02.1763), епископ Тверской (28.05.1763—4.10.1763). В Твери в июне 1763 г. встречал императрицу Екатерину II, которая после коронации в Москве возвращалась в Петербург; позже перемещен на Псковскую кафедру.

[14] Анна Иоанновна (28.01.1693—17.10.1740), императрица (1730).

[15] Иверская часовня с иконой Иверской Божией Матери у Воскресенских ворот (конец XVII — начало XIX в., разрушена в 1929 г., воссоздана в 1994—1995); собор Казанской иконы Божией Матери (1636) на углу Красной площади и Никольской ул. в Москве.

[16] Платон (Петр Георгиевич Лёвшин; 29.06.1737—11.11.1812), реформатор духовного образования, архиепископ (21.01.1775), митрополит (29.06.1787) Московский и Коломенский. Гедеон (Григорий Андреевич Криновский/Ричковский; ок. 1726 — 22.06.1763), настоятель Троице-Сергиевой лавры (1758), епископ Псковский, Изборский и Нарвский (1761).

[17] Елизавета I Петровна (18.12.1709—25.12.1761), императрица (1741), младшая дочь Петра I и Екатерины I.

[18] Екатерина II Алексеевна (21.04.1729—6.11.1796), императрица (1762).

[19] Арсений (Александр Иванович Мацеевич/Маскеевич; 1697—28.02.1772), епископ, митрополит Ростовский и Ярославский. В 1742 г. вместе с архиепис-

и резко писавший против указа об изъятии у монастырей имений. Преподобные отцы, ревнуя в изъявлении своей преданности, присудили Арсения к смертной казни; казнь, как известно, была всемилостивейшее смягчена в вечное заточение в Шлиссельбурге.[20] После произнесения приговора Мацеевич, вдохновленный каким-то пророческим предвидением, предсказал первенствующему члену Синода (Дм. Сеченову?)[21] мучительную смерть — задохнуться собственным языком; второму — Амвросию Каменскому[22] — смерть от мясника. «А тебе, — сказал он, обращаясь к Иннокентию, — архиерею молодому и неопытному, не подавшему, однако, голоса за меня, предсказываю, что ты не увидишь своей епархии». Действительно, первенствующий член Синода вскоре умер в муках, распухший язык задушил его. Каменский погиб в 1771 году в московском мятеже, а Иннокентий скончался по дороге в Тверь.[23]

Было час пополуночи, когда мы оставили Желтиковскую обитель.

— А что, брат, — заговорил я, усаживаясь в дрожки, — ты бы, извозчик, повез нас кругом рощи, а то неравно, в лесу…

— Чаво в лесу? Не извольте беспокоиться, — успокоительно отвечал извозчик и отправился через лес.

— О шалостях действительно ничего не слыхать, — заговорил спутник мой, — благодаря распорядительности начальства их нет, и я, сколько могу припомнить, знаю только один случай: лет двенадцать тому назад позднею ночью ехал мой знакомый через Желтиковскую

копом Амвросием Юшкевичем подал императрице Елизавете проект восстановления патриаршества в России. В 1750—1760-е гг. стал лидером духовенства, выступавшего против подчинения Церкви светской власти. С конца 1750-х гг. боролся против секуляризации церковных владений при Екатерине II, в 1763 г. предал авторов проекта анафеме.

[20] В каземате этой крепости Мацеевич умер в 1787 г. Портрет помещен Бекетовым в «Пантеоне русских авторов» (1801). Некоторые из рукописных сочинений его находятся в Публичной библиотеке. Когда-нибудь мы дождемся биографии и этой интересной личности. — *Прим. Семевского.*

Ошибка Семевского: Мацеевич умер в 1772 г. в тюрьме Ревеля, куда был отправлен на вечное заключение в 1767 г. под именем Андрея Враля. Автор портрета — Осипов Алексей Агапиевич (1770—1850), гравер пунктиром, портретист. Пантеон российских авторов / текст Н. М. Карамзина, изд. Платона Бекетова. М.: в Сенат. тип. у Селивановского, 1801—1802; см. также: Русские деятели в портретах, гравированных академиком Л. Серяковым: собр. 1-е. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1882. С. 59—61.

[21] Димитрий (Даниил Андреевич Сеченов; 6.12.1709—14.12.1767), епископ, митрополит Новгородский и Великолуцкий (1762), проповедник и миссионер.

[22] Амвросий (Андрей Степанович Зертис-Каменский; 17.10.1708—16.09.1771), епископ, архиепископ Московский (1768).

[23] Иннокентий около 4 месяцев был на Тверской кафедре, умер в 1799 г.

рощу. Раздается обыкновенный крик: стой! — затем удар дубиной по груди кучера; к счастью, за пазухой его была баринова банка с вареньем, лошади подхватили и вынесли благополучно и перепуганного барина, и кучера с разбитою банкой.

При выезде из леса нам бросились в глаза две новые громадные бумагопрядильные фабрики;[24] окна четырех этажей ярко горели газовым освещением.

— Вот, что ни говори о суровости Петра и некоторых его недостатках, а кто не вспомнит его имя при взгляде на эти фабрики!.. Не он ли положил основу, не он ли!..

— А ведь какая ж анафемская жисть на этих фабриках, — вмешался в наши рассуждения извозчик, — верьте слову, хуже каторжной работы: плата малая, народу по три и более тысяч, работы не приведи Бог сколько, дети малые — и тех с этих лет запрягают в эту лямку, страсть да и только.

Мы заговорили между собой об улучшениях, которые, вероятно, предвидятся и для фабричного класса людей.

— Нет, уже сперва порешили бы что-нибудь, — снова вмешался извозчик, — порешили бы о крестьянстве...

Июня 28-го

Тверь мне чрезвычайно понравилась. Широкие улицы, множество хорошей каменной постройки, городской и губернаторский сад,[25] красивое здание дворянского собрания,[26] бывшее местом недавних съез-

---

[24] Бумагопрядильные фабрики (ныне двор Пролетарка) были основаны Саввой Морозовым и построены его сыновьями Абрамом и Тимофеем (1859). О Тверской мануфактуре см. прим. к путешествию Семевского 1888 г.

[25] Городской (Общественный, Публичный, Знаменский; 1852) сад высажен между рвом и Знаменским пер., на месте бывшей Красной площади. В северо-восточном углу был кафе-ресторан «Кукушка» (1878; при советской власти «Марсель», заброшен в 1920-е, в 1930-е гг. отремонтирован), в южной части в 1911 г. в оригинальном здании с вышкой открыт кинотеатр «Художественный» (закрыт в 1917). В центре сада был фонтан (1904; в сер. 1980-х гг. переделан в клумбу, в 2005 г. восстановлен). Губернаторский сад (1831) высажен между крепостным рвом и Дворцовым садом, напротив дома губернатора (ул. Миллионная, ныне Советская, 16). В его северо-восточном углу находилась беседка-ротонда (рухнула в 1925).

[26] Дом дворянского собрания (1842; ул. Миллионная, ныне Советская, 14) построен на средства тверских дворян (губернский архитектор И. Ф. Львов, лепные украшения — петербургская мастерская И. П. Витали). На первом этаже находились танцевальная зала, буфетная и диванная, на втором — зал с колоннадой по периметру по образцу Колонного зала Московского благородного собрания. После революции Дом Красной Армии, затем Дом офицеров, ныне — городской общественно-культурный центр.

дов, прений и совещаний, 38 церквей,[27] красивая набережная,[28] дворец с садом,[29] прелестный вид на Волгу и на противоположный берег — всё это вместе составляет чрезвычайно приятный ансамбль. Твери пред-

[27] Кафедральный Спасо-Преображенский собор (1689—1696), церкви: Троицкая, что за Тьмакой (1653), Троицкая, что за Волгой (1737), Сретенская (1767), Смоленская кладбищенская (1782), Вознесенская, что на Екатерининском проспекте (1838), Симеоновская (1676), Покровская (1774), Никольская, что в Капустниках (1766), Никольская, что на Зверинце (1740), Мироносицкая (1802, 1811), Макарьевская при Тверской мужской гимназии (1847), Иоанно-Предтеченская кладбищенская (1808), Ильинская (1700), Живоносноисточническая (1792), Владимирская (1806), Христорождественская, что в Рыбаках (1743), Богородицерождественская, что в Ямской слободе (1772), Борисоглебская (1760), Благовещенская, что в Волынях (1777), Богородицерождественская, что на Исаевце (1777), Вознесенская, что за Волгой (1767), Воскресенская (1731), Екатерининская (1781), Крестовоздвиженская (1763), Миновикторская (1805), Никольская при тюремном замке (1885), Неопалимыя Купины (1841), Никитская (1774), Сергиевская (1780), Филипповская (1779), Великомученицы Екатерины при Императорском путевом Дворце (1778), Николая Чудотворца Христорождественского монастыря (1881—1882), Успения Пресвятой Богородицы (1722), Знаменская (1844), Рождества Христова Христорождественского монастыря (1820), Спасская надвратная Христорождественского монастыря (1805), Тихона домовая Духовной семинарии (1882); см. *Добровольский*. С. 17—28.

[28] Набережная р. Волги (Волжская/Городская/Набережная ул.; 1760-е) проведена по плану регулярной застройки вдоль правого берега Волги. Начиналась от Знаменского пер., примыкая к Новгородской ул., шла до Больничного пер. Застраивалась в конце XVIII — начале XIX в. одно- и двухэтажными каменными домами. 1-й квартал занял одноэтажный корпус соляного, винного и провиантского магазинов (складов); следующие 3 квартала застроены жилыми домами «единой фасадой» с арками посередине каждого дома для проезда во дворы; следующие 3 квартала застроены отдельно стоящими жилыми домами. На берегу Волги вдоль всей набережной находились пристани, к которым вели лестницы и плавные спуски по течению реки. В середине XIX в. на набережной была сделана подпорная стенка из известкового камня с чугунной оградой.

[29] Тверской императорский путевой дворец (2-я пол. XVIII в., 1-я треть XIX в., 2-я пол. XIX в.; ул Советская, 3—3а) на Соборной пл. между Миллионной (Советской) ул., Староволжским мостом и Городским садом. Дворец с двумя павильонами (1764—1766) для отдыха членов императорской семьи по пути из Петербурга в Москву построен в стиле классицизм с элементами барокко по проекту М. Ф. Казакова. Перестроен К. И. Росси в начале XIX в. для великой княгини Екатерины Павловны и ее мужа Г. П. Ольденбургского, тверского губернатора. В 1864 г. перестроен А. И. Резановым в «старом вкусе». Осенью 1941 г. здание частично разрушено фашистами, в 1942—1948 гг. восстановлено. Ныне в Путевом дворце Тверская областная картинная галерея. Дворцовый сад (1760—1770-е, 1809—1811, 1860—1870-е, 1-я пол. XX в.) входит в ансамбль Тверского путевого дворца. См.: *Тверь 1*, с. 269—270; *Тверь 2*, с. 85—93, 104—108, цв. вкладка.

стоит большая будущность. Значение ее, ради Волги, пароходства, железной дороги, положения между двумя столицами, быстро возрастает с каждым годом.

Нельзя, например, не обратить внимания на Тверскую гимназию.[30] Здание это огромно, очень красиво, как кажется, с большими удобствами для учащихся; не беремся судить только, в какой степени оно прочно, хотя и знаем, что дом строился шестнадцать лет и обошелся дворянству до 300 тысяч руб. сер. Благодаря услужливости почтенного Р. Н. Н-на, которому мы очень обязаны при знакомстве нашем с Тверью, мы обошли все помещения гимназии; обратили внимание на ее библиотеку, для начала весьма порядочную, на физический кабинет, на громадное собрание минералов, пожертвованное гимназии ее почетным попечителем, известным писателем нашим, Ф. Н. Глинкою.[31] В одной из зал прекрасно устроена гимнастика. Как видно, ничто не забыто для надлежащего развития мальчиков; а что это развитие вполне правильно, чуждо всякой рутины, формалистики, *телесных* поощрений и прочих *непременных* условий воспитания во многих наших заведениях (как, например, далеко было не чуждо оно в Тверской семинарии), можно видеть из того, что число учеников увеличивается каждый год, что, наконец, некоторые прибывают из городов, имеющих свои гимназии; например, есть ученики из Курска.

Приветствуя открытие и освящение нового дома Тверской гимназии 15 августа 1859 г., Р. Н. Н-н писал в местной газете: «Дай Бог этому дому видеть в стенах своих как можно более юношей, жаждущих знания и добра для блага и славы отечества!»

Этим искренним желанием заключим мы настоящую заметку.

---

[30] Тверская мужская губернская гимназия (1804) изначально располагалась на Полуциркульной (Советской) пл. (здание Тверского областного дома народного творчества). По проекту 1843 г. гимназию предполагалось разместить на месте гауптвахты, на южной стороне Соборной пл. (ул. Советская, 4); центральная ось Путевого дворца почти совпадала с осью главного корпуса гимназии. Работой руководил архитектор К. Б. Гейденрейх с весны 1844 г., в июне в Тверь для консультации прибыл архитектор К. А. Тон. Трехэтажные флигели по Миллионной ул. и одноэтажные хозяйственные постройки во дворе завершены в 1845 г., передача комплекса в Училищное ведомство состоялась осенью 1859 г. Позже в гимназии размещался Тверской музей (1866—1896), во флигеле — земская типография (1867—1896). В 1865 г. Тверскую гимназию преобразовали в классическую, основное внимание стало уделяться греческому и латинскому языкам.

[31] Глинка Федор Николаевич (8.06.1786—11.02.1880, Желтиков монастырь), поэт, публицист, прозаик, офицер, участник декабристских обществ, почетный попечитель Тверской губернской гимназии. См. также: *Тверь 1*, с. 171—240.

1861

Посвящ. Вас. Ив. В-ву[32]

I. Тверь
27 мая 1861 года

...Окрестности сего града имеют приятные виды; воздух в Твери здоровый, воды чистые. Основан град в 1182 году.

Старинное описание Твери

— ...Как раз приехали кстати, — говорил нам один из наших тверских знакомых, — у нас завтра в гимназии экзамен; приходите, если вас это интересует; вам как заезжему гостю будут очень рады, а то на наших экзаменах редко появляются даже *свои*, тверитяне, не только сторонние посетители.

Я поспешил воспользоваться приглашением. Экзаменовался седьмой класс из русского языка. Посетителей оказалось немного: я да какой-то нежный папенька, тщетно хлопотавший о переэкзаменовке ленивого сынка. Зато учителя под председательством директора были в полном сборе.[33] Прежде всего, что мне невольно бросилось в глаза, — это отсутствие формализма и излишней торжественности в обстановке, которой так еще недавно отличались, да и до сих пор отличаются испытания воспитанников во многих учебных заведениях. Воспитанники не были затянуты в мундирчики; ареопаг судей не хранил гробового молчания,

---

[32] Водовозов Василий Иванович (1825—1886), педагог, переводчик, детский писатель. Окончил филологический факультет Петербургского университета (1847), преподавал в Варшавской гимназии, 1-й петербургской гимназии (1851), Смольном институте (1860—1862), руководил воскресной школой (1861—1862).

[33] Руководство и педагогический состав Тверской мужской гимназии в 1861 г.: почетный попечитель — действительный статский советник Ф. Н. Глинка; директор училищ Тверской губернии — статский советник Николай Александрович Варнек (1823—1876); инспектор гимназии — коллежский советник Михаил Иванович Менщиков; старшие учителя: законоведения — коллежский советник Иван Семенович Яснецкий († 1883); латинского языка — коллежский советник Александр Григорьевич Страхов (род. ок. 1820); истории — коллежский советник Р. Н. Никулин (см. выше); математики — надворный советник Сильвестр Людвигович Польковский и коллежский асессор Николай Григорьевич Эльманович (род. ок. 1825); словесности — титулярный советник Николай Федорович Зыков, естественной истории — титулярный советник Василий Николаевич Никулин; младшие учителя: русского языка и географии вакансия; французского языка — надворный советник Петр Осипович Галме; немецкого языка — коллежский секретарь Берн. Яковлевич Щибальский; черчения, рисования и чистописания — коллежский секретарь Илья Яковлевич Адинцов (Памятная книжка Тверской губернии на 1861 год. Тверь: тип. Губ. правл., 1861. С. 11—12).

которое так шеломит подчас юношу; учитель словесности не считал святотатственным напоминать и направлять экзаменующегося; наконец, на экзамене не довольствовались одними билетами, попавшимися ученику, а задавали вопросы из всего пройденного. Вообще экзамен во многом напоминал обыкновенную беседу; а кто не согласится, что при таком роде испытаний легче всего узнать не только познания, но и степень развития экзаменующегося... Позволю себе сделать только одно замечание, на которое навели меня ответы двух-трех воспитанников.

В некоторых наших средних учебных заведениях гг. преподаватели на лекциях истории русской литературы иногда слишком много обращают внимания на частности биографий отечественных деятелей. Что ж выходит из этого? Частности, анекдотцы западают в голову воспитанника, а обстоятельная характеристика сочинений того или другого классика, знакомство с ним ускользает от его понимания. Кто, напр., не слышал ответов на экзаменах о Ломоносове, Державине, Крылове, Гоголе и др.? Как обстоятельно расскажет вам иногда воспитанник о деревенской жизни Ломоносова, о его катаньях по морю, о величественных картинах северной природы, представлявшихся нашему поэту, о его бегстве из родительского дома, о лишениях заграничной жизни и проч. А попробуйте спросить о грамматике или риторике Ломоносова? В чем состоит значение того или другого сочинения? В чем их достоинства и недостатки? Уверяю вас, что редкий ответит удовлетворительно. О Державине ли речь — вы слышите анекдотцы о том, как узрел он впервые комету и произнес слово *Бог*, как трудился потом над одой, к Нему обращенной;[34] далее узнаете все обстоятельства появления в свет «Фелицы» и редко услышите точный и положительный ответ, какое место должен занимать наш лирик в истории русского образования, насколько он служит выражением своего времени, как надо смотреть на его сатирические выходки, насколько они согласовались с его собственною гражданскою деятельностью, и т. п.

О Крылове опять та же история: биографические подробности вытесняют из ответа ученика надлежащий, критический обзор истории басни в нашем отечестве, в чем именно состоит заслуга Крылова как баснописца относительно его предшественников, как русских, так и иноземных, и т. д. Всё сказанное нами относится к тверской гимназии *не более*, нежели ко многим другим. Воспитанники здешней гимназии, насколько мы успели заметить, показались нам юношами развитыми, немало читавшими и находчивыми при ответах; только два-три ответа навели нас на высказанное замечание. Тем-то более странно, что из 19-ти человек, составляющих выпускной класс, только 7 или 8 человек готовы вступить в университет. Сколько нам ни доводилось

[34] Ода Г. Р. Державина «Бог».

посещать провинциальные гимназии, везде или почти везде процент поступавших в университет был незначителен относительно числа оканчивавших курс. Где причины этого явления?

— Недостаток средств со стороны родителей, — ответил мне один из педагогов, — лишающий их возможности отправить сына в столицу; с другой стороны — пристрастие к военнослужебной карьере: из понятия, сильно укоренившегося в отживающем поколении, что-де военная служба есть кратчайшая дорога к чинам, отличиям, славе — ну, эту госпожу мы приплетаем только к слову, — затем к благоприобретенному состоянию либо к денежной невесте — из этого понятия происходит то, что нежные родители выхватывают сына из 3-го, 4-го классов гимназии и спешат передать его в специально-военное заведение. Иногда же, не в состоянии будучи и этого сделать, родители все-таки берут сына недоучившегося и определяют в гражданскую службу: он-де научен уже настолько, чтоб добывать денежку. И вот юноша, оторванный от школьной скамьи, лишенный будущности вполне образованного человека, влачит жалкую жизнь по судам и приказам, медленно подвигаясь по лестнице канцелярской иерархии...

Всё это справедливо; но почтенный воспитатель обошел еще одну причину, почему до 7-го класса гимназии доходит так мало воспитанников и из этого небольшого числа редко третья часть поступает в университет. Причина эта кроется в направлении, в методе преподавания многих предметов, в недостатке, наконец, способных преподавателей. Как часто случается, что латинский язык, либо математика, либо другой какой-нибудь предмет не преодолевается воспитанником вовсе не потому, чтобы он был не способен его понять, а потому, что бездарный учитель не умеет растолковать своего предмета, а главное — привязать к нему; как часто, повторяем, предмет этот является камнем преткновения для бедного юноши! В нем не потрудились *воспитать* сознания, что дальнейшее образование более нежели необходимо; ему опротивело учение бестолковым вбиванием в голову той или другой премудрости — и вот он рвется вон и не грустит об ускользающей от него дороге в университет...

— Все-таки хорошо и то в гимназиях, — заметил мне один студент семинарии, с которым я разговорился по выходе из гимназии, — хорошо уже и то, что там никто не дерзнет ничего сказать воспитаннику против университета; а вот у нас, в семинарии, дело гораздо проще: услышит, *бывало*, инспектор либо отец-ректор, что ученик *затеял* идти в университет, — и пойдет его пилить да пилить: «Что, негодяй? Что затеял? Воротнички стал выставлять, волосы отпустил, в университет идешь, чай, уже табакокурение зачал? Я те покажу университет!» И впрямь покажет дорожку, да только не в университет, не на доброе... Сколько раз случалось, что ученик идет-то и в риториках, и в филосо-

фах, и в богословы-то переходит всё в первых разрядах,[35] да наведут его либо книги, либо умный какой человек на мысль о том, как бы хорошо закончить семинарское образование университетским, и вот провидело злостный его умысел строгое начальство: на ученика ополчаются языци семинарских просветителей, его *обрывают*: при ответах находят, что он стал умничать (то есть отвечать с сознанием, а не *зуб в зуб*, как это *велось* в семинариях испокон века, чуть не с Петра Могилы[36]), понижают его из высших разрядов в низшие; несчастный не выносит гонений, обращается к «водкопитию», «табакокурению» — и заблудшую овцу изгоняют из стада со свидетельством такого рода, что оно ему никуда не пригодно...

«А вот в самом деле не мешает заглянуть в здешнюю семинарию», — подумал я на следующий день. Достопочтенный и многоуважаемый Р. Н. Н. был так добр, что вызвался нас проводить: но на этот раз путешествие наше ограничилось осмотром дворца. Я не пожалел, так как Тверской императорский дворец действительно заслуживает внимания. Каменное двухэтажное здание дворца красуется с боковыми флигелями на площади против гимназии и собора. Здесь жила несколько лет великая княгиня Екатерина Павловна, здесь Карамзин...[37]

Но позвольте; вот какой-то старик, в очках, живой, говорливый каким-то особенным языком, с сильной жестикуляцией, что-то рассказывает моему спутнику.

— Изволите видеть, Роман Николаич, — говорит старец, — дворец этот строила блаженной памяти Елизавета Петровна, то есть по ее начертанию созидал-с в некотором роде это здание итальянец Растрелин.[38] И изволите видеть, созидал в некотором роде для ца-

---

[35] Курс обучения в семинарии делился на низший и высший грамматические классы, классы риторики, философии и богословия.

[36] Петр (Петр Симеонович Могила; 1596/1597—1647), покровитель православной учености и книгопечатания, епископ Константинопольской церкви, митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, экзарх Константинопольского трона (1632—1647).

[37] Екатерина Павловна (10.05.1788—9.01.1819), великая княгиня; четвертая дочь Павла I и Марии Федоровны. В 1809 г. вышла замуж за принца Георга Ольденбургского и поселилась с ним в Твери. Карамзин Николай Михайлович (1.12.1766—22.05.1826), историк, литератор; неоднократно бывал в Твери при дворе Екатерины Павловны. Пребывание Екатерины Павловны и Карамзина входит в круг общеизвестных сведений о дворце. Ср. путешествие А. О. Ишимовой (*Тверь 1*, с. 269—270).

[38] Растрелли Бартоломео Франческо (1700—1771), русский архитектор итальянского происхождения, академик архитектуры Императорской АХ (1771), представитель елизаветинского барокко. Путевой дворец построен архитектором П. Р. Никитиным по заказу Екатерины II после пожара 1763 г.

Вид Спасо-Преображенского собора
и Императорского путевого дворца в Твери. Рисунок. 1893

ревича Алексея: его имелось в виду заточить в этом самом строении. Только-с после соображения переменились, и царевича в некотором роде посадили в Желтиков монастырь,[39] а здание продолжало в некотором роде созидаться...

Р. Н. скромно заметил, что в сказанном вкралась маленькая неточность, что царевич в Желтикове не был заточен и Елизавета строить для него дворца не могла по очень простой причине: царевич умер в 1718 году, а Елизавета взошла на престол в 1741-м.

— Я, конечно, человек темный-с, — смело ответил рассказчик, — а только я вам доложу, что вы тоже не всему верьте, что пишут, то есть в особенности всем тем историям, какие пишут немцы-с! Это, я вам доложу, — продолжал старик с возрастающим жаром, сильно размахивая руками, — все в некотором роде были мошенники да разбойники: пьянствовали, развратничали и опосля этого брались в некотором роде писать истории. Теперь возьмите вы разных Гольцев, Берхгольцев, Швульцев, Шульцев, черт знает каких Гольцев,[40] и ведь все они

[39] О Желтиковской тверской обители см. в «Прогулке в Нижний Новгород»: Русский вестник. 1860. № 13, статья г. С<емевс>кого. — *Прим. Семевского.*

[40] Гольц Генрих фон дер (1648—1725), генерал-фельдмаршал-лейтенант армии Петра I, участник Северной войны. Швульц — искаженное Шульц. Шульцы —

не токмо что были мошенники-с, это бы ничего, при них бы и осталось, а то ведь дерзали рассказывать, клеветать на Петра, великого из величайших! Не верю я им-с! Ни на грош не верю! — Старец решительно ожесточился. — Не верю-с! А у нас в некотором роде до чего разврат-то дошел. Недавно довелось мне прочесть в каком-то издании, не упомню, статью Михаила Николаича Л-ва о Петре.[41] Я вам доложу-с, мне бы и во сне не приснилось, до чего только могут дойти у нас в писаниях! На разных этаких Берхгольцах основываясь, он начинает этак костить да костить... Кого-с? Кого, я спрашиваю? Петра! В некотором роде этакого-с... этакого-с, то есть не токмо что высочайшего звания персону, но бога нашего, как о нем выражается поэзия![42] И этот-с М. Н., что в авторах состоит-с, в некотором роде сын статс-секретаря![43] Я этого М. Н. еще вот таким поползнем знал, — старик показал пол-аршина от полу. — И мог ли думать, до чего они дойдут? Не знаю-с, не знаю-с, что бы сказал папенька ихний!.. А теперь этот Семевский... Изволите знать?

Я отвечал отрицательно.

— Так этот-с... ни с борку да с сосенки, а ведь туда же-с!.. То есть я вам одно скажу, я уж и не читаю его, потому мутит меня,

---

возможно, имеется в виду Павел Антонович Шульц (1831—1905), писатель, директор 2-го департамента Министерства государственных имуществ, автор статей в «Журнале министерства внутренних дел», «Северной почте», «Санкт-Петербургских ведомостях». Берхгольц Фридрих-Вильгельм фон (1699—1771), гольштейнский дворянин, камер-юнкер, совершивший в 1721—1724 гг. четыре поездки через Тверской край и описавший их в путевом дневнике: Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год / пер. с нем. И. Ф. Аммона: в 4 ч. М., 1857—1860 (см.: *Тверь 1*, с. 57—64). Публикацией и обсуждением в печати этого сочинения и вызвана агрессивная речь собеседника Семевского.

[41] Лонгинов Михаил Николаевич (14.11.1823—4.02.1875), государственный деятель, писатель, библиограф, историк, начальник Главного управления по делам печати. Речь идет о кн.: *Лонгинов М. Н.* Разбор сочинения под заглавием «История Петра Великого» Н. Устрялова. М., 1859.

[42] Ср.: Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!

(*Державин Г. Р.* Вельможа // Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1957. С. 212—213. Библиотека поэта; Большая серия).

[43] Лонгинов Николай Михайлович (1780—1853), действительный статский советник, сенатор, член Государственного Совета, статс-секретарь, председатель комитета призрения заслуженных чиновников.

мутит, всё б дочиста запретил, сокрушил бы… Я еще что! Меня разные этакие писания не собьют, потому я от себя дошел, что всё это на немцах, по немцам и пишется; но каково же это должно в некотором роде действовать на других, на людей несведущих-с? Я вас спрашиваю, каково-с? Ведь развратят, ей-богу, развратят! Нешто нельзя писать-с по отечественным сказаниям старых людей: у них ведь ничего этакого развращающего не найдешь, на них и можно полагаться… А то… страсть подумать!.. Солнце, луна, высшие разные особы, отечество, вера[44] — всё это в некотором роде такие предметы! Умиляйся! А не лазай к немцам и не ищи грязи замарать их…

— Почему ж вы не изложите ваших мыслей?

— То есть статью-то написать?

— Да, статью; ею бы вы предостерегли, чтоб никто не увлекался таким-то злым направлением, которое вы находите в исторических трудах последнего времени.

— Я и хотел написать, — отвечал ярый поклонник солнца, луны и всех высоких персон и предметов, — да после одумался: не туда попадешь!

— Как не туда?

— Разумеется, не туда: с этих сочинителей, разных этаких Семевских-с — как с гуся вода, а статья-то выйдет против кого? Кто пропущает все эти статьи, кто? Цензоры! Вот что и прискорбно-с! А задевать цензоров не хочу… А если говорить об историках, так вот — Карамзин! Это был, я вам доложу, лирик, одно слово — лирик! *Они* и ранг имели действительный статский, и вот историю свою читали… Вот здесь, в углу у печки, читали, и в гостиной читали, и в беседке в саду — нынче она сломана…[45] Да это что! Когда они

---

[44] Ср. девиз «За веру, царя и отечество», эквивалент лозунга «Православие, самодержавие, народность», предложенного С. С. Уваровым и ставшего выражением государственной идеологии Российской империи в период царствования Николая I.

[45] Ср. письма Карамзина: «Только в нынешнюю ночь возвратились мы с женой из Твери, где жили две недели, как в очарованном замке. Не могу изъяснить тебе, сколь великая княгиня и принц ко мне милостивы. <…> имел случай говорить с ними ежедневно по несколько часов между наших исторических чтений. Великая княгиня во всяком состоянии была бы одною из любезнейших женщин в свете; а принц имеет ангельскую доброту и знания необыкновенные в некоторых частях» (19.02.1811); «Вчера в последний раз имел счастье обедать с государем: он уехал ночью. Сверх четырех обедов был два раза у него во внутренних комнатах, а в третий при великой княгине и принце читал ему свою Историю долее двух часов; после чего говорил с ним немало» (20.03.1811; *Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Имп. АН, 1866. С. 137, 140).

жили в Царском[46] — я их помню: ведь я с 1816 года в дворцовых лакеях состоял, — так, бывало, прикажут мне покойный государь-император Александр Павлович:[47] «Егор! Позови Карамзина в аллею». Позову. Они и ходят, и ходят... и ходят... да ведь под ручку-с, под ручку... Так это историк. Лирик, просто лирик был!.. Только что при чтении история его безнравственна...

— Вот тебе и на! — воскликнул Р. Н. в недоумении. — Как это история Карамзина безнравственна?

— То есть насчет чтения; когда читаешь, так мнение-то-с у него изображено в некотором роде с живописью, только везде сноски, выноски: полезай в конец книги, а это разбивает течение мыслей и соображений; поэтому его историю нельзя читать с большою пользою... на нравственность не может сильно действовать...

Словоохотливый чичероне так нас занял, что мы машинально переходили из зала в зал; из них особенно хорош большой зал в два света, с кариатидами и окнами в сад, на живописную Волгу.[48] Некоторые части здания (оно ремонтируется ежегодно; нынешнее лето на 10 000 р. с.) особенно интересны по своей мастерской отделке. Так, например, хороша парадная лестница из громадных каменных плит. Лестница, состоя из трех колен, не имеет никаких столбов, а держится на двух площадках, которые мастерски вделаны двумя сторонами в стены; и это стоит, если верить нашему чичероне, более ста лет...[49]

— Так можно видеть семинарию? — спрашивал я, сидя на другой день в гостях у отца-ректора, архимандрита Отроча монастыря.[50]

— Отчего ж и нельзя? — отвечал отец-ректор. — Если вам угодно, отправимтесь вместе.

---

[46] С 1816 г. Карамзин по предложению Александра I жил в Петербурге для завершения «Истории государства Российского», летом жил в Царском Селе (ул. Садовая, 12).

[47] Александр I Павлович (12.12.1777—19.11.1825), император (1801), протектор Мальтийского ордена (1801), старший сын императора Павла I и Марии Федоровны.

[48] Двусветный Белый зал с балконами в сторону парадного двора и Волги занимал среднюю часть дворца; стены покрыты белым штуком, потолок белой клеевой краской.

[49] Парадная лестница была перестроена и расширена при обновлении Путевого дворца по проекту К. И. Росси весной и летом 1809 г.

[50] Серафим (Симеон Иванович Протопопов; 1818—11.01.1891), епископ Самарский и Ставропольский, ректор Тверской духовной семинарии (9.06.1856—10.04.1866), настоятель Тверского Отроча монастыря (31.12.1857—10.04.1866). О Тверском Отроче Успенском монастыре см. в путешествии С. В. Максимова.

Здание семинарии[51] каменное, двухэтажное; оно стоит на другом берегу Волги, почти в конце города.[52] Время разрушительно на него подействовало.[53] Сырость, удушливый воздух обдали нас при входе в одну из небольших, низеньких комнат, с плохо выкрашенным полом, обтертыми скамейками и облупившимися стенами. Здесь помещается одно из отделений младшего класса (по прежнему наименованию — риторики).

«В настоящее время, когда» и духовное ведомство радеет об улучшениях по своей части,[54] всякое замечание по поводу семинарского образования окажется нелишним; на этом основании и мы вносим в наш путевой журнал две-три заметки о виденном и слышанном в семинарии.

Мы на лекции русской словесности. Перед нами до 80-ти мальчиков лет 14—16-ти; они жмутся друг к дружке, так как число скамеек не соответствует большому числу сидящих; у всех глаза опущены к коленям; большая часть робко заглядывают в тетрадки и с видимым

---

[51] Начальная славяно-русская школа (1722) в Твери в 1739 г. преобразована в семинарию. До 1776 г. была единственным средним учебным заведением Твери. В семинарию принимались мальчики 10—15 лет. Общее число учеников в первой половине XVIII в. около 200. К середине века в семинарии были классы: подготовительный; низшие: аналогия, инфима, грамматика, синтаксис; средние: пиитика, риторика; старшие: философия, богословие. Срок обучения превышал 10 лет. В 1739—1764 и 1770—1775 гг. преподавание велось на латинском языке. В результате ряда преобразований к концу XIX в. увеличилось число общеобразовательных предметов, общеобразовательные и богословские курсы были разделены, преподавались языки: немецкий, французский, латинский, греческий, еврейский. К концу XIX в. в семинарии было 600—650 учащихся, иногда более 800, семинария была одной из самых многочисленных в России. В основе библиотеки семинарии находилось собрание архиепископа Феофилакта (Лопатинского), в ней имелись старинные рукописи, акты и старопечатные книги.

[52] До 1779 г. Тверская духовная семинария размещалась в Феодоровском монастыре на острове в устье р. Тьмаки, в 1777—1779 гг. — на территории бывшего Тверского кремля. В 1809 г. при реконструкции центра Твери переведена в Отрочь монастырь, с 1810 г. размещена за Тьмакой (а не Волгой), близ храма Николы на Зверинце. В 1878—1881 гг. сооружено новое здание семинарии (архитектор В. Н. Козлов). После закрытия семинарии (1918) здесь располагалась единая трудовая, затем средняя школа (до 1941), с 1943 г. — один из корпусов Тверского Суворовского военного училища (ул. Софьи Перовской, 2). См.: *Колосов В. И.* История Тверской духовной семинарии: к 150-летию семинарии. Тверь, 1889.

[53] Нам говорили, что проект и план нового здания семинарии вытребованы в Петербург, и здесь надеются, что состоится разрешение и ассигнуется сумма на новую постройку. — *Прим. Семевского.*

[54] Известно, что уже года четыре основан комитет для преобразований по вопросу о воспитании нашего духовенства. — *Прим. Семевского.*

беспокойством ждут, когда голос профессора поднимет кого-нибудь к ответу. Сегодня репетиция. Дело идет об ораторском искусстве. У профессора тетрадка с вопросами, род конспекта; руководствуясь им, он спрашивает и наводит при ответе студента.

Читали ли вы когда-нибудь и какую-нибудь хоть позднейшую книгу теории словесности? Ну, например, «Материалы к теории словесности» *А. Смирнова*?[55] Если читали, так, без сомнения, помните, какая там куча самых дробных, самых отвлеченных и решительно всегда и везде бесплодных определений. Помните, как деревенеет голова по мере того, как вчитываешься в подобную *теорию*? Теперь возьмите же риторику чуть-чуть не 80-х годов прошлого столетия, а по меньшей мере 20-х нынешнего, составьте по ней лекции, заставьте мальчика задолбить из них несколько страничек и потом пробарабанить заданное... Тогда вы испытаете то же, что испытал я при ответах нескольких *риториков* здешней семинарии.[56] Отец-ректор задал им несколько вопросов; ответы могли бы обнаружить, насколько понимает отвечающий то, что он так бойко, зуб в зуб, заучил; но ответы обнаружили только робость пред самостоятельным размышлением или непонимание выученного.

Переходим в класс среднего отделения: отвечают из библейской истории.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я одно лицо, — для чего они отвечают таким варварски-надутым, книжным языком? Для чего, например, вместо «Авессалом зацепился волосами и повис на дереве» ученик отвечает: «Авессалом роскошными власами своими»[57] и проч., и проч.?

— О предметах и событиях высоких, — отвечает лицо, — надо и говорить высоко: повествуемое оттого бывает возвышеннее.

— Так уж отвечали бы прямо на церковнославянском языке; а то здесь ни русский, ни славянский язык, а смесь того и другого, и, как мне кажется, не делает ответ возвышеннее...

---

[55] *Смирнов Александр*. Материалы для учебной теории словесности. М.: б. и., 1858.

[56] Я имел терпение у себя на дому просмотреть несколько тетрадок семинарских лекций. Голова идет кругом! Почти всё, что писано в последнее время по вопросу о воспитании и по поводу разных учебников, как бы умышленно пренебрежено либо вовсе неизвестно составителям этих несчастных руководств. Таковы, в особенности, логика, психология, частью физика (весьма неискусная компиляция по Ленцу) и нек. другие. Жаль, что из боязни растянуть наши заметки мы не можем привести некоторые выдержки, особенно оригинально, например (в психологии), проклятие «страстям человеческой природы», тем самым, которые, по словам руководства, «современная литература нарицает блестящими свойствами человеческой природы». — *Прим. Семевского*.

[57] 2 Цар. 18:9.

А! вот еще класс младшего отделения. Та же духота, теснота, та же робость воспитанников, более того, какой-то необъяснимый страх при ответах. Репетиция лекций словесности. Ученик бойко, буква в букву по запискам, разрешает весьма важные вопросы о том, что такое гимн, ода, баллада, идиллия, что такое вообще поэзия, исчисляет ее виды.

— А скажите, пожалуйста, — спрашиваем мы, — что поэтического в наших народных песнях? Вы, вероятно, слыхали их? В чем их содержание, какой общий характер, на какие они разделяются, под влиянием каких обстоятельств слагались и слагаются? Одним словом, скажите, что знаете о русской народной песне?

Молчание.

Профессор развивает, разъясняет наши вопросы, как говорится, *наводит*.

Ученик, прекрасно *книжно* разъяснявший отличия оды от баллады и проч., немеет, лишь только дело коснулось до предмета, долженствующего быть понятным чуть не с колыбели.

Вызываем другого, третьего. Каждый переносит взор от профессора к отцу-ректору и либо красноречиво молчит, либо мямлит что-то такое, видимо, стараясь вспомнить, как об этом сказано в учительской тетрадке; самому ж подумать, еще больше, своим языком сказать... нет уж, увольте! Как на это еще взглянет наставник и прочий педагогический чин!

Я пробыл в семинарии немногим более часу. Нет сомнения, что ни от чего другого, как от удушливой жары, мне стало тяжело: кровь прилила к голове, сделалось дурно, и я поспешил выйти.

— Конфузятся они, — говорило сопровождавшее меня лицо, — смущаются только пред посторонним. А то, вообще говоря, они не затрудняются при ответах. И винить их нельзя; поверите ли, ведь вы чуть не первый, кто на моей памяти полюбопытствовал зайти в семинарию...

И все-таки ныне преподавание не в пример идет лучше прежнего. В давно протекшую старину, как гласит предание, и смех и горе были. Вот хотя мое посещение взять. Так ли бы это было прежде? Профессоров сейчас бы предуведомили; они засуетились бы, сказали, о чем и кого будут спрашивать, и затем в преуморительном страхе спрашивали бы одно и то же и одних и тех же вплоть до того времени, как распахнулась бы дверь и явился никогда не желанный, но боязливо жданный посетитель!.. Профессора унижались пред начальником и, в свою очередь, с невыносимым презрением относились к воспитанникам; о сближении учеников с учителями, о взаимном доверии, о порядке, основанном на уважении к старшим и к постановлениям, а не на едином страхе, не было и помину.

— Ведь вот что печально, — вмешался один из собеседников, — профессора семинарии (говорю вообще) — совершенно замкнутый кружок; со студентами они не сходятся по завету своих предшественников, да и от начальства находятся в отдалении; что до общества, то в нем они не приняты; таким образом, это совершенно особый кружок. По-видимому, тем-то сильнее могли бы они отдаваться науке — ничуть не бывало: для этого одной доброй воли мало, надобна возможность, а ее-то нет; содержание их незначительно, жертвовать из него много на книги нельзя; на руках же у каждого три-четыре предмета, из которых иногда два-три не любезны профессору, а взяты им на себя по назначению начальства. Все эти обстоятельства до такой степени убивают в профессорах энергию к занятиям, что, за весьма малым исключением, они ничего не делают в классах; курсы преподаются сами собою по запискам и учебникам, сохранившимся чуть не от дедов наших...

— Что ж делают профессора в классе?

— Да по большей части в «гулючки играют»,[58] то есть сойдутся где-нибудь в передней или в коридоре да выглядывают, не идет ли отец-ректор; заслышались шаги его, и наставники скрываются по классам, и пошло спрашиванье. Участия в управлении семинариею профессора не имеют никакого; советов педагогических не бывает — словом, им ничего не остается делать, как играть в «гулючки».

— Скажите, пожалуйста, как теперь, существуют ли в семинариях телесные наказания?

— Бывают, да только в редкостных случаях, по любовному договору-с: за табакокурение, водкопитие и другие провинности... Да и то надо сказать, что и без телесного наказания семинарии были в совершенном то есть подчинении-с у начальства. И вот почему-с. Напрежде бывало в семинариях до девятисот человек, а в последние годы, как вам небезызвестно-с, положены штаты, так что в низшем отделении бывает-с около двухсот, в среднее должно перейти только сто пятьдесят, а в высшее не более ста-с. Теперь, возьмите-с, каждый, значит, переход изгоняет с полсотню учеников, а коли ты, значит, не нравишься, так ты хотя семи пядей будь во лбу, а тебя вотрут в эту полсотню, значит, не дадут кончить курса. Так вот-с, мы все и без телесного наказания в полном порабощении-с.

— А как ведут себя студенты?

— То есть вы спрашиваете насчет водкопития-с? Так этому еще со словесников подвержены; потому, можете понять: книг нет-с, читать нечего, а коли записки-то да учебники, то есть уроки-то будешь аккуратно учить, так к среднему курсу — верьте слову — помрешь,

---

[58] Гулючки — русская народная игра, когда один из играющих ловит других участников.

потому сил человеческих не хватит. Запишите, коли любопытствуете, я вам назову предметы-с по курсам: в низшем отделении (словесном) проходят: Священную историю с Бытия до Иова, алгебру, геометрию, православное исповедание, богослужебные книги, греческий язык, всеобщую историю, латинский язык и словесность. Разумеется, почти те же профессора читают в остальных курсах; в них-с предметы распределяются следующим порядком. *В среднем* проходят библейскую герменевтику, библейскую историю, греческий язык, русскую историю, логику, психологию, латинский язык, патристику, физику, естественную историю, то есть зоологию, ботанику и минералогию, сельское хозяйство и Священное писание от книги Иова до 3-й Ездры. Наконец, в высшем отделении на тех же профессорах лежит обязанность преподавать следующие науки: догматическое богословие и введение в догматическое богословие (по Макарию Винницкому[59]), церковную всеобщую историю (по соч. арх. Иннокентия[60]), историю русской церкви (по Филарету Харьковскому[61]), историю русского раскола, гомилетику, Священное Писание Нового Завета, истинно-древнюю и истинно-православную Христову церковь, медицину, археологию, сельское хозяйство, сравнительное богословие, нравственное богословие, пастырское богословие, каноническое право, греческий язык и латинский язык. Так называемые вольные языки, то есть французский, немецкий и еврейский, преподаются желающим.

Один перечень этих предметов ставит в тупик каждого мало-мальски мыслящего человека: возможно ли нескольким профессорам нести на себе этот ворох наук и наполнять ими головы питомцев семинарий? А теперь вспомните отсутствие пособий, библиотек, музеев, кабинетов; скудность содержания профессоров, нищенство семинаристов,[62]

---

[59] Макарий (Михаил Петрович Булгаков; 1816—1882), митрополит, богослов и историк церкви. Имеется в виду «Православно-догматическое богословие» (1849—1853).

[60] Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов; 1800—1857), архиепископ, писатель, член Императорской АН (1841). Соч.: Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа (1828—1830; переизд.); Жизнь св. апостола Павла (1828).

[61] Филарет (Дмитрий Григорьевич Гумилевский; 1805—1866), историк церкви, богослов, архиепископ Черниговский и Нежинский (1859). Имеется в виду «История Русской церкви» (5 т. Харьков; М., 1849—1853).

[62] Из официальных отчетов тверского семинарского начальства нам известны некоторые любопытные факты о хозяйстве семинарий. Так, например, известно, что вообще по штату на казеннокоштного семинариста полагается в год 48 руб., а на тверского семинариста расходуется по 100 руб.; воспитанник смоленской семинарии съедает в десять месяцев 8 пудов муки; здешний в то же время уничтожает (по ведомости) 18 пудов; в прежнее время выходило на 120 здешних

неимение самых необходимых учебников и проч., и проч., и вы можете представить себе, как насущны в настоящее время преобразования семинарий. Некоторые предметы положительно существуют только в списке предметов, до такой степени преподавание их жалко; таковы вольные языки, археология, естественная история, сельское хозяйство и в особенности медицина. Семинарские больницы, как нарочно, как бы вопиют студентам о вреде медицины; в самом деле, в тверской семинарской больнице (в прежнее, разумеется, время) царило решительное коновальство: в грязных, вонючих каморках лечение было для всех одинаковое: слабительное, мушка и кровопускание. Что же касается до главнейших предметов преподавания, то есть до богословских наук, то из них в особенности слабы в семинариях практические занятия: так называемые задачки (рассуждения на тексты) и проповеди.[63] Сколько мне ни удавалось их просматривать, в них — это удивительное переливание из пустого в порожнее, толченье воды в стакане; в шумихе общих фраз, к которым рано приучаются юноши, нет ни малейшей самостоятельной мысли, ни одного душевного движения, ни малейшего отношения к жизни. Мудрено ли после этого, что проезжайте вы не сотни, а тысячи верст по Руси и на 100, 200 пастырей наших едва ли найдете одного, способного написать порядочную проповедь (говорю *порядоч-*

казеннокоштных семинаристов в год около 900 пудов муки, в последние же годы на 60 семинаристов расходуется (по словам ведомости) более 1000 пудов муки. Зато в пост наблюдается строгая умеренность в пище: в похлебку на 60 человек идет в день только 5 фунтов муки и 3 фунта масла. Несъеденная похлебка идет на другой день в приправу к другому блюду. — *Прим. Семевского.*

[63] О преподавании остальных предметов можно много порассказать, да жаль и места, и времени. Напр., какой-нибудь профессор всеобщей истории выбирает себе постоянным коньком две-три личности исторических, и о чем бы ни заговорил, непременно перейдет к ним; так в тверской семинарии был подобный профессор: он охотник был производить Александра Македонского от Хама: Макиет, Макит, Махут-Китигим, Хем, Хом, Хум, Хам, и пойдет, и пойдет. Что же до царствования его, то рассказ о нем ограничивался общей характеристикой: был-де козел, скакал он, скакал — да ногу сломал. А то пустится толковать о Лютере, то есть ругать его, насколько хватит сил. Профессор по одному из труднейших богословских предметов был умнее: вы-де всё равно забудете, что вам будут толковать, курс велик, труден, предметов же много, так будем болтать. И вот острит да рассказывает анекдотцы круглый год. Третий, никогда не знавший математику, по выходе из академии получил приказ ехать преподавать, между прочими премудростями, и нелюбезную ему математику; отговорки бесполезны; первое по приезде время как человек молодой и добросовестный он стал если не учить, то хоть учиться вместе со своими слушателями; способнейшие из учеников ему же помогали. Но вот беда: пришла охота жениться; с женой да с детьми математика не могла ужиться, и она предоставлена на произвол судьбы. Но мы никогда бы не кончили, если б вздумали передавать все частные красоты семинарского образования. — *Прим. Семевского.*

ную, то есть относящуюся к жизни), чтобы была написана общепонятным языком, выражала наши чувства и проч. В настоящее время, при водворении нового крестьянского положения, как бы полезны были умные, простые, полные жизни беседы пастырей... А пастыри, за весьма немногими исключениями, молчат. — «Но они боятся говорить, боятся управляющих, боятся помещиков». Нет-с, не одна боязнь причина молчания; они не знают-с, с каким словом обратиться к пастве, а этому, главным образом, причина — семинарское образование. До какой степени оно мало развивает рассудочную, мыслительную способность, можно особенно хорошо заметить по тем из семинаристов, которые поступают в гимназию. Гимназист из семинаристов никак не сумеет вам (разумеется, первое время) ответить урок сознательно, рассуждая: он всё будет отвечать в долбяшку, зуб в зуб, как искусился у риторов семинарии.

Пора, однако, проститься с семинарией; отправимтесь в Тверскую женскую гимназию;[64] будьте уверены, что нам будут рады, тем более что со дня открытия гимназии в ней было только посторонних посетителей — 1.

В гимназии в настоящее время пять еще классов, в них 96 воспитанниц;[65] в состав гимназии вошел пансион девиц, содержимый настоящей начальницей гимназии. Некоторые тверские маменьки взяли было

---

[64] Тверская женская гимназия (1858) размещалась за Волгой (дом Решетова на набережной); с 1861 г. в бывшем здании мужской гимназии на Почтовой (Советской) пл. В то время постройка сохраняла первоначальный объем: двухэтажное здание с 4—5 окнами в каждом этаже со стороны Миллионной и Косой Новоторжской ул. Здесь обучалось 80—85 девушек. 25 ноября 1862 г. гимназия получила название Мариинской, была учреждена стипендия императрицы Марии Александровны. Значительную часть средств гимназии составляли пожертвования купцов А. Ф. Головинского, Аваевых, Капустиных, Коняевых и др. В 1863 г. 1000 руб. внес Ф. Н. Глинка. В 1882 г. здание расширили пристройкой по Миллионной ул. В 1907 г., когда число учениц стало 600, его надстроили третьим этажом. Обучение продлено до 7 лет, 8 класс — подготовка к педагогической деятельности. После 1918 г. в здании находилась единая трудовая школа 1-й ступени № 25, с 1937 г. — Дом учителя (ныне Тверской областной дом народного творчества).

[65] На полный курс назначается шесть лет; за обязательные предметы, то есть Закон Божий, русский язык, арифметика, физика, естественная история, история, география, чистописание, рисование, плата 30 руб. в год, за необязательные иностранные языки 5 руб. сер. за каждый язык; дети лиц недостаточных вместо 30 руб. платят половину; пансион при гимназии вмещает до 50 девиц; годовое содержание пансионерки, кроме платы за учение, 120 руб. в год. Тверская губерния может справедливо похвалиться женскими заведениями; если не ошибаемся, подобные гимназии, кроме Твери, открыты во Ржеве, Кашине и в Торжке. Помещичьих же школ в Тверской губернии (по 1 июня) состояло только 3; воскресные школы в 1861 году были в Твери, во Ржеве, в Осташкове и в Вышнем Волочке. — *Прим. Семевского.*

своих дочек при вести, что их будут воспитывать вместе с мещанками, но теперь свыкаются с мыслью о преимуществах открытого воспитания против закрытого, институтского. Да и нельзя не свыкнуться при таких методах преподавания, какие я заметил на лекциях истории, закона Божия и русского языка. Это были не *уроки*, а *беседы*, искусно веденные преподавателями; вопрос следовал за вопросом, девочки вызывались быстро одна за другой, так что внимание класса напряжено, все слушают, каждая спешит найтись в ответе, время летит и скоро, и полезно, и без малейшего утомления с той и другой стороны. В особенности нельзя было не порадоваться на преподавание закона Божия. Этот важнейший предмет редко преподается не сухо и не вяло... В низшем классе занимается преподаванием русского языка недавно выпущенная воспитанница Смольного монастыря, причем прекрасно пользуется новейшею методою практического преподавания родного языка, руководствуясь книгою г. Ушинского.[66]

Все девочки в однообразных платьицах (это уж маленькая формалистика!), и несмотря на то, что классы освобождены от присутствия классных дам, все и сидят, слушают, и отвечают весьма удовлетворительно; все девочки-малютки отвечали на мои вопросы свободно, без ложного стыда, без опущения очей в землю, робкого топтания на одном месте, без стыдливого румянца на щечках — словом, без всех тех обычных явлений ложного стыда, без которого ни одна почти пансионерка и институтка не стала бы отвечать (в старину) не только постороннему посетителю, но и своему преподавателю.

Я не удержался, чтоб не спросить нескольких девочек, кто такие их родители: у одной оказался мещанин-торговец, у другой — чиновник, у третьей — служащий на пароходной пристани, у прочих священник, диакон и проч. (Мещан оказалось 15, духовного сословия 8 и т. д.) При этих ответах я заметил, что сословных отличий среди этих девочек нет никаких; все они общие подруги, все связаны, сравнены общим стремлением — учиться и учиться. И помогай вам Бог выучиться тому, что, по словам вашего руководства, даст вам «со временем возможность занять в обществе почетное (?) и полезное место и жить на пользу себе и другим».[67]

---

[66] Ушинский Константин Дмитриевич (1824—1870), педагог, основоположник научной педагогики в России.

[67] Руководство для воспитанниц Тверского Мариинского женского училища. Тверь, 1861. Руководство между прочими советами предлагает девочкам задавать себе каждый вечер ряд вопросов вроде следующих: «Употребила ли я с пользою средства, данные мне для образования? Умею ли я владеть собою?» и проч. Рассмотрев свое поведение, воспитанница должна заметить, к какому греху она наиболее расположена, и должна стараться побеждать всякую злую и грешную склонность. Воспитанница должна понимать необходимость тех наук, какие ей

Что до воскресных школ в Твери — то они стоят (май 1861 г.) впусте, без преподавателей, без учеников; последние уж и не доходят до школ: воскресные утра проводятся где-нибудь на перекрестке за бабками и орлянкой; так, по крайней мере, проводятся весенние и летние воскресенья; не оживятся ли рассадники *народного* образования с морозами — неизвестно. Точно так же не преуспевает и публичная тверская библиотека;[68] второй год как она существует и уже начинает чахнуть и чахнуть: в январе взносов за чтение было 150 рублей,

---

преподаются, напр. учение языка и словесности даст ей возможность *красноречиво* и правильно передавать свои чувства и мысли... Ученица не должна читать запрещенных книг, стихов и проч., а мы думаем, что руководительнице не следовало бы и указывать на существование запрещенных книг, стихов и проч. — *Прим. Семевского.*

[68] Публичная библиотека в Твери открылась 9 мая 1860 г. в здании губернского правления (ныне здание Администрации г. Твери, ул. Советская, 11). В открытии активно участвовали губернатор П. Т. Баранов, собиратель книжного фонда старший секретарь Губернского правления Н. И. Рубцов, благотворители из местных жителей. Ср.: «В Твери мы узнали тоже очень отрадную новость, что 9-го мая открывается публичная библиотека. <...> Пусть к открытию явятся единицы вместо десятков, тем лучше: можно будет вернее определить, кто принимает истинное, живое участие в начинающемся деле. Разумеется, мы поспешили в библиотеку. Что мы видели и слышали, а слышали много самых разнообразных толков, это передадим в следующей статье. А теперь скажем только, что место, где помещается библиотека, выбрано как нельзя удачнее: самый центр города на Миллионной улице. Оно показалось нам не совсем удобным: комнаты для читателей тесны. Но и то сказать: еще сколько будет читателей? Не случилось бы и того, что и эти будут слишком просторны»; «Стоило стать во главе общественной жизни Твери лицу истинно просвещенному, понимающему современные требования общественной жизни, неутомимо-ревностному делать всё, что может послужить ко благу народа, и явились чудеса. <...> В той же Твери, где, бывало, ни в одном доме нельзя было провести вечер без того, чтобы не услышать о жарких сражениях на зеленом поле, мы уже услышали горячие споры об „Накануне“, о значении того или другого журнала и т. п. <...> Публичная библиотека в Твери довольно полна и, что замечательнее всего, богата сочинениями дельными и серьезными. Это показывает, что учредитель и распорядители библиотеки имеют в виду серьезное развитие читающего люда, а не то чтобы дать ему возможность убить свое время на праздное и бесполезное чтение... <...> Значит, она вполне удовлетворяет современным требованиям. „Всё для мысли, и ничего для одного процесса чтения“ — вот что, кажется нам, избрано девизом этой библиотеки. Как и следовало ожидать, журналы преобладают над отдельными сочинениями и выписываются в числе трех-шести экземпляров каждый (шести экземпляров „Русского вестника“, при таком сильном требовании на него повсюду, показалось нам мало). Но мы заметили недостаток других журналов и не нашли, напр., „Православного обозрения“... Повторять все суждения и толки, которые удалось нам слышать по поводу самой библиотеки, подписной цены за чтение и т. п., нет нужды. Тут то же самое, что и везде...»

в феврале 70, в апреле 36; а на одно жалованье служащим при ней надобно в месяц 48 рублей. Из жертвователей[69] в последние месяцы нам назвали одного только капитана генерального штаба Величко; большая часть именитых особ, при открытии библиотеки в прошлом году поспешивших внести деньги за чтение на год, ныне не нашли нужным этого сделать, таковы: г. С-ский, о. С-м[70] и друг., так что библиотека тронула свой основной капитал (2060 р.); книги мнут, рвут; вопреки правилам, задерживают по нескольку месяцев, короче сказать, тверская библиотека не заявляет признаков на долгое и прочное существование, а жаль, так как, несмотря на краткость своей жизни, она уже принесла пользу относительно развития воспитанников семинарии и гимназии.[71]

II

Мы так утомили наших читателей посещениями учебных заведений Твери, что поспешим отдохнуть и развлечься загородной прогулкой. Пользуясь любезным предложением отца-ректора, отправимтесь вместе с ним в Малицкий Николаевский монастырь.[72] Пустынь

(*Весский А.* Из путевых заметок // Моск. ведомости. 1860. 18 мая, № 108; 25 мая, № 113).

[69] Библиотека учреждена на средства частных лиц: купца 1-й гильдии тверского почетного гражданина А. Ф. Головинского (3000 руб.), ржевского купца коммерции советника В. В. Образцова (1000 руб.), первостатейного купца из Осташкова, почетного гражданина Ф. К. Савина (500 руб.). Среди жертвователей граф Шереметев (100 руб.), граф Панин (100 руб.), помещики Мусин-Пушкин (25 руб.), Клокачёв (30 руб.). Помещик из Корчевского у. И. Г. Хавский подарил 179 наименований книг. Тверской купец И. Д. Бобров пожертвовал 7 экз. Евангелия, 5 книг по христианству, другие издания. На день открытия в библиотеке насчитывалось 3198 томов, из них 1158 на французском языке.

[70] Архимандрит Серафим, см. о нем выше.

[71] О последнем отчете Тверской библиотеки см. статью И. С. Беллюстина в «Совр. лет. Русск. вестника» № 22. Достойно замечания, что из подписчиков Тверск. библ. есть такие, которые берут «Русский вестник» и сплошь да рядом возвращают его неразрезанным. К чему все они его берут в таком случае? Да к тому, ответил мне один из знакомых, чтоб потом сказать: я-де читал «Русский вестник». — *Прим. Семевского.*

[72] Тверской Николаевский Малицкий монастырь основан между 1584 и 1595 гг. на пустоши Шевякова у р. Малицы, огибавшей монастырь с севера и запада и впадавшей в р. Межурку, приток Волги. К началу XX в. обитель имела статус заштатного необщежительного монастыря с 8—10 монахами и располагала обширным хозяйством. В 1920-е гг. закрыт, в 1941 г. полностью разрушен. С 2005 г. восстановлен братский корпус, домовой храм, звонница, подсобные помещения, трапезная, благоустроена территория. С 2011 г. совершаются богослужения по монастырскому чину.

Малицкая (основана в конце XVI ст.) лежит в шести верстах от города по Санкт-Петербургскому шоссе, влево от дороги, и скрывается в прекрасном сосновом бору на речке Малице; в прежнее время большая дорога пролегала у самых стен монастыря, что, впрочем, весьма долго не служило к обогащению обители. А между тем про главный храмовый образ в алтаре монастыря святителя Николая ходило предание, что он чудотворный, что во время сильного пожара 1676 года весь монастырь обращен был в пепел, но лик святителя Николая остался невредимым; образ-де нашли в пепле и только задняя сторона доски подернулась углем[73]... Сказание это, однако, не привлекало особенного внимания прихожан до следующего случая: в двадцатых числах февраля 1742 года мимо Малицкой обители проехала длинная вереница громаднейших карет, колымаг, повозок — то «соизволила проследовать» императрица Елизавета Петровна с двором на коронование в Москву;[74] в великолепной свите придворных ехала доверереннейшая подруга государыни, недужная беременная графиня Мавра Егоровна Шувалова.[75] Она так была слаба, что не могла ехать дальше и остановилась в подмонастырской слободке. Доктор, явившийся из Твери, объявил, что не только нет средств к сохранению жизни младенца, но что жизнь ее самой находится в большой опасности; графиня умирала, тогда хозяйка дома решилась сказать ей о чудесном образе святителя Николая Малицкого; набожная Мавра Егоровна послала за ним, отслужила угоднику молебен, молилась с умилением и дала обет перестроить монастырь: создать в нем всё каменное... Графиня получила облегчение, поехала в Москву и здесь родила сына *Николая*.[76] В ознаменование сего события родильница сняла меру с малютки; это была дощечка в 10 вершков длины, 5 вершков ширины; на ней приказано было написать образ святых: Николая-чудотворца, патриарха Мефодия и пророка Елисея. На задней стороне образа,

---

[73] В 1675 г. обитель сгорела при пожаре, но у иконы свт. Николая Чудотворца была обожжена только задняя сторона. В 1676 г. на пожертвования тверского дворянина, стольника Григория Дмитриевича Овцына был построен пятиглавый каменный храм во имя Всемилостивого Спаса с двумя теплыми приделами: свт. Николая и иконы Пресвятой Богородицы Одигитрия, восстановлены братские кельи и службы в монастыре.

[74] Коронационные торжества Елизаветы Петровны (апрель 1742) были беспрецедентно пышными; Красные ворота, под которыми проезжал коронационный кортеж, сохранялись в Москве до середины XX в.

[75] Шувалова Мавра Егоровна (урожд. Шепелева, 1708—1759), ближайшая подруга Елизаветы Петровны, статс-дама ее двора, жена П. И. Шувалова.

[76] Шувалов Николай Петрович (1742—1754), граф. Похоронен в приделе Николая Чудотворца Спасской церкви Малицкого монастыря, рядом с матерью.

находящегося в монастыре, находятся надписи: «Сия мера: родился сержант гвардии Преображенского полку граф Николай Петрович Шувалов. Род. 14 июня 1742 года в Москве, во дворце Головином. Восприемницей удостоила быть е. и. в. в. г. н. Елисавета Петровна. Восприемником был его в. г. в. к. Петр Федорович». В признательность св. Николаю за чудесное исцеление[77] графиня с мужем своим графом Петром Ивановичем[78] сделали на образ золотую ризу, украсили драгоценными камнями и в нарочно вырезанной надписи навеки заявили, что заступничеству сего угодника вручают своего сына.[79] С 1742 же года графиня Шувалова стала присылать в монастырь вклады: дорогие сосуды, кресты, священные книги и проч. Вследствие ее рассказов о чудесном исцелении многие придворные дамы, между прочим Авдотья Ивановна Чернышева (Авдотья — бой-баба! как называл ее Петр),[80] наконец сама императрица, прислали богатые вклады.[81] Впрочем, большая часть пожертвований императрицы была удержана тверским архиереем в ризнице городского собора ввиду лучшего их сохранения. Впрочем, к исполнению главнейшего обещания — перестроить заново всю обитель — Мавра Егоровна приступила нескоро. В интересной ризнице монастыря до сих пор можно видеть деревянную модель высокого трехъярусного храма с колоннами; замечательный по красоте и соразмерности частей храм напоминает бессмертные создания тогдашней знаменитости Растрелли. Жаркое

---

[77] Впрочем, исцеление было неполное: из записок одной современницы известно, что Шувалова всю жизнь страдала некоторыми последствиями болезни своей 1742 г. Ек. стр. 144. — *Прим. Семевского.*

Речь идет о «Собственноручных записках» Екатерины II; совр. изд.: *Екатерина II*. Сочинения / сост. и прим. В. К. Былинина, М. П. Одесского. М.: Современник, 1990.

[78] Шувалов Петр Иванович (1711—1762), граф, генерал-фельдмаршал (1761), участник дворцового переворота 1741 г., руководил правительством при Елизавете Петровне.

[79] Отдавая сына в милостивое защищение угоднику, родители почли нужным выставить полные свои титлы, чем весьма характеризуется тщеславие тогдашних аристократов; вот эта надпись от слова до слова: «1751 года генваря 1 от сенатора действительного камергера генерал-поручика генерал-адъютанта лейб-кампании подпоручика и кавалера святого Александра и святыя Анны г. П. И. Шувалова и жене ево действительной статс-даме г. М. Е. Шуваловой вручен сему чудотворному образу сыну их большому лейб-гвардии Преображенского полку сержанту г. Николаю Шувалову». — *Прим. Семевского.*

[80] Чернышева Авдотья (Евдокия) Ивановна (урожд. Ржевская; 1693—1747), графиня, генеральша, фаворитка Петра I.

[81] См.: Описание Николаевского Малицкого монастыря / сост. Ф. Виноградский. Тверь: тип. Губ. правл., 1859; *Ливотов Е. В.* Вклады гр. Шуваловых в Николо-Малицкий монастырь. Тверь: тип. Губ. правл., 1907.

и неустанное участие в придворных интригах отвлекало благочестивую Мавру Егоровну от исполнения ее желания до 1751 года.[82] Только тогда разобрана была прежняя монастырская церковь и приступлено к постройке нового храма по образцу великолепной модели; естественно, что создание такого храма требовало много денег и много времени; то и другое расходовалось графиней в ее придворной жизни, и поэтому немудрено, что постройка подвигалась весьма медленно; за присмотром над работами от графа Шувалова определены были капитан и капрал с шестью солдатами; граф Петр Иванович, сановник именитый, по обычаю того времени распоряжался офицерами и солдатами как своими служилыми людьми. Между тем в обитель продолжали присылать разную утварь, книги и образа; бесспорно, драгоценнейший вклад — это был образ мозаичный работы знаменитого Ломоносова.[83] Это нерукотворенный образ Спасителя в два вершка с половиною длины и два с четвертью ширины; он вправлен в серебряную вызолоченную рамку; на задней стороне образа надпись: «Сей нерукотворенный образ Христа Спасителя нашего по желанию сиятельнейшей графини Мавры Егоровны Шуваловой сложен Михаилом Ломоносовым в начинании опытов мозаического художества в Санкт-Петербурге 1753 года». Можете представить, с каким любопытством рассматривал я грубую (особенно уродливо сделаны губы), весьма неискусную работу бессмертного Ломоносова, его *первый опыт* мозаического художества. Это драгоценное достояние Малицкой обители всегда будет привлекать внимание путешественника. Считаем излишним пересчитывать вещи, присланные Шуваловыми в этот монастырь; они переименованы в печатном описании монастыря и хранятся в ризнице. Графиня хотела завести в монастыре многочисленную братию так, чтоб каждый день служили по три литургии;

---

[82] Работы по каменной застройке монастыря в стиле барокко начались в 1751 г. Территория монастыря (четырехугольник 138,5 x 85 м) была обнесена каменной стеной с башнями по углам. В центре находился Спасский собор в виде усложненного греческого креста с приделом свт. Николая и ризницей; к востоку от собора братский корпус; в южной части настоятельские покои; над Святыми вратами двухъярусная колокольня, по сторонам церкви Покрова и Петра Афонского. В одной из них — икона работы М. В. Ломоносова.

[83] *Ломоносов М. В.* Спаситель Нерукотворный Спас. 1753. Мозаика. 11,2 x 9 см. ГИМ. Мозаика набрана крупными кусками колотой смальты неправильной формы, рассчитана на отдаление от зрителя. Лик Христа (лицо полное жизни, зоркие глаза) восходит к иконописи XVII в. Мозаика поступила в монастырь вместе с другими иконами М. Е. Шуваловой; до 1917 г. хранилась в монастыре, затем передана в Калининский краеведческий музей, в 1948 г. поступила в ГИМ (*Макаров В. К.* Художественное наследие М. В. Ломоносова: мозаики. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 149–150).

предназначалось выстроить в монастыре шесть церквей, но все эти работы скоро значительно уменьшились, а потом и вовсе прекратились. Мавра Егоровна скончалась 9 июня 1759 года, на 52-м году от рождения. Тело ее с торжеством, в сопровождении ею завещанной святыни, также двух пушек и двух знамен, трофеев ее мужа, перевезено в монастырь и здесь погребено в склепе под правою придельною церковью.[84] В этом склепе в свинцовом гробе положен ее сын Николай (ум. в 1754 г.), а в девяти деревянных гробах — остальные члены ее фамилии. Достойно замечания, что гробы не были зарыты в землю, а поставлены на деревянные катафалки; говорят, что Мавра Егоровна завещала себя не погребать в уверенности, что этим спасется от пожрания червями; гробы и катафалки сгнили, и шуваловские кости рассыпались; так они и оставались до 1829 г., когда при переделке нижнего свода иеромонах Арсений[85] собрал их в два общие гроба.

Монастырь невелик: в нем четыре монаха; посещается он народом довольно редко, а между тем по красоте местоположения, по своей постройке (далеко, впрочем, отступившей от исполнения модели), по мозаичной работе Ломоносова и, наконец, по своей ризнице заслуживает особенного любопытства. Здесь каждая вещь напоминает графиню Мавру Егоровну и ее мужа: вот громаднейшие сосуды, кадила, блюда, дарохранительницы; двухпудовое Евангелие в драгоценном окладе,[86] золотой крест с частицей от ризы Спасителя (им благословила Николая Шувалова императрица Елизавета), старинные деньги, множество церковных облачений из дорогих платьев Мавры Егоровны, два знамени, три-четыре сотни церковных книг, издания времен Елизаветы, наконец, у окна — она сама, Мавра Егоровна, то есть ее живописный, прекрасно сделанный современный портрет. Я долго и внимательно вглядывался в это красное, оплывшее лицо, серые хитрые глаза, в развитый бюст этой лукавой, честолюбивой женщины. Мавра Егоровна изображена в розовом платье декольте, с напудренною прическою; на плечи накинута горностаевая шуба.

Тут же стоит портрет ее мужа: Петр Иванович как живой выступает из рамки портрета, так живо схвачено выражение его физиономии:

---

[84] Из трофеев, с которыми провожали тело Мавры Егоровны, уцелело только одно знамя: оно из белой тафты с изображением *единорога*, окруженного воинской арматурой. — *Прим. Семевского.*

[85] Арсений, эконом Архиерейского дома, строитель Николо-Малицкого монастыря (1828—1831). См.: Описание Николаевского Малицкого монастыря. С. 96—97.

[86] Оно пожертвовано графом П. И. Шуваловым в поминовение о супруге в 1759 г. По необыкновенному весу этого подарка можно судить о горести Петра Ивановича. Евангелие стоит без употребления по причине своей величины и тяжести. — *Прим. Семевского.*

это тип придворного куртизана, на устах лукавая улыбка, римский нос, во всей физиономии лукавство, корыстолюбие и властолюбие. Шувалов одет в богатый зеленый кафтан, выложенный золотым позументом, с правой стороны звезда.[87]

Мы были бы готовы познакомить вас с характерами тех «вельми знатных как мужских, так и женских персон», тела которых почивают в этой уединенной обители, готовы были бы перенести вас в ту эпоху, поставить в то общество, среди которого подвизались и потрудились на свою собственную пользу братья Петр и Александр Шуваловы,[88] знаменитая Мавра Егоровна Шувалова, урожд. Шепелева (род. 1708, ум. 1759 г.) и не менее знаменитый, хотя и в другом роде, ставленник графини Мавры — граф Иван Иванович Шувалов;[89] всё это было бы очень кстати, так как мы теперь стоим в обители, сохраняющей останки главнейших деятелей этой фамилии, но, несмотря на это, мы на этот раз умолчим; а вместо всякого объяснения о причине нашей скромности вытянем пред вами ряд весьма красивых — вы думаете точек? нет — ,,,,,,,,,,,,, и только для разнообразия поставим несколько.....[90]

---

[87] Кроме этого в монастыре имеются портреты Петра I, Екатерины I, Елизаветы Петровны, Анны Петровны и ее мужа Карла Голштинского. — *Прим. Семевского.*

[88] Шувалов Александр Иванович (1710—1771), граф, доверенное лицо Елизаветы Петровны и Петра III, камергер, начальник Канцелярии тайных розыскных дел, генерал-фельдмаршал, сенатор, член Санкт-Петербургской конференции.

[89] Шувалов Иван Иванович (1727—1797), граф, генерал-адъютант (1760), фаворит Елизаветы Петровны, основал Московский университет и Императорскую АХ. Член Российской академии (1783), один из создателей Академического словаря.

[90] Впрочем, не имея возможности познакомить вас с характерами восстановителей Малицкой пустыни, укажу хоть на некоторые сочинения, в которых вы найдете эти характеристики; таковы: «Записки» Шаховского. 1821. Ч. I. С. 160—180; Ч. II. С. 55—65; «Записки» Данилова. 1842. С. 102; Бантыш-Каменский. 1836. Т. I. С. 114—116, Т. V. С. 341—347; Кн. П. В. Долгоруков. Род. кн. Ч. II. С. 148—150; Екатерина. С. 75, 84, 88, 91, 108, 116, 144, 179, 194, 222 и проч.; Manstein; Holbig. Russische Günstlinge. Тюбинген, 1809. С. 246—253 и друг. В заключение заметок и впечатлений, вынесенных нами из настоящего посещения Твери, укажем на прошлогоднее описание того же города г. С<емевс>кого в статье «Прогулка в Нижний Новгород» (Русский вестник. 1860. № 13 и 14. Совр. лет.). В этой статье указано семнадцать сочинений о Твери и Тверской губернии, о здешних монастырях, церквях, урочищах и проч. В дополнение к указанию г. С<емевс>кого укажем на обстоятельную и интересную записку И. С. Беллюстина о городе Калязине, напечатанную в «Архиве» г. Калачова за 1861 год. Что же до Твери собственно, то в библиотеке Р. Н. Никулина в Твери есть любопытная рукопись: «Топографическое и историческое описание сего города». Рук. в 4-ю д. полууставом писанная. О Твери есть также брошюра г. Мельникова, 1859. — *Прим. Семевского.*

1888
Тверь. 15-го — 20-го мая 1888 г.

I

«...Сон наяву! решительно я вижу сон наяву», — повторял я себе несколько раз, обходя в высокой степени интересный *музей* в городе Твери. Да и в самом деле — не сон ли? В 1860 и 1861 гг. был я в Твери — и здесь кроме Волги-матушки, с которой впервые тогда знакомился, нечем было любоваться, — по крайней мере, от тогдашнего гощения в Твери осталось в памяти моей лишь следующее: Роман Николаевич *Никулин*, тогдашний инспектор гимназии, добрый, почтенный человек, доживающий ныне свой век в отставке в Москве; он был моим спутником в Твери; лазали мы с ним в кладовую на колокольне собора, где показал он мне библиотеку знаменитого тверского иерарха Феофилакта *Лопатинского*;[91] был я у Матвея Ивановича *Муравьева-Апостола*[92] и Федора Николаевича *Глинки* — этих живых памятников эпохи великой отечественной борьбы 1812 г. и эпохи 1820-х годов; но вот и всё... Для любителей истории и старины в Твери ничего тогда не обреталось: мертвый город, мимо которого пронеслась чугунка и, стянув друг к другу две столицы, отбросила Тверь в сторону от любопытного взора путешественника и туриста...

И вспоминалась мне тогда прогулка моя по Франции в 1859 г.; вспоминались те музеи, те книгохранилища, те общества ревнителей и любителей истории, археологии, вообще старины, которые я находил в различных городах этой прелестной страны, — и вздыхал я об отсутствии чего-либо у себя на матушке России, и воздыхания эти, сколько помню, повторял в «Русском слове», в заметках своих «Французские провинции» (1859 г.), а впоследствии в «Русском вестнике»: «Прогулка в Нижний Новгород» (1860 г.) и в «Отечественных записках»: «От Твери до Астрахани» (1861 г.)...

И вот я опять в Твери... Передо мною тот же город с его широкими, прямыми как стрела улицами, — живое свидетельство, что не один пожар, да притом пожар лютый, грандиозный, способствовал к расширению и вытяжке в линейки ее проспектов; опять те же невозможные костоломные мостовые, те же своеобразные тротуары, с какими-то бревенчатыми ограждениями, делающими их местами канавами для невылазной грязи; но на стенах домов ряд наименований учреждений, памятников пережитой нашим отечеством великой эпохи

---

[91] Феофилакт Лопатинский (Федор Леонтьевич; 1670—1741), архиепископ Тверской, епископ, богослов, философ.

[92] Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886), участник Отечественной войны 1812 г., декабрист, участник восстания Черниговского полка.

освобождения и обновления всего внутреннего строя России: женская гимназия, реальное училище,[93] ремесленные классы,[94] земская учительская школа (имени г. Максимовича — ее учредителя),[95] отделение государственного банка,[96] земская управа,[97] окружной суд,[98] мировой съезд[99] и проч., и проч. А вот и *музей* — учреждение, лишь несколько лет тому назад считавшееся предметом праздной затеи какого-либо единичного любителя, «бросателя денег на ненужный хлам». Теперь же перед нами наше хранилище памятников старины, в наиразнообразнейших сторонах ее быта, полного самого живого, неиссякаемого интереса.

---

[93] Тверское реальное казенное училище (1875) — шестиклассное училище с дополнительным седьмым классом для поступающих в высшие учебные заведения. Здание построено во второй половине XIX в. на месте разобранных служебных корпусов Путевого дворца, занятых в 1820-х гг. юнкерским училищем; в 1875 г. перестроено архитектором П. Ф. Федоровым. Здание представляет длинную двухэтажную постройку в стиле эклектики со срезанным углом, обращенным на улицу. В интерьере сохранилась широкая чугунная лестница, кафельные печи, двери. Ныне — ТГОМ (ул. Советская, 5).

[94] Ремесленное училище благотворительного общества «Доброхотная копейка», см. о нем ниже.

[95] Тверская женская учительская школа, см. о ней ниже.

[96] Тверское отделение Государственного банка (1865) было открыто в двухэтажном здании на пересечении ул. Миллионной и Знаменского пер. Первый управляющий — Н. М. Балкашин, кашинский дворянин, отставной гвардии ротмистр, коллежский асессор (ГАТО. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1568). Национализировано (1918), после национализации — Тверское отделение Народного банка.

[97] Губернская земская управа (1866) — исполнительный орган губернского земского собрания, избираемого от всех сословий на основе имущественного ценза. Функции: исполнение распоряжений губернских земских собраний, управление имуществом и хозяйством земства, составление смет и отчетов, контроль за поступлением земских доходов и расходованием земских средств, рассмотрение исков и жалоб. С 1896 г. находилась в Г-образном здании на Почтовой пл. (ул. Советская, 44/44). При реконструкции архитекторами Н. Я. Колли и А. С. Трайниным (1944—1949) дома комплекса объединены в трехэтажный корпус, над угловой частью надстроен бельведер, фасады декорированы в духе сталинского ампира.

[98] Окружной суд — судебный орган (1864), судебный округ — 2-3 уезда; рассматривал уголовные (присяжные заседатели) и гражданские дела, неподсудные мировым судьям.

[99] Губернский съезд тверских мировых посредников известен тем, что в декабре 1861 г. обратился к Александру II с адресом о «принципах уравнения сословий» и необходимости путем правительственных мер немедленного выкупа крестьянских наделов. Тринадцать мировых посредников были посажены в Петропавловскую крепость, после пятимесячного заключения приговорены к заключению на 2 года, но амнистированы.

Тверской музей[100] основан в 1866 г. в качестве промышленного музея, как собрание образцов промышленности Тверского края. Коллекции его были и в этом отношении незначительные, но с 1872 г. он получил быстрый рост и развитие: предметы глубокой древности, палеонтологии, археологии, нумизматики, этнографии, истории, вообще всего, что воскрешает быт обитателей нашего отечества вообще и Тверского края в особенности, — всё нашло себе место здесь, в этом музее, который заставил нас забыть то чувство зависти и горечи, с которыми мы еще недавно, в 1887 г., обходили множество городских музеев в Германии и Швейцарии, обходили с чувством досады, что ничего подобного, как нам казалось, нет на Руси, в ее губернских городах, нередко, однако, бывших *стольных* городах отдельных княжеств. И вот сон наяву! Правда, что для того, чтобы ему осуществиться, необходимо было пройти чуть не четверть века; ну да на Руси, со времени Ильи Муромца, спят подолгу, но и здорово просыпаются.

Музей в Твери занимает весьма обширный зал в роскошном здании губернской гимназии (памятник энергии знаменитого предводителя тверского дворянства в 1860-х годах А. М. *Унковского*,[101] довершившего многолетнее и при его предшественниках злополучное сооружение этого здания). Зало очень светлое, высокое, пол каменный. Оно наполнено целым рядом самых разнообразных коллекций: здесь предметы промышленности и вообще заводской и фабричной деятельности обитателей Тверского края. Стекло, посуда, бумага, деревянные изделия, материи, большая группа манекенов со своеобразными женскими уборами — это представительницы уездов Тверского края, — уборы, совсем уже теперь вытесненные из употребления *модою* новейшего времени, а вот и коллекция предметов древностей. С какою любовью и заботливостью они собраны! *Четыре часа* провели мы в их обзоре и не заметили, как пролетело время в их осмотре и в слушании объяснения главного создателя и хранителя этого музея — мы говорим

---

[100] Тверской музей (1866) основан как историко-археологический по инициативе Тверского губернского статистического комитета; комиссию по его созданию возглавил губернатор Твери П. Р. Багратион. Располагался в здании Тверской мужской губернской гимназии (ул. Советская, 4), с 1896 г. — в Императорском путевом дворце. Накануне 1917 г. был одним из богатейших провинциальных хранилищ древностей; включал 18 тыс. экспонатов: около 7000 свитков, свыше 900 рукописей, архивы дворянских родов, более 150 старопечатных книг.

[101] Унковский Алексей Михайлович (24.12.1828, сц. Дмитрюково Тверского у. — 20.12.1893, Петербург), юрист, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., предводитель дворянства Тверской губернии (1857—1859).

об Августе Казимировиче *Жизневском*.[102] До 4300 предметов вмещает именно отдел древностей музея, в то время как еще в 1872 г. было лишь менее десятка этих предметов.

Укажем в самой беглой, краткой заметке предметы, особенно привлекшие наше внимание. Вот железные орудия, *косари*, весьма своеобразной формы, которыми косили предки наши тысячу и более лет тому назад; два камня, найденные в 1835 г. Ф. Н. Глинкою в Бежецком уезде,[103] с весьма древними изображениями трех прямоугольных четырехугольников, включенных один в другой, и надпись славянскими и греческими буквами *Степан*, что объясняется учеными, якобы камень положен на могиле Степана, убитого на поединке. Надпись на другом камне, будто бы начертанная сложными рунами и прочитанная: «Иварови (или Ингварови, или Игореви) взят», т. е. поставлен, воздвигнут, породила немалую полемику ученых изыскателей. Надгробные памятники с *выпуклыми изображениями трехконечного креста*, составляющего особенность таковых камней наидревнейшей эпохи Тверского края. В высшей степени интересный памятник XII-го века — *Стерженский каменный крест*, поступивший в музей из погоста Стержа Осташковского уезда, а на нем надпись: «6641 (1133 г.) месяца июля 14 день почах рыти реку сю яз Иванко Павловиц и крест се поставих».[104]

---

[102] В течение последних тридцати лет кряду *А. К. Жизневский* неустанно трудится в городе Твери. Занимая более четверти века пост управляющего тверской казенной палаты, А. К. посвящает все свои досуги, по выражению адреса городской думы, поднесшей ему 13 апреля 1888 г. звание почетного гражданина города Твери, «на заботы о поддержании и процветании благотворительных заведений», а также «научных учреждений к познанию истории Тверской губернии и самого города Твери». Кстати отметим из нашего альбома «Знакомые» (Т. IV. С. 35), что «А. К. Жизневский род. в 1819 г. в Полоцке, кончил курс наук в Московском университете в 1841 году». — *Прим. Семевского.*

Жизневский Август Казимирович (28.08.1819—19.03.1896), управляющий казенной палатой, создатель Тверского музея, Тверской ученой архивной комиссии. Составил описания древних икон, монет, рукописей, изразцов и памятников каменного века, находящихся в Тверском музее. Изд.: Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879; Описание Тверского музея. Археологический раздел / прим. гр. А. С. Уварова. М.: Синод. тип., 1888.

[103] См.: *Глинка Ф. Н.* О древностях в Тверской Карелии: извлечение из писем к П. И. Кеппену из 3-й книжки Журнала Министерства внутренних дел 1836 года. СПб.: тип. Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1836.

[104] Ср.: *Жизневский*. С. 25—26.

По древности надписи этот памятник занимает второе место между известными русскими памятниками, т. е. первое после знаменитого Тмутараканского камня (граничный межевой камень князя Рогволодова, 1171 г.);[105] но и по значению принадлежащий Тверскому музею камень весьма знаменателен: он остается немым свидетелем того, что еще в XII веке производимо было углубление и расширение для удобного судоходства реки Волги, которая в том месте, где найден этот камень, мелка и узка. Упоминаемый в надписи Иванко Павловиц, как предполагает г. Жизневский, есть храбрый новгородский посадник Иванко Павлович, павший в 1135 году в бою с суздальцами... В «Описании Тверского музея» А. К. Жизневского исследованию о помянутом камне посвящены весьма интересные страницы. Помянутый камень из глубины XII-го века служит укором министрам путей сообщений первой половины XIX-го века, небрегшим о своевременном углублении и улучшении фарватера Волги — кормилицы России.

Пройдем, однако, по музею, оставляя, за недостатком в нашей статье места, много заметок в записной книжке; упомянем лишь о тех предметах, которые остановили особое наше внимание. Так, в отделе памятников *церковных* — весьма замечательна икона св. князя Владимира и преподобных Аркадия Новоторжского и Моисея Угрина. Икона длиною 2 арш. и шириною 1 арш. 6½ вершк. Писал ее Пимен *Федоров*, зовомый Симон *Ушаков*, с учеником своим в 1677 г., что и выяснено в длинной надписи того времени. Это был царский жалованный иконописец Оружейной палаты, знаменитый своим талантом (умер в 1686 г.).[106]

---

[105] Тмутараканский камень (мраморную плиту с высеченной на ней русской надписью, 1068) обнаружил Н. А. Львов в 1792 г. в Тамани, в развалинах фанагорийской крепости (*Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Гений вкуса: Н. А. Львов. Итоги и проблемы изучения: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. С. 231; *Майофис М. Л.* Тмутараканский камень в культурном строительстве конца XVIII — начала XIX века // Философский век. Вып. 10: Российский философ как социокультурный тип. СПб., 1999. С. 132—139). С публикации надписи А. И. Мусиным-Пушкиным (1794) и исследования А. Н. Оленина начались русская эпиграфика и палеография. Уникальность надписи ставила под сомнение ее подлинность, но теперь она признана подлинной. Надпись связана со «Словом о полку Игореве» временем создания и упоминанием Тмутаракани (*Рождественская Т. В.* Тмутараканский камень // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. Слово Даниила Заточника — Я. Дополнения. Карты. Указатели. С. 122—123).

[106] Ушаков Симон (Пимен) Федорович (1626—1686), московский иконописец и график. Зиновьев Георгий Терентьевич, жалованный царский иконописец (1670). Святые благоверный князь Владимир, преподобные Моисей Угрин

Е. Ф. Недоносков
Преподобные Ефрем и Аркадий, новоторжские чудотворцы. 1720.
Фрагмент прориси

Икона преподобных Ефрема и Аркадия, новоторжских чудотворцев,[107] письма вполне мастерского, начала XVIII века; икона

и Аркадий Новоторжский. Икона. 1677. Дерево, паволока, левкас, темпера. ТОКГ. Описание см.: *Жизневский*. С. 41–42.

[107] Недоносков Евфимий Федорович (1689 – не ранее 1758). Преподобные Ефрем и Аркадий, новоторжские чудотворцы. 1720. Икона. Тверской музей; современное местонахождение неизвестно. «На иконе сохранились надписи, обозначающие изображенные здесь здания, как-то: духовный приказ, кельи келарские, братские, казенка, житница, архимандричьи кельи, сени, трапеза и поварня, что свидетельствует об устройстве и расположении монастырей в XVII столетии. Внизу изображения святых имеется надпись деяния, а под нею на полях следующая надпись: „1720 художества сего свидетельствованный изограф, новоторжец, Филипповской пономарь Евфимий Недоносков“. Письмо весьма тонкое, мастерское, начала XVIII века, с очевидным влиянием ушаковской школы и живописного элемента. Церковь св. Филиппа Апостола, существовавшая в Торжке, упразднена и разобрана в 1807 году. Икона дл. 12½ д. и шириною 10½ д.»

весьма интересная именно потому, что на ней изображены все здания, находившиеся в XVII и начале XVIII столетий внутри монастыря, о чем свидетельствуют и надписи на этих зданиях. Старинный оклад от иконы Тихвинской Божией Матери, новгородских письмен,[108] любопытен для объяснения того, как писалась на иконах *чистая душа*... В музее между многими иконами старинного письма особенный интерес имеют те, которые изображают знаменитых подвижников, уроженцев именно Тверского края, как, например, архимандрит *Дионисий*, в мире Давид, уроженец г. Ржева и в 1610 г. бывший архимандритом Троице-Сергиева монастыря,[109] и некоторых других. Вообще икон здесь много,

---

(*Жизневский*. С. 45). Другие работы Недоноскова: Максим исповедник, с житием в 12 клеймах. 1727. ГРМ; Введение во храм. 1731. Новоторжская Николопустынская церковь; современное местонахождение неизвестно; Никандр, Прохор, Александр Невский и Алексей Божий человек в предстоянии перед иконой Богоматери. 1750/1776. Из Александро-Невской лавры, ГРМ.

[108] Ср.: «*Старинный оклад от иконы Тихвинской Божией Матери*, новгородских писем, пожертвованный А. Е Сорокиным, для объяснения того, как писалась на иконах *чистая душа*. На полях означенной иконы, как обозначают прорезные места, где были фигуры святых и надписи на окладе, изображены были: вверху — Св. Троица, в виде трех ангелов; по сторонам ее — св. Иаков пресвитер и прп. Иосиф Волоколамский; пониже, по сторонам иконы Божией Матери, — св. великомученик Никита и прп. Сергий Радонежский. В самом низу, в углах, в круглых клеймах, изображены — в одном Шестоднев, а в другом углу — *Чистая душа*. Шестоднев представлен в шести небольших кружках, в коих изображены шесть фигур. *Чистая душа* представлена <...> в виде юной девы, попирающей змия и угашающей пламень. Над нею вычеканена следующая надпись: „Душа чиста, аки девица, не скверна, смирением змия попра, слезами пламень погаси“. Между Шестодневом и Чистою душою изображены с одной стороны прп. Зосима, а с другой — прп. Савватий, соловецкие чудотворцы, и посредине гроб, а над ним три человека в наклонном состоянии, с надписью: „Житие мое яко вода течет, а слава моя ничтоже ми бысть. Вчера тело честно, а днесь в гроб вселися“. Оклад медный, вызолоченный, величиною 12½ и 10 вершк., с красивым орнаментом» (*Жизневский*. С. 51).

[109] Дионисий Зобниковский (Давид Федорович, 1570/1571, Ржев — 10.05.1633), преподобный, архимандрит Троице-Сергиева монастыря. Отец был старостой Ямской слободы. Окончив обучение при Старицком Успенском монастыре, хотел стать монахом, но по воле родителей женился и стал священником в с. Ильинском около Старицы (1595—1596). Через 6 лет жена и двое сыновей умерли, и он принял монашество в Успенском Старицком монастыре, в 1605 г. стал архимандритом обители. Когда в Старицкий монастырь был сослан патриарх Иов, Дионисий принимает его как безвинно преследуемого и сближается с ним. Прибыв в Москву в 1607 г., становится помощником патриарха Гермогена в деле охранения законного порядка. В 1610 г. назначен архимандритом Троице-Сергиева монастыря. Узнав о резне между поляками и русскими и о сожжении Москвы 19 марта 1611 г., Дионисий отправил в Москву отряд Авраамия Палицына, рассылал по городам грамоты, призывая ополчиться на защиту отечества.

и они составляют в музее весьма интересный отдел;[110] еще более того любопытны *царские двери*; их, если не ошибаюсь, до десяти и из них некоторые времен Иоанна IV Грозного, а есть, например, царские двери — никак не позднее XV-го века, вышиною всего 1 арш. 11 вершков и шириною 13 ¾ вершков... Но что любопытно в Тверском музее и приведено в превосходный порядок — это собрание *крестов*. Что за богатая коллекция и с какою рачительностью приведена она в порядок А. К. Жизневским! Крестов до 800 экземпляров, и, по свидетельству самых компетентных археологов, отзывы которых приведены г. Жизневским в его почтенном труде, многие кресты принадлежат X, даже IX векам, когда они употреблялись язычниками, предками нашими, как еще простое украшение, без изображения святых, с одним лишь орнаментом на них. Описанию крестов г. Жизневский посвятил до 20 страниц в своем труде, расположив предметы в строго систе-

---

По мнению ряда исследователей, грамоты Дионисия подняли Минина и нижегородцев. С 1616 г. занимался исправлением богослужебных книг. По подозрению в ереси в 1618 г. отлучен от церкви и заключен в Московский Новоспасский монастырь, но в 1619 г. вновь назначенный патриарх Филарет вместе с иерусалимским патриархом Феофаном оправдали его и с честью возвратили в Троицкий монастырь. Во второй половине XVII в. причтен к лику святых. Речь идет о списке И. И. Ощвусова с иконы прп. Дионисия, Радонежского чудотворца; подлинная икона XVII в. находилась во Владимирской церкви Ржева; список подарен ржевским городским головой Е. В. Берсеневым (*Жизневский*. С. 55–57).

[110] Помимо названных Семевским, Жизневский указывает иконы: Рождество Пресвятыя Богородицы; Ростовские чудотворцы Леонтий, Исайя и Игнатий; Свв. мчч. Борис и Глеб (все XV–XVI вв.); Преподобный Иоанн, списатель лествицы, или Лествица преподобного Иоанна (XVI – 1-я пол. XVII в.); Св. Василий Кесарийский (Великий; XVI в.); Иоанн Креститель (не дат.); Воскресение Христово; прп. Макарий Египетский (обе XV в., из Краснохолмского монастыря); наперсная Свв. мчч. Кирик и Улита (не дат., дар Е. Н. Бастамовой, Тверь); каменная Коронование Божией Матери (1777, дар И. В. Назарова, Тверь); Свв. мчч. Флор и Лавр (не дат., дар Симонова, свящ. Тихвинского погоста Ржевского у.); символическая (1-я пол. XVII в., вариант иконы XVI в.); Распятие Господне (нач. XVIII в., дар Н. В. Проскуряковой, Осташков); Св. Троица (не дат., из деревянной Вознесенской церкви, Торжок); О тебе радуется, обрадованная, всякая тварь, Архангельский собор и человеческий род (не дат., из Твери); Введение во храм Пресвятой Богородицы (не дат., по новгородскому подлиннику XVI в.); Крест Господень с предстоящими в молении (1656, дар А. С. Мыльникова); Тихвинская Божия Матерь (по семейному преданию, нач. XVII в., дар Е. Н. Березиной); резная на дереве Двенадцать великих праздников (XVII – 1-я пол. XVIII в., дар В. П. Успенского); с резным на дереве изображением семиконечного креста (не дат., дар Ф. И. Крылова, Весьегонск); с резным на дереве изображением осьмиконечного креста (не дат, из Торжка) и др. (*Жизневский*. С. 41–60). Ныне частично в собрании ТОКГ.

матический порядок.[111] Кстати о порядке. В музее Тверском во всем виден не только любитель и знаток дела, но просто остроумный мастер *устроения научных коллекций*: кресты, серьги, перстни, мелкие орнаменты — все развешаны в особо устроенных шкафчиках, под стеклами, содержимое которых видно с трех сторон, на движущихся досках вертикальных; каждая вещица на проволоке тонкой, на каждой из них ярлычок (из тонкого, но твердого картона) с четкою, обстоятельною надписью. А монеты! Их множество, и особенно богата коллекция монет *Тверского* княжества; они вделаны в тонкие дощечки, фанерки орехового дерева; обтянуты дощечки эти стеклами, подле монет надпись и ссылка на того писателя-нумизмата, который описал монету в своем печатном труде и указал на ее значение. Обозреватель может взять в руки таковую легкую небольшую доску и осматривать монеты, в нее вделанные, с обеих сторон; вынуть монету возможно лишь отвинтив в верхней планке штифтик, что не всякий заметит. Чрезвычайно просто, красиво, удобно! А ведь труда-то сколько собирателю и хранителю с подбором коллекций, очисткой монет и их определением! У г. Жизневского в его квартире столы, подоконники — всё наполнено коробочками, свертками с монетами, нередко весьма мелкими, и всё это тщательно обернуто в бумажках... В спальне чуть не целая лаборатория для очистки экземпляров монет, века́ пролежавших в земле, от всякой грязи.

Собрание сосудов церковных, начиная с самых простых, древних, церковных облачений и лоскутов тканей от таковых облачений — иные дивные по узору, несколько свадебных венцов начиная от жестяных (начала XIV века) до тяжелых деревянных (6 фунтов весом) и железных — всё это составляет церковный отдел музея.[112] Между подсвечниками, люстрами, паникадилами и особенно лампадками древними имеются экземпляры необыкновенно изящные, — так и хочется сказать нашим золотых и серебряных вещей мастерам, почему они, фантазируя в изобретении рисунков для них и сбиваясь на иноземный лад и вкус, не обращаются к древним образцам чисто русского искусства, сохраняющимся в Тверском и подобных ему музеях? Тут же в Тверском музее вы находите — железные шапки и пояс юродивого, вериги и проч. Богослужебные книги восходят в тверском собрании до XV века. Невелико собрание оружия и кольчуг, но имеются экземпляры (кольчуг), очень хорошо сохранившиеся, и из эпохи тех кроворазлитий, которые учиняли татарские баскаки в Твери при частых восстаниях тверитян против своих утеснителей, так, например, кольчуга-юмшан с надписью арабскою... Домашняя утварь и уборы женские представлены

[111] Описание крестов см.: *Жизневский*. С. 72—106.

[112] Описание церковного отдела см.: *Жизневский*. С. 119—134.

в предметах разных эпох; особенно богата коллекция серег; сюда поступили целые их собрания, например священника *И. М. Берестова*;[113] равно значительно собрание перстней... Интересны большие стенные часы работы знаменитого самоучки механика Терентия Ивановича *Волоскова*;[114] они показывают часы, минуты, дни недели, числа месяца, месяцы, простые и високосные годы, фазы луны и числа лунного месяца... Часы сделаны во второй половине XVIII века и ходят до сих пор... Не останавливаемся на множестве мелочей старинного домашнего убранства, тут всё есть до гребенок, уховерток и щипчиков для выдергивания из носу волос... Таким образом, быт или, лучше сказать, бытовая обстановка обитателей Тверского края за сто, двести и более лет тому назад вся подымается пред обозревателем музея, во всех подробностях, вся оживает пред нами!

Весь этот музей, с его 4300 уже каталогированными и тщательно описанными предметами, наводит нас на отрадные размышления: не одни же заграничные города, которых я посетил множество в 1887 году, путешествуя по Германии и Швейцарии, могут организовать свои музеи древностей! Там, за рубежом нашим, — как бы нередко мал город ни был, — в нем почти всегда найдете те или другие научные исторические коллекции, доступные обзору путешественника. Отныне и у нас, в России, в губернском городе явись только энергический и просвещенный собиратель и любитель старины — и он найдет сочувственную поддержку, явятся вклады вещами, да и самые вещи точно из-под земли (иногда и в буквальном смысле) к нему явятся. Итак, организация таковых музеев и у нас в России не только в столицах, но и в провинции вполне возможна, а уж о пользе таковых собираний древностей распространяться не приходится! До какой же степени таковой музей может вызывать интерес в жителях города и приезжих в него, видно из чисел его посетителей: они являются в музей по воскресеньям и являются от 150, 200 до 700 человек в день! В особенности их много после народного чтения в одной из соседних зал гимназии, когда многочисленные слушатели чтения считают необходимым обозревать музей.

Прочно ли положение музея? Нам кажется оно прочным. Он состоит при местном статистическом комитете и, конечно, будет поставлен в самую тесную связь с деятельностью Тверской ученой архивной

---

[113] Берестов Иоанн М., священник церкви свт. Николая Чудотворца (1684) погоста Подольховец, Спасской церкви Борзынского прихода (1883) Вышневолоцкого у.

[114] Волосков Терентий Иванович (1729—1806), изобретатель из Ржева. Создал ряд сложных часов; изготовлял оптические астрономические приборы; организовал выделку и продажу красок (кармина, бакана, белил и др.). См. также: *Тверь 1*, с. 178—186.

комиссии, председатель которой *А. К. Жизневский* есть душа и двигатель этих обоих учреждений.[115]

II

18-го мая вечером было заседание Тверской ученой архивной комиссии.[116] Я имел удовольствие быть приглашенным в это заседание. Собралось четырнадцать членов при участии непременного попечителя комиссии — губернатора *А. Н. Сомова*.[117] Всё это народ служилый, высшие, по положению своему, чиновники в городе Твери с присоединением почтенного старца протоиерея *В. Владиславлева*,[118] некоторых учителей семинарии, архивариуса — он же секретарь консистории,[119] и проч.

---

[115] Превосходный труд «Описание тверского музея. Археологический отдел» А. К. Жизневского с примечаниями (покойного) графа А. С. Уварова, начат печатанием еще в 1895 году в «Древностях», издании Императорского московского археологического общества, в т. VII, IX, X и XI. Описание украшено множеством политипажей, фототипий и хромолитографий. Выйдет оно в свет в 600 экз. — *Прим. Семевского.*

[116] Тверская губернская ученая архивная комиссия (ТУАК; 1884—1923) открыта на основании Положения комитета министров «О губернских исторических архивах и губернских ученых архивных комиссиях» по инициативе директора Петербургского Археологического института Н. В. Калачова. Первый состав ТУАК: епископ Старицкий Антонин (Иоанн Дмитриевич Державин, 1831—1902), председатель А. К. Жизневский, директор Тверской классической гимназии Павел Федорович Симсон (1845—1924), протоиерей В. Ф. Владиславлев, действительные члены Тверского губернского статистического комитета Владимир Алексеевич Плетнев (1837—1915) и Василий Иванович Покровский (правитель дел ТУАК), правитель канцелярии Тверского губернатора Виктор Иванович Плетнев. ТУАК руководила архивным делом в губернии, формировала губернский Исторический архив, занималась собиранием, изучением и публикацией памятников истории и культуры, проводила археологические раскопки. ТУАК ведала Тверским историко-археологическим музеем, создала библиотеку историко-краеведческой литературы (5000 томов в 1890 г.), издавала «Журнал заседаний».

[117] Сомов Афанасий Николаевич (1823—31.10.1899), окончил Морской кадетский корпус (1841). Служил по дворянским выборам в Воронежской губ. Тверской губернатор (31.03.1868—3.05.1890). Почетный гражданин Воронежа, Твери, Белецка, Ржева, Кашина и др. (1870). В 1890 г. назначен сенатором в департамент герольдии. Пожизненный почетный член Тверского губернского попечительства о детских приютах.

[118] Владиславлев Василий Федорович (1821, Никольское Городище Тверского у. —1895), протоиерей, духовный писатель, магистр Московской духовной академии, законоучитель тверских учебных заведений, член ТУАК, редактор журнала «Тверские епархиальные ведомости».

[119] Либо надворный советник Сергей Петрович Славолюбов, секретарь Духовной консистории в 1880 г., либо Василий Васильевич Сперанский, секретарь Духовной консистории в 1895 г.

Несмотря на то что члены комиссии имеют много занятий по своим должностям, равно как и представитель комиссии *А. К. Жизневский* (он же управляющий казенною палатою и весьма деятельный чиновник) весьма занят службою, тем не менее некоторые из членов ученой комиссии часы досуга от служебного труда посвящают родной старине. Это выразилось и в настоящем заседании. *А. К. Жизневский* прочел извлечение из многих отысканных им актов XVIII века, рисующих быт обитателей г. Твери и тогдашних распоряжений администрации, а также прочел несколько принадлежащих ему автографов стихотворений известного поэта, жившего и скончавшегося в Твери, Федора Николаевича *Глинки*;[120] *Е. А. Пушкин*[121] прочел отысканное им неизданное стихотворение В. А. Жуковского; *В. И. Колосов*[122] прочел весьма интересную статью «А. С. Пушкин и приезды его в Тверскую губернию» — статью, основанную на рассказе одной старушки — современницы Пушкина и письмах поэта. Наконец, г. *Криницын*[123] прочел обширный и весьма важный по значению очерк жизни и деятельности осташковского священника Андрея Николаевича *Колоколова* (род. 1763 г., ум. 1802), воспитанника Московского университета, одного из питомцев «Дружеского общества» Н. И. Новикова в Москве, замечательного проповедника

---

[120] О Ф. Н. Глинке в Твери см.: *Жизневский А. К.* Ф. Н. Глинка. Тверь: тип. Губ. правл., 1890; см. также: *Глинка Ф. Н.* Стихотворения / сопроводит. текст и сост. М. В. Строганова. Тверь: Лилия-принт, 2006.

[121] Пушкин Е. А., член ТУАК. Изд.: Письма великой княгини Екатерины Павловны [Н. М. Карамзину и кн. В. П. Оболенскому]: читано в заседании ТУАК 13 апреля 1888 г. членом Комиссии Е. А. Пушкиным. Тверь: тип. Губ. правл., 1888.

[122] Колосов Владимир Иванович (1854—1919), преподаватель Тверской духовной семинарии, хранитель Тверского музея, товарищ председателя ТУАК. Соч.: Воспитанники духовно-учебных заведений Тверской епархии в ополчении 1812-го года. Тверь: тип. Губ. правл., 1889; История Тверской духовной семинарии. Тверь: тип. Губ. правл., 1889; Время основания города Твери. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1902; Петр Великий в Твери. Тверь: типо-лит. Н. М. Родионова, 1903; Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь: Губ. тип, 1917; Александр Сергеевич Пушкин в Тверской губернии в 1827 году. Тверь: тип. Губ. правл., 1888; совр. изд.: *Колосов В. И.* Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь: Леан, 1994. С. 218—231. О пребывании Пушкина в сц. Павловском у П. И. Вульфа со слов К. Е. Синицыной, дочери священника Затьмацкой Покровской церкви.

[123] Криницкий Николай Александрович (20.12.1851, с. Баранья Гора Новоторжского у. — 28.08.1915, Тверь), церковный историк и краевед, кандидат богословия, преподаватель Тверской духовной семинарии (1877—1902), священник Преображенского кафедрального собора (1891—1895), Владимирской церкви (1895—1915), редактор «Тверских епархиальных ведомостей» (1898—1906), председатель Тверского епархиального училищного совета (1903), протоиерей (1903), член ТУАК.

и высоко нравственного человека.[124] Деятельность Колоколова как пастыря, несмотря на сравнительно молодые еще года, в которые он скончался, оставила глубоко нравственный след в населении города Осташкова. В возбужденных после чтения названных статей прениях обсуждались, между прочим, поднятые нами вопросы: о возобновлении памятника Екатерины II, некогда украшавшего одну из площадей города Твери и убранного в 1811 году для замены его более величественным и затем оставленного без возобновления;[125] о расширении местнопромышленного отдела в музее; о введении в коллекцию музея бюстов, портретов, научных и литературных трудов, автографов, словом всего, что напоминало бы замечательных русских деятелей на всех поприщах из уроженцев Тверской губернии. Член комиссии *В. И. Покровский*[126] сделал предложение об организации нескольких публичных заседаний ученой комиссии в зимнее время — для вызова внимания и привлечения к участию в ее деятельности лиц местного общества. Словом, всё заседание прошло весьма оживленно. По нашему мнению, Тверская ученая архивная комиссия, открытая 22-го июня 1884 года *Н. В. Калачовым*,[127] имеет все залоги к прочному существованию и развитию. Энергическою распорядительностью А. К. Жизневского, его заботами и при пособии в 400 руб. от Археологического института,[128] устроен для помещения

---

[124] Колоколов Андрей Николаевич (1763—1802), протоирей собора Св. Живоначальной Троицы в Осташкове (1787), питомец Дружеского ученого общества, друг митрополита Михаила Десницкого, с которым вместе учился в Московском университете.

[125] Памятник в честь Екатерины II (1777) в форме столба из серого мрамора, увенчанного шаром, был уставлен на Восьмиугольной пл., после чего площадь получила название Монументальной (пл. Ленина). Из дневника купцов Томиловых: «Июня 28-го <1777> заложен монумент, то есть столб из дикого камня, которой был построен на первой Осьмиугольной площади противу присутственных мест. На нем были медные, через огонь вызолоченные доски с литерами, а наверху таковое же яблоко. Которой сломан в 1811-м году при принце <Георге Ольденбургском> с тем, дабы построить великолепнее и огромнее. Но за смертью его осталось несделанным» (Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX века / сост. А. В. Семенова, А. И. Аксенов, Н. В. Середа. М.: РОСПЭН, 2007. С. 318).

[126] Покровский Василий Иванович (1838—1915), земский статистик, экономист, педагог, член-корреспондент Императорской АН (1902), член ТУАК.

[127] Калачов Николай Васильевич (1819—1885), историк, архивист, писатель, профессор истории русского права, член-корреспондент Императорской АН (1858), сенатор. Инициировал формирование в России губернских исторических архивов и губернских ученых архивных комиссий, центральных и местных архивов.

[128] Санкт-Петербургский археологический институт (1877) основан по инициативе Н. В. Калачова.

исторического архива комиссии особый дом, здание бывшего работного дома: это двухэтажная постройка, обнесенная каменною оградою; в доме 4 комнаты для архива и особый покой для библиотеки и заседаний комиссии. Всё это обставлено очень хорошо.

Труды комиссии печатаются в журналах (было, однако, всего лишь 13 заседаний, что для четырех лет немного) и в местных «Губернских» и «Епархиальных ведомостях»,[129] из которых статьи и сообщения членов архивной комиссии выпускаются отдельными оттисками. Из них назовем следующие статьи:

«Каталог пресвященных архиереев тверских» — труд «учителя Ивана *Евдокимова*».[130] Издание Тверск. учен. арх. ком. под наблюдением и с предисловием ее члена В. И. Колосова. Тверь, 1888 г., в 8 д.

Этот любопытный исторический памятник XVIII века, сохранившийся в семинарской библиотеке, был сообщен нам в копии еще в 1860 году *Р. Н. Никулиным*; выписки из каталога были приводимы в «Русской старине», и вот теперь, 28 лет спустя после первого пребывания нашего в Твери и получения в ней копии с этого «каталога», мы имели удовольствие в ней же получить только вышедший печатный текст этого труда, составленного в 1757 году и сохранившегося в подлинной рукописи автора.

«О состоянии сафьянного дела при царе Алексее Михайловиче». Тверь, 1887 г.[131]

---

[129] Журнал заседаний ТУАК (1890—1913), всего издано 118 номеров по числу заседаний. Газета «Тверские губернские ведомости» (1839—1917) состояла из двух частей: официальной и неофициальной; в неофициальной части нашли отражение многие стороны российской действительности того времени: статистические, этнографические, исторические материалы о Тверском крае, сообщения о деятельности земств и органов городского самоуправления, статьи о развитии промышленности, состоянии сельского хозяйства, промыслов. «Тверские епархиальные ведомости» (1877—1918) — орган Тверской епархии. В неофициальной части печатались материалы по истории Тверской епархии, ее церквей, монастырей, духовных учебных заведений и др., биографии тверских церковных деятелей, в приложениях — отчеты о состоянии епархиальных учреждений (женских училищ, братств, миссионерских комитетов и др.).

[130] Евдокимов Иван, учитель Тверской греко-славянской школы, составитель «Каталога преосвященных архиереев Тверских» (1757). Изд.: *Евдокимов И.* Каталог преосвященных архиереев Тверских // ТЕВ. 1888. № 7. С. 217—228; № 9. С. 265—286; то же / по поручению Твер. арх. комис. приготовил к изд. В. И. Колосов. Тверь: ТУАК, 1888; совр. изд.: Тверская старина. 1994. № 3. С. 28—42.

[131] *Федоров Иван Алексеевич.* О состоянии сафьянного дела при царе Алексее Михайловиче: Дело о заведении в г. Торжке Сафьянного двора и о вытребовании на оное денег из таможенного и с кружечного двора из доходов по 200 руб., итого 400 руб. Тверь: ТУАК, 1887.

«Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 году». Тверь, 1888 г.[132]

«Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского» *Н. Д. Квашнина-Самарина* (статья, весьма обстоятельно разработанная). Тверь, 1887 г.[133]

«Тверские архипастыри, ревнители духовного просвещения в XVIII веке» *Н. А. Криницкого*. Тверь, 1887 г.[134]

«Реставрация древнего храма в селе Микулине Городище». Тверь, 1888 г.[135]

Вот брошюры, которые нам случилось прочитать в Твери из трудов почтенных членов местной ученой архивной комиссии. Все эти статьи, повторяем, весьма интересны, и в них мы видим серьезный залог достаточности научных сил и любви к родной стороне в представителях тверского общества. Помоги им Бог в дальнейших их трудах!

III

Тверское земство, как известно, во многом отношении служит образцом для других земств. Оно имеет много поучительного в своей истории и, видимо сознавая это, приступило к изданию «Сборника материалов для истории тверского губернского земства 1866—1882 гг.». В 1883 году в Твери напечатаны два довольно объемистых тома этого издания, составленных *Л. Ф. Виноградовым*, под ред. *П. А. Корсакова*.[136]

В журналах, сколько помнится, было обращено на это издание внимание, и в «Отеч. записках» была посвящена ему очень дельная статья. В указанных томах особенно интересна статья «Деятельность губернского земства по начальному народному образованию и ходатайства по вопросам начального образования». Это свод в хронологическом порядке с 1866-го года всего того, что озабочивало земство по народному образованию, проекты и мнения отдельных лиц земства, постановления собрания губернского земства, переписка в установленном порядке с министерством и проч., и проч. Объем наших заметок, конечно,

---

[132] *Жизневский А. К.* Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 году. Тверь: тип. Губ. правл., 1888.

[133] *Квашнин-Самарин Николай Дмитриевич* (р. 1841) Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь: тип. Губ. правл., 1887.

[134] *Криницкий Н. А.* Тверские архипастыри, ревнители духовного просвещения в XVIII в. Тверь: ТУАК, 1887.

[135] Реставрация древнего храма в селе Микулине Городище. Тверь: тип. Губ. правл., 1888.

[136] Сборник материалов для истории Тверского губернского земства / сост. Л. Ф. Виноградов. Тверь, 1883. Т. 1: 1866—1880; Т. 2: 1866—1882. В 1884—1912 гг. изданы т. 3—10.

не позволяет делать каких-либо выписок их этого сборника; мы здесь лишь напоминаем о нем всем, кто пожелает познакомиться с деятельностью *тверского* — несомненно, одного из самых передовых земств в ряду прочих губерний. Приведем, однако, пользуясь и рукописными дополнениями именно к этому тому, указания на некоторые факты в деятельности тверского земства собственно по народному образованию. Так, собрание ходатайствует в 1870 и 1871 гг.: об усилении губернских и уездных училищных советов на трехлетний срок почетными членами и о выборе в училищный совет лиц из среды попечителей народных школ сверх тех лиц, которые указаны законом, для усиления состава помянутых советов земскими людьми, которым особенно близки интересы народного образования в родном крае; с 1872 г. даются ссуды разным уездным земствам, и притом значительные (до 10 тыс. руб.), на устройство постоянных помещений для школ; в 1874 г. устанавливаются порядки для производства училищными советами экзаменов на льготу по воинской повинности; высказываются (в лице некоторых уездных земств) пожелания об *общеобязательности* учения крестьянских детей в том селении, где находятся школы, но губернское собрание находит в 1874 г. ходатайство по сему предмету преждевременным, поручает (в 1877 г.) особой комиссии рассмотреть всесторонне пререкания земств уездных с дирекциею и инспекциею народных училищ, а затем, по докладу этой комиссии, поручает председателю губернского земского собрания довести до сведения министра о действиях директора училищ *М-ва*[137] и некоторых подчиненных ему инспекторов. Земское собрание поручало своему представителю «лично доложить министру народного просвещения и попечителю московского учебного округа о том, что все столкновения между представителем министерства и земскими управами, по мнению собрания, происходят единственно от неполного разделения обязанностей между соприкасающимися к делу народного образования лицами, чего и желательно было бы достигнуть...»

Ни помянутого М-ва, ни прочих ревновавших не по разуму инспекторов давно уже нет в Тверской губернии, и в данное время отношения директора народных училищ в этом крае почтенного *А. М. Безобразова*[138] и подчиненных ему пяти инспекторов к земству именно то, какое несомненно всегда желала и желает высшая власть, ведающая народное образование. Но нельзя не вспомнить с горечью

---

[137] Малов Никанор Дмитриевич, магистр Петербургской духовной академии (1861), директор народных училищ в Твери (1870-е). См. о нем: *Ильина Т. А.* Школа Максимовича: исследование и материалы / науч. ред. М. В. Строганов; ред. О. В. Вершинина. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2010. С. 16—17.

[138] Безобразов Алексей Михайлович (1855—1931), гласный Тверского губернского земского собрания (1877—1879), директор народных училищ в Твери (1880-е).

о некоторых не в одной Тверской губернии прежних инспекторах и директорах. Бог весть из-за чего вообразив, что министерству желательно всячески смять деятельность земства в насаждении образования в сельском населении, к чему царем-освободителем именно земство с полным доверием было призвано, эти чиновники сеяли смуту своими придирками, кляузами, доносами — повторяю, не в одной Тверской губернии, и много изведено чернил, много истрачено бумаги, много испорчено крови у земцев, радетелей народного образования, много отнято времени у земских собраний на протесты, разбирательство пререканий и ходатайств — ходатайств об улажении дела, особенно требующего покоя и согласия для правильного его ведения.

В 1880-м году тверское губернское земское собрание постановило в ознаменование дня 25-тилетнего юбилея царствования Александра II построить и снабдить всеми необходимыми учебными пособиями двенадцать образцовых одноклассных училищ, по одному на уезд, наименовав их школами «19-го февраля 1880 г.» и с ассигнованием на устройство их 35 тыс. рублей. В том же году губернское собрание представило управлявшему министерством народного просвещения *А. А. Сабурову*[139] записку «О нуждах народного образования в Тверской губернии» — документ высокого интереса, конечные заключения которого были указания на необходимость следующих преобразований: «1) изменение и расширение программы народных училищ сообразно средствам и местным условиям, с тем чтобы существующая программа была минимальным требованием для народных школ; 2) предоставление земству права открывать училища высшего разряда с законченным общеобразовательным курсом, с ремесленными или сельскохозяйственными классами или без них, применительно к потребностям сельского населения, с постановлением этих училищ по отношению к земству в одинаковые условия с начальными училищами; 3) предоставление права общественным учреждениям и частным лицам открывать воскресные школы, вечерние классы и библиотеки при школах как необходимое дополнение к начальной школе; 4) предоставление земству права открывать и содержать существующие учительские семинарии, как мужские, так и женские, причем необходимо, чтобы земству предоставлены были права учредителей частных учебных заведений; 5) бóльшее представительство земства в губернских и уездных училищных советах; 6) предоставление губернскому земскому собранию права избрания почетных попечителей в каждое из правительственных средних учебных заведений с правом голоса в педагогических советах этих заведений».

Но мы нескоро бы окончили, если б углубились в пучину возбуждавшихся земскими представителями Тверского края вопросов и хо-

---

[139] Сабуров Андрей Александрович (1837—1916), управляющий Министерством народного просвещения (1880—1881).

датайств по народному образованию. Заботы их по сему предмету выражались не только в словах и на бумаге, но и на деле; об этом красноречиво свидетельствует быстрый рост школ в Тверской губернии: в 1866 г. число школ было в ней 378 с 13 600 учащимися; двадцать лет спустя, в 1885 году, эти цифры увеличились до 471 начальных школ с 37 664 учащимися обоего пола, из них мальчиков, получивших свидетельства об окончании курса, 2812.

Деятельность тверского земства вообще и по народному образованию в особенности не осталась незамеченною. На всеподданнейшем отчете начальника губернии за 1885 г. против статьи о народном образовании в Тверской губернии государь император собственноручно начертал: «Утешительно», о чем и было сообщено в 1886 г. тверскому губ. земскому собранию.

Тверское земство в 22 года своего бытия было столь счастливо, что имело во главе своей целый ряд талантливых, горячо преданных делу лиц, таковы между несколькими другими кн. *Б. В. Мещерский*, *П. А. Корсаков* (ныне председатель казенной палаты в СПб.), *Н. П. Оленин*, *С. Д. Квашнин-Самарин* — и поныне председатель губернской земской управы.[140] Все, как видите, представители старого родовитого российского дворянства, что нимало не мешало им служить с полным усердием и энергиею интересам всесословного земства. Земством разрешен и прекрасно поставлен целый ряд весьма важных по значению хозяйственных вопросов: принято, между прочим, в его ведение содержание всей почтовой гоньбы, т. е. лошади и станции, каковая операция дает земству большой доход, а между тем и лошади, и станции содержатся не в пример лучше противу прежнего; близ г. Твери устроена обширная колония на 350 душевнобольных на основаниях, выработанных последним словом науки;[141] оказано большое содействие развитию экономического благосостояния в крае,

---

[140] Мещерский Борис Васильевич (9.09.1818—27.02.1884), князь, камергер, действительный статский советник, тверской губернский предводитель дворянства (18.03.1866—12.01.1884). Корсаков Павел Ассикритович, гласный Тверского губернского земского собрания (1877—1879), председатель казенной палаты в Петербурге (1880-е). Оленин Николай Петрович, коллежский секретарь, действительный статский советник, председатель Тверской губернской земской управы (1880), тверской губернский предводитель дворянства (12.01.1884—21.01.1899). Квашнин-Самарин Степан Дмитриевич (1838—1908), мировой посредник; ржевский уездный предводитель дворянства (1892), председатель Тверской губернской земской управы, член Государственного совета (1906) от тверского земства.

[141] Психиатрическая колония (1884) в с. Бурашево Тверского у., основатель и первый главный врач — Михаил Павлович Литвинов; ныне Областная клиническая психиатрическая больница № 1 им. М. П. Литвинова.

довольно напомнить в этом отношении о поддержке, оказанной земством известному Верещагину в устройстве им сыроварен и завода для выделки жестяной посуды;[142] так, с 1870 по 1882 г. включительно г. Верещагину выданы значительные ссуды из Тверской губ. управы, и этой отрасли промышленности оказана таким образом значительная поддержка. Земством принят ряд мер к развитию и улучшению местных промыслов на артельном начале; явились и получили быстрый рост ссудные и ссудо-сберегательные товарищества... Но не в беглых путевых заметках останавливаться на мероприятиях земства тверского в подробностях. Деятельность его вызывала уже внимание лиц, интересовавшихся земским делом на Руси в первую четверть <века> его существования, и, конечно, послужит надолго весьма добрым примером для земств других губерний.

Но чтобы лицом к лицу встать хотя с одним из учреждений, поддержанным и окончательно упроченным тверским губернским земством, зайдем в *Женскую учительскую земскую школу*.[143] Возникла она по почину энергического земского деятеля *П. П. Максимовича*. Еще в 1869 г., в бытность его членом губернской управы, возбудил он вопрос о подготовке учительниц для народных школ; в 1870 году он на свои средства основал в Твери Женскую школу для образования учительниц, каковая школа и была открыта 1-го декабря того года. Уже в 1871 г. одним из гласных в губернском собрании возбуждается предложение о принятии на счет земства помянутой школы, но учредитель ее П. П. Максимович отвечает, что «школа устроена им на свои средства и что он не может передать ее земству прежде, чем оно не убедится в том, что школа эта вполне достигает своей цели». Между тем в том же году представители земства в качестве членов комиссии, осматривавшей заведения общественного призрения, выносят «после осмотра школы Максимовича самое отрадное впечатление».

---

[142] Верещагин Николай Васильевич (1839—1907), общественный деятель, предприниматель, старший брат художника В. В. Верещагина. После обучения сыроварению в Швейцарии (1865) поселился в пустоши Александровка Тверской губ., основав производство сыра и образцовую артель Отроковичи. Создал технологию приготовления нормандского (парижское, ныне вологодское) масла (опубликована в 1873). В 1871—1898 гг. руководил Школой молочного хозяйства в с. Едимоново, которая за 23 года работы подготовила 700 (по другим данным 1200) мастеров.

[143] Тверская женская учительская школа (1870—1918) создана по инициативе земского деятеля П. П. Максимовича (1816—1892), в 1882 г. перешла в ведение Тверского губернского земства как Тверская женская учительская школа губернского земства им. П. П. Максимовича. С 1889 г. размещалась в здании на ул. Трехсвятской (ул. Трехсвятская, 16/31). См.: *Ильина Т. А.* Школа Максимовича: исследование и материалы.

В ней они находят 49 учащихся, и в том числе 29 стипендиаток. Земство ассигновало 1000 руб. на поддержание помянутой школы, и 10-го июня 1872 г. воспоследовало высочайшее соизволение, согласно с ходатайством тверского губ. земского собрания, о наименовании этого заведения Школа Павла Павловича *Максимовича*.

С этого времени земство в своих ежегодных собраниях принимает самый живой интерес в Женской учительской школе, созданной по энергическому и благому почину П. П. Максимовича. Каждому, кого занимал вопрос народного образования в нашем отечестве, в высшей степени приятно читать в названном выше сборнике извлечение из самых обстоятельных докладов по поводу названной школы и тех живых прений, какие возбуждало в собрании обсуждение различных вопросов, с бытием школы связанных; и если были годы тяжелых для нее испытаний, то они являлись из капризно-мелочных придирок бывшего некогда здесь директора народных училищ. Много способствовало к жизненности школы то обстоятельство, что земство ставило во главе учреждения людей талантливых, во всеоружии знания своего дела и горячо преданных делу. Так, мы видим во главе школы — одного за другим — *А. Н. Робера*,[144] *Ф. Ф. Резенера*,[145] *Н. П. Дьяконову* (рожденную Долгово-Сабурову)[146] — все трое сошли уже в могилу. Надежда Павловна *Дьяконова* скончалась 30-го мая 1887 г., и ныне на ее место начальницею школы приглашена земством Елисавета Петровна *Свешникова*, известная писательница в области педагогической литературы (сотрудница журналов «Женское образование», «Педагогический листок» и проч.).[147]

Ныне земство отпускает до 12 000 руб. в год на содержание Женской учительской школы. Лучшие преподаватели — какие только имеются в Твери — приглашены давать в ней уроки; педагог школы *Ф. Ф. Ольденбург* — питомец С.-Петербургского университета (вы-

---

[144] Робер Александр Николаевич († 28.03.1880), писатель, воспитанник Московского университета, директор Тверской гимназии (1865—1872), преподаватель педагогики, всеобщей истории, русской словесности в школе Максимовича (1872—1880).

[145] Резенер Федор Федорович (1825—25.08.1881), педагог, писатель, преподаватель педагогики в школе Максимовича.

[146] Дьяконова Надежда Павловна (урожд. Долгово-Сабурова; † 30.05.1887, Желтиков монастырь), начальница школы Максимовича, преподаватель географии, истории, русской грамматики, педагогики (1874—1887).

[147] Свешникова Елисавета Петровна (22.11.1847—1918), педагог, литератор, начальница школы Максимовича (1888—1905) Вместе с Ф. Ф. Ольденбургом занималась школьной статистикой Тверской губернии; заведующая справочно-педагогическим бюро при Тверской губернской земской управе (1892—1896). См.: *Свешникова Е. П.* О детях и взрослых: [статьи, рассказы, библиография] / науч. ред. Е. Н. Строганова. Тверь: Лилия-принт, 2007.

пуска 1885 г.),[148] его товарищами преподавателями в школе — все воспитанники университетов. В школе четыре класса и приготовительный; возраст учащихся от 13 до 17, 18 лет. Всех учащихся до 168 лиц; из них 120 живут в интернате, остальные приходящие. Помещение школы очень, очень скромно, почти бедно, но земство уже ассигновало до 50 т. р. на покупку дома и применение его к школе. Дело ведется превосходно. С живейшим удовольствием переходим мы с урока на урок и, наконец, присутствовали на уроках кандидаток-учительниц в нормальной начальной школе, в которой до 75 мальчиков и девочек и которые также состоят из четырех классов. Устав школы Максимовича утвержден 27-го мая 1882 г. До 205 учительниц вышло уже (1873—1887 гг.) из этого рассадника наставниц народных школ, и до сих пор не было примера, чтобы в полгода которая-либо из них не нашла себе места в той или другой школе своего края — так велик рост числа школ в губернии. Почти все готовящиеся в этой школе будущие наставницы — обывательницы Тверской губернии, разных ее уездов.

Громадное число учениц — дочери лиц из духовного сословия, затем следуют мещанки, крестьянки. Приятно видеть эти чисто русские лица, этих здоровых девушек, вышедших прямо из толщи русского народа, ретиво работающих для самообразования и потом идущих на подвижнический труд сельских наставниц, с жалованьем, редко превышающим 240, либо даже 200 руб. в год!

Вся обстановка здесь их жизни приноровлена к их будущему неприхотливому быту; довольно сказать, что на продовольствие пансионерки школы идет в месяц не более четырех с половиною рублей.

Главная особенность Тверской учительской школы в ряду подобных заведений — это то, что в ней учащиеся берутся с 13 лет и проходят пять классов, считая и приготовительный, а не два или три, как в других земских семинариях. Казалось бы, проще брать питомиц женских гимназий или хотя бы прогимназий, которых несколько по уездным городам Тверской губернии, и подготовлять их в двух специально педагогических классах учительской школы, но тверское земство предпочитает готовить будущих учительниц с младшего возраста девушек... Причина этого кроется в неудовлетворительной еще постановке у нас гимназий и прогимназий женских, стоящих совер-

---

[148] Ольденбург Федор Федорович (1861—1914), педагог, общественный деятель. С 1887 г. заведовал учебно-воспитательной частью в школе Максимовича, преподавал педагогику, историю педагогики, психологию, руководил педагогической практикой. Создатель губернского земского справочно-педагогического бюро; член Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания (1903), организатор Тверского общественно-педагогического кружка с целью обобщения педагогического опыта и распространения научных знаний среди учителей (1907), инициатор Постоянных педагогических курсов Тверского губернского земства (1912).

шенно в стороне от контроля земства, так как организация совета попечителей этих заведений и слишком тесный круг их прав не удовлетворяет земцев. Ввиду этого, содержа и заботясь о Школе учительниц П. П. Максимовича как о своем излюбленном детище, земцы-тверитяне смотрят на нее не только как на рассадник народных наставниц, но и просто как на среднее учебное заведение (лишь без иностранных языков), и так же смотрят на него множество обывателей края — лица духовные и светские, нередко весьма достаточные, которые отдают сюда своих дочерей — прямо для их образования, без думы о том, чтобы они служили потом непременно учительницами...

Короче сказать, Тверская женская школа учительниц — учреждение довольно своеобразное, хорошо и прочно поставленное. Дай ей Господи многие годы дальнейшего преуспевания под руководством ее дельных наставников и заботливым попечительством тверского земства.[149]

IV

На окраине города находится Тверское ремесленное училище общества «Доброхотной копейки».[150] Училище существует уже двадцатый год и состоит под особым покровительством е. и. в. принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской,[151] имя и деятельность которой соединены со многими благотворительными в России и особенно в Петербурге учреждениями.

Училище основано для детей бедняков города Твери, чтобы дать им научное и ремесленное образование, с которым бы они могли, выйдя из школы, зарабатывать себе пропитание и быть поддержкою их бедных семейств. Я застал в самом разгаре работ двадцать четыре юноши: тут крестьяне, мещане, но есть и дворяне... Работают и учатся слесарно-токарному делу, а также кузнечно-слесарному. Мы с удоволь-

---

[149] Укажем как на весьма важный источник для знакомства с ходом образования и состояния народных школ в Тверской губернии на книгу: Отчет о первом съезде учительниц-семинарок земской учительской школы *П. П. Максимовича* в Твери. 1883 г. 7—18 августа. Составил руководитель съезда *Д. Тихомиров*. СПб., 1883. — *Прим. Семевского*.

[150] Начальное народное училище с обучением ремеслу (1877) благотворительного общества «Доброхотная копейка» находилось в бывшей бане купца П. Г. Кобелева; с 1898 г. школа ремесленных учеников, в 1909—1919 гг. низшее техническое училище (Тверской колледж им. А. Н. Коняева, Смоленский пер., 1). Архитектурный ансамбль в «кирпичном стиле» построен на средства инженера-механика А. Н. Коняева и фабриканта И. А. Морозова: учебный корпус (1898—1900, проект А. П. Федорова), жилой дом для преподавателей (1908, проект А. Н. Коняева), учебные мастерские (начало XX в.). На фасаде учебного корпуса — мемориальная доска в честь А. Н. Коняева.

[151] Светлейшая княжна Евгения Максимилиановна Романова, герцогиня Лейхтенбергская, в замужестве принцесса Ольденбургская (20.03.1845—4.05.1925).

ствием обратили внимание на то, что в этой мастерской довольно много выделывается и поправляется плугов, и притом различных цен и достоинств, начиная от 8 и до 40 руб. за плуг. Любопытно, что требования на плуги из года в год увеличиваются, и земледельцы Тверской губернии непрерывно обращаются с заказами плугов в эту мастерскую училища. Понятны значения и будущность этого училища.

Во главе Тверского благотворительного общества «Доброхотной копейки»[152] (основатели его — знаменитый поэт *Ф. Н. Глинка* и его жена — поэтесса *А. П. Глинка*,[153] оба покойные) стоит начальник губернии *А. Н. Сомов*, достойный деятель, двадцать лет кряду занимающий свой пост (явление довольно редкое на Руси), приобретший всеобщее уважение в Тверском крае; ближайшим помощником г. Сомова в обществе «Доброхотной копейки» — неутомимый *А. К. Жизневский*. Общество, кроме ремесленного училища, положение которого обеспечено субсидиею от министерства народного просвещения в 2000 руб. ежегодно, содержит столовую для бедных (в 1886 году ее посетило 40 085 человек) и приют для бедных детей (14 девочек)

Говоря о ремесленном образовании в Твери, должно упомянуть о *Бесплатной швейной мастерской*. Она основана в 1881 г. и доселе содержится энергиею и трудом *В. В. и Л. В. Еропкиных*.[154]

---

[152] Благотворительное общество «Доброхотной копейки» (1862—1917) создано в Твери по инициативе А. П. Глинки, после ее смерти общество возглавил Ф. Н. Глинка (1863—1880, перерыв в 1868). Позже общество возглавляли: губернатор А. Н. Сомов (1880—1893), З. П. Ахлестышева (1893—1895), А. Ф. Карпов (1896—1902), Е. А. Знаменский (1902—1903), О. А. Домашевская-Песляк (1903—1906), С. М. фон Бюнтинг (1907—1917). Общество открыло столовую-чайную (1873, перерыв 1881—1884), начальное народное училище с обучением ремеслу (1877), сиротский приют для девочек (1882), ночлежный приют (1890), Дом трудолюбия (1893) с детским отделением (1898), контору по приисканию занятий (1909), убежище для бедных и престарелых им. Н. А. Головкина-Кобылина, пожертвовавшего свой дом для предоставления бесплатных квартир бедным жителям Твери (1909). Общество выдавало ежемесячные и единовременные пособия бедным жителям Твери. В разное время почетными членами общества были вел. кн. Ольга Александровна, принц А. П. Ольденбургский, А. К. Жизневский, Д. А. Агренев-Славянский, архиепископ Тверской и Кашинский Савва, А. А. и И. А. Морозовы, Г. П. Аваев, А. А. Коняев и др.

[153] Глинка Авдотья Павловна (урожд. Голенищева-Кутузова; 19.07.1795—26.07.1863, Желтиков монастырь), жена Ф. Н. Глинки, писательница, благотворительница; супруги жили в Твери с 1856 г.

[154] Еропкины Вера Васильевна и Лидия Васильевна, дочери участника Крымской войны генерал-майора Василия Михайловича Еропкина (1807—1890); В. В. Еропкина — председатель благотворительного Общества поощрения женского труда, автор воспоминаний: В. М. Еропкин — участник обороны Севастополя. 1854 // Русский архив. 1905. № 2. С. 471—478.

Принадлежность к старинной дворянской фамилии, в высоком родословном дереве которой находится ряд славных деятелей, между ними и тот Еропкин, который пал на одной плахе с знаменитым *Артемием Волынским* в 1740 г.,[155] — г-жи Еропкины отдались всецелому доброму учреждению, ими основанному. В школе мы нашли до 70 девочек. Бодро, весело трудились они над вязанием кружев (весьма искусная работа), вышиванием, кройкой и шитьем платьев и прочими женскими работами. Курс обучения четырехлетний. Покровительницею общества «Поощрение женского труда» (очень маленького по числу его членов), под сенью которого существует посещенная нами мастерская, состоит е. и. в. великая княгиня *Ольга Федоровна*.[156] Школа уже так поставлена, что более половины стоимости ее содержания окупается трудом учениц; остальная часть покрывается субсидиями, притекающими из Петербурга, доходом от устраиваемых лотерей, концертов, спектаклей, гуляний и прочими пожертвованиями, которые поступают благодаря энергической деятельности *В. В. Еропкиной*, в то время когда ее сестра Лидия Васильевна непосредственно занята руководительством работ в школе. К 1-му января 1888 г. окончило полный курс *семнадцать* девиц, большинство которых при выпуске получило от школы в подарок ручные швейные машины. Странно, что тверская городская дума не дает ни копейки на поддержку этого доброго учреждения. Мы находили и всегда будем находить такой образ действий городских дум прямо *нехозяйственным*; дело в том, что, поддерживая благотворительные учреждения, возникающие по почину частных лиц и обществ в городе, городская дума освобождается сама от гораздо больших затрат на ограждение населения от распространения нищенства, всякого разврата, от расширения тюрем, куда неминуемо попадают люди, праздностью, голодом и неспособностью к труду доведенные до преступления. Вот почему, нам кажется, городским думам следует даже не ждать просьб благотворительных в их городах возникающих обществ, а самим идти навстречу содействию и поддержке их. И такой образ действий, поверьте, прямо *хозяйственный*, прямо ведущий в будущем не к трате общественных средств, а к сбережению их; чем основывать самим богадельни, сиротские дома, приюты, мастерские, что городским управлениям обойдется не в пример

---

[155] Еропкин Петр Михайлович (ок. 1698 — 27.06.1740), архитектор, составитель генерального плана Петербурга. Волынский Артемий Петрович (1689—27.06.1740), дипломат, астраханский и казанский губернатор (1719—1730), кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны (1738). В 1740 г. выступили против бироновщины, казнены.

[156] Ольга Федоровна (урожд. Цецилия Августа, принцесса и маркграфиня Баденская; 20.09.1839— 12.04.1891), великая княгиня, жена великого князя Михаила Николаевича.

дороже, лучше вызывать и поддерживать в этом святом деле почин частных лиц и обществ.

V

Говоря о школах, о благотворительных учреждениях в Твери, нельзя не посетить таковые на *Тверской мануфактуре*[157] госпожи *Морозовой* и К°.[158] В сопровождении *А. М. Безобразова* мы туда отправились и провели всё утро в обзоре школы для детей местного фабричного населения. Что за прелесть эта школа! Читателям «Русской старины» известно, сколько доброго довелось нам сказать на страницах этого журнала о школах, думою содержимых в Петербурге, но, поверьте, *Морозовская* школа заставила нас на целое утро забыть петербургские школы, даже вызвала чувство зависти. Представьте себе обширное двухэтажное деревянное здание с чугунною лестницею. В доме *семь* классов, т. е. семь школ. По два параллельных класса — первого,

---

[157] Мануфактура Морозовых (Пролетарка, Морозовский городок, Морозовские казармы) создана Товариществом Тверской мануфактуры (1856—1913), одна из первых попыток создания микрорайона в России, на участке между р. Тьмакой и железной дорогой в Затьмацкой части города. Первая фабрика основана московскими купцами С. М. Шибаевым, И. В. Митюшиным, В. И. Брызгалиным, И. В. Залогиным, Н. И. Каулиным на землях Успенского Желтикова монастыря. Вскоре вместо Каулина, Шибаева и Залогина в дело вступил Савва Васильевич Морозов (1770—1862) и его сын Тимофей (1823—1889), под руководством которого предприятие развивалось до 1872 г. В комплекс входили прядильная (1858, на правом берегу Тьмаки), механически-ткацкая, белильно-красильная и отделочная фабрики. Со временем в разных частях городка Морозовы возвели кирпичные хозяйственные сооружения: пожарное депо, конюшни, склады, амбар, погреба; при фабрике были основаны больница (1858), родильный приют (1861), торговая школа для несовершеннолетних рабочих (1869). После раздела фирмы «Саввы Морозова сын и К°» (1872) Тверская мануфактура перешла к внукам С. В. Морозова — Абраму (1839—1882) и Давиду Абрамовичам; предприятие возглавил Абрам. Городок Товарищества разделен внутри главной улицей с севера на юг на две части. Восточная застроена зданиями общественного характера: больница, театр, магазины, полицейское отделение, библиотека. Западная часть застроена казармами. По периметру городок окружен стеной с двумя воротами. Комплекс включает более 50 зданий. Наиболее характерными являются казарма «Париж» и народный театр (переходный стиль от неоготики к модерну). В 1910 г. территория расширена к северу от Тьмаки до нынешнего пр. Калинина, здесь построены дома для инженеров и служащих (*Свод*. 1, 283).

[158] Морозова Варвара Алексеевна (урожд. Хлудова; 2.11.1848—4.09.1917), предпринимательница, благотворительница, жена А. А. Морозова. В 1871 г. стала одной из пайщиц Товарищества, получив 5 паев на общую сумму в 5000 руб. серебром; после смерти мужа управляла фабрикой до совершеннолетия своих сыновей М. А. и И. А. Морозовых. См. также путешествие Е. П. Вишнякова и И. И. Шишкина.

второго, третьего — и один класс, в 65 учащихся, четвертый. Дети от 7- до 14-тилетнего возраста. Преподаватели — учитель и шесть учительниц, все лица, конечно, с средним и специальным образовательным цензом. Комнаты чрезвычайно высоки, светлы, теплы, обставлены шкапами с всевозможными учебными принадлежностями, начиная с школьных библиотек; классные столы и скамейки из красного дерева; эта переделка из тех дорогих ящиков, в которых присылаются на фабрику из-за границы различные ценные инструменты и принадлежности машин к фабричному производству. При четырехгодичном пребывании в школе, при отличных учителях и учительницах (особенно даровит законоучитель, а также учитель в выпускном классе и учитель рисования, равно учительница в третьем классе) дело идет превосходно. Курс значительно шире курса наших петербургских думских школ, в которых, т. е. в СПб., дети остаются лишь по три года; здесь дети остаются в школе четыре года; расширен курс главным образом по русской истории и географии, каллиграфии и рисованию; для последнего предмета дано четыре урока в неделю. И что за прелесть ответы! Босоногий мальчуган отвечал мне из отечественной географии и истории до того выразительно, толково, дельно, что я просто заслушался. Рассказ одного мальчика о Петре Великом отличался увлечением и художественной выразительностью — просто садись и пиши, как, бывало, делал то в своей Яснополянской школе гр. Л. Н. Толстой... Исполать вам, добрая г-жа *Морозова* (живет в Москве, но ежегодно наезжает сюда и принимает живейшее участие в своих благотворительных учреждениях на фабрике; она дочь знаменитого *Хлудова*[159]). Не знаем мы вас лично, но не можем не сказать: исполать вам за то добро, которое вы делаете для тружеников вашей фабрики; вы исполняете не только обязанность, наложенную законом на владельцев фабрик, но идете по пути добра гораздо дальше, и имя ваше неизменно будет окружено всеобщей любовью и признательностью со стороны этого доброго, чудного русского народа...

Учатся в школе, нами осмотренной, до пятисот детей обоего пола.[160]

На другой день в сопровождении одного из распорядителей работ на фабрике, г. *Жукова*, я посетил *Колыбельную* и *приют* для малолетних

---

[159] Хлудов Алексей Иванович (1818—1882), московский купец, потомственный почетный гражданин, библиофил, собиратель рукописей (среди них Хлудовская псалтырь).

[160] Единственные недостатки школы, мною усмотренные, состоят в полном отсутствии гимнастического зала и обучения гимнастике, без чего немыслима, за границей в особенности, подобная большая школа, и то обстоятельство, что учительница не переходит со своими учениками и ученицами из класса в класс, что, однако, и возможно, и во многих отношениях полезно. Руководитель школы — известный педагог Тихомиров, ежемесячно раз и два являющийся в это

детей на фабрике; здесь до *семидесяти* детей. Чистота и удобства (без всякого излишества) поразительны; нянюшка руководительница очень симпатичная, дети бодры, веселы, вид здоровый; нет немецкой муштровки и тех механических по команде игр, которые едва ли не притупляют ребенка при его дрессировке в общей массе с другими. Мы не заметили, однако, игрушек; не думаем, чтобы это было упущено?

В четырех классах для детей, собственно работающих на фабрике, мы нашли таковых до 300, и в том числе одно отделение для взрослых, добровольных посетителей школы. Взрослые читали, впрочем после лишь одного года посещения класса, очень плохо, но надо принять во внимание, что перед вами человек, *двенадцать* часов работающий за станком на фабрике и лишь *два* часа сверх 12-тичасового труда посвящающий грамоте. Дети от 12 лет, согласно действующему закону, с 5 ½ утра до 9 ½ утра работают на фабрике, затем три часа в школе за чтением, счетом и письмом, а затем опять четыре часа на фабрике. С пяти часов полудни они свободны. Успехи здесь, конечно, не могут быть так хороши, как в первой из помянутых школ, где дети моложе и не истомлены фабричною работою.

Фабрику я обошел по некоторым ее корпусам. Трудится здесь до 6500 лиц, на одну треть из них женщины; выделывают из хлопка до 130 всевозможных материй, которые расходятся по всей России и проникают далеко-далеко за ее границы, в Азию. Для меня как мало видевшего такие фабрики было особенно интересно видеть простых крестьян парней, с необыкновенным вкусом художника выполняющих самые затейливые узоры, которые потом машинным автоматическим путем выгравировываются на металлических валах.

Чистота повсюду поразительная! Воздуху и свету масса; где нужно — вентиляция устроена отличная. Паровых двигателей — три, каждый в 160 лошадиных сил.

В чистенькой больнице нашел я лишь 26 больных. В домах для рабочих видел везде удобства, чистоту, превосходно устроенные кухни — словом, *Тверская мануфактура* образцовая. Когда только на подобных фабриках будут: а) машины русского, а не заграничного производства? б) главные мастера — *русские*, а не бельгийцы или эльзасцы, причем русские пока здесь лишь в званиях подмастерьев? Даже один из директоров фабрики, любезно разрешивший нам ее осмотр, — родом бельгиец. Поживем — дождемся, а пока пожелаем,

---

учебное заведение и, видимо, с полной заботливостью им руководящий. — *Прим. Семевского.*

Педагог Тихомиров Дмитрий Иванович (1844—1915) в 1883 г. руководил подготовкой и проведением в Твери съезда учительниц — выпускниц школы Максимовича.

чтобы подобная истинно образцовая мануфактура посещалась бы учащимися русскими техниками, ибо здесь есть чему поучиться; между тем, как я слышал, в нее ни из С.-Петербурга, ни из Москвы не являются питомцы технических институтов и подлежащих технических школ для практического ознакомления с превосходно поставленным здесь делом. А следовало бы!

VI

Быть в Твери и не посетить высокопреосвященного архиепископа *Савву*[161] невозможно. 15-го мая мы присутствовали на торжественном его богослужении в городском соборе[162] — богослужении, сопровождавшемся превосходным пением, а затем раза три имели истинное удовольствие быть у архипастыря.

Известна биография этого достойного иерарха. Родом из Вязниковского уезда Владимирской губ., преосв. Савва (в свете Иван *Тихомиров*) родился в 1819 году и был сын пономаря. Еще до рождения своего он лишился отца, и детство его было обставлено всем горем нужды и всевозможных лишений: довольно сказать, что мать не имела даже свежего молока, чтобы кормить своих детей; на одиннадцатом году Иван Тихомиров потерял мать свою, и вот начинается для него путь непрестанного и тяжелого труда. Превосходно пройдя курсы духовного училища и семинарии, молодой человек поступает в 1842 году священником в г. Муром, но на третьем году брачной жизни лишается жены и поступает в духовную академию, в которой прекрасно окончил курс со званием магистра, и 1-го октября 1848 года постригся в монахи. Вскоре мы видим молодого монаха на посту — по-видимому, весь-

[161] Савва (Иван Михайлович Тихомиров; 15.03.1819, с. Палех Вязниковского у. Владимирской губ. — 18.09.1896, Тверь), архиепископ Тверской и Кашинский, церковный археолог. Служил священником в Муроме, овдовев, поступил в Московскую духовную академию (1846), пострижен в монахи (1848). По окончании академии со степенью магистра богословия назначен синодальным ризничим (1850), посвятил большую часть своей деятельности церковной археологии. Архимандрит (1855), ректор Московской духовной семинарии (1859), ректор Московской духовной академии (1861), епископ Можайский (1862), Полоцкий и Витебский (1866), Харьковский и Ахтырский (1874), Тверской и Кашинский (23.04.1879), архиепископ (20.04.1880), доктор церковной истории (1894). Соч.: Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки VI—XVII в. М., 1863; Воспоминания (очевидца) о священном короновании государя императора Александра Николаевича и государыни императрицы Марии Александровны. Тверь, 1883; Речи, говоренные в разное время в продолжение тридцатилетнего служения в епископском сане. Тверь, 1892; Хроника моей жизни. Автобиографические записки. М., 1898—1911. Т. 1—9.

[162] Спасо-Преображенский собор, см. о нем: *Тверь 2*, с. 67.

ма скромном, но каковой пост он своим просвещенным трудом, своей обходительностью и вниманием ко всем, в особенности к подвижникам науки, сумел поднять высоко: мы говорим о службе его в звании ризничего Патриаршей, что ныне Синодальной, в Москве ризницы.

Кто из занимавшихся в 1850-х годах в этом хранилище наидрагоценнейших памятников древнего русского благочестия или из посетителей ризницы не помнит ее просвещенного, приветливого Саввы.[163] Из дальнейшего его служения особенно замечательны его сподвижничество в трудах величайшего русского святителя XIX века — митрополита *Филарета*,[164] на посту второго викария кафедры московской, епископа Можайского (1862—1866 гг.), и в особенности служение в сане самостоятельного епископа Полоцкой епархии, которое продолжалось семь лет (1866—1874 гг.) и было в высокой степени благотворно для этой епархии, изведавшей до назначения Саввы тяжкие лишения и бедствия в церковном отношении при влиянии господствовавшего в ней класса населения, исповедующего католическую веру... Весьма интересны подробности епископской деятельности в Полоцкой епархии преосвященного Саввы, найденные нами в книге почтенного археолога и историка Твери, протоиерея *В. Владиславлева*.[165] Но передача их

---

[163] Ему, между прочими трудами, принадлежат: «Указатель для обозрения московской патриаршей (ныне синодальной) ризницы и библиотеки», впервые изданный в Москве в 1855 году и затем выдержавший несколько изданий с исправлениями и дополнениями: таковых вышло в 1858 году — три, а также в 1863 и 1883 годах. Ему принадлежат: «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей московской синодальной библиотеки, VI—XVII вв.», М., 1863 г., в 4 д., и несколько других изданий, благосклонно поименованных нашим иерархом в IV томе нашего альбома «Знакомые», стр. 39—42. Наконец, под непосредственною редакциею архиепископа *Саввы* выполнено монументальное издание «Писем и мнений» митрополита *Филарета* Московского, предпринятое по почину и по указаниям обер-прокурора святейшего Синода *К. П. Победоносцева*. Этого издания, весьма полезного не только для биографии святителя, но и вообще для всей православной церкви, вышло восемь томов. — *Прим. Семевского*.

[*Семевский М. И.*] Знакомые. Альбом М. И. Семевского, издателя редактора исторического журнала «Русская старина». Книга автобиографических собственноручных заметок 850 лиц. Воспоминания. Стихотворения. Эпиграммы. Шутки. Подписи. 1867—1888. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1888.

[164] Митрополит Филарет (Василий Михайлович Дроздов; 26.12.1782—19.11.1867), епископ; архиепископ (1821, с 1826 митрополит) Московский и Коломенский, действительный член Императорской Российской академии (1818); почетный член Императорской АН (1827), академик Отделения русского языка и словесности (1841).

[165] Празднование благополучно совершившегося двадцатилетия в сане епископа высокопреосвященнейшего *Саввы*, архиепископа Тверского и Кашинского. Тверь, 1888. В 8 д. 194 с. — *Прим. Семевского*.

далеко бы нас отвлекла. С 23-го апреля 1879 года мы видим высокопреосвященного *Савву* — в Твери…

Приветливый, радушный прием ждал нас в кельях старца. Незаметно пролетело время в беседе, нам особенно интересно было выслушать множество драгоценнейших подробностей к характеристике в жизни митрополита *Филарета*, благоговейным почитателем которого многие годы состоит его ученик, его ставленник, его сподвижник — Савва. Значительный, как надо полагать, интерес заключается в записках высокопреосвященного. Эти мемуары со многими к ним приложениями занимают объемистые тетради, начаты они в часы немногого досуга в 1876 году и объемлют события с самого детства архипастыря до 1882 года включительно. О степени интереса их можно судить по отрывкам, приведенным из них в ниже указанном нами примечании отца *В. Владиславлева*.

С благословления иерарха заглянули мы в архив духовной консистории.[166] Архив в порядке, помещение светлое, сухое, все дела тщательно сшиты в ужасающего объема связки-тетради; пред вами в этих делах весь, между прочим, XVIII век — материал драгоценный для истории духовенства, церквей и монастырей минувшего столетия. Секретарь духовной консистории — кандидат университета — состоит членом местной архивной ученой комиссии, которая, конечно, со временем выделит отсюда наиболее важные в историческом отношении дела в свой Исторический архив…

Путь в *Желтиков* монастырь тяжел. От последних дождей грунтовая дорога расползлась, извозчик плетется шагом, и думается мне тяжкая дума, как это до сих пор русские люди не дойдут до сознания того, что дороги, это жизненная артерия в крае, прежде всего должны быть приведены в прочный, превосходный вид… За границей, изъездивши немало миль вне железных путей, по простым дорогам, мы не видели грунтовых путей — всё шоссе, нет ни единого ухаба, ни единой врезавшейся колеи, а здесь в подгородный монастырь едва можно проехать, и лишь потому, что весенний дождик вспрыснул поле, и вот разверзлись хляби, поползла в стороны дорога. О Русь, Русь!.. Но позвольте поставить точки и прекратить воздыхания, от которых, увы, дороги не делаются лучше.

Монастырь чистенький, монахов четыре-пять человек. В соборе — мощи святителя Арсения († 1409 г.), к обнаженным и прекрасно сохранившимся рукам которого с их длинными пальцами мы благоговейно

---

[166] Тверская духовная консистория (1744—1918) — коллегиальный орган церковного управления и суда; состояла из представителей духовенства, подчинялась епархиальному архиерею и Синоду. Архив Тверской духовной консистории и документов духовных правлений формировался с 1726 г. (ГАТО. Ф. 160. 93090 ед. хр.).

приложились; в другой церкви каменный его гроб, в котором в том же XV столетии обретены нетленными мощи святителя. Любопытно, что от гроба, в разных его местах, отгрызены и вылизаны богомольцами большие куски известкового камня, из которого сделана гробница.

Монастырь окружен каменною, хорошо содержимою, под железною крышею оградою с зубцами; но для меня особенно любопытен был теремок-келья, изготовленный по воле Петра I в 1718 году для его злополучного сына царевича Алексея. При церкви *Алексея* Божьего человека, на высоте второго этажа с выходом прямо на площадку этой церкви, сохраняются две, каждая о двух решетчатых окнах, комнаты и еще одна маленькая в одно окно, очевидно предназначавшая быть спальней. Передняя, в которой, конечно, должна была быть помещена стража заключенного, дополняет эту квартиру. Наружные стены раскрашены под изразцы.

Вот жилище, в котором должен был быть заточен первенец-царевич могучего преобразователя России, но последовали новые противу царевича разоблачения в тайниках и застенках Преображенского приказа, и узника повлекли из Москвы в Петербург, в Петропавловскую крепость, на новые с пристрастием допросы... В его кельях Желтикова монастыря стоят плохие живописные портреты Петра I, вел. кн. Павла Петровича еще в юношеском возрасте, каковой портрет сопровождавший меня монах простодушно наименовал портретом царевича Алексея, портрет Николая I да три старинные столика.

Пожелал я видеть могилу архимандрита *Платона*, радушно встречавшего меня в 1860-м году в этом монастыре. Не каждый из его обитателей мог показать мне эту могилу. Она без памятника и креста.

— Вот имел и родных, и почитателей при жизни, был очень добрый человек; у окрестных крестьян почти у каждого в синодике вписано имя Платона, а умер — и некому на его могиле поставить крест.

Достойно внимания, что посещение наше в 1860-м году этого архимандрита, как рассказывал нам в начале 1870-х годов Юрий Васильевич *Толстой*,[167] и передача мне им, Платоном, некоторых легенд о царевиче Алексее породили неприятности для почтенного архимандрита Желтикова монастыря. Прочитав их в «Русском вестнике», в заметках моих «Прогулка в Нижний Новгород», митрополит *Филарет*, не любивший Платона, написал в Синод, и возникло целое неприятное для архимандрита дело. В 1861-м году, при новом моем его посещении, Платон встретил уже нас смущенный, и беседа у нас не клеилась, что, впрочем, и понятно... Низко, низко поклонился я на могиле этого умного, высоконравственного человека...

---

[167] Толстой Юрий Васильевич (1824—1878), историк, товарищ обер-прокурора святейшего Синода (1866); сенатор, тайный советник.

VII

Где провести вечер? Чего лучше как не в заседании городской думы.[168]

В большой зале, хорошо освещенной двумя ярусами окон, собрались 44 из 72-х гласных города Твери. Председательствует г. *Окнов*, седой, давний городской деятель,[169] «заступающий место городского головы»

---

[168] Тверская городская дума (1785–1918), главный орган городского общественного правления (с 1870). Состав гласных в разные годы – 32–72 чел. Председателем думы являлся городской голова, исполнительным органом – управа. Дума и управа заведовали бюджетом, имуществом города, занимались его благоустройством, ведали здравоохранением и народным образованием, благотворительностью, способствовали развитию местной промышленности и торговли, осуществляли попечение о бедных. Некоторые из гласных, с которыми встречался Семевский, названы в шутливом стихотворении о городской думе, напечатанном позже в газете «Тверская жизнь» (1908):

Если гласных вы хотите
По фамильям перечесть,
То, пожалуйста, прочтите,
Перед вами список есть.
Владиславлев, Ленц, Кириллов,
Двое Шлыгиных, Данилов,
Два Нечаевых, Окнов,
Шесть Коняевых, Петров,
Два Смирновых и Фадеев,
Житов, Федоров, Андреев,
Шишкин, Немов, Хрусталев,
Павлов, Гоголев, Долгов,
Три Плетневых, три Янковских,
Карнаухов и Фальковский,
Лебедевский и Орфанов,
Два Былинкиных, Ваганов,
Родионовых – две штуки,
Есть Водали не для скуки,
Врач Потемкин, Мисенгевич,
Железняк Иван Сергеич,
Есть Кожевников, Морозов,
Есть Аваев для курьезов,
Земец Трубников – для кары,
Братьев Жуковых – две пары,
Кокин – врач он по науке,
Ворошиловых – две штуки,
Апостулов Алексей –
Для красы компаньи сей.
Гласных всех же итого –
Шестьдесят без одного (цит. по: http://www.tverduma.ru/history/index.php).

[169] Окнов М. Н., заместитель председателя городской думы, председатель попечительского совета Тверской губернской гимназии.

г. Нечаева,[170] который теперь в отсутствии — уехал в Петербург ходатайствовать о спасении Городского банка в Твери…

Заседание ведет председатель толково, хорошо… Дело обсуждается очень важное — вопрос о предоставлении купцу *Святогорову*[171] (он же и гласный, но в настоящем заседании не присутствует) соорудить третий этаж на переднем фасаде старинного каменного гостиного двора.[172] Всю постройку берется соорудить г. *Святогоров* за 40 тыс. руб. вместо исчисленной по смете суммы 58 тыс. При этом строитель обещает еще возвратить 15 тыс. городу, так как кроме помещений для думы, управы, канцелярий оных, публичной библиотеки и прочих городских учреждений, в имеющей быть возведенной им надстройке будет помещено и Общественное собрание (клуб), председателем которого состоит г. *Святогоров*.

Прения ведутся прекрасно; председатель «подготовительной комиссии», которая избрана думою на всё четырехлетие ее полномочия, говорит сжато, кратко, спокойно, ясно, хотя ему и приходится говорить довольно часто. Оппозиция, столь необходимая для всестороннего уразумения дела, присутствует и тут. И ее выслушивают внимательно, с подобающим уважением и спокойствием. Доклад в пользу постройки и предоставления оной гласному Святогорову решен большинством 40 против четырех голосов.

Более оживленные прения вызвал вопрос, занять ли на это сооружение капитал в Тульском поземельном банке или же взять его из 150 000 рублей, уплаченных разом, за 20 лет, вперед, Морозовскою фабрикою за 45 десятин городской земли, арендуемой этою фабрикою. Из прений выяснилось мне, что этот капитал сберегается про черный день — починить прорехи, оказавшиеся в *Городском банке*.

---

[170] Нечаев А. Е., купец, председатель городской думы, городской голова Твери.

[171] Светогоров А. А., купец, гласный городской думы. Светогоровы были крупнейшими владельцами недвижимости в Твери: в разное время им принадлежали жилые дома по ул. Советской, 7, 9; наб. Степана Разина, 16, 17/52; ул. Вольного Новгорода, 15 (*Свод*. 1, 383, 385, 403, 447, 494).

[172] Гостиный двор (ул. Миллионная, ныне Советская, 16) построен в 1765—1770-х гг. Здание занимало весь квартал, площадь которого превышала нынешнюю, в середине каждой стороны имелись проездные арки с воротами. После перестройки по проекту архитектора А. П. Федорова (1888; видимо, именно этот проект и обсуждается в описанном заседании) здесь, кроме магазинов, разместилась городская дума, а в ее зале — театр, существовавший при думе с 1879 г., и городская управа (со стороны Знаменского пер.). В 1919—1921 гг. в здании существовал клуб III Интернационала; в 1921 — открыт Тверской № 1 театр РСФСР (с 1931 г. Калининский гостеатр, с 1935 Калининский, с 1990 г. Тверской областной драматический театр).

Оппозиция доказывала, что топить эти деньги, городу принадлежащие, в прорехах банка, в судьбах коего заинтересованы немногие лица, не след, лучше-де из него взять позаимствование на надстройку гостиного двора для помещений городских учреждений, но при закрытой баллотировке оппозиция оказалась в меньшинстве десяти лиц.

Кстати о *городских банках*. Везде они скрипят на Руси, трескаются по всем углам, и министерство финансов, некогда слишком широко их разнуздавшее, теперь переходит в другую крайность, требуя немедленной ликвидации дел каждого чуть пошатнувшегося банка. «Справедливо ли это? — рассуждают тверитяне, — не надо было оставлять городские банки людям неопытным в своем деле, привыкшим в делах мирских к правилу „как не порадеть родному человечку“,[173] но из этого не следует, чтобы, когда горький опыт умудрил граждан, когда есть надежда на надлежащее ведение банков, валить их в преисподнюю! Городские банки, правильно поставленные, все-таки крайне полезны и необходимы...»

VIII

В заключение наших заметок о Твери упомянем о местных трудах в области статистики. Душою тверского статистического комитета — Вас<илий> Иванович *Покровский*.[174] Ему принадлежит несколько капитальных трудов, таковы между прочими:

Историко-статистическое описание Тверской губернии. Том I, со множеством таблиц. Тверь, 1879—1882. Т. II, выпуски I и II.

---

[173] Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

[174] Сын протоиерея тверской Сретенской церкви И. И. Покровского, достойнейшего пастыря, пятидесятилетний юбилей служения которого Тверь праздновала в 1888 г. Мы посетили *Сретенскую* церковь: она имеет высокий интерес по старинной живописи 1763 г., сплошь покрывающей всю внутренность церкви. Это изделие нескольких ярославцев-иконописцев, весьма по своему времени талантливых. Тут целые картины из Свящ<енной> истории. — *Прим. Семевского.*

Церковь Косьмы и Дамиана, или Сретенская (1763—1767; ул. Космодемьянская, ныне Желябова), построена на средства тверского купца Татаринцева на месте прежней деревянной. Симметрично-осевая трехчастная композиция обладала рядом отличительных черт: пятигранная апсида, широкая прямоугольная трапезная, нижний ярус колокольни, имевший единую стену с трапезной и служивший папертью, пятиглавый двусветный четверик. В декоре церкви использованы формы нарышкинского барокко. Например, разорванные фронтоны над окнами свидетельствуют о стойкости традиций нарышкинского стиля в тверских церквах, возводившихся одновременно с жилыми и общественными зданиями переходного стиля от барокко к классицизму. Внутри храм снизу доверху был покрыт фресками. Вся стенопись по сюжетам, манере и тонам красок была подобна стенописям ярославских храмов XVII в., хотя несколько и модернизирована. В 1930-х гг. разрушена, сейчас на этом месте находится школа № 12.

Историко-статистическое описание города Осташкова. Тверь, 1888. В 4 д., со множеством таблиц.

Статистическое описание Ржевского уезда Тверской губернии с литографированной картой. Тверь, 1885. Издание тверского губ. земства, в 6 лист., 400 стр. и таблицы[175] и проч., и проч.

Все эти труды в высшей степени почтенные; исполнены они с большим знанием дела, рукою опытного исследователя экономического положения Тверского края, превосходно его изучившего.

Почему бы центральному статистическому комитету в С.-Петербурге не помещать из году в год в «Правительственном вестнике» критического обозрения всех трудов губернских статистических бюро, причем выяснять достоинства и недостатки таковых исследований?

Кроме двух официальных органов «Губернских» и «Епархиальных ведомостей», Тверская губерния еще в недавнее время имела свой частный орган. То был «Тверской вестник», еженедельная газета, начавшая выходить с 1-го декабря 1878 г. и прекратившаяся, если не ошибаемся, в первой половине 1881 года.[176] Издавался «Тверской вестник» кружком образованных тверитян, по преимуществу университетского образования, издавался в количестве 700 экземпляров, причем число подписчиков превышало пятьсот человек. Нам удалось просмотреть два года этой газеты; орган был живой, отзывчивый на всё доброе, и ревностно трудился ко благу местных нужд края. Очень, очень жаль, что вследствие перенесения цензирования его в Москву газета должна была прекратиться. Оставляя в стороне общие фразы о пользе гласности, можно коротко сказать, что в интересах самого правительства таковые чисто местные органы крайне необходимы, для общества же — это положительно жизненный пособник. Но чтобы эти органы могли издаться, цензура непременно должна быть не в отдаленных столицах, а в самом городе. Надо надеяться, что к этому и придут.

Кстати приведем здесь стихотворение известного нашего поэта гр. *А. А. Голенищева-Кутузова*,[177] найденное нами в № 1 «Тверского вестника» 1878 года, стр. 17:

---

[175] Кстати отметим, что тверское земство имеет свою земскую типографию. Перед нами лежит весьма чистенько напечатанная в ней книга «Протоколы заседаний IX съезда врачей Тверской губернии, февраль 1887». — *Прим. Семевского.*

[176] «Тверской вестник» (1878—1881) — еженедельная частная газета, печаталась в типо-литографии Муравьева, издатели-редакторы — И. Иванов, В. Кудрин; фактически издавал секретарь губернского статистического комитета В. И. Покровский, один из организаторов «Московских новостей» (1859). Отделы: судебный, экономический, этнографический, исторический, медицинский, библиографический, церковный, справочный, фельетон. Печатались произведения местных авторов.

[177] Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (26.05.1848, Царское Село — 2.01.1913, Петербург), граф, поэт, публицист. В 1876—1888 гг. жил в родо-

* * *

Победно ночь царит кругом,
Впотьмах ни звука, ни движенья…
Объято всё глубоким сном,
И далеко до пробужденья!

Друзья, засветим огонек!
Быть может, путник запоздалый —
В глуши уныл и одинок —
К нему направит шаг усталый.

И хоть на миг в его груди
Проснутся бодрость, упованье,
И, как далекое мерцанье,
Он цель увидит впереди!

Граф А. Голенищев-Кутузов
С. Шубино
25-го ноября 1878 г.

Надо наконец проститься с Тверью, засиделся в ней, а всё потому, что этот город оказался вовсе не мертвым, а полным жизни. Пусть же она бьет в нем ключом и на будущее время!

вом имении Шубине (Печетове) Корчевского у., занимался уездной дворянской деятельностью и хозяйством. Сохранились дом и два жилых флигеля; в 1924 г. в усадьбе размещалась больница. ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 4634. Л. 18—20; Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 122а. Л. 96; Ф. Р-1517. Оп. 1. Д. 305. Л. 14; О продаже имения // ТвГВ. 1875. № 34. С. 2; 1876. № 7. С. 1; Печетово. Усадьба Голенищева-Кутузова (сер. XIX в.). Паспорт 4624. 1981 г. Архив Гос. инспекции по охране и использованию памятников истории и культуры Тверской области; *Голенищев-Кутузов А.* Стихотворения. СПб., 1901; *Шереметев С. Д.* Граф А. А. Голенищев-Кутузов. СПб., 1914.

Н. П. Боголюбов, А. П. Боголюбов

[1861]

Боголюбовы — морские офицеры; Николай Петрович (1821—1898), писатель; Алексей Петрович (16.03.1824—27.10.1896), художник-маринист. Отец — полковник Петр Гаврилович Боголюбов († 1830), ветеран Отечественной войны 1812 года, мать — Фекла Александровна (1795—1845), дочь А. Н. Радищева. Учились в Александровском Царскосельском лицее, Морском кадетском корпусе; Алексей также в Императорской Академии художеств (1850—1853). В 1861 г. по предложению директора пароходства «Самолет» В. А. Глазенапа совершили путешествие по Волге для создания иллюстрированного путеводителя. История путешествия описана в дневнике А. П. Боголюбова «Записки моряка-художника». Результатом путешествия явилась книга Н. П. Боголюбова «Волга от Твери до Астрахани» с иллюстрациями А. П. Боголюбова — подробный путеводитель по достопримечательным местам Поволжья, написанный со знанием истории, географии, кораблестроения. Текст печатается по изд.: Волга от Твери до Астрахани / Общество «Самолет»; А. П. Боголюбов, Н. П. Боголюбов. СПб.: тип. Гогенфельда и К°, 1862. С. 2—50. Фрагмент записок А. П. Боголюбова печатается по изд.: Боголюбов А. П. Записки моряка-художника: к 300-летию Российского Флота / сост. и подгот. текста Н. В. Огаревой // Волга. 1996. № 2—3. С. 91—92. В оформлении использована гравюра А. П. Боголюбова из книги «Волга от Твери до Астрахани» и рисунок В. П. Павлова из путешествия И. Ф. Тюменева (1893).

А. П. Боголюбов. Записки моряка-художника

А когда я повидал нашу матушку Волгу с ее разнообразием от Твери до Астрахани, так все Саксонские Швейцарии, Рейны и Дунай, кроме Железных Ворот,[1] — всё это разом пало в моем воображении. <...>

[1] Железные Ворота — сужение в долине р. Дуная в месте сближения Карпат и Стара-Планины (речные ворота) на границе Сербии и Румынии, длина 15 км, ширина 162 м; это место считается одним из самых красивых в Европе.

В Москве мы порешили с братом принять приглашение от директора пароходства по Волге «Самолет» В. А. Глазенапа,[2] старого флотского знакомого, весной плыть по Волге от Твери до Астрахани для составления путеводителя. Брат взял литературно-описательную часть, а я — иллюстрацию. Выговорили себе при этом право взять с собою своих жен[3] и в половине мая поплыли и даже могли припевать «Вниз по матушке по Волге»,[4] ибо путешествие было интересное, а тем более для меня, который и моряком и художником столько прожил за границей, не имея понятия о своем отечестве. <...>

Кто хочет знать Волгу 1861 года, тот пусть прочтет книгу «От Твери до Астрахани» Н. П. Боголюбова и, право, поучится, ибо составлена она была добросовестно и долго служила лучшим руководством.

Теперь уже нет тех красот на матушке. Бывало, тут плыли по течению, как белые лебеди, расшивы, да мокшаны, да беляны.[5] Шныряли

---

[2] Пароходное общество пассажирских перевозок «Самолет» учреждено в 1853 г. Владимиром (Вольдемаром) Александровичем фон Глазенапом и Максимилианом Бехагелем фон Адлерскроном, правление в Петербурге. Первоначально предполагало соединить Николаевскую железную дорогу при пересечении ее с Волгой в Твери пароходным сообщением с Ярославлем: пристани были устроены в Твери, Корчеве, Угличе, Рыбинске и Ярославле. «Самолетские» пароходы строились на бельгийском заводе «Коккериль»: «Товарищ», «Дриада» (1854), «Курьер», «Прогресс» (1855—1856). К концу 1850-х гг. общество имело на Волге 20 пароходов: «Быстрый», «Гонец», «Депеша», «Дж. Коккериль», «Курьер», «Легкий», «Наяда», «Нимфа», «Посыльный», «Проворный», «Прогресс», «Русалка», «Рыбинск», «Сирена», «Тверь», «Телеграф», «Ундина», «Экстра», «Эстафет» и «Ярославль». Они плавали по Волге от Твери до Царицына, по Каме до Перми и по Оке до Елатьмы. В 1862 г. к ним добавились приобретенные у генерала Мальцева большие товаропассажирские пароходы по 200 номинальных сил каждый: «Казань», «Астрахань» и «Сережа». Они обслуживали линию Нижний Новгород — Астрахань, и «Самолет» стал общеволжским обществом. В начале 1860-х гг. из Бельгии поступило 9 больших пароходов по 100 номинальных сил: «Владимир Глазенап» (в честь основателя общества), «Вестник», «Летучий», «Скорый», «Путник», «Турист», «Наследник-Цесаревич», «Императрица» и «Странник». На кожухе гребного колеса пароходов находились герб и два скрещенных рожка — знак перевозки почты.

[3] Екатерина Михайловна († 1892), жена Н. П. Боголюбова; Надежда Павловна (урожд. Нечаева; 1839—1865), жена А. П. Боголюбова.

[4] Русская народная песня, ср. путешествие А. М. Петропавловского (*Тверь 2*, с. 329).

[5] Расшива — парусное речное судно, обычно плоскодонное, на Волге и Каспии, из соснового и елового пиленого леса. Мокшан, мокшана — беспалубное парусное судно для перевозки людей и грузов; борта украшалось изображениями фантастических чудовищ, кормовая часть — искусной резьбой. Беляна — деревянная

струги да шитики.[6] То вдруг встречалась чудовищная коноводка с многими подчалками и завознями.[7] На ней бывало до 100 человек рабочих да до 8 лошадей, чтоб двигать кабестан[8] и тащить чуть ли не целый флот. Кругом были «галдареи» да «сокольники» (нужники), расписанные хватом-маляром по сторонам. Тут был и «Гинарал», и «Девица-душа», и «Ванька с Танькой».[9] На носовых поперечных скрепах расшив и мокшан малевались «глазища» (глаза), чтоб вперед смотрели, а над каждым — где солнце, где луна, чтоб светили им.[10] Бока их, кормы и рубки украшались резьбой характерной.[11] А на высоких мачтах висели вымпелы и на маковке и по вантам[12] блестели жестяные блестки. По берегу шли вереницей бурлаки с песнею, то заунывною, то лихою и отчаянною. Тогда и курган Стеньки Разина[13] казался еще живым,

---

некрашеная плоскодонная барка для сплава леса по Волге и Каме; строилась в местах добычи леса и была рассчитана только на один рейс вниз по течению.

[6] Струг, струга — плоскодонное парусно-гребное судно со съемной мачтой и небольшим прямым парусом. Шитик — мелкое судно на Волге, крытое округлой палубой.

[7] Коноводка, коноводная машина — грузовое речное судно, которое лошади подтягивали к якорю. Подчалок, подчалка — прицепное грузовое судно. Завозня — большая плоскодонная лодка для переправы людей и грузов через реку.

[8] Кабестан — механизм для передвижения груза, состоящий из вертикально установленного вала, на который при вращении наматывается цепь или канат, прикрепленные другим концом к передвигаемому грузу; используется в судоходстве для подтягивания речных судов у причалов и выбирания судовых якорей.

[9] Речь идет о традиции росписи суден фигурами персонажей популярных романсов и песен: «Кольцо души девицы…» (муз. А. А. Алябьева, сл. В. А. Жуковского) или «Ты не пой, душа девица…» (муз. А. Е. Варламова, сл. Е. Бекетовой), «Ванька — Танька» (русская народная песня).

[10] Глаз (око) — символ Божественного всевидения. Представление о том, что в глазах заключается особая гипнотическая энергия, породило веру в дурной глаз. Оберегом от дурного глаза было изображение глаза Божественного на носовой части кораблей. Варианты всевидящего ока: треугольник с оком в окружении облаков, от него исходят лучи; око вписано в изображение контура солнца, излучающего сияние.

[11] Носовые украшения в виде фантастических голов и фигур людей и животных выполняют функцию оберега. По суеверным представлениям, судно отождествлялось с изображенным существом, помогавшим умиротворить богов и устрашить неприятеля.

[12] Ванты — снасти стоячего такелажа для укрепления мачты, стеньги и брамстеньги с бортов судна.

[13] Утес (курган, бугор) Степана Разина — обрывистый берег Волги на границе Саратовской и Волгоградской обл. По преданию, в этом месте Разин утопил персидскую княжну. Воспет А. Навроцким в стихотворении «Есть на Волге утес» (1870).

и невольно легенды разбойничьи[14] рисовались при виде этих песчаных обрывов. И Царев бугор[15] сильно на меня действовал. Да мало ли там дивных воспоминаний удалой русской жизни, заканчивая Каспием, где тоже были шалуны.

Сперва от Твери мы шли на мелких пароходах с пересадкой,[16] а когда пришли в Нижний, то тут плыли на больших пассажирских. В это время самолетский флот паровой был в полной исправности,[17] и кухня была даже хороша, так что останавливались мы где день, где два, а где и по неделе жили. Везде на пристанях встречали товарищей-моряков, которых перетянул к себе Глазенап. Были и командиры из флота.

Н. П. Боголюбов. Волга от Твери до Астрахани

География. Источники Волги кроются в сети маленьких озер, лежащих верстах в 70 на юго-запад от Валдая, при деревне Волго, в Осташковском уезде Тверской губернии.[18] Академик Кёппен, посетивший в 1840 году источник Волги, составил довольно подробные сведения о ее родниках.[19] Отсюда течет Волга в виде маленького ручейка до небольшого озера Верхита, а потом чрез озеро Вселуг. Источники ее лежат в болотистой равнине Волхонского бора. Каждое

---

[14] В народе сложились легенды о зарытых в этих местах кладах, о явлениях призраков и других мистических событиях, в том числе легенда о гробнице Марины Мнишек (Саратовские губернские ведомости. 1859).

[15] Царев курган (бугор) на левом берегу Волги напротив с. Ширяева, где в Волгу впадает р. Сок. Здесь, по преданию, Степан Разин венчался с персидской княжной.

[16] По Верхней Волге курсировали мелкосидящие пароходы типа «Князь Михаил Тверской» и «Князь Юрий Суздальский».

[17] В 1862 г. общество имело 25 пассажирских пароходов, к середине 1870-х гг. — 38 и держало регулярные линии по Волге от Твери до Астрахани, по Оке от Нижнего Новгорода до Рязани, по Каме до Перми и по Шексне. Суда его выгодно отличались быстрым ходом, строгим соблюдением расписания, четкостью и аккуратностью действий судовой команды. В 1880-е гг. общество выпускало каждую навигацию 1—2 новых парохода. Популярность «Самолета» среди пассажиров была высока, хотя цены за проезд были выше цен других компаний.

[18] См. путешествие Н. Я. Озерецковского (*Тверь 2*, с. 23—27).

[19] Кёппен Петр Иванович (1793—1864), академик Императорской АН (1839), автор трудов по истории, географии, этнографии, демографии и статистике. Летом 1840 г. совершил поездку по Верхнему Поволжью, чтобы выяснить влияние истребления лесов на климат и уровень воды в реках, и в частности на обмеление Волги в верхнем течении. Отчет Кёппена о поездке «Uber den Wald- und Wasser-Vorrath im Gebiete der Obern und Mittlern Wolga» (О запасах лесов и вод в области Верхней и Средней Волги) см.: Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches. 1841. Bd. 4. S. 165—253.

из болот носит особое имя. Они глубоки и, по всей вероятности, когда-то были большими озерами, покрытыми тонким слоем мха и различных растений, которых дна до сих пор еще не доставали. Протекая несколько верст ручейком, Волга начинает увеличиваться, образует двойное озеро, Большой и Малый Верхит, и потом впадает в озеро Стерж.[20] Отсюда проходит в озеро Вселуг, затем протекает озеро Пено, из которого выходит уже рекою и, соединяясь с судоходною рекою Жукопою, протекает последнее озеро Волго.[21] Из него Волга течет уже довольно значительной рекой, в 4 верстах от которого <озера> сооружен Верхневолжский бейшлот, замыкающий собою Верхневолжское водохранилище.[22]

Далее Волга протекает из Тверской губернии по губерниям Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской и Астраханской и за Астраханью впадает в Каспийское море.

Длина Волги по произведенным в последнее время измерениям по фарватеру от Верхневолжского бейшлота до Астрахани составляет 3295 верст.

---

[20] Озз. Верхит Малый (длина 0,6 км, ширина до 0,31 км) и Большой (длина 0,6 км, ширина до 0,5 км) в Осташковском у., через которые протекает Верхневолжский ручей. Оз. Стерж, третье по величине в системе Верхневолжских озер, первое из группы озер, через которое проходит верхнее течение Волги (длина 12 км, ширина до 1,5 км).

[21] Оз. Всéлуг на Валдайской возвышенности (длина 14 км, ширина до 4 км). Зарегулировано Верхневолжским бейшлотом. На озере есть два острова: о. Зосимы и Савватия (или Малый Соловецкий; до 1930-х гг. монастырь) и о. Нытьё, напротив Ширкова Погоста. Оз. Пéно (Пёно), название связано с тем, что его дно изобиловало затонувшими деревьями и пнями. Ранее озз. Пено, Вселуг, Стерж были судоходны: по ним проходила пассажирская линия Пено — Ширков Погост — Коковкино (60 км), обслуживаемая теплоходом «Зарница». Р. Жукопá, правый приток Волги, длина 96 км. Оз. Вóлго, в 25 км к югу от Осташкова, последнее из группы озер, через которое проходит верхнее течение Волги. В результате постройки Верхневолжского бейшлота существенно изменило свои границы. Прежде длина его была 7 км, ширина до 2 км. Сейчас озз. Волго-I и Волго-II соединены протокой у Большого и Малого Лохова, длина с запада на восток 40 км, ширина до 4 км. В протоку между озерами с юга впадают рр. Леменка, Большая Дубенка, с севера — р. Коча.

[22] Верхневолжский бейшлот (1845) — плотина близ д. Мишуров Починок Осташковского у. (ныне д. Бейшлот и пос. Селище Селижаровского р-на), образующая Верхневолжское вдхр., объединяющее в единый бассейн озз. Волго, Пено, Вселуг и Стерж. Находится в 5 км ниже места вытекания Волги из оз. Волго. Водосливная, шестипролетная, бетонная с земляными дамбами (длина 46 м, по гребню 29,8 м, ширина 16,1 м, наибольшая высота 9,5 м). Функционирует, используется для водоснабжения, рыболовства (судак, лещ, щука) и туризма. См.: *Прокудин-Горский С. М.* Верхневолжский бейшлот. 1910.

От этого бейшлота Волга течет к юго-востоку на 165 верст до г. Зубцова и принимает с левой стороны судоходную речку Сематгаровку и сплавные Большую и Малую Кошу, а с правой — сплавный приток Туд.[23]

У Зубцова Волга круто поворачивает при впадении судоходной реки Вазузы на северо-восток и до Твери на расстоянии 165 верст сохраняет это направление.[24]

От Твери Волга направляется к юго-востоку и через 75 верст, при впадении Шоши, опять принимает северо-восточное направление до Мологи на 261 версту. На этом протяжении в нее впадают Созь, Шоша, Дубна и Сестра.[25]

Молога своим течением заворачивает Волгу на юго-восток; на 31 версте, Волга принимает в себя реку Шексну.[26] <...>

Дно Волги песчаное почти на всем ее протяжении; отсюда легко понять причину частых изменений ее фарватера. В иных местах струя течения, смывая берега, уносит за собою размытые частицы, которые осаждаются на местах, где оно ослабевает, и таким образом образуют мель. Ледоходы отрывают от берегов каменья и карчи[27] и, перенося их на русло, задерживают собой несомые течением песчаные частицы, отчего образуются осадки, которые, увеличиваясь от времени, образуют более или менее значительные наносы, называемые *россыпями*. Если эти осадки возникают у берегов, то называются *побочнями*. Часто несколько побочней, лежащие один вблизи другого на противоположных

---

[23] Р. Сематгаровка, левый приток Волги. Исток р. Большой Ко́ши в торфяных болотах недалеко от пос. Ранцево, устье около д. Большая Коша, длина 88 км. Исток р. Малой Ко́ши недалеко от с. Дмитрово Ржевского у., устье в нескольких километрах южнее устья р. Большая Коша. Исток р. Ту́довки, Молодого Туда близ д. Туд Нелидовского р-на, устье ниже Бенских порогов, длина 103 км.

[24] Р. Вазу́за, правый приток Волги, исток на северных склонах Смоленской возвышенности, недалеко от д. Марьино Вяземского р-на Смоленской обл., устье в г. Зубцове, длина 162 км.

[25] Исток р. Сози в оз. Великом, впадает в Иваньковское вдхр., длина 34 км. Исток р. Шоши (правый приток Волги) на Московской возвышенности, впадает в Иваньковское вдхр., образуя Шошинский плес, длина 163 км. Исток р. Дубны (правый приток Волги) близ г. Александрова, устье восточнее г. Дубны, длина 167 км. Исток р. Сестры (левый приток Дубны) в оз. Сенеж, длина 138 км.

[26] Исток р. Мологи (левый приток Волги) у д. Ключевая Максатихинского р-на, впадает в Весьегонский плес Рыбинского вдхр., длина 456 км. Крупные притоки: Ривица, Волчина, Кеза, Сарагожа, Кирва, Кобожа, Чагодоща (левые); Остречина, Осень, Ратыня (правые). До создания Рыбинского вдхр. притоками Мологи были Реня, Кесьма, Ламь, Сить. Главные пристани Весьегонск и Устюжна, гг. Бежецк, Устюжна, Весьегонск и Молога. Исток р. Шексны (левый приток Волги) в оз. Белом, впадает в Рыбинское вдхр., длина 139 км.

[27] Карчи — древесные стволы и корни, лежащие на дне рек.

берегах, соединяются в общую насыпь, идущую вроде порога поперек всей реки. Такие насыпи называются *перекатами*. Мели, отделенные от берега некоторыми промежутками, называются *осерёдками*; из них на следующий год могут образоваться острова, конечно песчаного свойства.

Неправильное и часто встречное течение полых вод, сопряженное с напорами льда, образует новые протоки, новые рукава. Иногда песок заносит бывшие рукава, через что образуются озера, или *морцы*, и заливы, называемые *затонами*, *ериками*, *подстепками*.[28]

Замечательно, что в верховьях Волги песок, переносимый с берега на берег, образует перекаты, а в нижней Волге он редко переносится через всю ее ширину; он оседает ранее и составляет собой песчаную косу, примыкающую одним концом к берегу. Последовательные наносы выводят косу из воды, отчего образуются заливы, называемые *затонами*. В некоторых местах бывшие мели смываются быстротой течения и силой напора воды и образуют свободный фарватер.

Глубина Волги различна и зависит от дождей и засух. Вообще можно сказать, что средняя ее глубина в меженное время у бейшлота до 4, а близ Твери до 10 вершков. Между Тверью и Шексной от 8 ½ до 10 вершков. Между Шексной и устьем Оки 12—22 вершка, между устьями Оки и Камы от 10 вершков до 8 ½ саж. От Камы до Астрахани от 12 фут. до 15 саж. Ниже Астрахани встречаются по фарватеру россыпи, весьма затрудняющие ход судов. Самая малая глубина встречается на Ракушинской мели, средняя глубина на ней до 3 фут., но бывали случаи, когда на ней было всего 1 ¼ фута воды.[29]

Ширина Волги постепенно увеличивается с удалением от истока. Так в меженную пору до Ржева она не шире 20 саж. Отсюда до Зубцова она становится уже в 30 саж. Подвигаясь к Твери, ширина возрастает до 90 саж., а против города достигает 100 саж. Между Тверью и устьем Шоши ширина меняется от 60 до 175 саж. <…>

Берега Волги от истока до озера Волго низменны и болотисты. При подпоре воды Верхневолжским бейшлотом они затопляются версты на 2, а иногда и более. От Волго до Ржева берега становятся выше и круче и стесняют русло. Они состоят из глины и песка и частью известковой плиты. Перерезывая русло, они образуют пороги. От Ржева до Зубцова свойства берегов известковые. Здесь в иных местах они

---

[28] Затон — часть акватории реки, в которой нет течения. Е́рик — относительно узкая протока, соединяющая озера, заливы, протоки и рукава рек между собой. Подстепок — побочный, глухой рукав реки или протока, идущая в сторону; речной рукав без устья, пропадающий в песках и камышах.

[29] Ракушинская мель (Ракуша) в 82 в. от Астрахани и в 20 в. от Каспийского моря.

достигают значительной высоты. Ниже Зубцова известковые пласты меняются с глиной и песком. У г. Старицы они состоят из белого туфа твердой породы, известного под названием *старицкого белого камня*.[30] Далее к Твери берега понижаются, долина Волги расширяется и представляет вид более открытый. От Ржева в русле ее и по берегам появляются гранитные валуны. В Твери правый берег значительно возвышен, отсюда и до устья Шоши вдоль обоих берегов тянутся однообразные незначительные возвышения, изредка перерываемые низменностями. От Твери исчезает известковая формация, и свойство берегов песчано-глинистое, с множеством гранитных валунов. <…>

Островов на Волге множество, от Твери до Нижнего Новгорода их считается до 40, но они незначительны. <…>

Мелей на Волге множество. Более всего их встречается между Тверью и Рыбинском. Образованию их много способствует незначительное падение Волги, составляющее всего 11 ½ саж. между ее истоком и устьем. Описание и местонахождение главнейших мелей читатели найдут в следующих отделах этого сочинения. Для обеспечения судоходства во время мелководья устроено Верхневолжское водохранилище, а для образования его сооружен бейшлот в Осташковском уезде близ д. Мишуров Починок, подпирающий воду до 7 аршин высоты. От этого воды истока Волги и озер Волго, Пено и Вселук, сливаясь вместе, занимают пространство в 75 верст длины и 2 версты ширины. Масса воды в этом водохранилище считается до 40 миллионов кубических сажень. Вода выпускается по мере надобности, и при умеренном выпуске горизонт верхней Волги может поддерживаться до 63 дней. Влияние его заметно до устья реки Мологи. В Твери горизонт воды поднимается на 6 вершков, а при устье Мологи до 1 ½ вершка. Если же в то же время отпереть и бейшлот Вышневолоцкого водохранилища, то горизонт воды при устье Мологи возвышается до 3-х вершков. <…>

Судоходными своими притоками и их ветвями Волга соединяется почти с половиною всей России. Губернии, соединенные с нею, или отправляют на Волгу свои произведения, или тем же путем получают чужие товары. Главнейшими соединительными путями служат водные системы: Вышневолоцкая, Тихвинская и Мариинская и реки Ока и Кама.

Рассмотрим каждую отдельно.[31]

---

[30] Разработки белого камня около Старицы начались в XIV в. Камень добывался закрытым способом — в каменоломнях и открытым — в карьерах. Из старицкого белого камня построены многие светские и церковные здания Верхневолжья. Сегодня старицкие пещеры являются местом паломничества инициативных туристов.

[31] О Вышневолоцкой, Тихвинской, Мариинской водных системах см. также в путешествии С. В. Максимова.

Система Вышневолоцкая начинается от слияния реки Тверцы с Волгою. Ее составляют реки Тверца, Вышневолоцкий (Тверской) канал, река Цна с каналом, озеро Мстино, река Мста, обходные каналы при озере Ильмень: Вишерский и Сиверсов — и река Волхов до впадения ее в Ладожское озеро; обходный Ладожский канал, из которого суда входят в Неву и достигают Петербургского порта. Длина пути более 800 верст.

Суда, которые должны следовать по этому пути, собираются для входа в реку Тверцу караванами и поднимаются вверх по этой реке во время периодических выпусков в нее воды из водохранилищ. Таких выпусков бывает три: весной, летом и осенью. Грузы, следующие по этой системе, отправляются на барках, называемых вышневолоцкими. Длина их 17 саж., ширина 4 сажени, осадки в воде от 12—14 вершков, клади поднимают 5 ½ — 7 ½ тысяч пудов. Устройство их приспособлено к проходу чрез Боровицкие пороги на реке Мсте как самое затруднительное препятствие по всей системе. Эти барки строят на одну путину и в Петербурге ломают на доски и дрова. По этой же системе ходят еще полубарки, подымающие грузу до 6500 пудов, вышневолоцкие огибяжные лодки, могущие поднять до 4500 пуд. клади; также тихвинки, соминки, старорусские лодки или воловики.[32] На проход по этому пути употребляется от 50 до 71 дня. Судов по этой системе средним числом проходит до 1900, с кладью на сумму до 8 миллионов рублей.

Систему Тихвинскую составляют реки Молога, из нее суда входят в реку Чагода, а отсюда в приток Горюн. Из Горюна вступают в озеро Важинское, в реку Сомину, потом чрез озеро Сомино и Эглино; отсюда каналом в 10 верст длины до озера Лебядини, которое выпускает к северу реку Тихвинку. Пройдя по этой реке, вступают в Тихвинский канал, из него в реку Сясь, потом в канал Сясский, из него в Ладожский канал и в Неву.

Небогатые запасы вод этой системы причиною, что по ней ходят суда небольших размеров. По ней ежегодно средним числом проходят к Петербургу до 7000 судов с грузами на 12 миллионов руб. сер. Также суда, идущие из Петербурга в приволжские города, избирают преимущественно эту систему как более для себя выгодную; по ней таких судов проходит до 4300 в навигацию, и на них везутся преимущественно сахар, кофе, вина, фрукты, табак и другие колониальные товары, пшено и соль, на 12 миллионов руб.

---

[32] Тихвинки — суда ба́рочного типа с ложкообразным носом и санной кормой, форштевень серповидной формы; имели парусное вооружение, их размеры соответствовали размерам шлюзов Тихвинской системы. Соминки — тихвинки меньших размеров.

Мариинская система с некоторых пор более прочих привлекает товары для доставки в Петербург. Причины этому объяснены при обозрении г. Рыбинска, и потому нам остается только сказать несколько слов о ее составе. Суда, избирающие ее для своего пути, сперва идут по Шексне, потом Белозерским каналом, из него вступают в реку Когжу, потом в реку Вытегру, из нее входят в канал Онежский, отсюда в реку Свирь, потом переходят в Свирский канал, далее в канал Сасский и наконец вступают в Ладожский канал, а из него в реку Неву. <…>

Судоходство по Волге бывает двоякое: взводное, т. е. вверх против течения, и сплавное — по течению.

Главнейшие двигатели взводного судоходства суть без сомнения пароходы. За ними следуют коноводные машины. Иные суда тянутся вверх лошадьми, а другие людьми. На Волге употребляются *пароходы буксирные* от 50 до 460 сил, которые прицепляют к себе несколько грузовых судов, называемых баржами, приспособленными собственно для перевозки грузов, или другие суда, плавающие по Волге, и ведут их по назначению. *Баржи* пароходные могут поднимать грузу от 50 до 80 тысяч пудов. Таких барж 400-сильный пароход может свободно тащить против течения 3—4 со среднею скоростью 70—100 верст в сутки.

Буксирные пароходы иногда берут суда и вниз по течению, но это бывает редко; сплавное судоходство производится большею частью без пособия пароходов, и как по Волге оно совершенно безопасно во всю навигацию, то едва ли когда-либо изменит свой характер, тем более что оно гораздо дешевле. <…>

Легкое пароходство исключительно занимается перевозкой пассажиров между Тверью и Астраханью. <…>

г. Тверь

Тверь основана великим князем владимирским Всеволодом Георгиевичем около 1182 г.[33] Прежде это было укрепление, построенное для обеспечения жителей от набегов новгородской вольницы.[34] О Твери упоминается в первый раз в летописях 1209 г., во время междоусобицы

---

[33] Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212), великий князь владимирский (1176). Боголюбов опирается на «Историю» В. Н. Татищева (*Татищев В. Н.* История Российская. М., Л.: АН СССР, 1964. Т. 3. С. 127).

[34] Первоначальное поселение находилось в устье р. Тверцы, где позже возник Отрочь монастырь. В XI в. малое поселение стояло и на правом берегу Волги у р. Тьмаки (*Салимов А. М., Салимова М. А.* Тверской кремль и история его северо-западной части // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1997. С. 149).

Всеволода с рязанцами.[35] В 1215 г. в нее, как видно из летописей же, сосланы были в заточение князем Ярославом Всеволодовичем[36] некоторые новгородские чиновники. В 1219 г. Тверь принимала участие в войне Ярослава, изгнанного новгородцами, с Мстиславом.[37]

Тверь была построена прежде на луговой стороне и затоплялась водою; поэтому жители переселились в нагорную сторону Волги, а в 1240 г. великий князь Ярослав Всеволодович перенес туда же и крепость. В это время Тверь хотя и называлась княжеством, но была под зависимостью княжества Суздальского. Самостоятельность свою Тверское княжество получило при сыне Ярослава Всеволодовича Ярославе Ярославиче,[38] брате великого князя Александра Невского,[39] который учредил и Тверскую епархию между 1271 и 1284 годами; первым епископом ее был святитель Симеон, преставившийся в 1289 г.[40] Впоследствии Ярослав Ярославич получил великое княжество Владимирское, оставив за собой и Тверь. Он умер, возвращаясь из Орды в 1272 г. Летописи говорят, что он женат был на дочери

---

[35] Имеется в виду договор между новгородцами и князем Всеволодом 1208 г. (ПСРЛ. Т. 1. Л., 1928. Стб. 435). Однако первое упоминание Твери относится к 1135 г.: в Рукописании князя Всеволода Мстиславича говорится о денежных сборах с «тверского гостя» (Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888). В «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божией Матери» (1162; ОЛДП. СПб., 1878. Вып. XXX. С. 41) говорится об исцелении «тверской боярыни». В летописном сказании о походе новгородцев на Владимир указывается, что отряды новгородцев и черниговского войска соединились «На Волзе и Тфери» (ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 96).

[36] Ярослав Всеволодович (1191–1246), князь переяславский (1200–1206), переяславль-залесский (1212–1238), великий киевский (1236–1246 с перерывами), великий владимирский (1238–1246), новгородский (1215–1236 с перерывами).

[37] Мстислав Мстиславич Удатный (Удалый; не позже 1176 – 1228), из рода смоленских князей, князь трипольский (1193–1203), торопецкий (1181–1213), новгородский (1210–1218 с перерывами), галицкий (1215–1226 с перерывами), торчесский (1203–1228 с перерывами). В 1216 г. во время войны с переяславским князем Ярославом Всеволодовичем взял Зубцов – первое летописное упоминание города (ПСРЛ. Т. III. С. 53–55).

[38] Ярослав Ярославич (1230–1272), первый самостоятельный князь тверской (1247), великий князь владимирский (1264). В 1271 г. ездил в Орду с племянниками Василием и Дмитрием Александровичами (сыновьями Александра Невского) и на обратном пути умер, приняв в схиме имя Афанасия.

[39] Александр Ярославич Невский (1221–1263), князь новгородский (1236–1259 с перерывами), великий киевский (1249–1263), великий владимирский (1252–1263).

[40] Свт. Симеон († 3.02.1289), из рода князей полоцких, первый епископ Тверской.

церковного причетника села Эдимионова Ксении, скончавшейся монахиней в 1312 г.[41]

Сын его Михаил родился чрез 40 дней после смерти отца и считался князем тверским,[42] а в малолетство его управлял княжеством дядя его Святослав Ярославич.[43] При нем в 1272 г. сделал нападение на Тверь новгородский князь Дмитрий Александрович,[44] отстаивавший свои права на Новгород против великого князя Василия Ярославича.[45] В 1281 г. татары по наущению Андрея Александровича[46] разорили Тверь и ее окрестности. Когда же Михаил достиг совершеннолетия, то дядя его Святослав возвратился в Брянск, а Михаил принял бразды правления; вскоре он оскорбил великого князя новгородского Дмитрия Александровича, который пошел на него войной, но, дойдя до Кашина, не вступил в битву с войсками Михаила и заключил с ними мир, что означало по тогдашнему времени, что он признал независимость Тверского княжества. В 1293 г. татары снова были призваны великим князем Андреем Александровичем и напали на Тверское княжество, но Михаил в этот раз прогнал их с уроном. В 1304 году он получил новгородский великокняжеский престол, но Новгородом управлял чрез наместника, а сам оставался жить в Твери. В 1312 г. возмутились новгородцы; Михаил пошел на них с войском, занял Торжок и Бежецк и, лишив жителей подвоза съестных припасов, принудил новгородцев смириться. В 1318 г. Георгий Данилович Московский,[47] получив от хана

---

[41] Ксения Юрьевна (1254—1312), жена князя Ярослава Ярославича, по преданию, дочь священника с. Едимонова (см.: *Тверь 1*, с. 168—170, 221—227; *Тверь 2*, с. 151—154).

[42] Михаил Ярославич (1271/1272—1318), великий князь тверской (1282/1286—1318), великий князь владимирский (1305—1318). Противостоял московскому князю Юрию Даниловичу, опиравшемуся на поддержку Золотой Орды. После передачи ярлыка на великое княжение Юрию Московскому, победы над ним и союзными ему татарами в Бортневской битве, Михаил был вызван в Орду и по приказанию Узбек-хана убит, после чего великое княжение перешло к московскому князю.

[43] Святослав Ярославич († 1282/1285), князь тверской (1271—1282/1285), старший сын Ярослава Ярославича Тверского.

[44] Дмитрий Александрович (1250—1294), князь переяславль-залесский, новгородский, великий князь владимирский.

[45] Василий Ярославич (1236/1241—1276), князь костромской, великий князь владимирский (1272).

[46] Андрей Александрович (ок. 1255—1304), князь костромской (1276—1304 с перерывами), великий владимирский (1281—1304 с перерывами), новгородский (1281—1304 с перерывами), городецкий (1264—1304).

[47] Юрий (Георгий) Данилович (1281—1325), князь московский (1303—1325), великий владимирский (1318—1322), новгородский (1322—1325).

великокняжеский престол, пришел с татарами опустошать Тверскую область, но Михаил разбил его в 40 верстах от Твери.[48] Георгий, в отмщение Михаилу, уговорил хана вызвать его в Орду. Михаил повиновался требованию, поехал на суд и там был убит 22 ноября 1319 г. Нетленные мощи этого князя почивают в Тверском Преображенском соборе.[49]

Михаилу наследовал сын его Дмитрий Михайлович, по прозванию *Грозные очи*;[50] будучи (в 1326 г.) в Орде, он в отмщение смерти своего отца убил там великого князя Георгия Даниловича, за что и был казнен. После него на тверской престол вступил второй сын Михаила Александр Михайлович.[51] В его княжение тверитяне избили ханских баскаков и всех татар, за что ханские войска разорили Тверь и все города Тверского княжества, а князь Александр бежал в Литву. В 1328 г. он ездил в Орду с повинною и, прощенный ханом, получил снова Тверское княжество; но в 1339 г. Александр был оклеветан пред ханом, вызван в Орду и там убит вместе с сыном Федором. Со смертью этого князя Тверь утратила свою самостоятельность, и князья ее должны были подчиняться зависимости усилившегося в то время князя московского.

У Александра Михайловича были два брата Константин[52] и Василий[53] и оставшиеся в живых сыновья Всеволод[54] и Михаил[55]. По смерти Александра Михайловича Константин получил в управление Тверь, Василий стал княжить в Кашине, а Михаил в Микулине. Всеволод был нрава кроткого и не обладал воинственными способностями, необходимыми для тогдашнего смутного времени.

---

[48] Бортеневская битва (22.12.1317, с. Бортенево), в которой тверской князь Михаил Ярославич разбил объединенное войско московского князя Юрия Даниловича и татарского темника Кавгадыя.

[49] Тверской кафедральный Спасо-Преображенский собор, см.: *Тверь 2*, с. 67.

[50] Дмитрий II Михайлович Грозные Очи (1299—15.09.1326), князь тверской (1319), великий князь владимирский (1322).

[51] Александр Михайлович (1301—1339), великий князь тверской (1326—1327, 1338—1339), великий владимирский (1326—1327). При нем случилось тверское восстание против Щелкана (1327).

[52] Константин Михайлович (1306—1345), удельный князь дорогобужский, великий князь тверской (1328—1338, 1339—1345).

[53] Василий Михайлович Кашинский (ок. 1304—1368), князь кашинский и великий князь тверской (1349—1368).

[54] Всеволод Александрович (ок. 1328—1364), князь холмский (1339—1349), великий князь тверской (1346—1349).

[55] Михаил Александрович (1333—26.08.1399), князь микулинский (1338—1399), великий князь тверской (1368—1399).

По смерти Константина на Тверь объявил свои права брат его Василий Михайлович; их оспаривал племянник его Михаил Александрович, почему, призвав на помощь литовские войска, взял Тверь и выгнал Василия, который снова удалился в Кашин и при заключении мирного договора уступил старшинство своему племяннику Михаилу Александровичу, который и назвался великим князем тверским.

Княжение Михаила не было, однако же, спокойным, он часто ссорился с великим князем московским Дмитрием Иоанновичем Донским;[56] следствием этих ссор были постоянные и продолжительные войны, от которых великое княжество Тверское испытывало частые нападения, в особенности же в 1375 году — год самый бедственный, когда Тверь вынесла жестокую осаду, а все города княжества были опустошены московскими войсками.[57] Михаил Александрович просил помощи у великого князя литовского Ольгерда и, получив ее, два раза осаждал Москву, разорил город Торжок и жителей прислал в Тверь. Михаил скончался в 1399 году, оставив завещание, которым отказал сыну Иоанну[58] Тверь с разными городами, сыну Василию[59] и внуку Иоанну Борисовичу[60] Кашин с Калязиным, а меньшому сыну Федору[61] два городка Микулина.[62]

---

[56] Дмитрий I Иванович Донской (1350—1389), князь московский (1359), великий владимирский (1363).

[57] В 1368 г. князь Михаил Александрович с помощью великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича (ок. 1296—1377, князь с 1345) занял тверской престол. В 1368 и 1370 гг. московская рать ходила на Тверь, и после этого Ольгерд безуспешно осаждал Москву. В 1370 г. Мамай выдал ярлык на великое княжение Владимирское Михаилу; Дмитрий не подчинился требованиям пришедшего с Михаилом из Орды посла. В 1374 г. Мамай вновь выдал Михаилу ярлык, что вызвало поход соединенных сил Северо-Восточной Руси и смолян на Тверь, в результате Михаил признал себя младшим братом Дмитрия, обязался участвовать в антиордынских акциях Москвы и отказался от претензий на Кашин (1375).

[58] Иван Михайлович (1357/1358—1425), великий князь тверской (1399).

[59] Василий Михайлович (1364—1426), князь кашинский и кснятинский (1395).

[60] Иван (упом. с 1399), сын Бориса Михайловича, князя кашинского († 1395).

[61] Федор Михайлович († 1410), князь микулинский (1399).

[62] Г. Микулин (1163), от Твери 53 в., от Старицы 40 в. Каменный собор (1398). После польско-литовского нашествия стал называться с. Микулино Городище. В 1780—1800-х гг. принадлежало А. А. Нарышкину, в первой четверти XIX в. графу Н. П. Румянцеву. Ныне с. Микулино Лотошинского р-на Московской обл. на р. Шоше.

Казалось, что завещание должно было служить поводом к мирному разделу владений между наследниками, но на деле вышло совершенно противное; между братьями начались раздоры: Иоанн Михайлович два раза приступал к Кашину, взял брата Василия в плен и, отняв у него его владения, посадил там на управление своего воеводу. В 1424 году ему наследовал сын его Александр Иванович,[63] который умер чрез год после отца от моровой язвы. После него княжил в Твери сын его Григорий Александрович,[64] но также короткое время, после которого Тверь досталась младшему брату Борису.[65] Борис участвовал в междоусобиях великого князя московского Василия Васильевича Темного[66] с дядею Юрием и его сыновьями. Его княжение в Твери продолжалось 36 лет.

Борису наследовал сын Михаил Борисович.[67] Будучи в родстве с великим князем московским Иваном Васильевичем,[68] женатым на его сестре Марии,[69] он княжил мирно до 1485 года. Но, видя, что Московское княжество усиливается и что владения его окружены московскими землями, он вознамерился упрочить свое положение чрез связи с Литвою, почему и изъявил желание жениться на внучке короля польского. Иван Васильевич, узнав об этом, объявил ему войну и тем принудил Михаила отказаться от своего намерения. Но Михаил хотя и помирился с Москвой, однако же не переставал тайно сноситься с Литвою о союзе; когда же эти сношения опять были открыты, то Иван Васильевич выступил против Твери с войском, а Михаил бежал в Литву, где и умер. Таким образом Иван Васильевич овладел Тверью. Епископ, князья, бояре и народ, недовольные Михаилом за частые ссоры с царем московским, добровольно присягнули на вечное подданство Московскому царству. Таким образом пало Тверское княжество. 1486 года 15 сентября великий князь московский въехал в Тверь, слушал литургию в храме Преображения и торжественно объявил народу, боярам и духовенству, что дарует Тверское княжество

---

[63] Александр Иванович Кашинский (ок. 1379—25.10.1425), великий князь тверской (1425).

[64] Григорий Александрович, великий князь тверской.

[65] Борис Александрович (ок. 1399—10.02.1461), великий князь тверской (1426).

[66] Василий II Васильевич Темный (1415—1462), великий князь московский (1425).

[67] Михаил Борисович (1453—1505), последний великий князь тверской (1461—1485).

[68] Иван III Васильевич (1440—1505), великий князь московский (1462).

[69] Мария Борисовна (1442—22.04.1467), дочь князя Бориса Александровича Тверского, первая жена Ивана III.

сыну своему Иоанну,[70] который и был последним князем тверским; он умер 1490 года, а Тверское княжество окончательно присоединено было к Московскому, и Тверь управлялась наместниками. Иоанн Грозный[71] в 1570 году, идя походом на Новгород, опустошил Тверь, истребил половину жителей и посадил наместником бывшего царя казанского Симеона с титулом великого князя тверского.[72] В это же время был убит святой митрополит Филипп,[73] находившийся в заточении в Отроче монастыре. В царствование Федора Иоанновича[74] Симеон должен был оставить Тверь и жить в селе Кушалине,[75]

---

[70] Иван Иванович Молодой (15.02.1458—7.03.1490), сын Ивана III и его первой жены Марии Борисовны, удельный князь тверской, наследник престола.

[71] Иоанн IV Васильевич (Иван Грозный; 1530—1584), великий князь московский и всея Руси (1533), первый царь всея Руси (1547).

[72] Симеон Бекбулатович (Саин-Булат хан; † 5.01.1616), касимовский хан (1567—1573), правнук Ахмат-хана, правившего Большой Ордой. Вместе с отцом Бек-Булат султаном перешел на службу к Ивану Грозному, который именовал Симеона «великим князем всея Руси» (1575—1576); великий князь тверской (1576).

[73] Филипп (Федор Степанович Колычёв; 11.02.1507, Москва — 23.12.1569, Тверь), митрополит Московский и всея Руси (1566—1568), свт. В 1537 г. родственники Федора поддержали старицкого князя Андрея Ивановича, за что подверглись опале: дядя Федора попал в тюрьму, два троюродных брата были казнены. Федор тайно покинул Москву, что его житие (конец XVI в.) толкует как религиозное прозрение. В 1539 г. принят послушником в Соловецкий монастырь, через полтора года принял постриг с именем Филиппа. Став в 1548 г. игуменом, сделал монастырь промышленным и культурным центром. После конфликта кандидата в московские митрополиты казанского архиепископа Германа (Полева) с Иваном Грозным кафедру предложили Филиппу (1566). Филипп потребовал уничтожения опричнины, царь не согласился, церковные иерархи уговорили Филиппа уступить царю. Когда в 1568 г. началась новая волна террора, Филипп публично обличил царя на службе в Успенском соборе (22.03). На следующий день бояр и слуг митрополичьего двора пытали, чтобы выбить показания о замыслах Филиппа против царя. Церковный собор лишил Филиппа митрополичьего сана (4.11), опричник Федор Басманов объявил об этом во время службы в Успенском соборе (8.11). Вскоре Филиппа приговорили на вечное заключение; ноги его забили в деревянные колодки, руки заковали в железные кандалы и посадили в монастыре Николы Старого, где морили голодом, затем сослали в Отрочь монастырь; Иван IV казнил ряд его родственников. Идя через Тверь в поход на Новгород, царь направил к Филиппу Малюту Скуратова якобы за благословением, и Малюта задушил Филиппа.

[74] Федор I Иоаннович (1557—1598), царь всея Руси и великий князь московский (1584).

[75] С. Кушалино Тверского у., 35 км к северу от Твери, близ р. Кушалки (приток р. Медведицы), на старом Бежецком шоссе. До 1580 г. вотчина князей дорогобужских, потомков великих тверских князей; с 1583 г. — во вла-

где и умер. Во время самозванца Тверь опустошена была поляками. При Петре Великом[76] она причислена была к Новгородской губернии, а в 1775 году получила название губернского города, и в ней учреждены наместническое правление[77] и другие присутственные места. Наместник тверской и новгородский назывался генерал-директором водяных сообщений до 1816 года; после же этого главное управление путей сообщений[78] было переведено в С. Петербург.

Тверь в продолжение своего существования, кроме разорения татарами, поляками и литовцами, была опустошаема моровою язвою, особенно губительною в 15-м столетии, голодом в 1570 году и неоднократными пожарами. Летописи упоминают о последних в 1276 и 1282 годах, когда сгорел и дворец великокняжеский.

Герб города представляет собой великокняжескую корону на подушке.

Топография. Тверь находится при реках Волге, Тверце и Тьмаке. Широта Твери 56° 52' сев., долгота 53° 37' восточная. Расстояние от С. Петербурга 447, а от Москвы 156 ½ верст. Тверца и Тьмака, впадая в Волгу, делят город на четыре части: *Городовую*, начинающуюся от реки Тьмаки и идущую вниз по течению Волги; *Затьмацкую*, начинающуюся от реки Тьмаки вверх по Волге; *Заволжскую* и *Затверецкую*; обе эти части находятся на луговом берегу Волги и разделяются рекою Тверцою. Чрез Волгу и Тверцу перекинуты разводные мосты, а чрез Тьмаку постоянный.[79]

Местоположение города весьма живописно, он раскинут по обоим берегам Волги; нагорный берег, возвышаясь над ее уровнем до 25 сажень, обнесен откосом и набережною, по которой тянутся красивые и большею частью каменные строения, из них несколько домов одинаковой архитектуры составляют для тверитян отрадное воспоминание о щедростях императрицы Екатерины II, по повелению которой построены эти дома после бывшего 12 мая 1763 года сильнейшего пожа-

---

дении Симеона Бекбулатовича. С XVII в. монастырское село, с 1764 г. государственное.

[76] Петр I Алексеевич Романов (30.05.1672—28.01.1725), царь (27.04.1682), император (22.10.1721).

[77] Наместническое правление — высший орган в наместничестве, создан по указу Учреждения для управления губернией Всероссийской империи (1775). Правитель наместничества осуществлял общий надзор за всем аппаратом управления и суда, чиновниками и сословными органами.

[78] Департамент водных коммуникаций (1798), позднее Управление водяными и сухопутными сообщениями, затем Главное управление путей сообщения, Главное управление путей сообщения и публичных зданий (1833—1842); в управлении создан Департамент железных дорог (1842).

[79] Пересказ путешествия И. А. Дмитриева, ср.: *Тверь 2*, с. 189.

ра, опустошившего весь город. После этого несчастного события город отстроился по совершенно новому плану.

Лучшая улица в городе есть, без сомнения, *Миллионная*, она идет параллельно Волге; одним концом упирается в реку Тьмаку, а другим доходит до загородного Вокзала;[80] чрез нее проходит Московское шоссе.[81] Она обстроена каменными зданиями большею частью хорошей архитектуры и перерезана несколькими перпендикулярными ей улицами, начинающимися от набережной Волги и проходящими весь город. Три из них в пересечениях с Миллионной образуют площади: ближайшая к дворцу называется *Екатерининскою*[82] и обстроена присутственными местами и другими казенными зданиями. Вторая площадь составляет как бы центр города, в нее упираются две косые улицы, из коих одна идет от набережной, а другая от противуположного ей края города.[83] На этой площади помещается большой дом губернской почтовой конторы, почему она и называется *Почтовой площадью*.[84] Третья площадь *Осьмиугольная*,[85] обсажена деревьями и служит местом для гулянья. Одна из поперечных улиц[86] ведет к набережной и пристани пароходства «Самолет» и сообщает ее с шоссе, идущим от Тверской станции железной дороги.[87] К числу значительных улиц можно причислить *Мироносицкую*, названную по находящемуся на ней храму во имя Жен Мироносиц.[88] Все эти улицы мощеные, посередине же последней проходит бульвар, обсаженный деревьями. Четвертая площадь примыкает к заднему фасаду гостиного двора и называется *Хлебною* площадью, на ней производится продажа всех вообще жизненных припасов.[89] Близ Тьмаки между Миллионной и набереж-

---

[80] Парк Вокзал; см.: *Тверь 2*, с. 89–92.

[81] Московско-Петербургское шоссе (1820-е) проложено на месте древней дороги из Москвы в Новгород. Начало шоссе включено в черту города в конце XIX в.

[82] Восьмиугольная, Фонтанная, Екатерининская, Монументная пл., ныне пл. Ленина.

[83] Ул. Косая Новгородская (ныне Великого Новгорода), ул. Косая Новоторжская (ныне Новоторжская).

[84] Почтовая, Полуциркульная пл., ныне Советская.

[85] Восьмиугольная, Торговая, Детских садиков пл., ныне пл. Пушкина.

[86] Ул. Трехсвятская.

[87] Ныне просп. Чайковского. О Тверской станции см.: *Тверь 2*, с. 308–309, 425.

[88] Мироносицкий б-р, ныне Радищева. Церковь Жен Мироносиц (1802–1811; на месте нынешнего двора д. 9/50 по Тверскому просп.). Не сохранилась.

[89] Хлебная, Крестьянская пл. Частично застроена, частично вошла в Тверскую пл.

ной Волги находится дворец, в котором имел свое пребывание принц Гольштейн-Ольденбургский, бывший генерал-губернатор тверской, новгородский и ярославский и главноуправляющий путями сообщений. Великолепное здание это памятно для России тем, что знаменитый историограф Карамзин читал здесь императору Александру I и супруге принца Ольденбургского великой княгине Екатерине Павловне первые главы своей истории России.[90] Близ дворца раскинут роскошный и тенистый сад; одна его часть составляет принадлежность дворца, а другая посещается городскими жителями.[91] Около дворца находится тверской собор во имя *Преображения Господня*, на противоположной стороне улицы *гимназия* — огромное здание, прекрасно построенное и чисто содержимое;[92] рядом дома *губернаторский* и *дворянского собрания*; далее идет *гостиный двор*, в котором считается до 480 лавок, — дар городу императрицы Екатерины; за ним тянутся ряды каменных домов и магазинов.[93]

При устье Тьмаки, по нагорному же берегу Волги около дворца, на месте бывшей крепости, имевшей вид неправильного треугольника, примыкавшего двумя сторонами к помянутым рекам, а с третьей огражденной рвом, разведен бульвар, но следов крепости уже не видно. В древности она имела башни, которые от времени разрушились. Петр I исправил крепостной вал и, желая привести ее в оборонительное состояние, присылал в Тверь известного учителя Магницкого, но весеннее наводнение смыло все работы, которые после того не возобновлялись,[94] и нынешние аллеи служат любопытному путешественнику только воспо-

---

[90] См.: *Тверь 2*, с. 75—76, 82—103.

[91] Дворцовый (1776), Губернаторский (1831) и Общественный (1851) сады, ныне Городской сад (1931). Занимает археологически заповедную территорию разрушенного Тверского кремля. В 2009 г. проведены работы по благоустройству сада, открыта сквозная перспектива на Волгу и церковь Трех Исповедников с памятником Афанасию Никитину на противоположном берегу реки.

[92] См. путешествие М. И. Семевского.

[93] Дом губернатора (ул. Миллионная, ныне Советская, 10—12), главное здание построено во второй половине XVIII в. как дом воеводы. С 1776 г. в здании стали жить губернаторы; были пристроены два боковые трехэтажные крыла, два флигеля. О доме дворянского собрания и гостином дворе см. в путешествии М. И. Семевского.

[94] Пересказ путешествия И. А. Дмитриева, см.: *Тверь 2*, с. 189. Магницкий Леонтий Филиппович (урожд. Теляшин; 9.06.1669, Осташков — 19.10.1739, Москва), математик, преподаватель математики в Школе математических и навигацких наук в Москве (1701—1739), автор первого в России учебного справочника по математике. Во время русско-шведской (Северной) войны по указу Петра I спланировал крепости бастионного типа для Великих Лук (1704) и Твери (1707). См.: *Овсянников Н. Н.* Тверь в XVII веке. Тверь, 1889. С. 11—12.

минанием бывшего могущества города и беспрерывных распрей между удельными князьями.

Достопримечательности. Соборная кафедральная *церковь* во имя *Преображения Господня*[95] — одна из красивейших в городе, с пятью главами, воздвигнута на месте деревянной во имя св. Косьмы и Дамиана, памятной по совершению в ней бракосочетания великого князя Михаила Ярославича с княгинею Анною Дмитриевною Кашинскою.[96] Этот князь построил в Твери большой каменный собор, разобранный в царствование царя Михаила Федоровича за ветхостью. Нынешний собор весь из белого камня, построен в 1682 г., а возобновлен и украшен прекрасною живописью при архиепископе тверском Платоне, в царствование императрицы Екатерины II. Иконостас соборный походит на иконостас Московского Успенского собора; иконы нижнего яруса украшены серебряными окладами с позолотой и драгоценными каменьями. В теплой соборной церкви этой государыней устроен придел во имя св. Екатерины великомученицы, алтарь которого окружен колоннами коринфского ордена. При соборе находится великолепная трехъярусная колокольня, построенная около половины прошлого столетия архиепископом Митрофаном. На правой стороне главного храма у иконостаса почивают мощи св. в. к. Михаила Ярославича в богатой серебряной раке. Здесь кстати познакомить читателя с плачевной кончиной этого князя, о котором в очерке истории Тверского княжения было упомянуто вкратце. В Твери умерла скоропостижно супруга великого князя Георгия Даниловича Кончака, во св. крещении Агафья.[97] Враги Михаила распустили слух, что княгиня им отравлена. Коварный Георгий поспешил в Орду и с помощью Кавгадыя,[98] личного врага Михаила, очернил его пред ханом Узбеком, тогда еще юным и неопытным, но кровожадным, как и большая часть ханов.[99] Михаил, чувствуя свою невинность и желая спасти свое княжество от мщения ордынцев, явился к хану для своего оправдания, но судьи, в числе которых был и Кавгадый, обвинили Михаила, оковали цепями и возили за ханом, ездившим в то время на охоту к берегам Терека. Униженный и обес-

---

[95] См.: *Тверь 2*, с. 67.

[96] Анна Кашинская (ок. 1280—2.10.1368), дочь ростовского князя Дмитрия Борисовича, супруга Михаила Ярославича Тверского (1299).

[97] Кончака († 1318), сестра хана Узбека, вторая жена Юрия Даниловича Московского.

[98] Кавгадый († 1319), приближенный хана Золотой Орды Узбек-хана, помогал Юрию Даниловичу в его борьбе с Михаилом Тверским, участвовал в Бортеневской битве.

[99] Узбек (ок. 1283—1341), монгольский хан Золотой Орды (с 1313). Правление Узбека стало временем наивысшего могущества Золотой Орды.

славленный Михаил, готовясь к смерти, несколько раз приобщался святых таин и был наконец замучен 22 ноября 1319 года. Один из мучителей его вонзил нож в ребра князя в то время, когда он молился, и вырезал сердце. Тело Михаила было привезено в Москву и погребено в Кремле у Спаса на Бору,[100] но супруга покойного страдальца княгиня Анна перевезла его в Тверь, а верные тверитяне предали тело его земле. В 1655 году по указанию одного старого священника были обретены нетленными, чрез 336 лет после погребения, мощи великого князя Михаила. Тверитяне положили их в раку и поставили в здешнем соборе. Этот князь был мудрым правителем и добрым семьянином. Церковь совершает по нём память ежегодно 22 ноября.[101] Главнейшие эпизоды из несчастной жизни князя Михаила прекрасно переданы в картинах, помещенных по стенам собора.[102]

Здесь погребены великие князья тверские: 1) *Ярослав* (Афанасий) Ярославич, брат Александра Невского (скончался в 1272 г.), 2) супруга его великая княгиня *Ксения Юрьевна*; 3) великий князь *Александр Михайлович*, замученный в Орде в 1339 году; 4) великий князь *Михаил Александрович* Микулинский, а потом Тверской, в иночестве Матфей (скончался в 1399 году); 5) супруга его великая княгиня *Евдокия* (скончалась в 1405 г.); 6) великий князь *Федор Александрович* (скончался в 1339 г.); 7) князь *Иоанн Всеволодович* Холмский (скончался в 1399 г.); 8) великая княгиня *Мария Кейстутьевна*, в иночестве Марфа, супруга великого князя Иоанна Михайловича, дочь великого князя литовского Кейстута Гедиминовича (скончалась в 1404 г.); 9) великая княгиня *Евдокия Дмитриевна*, вторая супруга великого князя Иоанна Михайловича, урожденная княжна Дорогобужская (скончалась в 1408 г.); 10) князь *Борис Михайлович* Микулинский (скончался в 1395 г.); 11) княгиня *Анастасия*, супруга князя Василия Михайловича Кашинского. В соборе на столбе у архиерейской кафедры написаны имена всех тверских архиереев с начала существования епархии, а по стенам повешены их изображения; здесь же хранятся и знамена ополчения 1812 и 1853—1856 годов.

Церковь во имя Живоначальной Троицы за Тьмакою, построенная о семи главах в 1564 г. Гавриилом Тимофеевичем Тушинским. В ней замечательны царские двери работы XIV столетия в приделе во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы; они вырезаны из дере-

---

[100] Собор Спаса Преображения на Бору в Московском Кремле (1330).

[101] Пересказ путешествия И. А. Дмитриева, ср.: *Тверь 2*, с. 192—193.

[102] Картины П. Н. Орлова (1812—1865), созданные по заказу купца А. И. Сутугина для Спасо-Преображенского собора (1847) на темы жития князя. Сохранились две: «Напутствование князя Михаила Тверского» и «Смерть Михаила Тверского» (ТОКГ).

ва, раскрашены разными красками и покрыты слюдой, которая сверху обложена свинцовою резьбою. В верхнем ярусе церкви устроены потаенные комнаты (палатка) с едва заметными скважинами вместо окон, в которые надо входить через крышу. Здесь во время нашествий неприятельских прятались церковные сокровища и пожитки граждан; здесь же укрывались от врагов и самые горожане. Есть также подземный ход из-под церковного помоста, говорят, длиной до 250 сажен.[103]

Церковь Рождества Богородицы на Исавцах,[104] построенная в 1581 году. Предание говорит, что Исавцы прежде было село, принадлежавшее Борису Годунову.

Отрочь Успенский мужеский монастырь[105] находится при стечении реки Волги с Тверцою. Иные полагают, что он по древности своей современен г. Твери, другие же время построения его относят к 1265 г. и приписывают его отроку[106] великого князя Ярослава Тверского Григорию. Предание говорит, что Григорий, дав верное слово жениться на одной из тверских девиц, уже готовился к свадьбе с нею; князь увидал невесту Григория, пленился ее красотою и женился на ней, а Григорий с горя постригся в монахи и основал Отрочь монастырь. Монастырь обнесен каменной оградой на 190 саж. и, окруженный деревьями, служит прекрасным украшением Заволжской части. В нем помещается духовное училище и семинария. До 1764 года Отрочь монастырь имел до 1300 душ крестьян. В монастыре похоронены тверские архиереи XIII и XIV ст<олетий>. Здесь же показывают келью св. митрополита Филиппа, которого нетленные мощи почивают в Московском Успенском соборе. В ней ныне сооружена церковь; здесь-то страдал святитель московский за правду и в 1569 г. января 9 принял смерть мученика! Здесь[107] же хранится гроб, в котором были принесены мощи святителя из Соловецкого монастыря. Враг лжи и лести, святитель Филипп возбудил против себя ненависть опричнины и всех близких царя Иоанна Грозного. Царь вознегодовал

---

[103] Цитата из путешествия С. П. Шевырева; см.: *Тверь 2*, с. 296–297.

[104] Церковь Рождества Богородицы, что на Исаевце (1777, на Исаевском ручье), каменная, приделы: главный холодный; теплые: Девяти мучеников Кизических и преподобных отец Онуфрия Великого и Петра Афонского. Не сохранилась. Данных о существовании более ранней церкви нет (*Добровольский*. С. 24–25).

[105] См.: *Тверь 1*, с. 168–170, 221–227; *Тверь 2*, с. 150–154, 193–195, 295–296, 322.

[106] Отроки при князьях были то же, что ныне флигель-адъютанты. — *Прим. Н. П. Боголюбова*.

[107] Далее до конца абзаца — пересказ путешествия И. А. Дмитриева, ср.: *Тверь 2*, с. 194–195.

на св. Филиппа, лишил его сана первосвятительского и сослал сюда на заточение. Святитель умер от руки убийцы Малюты Скуратова, присланного повелением Грозного. «Я давно ожидаю смерти, да исполнится воля государева», — проговорил умирающий, когда предстал пред ним убийца. Совершив злодеяние, Малюта объявил игумену и братии, что Филипп умер в келье своей от угара. Устрашенные иноки погребли страдальца за алтарем. Мощи святителя в 1584 г. были перевезены из Твери в Соловецкий монастырь, где св. Филипп подвизался в монашеской жизни, а в 1651 году их перенесли в Москву.

Близ Твери на берегу р. Тьмаки находится *Рождественский девичий 3-го класса монастырь*. Время основания его в точности неизвестно, но он существовал уже в начале XVI столетия. В 1613 году в нем была одна ветхая и бедная деревянная церковь во имя Рождества Христова. В 1723 г. сюда передан из Афанасьевского Тверского монастыря штат игуменьи и монахинь с причислением к нему вотчин и угодий, а с 1765 начались в нем каменные постройки. Соборная церковь о пяти главах была достроена и освящена в 1812 г. на суммы, пожертвованные императором Александром Благословенным. В монастыре находится *образ Божией Матери Тихвинской*, почитаемый чудотворным; он принесен сюда около 1703 г. монахинею Еленой Григорьевною Ростопчиною. В 1803 г. установлен был в здешнюю обитель крестный ход 26 июня из Преображенского собора. При этом торжестве икона Божией Матери Тихвинской переносится в собор, а в день крестного хода, установленного в Желтиков монастырь, икона относится в монастырь Рождественский.

В 4-х верстах от Твери на той же р. Тьмаке под защитой сосновой рощи виднеется златоглавый *Желтиков Успенский мужеский монастырь*,[108] построенный св. Арсением, епископом тверским,[109] в 1400 году. Он обнесен каменною оградою в 208 саж. длины. Существующие в монастыре каменные церкви построены и украшены императором Петром Великим. В соборной церкви монастыря почивают мощи св. Арсения, епископа тверского, преставившегося в 1409 г. 2 марта, а в ограде над воротами находятся две комнаты, предназначенные для жилища царевичу Алексею Петровичу.

Положение монастыря живописно; окруженный лесом и излучистой Тьмакой, он считается красивейшим местом в окрестностях Твери;

---

[108] Описание Христорождественского и Желтикова монастырей — пересказ путешествия И. А. Дмитриева, ср.: *Тверь 2*, с. 210—214. См. также путешествие М. И. Семевского, И. Ф. Тюменева.

[109] Святитель Арсений († 1409), епископ Тверской, чудотворец, основатель Желтикова Успенского монастыря (1394); погребен в соборной церкви, канонизирован в 1547 г.

память о благочестии и чудесах над гробом св. Арсения привлекает сюда множество богомольцев. Здесь погребен знаменитый духовный проповедник Амвросий Протасов, архиепископ Тверской,[110] который поступил в монашество по убеждению митрополита Платона, также знаменитого даром красноречия. (Говорят, будто приходили слушать его в Москву даже жители отдаленной Сибири.) Амвросий скончался 8 июня 1831 года от бывшей тогда холеры.

В семи верстах от Твери близ речки Малицы на глубоких песках посреди сосен виднеется *Николаевский Малицкий* монастырь, обнесенный стеною в 216 саж. в окружности; он построен был в 1676 г. сокольником царя Федора Алексеевича Овцыным. Каменные строения сделаны в нем графом П. И. Шуваловым в 1753 г. в признательность за чудесное избавление от болезни жены его Мавры Егоровны. Тут же покоится прах графов Шуваловых в особо устроенном для того склепе.[111]

В монастыре замечательны: нерукотворенный *образ Спасителя* мозаичной работы знаменитого Ломоносова, в серебряной вызолоченной раме (говорят, что это первый опыт его в мозаичном искусстве), икона св. Николая Чудотворца, патриарха Мефодия и пророка Елисея в богатой ризе и много других предметов церковной утвари, большею частью пожертвованных графами Шуваловыми.

Заведения учебные. Мужская гимназия с благородным пансионом, женская гимназия, училища: уездное, приходское и женский пансион. Духовные заведения: семинария и духовное училище.[112]

Заведения благотворительные.[113] Три городские больницы, из которых одна содержится на сумму приказа общественного призрения, другая на городские доходы и третья на суммы, поступающие за лечение больных. Военный госпиталь, две богадельни, одна из них содержится на суммы приказа общественного призрения, а другая из городских доходов. Сиротовоспитательный дом и детский приют.

Заведения исправительные. Городская тюрьма.

Военные команды и другие учреждения. В Твери постоянно находятся: гарнизонный батальон, жандармская и телеграфная команды и команда ведомства путей сообщений. Временно квартируют: штаб 7-й легкой кавалерийской дивизии. Здесь же помещаются: начальник

---

[110] Амвросий (Алексей Иванович Протасов; ок. 1762—1.07.1831), архиепископ Тверской и Кашинский (1826).

[111] Пересказ путешествия И. А. Дмитриева, ср.: *Тверь 2*, с. 214—216. О монастыре см. также в путешествии М. И. Семевского.

[112] Об учебных заведениях и библиотеках см. в путешествии М. И. Семевского.

[113] О заведениях благотворительных и исправительных см.: *Тверь 1*, с. 164, 246; *Тверь 2*, с. 89—90, 196—197.

IV отделения III округа путей сообщений и управление 4-й дистанции сего отделения с ее начальником.

Библиотеки. Публичная библиотека, в которой можно пользоваться чтением журналов, газет и книг по установленным правилам (она помещается на Миллионной улице, в здании присутственных мест), и библиотека при гимназии.

Док. *Док и мастерские*, принадлежащие пароходному товариществу «Самолет», устроены при устье р. Тьмаки таким образом, что пароходы вводятся в док чрез ее устье для починок и на зимовку. Док вырыт в возвышенном левом береге Тьмаки близ Волги. На Тьмаке устроены три шлюза, два при самом устье, а третий несколько выше ворот, ведущих в док; на дне дока поставлены блоки, или шпалы, на которые и становятся пароходы. По окраинам дока устроены: механическая мастерская с потребными машинами, приводимыми в действие паровой машиной в 8 сил, и кузница для выковки мелких пароходных принадлежностей; тут же есть слесарни, котельная, магазины с запасными пароходными вещами и кладовые. Построение дока начато в 1854 году, он может вмещать 22 парохода.[114]

Несколько далее вверх по Тьмаке, между этой рекой и шоссе, ведущим из города до Тверской станции Николаевской железной дороги, в урочище *Лазурь* есть природный овраг того же имени.[115] В лет-

---

[114] Тверские судоремонтные мастерские Тверского порта основаны в 1855 г. пароходным обществом «Самолет» на левом берегу устья Тьмаки. В 1855—1857 гг. на средства общества «Самолет» сооружена искусственная гавань с 2 котлованами («ковшами»), стапелями и соединительным каналом (общая площадь гавани свыше 7 тыс. кв. м). Гавань обнесена земляным валом высотой до 12 м, при входе в ковш устроена шлюзовая перемычка 13 м, по левому берегу Тьмаки построены 3 деревянные платформы для ремонта и осмотра корпусов судов, в устье Тьмаки — деревянный шлюз шириной 13,16 м, позволявший поднимать уровень воды на 2,9 м, ставить суда на платформы, заводить их в ковши на стапеля. В 213 м от шлюза вверх по Тьмаке сооружена Никольская перемычка (полушлюз), при помощи которой создавался подпор воды, дававший возможность осенью заводить суда на специальные ремонтные площадки, находившиеся по обоим берегам Тьмаки выше перемычки. В ковши и на платформы ставились только металлические суда и пароходы, за перемычкой — деревянные унжаки, тихвинки, соминки, третники и др. суда. Сборка и ремонт пароходов общества «Самолет» и других владельцев производились до конца XIX в. После постройки в 1900 г. арочного моста через Волгу в Твери проход больших судов был затруднен, их стали собирать и оснащать близ Нижнего Новгорода. С постройкой в 1937 г. Иваньковского вдхр. нужда в шлюзах, плотинах и перемычках на Тьмаке отпала. В 1968 г. мастерские в устье Тьмаки ликвидированы, в 1966—1974 гг. все ремонтные работы осуществлялись на плавучей мастерской в Перемерковском затоне.

[115] Р. Лазурь в черте Твери, правый приток Тьмаки. Исток Лазури находился предположительно в болоте, где сейчас проходит дорога от Московского шоссе

Овраг Лазурь в Твери. Гравюра. 1861

нее время он обсыхает совершенно, но весною затопляется водою. Общество «Самолет» выбрало его местом для сбора новых пароходных корпусов, которые собираются здесь весной при водополье, выводятся чрез Тьмаку в док или на Волгу. С этой целью здесь, как и около дока, устроены мастерские и механическое заведение, приводимое в действие шестисильною паровою машиною.

Фабрики и заводы. Фабричная и заводская промышленность довольно значительна: здесь считается 51 разных фабрик и заводов. Часть их произведений потребляется на месте, а избыток сбывается в столицы. На них считается более 5000 мастеров, учеников и рабочих.

Из них замечательны:

Бумагопрядильня купцов Каулина и Залогина, выстроенная на левом берегу Тьмаки близ города;[116] она занимает 6 десятин и состоит из 12 корпусов; на этой фабрике 3 паровые машины высокого

до очистных сооружений, устье — на излучине Тьмаки. В настоящее время река превращена в цепь прудов. По нижнему пруду проходит северная граница Парка Победы, ниже река заключена в трубы.

[116] Рождественская мануфактура (Берга, Каулинская, Вагжановка; ул. Спартака, 47) основана в 1853 г. московским купцом Николаем Ивановичем Каулиным на земле, арендованной у крестьян Рождественской слободы, в 1858 г. в состав правления вошел И. В. Залогин. В 1865 г. создано Товарищество Рождественской мануфактуры, в 1878 г. владельцем стал П. В. Берг. При нем окончательно формируется огромный фабричный комплекс от Архиерейской слободки до Христорождественского монастыря. В начале XX в. на фабрике ежегодно вырабатывалось до 288 тыс. пудов пряжи и 67,5 млн. аршин суровых тканей. После 1917 г. переименована в прядильно-ткацкую фабрику им. А. П. Вагжанова; ныне Тверская Рождественская мануфактура. Сохранились: фабрика, три жилые казармы, бани, дом культуры им. Трусова (1930—1950-е).

давления, каждая в 40 сил, с помощью которых выпрядается до 150 т. пудов хлопка в год. Мастеров и рабочих на фабрике свыше 1500 человек. Обороту в год 750 т. руб. сер.

Железорезательный завод купца Назарова; на нем режется железа до 15 т. пуд., на сумму до 24 т. руб. сер. Железо покупается на Нижегородской ярмарке, а резаное идет на гвозди, которые в большом количестве выделываются в окрестностях Твери и сбываются в Петербург, Москву и Ригу.

Крахмальные заводы Нечаева и Позднякова; на первом выделывается до 50 пуд крахмала в сутки.

Пути сообщений. Тверь в отношении путей сообщений расположена весьма выгодно: с одной стороны в четырех верстах от города проходит Николаевская железная дорога, с другой она омывается Волгой; оба пути, как искусственный, так и естественный, соединены прекрасным шоссе, идущим от города до Тверской станции железной дороги. Кроме того, в Твери впадает в Волгу р. Тверца, служащая началом водному сообщению Волги с Петербургом по Вышневолоцкой системе. Чрез Тверь проходит Петербургско-Московское шоссе, и от него идет большая почтовая дорога на Смоленск.

Торговля. Тверское купечество занимается торговлею хлебом и железом. Товары эти покупаются ими на низовых пристанях и частью сбываются на местное потребление, а большая их часть доставляется по водным системам к Петербургскому и Рижскому портам. Торгующих по свидетельствам считается: иностранных гостей 1, купцов 1-й гильдии 10, 2-й — 11, 3-й — 218; торгующих крестьян и приказчиков — 86.

Ярмарок в Твери нет; торговля на базарах производится ежедневно.

Главное движение судоходства по Верхней Волге происходит между городами Рыбинском и Тверью. Здесь проходят все суда, отправляемые из Рыбинска чрез системы Тихвинскую и Вышневолоцкую. Так как подробности о судоходстве на Волге и ее притоках были уже рассмотрены нами в отдельной статье о Волге, то здесь мы ограничимся указанием только тех предметов, которые относятся собственно до города Твери.

Судоходство и пристань. В Твери, как уже сказано, р. Тверца впадает в Волгу; среднее число судов, входящих в Тверцу, доходит ежегодно до 1900, с грузами на сумму до 8 миллионов руб. сереб.; разгружается в Твери для отправления до 800 судов, с товарами на сумму до 3 миллионов руб. сер.; отходят от Тверской пристани до 250 судов, с кладью на сумму до 750 т. руб. сер.

С 1854 года открылось по Волге вниз пароходство. Оно учреждено пароходным обществом «Самолет», которое стало поддерживать сообщение между Тверью и Рыбинском; в настоящее же время это об-

щество связало своими пароходами всю Волгу от Твери до Астрахани и по Каме от Казани до Перми. Кроме этого общества при высоком состоянии весенних вод Волги ходят между Тверью и Рыбинском пароходы обществ «Польза» и «Дружина», но по спаде весенних вод прекращают свои рейсы, и общество «Самолет» не имеет соперников. Теперь у него 37 пароходов, а за 8 лет оно открыло свои действия только с двумя.

Гулянья и зрелища. Отдохновение и прогулка в праздники составляют отличительную черту в характере русского народа. Празднование храмовых праздников считается ими необходимостью; на них съезжаются не только окрестные жители, но даже жители отдаленных деревень и ради одного праздничного дня предаются отдохновению и удовольствиям несколько дней сряду. На этом основании тверитяне гуляют в Петровский и Успенский мясоеды и после каждого крестного хода. Из этих гуляний народ веселится за Волгой: после Петрова дня, после Вознесения Господня, в который бывает крестный ход из собора в церковь Вознесения, и после Троицына дня. После крестного хода в Желтиков монастырь гуляют за Тьмакою. После Казанской Божией Матери 8 июля гуляют за Тверцою около Отроча монастыря неделю, потом две недели гуляют в мещанских улицах городской части около Смоленского кладбища до и после 18 июля. Последнее гулянье бывает за Тьмакою 29 августа. Это гулянья народные; они сопровождаются большею частью песнями, плясками и хороводами и имеют целью выбор женихов и невест. Малые гулянья в праздничные дни и хорошие летние вечера бывают больше по набережной р. Волги, около Вокзала и в публичном саду, о котором говорено выше. Из загородных гуляний предпочитаются село Тресвятское — летнее пребывание тверского архиепископа — и Тверская станция Николаевской железной дороги. Все эти гулянья оживляют город летом. Летом сюда заезжают иногда странствующие акробаты, дающие свои представления на почтовой площади; на ней же ставятся в неделю св. Пасхи качели, но зимою и этих удовольствий не бывает. Прежде давались на Тверском театре представления также вольным благородном обществом и воспитанниками Дворянского института, но теперь театр запустел окончательно, и редко когда привлекают в него жителей странствующие артисты.[117]

Гостиницы. Лучшие в городе гостиницы: *Миллера*,[118] находящаяся на Почтовой площади, иначе называемая *почтовою*, потому что до открытия железной дороги при ней останавливались почтовые экипажи,

---

[117] Пересказ путешествия И. А. Дмитриева, ср.: *Тверь 2*, с. 202—207.

[118] Иоганн Бофорт Миллер, столярных дел мастер, содержал одну из первых гостиниц в Твери (1766; ныне ул. Советская, 18), исполнял оформительские работы в Путевом дворце и губернаторском доме (1770—1780-е).

ходившие между обеими столицами. Другая *Андреевского*, находящаяся близ пароходной пристани «Самолет». Цены номерам от 1 руб. сереб. и выше.

Кондитерские. Лучшие: Миллера, Войса и *кафе-ресторан* Чаплина.

Магазины. Из них рекомендуются Вагина,[119] Цветкова и Решетова, они могут удовлетворять потребностям первой необходимости и даже роскоши.

Аптек в городе две, лучшая из них Принца.

Все эти заведения находятся на Миллионной улице. *Извозчики* стоят большею частью на Почтовой площади и возят за умеренную цену.

Цены на жизненные потребности следующие:

говядины 1 ф. 9 и 11 к. сер.; телятины 1 ф. 7 и 15 к.; хлеба черного 1 ф. 2 коп. сер.; булка французская 3 коп. сер; овса куль 3 р. и 3 р. 60 к.; сена пуд 20 и 25 коп.; дров однополенных березовых сажень 3 р. 50 к. и 4 р., сосновых 2 р. 50 коп. и 3 руб.

Дома, лавки и проч. В Твери считается:

домов:	каменных	деревянных
казенных	31	4
церковных и монастырских	7	
общественных	9	7
частных	638	2 128
лавок:	каменных	деревянных
церковных	37	
общественных	107	471
частных	480	144
театр		1

Жителей в Твери считается:

мужчин	15 673
женщин	11 855
	27 528
в том числе.	
дворян потомственных	628
— личных	1 776

[119] Тверские купцы Вагины владели усадьбой в квартале бывшего предместья (конец 1780-х — начало XIX в.; ныне наб. Степана Разина, 20). Главный дом представлял характерную для предместья деревянную постройку «на каменных погребах».

духовенства белого	949
— монашествующих	187
— единоверческого белого	8
почетных граждан	257
купечества	1342
мещан	12 024
сельского сословия	5 994
лиц военного ведомства	4 014
иностранцев	78
разночинцев	256

Тверская губерния

Тверская губерния есть одна из средних великороссийских губерний; лежит к северу от Москвы и граничит к с<еверо>-з<ападу> и с<еверу> Новгородскою губ., а к в<остоку> Ярославскою и Владимирскою, к ю<гу> Московскою и Смоленскою, а к з<ападу> Псковскою. Она разделена на 12 уездов: Тверской, Весьегонской, Бежецкой, Вышневолоцкой, Кашинской, Корчевской, Осташковской, Новоторжской, Старицкой, Ржевской, Зубцовской и Калязинской, которые занимают пространство до 56 500 кв. верст. Из этого числа: под полями до 1 670 000 десятин; под лугами 1 277 088 десятин и под лесами до 1 773 440 десятин. Одна десятая всего пространства занята болотами, покрытыми густым лесом и изобилующими торфом. Вообще Тверская губерния составляет почти ровную возвышенную плоскость; только в Старицком, Зубцовском, Весьегонском и некоторых частях Тверского, Новоторжского, Вышневолоцкого и Бежецкого уездов поверхность несколько волнообразна, а Валдайские горы задевают Осташковский уезд. Она изобилует озерами и перерезана реками, из коих многие судоходны, каковы Волга, Западная Двина, Тверца, Вазуза, Вязьма, Десна, Шоша, Молога, Мста, Медведица[120] и др. Первые доставляют водами своими питание последним, составляют неоцененное богатство всего государства, а для Тверской губернии служат несомненным источником к благосостоянию ее жителей, которые, живя на земле непроизводительной, вознаграждают себя за этот недостаток разного рода промыслами.

И действительно, хотя Тверская губерния и причисляется по положению своему к полосе северного постоянного хлебопашества, но труды земледельца почти не вознаграждаются, и хлеба едва достает

[120] Кроме Волги, Западной Двины, Вазузы, Тверцы, Мсты, Шоши, Медведицы, Мологи, протекающих в Тверской обл., Боголюбов называет также левые притоки Днепра рр. Вязьму (Смоленская обл., длина 147 км) и Десну (длина 1130 км).

ему на собственное пропитание; для уплаты же податей и для поддержания в порядке домашнего хозяйства он находится в необходимости добывать деньги другими способами. Эти-то способы представляются в обилии вод, водных системах, железной дороге, пролегающей в губернии на 170 верст, и Московском шоссе.

Вследствие этих очевидных выгод края жители прилегающих к водяным странам деревень занимаются проводом барок бечевой и нанимаются в судорабочие. По статистическим сведениям, в одну навигацию Тверская губерния выставляет до 40 000 лошадей и до 50 000 рабочих. Зимою и в тех случаях, когда товары идут сухопутьем, перевозка их доставляет также немаловажные выгоды крестьянам, которые подвозят пеньку и сало гужом из юго-восточных губерний России к Ржеву, главнейшему складочному пункту, из которого продукты эти расходятся в С.-Петербург и Ригу.

Кроме перевозки этих товаров, составляющих монополию торговли купеческого сословия Тверской губернии, каждый город и уезд ее занимаются какими-либо промыслами, доставляющими благосостояние краю.

Ржев, как мы уже сказали, сосредоточивает торговлю пенькой и салом. По капиталам, которыми обладают ржевские купцы, он есть, без сомнения, первый город в губернии. Сюда свозится пеньки до 500 т. пуд. и канатной пряжи до 250 т. пуд. В этом городе находится до 13 пенькопрядильных фабрик, на которых вырабатывается ежегодно до 130 000 пуд. пряжи и до 450 т. пуд. веревок. Кроме того, в Ржеве делают пастилу, в уезде же жители гонят деготь и смолу.

Осташков знаменит своими кожевенными заводами. Осташковцы шьют мужицкие сапоги, известные под названием *осташей*, которых выделывается до 125 т. пар, и рукавицы из конины. В Осташкове есть известная бумагопрядильня братьев Савиных, а уездные жители плетут сети из пеньковой пряжи, отчего часть пеньки идет из Ржева в уезд. Некоторые из осташковцев занимаются рыболовством в уезде и ходят для этого в Петербург, Нарву, Ревель, Ладогу и Кронштадт. Живущие в лесистых местах гонят деготь и смолу.[121]

Бежецк не имеет особого промысла. В уезде же жители шьют холщовые мешки, делают деревянную посуду, частью шьют сапоги; некоторые деревни занимаются коновальством, расходясь по всей России; другие идут в штукатуры; бабы вяжут шерстяные чулки.

Весьегонский уезд промышляет деревянной посудой и шьет мешки, которые идут в Москву и Рыбинск.[122]

---

[121] «Осташи — ершееды, сапожники, золотошвеи» (*Пословицы русского народа*. С. 211).

[122] См. путешествие И. Ф. Тюменева.

Старицкий уезд промышляет дегтем и смолой;[123] в иных деревнях куют сошники, ломают каменья и выделывают в значительном количестве заячьи шкуры.

Вышневолоцкий уезд занимается сплавом леса, постройкой барок, выделкой глиняной посуды и, как уже сказано выше, гонкой барок и бурлачеством.[124]

В Калязинском уезде делают колеса, куют лопаты и шьют опойковые и выростковые сапоги и башмаки.[125] Тем же самым промышляет и Корчевской уезд, который кроме того славится хорошими плотниками, печниками и красильщиками.[126]

В Тверском уезде делают берда, куют гвозди.[127]

Торжок славится своим шитьем по сафьяну золотом и серебром.[128]

Зубцовский уезд промышляет поярковыми шляпами и валенками.[129]

Новоторжский уезд славится мастеровыми, выделывающими подпятный кирпич.[130]

В Кашинском уезде много хороших мастеровых, в особенности плотников.

Из этого краткого очерка видно, что Тверская губерния составляет заметную единицу в промышленном отношении, что Ржев и Тверь принадлежат к значительным торговым городам России и что купечество этих двух городов обладает весьма большими капиталами. Вышний Волочек счастливым положением своим весьма важен по системе судоходства, носящего его имя. Весьегонск занимает то же место на Тихвинской системе, что Волочек на Вышневолоцкой.

---

[123] «Старица — дегтярница» (*Пословицы русского народа*. С. 212).

[124] Вышневолочане — горлопаны: «Горлопанами их прозвали за привычку говорить громко, к чему они привыкают на барках, где голос их часто заглушается ревом бури» (Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. С. 412); ср.: *Тверь 1*, с. 146—151.

[125] Особо тонкими, дорогими видами кожи считались кожа теленка, еще не перешедшего на растительный корм (опоек), и теленка менее чем годичного возраста (выросток).

[126] «Кимряки <с. Кимры Корчевского у.> — летом штукатуры, зимой чеботари» (*Пословицы русского народа*. С. 211).

[127] «Кушали <с. Кушалино Тверского у.> — бердники, частобаи. Кушалинские крестьянки — тонкопряхи» (*Пословицы русского народа*. С. 211).

[128] См. также: *Тверь 1*, с. 156; *Тверь 2*, с. 77—78.

[129] Поярок — шерсть ягненка от первой стрижки.

[130] Подпятный кирпич делался из глины, которую месили ногами, он был прочнее выработанных другим способом.

От Твери до Ярославля

Если читателям нашего путеводителя по Волге придется путешествовать по этой величественной реке начиная от Твери, то к услугам его пароходы общества «Самолет», содержащие ежедневное сообщение по всей реке. На Тверской станции Николаевской железной дороги общество имеет своего агента, который выдает билеты на пароход, отправляющийся в тот же день, принимает пассажирский багаж и доставляет его на счет и страх общества к пароходу, выдавая на него контрамарки. Для пассажиров, отправляющихся на пароходе, удобнее всего доехать до пароходной пристани в частном дилижансе с платой 15 к. сер. с человека.

На пристани пассажиры найдут удобное помещение в ожидании урочного часа по расписанию. Здесь кстати сказать, что расписания эти ежегодно публикуются ранней весной в разных ведомостях обеих столиц и, кроме того, в конторе общества «Самолет» в С.-Петербурге и на всех его пароходных пристанях по Волге можно получать отдельные печатные книжечки с подробным расписание пристаней, времени прихода и отхода пароходов и указанием цены как за проезд от одного места до другого, так и за багаж по весу с пуда.

С наступлением урочного часа отплытия на пароходе звонят в третий раз, снимается сходня, и пароход отходит от пристани, спускаясь быстро вниз по Волге. Скоро исчезают от взора зрителя и прекрасный дворец, и Отрочь монастырь, дремлющий под тенью окружающих его деревьев, и красивая тверская набережная, и Вокзал с общественным садом; вот пройдена и Барминская слобода,[131] лежащая в двух верстах от города, и только купола церквей напоминают о недавнем отплытии; наконец и они скрываются в дальней синеве, и прекрасные берега Твери сменяются однообразными окрестностями. Таким образом продолжается путешествие, прерываемое только стуком колес и свистком капитана, зорко следящего за ходом своего судна, потому что на пути встречаются мели и каменья; так, на 4-й версте от Твери лежит мель *Константиновская*, а за нею на 5-й версте *Примерковская*,[132] которые, впрочем, при знании фарватера неопасны для судоходства.

---

[131] Д. Барминовка на левом берегу Волги в районе современного Восточного моста, основана в XVII в. как Барминская слобода. С восточного края деревни уходила дорога, примыкавшая к Кашинскому тракту, существовала переправа через Волгу. В состав города включена в 1937 г. После боев во время Великой Отечественной войны осталось два дома, сохранился один.

[132] Мели в районе дд. Старая Константиновка (1580, левый берег Волги, Корчевской почтовый тракт) и Новая Константиновка (1539–1540, напротив Старой, правый берег Волги), ныне в черте Твери. Мель в районе впадения в Волгу Перемерского ручья. См. также путешествие И. Ф. Тюменева.

На 17-й версте от Твери, на правом берегу Волги, встречается казенное село *Эммаус*.[133] Чрез него проходит Московское шоссе, прежде столь оживленное многочисленными проездами, а ныне служащее только сообщением между деревнями, лежащими по пути, и торговым путем для товаров, отправляемых гужом. В нем виднеется запустелый станционный дом, но не слышен *малиновый* звон почтового колокольчика и молодецкий крик лихого ямщика! Эммаус напоминает только о прошедшей деятельности его жителей, занимавшихся возкой почты, равно как напоминает и о том, что близ этого села был некогда Яминский монастырь, которого теперь не существует. Впоследствии здесь был загородный дом тверских архиереев, в настоящее время упраздненный.

На 19-й версте, на левом берегу Волги при впадении в нее р. Орши, находится заштатный мужской *Оршинский* монастырь.[134] Время основания его неизвестно, но о нем упоминается в 1613 году, когда оршинский архимандрит Иосиф, в звании выборного от г. Твери, подписал грамоту на избрание Михаила Феодоровича на царство. Во время нашествия поляков монастырь был разрушен почти до основания и ос-

---

[133] С. Эммаус (ныне пос.), 15 км до центра Твери, 3 км до границы города. Образовано в XVI в. близ Спасо-Яминской (Ямницкой) пустыни на правом берегу ручья Белеутовки. В Смутное время монастырь пришел в упадок. В 1628 г. в указе царя Михаила Федоровича отмечена Спасо-Яминская пустынь со слободой Яминково (1 двор крестьянский и 2 двора бобыльских). В 1750 г. Тверской архиепископ Митрофан Слотвинский решил возродить монастырь. Он перенес его на место, не подвергавшееся половодью, построил деревянную церковь и архиерейский загородный дом против слободы. Заметив сходство местности с евангельским Эммаусом под Иерусалимом, он назвал место Эммаусом. В 1763 г. Эммаус упомянут в ревизских сказках. В 1859 г. Воскресенская церковь, 44 двора, 411 жителей; к концу XIX в. 70 дворов, 201 мужчина и 243 женщины.

[134] Р. Орша, левый приток Волги, длина 72 км, исток оз. Оршинское, одно из Петровских озер на территории болота Оршинский Мох, 20 км на северо-восток от Твери. На реке расположены пос. Орша, Сахарово, Аввакумово. При впадении Орши в Волгу находится Оршин Вознесенский монастырь. О существовании его в XIV в. документальных подтверждений нет, но в XV в. при св. Савватии монастырь становится известным. Вознесенский собор, каменный (1567), изначально пятиглавый, построен при покровительстве Ивана Грозного, освящен тверским епископом Варсонофием (ок. 1495—11.04.1576); позже одноглавый. Фрески XVI в. частично сохранились, как и некрополь XV в. возле стены храма. Найденный в 1846 г. тайник под полом собора был сделан до 1606 г., когда во время одного из набегов поляков обитель была разгромлена и сожжена, настоятель и насельники убиты. После восстановления монастырь утратил прежнюю известность; в середине XIX в. вновь отстроен; в 1903 г. по причине малочисленности монахов (10 чел.) преобразован в женский. При монастыре была церковно-приходская школа для крестьянских детей. Закрыт (1919), каменные постройки (кроме собора и настоятельских покоев) снесены. Возобновлен (1992). См.: *Веригин Е. А.* Оршин Вознесенский монастырь: историческое описание. Тверь, 1913.

тавался невозобновленным. В недавнее время тверское епархиальное начальство обратило внимание на эту древность и исправило ее по возможности. В 1846 году, когда перемащивали каменный пол, под алтарем церкви во имя Вознесения Христова найдены были разные церковные утвари: *потир*, *дискос*, *звездица*, *три блюда*, *лжица*, *крест* и *две иконы* в позолоченных окладах; на престоле же под *срачицею* найдены три *антиминса*. Один из них, как видно из надписи, положен тверским епископом Варсонофием при освящении храма в 1567 году.

На 36-й версте от Твери Московское шоссе идет по берегу Волги, и тут же раскинуто село *Городня*; иные называют его *Городень*, *Городец*.[135] В древности на этом месте был город, составлявший удельную от Тверского княжества область, которая называлась *Вертязин* городок, или *Городец*. Здесь великий князь тверской Михаил Ярославич в 1312 и 1318 годах подписывал грамоты, данные побежденным им новгородцам и врагу своему князю московскому Георгию Даниловичу, завладевшему престолом новгородским во время поездки Михаила в Орду, с поздравлением принявшего правление хана Узбека. В междоусобие тверских князей в. к. тверской Михаил Александрович, родственник Ольгерда, недовольный судом и поступками митрополита Алексия и в. к. московского Дмитрия Донского, невольно уступил (в 1368 г.) Вертязин городок, составлявший тогда удел князя Симеона Константиновича, князю Иеремию (Константиновичу), с которым и отправился сюда чиновник московский. Уделом Иеремиевым был Доргобуж, ныне село Дорожево Тверской губернии. Перед кончиной своею, горестною для тверитян, в. к. Михаил Александрович подписал духовную грамоту, по которой Вертязин городок вместе с Тверью и другими городами отказал старшему сыну своему Иоанну. В 1569 г. Городня подверглась гневу Иоанна Грозного, жители были избиты, здания разрушены по подозрению, будто бы вся Тверская область, в составе которой был и Городец, были тайными врагами московского самодержавия. Разрушенный город отдан в наследство сыну Грозного. Чрез 40 лет после этого горестного события (1609 г.) князь Михаил Скопин-Шуйский, получив здесь известие, что Делагарди, устрашенный мятежом, идет с шведским войском не к столице и осажденной Троицкой лавре против Лжедмитрия и ляхов, а назад к Новгороду, послал к Делагарди гонцом Ододурова с просьбой не изменять честному слову и не выдавать друзей в тяжелую для них минуту.

В настоящее время Городня — значительное казенное село с 440 жителями; оно раскинуто на возвышенном крутояре. На одной из выдавшихся частей построена каменная церковь Рождества Богородицы;

---

[135] Пересказ и цитата из путешествия И. А. Дмитриева; ср.: *Тверь 2*, с. 167–170.

в подземельной храмине этой церкви г. Кёппен нашел под отпавшей от стен штукатуркою замечательную старинную живопись *фресско*. Тут же в древние времена был Петровский монастырь, который до 1627 г. приписан был к дому тверских архиереев.[136]

За Городней, столь интересной историческими воспоминаниями, на 39 версте на правом берегу Волги впадает р. *Шоша*, при устье которой находится пристань.[137] Река эта начинается в Зубцовском уезде и протекает на 220 верст, но судоходна только на 12 верст от устья. На несудоходной части реки устроено 9 водяных мельниц.

С пристани ежегодно отправляется до 100 судов с товарами на сумму до 500 т. руб. сереб., а для складки хлеба по берегу построено несколько амбаров.

Верстах в 5 от этой пристани поставлен дебаркадер от общества пароходства «Самолет» для высаживания и принятия пассажиров, у которого и останавливаются пароходы сего общества.

На 45-й версте на левом берегу лежит село *Эдимоново*,[138] оно довольно обширно и хорошо обстроено; принадлежит частному владельцу. Здесь родилась мать в. к. Михаила Ярославича.

На 79-й версте впадает в Волгу незначительная и несудоходная река *Созь*, при устье которой находится *Сурсовская* пристань, а близ нее деревня *Сурсово*.[139] С пристани ежегодно отправляются до 20 судов с мукой, на сумму до 50 т. руб. сер.

На 85-й версте пароход останавливается у пристани при городе Корчеве.

г. Корчева

Г. Корчева[140] лежит на правом, возвышенном и крутом берегу Волги и захватывает собой берег в длину несколько более полутора верст, а в ширину до 600 сажень. Расстояние его от Твери сухим путем 77 в., от Москвы 299 в. и от Петербурга 588 в.

---

[136] По данным Писцовой книги 1540-х гг., в Городне, кроме собора Рождества Богородицы, были церковь Воскресения и два монастыря: Петровский и Афанасьевский.

[137] Шошинская пристань в с. Новом, при устье р. Шоши.

[138] С. Едимоново, см.: *Тверь 2*, с. 149–150.

[139] Сурсовская пристань на левом берегу Волги и на правом берегу р. Сози, при ее впадении в Волгу. В тверских межевых книгах 1627–1628 гг. упоминается пустошь Сурсово, вотчина тверского архиепископа. В 1859 г. в д. Сурсове 25 дворов, 191 житель. При устье Сози был перевоз, крестьяне занимались гонкою судов и извозом. В деревне имелась кузница, сапожная мастерская, овчинное заведение и трактир.

[140] Г. Корчева́ (1781, ранее с. Корчева, известно с 1540-х гг.) на правом берегу Волги по р. Корчевке, приток Волги. Вотчина Тверского архиепископа (1627–

Он основан из экономического села того же имени в 1781 г. Чрез год были там устроены и присутственные места.

В городе 3 каменные *церкви*, из коих одна соборная, довольно порядочной и новейшей архитектуры, построена на берегу Волги.[141] Площадь и плохой *бульвар*, протянутый вдоль берега. *Гостиный двор*, 26 торговых *лавок*, *домов* каменных 57, деревянных 416. Разных *заводов* 7; из них 2 пряничных, 1 водочный и 1 пиво- и медоваренный. *Жителей* обоего пола до 3032, торгующих по свидетельствам разного рода 75, из них по 3-й гильдии 44.

В городе бывает *ярмарка* Слаущенская 13 и 14 сентября.

С Корчевской *пристани* отправляется ежегодно до 170 судов с грузом более сырых произведений на сумму до 450 т. руб. сереб.; приходит ежегодно до 700 судов с грузами разного рода, на сумму до 22 миллионов р. сер.

В Корчеве помещается управление 5-й дистанции IV отделения III округа путей сообщений, которое заведует участком Волги от деревни Перемеры до устья р. Медведицы. Здесь же живет и начальник этой станции.

Между 113 и 114 верстами впадает в Волгу река *Дубна*, при устье которой на правом береге находится село *Городище*.[142] Дубна течет на 165 верст по Владимирской, Московской и Тверской губерниям; в обыкновенную воду она не судоходна, но при высокой воде по ней сплавляется до 40 судов с товарами на сумму до 300 т. р. сереб.

Наискосок от устья этой реки, несколько ниже, на левом берегу, находится пристань *Дубенская*,[143] с которой отправляется ежегодно до 25 судов с мукой и пшеницей, на сумму до 120 т. р. сер.

1628), экономическое село (после 1764), центр уезда, разрушен при строительстве плотины Иваньковского вдхр. около современного г. Дубна и канала «Москва—Волга» (1937). Жители переселены в г. Конаково, бывшее с. Кузнецово Корчевского у. На незатопленной территории сохранилось кладбище с заросшими остатками фундамента Казанской церкви и дом купцов Рождественских (нач. XX в.).

[141] Воскресенский собор (1808), каменный, приделы: в холодной Обновления Храма Воскресения Христова, в теплой св. пр. Илии и свт. Николая; кладбищенская Казанской Божией Матери (1827), каменная; Преображенская (1856), каменная, двухэтажная, приделы: верхний Преображения Господня, нижний Смоленской Божией Матери (*Добровольский*. С. 385—386).

[142] С. Городище Корчевского у., от Твери 105 в., от Корчевы 25 в. Церковь Похвалы Пресвятой Богородицы (1827), каменная, приделы св. Николая и св. пр. Илии. В 1897 г. 287 дворов, 2342 жителя; церковно-приходская школа (1887), одноклассная, 50 учащихся.

[143] С. Дубенское Устье, Дубна Корчевского у., ныне г. Дубна Московской обл. Дубенская пристань у устья р. Дубны. На Дубенской и Нерльской (с. Ксня-

На 126 версте лежит село *Кимра*; здесь пароход останавливается.

Кимра[144] расположена на левом берегу, который в этом месте крут и возвышен; наружность села красива и привлекательна, чистые строения служат лучшим ручательством за благосостояние жителей, которые занимаются в обширном размере шитьем сапогов и галош. Изделия их расходятся по всей России, и слава их до того распространилась, что с давнего времени всякого сапожника называют *кимряком*. Говорят, что кимряки ставят свои изделия известному торговцу сапожным товаром Королеву и берут подряды в казну, как это было в 1807 и 1812 годах, когда ставили сапоги на всю русскую армию.

В Кимре замечательна церковь по своей оригинальной архитектуре; она выстроена наподобие ящика с весьма маленькими куполами.[145] Село это казенное, находится в Корчевском уезде и имеет до 1400 жителей, которые продают сапогов на сумму до 300 тысяч руб. сер.; всего же от пристани сбывается всякого товару на сумму до полумиллиона руб., который отправляется вверх и вниз по Волге на 70-ти судах.

На 132 версте от Твери на правом берегу при устье р. *Хотчи*[146] лежит село *Белый городок* Калязинского уезда,[147] о котором упомина-

---

тино / Скнятино в устье р. Нерли, см. далее) верфях (1711) по указу Петра I строили тялки — небольшие парусные корабли голландского типа. В 1712—1713 гг. 50 тялок с Дубенской верфи вместе с тялками с Нерльской верфи, переправленные в Петербург по Вышневолоцкому водному пути, составили военно-транспортную флотилию Петра I.

[144] С. Кимра / Кимры Корчевского у. на Волге при впадении в нее р. Кимрки, 133 км к востоку от Твери. Дворцовое село (1546—1677); затем принадлежало Салтыковым, Скавронским и Самойловым. В 1847 г. жители Кимр выкупились от графини Ю. П. Самойловой на волю с землей.

[145] Собор Покрова Пресвятой Богородицы (1825), каменный, приделы: Всех святых и свв. апп. Петра и Павла. Его называли «братом» Успенского собора Московского Кремля; в его архитектуре гармонично сочетались элементы классицизма и допетровского зодчества. Церковный ансамбль включал также храм Св. Троицы с колокольней (1833), каменный, приделы: Тихвинской Божьей Матери и свт. Николая (*Добровольский*. С. 402). Обе церкви уничтожены (1936).

[146] Р. Хотча, правый приток Волги, протекает в Талдомском р-не Московской и Кимрском р-не Тверской обл., устье в пос. Белый Городок (Угличское вдхр.).

[147] Пос. Белый Городок Калязинского у. (1364), 141 км к востоку от Твери, 14 км к северо-востоку от Кимр. Крепость у Хотчинской стрелки заложена Михаилом Александровичем (1366). В 1367 г. ее осаждал Василий Кашинский, в 1375 г. войска Дмитрия Московского, в 1612 г. польские интервенты. Каменная церковь Иерусалимской иконы Божией Матери (1825). Усадьба Белое генерал-майора И. Я. Шатилова, участника Бородинского сражения.

ется в духовной тверского в. к. Михаила Александровича. Теперь оно весьма незначительно и населено только 30 крестьянами, но в древности на этом месте был город и прозывался Бел-Город. Около него находится мель *Белогородская*, судоходству не препятствующая.

На 145 версте впадает в Волгу с левой стороны река *Медведица*, судоходная только в весеннее половодье; в это время по ней сплавляют несколько гонок. Медведица вытекает из Вышневолоцкого уезда и имеет длины до 325 верст. Тут же находится село *Медведицкое*,[148] близ которого стоит пароходная пристань общества «Самолет»; на Волге же есть остров, называющийся *Медведицким*, а в селе Медведицком помещается управление 6 дистанции IV отделения III округа путей сообщений, обнимающее пространство Волги от этого села до деревни Васильевой,[149] где граничат между собой Тверская и Ярославская губернии. Начальник этой дистанции живет в Медведицком.

На левом же берегу ниже села на полуострове выстроен красивый двухэтажный дом г. Салтыкова. Он года три как отстроен, а до того лет 50 стоял в запустении без крыши, как говорит предание, потому, что тут водилась нечистая сила.[150] Другое предание говорит, что в этом доме живал Борис Годунов.

Ниже Медведицы на 155 версте на правом берегу Волги находится казенное село *Скнятино*.[151] Оно лежит при устье р. *Нерли* и имеет до 250 жителей. В древности здесь был город, называвшийся *Скнятин город*. В 1319 г. он достался по разделу сыну в. к. Михаила Ярославича Василию Михайловичу и внуку Ивану Борисовичу.

На 169 версте на луговом берегу близ устья речки *Кашинки* расположено село *Кашинское Устье*,[152] а подле его на крутой возвышен-

---

[148] С. Медведицкое Кашинского у., от Твери 115 в. Владельцы: Григорий Петрович Годунов (1678; по другим данным князь Одоевский, 1675–1715); князья Михаил Михайлович (1762) и Михаил Петрович (1795) Голицыны. Церковь Богоявленская (1788), каменная, приделы: прп. Сергия Радонежского и св. мчнц. Параскевы (*Добровольский*. С. 362–363).

[149] Д. Васильево Калязинского у.

[150] Салтыков Иван Петрович, князь, унаследовал имение от матери Веры Федоровны. В состав имения входило двенадцать деревень. В 1857 г. отец хозяина, князь Петр Салтыков, учредил опеку над имением сына из-за его расточительности, которой и было вызвано запустение усадьбы; спустя 10 лет имение выставлено на продажу: ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 3640. 38 л.; ТГВ. 1868. № 55. С. 281; № 56. С. 285; № 84. С. 422; № 85. С. 425.

[151] С. Скнятино Калязинского у. (1134), изначально г. Кснятин / Константин, основан Юрием Долгоруким при впадении р. Нерли в Волгу. Нерльская верфь (1711, см. выше).

[152] Р. Кашинка, левый приток Волги; исток близ с. Болдеева Кесовогорского р-на, длина 128 км. С. Кашинское Устье Калязинского у. Церковь Покрова Пре-

ности раскинута усадьба г-жи Истоминой, называемая *Сергиевское*.[153] Прекрасный дом с павильоном, окруженный красивыми и прочными постройками, много придает красоты крутому берегу, окаймленному деревьями. По крутизне проложена прочная лестница, ведущая к пристани, у которой останавливается пароход, спускает и принимает пассажиров, имеющих сношения с г. Кашиным, находящимся в 12 верстах от этой усадьбы.

На 181 версте лежит город *Калязин* с торговой пристанью и другою, у которой останавливаются пароходы.

г. Калязин

Калязин,[154] уездный город Тверской губернии, расположен на левом берегу Волги под 50°15' сев. шир. и 56° восточной долготы, в расстоянии по сухому пути от Твери на 180 в., от Москвы в 333 в. и на 702 в. от Петербурга. Он лежит на обрывистом берегу, обстроенном порядочными для уездного города домами; берег хотя и довольно возвышен, однако ж бывают годы, в которые некоторые улицы затопляются водою при весеннем половодье.

Прежде Калязин был экономическою слободою, принадлежавшею Макарьевскому Калязинскому монастырю, от которого и получил свое название; в 1776 году при учреждении губерний сделан городом, и тогда же учреждены в нем присутственные места.

Из древностей калязинских достойны замечания:

Мужеский Троицкий Калязин монастырь 1-го класса;[155] основан в XV столетии преподобным Макарием и получил название

святой Богородицы (1782), деревянная, холодная, приделы пр. Илии и Марии Египетской. Снесена (1938).

[153] С. Сергиевское Калязинского у. Владелица — Истомина Лидия Николаевна (1819—1867), вдова Истомина Сергея Максимовича (13.12.1804—5.03.1852), поручика и кавалера. Ей принадлежали также имения в Бежецком, Кашинском и Корчевском у.: Описание имения. 1858 // ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 806. 16 л.

[154] Г. Калязин (1775) на правом берегу Волги (Угличское вдхр.), 190 км от Москвы и 164 км от Твери. В черте города находится устье рр. Пуды и Жабни. Первое поселение Никола на Жабне на месте нынешнего Калязина упоминается в летописи в XII в. Церкви: Богоявления Господня (1781), Введения Пресвятой Богородицы во Храм (1882), Вознесения Господня (1787), не сохранились: Воздвижения Креста Господня (1794), собор Николая Чудотворца (1694, сохранилась колокольня 1800), Предтеченская церковь (1792), церковь Рождества Христова (1708). В XVIII—XIX вв. торговый центр, в конце XIX в. развито судостроение, кузнечный промысел, валяльное и кружевное дело.

[155] Троицкий Макарьев монастырь основан Макарием Калязинским (Матвей Васильевич Кожин; не позднее 1402 — 17.03.1483), землю под монастырь

Калязинского *от Калязи*, владельца того места, на котором он построен. В монастыре находятся 4 церкви, из которых достойна внимания соборная *церковь* во имя *Живоначальной Троицы*, построенная вместе с колокольнею в 1654 г. игуменом Сергием. В этом храме опочивают св. мощи преподобного Макария, открытые в 1521 г., спустя 38 лет после погребения. На одной из стен любопытный прочтет следующую надпись: «Волением Отца, поспешением Сына, совершением Святого Духа, молитвами преподобного и Богоносного отца нашего Макария Калязинского чудотворца, зачата бысть святая соборная церковь Живоначальной Троицы и придел Рождества Богородицы и малая церковь Спаса нерукотворного, Святые ворота и стены монастырские в 1654 г. июня 8 дня, при державе великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России, в 9-е лето государствования его, при сыне его благоверном царевиче Алексее Алексеевиче в первое лето рождения, при святейшем Никоне, патриархе Московском и всея России, в третье лето патриаршества его, при преосвященном Лаврентии Тверском и Кашинском и при настоящей обители игумене Сергии, келаре старце Иринархе, а подписана, начата и совершена соборная церковь Живоначальной Троицы, придел Рождества Богородицы и малая церковь Спасова и Святые ворота монастырскою казною и обещанием вклада соборного старца Леонида Высоцкого к той монастырской казне его Леонидова 600 рублей». В преддверии храма находится каменная гробница преосвященного Серапиона, на которой высечена надпись: «лета 7111 преставися раб Божий преосвященный митрополит Серапион Сарский и Подонский, майя во 2-й день, постриженник Калязина монастыря, уроженец г. Кашина».[156]

Монастырь обнесен каменной оградой с башнями, которые, как видно также из надписи над Святыми воротами, начаты строиться

пожертвовал боярин Иван Коляга (см.: Житие преподобного Макария). Наиболее полный ансамбль допетровского зодчества на востоке Тверской земли: собор Пресвятой Троицы с приделами Спасским и Богородице-Рождественским (1521, перестроен и расписан в 1654), трапезная палата со Сретенской церковью (1525–1530), надвратная церковь прп. Макария (1617), каменные стены длиной 700 м с угловыми башнями и воротами (1644–1648), больничный корпус и больничная Алексеевская церковь (1655), корпуса келий: братский (1641), настоятельский и наместничий (оба 1753), четырехъярусная 60-метровая колокольня (1818–1822), Успенская церковь (1884). Закрыт (1920), затоплен при создании Угличского вдхр. (1939). Сохранились фрагменты фресок XVII в., изразцы, облачения духовенства и шитье XVII–XIX вв., церковная утварь, элементы каменного декора и стенописи (Калязинский краеведческий музей, ГНИМА им. А. В. Щусева).

[156] Свт. Серапион, митрополит Сарский и Подонский († 1652).

Внутренний вид Калязинского Троицкого монастыря. Рисунок. 1893

в 1624 г., а кончены в 1648 году. В монастыре хранятся несколько чугунных *пушек* длиною от 2 ½ до 4 аршин и несколько сотен чугунных *ядер*, оставшихся тут от времени нашествия поляков, а в ризнице монастырской хранятся два деревянных *потира*, *дискос* и два *блюдца*, на которых совершал литургию преподобный Макарий.

Кроме монастыря, управляемого архимандритом, в городе находится 7 каменных *церквей*,[157] 175 *домов* каменных и 1008 деревянных; 27 разных фабрик и заводов, из коих 10 крахмальных и 2 свечных. Число торговых свидетельств 143; из них по 1-й гильдии — 1, по 2-й — 3 и третьей — 98. Такое число служит лучшим мерилом производимой жителями торговли, которая преимущественно состоит из сбыта хлеба; другие произведения, за исключением крахмала, сбываются не в значительном количестве; в сложности же с Калязинской пристани отправляется ежегодно до 300 судов с грузами на сумму до миллиона руб. сереб. Приход судов по количеству доходит до 290, с которых поступает товару на сумму до 700 т. руб. сереб.

[157] Никольский собор (1694), церкви Предтеченская (1792), Христорождественская (1708), Крестовоздвиженская кладбищенская (1794), Богоявленская (1781) (*Добровольский*. С. 287—289), не сохранились; Вознесенская кладбищенская (1787), закрыта (1930-е), возобновлена. Других храмов Добровольский не указывает.

В Калязине считается до 7528 жителей обоего пола и находится одно уездное и одно приходское училище и городская больница.

После очерка городу кстати сказать несколько слов о торговцах Калязинского уезда, отличающихся, подобно ярославцам, особенною склонностью к промышленности, но как там, так и здесь не все селения посвящают себя им исключительно.

В этом уезде промыслы *на стороне* принадлежат селам: Семендяеву с приселком Соболами[158] и деревнями по самой границе Ярославской губернии; Васишину[159] с деревнями на Волге и прилежащими к нему деревнями князя Долгорукова; Красному[160] с деревнями по р. Жабне и Медведицкой вотчине.

Семендяевцы почти все живут в Москве, одни половыми в трактирах, другие торгуют хлебом, сухарями, икрой, колбасами и проч.

Васишинцы живут преимущественно в Москве и торгуют фруктами. Ильинка полна васишинцами, где одни сидят в погребах, другие торгуют на лотках и бродят с ними по городу.

Красносельцы большею частью трактирщики везде, где только есть возможность открыть трактир; также торгуют бакалеей.

Из вотчины *Медведицкой* более промышляют красным товаром в обеих столицах, а часть из них, подобно ковровцам (Владимирской губернии), развозят эти товары по Вологодской и Архангельской губерниям.[161]

Но не вдруг эти промышленники достигают до благосостояния; обыкновенно они начинают свою науку с 10—15-летнего возраста и,

---

[158] С. Семендяево Калязинского у. (1511), от Твери 193 в., от Калязина 26 в. Церковь Богоявления Господня (1736), каменная, приделы: Покрова Пресвятой Богородицы, Богоотец Иоакима и Анны и Всех Святых. Закрыта (1930-е), возобновлена (1990-е). Приселок Соболы, от Твери 193 в., от Калязина 30 в. Церковь Рождества Богородицы (1802), каменная, приделы: Тихвинской Божией Матери и Макария Калязинского (*Добровольский*. С. 301—302). Закрыта (1930-е), руинирована.

[159] С. Васисино Калязинского у. (1628—1629), от Твери 165 в., от Калязина 6 в. Владелец — князь Николай Васильевич Долгоруков: Описание имения. 1858 // ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 790. 16 л. Церковь Введенская (1800), каменная, двухэтажная, приделы: верхний Введения во храм Пресвятой Богородицы, нижний Усекновения главы Иоанна Предтечи (*Добровольский*. С. 300). В 1839—1842 гг. в Васисинской церкви служил о. Иоанн Белюстин (1819—1890). Не сохранилась.

[160] С. Красное Калязинского у., от Твери 150 в. Церковь Казанской Божией Матери (1808), каменная, приделы Макария Калязинского Чудотворца и Всех Святых (*Добровольский*. С. 305). Действующая.

[161] Об отхожих промыслах калязинских жителей см. путешествие С. В. Максимова.

оставляя дом родительский, пускаются более в Москву, где знакомые им односельцы принимают их под свое покровительство и пускают по городу с ягодами, орехами, квасом и другими мелочами; других же пристраивают в трактиры и сидельцами в лавочках. Пройдя эту первую школу, молодцы лет в 20—30 приобретают самостоятельность, начинают торговать от себя и уже более серьезными предметами; иные накупают рыбу, икру, апельсины и торгуют в разнос, другие открывают небольшие лавки со всячиной и при благоразумной распорядительности и бережливости наживают деньги, отсылая часть на поддержание семьи. Но не все из них бывают счастливы в своей карьере; живя большею частью в таких многолюдных городах, каковы Москва и Петербург, они с 16—18 лет знакомятся с развратом и пьянством, начинают кутить или, попросту говоря, *сшибаются* и весьма часто кончают тем, что, промотав всё нажитое, с горя идут в солдаты, т. е. *продаются*. Вот вкратце очерк промышленников; несмотря, однако же, на эту их слабую сторону, надо сказать, что разврат мужчин не прививается к женщинам и бесчестная девушка считается в этих селах редкостью.

Калязин есть последний город Тверской губернии; чрез несколько верст пароход вступает в пределы губернии Ярославской.

С. В. Максимов

[1872, 1899]

Максимов Сергей Васильевич (25.09.1831–3.06.1901), писатель, этнограф, фольклорист, почетный академик Императорской Академии наук (1900). Родился в семье почтмейстера, учился в Московском университете, Петербургской медико-хирургической академии. Поставив задачу прямого изучения народного быта, совершил пешеходную этнографическую экспедицию по Владимирской, Нижегородской, Вятской губ. (1855). Принял участие в этнографических экспедициях Морского ведомства на Русский Север (1855), Дальний Восток (1860–1861), юго-восток России, прибрежья Каспийского моря и Урала (1862–1863). По заданию Императорского Русского географического общества объездил Смоленскую, Могилевскую, Витебскую, Виленскую, Гродненскую, Минскую губ. (1868). Тверские впечатления, полученные во время поездки по Волге от Астрахани до Твери и затем по Вышневолоцкой водной системе до Петербурга (1872), вошли в путевой очерк «Куль хлеба и его похождения» (впервые: Происхождение хлебного куля // Школьная жизнь. 1872. № 11–13; отд. изд.: СПб., 1873). Природные реалии Тверского края и этнографические наблюдения автора воссозданы здесь сквозь призму «путешествия куля хлеба». Второе тверское путешествие легло в основу травелога «Волга от Ржева до Ярославля», написанного для издания «Живописная Россия» М. О. Вольфа. Текст печатается по изд.: Максимов С. В. 1) Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск: Русич, 1995. С. 46–47, 202–204, 206–208, 210–217; 2) Волга от Ржева до Ярославля // Живописная Россия. СПб.: Т-во М. О. Вольф, 1899. Т. 6, ч. 2. С. 93–112. В оформлении использованы фотографии и гравюры из издания М. О. Вольфа.

1872

I. Хлеб – наша русская пища

<…> На Руси для рабочих людей дорога широкая, для каждого найдется путь и пропитание: иди куда хочешь, в какую угодно сторону, везде в искусных рабочих нуждаются. Здесь замечательно то, что, куда бы мы ни пошли, в любую сторону и город, найдем, что рус-

ский человек себе верен. Не выдумал он разносолов, разных вкусных яств, ни английских ростбифов и бифштексов, но по части хлебенных, мучнистых кушаний превзошел даже себя. Мудрено представить себе такой город, который бы не прославился вкусным хлебным печеньем. <…> Вот и Волга: в городе Кашине около нее выпекают особые булки кали́товки — четырехугольные в виде ватрушек с кашей, со сметаной и творогом.[1] Еще дальше по Волге, в Твери, — пряники,[2] в Калязине живут толоконники;[3] в уезде этого города, в Семендяевской волости,[4] сплошь булочник да колбасник, пряничник да пирожник,[5] все отхожие люди, досужие на эти мастерства в Москве и Петербурге. <…>

XI. На Верхней Волге

Меж сохи да бороны не ухоронишься, говорит одна из народных пословиц,[6] и нет сомнения в том, что она придумана и выговорилась в первый раз здесь, на Верхней Волге, куда привел нас плывущий по великой реке малый куль хлеба. Если мы примем в соображение не одни только берега этой величайшей реки, а всю окрестную лесную Русь — как и следует, то увидим блестящее доказательство пол-

---

[1] Кали́тка, кали́товка — «*сев.* четырехугольная ватрушка, шаньга, наливашка, лепешка с кашей и сметаною или с творогом» (*Даль*. 2, 78).

[2] См. о них: *Тверь 1*, с. 166, 280; *Тверь 2*, с. 200—201, 418.

[3] Толоконник — производитель или любитель толокна: «Было бы толоконце, а толоконнички будут. Все дружки толоконнички толоконце съев, да розно все!» (*Даль*. 4, 412—413). Прозвище *толоконники*, общее для жителей Калязина, Каргополя, Вологды, Вятки, Углича, свидетельствует, что в этих местах толокно долго употреблялось в пищу. Устойчивость локальной традиции вызвала насмешки жителей соседних регионов, что отразилось в устной комической прозе. Существует три варианта сюжета о том, как представители различных местных сообществ «Варят кашу (толокно) в проруби» (СУС 1260): 1) вятичи «варят обед» и, не дождавшись его, прыгают в реку Вятку (Вятский фольклор. Котельнич, 1998. С. 9—10); 2) кашевар развел толокно в Волге, а ложки едоков оказались пустыми, вологжане уверяют, что толокно съел водяной (*Сахаров*. 1, 385); 3) чтобы выяснить, почему толокно не густеет, каргополы прыгают в прорубь вслед за поваром (*В. И.* Народные присловья о городах и племенах Олонецкого края // Филологические записки. Воронеж, 1901. Вып. 1—2. С. 67). В сюжете отразился обряд кормления воды, распространенный на Верхней Волге: *Дранникова Н. В.* Образ жителя Севера в анекдотах // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный энтитет этноса. Вып. 2. Архангельск: Помор. ун-т, 2004. С. 106—122. Широкое распространение сюжета свидетельствует как о хозяйственной общности указанных территорий, так и об общности когнитивных стереотипов, что позволяет отнести их и к калязинцам.

[4] О с. Семендяеве Калязинского у. см. в путешествии Боголюбовых.

[5] Ср.: *Пословицы русского народа*. С. 212.

[6] Ср.: *Даль*. 1, 117.

ной справедливости приведенной выше пословицы. Поступивши так, мы увидим на первых порах, глядя на карту, что и во всех местностях Верхней Волги, за очень малыми исключениями, реки текут в Волгу с севера, из холодных стран, из сырых и еще далеко не истребленных лесов. Здесь земля неблагодарная, требует чрезмерного труда для обработки, и плоды земледельческих работ настолько скудны, что доводят крестьян до отчаяния. Силы лесной природы так могущественны, что человеческие далеко не в состоянии с ними уравняться, а тем более победить их настолько, чтобы они не враждовали, а помогали и служили теми благодетельными сторонами, которых в природе так много. Побочные реки, впадающие в Волгу, текут из самой глубины этих лесов и все тамошние места прямым и простым способом сближают, соединяют с Волгой и подчиняют ей. Самая жизнь народа слаживается так, что при частом обмене и легком сближении сделалась очень похожей. Говоря о волжских прибрежьях, приходится обрисовывать и те местности, которые удалены от нее лесами, но в то же время приближены реками. Хотя таких местностей много, но еще больше других, разъединенных с Волгой: счастье первых, несчастье других заключается именно в том, что Волга торгует хлебом, с Волги идет хлеб, а своего в тех местах далеко не хватает. Несильная почва не родит хлеба на весь год и велит прикупать чужой. Нередкие неурожайные годы и от проливных дождей, загнаивающих хлеб на корню, и от крайностей засух (великими сильными крайностями лесной север знаменит); дурное хозяйство на беду с самыми первобытными орудиями — вот причины всех этих коренных и других мелких, но многих невзгод, при которых живется лесному крестьянину в пахарях плохо. Выигрыш лишь в том, что возделывание зерновых хлебов, побудившее во всем свете людей перейти из кочевого состояния в оседлое, и здесь удерживает постоянные жилища, как того требует земледелие. Чтобы быть живу, надо быть сыту, чтобы напитаться, следует прикупить хлеба; на это надо деньги, и хлебный товар, как и соль, именно таков, что любит чистые деньги. Деньгами же оценивается и оплачивается крестьянский труд только там, куда они стекаются, где их много, как в больших городах и столицах. Деньги платят охотнее чужие люди; свои предпочитают обходиться взаимным обменом: в деревнях денег мало, и то больше медные. С ними на черный день и недобрый час остаются дома старики, да малые ребята, да бабы: молодая и крепкая сила вся уходит из дому в чужие люди за деньгами. Для них-то и придуманы здесь, в лесных местах, так называемые отхожие промыслы на всякую стать и под самыми разнообразными предлогами, за какими в коротком рассказе и уследить невозможно.

Уходят одни на целый год, приходят в деревню на короткое время отдохнуть и поближе взглянуть на деревенскую нужду. Другие уходят на зиму, а к лету или к началу полевых работ возвращаются, когда

в деревнях и семьях наступают тяжелые и неотложные работы. Иные уходят на целые годы и через два года на третий приходят только на побывку, как гости и чуть-чуть не чужими. Уходами промышляют деньги; деньгами снабжают семьи, а эти оплачивают государственные подати и прикупают хлеба. Для всего севера одна и та же песня; различие заключается лишь в том, что разнообразными способами добываются крестьянами деньги. Бывает так, что одна деревня промышляет одним, другая, сидящая рядом, новым способом, но зато уж как та, так и другая по большей части вся стоит в одном деле, разумеет только свое. Случается и так, что целые местности, десятки деревень, ходят на один промысел, на какой повадились отцы и деды. Одни лечат лошадей (коновалят), другие бегают в трактирах с подносами половыми, третьи разумеют только шить полушубки и по неумелым и не навыкшим в этом деле деревням ходят с иглой и аршином, перед ними пройдут четвертые с лучком и струной, которыми бьют и пушат снятую с домашних овец шерсть. Промышляют даже самым нищенством и бедностью, садясь в телеги целыми семьями и разъезжая в них по соседним и дальним местам, сбирая на «погорелое место». Из некоторых деревень — все банщики, все парильщики в столичных торговых банях; из иных — все лавочники, лабазники, целовальники[7] в питейных домах; из других — извозчики и перевозчики. Недалеко ходить — в самом Петербурге окажется такое разнообразие промыслов, что остановишься перед ним в изумлении и затруднишься подвести итог всем разнообразным способам заработка столичной копейки на деревенскую бесхлебную нужду.[8]

---

[7] Лабазник — владелец лабаза (продуктового склада, лавки). Целовальник — продавец вина в кабаке.

[8] Ср.: «На заработки идут преимущественно мужчины из тех семейств, в которых и без них могут управиться с работами. Одни из них ходят по охоте, чтобы не только можно было прожить в достатке, но и накопить деньжонок на черный день и на помин души. Других гонит на сторону недостаток, желание уплатить подати, поправить какое-нибудь разваливающееся строение и другие нужды крестьянской жизни. Результаты этого стремления различны: одни наживают порядочные состояния и заводят свою торговлю, другие (большинство) высылают домой по 100 рублей, а иные приезжают ни с чем, без всякого заработка и даже с задолженностями. <...> Большинство „питерщиков“ — народ положительный, серьезный и трезвый. При прибытии их домой, а равно и при отправлении их в Петербург пьянства и гульбы вообще не бывает, а ограничивается дело пирогами (ржаными), чаем и лучшим столом. Иное бывает при прибытии домой людей пьющих, особенно когда они находятся при деньгах. В таком случае гульба продолжается иногда с неделю и больше, пока не выйдут все лишние деньги. / И те, и другие („питерщики“) имеют обыкновение привозить жене и детям и другим домашним подарки — „гостинцы“, состоящие главным образом из платков и материй разного рода на платья, кофты и т. п. Иногда цена подарков доходит до 50-ти и более рублей. Замечается также между „питерщиками“

Вернемся, однако, на Волгу и там увидим немало следов этой большой нужды и разных хлопот из-за трудовой горячей копейки.

Теперь приречные пристани принимают хлеба, но не отпускают, оставляя их про себя и на продажу приезжим из глухих лесов, с болотистой и глинистой почвы. Хлебопашество перестает пропитывать; хлебное производство далеко не удовлетворяет местной потребности. Стал пропитываться народ кто чем смог, пускаясь из крайности в крайность и на все руки. <…> Так и вышло, что нет трактира без ярославца; из Углича все колбасники, из Любима — трактирщики и кабатчики, и так далее до самой Твери. За Тверью бердники да тонкопряхи,[9] водоливы да водохлебы,[10] в Кимрах — сапожники,[11] около Корчевы — коноводы,[12] а Семендяевская волость (Семендяевщина) — булочник да калачник, пряничник да пирожник сплошь и рядом. <…>

Здесь кончается красивая Волга с разнообразными берегами, с оживленными селениями, с хлопотливою и шумною жизнью. Дальше до Твери идет мелкая Волга, и народ еще охотливее ищет посторонних заработков и весь уходит либо в Петербург, либо в Москву. Рыбинск — последний узел торгового волжского движения, третий город по богатству и силе изо всех городов, лежащих на Волге, и самая главная хлебная пристань. <…> Пока хлеб до продажи остается на воде и на судах — за чаем и за солянками на берегу в трактирах всю хлебную массу разбивают на разные части. Купцы из Торжка (новоторы) собирают свой караван, ржевские свой, и те и другие ведут их к Твери и за Тверь. Тихвинцы, накупивши хлеба, перегружают на те барки, которые дойдут вверх до первого от Рыбинска города — Мологи[13]

стремление блеснуть своими знаниями, заимствованными из газет, а иногда у таких же, как и они, работников — блеснуть и похвастать своими занятиями, добычею, а у иных — пьянством, но это — редкость. Большинство из уходящих на сторону — лучший народ деревни, ее цвет» (Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. С. 455. Раздел «Зубцовский уезд»).

[9] Бердо — важнейшая деталь ткацкого станка, род гребня, разделяющего нити основы; здесь расширительно — ткачи. Тонкопряха — мастерица прясть.

[10] Водолив — на Волге «род старшины на судне над бурлаками, наблюдающий за подмочкой, за сохранностью клади; он же судовой плотник и расходчик артели». Водохлёб — «кто хлебает воду замест варева или кто не пьет вина; это прозвище тихвинцев, кашинцев и др., вообще бурлаков, которые носят ложку на шляпе, за повязкой» (*Даль*. 1, 220, 222; *Пословицы русского народа*. С. 212).

[11] Ср.: «Кимряки — летом штукатуры, зимой чеботари» (*Пословицы русского народа*. С. 211).

[12] Коновод — «извозчик, погонщик лошадей, тянущих бечеву берегом, подымающих суда тягою, на лямках» (*Даль*. 2, 156).

[13] Г. Молога при впадении р. Мологи в Волгу, затоплен Рыбинским вдхр. (1937–1947).

и рекой Мологой вступят в Тихвинскую систему каналов[14] для раздачи хлеба по бесхлебным спопутным местам и для доставки в Петербург. Третьи поведут хлеб еще дальше до Твери и отсюда рекой Тверцой в третью систему каналов, называемую Вышневолоцкою.[15]

На судах шум, стук и суетня: перегружают хлебный товар, пришедший почти со всех концов России, хлебный спирт, мочальные изделия, корабельный лес и железо — весь товар, предназначенный для Петербурга. Прямо против города светлеет широкой полосой масса воды, под острым углом вливающаяся в Волгу: это река Шексна, прямой водный путь в Петербург, начало так называемой Мариинской водной системы[16] — с последнего времени самая любимая судохозяевами предпочтительно перед другими двумя системами каналов: Тихвинской и Вышневолоцкой. По Мариинской системе преимущественно направляется тот хлеб, который поедает сам Петербург и отправляет за границу. <...>

XII. В каналах

<...> Когда Великий Петр приобрел Балтийское море, в устьях Невы поставил сначала крепость, а потом город и огляделся — город его очутился в бесхлебной голодной стране. Стоял тут вблизи от него и еще гораздо ближе к России древний город Новгород Великий, да не прожил счастливо. Долго был он независим, долго кичился торговой честью, Софийским собором, говорил: «Кто против Бога и Великого Новгорода», назывался отцом.[17] Подсмеивался он над другими городами, хвастался и славился даже тем, что стоял за непролазными болотами, отделялся от России неудобными для прохода и проезда трясинами. И в самом деле, степняки-татары до него дойти не су-

---

[14] Тихвинская водная система (1811) соединяет Волгу с Балтийским морем. Начало на месте современного Рыбинского вдхр.; рр. Чагодоща, Горюн, Соминка, Тихвинский соединительный канал, рр. Тихвинка, Сясь, Ладожское оз., р. Нева. Тихвинский путь был самым коротким: от Рыбинска до Петербурга — 924 км (по Мариинской системе — 1143 км, по Вышневолоцкой — 1440 км). Судоходство по Тихвинской системе шло в обе стороны, что невозможно на Вышневолоцкой.

[15] Вышневолоцкая водная система (1709) — старейшая искусственная водная система в России; в нее входят р. Тверца, водораздельный участок с каналами и водохранилищами, р. Мста, Сиверсов и Вишерский каналы на балтийском «склоне» системы.

[16] Мариинская водная система (1808, 1852): Рыбинское вдхр. до Череповца, р. Шексна, Белое оз., р. Ковжа, Мариинский канал, р. Вытегра, Онежский канал, Онежское оз., р. Свирь, Ладожское оз., р. Нева. В советское время — Волго-Балтийский водный путь.

[17] Ср.: «Кто против Бога и Великого Новгорода? / Новгород (*древний*) судит один Бог. / Новгород — отец, Киев — мать, Москва — сердце, Петербург — голова» (*Пословицы русского народа*. С. 210).

мели и его не взяли. Взяла его Москва, и именно потому взяла его, что город стоял за болотами. Стоя на болотах и сплошь окруженный трясинами, Новгород один год получал кое-какой урожай, на другой уже очень плохой, на третий испытывал полную голодовку. Полуголодным простоял он всё время своего независимого состояния и получал хлеб гужом и сплавом. Плавили хлеб по рекам, встречали волок — лесное место, перегружали хлеб на воза, везли сухопутьем до новой реки и ею до нового волока. Первый волок был под Москвой и назывался Ламским (город Волоколамск),[18] второй назывался Вышним, то есть верхним (город Вышний Волочек),[19] и третий — Нижним (село на реке Мсте).[20] Чтобы направлять в Новгород хлеб, под Волочком Вышним собрался впоследствии городок, населился торговцами и прозван был Торгом, Торжком и потом Новым.[21] Закичатся новгородцы, начнут обижать народ чужого и соседнего княжества Суздальского, в котором хорошо родился хлеб, пойдут новгородцы войной — суздальцы захватят Новый Торг и не выпускают хлеба.[22] Новгородцы без хлеба смирялись, уступали, шли на мировую и совсем покорились, когда из Суздальского княжества стало сильное Московское царство, хотя когда-то с сердцем и выговорили: «Не быть-де Торжку Новым Городом и Новугороду Новым Торгом».[23]

На эти места и обратил Петр Великий в 1704 году свое внимание, от которого не ускользало ничего, что служило на пользу Отечества и счастье русского народа. Здесь Петр Великий высмотрел для сытости своего Питера то самое место, по которому можно доплавить за-

---

[18] Волок на Ламе (Волок Ламский, 1135) соединял верховья Волги (через Шошу и затем Ламу) с Москва-рекой (через Рузу и затем Волошню), важный торговый пункт на пути из Новгорода в Рязанские и Московские земли. Ныне Волоколамск Московской обл.

[19] Новгородский, Вышний Волок — между рр. Цной (через оз. Мстино, Мсту, оз. Ильмень, Волхов, Ладожское оз., Неву входит в бассейн Балтийского моря) и Тверцой, дал название Вышнему Волочку.

[20] Нижний Волок — на р. Мсте в обход Боровичских порогов — Уверь, Удина, цепочка озер к северу от Боровичей и волок во Мсту возле с. Волок ниже Боровичей.

[21] О названии г. Торжка см.: *Тверь 1*. С. 152.

[22] С рубежа XII—XIII вв. Торжок стал ключевым городом для князей, претендовавших на Новгородский стол: в Торжке осуществлялись хлебные блокады Новгорода (*Малыгин П. Д.* Древний Торжок. Историко-археологические очерки. С. 18).

[23] Присловье восходит к знаменитым словам князя Мстислава Удатного, произнесенным на новгородском вече после ухода в 1215 г. из Новгорода в Торжок Ярослава Всеволодовича: «...да не будет Новый торг <над> Новгородом, ни Новгород <под> Торжком, но где святая София, ту Новгород» (ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 55, 254).

требованный хлеб на продовольствие. В трех верстах от Волочка берет начало река Тверца, которая впадает прямо в Волгу (под Тверью). Для прозорливого глаза довольно: под Волочком лежит большое озеро Мстино. Из озера выходит река Мста,[24] на которой еще древняя Ольга устроила погосты.[25] Мста течет до озера Ильменя и в него впадает; из Ильменя выходит Волхов и вливается в Ладожское озеро. Из этого озера вытекает многоводный рукав Нева, а на ней и Петрова крепость, и церковь Троицы с дворцом вблизи, и летний дворец[26] на том берегу, и мазанки, и деревянные дома на голландский манер новой столицы России, и резиденции ее повелителя. Не сходится Тверца со Мстою — беда небольшая: в Голландии соединяют такие реки искусственными каналами. Сам государь собственными глазами это видел, по каналам плавал, всё внимательно осмотрел и досконально распознал и научился. Стали рыть канавы: вырыли такую глубокую и длинную, что воды Тверцы соединились со мстинской водой. Сделался канал Вышневолоцкий.[27] Препятствие пройдено, но скоро

---

[24] Р. Тверца, левый приток Волги (устье в Твери), длина 188 км. Древние истоки Тверцы в районе современного Вышнего Волочка осушены и застроены. Входит в Вышневолоцкую водную систему. Оз. Мстино в Вышневолоцком р-не, длина 13,8 км, ширина до 1,8 км, глубина до 10 м. В южной части подходит к Вышнему Волочку, где в него впадает р. Цна. Р. Мста в Тверской и Новгородской обл., длина 445 км; исток в оз. Мстино, впадает в оз. Ильмень с северной стороны, недалеко от истока Волхова, образуя на Приильменской низменности обширную заболоченную дельту. В 1794 г. у истока Мсты построена Мстинская плотина для регулирования уровня воды в оз. Мстино.

[25] Ольга (Псковская; ок. 894—11.07.969), жена великого князя киевского Игоря Рюриковича, мать великого князя Святослава Игоревича, великая княгиня киевская (945—957), ввела финансово-административные, судебные и торговые центры (погосты). Ср.: «В год 6455 <947> отправилась Ольга к Новгороду. И основала по Мсте погосты и установила дани, и по Луге — погосты и дани и оброки установила, и места охот ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней и места ее и погосты» (Повесть временных лет / подгот. текста, пер. и комм. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI—XII века. С. 109). Таким образом, погост Волок на Мсте существовал уже в середине X в.

[26] Троицкий собор на Троицкой пл. — первая церковь Петербурга, площадь была центром городской жизни (церковь окружали главные государственные и коммерческие учреждения). Не сохранился. «Зимний дом» (1708) на участке между Невой и Миллионной ул. (на месте нынешнего Эрмитажного театра). Летний дворец Петра I (1710-е, арх. Д. Трезини) на территории Летнего сада.

[27] Старотверецкий канал (1703) Вышневолоцкой водной системы, длина 2 версты 363,5 саженей, ширина 10 саженей, глубина 3—5 аршин. Соединен с Тверцой гранитным шлюзом, при запоре которого вода поднимается на 3 аршина. В начале XIX в. через канал проходило до 5000 судов в год; развитие Мариинской системы и постройка Николаевской железной дороги сокра-

сказка говорится, дело мешкотно творится. Скоро по пословице блины пекут, скоро хорошо не родится. Поспешай, да не торопись — святое правило, да и в этих случаях надо осматриваться. Действительно, новый канал в Волочке вышел на такую высоту, что крест Боровицкой соборной колокольни[28] гораздо ниже: раздолье сплыть туда. Но до той поры не угодно ли обернуться назад.

Тверца бежит хлебу навстречу, но это небольшая беда: встать на лямку, привязать ее к бечеве, закрепленной за мачту барки, и тащить. Если человеческая сила устанет, можно лошадей запрячь. Нехорошо это в разлив весенних вод, которые заливают по берегам тропы (называемые бечевниками[29]), ногой не попадешь, а тащить барку зря — можно натащить ее на берег и усадить тут середь чистого поля. Стрежа, или корыта,[30] по которому течет спокойная летняя река, весной не видно. Можно обождать спада вод, можно и глазом примериться и приспособить к этому делу людей. Петр Великий так и сделал. Выбрал отборных знатоков, которые и до него водили хлеб на плотах, стало быть, и на барках могут повести, если поучатся и приснoровятся. Петр освободил их от солдатчины, от всяких податей, велел им учиться, не теряя времени. За искусство проводки положил он хорошую плату, сделал из проводников новое в государстве сословие и дал им немецкое прозвище лоцманов.[31] Пусть будет их только пятьдесят-сто человек, но самых надежных. На место выбывших поступают только по выбору: опытные оценивают желающих и кладут шары в пользу того, кто прошел всю науку до конца. Эти концевые[32] несколько лет перед тем работают под руками опытных лоцманов и попадают в это

тило движение по каналу, с 1893 г. по нему транзитом не прошло ни одного судна. В 1899 г. на канале нагружены 24 судна для отправки вниз по Тверце и разгружено 65 судов, прибывших с Тверцы (лесные материалы, хлеб).

[28] В Боровичах между Троицким и Введенским соборами находилась трехъярусная с двенадцатью колоколами колокольня. Не сохранилась.

[29] Бечевник (бечева́я) — сухопутная дорога вдоль берега реки или канала, предназначенная для буксирования бурлаками или лошадьми судов на канате (бечеве). Иногда в качестве бечевника использовалась ровная отмель вдоль подошвы высокого речного берега, затопляемая во время половодья и обнажающаяся при низком уровне воды.

[30] Стреж — «средина и самая глубина, быстрое теченье реки, нередко подходящее ближе к крутому, приглубому берегу; русло, коренная (*волж.*), фарватер (*морск.*), быстрина протока, стремнина» (*Даль*. 4, 337). Корыто — *здесь* русло.

[31] Лоцман — капитан-судоводитель, знающий данную береговую обстановку и местный фарватер и проводящий суда в местах, представляющих опасность. За услуги лоцмана взимается лоцманский сбор — плата за проводку судов по фарватеру.

[32] Концевой — лоцман, сопровождавший груз от одного конечного пункта до другого.

сословие только по способностям и талантам. Лучше и придумать нельзя. Теперь стоит только учредить между ними очереди, кому вести барку первым, вторым и десятым. Кого пожелали взять не в очередь, по знакомству и на свой страх, тот пусть заплатит некоторую часть очередному. У кого разобьется барка, тот не только лишается платы, но и права на работу, на проводку судов до тех пор, пока тянется над ним следствие.

Теперь готова живая людская сила, человеческий ум к услугам, но еще не конец. Самая главная беда еще впереди. Обе реки, и Мста и Тверца (да и большая часть северных рек — притоков Волги и впадающих в озера), прорылись каменными скалами, засыпались камнями и надводными и подводными: образовались пороги. Об камни разбиваются барки в щепу, на порогах вода спрыгивает, но мчится вперед с удвоенной силой и опять налетает на камни. К тому же и покатость речного русла велика, а стало быть, и течение воды еще быстрее. Некоторые пороги так богаты камнями и так часты, что не одолеть их: надо обходить. Для этого пользуются крутыми поворотами рек и делают перекопы — искусственные каналы, новые корыта для реки. Кстати, по берегу проводят и хорошо укрепляют дорогу — бечевник.

Бывает и так: весенние воды обрывают берега и натаскивают мели. Недостает нужного количества воды для сплава, нет глубины. В таких местах укрепляют берега, чтобы они не осыпались. На тех коленах рек, которые выдаются между двумя изгибами и называются плесами, ставят искусственные насыпи, называемые плотинами. Забивают сваи, насыпают земли в промежутки между свай, наваливают каменья и такими плотинами стесняют воду в реке: она тут скопляется и делает глубину.

Кстати, опять: расчищают стреж, или место природного течения воды, черпаками от ила, грязи и мелких камней (щебня) и пороховыми забойками от крупных камней и скал.

Теперь с опытным лоцманом можно и плыть — но только весною, на полной воде. В голове идет первый караван. Второй караван догоняет хвост первого. По Тверце, например (на которой мы и остановились), оба каравана доходят весной до села Медного:[33] высокие весенние воды Волги подпирают Тверцу до этого места и даже несколько далее. Дальше идти против воды, которая в половодье всегда несется быстро, невозможно, да к тому же и мелко. Как быть?

---

[33] С. Медное Новоторжского у. на р. Тверце, в 28 км к северо-западу от Твери, известно с конца XIV в., принадлежало боярину М. Ф. Фоминскому-Крюку. В XVI в. крупное промысловое село на пути из Твери в Новгород, пристань на Тверце. См. путешествие А. Олеария (*Литература Тверского края*. С. 153). В XVIII — первой половине XIX в. торговое село и почтовая станция между Петербургом и Москвой. В конце XIX — начале XX в. центр волости Новоторжского у. В 1884 г. в селе 278 дворов, 1494 жителя.

С помощью искусственных водохранилищ придумали скоплять воду в одном месте; посредством шлюзов выпускают воду на места мелководные и с замечательным успехом устраняют беду. На Тверце при истоке ее, на устье канала, соединяющего Тверцу с рекой Цною, устроен такой шлюз каменный и, когда бывает отперт, гонит воду в избытке навстречу судам и на выручку их из бед напрасного простоя и замедления. От таких невзгод хлеб дорожает, и голодные подолгу ждут и сильнее страдают. В Вышнем Волочке суда переснащиваются, потому что судоходство из подъемного делается сплавным: суда покидают бечеву и лошадей и могут теперь идти на парусах и веслах. Эти же шлюзы выручают мелководные реки Вышневолоцкого водного пути в Петербург, когда летом реки Тверца и Мста еще более обмелеют и сделаются совсем несудоходными. Посредством искусственных вод природные богатеют, поднимаются и несут хлебные караваны от самой Самары до Петербурга под самый Смольный[34] и дальше до Лондона и Парижа.

Итак, о шлюзах.

Устройство шлюзов подчиняется такому простому закону.

Вода в реке или озере стоит уровнем, то есть представляет собой такую поверхность, с которой скатывается во все стороны ровно и которая нигде не имеет наклону. Чтобы заставить воду стекать, надо подле вырыть канаву или канал с уровнем ниже уровня готовой, природной соседней воды. Последняя не замедлит побежать вперед и наполнит канаву до собственного уровня. Еще охотнее побежит вода, если прорытая канава выведет ее в другой водоем (реку или озеро), уровень которого еще ниже. Соображают всё это и строят между рядами свай стену из брусьев или камня, оканчивая ее наверху крепким брусом. От него вдоль реки выводят по обе стороны скаты и настилают их досками. На этом среднем брусе ставят стойки и в пазах их прилаживают щиты, движущиеся вверх и вниз. Этими щитами или чугунными воротами и запирают главный водоем при выходе его в канаву. Сдержанная вода копится, а накопленная катится в пустую канаву, наливает ее и дает проход барке. Впереди канавы опять ворота: барка ждет, пока не отопрут их и не введут ее в дальнюю канаву. Когда прошла одна барка, ворота запирают, скопляют воду для последующей, пропускают ее и снова для нее отпирают ворота. Открывают шлюзные ворота, как бы открывают кран самовара и с высоты его наливают воду в подставленную чашку до тех пор, пока чашка не наполнится столько, сколько желательно.

---

[34] Воскресенский девичий Смольный монастырь на левом берегу Невы в Петербурге.

Нижнецнинский (Ямской) полушлюз. Открытка. 1909—1913. Издание магазина В. Базлова и С. Бородина

Некоторые хранилища воды, как, например, Мстино-озеро, до того хороши, что скопляют воду громадными массами и в открытые ворота или шлюзы выливают ее в течение нескольких дней обильно и равномерно. По реке Мсте, пользующейся этой водой, могут ходить барки в течение нескольких дней всем скопившимся караваном судов. Об экономии воды здесь мало думают, хотя, к сожалению, и расходуется ее неизмеримо больше, чем того стоит сама деревянная, накрытая рогожами барка. Рытье каналов и устройство шлюзов стоило громадных расходов для государства, а между тем улучшений в шлюзах никаких не сделано, да теперь при железных дорогах и не сделают (не стоит гадать и думать). Спасибо железным дорогам, которые сбили спесь с этих дорогих водяных сообщений и сумели обойти все порожистые, все мелкие реки, каковые без тяжелой посторонней помощи не могут служить на потребу и великие нужды людям. Удалось отчасти и нашим чугункам обойти негодные реки и искусственные системы каналов, очень замедлявшие движение судов и самую торговлю. По грязным бечевникам, по берегам рытых каналов и болотистых рек и речек надрываются лошади, тянущие лямку, заболевают сибирской язвой, околевают тысячами. Язва переходит на людей, от нее и от простуд гибнут люди. Попусту истрачиваются денежные капиталы, много тратится золотого времени. Дорожает хлеб и становится очень горек всем, кто ищет в нем вкуса и сладости, особенно здесь, в Петербурге.

Вышневолоцкие шлюзы привели нас во Мсту, Мста гостей любит и охотно принимает, но осматривает из опасения, не сделать бы хуже.

Через шлюзы наливается в нее из Мстина-озера воды очень много, однако не настолько, чтобы мог проходить корабль и глубоко сидящее в воде судно. Мста мстит таким недогадливым хозяевам отказом в пропуске, приказом перегружаться на мелкие барки, съемкою лишнего груза и порогами. Сильнее и хуже их нет. <...> Изо всех барок разбилось двенадцать: год неудачный, тяжелый, да и вообще для всей Вышневолоцкой системы все последние годы несчастливые. Прежде скоплялось больше тысячи судов, в нынешний год этот весенний караван состоял всего из ста двух барок. Много клади отняли железные дороги, настроенные в последнее время с таким достатком, что дали иное направление петербургским товарам, начертали другие пути для движения их к здешнему порту с отправкой за границу. Охотнее направляют хлеб по Мариинской системе и не обходят им и третью систему каналов (Тихвинскую), начинающуюся под городом Мологой рекой Мологой.

Вычинившемуся судну в Потерпелицах,[35] как и всем другим, идущим либо на город Тихвин, либо на город Вытегру,[36] дорога известная: из реки в реку либо в маленькое озеро, из канала в реку и из реки в канал Ладожский, соединенный под городом Шлиссельбургом с Невою. Больших озер эти системы не любят и их обходят. Для Мариинской обошли вырытым каналом Бело-озеро, Онего и Ладогу;[37] для Тихвинской — Ладогу; для Вышневолоцкой — каналами Вишерским и Сиверсовым[38] озеро Ильмень и опять неотразимое для всех озеро Ладожское, дающее исток в море многоводному рукаву своему, получившему имя Невы-реки.

На Неве, под Смольным, Калашниковская пристань,[39] на стрелке Большой и Малой Невы — купеческая биржа[40] и мелкие корабли; под Кронштадтом крупные морские корабли. Здесь-то и на них, на руках биржевых дрягилей[41] и поденщиков, кончаются похождения нашего земляка — куля с хлебом.

---

[35] Пристань Потерпелицкая на р. Мсте.

[36] По Тихвинской или, соответственно, Мариинской водной системе.

[37] Озз. Белое, Онежское, Ладожское.

[38] Нижнее течение Мсты соединено с Волховом Сиверсовым каналом (1798—1803) и с Вишерой — Ви́шерским каналом (1823—1836).

[39] На Калашниковской пристани (по фамилии хлеботорговца Калашникова) на р. Неве в юго-восточной части Петербурга разгружались хлебные грузы, идущие в Петербург водой, находились обширные хлебные склады, Хлебная биржа.

[40] Санкт-Петербургская биржа (1703).

[41] Дрягиль — носильщик, перетаскивающий груз с корабля или на корабль; погрузчик.

1899

I. Ржев

Ряпуха тухлая.
Отца на кобеля променяли.
Козу сквозь забор пряником кормили.
Народные присловья про ржевцев[42]

Смотря вниз с высоты крутой соборной горы города Ржева[43] на Волгу, разделяющую этот город на две части,[44] не узнаёшь родной реки, которая уже под Костромой извивается широкой лентой, обнаруживая неоглядную и беспредельную перспективу вдоль этой ленты, в какую сторону ни взглянешь. Здесь Волга, против своего обычая нести правый берег горным, а левый луговым, — на обоих берегах стеснена горами и даже с тем различием, что левый гораздо круче и возвышеннее отлогого, но высокого правого. Довольно глубоко внизу развертывается водная лента Волги прихотливыми извивами в самых ломаных коленах. Перед городом река наметала островок, покрытый зеленью, и кругом его пустила рукав. Этим воспользовались, приладив на краю города мельницу. Колено реки над городом делает такую широкую дугу, что вся обширная заречная сторона с трех сторон охвачена этой речной лентой. Под самой соборной горой обе половины города соединены мостом.[45]

---

[42] Ср.: *Пословицы русского народа*. С. 212; *Сахаров*. 1, 397. Ряпу́жники, ря́пуха тухлая — прозвища купцов в Тверской губернии, употребляющих в пищу соленую ря́пушку (*Островский А. Н.* Словарь [Материалы для словаря русского народного языка] // Полное собрание сочинений. М.: ГИХЛ, 1952. Т. XIII. С. 353.); ср.: репу́жница — *пренеб.* мещанка (*Тверские говоры*. 4, с. 85); «по-нынешнему мещанки, а по-прежнему репужницы (вероятно, от слов репу жрут или от репы живут)» (*Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: в 4 ч. / сост. и отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 100).

[43] Соборная гора, территория древнего кремля Ржева; связанное с ней предание см. в путешествии И. Ф. Тюменева; ср. также: От древнего Ржева-Володимирова — к социалистическому Ржеву: записки краеведа Н. Бойкова // Ржевская правда. 1939. 30 июня. Ныне курган Славы, где находится Обелиск освободителям Ржева (арх. А. Усачев, Т. Шульгина, скульп. В. Мухин, В. Федченко, И. Чумак, 1963).

[44] Волга разделяет город на две части: левобережную Князь-Федоровскую сторону (ныне Советская), по имени удельного князя Федора Борисовича Волоцкого (1476—1513), и правобережную Князь-Дмитриевскую сторону (ныне Красноармейская), по имени удельного князя Дмитрия Ивановича Углицкого (1481—1521). Другие версии см. в путешествии И. Ф. Тюменева.

[45] Плашкоутный мост.

На мыску правого берега Волги стоит Владимирская церковь[46] в треугольнике, обнесенном оградой, и среди зелени порядочного сада, где помещены богадельня и училище для девочек.[47] У берега стоят барки. Ряд каменных амбаров тянется дальше по берегу в связи с каменными домами хозяев; все ворота наглухо притворены, и внутри господствует мертвая тишина. Некоторые домовые ворота сохранили над собою старинные навесы, и над всеми почти врезаны или восьмиконечные кресты, или подвешены образа́ Нерукотворного Спаса старинного пошиба. Бо́льшая часть ржевцев молится старинным крестом и придерживается тайных попов.[48]

Все сорта хлебов привозятся сюда с Волги, из дальнего села Лыскова,[49] где здешние поволжские жители известны наиболее под общим прозванием *новоторов*;[50] расходятся же эти хлеба по бесхлебным и полуголодным окрестностям до Осташкова включительно. Особенно же богатят ржевцев смоляки. Впрочем, главная связь Ржевского края со Смоленским основывается на пеньке, которую смоляки производят и продают, а ржевцы обращают ее в веревки для канатов.[51]

В обеих половинах города мы видим лишь одни продольные улицы в обычном виде проезжих путей. Все поперечные улицы и переулки загорожены или виселицами с железными крючьями на поперечных перекладинах, или целым рядом деревянных восьмизубцев, укрепленных один за другим. Те и другие — канатные заводы: первые — больших

---

[46] Церковь Владимирской Богоматери на Князь-Дмитриевской стороне, построена на месте старой Оковецкой церкви (1758), упразднена (1834), возобновлена (1860), деревянная, два придела: прп. Дионисия, архимандрита Троице-Сергиевой лавры, и прп. Арсения, игумена Новгородского. Не сохранилась.

[47] Здание приюта для сирот, 12 пенсионеров и 10 малышей (1885) построено на средства горожан благотворительным Арсение-Дионисиевским братством, основанным Т. И. и М. И. Филипповыми (1871).

[48] Во времена Петра I на правом берегу Волги жили старообрядцы, а на левом — никонианцы, и часто в разговорах звучало «наша» и «та сторона». В XIX в. Ржев был центром поповского старообрядчества: сюда приезжали верующие из Твери, Сычевского и Бельского у. Смоленской губ., Демьянского и Крестецкого у. Новгородской губ.

[49] С. Лысково (XII в.), в 89 км к востоку от Нижнего Новгорода. В 1871 г. насчитывало около 5000 жителей, более 1000 домов и до 140 хлебных амбаров, сюда привозили зерно с Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Казанской губ.

[50] Именование ржевцев, зубчан, старичан новоторами (жителями Торжка) свидетельствует о месте Торжка в российском общественном сознании XIX в.

[51] В Ржеве в 1782 г. было 15 прядилен и канатных фабрик; общий оборот торговли достигал суммы в 1 млн. руб. (Генеральное соображение по Тверской губ. 1783—1784. Тверь, 1873). Ср. путешествие Ф. Н. Глинки (*Тверь 1*, с. 174). См. также: *Максимов*. С. 193—198.

Волга у Ржева. Фотография. 1890-е

размеров и улучшенного образца; последние — на мелкую руку и прежней простейшей формы. Именно по милости этих канатных заводов так странен вид городских улиц. Точно весь город существует для них. В самом деле, по обеим сторонам улиц ряд домов, принадлежащих разным владельцам, а между тем доступ к воротам и калиткам на лошади затруднен, будучи загорожен этими вбитыми в землю рогульками в количестве свыше восьми и протянутыми над ними веревками. В иных местах и сами улицы служат единственно для этих простейшего устройства заводов. Иногда, впрочем, они занимают половину переулка, оставляя другую для конного проезда. Большие прядильни иногда захватывают оба параллельные переулка.

В недалеком прошлом «прядение» веревок представляло собою такую картину, лично наблюдавшуюся автором этих строк. На маленьких прядильнях прядут веревки четыре мальчика самым нехитрым способом. Старая баба вертит колесо, с желобоватой окружности которого идут ремни на желобы вертящихся шкивов (6), прикрепленных к неподвижной доске, стоящей на двух стойках. Ремни, ходя по шкивным бороздкам, поворачивают шкивы. К ним прикрепляет парень конец пакли, и, по мере того как баба вертит колесо за ручку, рабочий осторожно пропускает обеими руками прядево, которым он обмотан по пояснице и особенно толсто на груди и животе. Медленно отступая задом, он осторожно обеими руками захватывает с живота пакли ровно столько, чтобы шла тонкая *нитка*, как говорят они, или, собственно, не нитка, а уже порядочной толщины веревка. Первая нитка идет тол-

щиною в гусиное перо или немного потоньше; на нее кладут вторую или, как выражаются, «кладут на две нитки». Навертывают и шесть (но уже не больше) вторые пары рабочих ребят. Вращающиеся шкивы при частых оборотах колеса сами уже по себе скручивают прядево довольно круто и сильно, так что затягивают внутрь веревок много кострики, и лишь некоторая часть ее выкручивается и обсыпается на землю. Вся эта работа напоминает ту домашнюю, когда правая рука прядильщиц льна на прялках теребит кудельную бороду и также прикручивает. Вместо же левой руки, которая наотмашь крутит нитку, заставляя веретено крутиться, здесь, на ржевских уличных заводах, употребляются колесо и шкивы, вращаемые бабой. Точно так же, если рабочий зазевается и оборвет нить, — ему стоит только крикнуть: «Матрена, остановись!» — и он подпрядает свежей пеньки с живота или груди. Здесь самым наглядным образом становится понятным общеупотребительное выражение *попасть впросак*. Просаком называется всё то пространство, которое занято прядевом от прядильного колеса до саней, т. е. тяжелых, грубого устройства полозьев со спайками, в которые вставлена чурка. Эту чурку своими прядями обнимает канат, в то время когда его спускают. Когда он крутится, тогда пятит по просаку эти сани (отсюда поговорка: «летом на санях только по просаку ездить»[52]). В самом деле, беда велика попасть в просак: если, например, нет армяка и баба попадет волосами, то ее скрутит так, что не выдернуть, хоть плачь.

Но вот другая ступень работы. Со двора большого завода на улицу выступила задом одна большая партия рабочих, а вслед за ней — другая, с такими же в руках веревками, которые на этот раз лежали уже на крючьях поперечных перекладин виселиц, до которых, однако, не достанет рука самого высокого человека. Широкие пояса вокруг поясниц из трепаной пеньки служили украшением этих веселых молодцов. Так же точно и они подхватывают прядево рукавицей или на кусок кожи, чтобы не ободрать уже ранее заслуженные мозоли. Покрутившись несколько на середине улицы, перед виселицей, стоящей против самых ворот двора, эта партия, человек в 50, шумно потянулась передом внутрь двора; это значит, что ее потребовал ворот, стоящий под навесом на противоположном конце двора. По двору раскинуто целое плетенье из веревок в виде ткацкой основы. Кажется, в этом веревочном лабиринте можно запутаться и не вылезть, но этого, однако, не может произойти, потому что на каждой веревке привязан человек, управляющий ею. Вот один молодец выскочил из ворот лачуги, покосившейся набок, но пристроившейся к очень длинному двору, покрытому двускатною крышею, обросшею мхом и обрешетившеюся. Этот молодец также привязан на веревку; двор этот тоже прядильня, только с крытым или зимним приспособлением.

---

[52] Ср.: *Даль*. 4, 137.

Общий вид Ржева с Волги. Фотография. 1890-е

Вот и еще ряд рогулек в другом месте улицы, прямо вбитых в водосточную канаву, с несомненными признаками, что эта прядильня — кочевая, переменяющая свое место. Вбили ряд кольев прямо в рыхлую почву дна уличной канавы, приставили раму с толстой доской и шкивами, подставили сбоку от этой доски, в расстоянии аршина или двух, колесо, и закипела работа в руках этих молодцов. Молодцы они в самом деле: бойкие, сильные, первые любители и мастера биться на кулачках, силачи на руках, находчивые на словах, сохраняющие дух независимости исстари и любовь к личной свободе, уважающие свое ремесло и гордящиеся своим занятием.

Те и другие заводы одинаково приготовляют лишь «тонкую пряжу» из пеньки, доставляемой сюда из Орловской и Смоленской губерний, через города Белый и Гжатск.[53] Из этой пряжи уже в Кронштадте делают канаты.

Глядя с правой половины города на левую, где на крутой горе величественно красуется высокая колокольня собора,[54] — мы видим глу-

[53] Г. Белый (известен с XIII в.) Тверской обл. на р. Обше, 294 км от Твери. Г. Гжатск (известен с 1719; с 1968 г. Гагарин) Смоленской обл. на р. Гжати, 239 км от Смоленска.

[54] Успенский собор (1754), каменный, приделы: Успения Божией Матери, свт. Арсения, св. блг. вел. кн. Михаила Тверского, св. вел. кн. Владимира, свв. блг. кн. Бориса и Глеба. Колокольня 70 м (первая половина XIX в.) видна была за 20 верст. В нижнем ярусе колокольни висел самый большой в Ржеве колокол с надписью: «В 1730 году сентября в 30 день сей колокол слит в Сток-

бокий овраг, по которому течет речка Холынка,[55] точнее — маленький ручей. В овраге характерен крутой берег, в котором среди кустов, деревьев садовых и прочей зелени виднеется обнаженный обрыв, где известковые плиты будто нарочно сложены, правильно и симметрично, в довольно высокую стену.

Раскинутые по склонам оврага и в других местах города сады заслуживают внимания потому, что в них издавна вырастили особого сорта яблоньку, известную под именем *ржевской*. Из плодов этой яблони и из привозных яблок других пород, а также из местных ягод: клюквы, смородины, брусники и крыжовника — в Ржеве издавна приготовляют пастилу, известную также под именем *ржевской*.[56]

Вообще же ржевцы живут по-старинному, широко, не стесняясь разводить сады и пристраивать к домам огороды. С верхнего яруса соборной колокольни открывается превосходный, широко расстилающийся вид на окрестности с рощами и лугами и на сам город, который можно назвать сплошь каменным. В городе около 13-ти каменных церквей новейшей архитектуры (по причине бесконечного множества опустошавших город пожаров).[57] Много площадей, из которых одна довольно обширна и вся обстроена каменными домами.[58] Два гостиных двора, по одному для каждой половины города.

гольме в российский град Ржев Володимиров к соборной церкви Успения Богоматери Благословением духовного чина и тщанием господина Вельяминова-Зернова и прочих господ и купечества». Выписан через Моисея Зетилова». Ср. путешествие С. М. Прокудина-Горского.

[55] Исток р. Холынки выше д. Дешевки Ржевского у. До Ржева протекает через дд. Образцово, Полунино, Галахово, Тимофеево, приток Волги.

[56] Плоды ржевской яблони насыщены пектином, что позволяло делать пастилу без добавления загустителей. Яблочные слои переслаивались двумя-тремя тонкими слоями ягодной пастилы (рябина, клюква, брусника), что отличало ржевскую пастилу от однородных коломенской и белёвской. Изготовление пастилы было чрезвычайно трудоемким: пюре печеных яблок непрерывно взбивали добела в течение двух суток несколько человек в смену. Поэтому пастилу производили либо крупные помещики с даровым трудом крепостных, либо артели фактически в двух городах: Коломне и Ржеве. Ржевский бренд использовался при производстве в промышленных масштабах на фабрике «Абрикосов и сыновья» (ныне «Рот-фронт»): «Привет из Ржева. Пастила Ржевская».

[57] Успенский собор, церкви Преображенская (1755), Покровская (1785), Рождества Христова (1847), Рождества Богородицы (1854), Троицкая (1790), Оковецкая (1821), Никольская (1692), кладбищенские Смоленская (1851) и Вознесенская (1855), Владимирская (1758), Смоленская при училище девиц духовного звания (1866), Св. Архистратига Михаила (1868), Знаменская (1860), Скорбященская (1858); см.: *Добровольский*. С. 459—465.

[58] Большая Торговая пл. (ныне Советская) отчасти вымощена булыжником, застроена купеческими особняками, торговыми лавками и рядами, по углам

Город Ржев. Фотография. 1890-е

Наружный вид города вообще оставляет приятное впечатление. В особенности хорош вид на Заречье в сумерки, когда там и сям замелькают в окнах огни и на розовом фоне солнечного заката выделяется густая зелень тенистого сада, принадлежащего староверскому *погосту* (т. е. кладбищу),[59] и такая же садовая зелень, обрамляющая каменный дом с главою и крестом, где помещается единоверческая церковь.[60]

церкви Благовещенская, Ильинская, Покровская, Никольская. Рядом с площадью находились Успенский собор с колокольней и крупный ампирный собор Рождества Христова (разрушен во время войны). Сквер в восточной части площади по диагонали пересекала аллея к городской управе. Здание управы с двумя башнями было одной из доминант дореволюционного Ржева, не сохранилось. В центре площади находился гостиный двор.

[59] На правой стороне Ржева находились кладбища Пятницкое и Никольское; очевидно, речь идет о последнем: «На первом из них, т. е. Никольском, при копании места для фундамента при постройке церкви Оковецкой Божией Матери <1821>, найдены были вросшие в землю камни, с надписью погребенных под ними в начале XVI столетия иноков» (*Красницкий И. Я.* Очерки Тверской губернии. Вып. 1: Город Ржев. СПб.: тип. Скарятина, 1874. С. 11–12).

[60] Единоверческая церковь во имя Благовещения Божией Матери (1837).

II. Зубцов и Старица

— Ты чей, молодеч? — Зубчевский купеч. — А где был? — В Москве по миру ходил.

Зубчане таракана на канате на Волгу поить водили.

Старичане петуха встречали с хлебом-солью; пришел грозен посол под Старицу: шуба навыворот, сам низенок, а поперек о пяти обхватах, словечка не молвит, а только шипит: ан это — индейский петух.[61]

Народные присловья[62]

Сколь безжалостно ни осмеяны оба эти города, сколь ни незначительны они, но так как лежат на Волге, то необходимо сказать и о них. От Ржева до Зубцова 19 верст по быстрой воде, бойкое течение которой приметно по стрежу реки даже с высокого ржевского берега. Берега очень однообразны и скучны, несмотря на то что ольха силится оживить их склоны своею густою изумрудною зеленью. Долина реки очень редко раздвигается на значительные пространства; большею частью она тесна. Хотя Волга прошла уже от своего истока больше двухсот верст, но ширина ее еще не превышает 50-ти саженей. Тем не менее по силе течения воды чувствуется, что хотя будущий богатырь и находится в младенческом возрасте, но этот ребенок очень сильный, хорошей и здоровой природы. Под городом Зубцовом, по народной легенде, он уже успел показать себя при встрече с Вазузой. Долго спорила Волга с Вазузой о своих достоинствах, силе и храбрости и о том,

---

[61] Ср.: «Старичане петуха встречали с хлебом с солью. / Прослышали старичане, что в их город Старицу идет грозен посол. „Надо умилостивить грозного посла“,— говорили старики на мирской сходке. „Вы, люди старые, придумайте, пригадайте, а мы, молодые, не прочь от вас“. Придумали старики: напечь пирогов с яйцами и идти за город с поклоном навстречу к послу. По сказанному, как по писанному, всё было сделано. Прибежали ребята с поля, поведали всем: „Пришел грозен посол; стоит у города; шуба навыворот; сам низенек, а поперек о пяти охват, словечка не молвит, а шипит только“. То не грозен посол подходит к Старице, а залетел индейский петух. Вышли старичане встречать грозна посла. Встречали по-старому, все без шапок, а старики говорили петуху: „Вот тебе пирог и яйцы, не погуби наш город Старицы“» (*Сахаров*. 1, 400). Присловье отразило исторический факт. В Старицу к Ивану Грозному 18 августа — 14 сентября 1581 г. приезжал Антонио Поссевино, посол папы римского Григория XIII, чтобы склонить Русь к обращению в католичество; встречен он чрезвычайно пышно и любезно, но миссия не имела успеха (*Литература Тверского края*. С. 137).

[62] Ср.: *Пословицы русского народа*. С. 212; первое присловье отразило характерное для зубчан чоканье.

кому из двух должно уступить первенство и признать себя побежденной. Положили они промеж собой лечь спать: утро вечера мудренее. Решили для первого раза на том, что кто из них первый проснется и добежит до Хвалынского моря, тот и прав, и почетен. Ночью Вазуза проснулась прежде и побежала. Когда пробудилась Волга и увидела, что соперница скрылась из глаз, то тотчас же поднялась и поспешила ее догнать. Пробежала, однако, Волга 200 верст и только у Зубцова нагнала Вазузу, которая признала здесь свою соперницу старшей сестрой и упросила взять ее под защиту и покровительство.[63]

Утвердившись на высоте, поднимающейся стеной с правого берега Волги при устье Вазузы, городок Зубцов раскинулся, так же как и Ржев, по обоим берегам Волги. Впрочем, на левом берегу этой реки, внутри города против устья Вазузы, сохранился небольшой вал на пространстве 85 саженей как остаток старинных укреплений, доказывающий, что первоначальный летописный *Зубчев* находился на этом месте, когда впервые упоминался он как город (в 1216 году).[64] Вырос и распространился он впоследствии, когда Петр Великий придал значение Вазузе, учредив на притоке ее Гжати пристань этого имени, нынешний уездный город Смоленской губернии. Сюда переведены были и поселены люди из Боровска, Вереи, Калуги, Можайска и других мест. С той поры и Зубцов должен был играть роль пристани для отправки местных произведений к Петербургу и для доставки на Волгу и в Ржев, через Гжатск, пеньки, сала и проч.

---

[63] Ср.: Вазуза и Волга: [сказка] № 94 // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 112 (Лит. памятники). Предание записано в Тверской губ. Мотив соперничества рек распространен в устной народной прозе: Волга и Западная Двина, Дон и Шат, Днепр и Десна, Днепр и Сожа (*Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865–1869. Т. II. С. 226–229; известны белорусские и украинские варианты). Ср. предания о реках Большой и Малый Инзер (Народные сказки, легенды, предания и были, записанные в Башкирии на русском языке / сост. Л. Г. Бараг. Уфа, 1969. № 64) и о реках Урал и Белая (Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974. С. 130). См. прозаическое переложение Л. Н. Толстого «Волга и Вазуза: сказка» и стихотворное переложение С. Я. Маршака «Волга и Вазуза. Русская сказка».

[64] Зубцов основан Всеволодом Большое Гнездо как форпост на западных рубежах Владимиро-Суздальской земли (*Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. С. 94). Как принадлежащий переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу он впервые упоминается в Новгородской летописи (1216) в связи со взятием его новгородцами (*Экземплярский А. В.* Великое княжество Тверское с его уделами // Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб.: тип. Имп. АН, 1891. Т. 2. С. 506–507).

Старица. Гравюра. 1890-е

Замечательно то обстоятельство, что Зубцов в первое время своего существования считался пригородом Суздаля, тогда как ближайший Ржев — пригородом Смоленска. Таким образом, в политическом и этнографическом отношении мы встали теперь на интересном племенном рубеже, имеющем очень серьезное значение. Здесь произошла встреча трех противоположных колонизаций, во взаимной борьбе которых перевес и победа осталась на стороне сильнейшей. Впрочем, остатки старых влияний и связей еще живы и наглядны.

Народное движение, благодаря благоприятным обстоятельствам, заключающимся в тех общедоступных средствах, какие представляют реки, совершалось в этой стране Верхней Волги в трех направлениях: с севера (точнее — с северо-запада), с юга и с востока. В этой стране великих водоразделов сближаются верховья таких больших рек, как Двина, Днепр и Волга, имевших столь громадное значение в направлении племенных расселений.[65] Движение колонизации производилось свободно и, по всему вероятию, без помех со стороны враждебных инородческих племен, которые могли бы задерживать или вовсе остановить поступательное шествие племени земледельческого и, следовательно, более культурного. Доказательство тому мы видим и в названиях городов, озер, рек и других урочищ, сохраняющих корни славянского языка. Реки этой страны носят имена Межи, Осуги, Березы, Дубны,

[65] См.: *Анучин Д. Н.* Из поездки к истокам Днепра, Западной Двины и Волги // Северный вестник. 1891. № 8. С. 119–162.

Сестры, Молодого Туда, Медведухи[66] и проч. За главной же рекой Волгой осталось имя, имеющее необъясненный до сих пор корень инородческого (финского или чудского) языка.[67] Озера называются: Щучье, Сиг, Охват, Стерж, Глубокое, Вселук[68] и т. д. Имена городов, вопреки исконному обычаю на Волге называться по притокам, получили также славянские прозвания: Осташков, Ржев, Зубцов, Кашин, Старица, Торжок.

В Старице есть одна замечательность, а именно — оставшееся от давних времен *городище*, лежащее внутри

Древний Борисоглебский собор в Старице. Гравюра. 1890-е

[66] Р. Межá — приток Западной Двины, Береза — левый приток р. Межи, Осуга — приток Вазузы, Дубна — правый приток Волги, Сестра — левый приток Дубны, Ту́довка, Молодой Туд — правый приток Волги, Медве́дица — левый приток Волги.

[67] У античных авторов Волга называлась Ра; в Средние века известна под названием Итиль. Русское название Волга (ст.-слав. Вльга) произошло от праславянского *Vьlga, ср. во́лглый — волога — влага. Славянскую версию подтверждает наличие рек Влга в Чехии и Вильга в Польше. Возможна этимология из балтийских языков: ilga ‘длинный, долгий’ → оз. Волго → р. Волга (*Топоров В. Н.* Еще раз о названии Волга // Языкознание. Литературоведение. История. История науки. М.: Наука, 1991. С. 47—62); valka ‘ручей, небольшая река’ (*Поспелов Е. М.* Географические названия мира: топонимический словарь. М.: Русские словари, 2002. С. 102). Иные версии выводят название реки из прибалтийско-финских (фин. valkea ‘белый’, ср. Вологда; выруск. Valgõ) и волжско-финских (др.-марийск. *Jylγ из тюрк., совр. мар. Юл) языков. Ср.: *Тверь 2*, с. 156—157.

[68] Озз. Щучье в Жарковском р-не, Сиг в Осташковском р-не, Охват на западе Тверской обл., Стерж и Глубокое в Осташковском р-не, Всéлуг на Валдайской возвышенности.

города.[69] Его образуют крутой берег Волги и овраги р. Старицы, а с двух других сторон (северной и южной) насыпные валы в расстоянии один от другого на 150 сажен. Укрепление города существующим валом и исчезнувшею стеною приписывается Ивану Грозному, который особенно благоволил к этому городу и жил в нем во время войны со Стефаном Баторием.[70] Старица, впрочем, и в то время была уже старинным городом, так как еще под 1297 г. упоминается в летописи: «срублен бысть град на Волзе, по Зубцову, на Старице».[71] Михаил Тверской его возобновил в 1363 г. под именем Нового Городка.[72] Конечно, и Старица, будучи порубежным городом, испытывала несколько раз разорения во время княжеских усобиц и от нападения Литвы, считавшей своими все эти города, расположенные по северному рубежу полоцкого и смоленского Белорусья.[73] Оригинальной архитектуры собор, изображенный на нашем рисунке, теперь уже не существует.[74]

---

[69] Старицкое городище (кремль) на северо-западной окраине современного города занимает мыс левого берега Волги при впадении в нее р. Верхней Старицы (Старчонки). Археологические раскопки выявили предметы быта, инструменты из металла, вооружение и снаряжение всадника, керамику, украшения из стекла, тверские, кашинские и московские монеты, шахматные фигурки и др. Прослежены жилые и хозяйственные постройки XIV–XVII вв.

[70] Стефан Баторий (1533–1586), король польский и великий князь литовский (1576); в 1579–1582 гг. принимал участие в Ливонской войне, занял Смоленщину и Черниговщину, после безуспешной осады Пскова заключил с Россией Ям-Запольский мир.

[71] Впервые поселение упоминается в летописи Успенского монастыря: «...в 1110 г. пришли на урочище Старый бор два инока из Киевских пещер Трифон и Никандр и стали там жить и слову Божию учить приходящих к ним...» (Историческое описание Старицкого Успенского монастыря / сост. игум. Арсением. Тверь, 1895. С. 21–22). Первое упоминание Старицы в Тверской летописи дано под 1297 г.: «В лето 6805. Срублен бысть город на Волзе, ко Зубцову, на Старице» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 407).

[72] В 1366 г Михаил Александрович Тверской «нарядил городок новый на Волзе», перестроив и укрепив Старицу и превратив ее в сильную крепость (*Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 143). Старица получила имя Новый город (Городок на Старице, Высокий Городок, Новый Городок); с конца XIV в. называется Старицей по расположению на р. Старице.

[73] Польско-шведская интервенция 1609–1612 гг.

[74] Бывший собор в Старице. — *Прим. Максимова.*

Борисоглебский собор построен Иваном Грозным (1558), приделы: блгг. кн. Бориса и Глеба, свт. Николая Великорецкого, Благовещения Пресвятой Богородицы. В писцовой книге Сухова-Кобылина (1686) о соборе говорится: «Да в городе Старице внутри соборная церковь благоверных князей Бориса

III. Торжок

Не быть Торжку Новым Городом, а Новгороду — Новым Торгом.

Старинное новгородское изречение

Новоторы — воры, да и осташи — хороши, а свято то место, где тихвинца нет.

Нынешнее присловье[75]

Торжок, как и многие другие города, дурно рекомендуется острогом, выдвинувшимся вперед. Это — в своем роде «яблоко раздора» Новгорода с Суздалем, связующее и разделявшее звено двух сильных северных Русей: торговой и земледельческой, — конечно, не в прежнем виде, а несколько раз измененном до такой степени, что теперь осталось только старое место этого старинного *Нового Торга* да названия церквей и монастырей. Десятки раз он был превращен в пепел и разоряем (1167, 1182, 1238, 1258, 1281, 1300, 1316, 1318, 1327, 1333, 1339, 1372, 1393, 1445, 1609, 1698, 1742, 1766, 1879, 1880). Четыре раза посещала его моровая язва (1395, 1426, 1709 и 1710). Один этот перечень несчастных годов свидетельствует о тех изменениях, каким подвергся город в 875 лет со времени прихода сюда преподобного Ефрема.

Св. Ефрем, родом угрин,[76] служил у князей братьев Бориса и Глеба конюшим вместе с братом своим Георгием. Когда убит был Борис и пришла об этом весть в Ростов, Ефрем отправился на р. Альту, через которую в то время шел путь в Киев. По дороге заходил в урочище Вязьму и, найдя из разрубленного на куски туловища брата Георгия

и Глеба каменная, ветха, пятиглавая, да в приделе Благовещения Пречистыя Богородицы, а в церкви образы местные и деисусы и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строенье, и утварь по сказке тое ж церкви соборного попа Егорья строенье великих государей, и строена та церковь лета 7066-го года, а при которых великих государех строено и та подпись вывалилась; да под тою ж церковью палаты строенье великих государей». Разобран (1802) при строительстве современного собора. По преданию, из этого собора существовал подземный ход под Волгу в Успенский мужской монастырь, но он при раскопках не обнаружен (*Крылов И. И.* Старица и ее достопримечательности. Старица, 1914).

[75] Ср.: *Сахаров*. 1, 395; *Пословицы русского народа*. С. 212.

[76] Ефрем Новоторжский († 28.01.1053), венгр, прибыл юношей на Русь с братьями Георгием и Моисеем, все они поступили на службу к кн. Борису Владимировичу Ростовскому. Брат Георгий был убит на р. Альте в 1015 г. с князем Борисом. Брат, будущий Моисей Угрин Печерский, успел бежать. Св. Ефрема спасла случайная отлучка; вернувшись на место гибели князя, Ефрем нашел отрубленную голову брата. Взяв ее с собой, он удалился на берег Тверцы, основал странноприимный дом и монастырь св. князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Причислен к лику святых.

Общий вид Торжка. Фотография. 1890-е

только голову, он вместе с нею отправился на то место, в 2 верстах от Торжка, где построил страннноприимный дом. Через несколько лет он поселился там, где теперь Торжок; поставил сначала три креста, потом первую в городе каменную церковь и, наконец, около 1038 года монастырь, первый на Руси посвященный имени мучеников и страдальцев св. князей братьев Бориса и Глеба.[77] Здесь почивают его мощи в раке соборного храма вместе с главою брата Георгия. На противоположной, левой стороне того же собора поставлена рака с мощами келейника и ученика Ефрема — преподобного Аркадия.[78]

Берег Тверцы, ручей Здоровец,[79] сохранившиеся по оврагу остатки вала и исчезающие следы его по террасе города составляют границы старинного укрепленного города Торжка. Сзади примыкает довольно большой каменный гостиный двор,[80] а посередине — самое

---

[77] Новоторжский Борисоглебский монастырь (1038). Основные постройки: Борисоглебский собор (1038, 1785—1796, арх. Н. А. Львов), Входо-Иерусалимская церковь (1717), надвратная церковь-колокольня (1804—1811, проект арх. Н. А. Львова, построена арх. Я. Ананьиным), Свечная башня и др. Закрыт (1925), возобновлен (1993).

[78] Аркадий Новоторжский († 1077?), прп., ученик и келейник прп. Ефрема Новоторжского.

[79] Ручей Здоровец, правый приток Тверцы, в устье которого основан Торжок.

[80] Гостиный двор построен по плану регулярной застройки Торжка 1767 г. В пояснительной записке к плану 1767 г. тверской генерал-губернатор Я. Сиверс писал: «Гостиному двору дал форму амфитеатра с весами в середине оного, оставя большую площадь во все стороны, которая для хлебного

Вид Новоторжского Борисоглебского монастыря. Фотография. 1890-е

главное место занимают здания собора. Собор состоит из двух храмов — холодного и теплого (во имя Входа Господня во Иерусалим).[81] Под Преображенским собором, построенным в 1822 году, сохраняется каменный гроб с мощами благоверной княгини Иулиании,[82] а в иконостасе древнейшая чудотворная икона Смоленской Одигитрии,[83]

торга надобна». В 1776 г. в Торжке числился «каменный гостиный двор треугольный» со 101 лавкой, в 1783 г. уже 110 лавок. Гостиный двор представлял комплекс торговых и складских помещений, три двухэтажные корпуса, выстроенные в переходных формах от барокко к раннему классицизму; одно из узловых архитектурных сооружений в центре купеческого, торгового Торжка. Сохранились два корпуса, третий разрушен в 1941 г. (нижняя часть Кировского сада).

[81] Спасо-Преображенский собор (1815—1822, арх. К. И. Росси), пятикупольное здание с дорическими портиками. Входоиерусалимская церковь (1841—1842, губ. арх. И. Ф. Львов), однокупольная, в том же стиле, теплый храм собора. Убранство и предметы богослужения были приобретены на средства новоторжских купцов братьев Степана, Якова и Михаила Уваровых. Закрыта (1930), колокольня снесена.

[82] Иулиания Вяземская (Новоторжская; † 21.12.1406), супруга князя Симеона Мстиславича Вяземского, дочь боярина Максима Данилова. Почитается как святая. Смоленский князь Юрий Святославович, прельщенный ее красотой, убил во время пира ее мужа и покусился на ее честь. Защищаясь, Иулиания ударила его ножом, и разъяренный Юрий мечом отрубил ей руки и ноги, а тело бросил в Тверцу. В 1819 г. в соборе устроен придел в честь святой княгини, рака с мощами ее пребывала в соборе до 1918 г., до 1930 г. мощи покоились в храме Архангела Михаила, судьба их неизвестна.

[83] Один из списков чудотворной иконы Смоленской Одигитрии, известный как Одигитрия Выдропусская (XV в.). Изначально находилась в храме вмч. Геор-

свидетельствующая о прежних симпатиях этого края со Смоленским. <...>

Вообще город Торжок меньше Ржева, но кажется приветливее и оживленнее по уличному движению, которое дополняется, между прочим, разносною торговлей. Улицы и площади все мощеные и содержатся гораздо лучше, чем в Ржеве. Берег Ямской стороны[84] возвышеннее, но на Торговой стороне он отложе, хотя также горист, и в особенности эффектно поставлена церковь Успения.[85] На саму реку обращено здесь больше внимания, чем на Волгу в Ржеве. Сам народ здешний гораздо обходительнее, приветливее и словоохотливее ржевского.

гия в с. Выдропужске и раз в году переносилась с крестным ходом в Торжок. По преданию, один из ратников войска Иоанна III, возвращавшегося после взятия Новгорода в Москву, взял икону и унес в Муром, в храм свт. Николая. Во время молебна внезапно налетел вихрь, икона невидимой силой поднялась на воздух и перенеслась в церковь с. Выдропужска. В 1630 г. в Москве с иконы был сделан список для церкви с. Выдропужска, а подлинник поставлен в храме Преображения Торжка. Был установлен крестный ход 18 июля, в день прибытия иконы из Москвы. Все приходы Торжка собирались в Борисоглебском монастыре и крестным ходом шли в Преображенский собор, где после литургии служили молебен перед Одигитрией (*Илиодор, иером.* Историко-статистическое описание г. Торжка. Тверь, 1860. С. 103–104; *Лавровский Н. Л.* Повесть о чудотворном образе Богородицы, находившемся в Выдропуске // Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Ч. 3. С. 19–28; Повесть душеполезна о чудотворном образе Пречистой Богородицы честного и славного ея Одигитрия, яже в Новгородской обл. в нарицаемой веси в Выдропуске в храме св. страстотерпца Георгия / описана блгв. кн. Георгием Звенигородским. СПб., 1880). Судьба иконы после 1917 г. неизвестна.

[84] Ямская сторона (Ямская ул., ныне Дзержинского) — район в левобережной части города, по которому проходил тракт Москва — Петербург.

[85] Старо-Вознесенская церковь (между 1653 и 1717; ул. Грузинская, 29), на высоком правом берегу Тверцы. Деревянная, высокий двухсветный четверик, на который поставлены три постепенно убывающие вверх восьмерика, увенчанные глухим барабаном с массивной главой. Четверик и все три восьмерика внутри открыты до самого верха, стены гладко отесаны, верхние ярусы расписаны клеевыми красками — роспись XVIII в. В потолке верхнего яруса находится восьмиугольная ниша с изображением Новозаветной Троицы. Действующая. Церковь Успения Пресвятой Богородицы (1746, 1814; ул. Володарского, 2) на Борисоглебской стороне города к западу от Торговой пл. — одна из главных архитектурных доминант Торжка. Двухэтажная, кирпичная, оштукатуренная; основной объем — трехсветный четверик, увенчанный пятью глухими барабанами с главками. От колокольни сохранились два нижних яруса. С запада к ней примыкает притвор, в котором устроена лестница в верхнюю церковь. Закрыта (1929), купола утрачены.

Вознесенская церковь в Торжке. Гравюра. 1890-е

Известный наш драматический писатель А. Н. Островский, посетивший Торжок в 1856 году,[86] пишет о нем между прочим: «Девушки пользуются совершенной свободой; вечером на городском бульваре и по улицам гуляют одни или в сопровождении молодых людей, сидят с ними на лавочках у ворот, и не редкость встретить пару, которая сидит обнявшись и ведет сладкие разговоры, не глядя ни на кого. Почти у каждой девушки есть свой кавалер, который называется „предметом“. Этот предмет впоследствии делается большею частью мужем девушки. В Торжке еще до сей поры существует обычай „умыканья“ невест: считается особенным молодечеством увезти невесту потихоньку, хотя это делается почти всегда с согласия родителей. Молодые на другой день являются с повинной к разгневанным будто бы родителям, и тут уже начинается пир горой. Такой способ добывать себе жен не только не считается предосудительным, но, напротив, почитается почетом. „Значит, уж очень любит, коли увез потихоньку“, — говорят в Торжке. Не иметь „предмета“ считается неприличным для девушки, такая девушка легко может засидеться в девках».

Про торжковский городской наряд говорит тот же писатель, знаток русской народной жизни, следующее:

«Старый живописный наряд девушек (шубка или сарафан, кисейные рукава и душегрея, у которой одна пола вышита золотом) начинает выводиться. Место его заступает пальто, а вместо повязки с ряска-

[86] См. путешествие Островского: *Тверь 1*, с. 350—415; ср.: *Тверь 1*, с. 156, 255—258, 332—334; *Тверь 2*, с. 231—232.

ми (поднизи из жемчуга) покрывают головы шелковым „платочком“. Пальто, которые пошли теперь в моду, длинны и узки, с перехватом на талии. Они шьются из шелковой материи ярких цветов и большею частью бывают голубые и розовые. Сжимая грудь, они безобразят фигуру. Образ жизни замужних совершенно противоположен образу жизни девушек; женщины не пользуются никакой свободой и постоянно сидят дома. Ни на бульварах, ни во время вечерних прогулок по улицам вы не встретите ни одной женщины. Когда они выходят из дому по какой-нибудь надобности, то закутываются с головы до ног, а голову покрывают, сверх обыкновенной повязки, большим платком, который завязывают кругом шеи. Богатые кокошники становятся редки».

IV. Тверь

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармезаном макарони
И яичницу свари.

А. С. Пушкин[87]

— Забегай, забегай.
— А что?
— Не видишь, куница бежит.
— Да это собака с Клементьева двора.
— Ну, так пущай себе!..

Насмешка над тверитянами

Пукалы-тверяки вприглядку с сахаром чай пьют.

Народное присловье[88]

Проезжая по Николаевской дороге,[89] около самой Твери под железнодорожным мостом видно ту реку, которая дала имя городу (Тверь или Тъхверь).[90] Только весною, когда все реки богаты водой, Тверца

---

[87] *Пушкин. 3*, кн. 1. С. 34.

[88] См. *Сахаров*. 1, 400; *Пословицы русского народа*. С. 212. Пу́калы — стрелки, которые стреляют и не попадают, иначе говоря простаки, дураки. Наряду с этим существовало представление о тверитянах как шутах, обманщиках, обморо́ках: «Из старых нищих молодой — обморо́к. Прежде были пророки, а теперь обмороки. *Волга, твер., яросл.*» (*Островский А. Н.* Словарь. С. 333); обморо́к — насмешник, шут, обманщик, лгун (*Тверские говоры*. 4, с. 68).

[89] Николаевская железная дорога (1851) между Петербургом и Москвой. См. путешествия А. М. Петропавловского, Т. Готье, П. И. Якушкина (*Тверь 2*, с. 303—435).

[90] Мост через Тверцу находится не «около самой Твери». Видимо, Максимов принимает за Тверцу Тьмаку, железнодорожный мост через которую находится на самом деле при подъезде к станции Тверь (ныне станция Пролетарская).

Город Тверь. Заволжская сторона. Фотография. 1890-е

получает глубину до 10 аршин и несколько наполняется еще два раза (летом и осенью), когда принимает второй и третий караван судов, так наз. меженный и осенний. На то время не только отпираются в Вышнем Волочке шлюзы, но и спускается, в помощь им, деревянный бейшлот, скопляющий воду около притока Тверцы, у реки Осуги.[91] Тверца, молчаливая, мертвая и пустынная во всякое другое время, значительно оживает, пока длится так называемое «подъемное», или «взводное», судоходство караванов, приходящих из всех пристаней между Тверью и Рыбинском. Сплавной караван в Тверце с верхневолжских и гжатских пристаней проходит здесь только ранней весной. Тогда можно видеть здесь все поволжской постройки (до 17 сажен) плоскодонные и с прямыми бортами барки.[92]

Плывя по Тверце в Волгу, мы попадаем в те части Твери, которые носят название Заволжья и Затверечья и находятся на левой, или луговой, стороне Волги. Главная же часть города расположена на правом, или горном, берегу, до впадения в Волгу реки Тьмаки, отделяющей от города часть его — Затьмачье (через Волгу и Тверцу перекинуты мосты разводные). Со стороны Тверцы лучшая, или главная, часть

[91] Р. Осуга, приток Тверцы (длина 167 км); притоки: Озёрец, Негочь, Каменка, Таложенка, Поведь, Кичка (левые), Волошня, Райчона (правые). Исток Осуги находится на юго-восточных склонах Цнинской возвышенности (отрог Валдайской возвышенности).

[92] См. о них в путешествии Боголюбовых.

Город Тверь. Вид реки Тьмаки и ее стороны. Фотография. 1890-е

города кажется возвышенной (до 25 сажен), украшенною набережною с откосом и лучшими каменными строениями.[93] Это возвышение правого берега заставило, как говорит предание, перенести туда город с низменности заливного берега в очень давние времена, на что, между прочим, указывает монастырь Отрочь (Успенский), поместившийся на устье Тверцы и, кажется, положивший первое основание городу,[94] который оказался впоследствии сильным соперником Москвы, оспаривавшим у нее право первенства.

Время основания монастыря очень древнее, установленное летописным свидетельством в 1265 году и оспариваемое народным преданием, которое приписывает монастырю более раннее начало.[95]

В главной части Твери, недалеко от р. Тьмаки, между главной городской улицей Миллионной и набережной Волги, находится дворец, замечательный тем, что здесь наш историограф Н. М. Карамзин читал

---

[93] Набережная р. Волги (1760-е; ныне Степана Разина). «Сплошная фасада» (арх. П. Р. Никитин).

[94] Тверской Отрочь Успенский монастырь (1265). Основные постройки: Успенский собор (1722), двухэтажная церковь свт. Петра и Филиппа, московских чудотворцев; церковь влкмуч. Варвары с приделом Тихона Задонского; трехэтажная колокольня; двухэтажный настоятельский корпус, братские кельи, хозяйственные постройки, ограда с четырьмя башнями и двумя воротами. Закрыт (1918), все постройки, кроме Успенского собора, снесены (1930-е); возобновлен (2003).

[95] По преданию, монастырь основан между 1182 и 1205 г. Григорием, отроком князя Ярослава. См. путешествия И. Ф. Глушкова, Ф. Н. Глинки, И. А. Дмитриева (*Тверь 1*, с. 168–170, 221–227; *Тверь 2*, с. 150–154).

Город Тверь. Спасо-Преображенский собор
и Императорский путевой дворец. Фотография. 1890-е

императору Александру I и супруге принца Ольденбурского (бывшего генерал-губернатором Твери), Екатерине Павловне, первые главы своей «Истории государства Российского».[96]

Подле дворца находится городской собор — святыня Твери.[97] Хотя собор был несколько раз перестроен и в настоящем виде существует лишь со времен Екатерины <II>, тем не менее в нем сохраняются гробы тверских великих князей, при созерцании которых восстает вся история Тверского княжества, сплетенная из бесконечных княжеских споров и ссор, доведших Тверь до такой слабости, что, когда под шумок тамошних неурядиц удалось усилиться и укрепиться Москве, Тверское княжество потеряло самостоятельность и пало при первом ударе. В 1486 году Иван III выжег Тверь, и она со всеми землями, ей принадлежащими, была без сопротивления присоединена к Московскому княжеству.[98]

Древнейшая из соборных гробниц сохраняет прах первого независимого тверского князя, брата Александра Невского, Ярослава

---

[96] Пребывание Екатерины Павловны и Карамзина относится к расхожим сведениям о дворце. Ср. путешествие А. О. Ишимовой (*Тверь 1*, с. 269—270), М. И. Семевского.

[97] Спасо-Преображенский собор, см. о нем: *Тверь 2*, с. 67.

[98] Иван III Васильевич (1440—1505), великий князь московский (1462), при котором произошло объединение значительной части русских земель вокруг Москвы.

Волга у Твери во время ледохода. Фотография. 1890-е

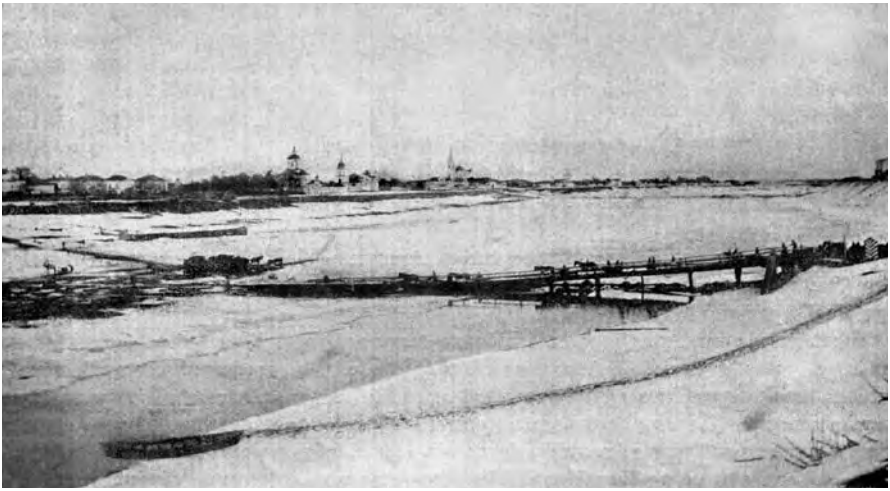
Ярославича, бывшего впоследствии великим князем суздальским и умершего на пути из Орды, куда он ходил умилостивить хана. Вся Русь на то время находилась уже под властью татар, которая в особенно резких чертах выразилась в судьбах Тверского княжества. Вот на правой стороне главного храма — собора, у иконостаса, в богатой раке, обложенной серебром, — кровавая жертва татарского суда, княжеских распрей — мощи св. князя Михаила Ярославича.[99]

К святыням города, наиболее чтимым, относится Желтиков Успенский мужской монастырь, построенный в 1400 году св. Арсением, епископом Тверским. Каменные церкви монастыря выстроены и украшены Петром Первым. Здесь же над монастырскими воротами царь устроил две комнаты, предназначавшиеся для заточения царевича Алексея Петровича.[100]

Волжская набережная и вообще весь современный план города остаются свидетельством внимания и попечения о Твери императрицы Екатерины II, которая после пожара в 1763 году дала новый план и денежные средства для постройки домов, из которых некоторые до сих пор отличаются однообразной архитектурой во вкусе того времени. Лучшая и самая большая улица, наз. Миллионною, в одном месте пересечения с поперечной улицей образует площадь, наз. Екатерининскою и обустроенную такого же одинакового казенного вида присутственны-

[99] О тверских князьях см. в путешествии Боголюбовых.

[100] См. путешествие М. И. Семевского.



Город Тверь. Зимний вид проезда через Волгу. Фотография. 1890-е

ми местами и другими казенными зданиями.[101] Всё это вместе взятое не делает город красивым и привлекательным на вид, несмотря на то что Тверь по величине своей является одним из больших губернских городов и притом поставленным, по-видимому, в очень благоприятные экономические и географические условия. Над городом тяготеет какая-то злобная судьба, не дозволившая городу развиться дальше того немногого, что видим теперь. Из приволжских губернских городов он может посоперничать лишь только с двумя: упавшею Костромою и никогда не возвышавшимся Симбирском. Все остальные большие города далеко оставили позади Тверь и в своем экономическом развитии, и в своем архитектурном росте. Между тем она находится на знаменитом пути, образуемом торговой и промышленной Волгою. По ее Миллионной улице проходило не менее знаменитое оживленное Московское шоссе, соединявшее обе столицы, и в трех верстах проходит самая богатая движением и оборотами из всех русских железных дорог — Николаевская. Город успевает с годами расширяться и разрастаться, украшаясь новыми и не столь казенного вида зданиями, заручился многими фабриками, между которыми бумагопрядильная московских фабрикантов, около которой выстроился целый новый город, представляет капитальное сооружение. В городе, кроме того, насчитывается около 100 разных фабрик и заводов. Ярмарок в Твери нет. По торговым оборотам она уступает своему уездному городу Ржеву и занимает второе место после него.

[101] Ул. Миллионная (Екатерининская, ныне Советская) и ул. Трехсвятская. Екатерининская пл. (Восьмиугольная, Фонтанная, ныне пл. Ленина).

V. Корчева, Кимры, Калязин

Кимряки — сычужники; летом штукатуры, зимой чеботари. Петуха на канате держали, чтобы не ходил на чужую землю.

Калязинцы свинью за бобра, собаку за волка купили. У вашего Макарья по три деньги Натальи, а грош дай — любую выбирай.

Семендяевщина (по имени местности): булочник да колбасник, пряничник да пирожник.

Народные присловья[102]

Волга, реченька глубока!
Прихожу к тебе с тоской!

Из песни[103]

За устьем реки Шоши, бегущей в Волгу из Зубцовского уезда и впадающей там, где примыкает к берегам Волги Московская губерния Дмитровским уездом, — на крутой горе правого возвышенного берега объявляется городок Корчева, не позволяющий, однако, сказать о себе ничего больше того, что уже сейчас выговорено. Он молод еще (произведен в городской чин в 1781 г.)

Корчеву затмило известное село Кимры,[104] населенное сапожниками. С этой именно местности начинается Волга сплошь промысловая. Дальше идет уже всё такой народ, который старается работать на все руки, чтобы только избежать бездольной жизни на этом плесе полуголодной Волги (чтобы не сказать больше). Обыкновенно бывает так, что раз усвоенный промысел не обращает внимания на то, что поемные места очень плодородны: луга дают сочные травы, поля — добрую жатву. Кимры, стоя на крутом и возвышенном левом берегу Волги, конечно, всё это хорошо видят, но не хотят разуметь и всем этим пользоваться. Как истые чеботари, они дают свои земли охотникам в кортому,[105] а сами круглый год без отдыха колотят по каблукам и подошвам до головной боли, с шильцем в руках и с щетинкой в зубах.[106]

---

[102] Ср.: *Сахаров*. 1, 389—390: *Пословицы русского народа*. С. 211—212.

[103] Первая фиксация популярной песни из репертуара С. Лемешева, музыку к которой в настоящее время приписывают без всяких оснований Н. М. Нолинскому, а стихи М. В. Зубовой:

Волга-реченька глубока,
Прихожу к тебе с тоской,
Мой да сердечный друг далёко,
Ты беги к нему волной.

[104] О р. Шоше, г. Корчеве и с. Кимре см. в путешествии Боголюбовых.

[105] Кортом, кортома — наем, съем, прокат, аренда.

[106] Ср.: «Кимряки — сапожники, требуху в кувшине варят, шильце в руках, а щетинка в зубах, и живут от субботы до субботы» (*Демьянов Г. П.* Иллюстри-

Корчева. Гравюра. 1890-е

Настоящие мастера завалены заказами лучших петербургских и московских сапожных фирм. Другие работают на мелких столичных торговцев. Некоторые же сами ездят с сапожным товаром на Нижегородскую ярмарку.

В самом селе Кимрах шьют сапоги и калоши круглый год кроме праздников в мастерских и закройнях, принадлежащим большим хозяевам (около 20 человек), которые большей частью кроят сапожный товар сами, а шить отдают или рабочим, живущим в мастерской, или на сторону, в соседние селенья. В трех волостях (Кимрской, Строевской и Ильинской) почти нет ни одной семьи, где кто-нибудь из мужчин не был бы сапожником, и всякий приучается к этому с раннего возраста. В селе Кимрах собственно *кимряки* ничем уже другим и не занимаются, и только в соседних волостях бросают это занятие на время полевых летних работ, с Петрова дня до Ильина. За всё про всё в хозяйстве и в доме тут и там отвечают женщины; впрочем, в Кимрах и они, и в особенности девушки, приспособляются к тому же ремеслу. Дело в том, что к сапожному промыслу приладился побочный, в зависимости от того, что при чистке подошвенной кожи скобелем неизбежно являются стружки. Их накопляются кучи. Кучи эти скупают особые промышленники, которые потом клеят стружки на клейстер из мучной пыли, покупаемой на мельницах. Выходит что-то вроде клеенки, пригодной на каблуки и на стельки в башмаки и са-

рованный путеводитель по Волге 1898 г.: от Твери до Астрахани. Н. Новгород: тип. Губ. правл., 1898. С. 18).

поги. Вот эту-то искусственную кожу и склеивают девушки, а мастера пускают ее на подошвы к женской обуви, делая ее через это чрезвычайно дешевою (около пятиалтынного за пару сапожков), потому что здесь и на передки, и на голенища идут обрезки или так называемые «лоскуты», оставшиеся от кройки.[107]

Мастера-хозяева покупают выделанную кожу или на своих заводах, или в Петербурге, Москве и на Нижегородской ярмарке. Здесь местными заводчиками закупается и сырье, и только отчасти в окрестных селениях и на базарах в Кимрах. Верва, или дратва, и щетина приготавливаются на месте; заграничные напилки и шилья покупаются в Москве, а клещи, молотки, колеса и ножики — в соседней деревне Слободище,[108] приспособившейся к изготовлению этих изделий. Конечно, мастерам сапожникам прислужились в с. Кимрах и те торговцы, которые держат в лавках разный сапожный материал: яловочную (выросток) и опойковую кожу, подошву, готовые голенища, медные шпильки, тесьму для ушков, сафьян, американскую лакированную кожу для обсоюженья и т. д. Конечно, и самый лоскут вызывал в Кимрах особых оптовых торговцев, которые собирают этот товар даже в Москве и Петербурге.

Поступившая в *закройни* (мастерские) кожа и выкроенная на сапоги отдается на руки особым специалистам, известным под именем *посадчиков*. Их дело — вытянуть на колодке выкроенные переды, уровнять скобелью толщу кожи на передах и задах, для какой цели они в помощь приспособляют мальчиков, и каждый посадчик может с одним помощником приготовить в сутки до 120 пар кож. Каждый же чеботарь, работая ежедневно с 5 часов утра до 8-ми вечера, также с помощником, в состоянии сшить в неделю круглым счетом три пары хороших сапогов (ценою никак не менее 3 руб.).

Если для больших хозяев с. Кимр служат обеспечением столичные знакомства и большие ярмарки, то деревенских мастеров выручают базары в Кимрах по субботам и ярмарки Петровская и Покровская. На это время является самый разнообразный оптовый и нередко случайный покупатель из Москвы и из ближнего торгового города Кашина. Привозится обувь всех родов, из всех волостей. Всё приве-

---

[107] Ср.: «Кимряк из глины сапоги слепит! / Кимские сапожки, что головки, что ушки — обрядные да нарядные. В гости за три версты в них пошел, обернулся — ан босиком вернулся! / Береги сапог кимрский от воды — наживешь беды. а как так? Да на грамотках они, на бумагах шиты — от воды размокнет, а от солнышка усохнет. / Сапоги — политурка, в подметке штукатурка, сахарная бумажка и мучной глянец. Хорош товарец!» (*Иванов Е. П.* Меткое московское слово: быт и речь старой Москвы. М.: Моск. рабочий, 1982. С. 269).

[108] Д. Слободище Федоровского с/п Кимрского р-на.

зенное на базар раскупается в какие-нибудь 2—3 часа, причем иногда свозится за один раз до 50 000 пар разной обуви. Конечно, в этих случаях оба соперника налицо и оба друг против друга: и тот, который позаботился о казистости, а не о прочности, поспешил работать, чтобы вышло больше пар, — и тот, который хочет его прижать и купить дешевле, зная, что бедный мастер, если не продаст изделие, останется на всю неделю без хлеба.[109] Вот почему бывают сапоги и в 1 р. 20 к. за пару, и в 4 руб. и в 4 р. 50 коп. Здесь уже не обращается внимания на то, что сапожная работа портит человека, на всю жизнь делая его худощавым, горбатым и малокровным. Ни один не имеет краски в лице и все точно сейчас только вышли из больницы. В с. Кимрах до 40 кабаков, и почти половина поселения нищенствует.

В последнее время богатые хозяева завели у себя американские швейные машины и, ускорив работу, обеспечили покупателей тем, что начали на свои изделия накладывать клейма даже заграничные, в доказательство того, что их искусство получило одобрение на всемирных выставках и, во всяком случае, не хуже столичного. С изделиями русских сапожников могут соперничать французские и польские по красоте, английские — по прочности, но кимровские, кроме изящества и крепости, отличаются еще дешевизной.

---

[109] Ср.: «Недаром говорится: „Кимряки свои сапоги на лапти променяли“ <…> Здешние мастера, конечно, не слыхивали об „анатомии ноги“ и не имеют никаких научных знаний о строении этой небесполезной части тела, тем не менее могут „потрафить в лучшем виде“ на каждую ногу от миниатюрной до слоновой, лишь бы им давали настоящую цену. С присущей русскому человеку сметкою они быстро выучиваются работать всякие фасоны обуви. У них найдется и очень хорошая обувь, которая шьется по заказу, есть и плохая „для рынка“, например, знаменитые сапоги из „еловой“ кожи (коневой) ценою по 1,5—2 руб. на месте; голенище в них делается из обрезков, на подошву идут остатки из растительного царства: лубок, картон, тряпки; эта смесь, называемая *политурою*, замаскировывается для весу воском, хлебом и глиною, а сверху подбивается лоскутом кожи. По выражению самих сапожников, такого рода сапоги ими не шьются, а лепятся; носятся они редко долее недели, а скупщики сбывают их подальше <…>. Эти „недельные“ сапоги при отправке старательно упаковываются в плетушки и деревянные ящики, чтобы в дороге от тряски они „не рассыпались и подошвы не отвалились“. Подобная обувь изготовляется только потому, что сами покупатели победнее спрашивают самый дешевый товар. Здесь только подтверждается та экономическая истина, что богатым людям всё достается дешевле, ибо они сразу могут купить дорогие сапоги, которые стоят только в два-три раза дороже, зато носятся в десять-двадцать раз долее, сразу закупить провизию с большой скидкой, прочную одежду и т. п. По поводу дешевой обуви зубоскалят сами кимряки, по свойству русского человека поглумиться над самим собой: „Хоть отца родного зашей, да продай подешевей“; „От пятницы до субботы (в руках) носи без заботы“» (*Субботин А. П.* Волга и волгари: путевые очерки. СПб.: Тип. В. Демакова, 1894. С. 47—48).

Рассчитывают, что на одних базарах одни лишь соседние торговцы из Калязина, Кашина, Бежецка и Твери покупают здесь, в Кимрах, сапожного товара более чем на 100 тыс. руб. сер., а вся сумма производства кимрского сапожного округа превышает 5 миллионов рублей.

Число селений в Корчевском уезде, занятых сапожным мастерством, превышает 160, а занимается им около 10 тыс. человек.

Расставаясь с Кимрами, нельзя не обратить внимания в числе высших ее особенностей на соборную церковь, выстроенную очень оригинально, в виде сруба или ящика с весьма небольшими куполами.[110] За Кимрами по берегу Волги и по дороге в Калязин виднеются остатки старинных городов Тверского княжества в виде сел, из которых Белый Городок населен всего какою-нибудь полусотней жителей и село Скнятино при устье Нерли, бывшее укрепление, называвшееся городом Скнятином и Кснятином, имеет постоянных жителей около 300 чел.

На луговом берегу близ устья речки Кашинки лежит село Кашинское Устье,[111] а от него верстах в 12-ти очень древний город Кашин,[112] расположенный на этом же маленьком притоке Волги; его относят к числу древнейших поселений на великой реке, принадлежавших Суздали, потому что первое летописное известие о нем относится к 1238 году. Некоторые из кашинских купцов ежегодно скупают в Кимрах такое же количество сапожного товара и на такую же сумму (около 600 тыс. руб.), как и самые богатые столичные купцы известных фирм.

На левом берегу Волги издали белеют стены и башни и четыре церкви Троицкого Макарьева монастыря и на правом, высоком берегу — церкви Калязина, обязанного своим возникновением именно этому монастырю. Как другой Троицкий монастырь дал начало посаду Селижарову,[113] Борисоглебский — Торжку, Отрочь — Твери, Макарьево-Желтоводский — Макарьеву,[114] Спасский — Ярославлю,[115] так точно на том месте, где теперь город Калязин, издревле существо-

---

[110] Покровский собор (1825) и Троицкая церковь с колокольней. Уничтожены (1936).

[111] О пос. Белый Городок, сс. Скнятино и Кашинское Устье, г. Калязине и Троицком Макарьеве монастыре см. в путешествии Боголюбовых.

[112] Г. Кашин (1238) на берегах р. Кашинки (левый приток Волги), в 150 км к юго-востоку от Твери, недалеко от границы с Ярославской губ.

[113] Пос. Селижарово (1504) на Волге в устье рр. Селижаровки и Песочни. Троицкий Селижаров монастырь (XV—XVI вв.).

[114] Пос. Макарьево Лысковского у. Нижегородской губ. на левом берегу Волги. Свято-Троице-Макарьево-Желтоводский монастырь (пер. пол. XV в.) основан прп. Макарием Желтоводским и Унженским.

[115] Спасо-Преображенский монастырь (XII в.) в Ярославле при устье р. Которосль.

вал монастырь Николы на Жабне[116] и подле него, по обычаю, собралась слобода, превратившаяся потом в город. Слобода эта до 1776 года принадлежала Калязину монастырю, от которого и получила свое название. В церкви Св. Троицы сохраняются местные святыни: направо в стене, в арке, серебряная позолоченная рака с мощами преподобного Макария Калязинского, в ризнице два блюдца и дискос, на которых угодник священнодействовал. Каменная монастырская ограда с башнями окончена постройкою в 1648 году, а соборная церковь вместе с колокольнею в 1654 году.

Самый город Калязин ни по торговле, ни по внешности ничем особенным не замечателен, кроме того что между мещанками сохраняются остатки старинного излюбленного промысла — плетения кружев,[117] который поддерживают скупщики из-за Кашина и Углича и из села Кимр. Нужно заметить, что отсюда главным образом происходит снабжение обеих столиц самым разнообразным торговым и промышленным людом. Отсюда приходят приказчики столичных лавок, носители всякого разного товара и сидельцы в разнообразных торговых заведеньях — все те, которых называют *молодцами*. Тут «булочник и колбасник, пряничник и пирожник», — как характерно выражается народ в своем присловье об этих интересных местах. Из этого крайнего уезда Тверской губернии и из всего дальнейшего Поволжья Ярославской губ. народ с неудержимою охотою идет искать зара-

---

[116] Поселение Никола на Жабне (XI–XII вв.) в летописи значится в числе городов и местечек, сожженных монголо-татарами во время нашествия 1238 г. Появление Николы на Жабне относится к эпохе хозяйственного и политического подъема Новгородской земли, когда купцы Великого Новгорода в устьях небольших рек устраивали свои опорные пункты и строили церкви в честь покровителя мореходов Николая Мирликийского. Монастырь Никола на Жабне находился на месте нынешней колокольни бывшего Никольского собора, разобранного перед затоплением в 1940 г.

[117] Калязинское кружево как вид народного промысла зародилось в Калязине в XVIII в. Местные художественные особенности выразились в характерных орнаментах мерного и штучного кружева, выполнявшегося в технике сцепного и многопарного плетения. Основные узоры многопарного кружева — в стиле «валансьен» с мелким цветочным рисунком, в стиле «малин» со сквозными выплетами из цветов, «сыпчатое» с геометрическим рисунком ромбами, «старорусский» узор с квадратными насновками, «круги-ромбы», «денежки», «речки», «в шахмат», «мышиные тропочки», сюжетные изображения. Сцепное кружево развилось позднее, выполнялось голубым или розовым шелком с золотой или серебряной сканью или насновками; основные узоры — цветущий куст, птицы-павы, зубцы в форме свисающего пятилистника, «репей» с сердцевиной в виде 6 зернообразных насновок, фасоны «в паву», «в огурец». До 1917 г. экспортировалось в страны Европы и в Америку. С 1977 г. началось возрождение промысла на базе ПО «Калининские/Тверские узоры».

Калязин. Гравюра. 1890-е

боток на чужой стороне. Насчитывают до 500 разнообразных промыслов и ремесел, которые придуманы жителями этого Тверского и Ярославского Поволжья начиная с плотников и красильщиков Корчевского уезда и кончая штукатурами Калязинского, которые все уходят в разные стороны России.

По милости этого народного явления в народной жизни здесь же вырабатывается и та трудолюбивая, находчивая, изворотливая и умная русская женщина, для которой не найдешь подобия в хлебородных и земледельческих местностях России. Когда мужья заработками своими оплачивают государственные и общественные повинности и подати, семейные женщины исполняют наиболее трудную половину критической житейской задачи — ведение сложного домашнего хозяйства, обставленного всевозможными неудобствами и неудачами. Ленивых женщин здесь не бывает, и даже девочки прилагают свой малосильный труд, рассчитывающий на содействие и помощь семье, покинутой главою и старшими работниками.

Е. П. Вишняков

[1890]

Вишняков Евгений Петрович (27.12.1841–13.10.1916), генерал, фотограф, действительный член Русского географического общества. Окончил Павловский кадетский корпус; георгиевский кавалер (1863), комендант Выборгской крепости (1903), комендант Московского Кремля (1909). Работая в жанре художественного фотопейзажа, сотрудничал с И. И. Шишкиным, вместе с которым предпринял поездки на этюды в Вологодскую губернию (1887), к истокам Волги (1890), в Беловежскую пущу (1892). Географическая экспедиция к истокам Волги в мае 1890 г. осложнилась неблагоприятными погодными условиями и бездорожьем. Шишкин участвовал в выборе точки съемки видов, давал советы при просмотре снимков. По материалам экспедиции был составлен альбом «Истоки Волги. Наброски пером и фотографиею». Вишняков сделал 60 снимков, которые отразили красоту девственной природы, быт и этнографию Верхней Волги и ее истока. В пейзажных, портретных и жанровых фотографиях запечатлены специфические черты русской жизни. Оригиналы фотографий Вишнякова хранятся в фондах РНБ. Опыт совместной работы с Шишкиным над жанром фотопейзажа описан в книге «Применение фотографии к путешествиям» (СПб., 1893). Текст печатается по изд.: Истоки Волги. Наброски пером и фотографиею / сост. Е. П. Вишняков; рис. обл. И. И. Шишкин. СПб.: тип. В. И. Штейна, 1893. 32 с.: ил., карта. В оформлении использованы фотографии Е. П. Вишнякова.

Истоки Волги

Волга берет начало в Осташковском уезде Тверской губернии. Посетить ее исток, или, вернее, истоки, для жителя Петербурга, имеющего в своем распоряжении недели две свободного времени, не составляет особенного труда. По Николаевской железной дороге надо ехать до станции Вышний Волочек, оттуда на почтовых до гор. Осташкова (85 верст), а там рукою подать и самое начало реки. Сам Осташков расположен на берегу озера Селигер, проехав которое на простой рыбачьей лодке можно остановиться либо в деревне Подгорье, от ко-

торой до истока всего около 15 верст, либо из деревни Слапущи,[1] соседней с Подгорьем, можно переехать к озеру Стерж через бугор, отделяющий его от Селигера, в расположенную на берегу деревню Коковкино.[2] Расстояние это всего 7 верст. От Коковкина до верховья Волги всего лучше пройти пешком, чтобы ознакомиться с первыми шагами Волги. Несмотря на близость истоков великой реки и на незатруднительность посещения их хотя бы из простого любопытства, в нашем обществе до сих пор отсутствуют точные сведения о начале Волги, и напрасно стали бы мы их искать даже в учебниках географии.[3] Кто принимает за начало Волги озеро Селигер и вытекающую оттуда речку Селижаровку, кто выводит ее с болот, расположенных у деревни Волговерховья, а кто, наконец, как например Рагозин,[4] давший покуда наиболее полное описание реки, открывает ее начало в реке Руне, считавшейся до сих пор первым значительным волжским притоком. Не задаваясь разрешением спорных географических вопросов, мы, с своей стороны, готовы признать справедливость всех вышеприведенных мнений, но собирая их воедино и таким образом оправдывая название нашего скромного беглого очерка.

Отправляясь в маленькую поездку к истокам Волги, я предварительно, конечно, старался пособрать возможно более точные сведения о пути, а равно о самом пейзаже истоков, которые интересовали меня более всего. Собранных сведений оказалось, однако же, весьма недостаточно, и лишь один труд Рагозина разъяснил кое-что, да и то весьма поверхностно. Словом сказать, садясь в вагон Николаевской железной дороги, я знал только, что еду до станции Вышний Волочек, а оттуда на почтовых до г. Осташкова. Дальнейший путь оставался неопределенным, вместе с такою же неопределенной надеждой разузнать подробный

---

[1] Д. Подгорье и Свапуще (Свапуща, Свапущи) Осташковского у. Свапуще (52 км от Осташкова) возникла в XVIII в. на месте перевалки грузов, идущих по Селигеру из Осташкова в Старую Руссу. В 1889 г. 44 двора, 241 житель; земская больница; в 1896 г. построена школа. Владельцы — князья Шаховские: РА. 1912. Т. 1. С. 311—315; ТвГВ. 1906. 1 сент. (№ 66). С. 1. Шаховские в Осташковском у. владели также имениями Каменка (Н. В. Шаховской), Екатерининское (Е. П. Шаховская), Степановщина/Палицы (Д. Ф. и В. Ф. Шаховские): ГАТО. Ф. Р-835. Оп. 2. Д. 64. Л. 50, 54; Ф. 59. Оп. 1. Д. 2900. Л. 2—3; Д. 5328. Л. 27 об. — 28; Д. 3463. Л. 2—3; Ф. 148. Оп. 1. Д. 1229. 16 л.

[2] Д. Коковкино Осташковского у., 8 км от д. Свапуще, 60 км от Осташкова. В 1889 г. 62 двора, 384 жителя. Здесь был обнаружен Стерженский крест (1133, ныне в ТГОМ).

[3] Ср. путешествие Н. Я. Озерецковского (*Тверь 2*, с. 21—65).

[4] *Рагозин В. И.* Волга. СПб., 1880. Т. 1. См. о нем в прим. к путешествию Тюменева.

маршрут с помощью расспросов у жителей Осташкова. Случай, впрочем, поблагоприятствовал мне более чем можно было ожидать. В одном со мною вагоне поместился уроженец той самой местности, которая меня в данном случае более всего интересовала. Мы познакомились. Это был лейтенант Петр Иванович Пущин.[5] Доехав с ним до Вышнего Волочка, я получил все необходимые сведения, указания и наставления; мало того, в моей записной книжке оказались послания, написанные ко всем тем лицам, от которых зависел или мог зависеть успех предпринятой поездки. Добрейший П. И. Пущин сожалел только об одном, что сам не мог ехать со мною вместе, так как торопился по делам в Тверь. Взамен себя он указал на тех лиц, которые могли мне быть полезны.

Дорога из Вышнего Волочка в Осташков (Морозовский лес близ Осташкова). Фотография. 1890

Заручившись таким образом всеми нужными указаниями, я добрался до Осташкова с вполне уже определившимся маршрутом, но выполнить его так, как предполагал и советовал П. И. Пущин, всё же не довелось.

Для поездки по озеру Селигер, а также по озерам Стерж, Овселук, Пено и Волго, вплоть до Верхневолжского бейшлота, мною была приобретена в Осташкове лодка и наняты гребцы. Предполагалось эту лодку перетянуть волоком через те семь верст, которые отделяют Селигер

[5] Ныне умерший. — *Прим. Вишнякова.*

Пущин Петр Иванович из дворян Осташковского у. Пущины в Осташковском у. владели имениями Максимово (Корнево), Абрамово (Ануфриево), Абрамово (Пущина Гора), Игнашево, Бурохино, Дубровка, Высокая, Дубок, Назарово, Петропавловское: ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 2258. Л. 3 — 3 об.; Д. 3231. Л. 3 — 4 об.

от Стержа, с помощью лошадей. Однако же и сама лодка оказалась совершенно неприноровленною по своей новизне к продолжительному плаванию, а главное, нанятые мною люди оказались еще и того менее приноровленными к должному воздержанию от лишней чарочки; эта неудача совершенно изменила мой маршрут и заставила меня воспользоваться как лодкой, так равно и людьми лишь для поездки по озеру Селигер; в деревне Слапущи я расстался и с судном, и с моряками.

Озеро Селигер имеет около 80-ти верст в длину и верст 30 в ширину; берега его очень извилисты, а указанные выше расстояния взяты по наибольшей длине и ширине озера. Между городом Осташковом и западным концом озера, где раскинулась деревня Слапущи, около 25—30 верст; расстояние это в хорошую погоду и при хорошо знакомых с озером здешних рыбаках-гребцах легко может быть пройдено в один день. На озере очень много островов, из которых самый большой Хочин[6] с несколькими расположенными на нем деревнями; он более других примечателен по сохранившемуся на нем хорошему хвойному лесу *Городовне*.[7] Лес этот, как и самый остров, принадлежит монастырю преподобного Нила Столбенского, а самая обитель расположена на острове Столбенском.[8] Озеро Селигер в общем довольно глубоко, а местами, по рассказам рыбаков, глубина его достигает даже 35-ти и 45-ти аршин. Вся окружающая Селигер местность покрыта большим количеством озер и болот. Некоторые из озер затянулись сплошною трясиною, и лишь небольшие окна, имеющие значительную глубину, свидетельствуют о бывшем существовании обильных вод. Как озеро, так равно и вся богатая водою окрестность его делают эту местность солидным резервуаром, спускающим избыток своих вод речкою Селижаровкою в Волгу у посада Селижарова.

Жители города Осташкова, а равно соседних с ним деревень, расположенных по берегам Селигера и по островам на этом озере, чуть ли не поголовно занимаются рыболовством; без всякого стеснения и ограничения во времени вылавливается здесь всякая рыбешка, и хищные промышленники не брезгуют даже крошечным мальком только что народившейся после весеннего нереста молоди. Удивляться надо, как

---

[6] О. Хачин на оз. Селигер, площадь более 3000 га, протяженность с севера на юг около 9 км, с запада на восток 6 км.

[7] Ошибка: хвойный лес растет на о. Городовня (Городомля) в 6 км к северу от Осташкова. Принадлежал боярину Б. Ф. Лыкову, подарен монастырю Нилова пустынь (1629); Гефсиманский скит для престарелых монахов. Шишкин написал здесь серию этюдов.

[8] Нило-Столобенская пустынь (Нилова пустынь), православный мужской монастырь на о. Столобный и частично на п/о Свéтлица, в 10 км от Осташкова. По дороге от Осташкова до монастыря около 25 км.

Остров Городовня на озере Селигер, принадлежащий монастырю Нила Столобенского. Фотография. 1890

из этого натурального садка еще не вычерпана вся рыба без остатка, но кто знает, в каком недалеком будущем это в действительности случится? Здешний рыбак, в особенности городской мещанин, за неимением другого заработка целыми сутками сидит на родном озере и беспощадно вылавливает всё, что попадается ему под руку, выпивая лишней стаканчик водки во время хорошего улова и недоедая во время дурного. Знает он озеро как свои пять пальцев, полюбовно разделил его между своею братиею, такою же, как и сам он, голытьбою, и, кажется, положительно не способен ни к какому иному самостоятельному труду. В зимнее непогожее время публика эта тянется к монастырю Нила Столобенского и безвозмездно получает там печеный хлеб, питаясь таким образом на счет монастыря, в который, с другой стороны, поступает масса пожертвований зерном и мукою после более или менее удовлетворительной жатвы.

Ежегодно к 27 мая, т. е. ко дню обретения мощей св. угодника, в монастырь стекаются тысячи богомольцев, и не только из ближних мест, но зачастую и из весьма отдаленных. Нам самим случалось встречать старух, которым, казалось бы, уж давным-давно пора сидеть на печи, а между тем плетутся они к празднику за 300—400 и даже более верст; идут большею частью поодиночке, редко по две, по три, питаясь впроголодь Христовым именем; доплетутся до обители, отдохнут там, жарко помолятся Богу в день Праздника и тою же дорогою,

когда отойдет праздник, возвращаются восвояси, не приставая назойливо за подаянием, которое — таков обычай — само предлагается им ради Христа.

К этому же празднику обретения мощей преподобного Нила Столобенского почти поголовно и все жители города Осташкова стекаются в монастырь вместе с крестным ходом и духовенством на барках, буксируемых и сопровождаемых массою рыбачьих лодок, переполненных народом.[9] В тихую, ясную весеннюю погоду это пестрая картина торжественна и красива. В высшей степени художественный и разнообразный материал представляет для бытового живописца и жанриста тот пришлый люд богомольцев, который к 27 мая буквально заполняет собою весь Столобенский остров.

Для осташковцев, не имеющих в своем тихом и сонном городке никаких особенных развлечений, посещение принадлежащего монастырю острова Городовни, да и самая поездка к нему в хорошую погоду должны бы, казалось, составлять не последнее удовольствие, но в действительности прогулки предпринимаются далеко не часто, и остров, несмотря на близость к городу и удобство сообщения, стоит большею частью безлюдным — пустынным. Весь он сплошь покрыт сосновым лесом, и лишь одна полуветхая избушка сторожа напоминает здесь о присутствии человека; о посещении же горожан можно догадываться по круглому столику со скамеечками, устроенными вблизи сторожки, конечно, не монастырскими чернецами. Остров дал мне удобное убежище во время непогоды, которая меня настигла на пути из Осташкова к Столобенскому монастырю. Из монастырской сторожки навстречу вышел приветливый мирянин, мужичок сторож, охотно предложивший мне свое гостеприимство, а мрачный сожитель его, монастырский послушник, вместо привета бормотал что-то суровое и, смотря исподлобья, творил молитву да отплевывался. Из расспросов оказалось, что этот подручный сторожа послушник немножко с придурью — иначе говоря, психически расстроенный человек. Такое сожительство простодушно и терпеливо переносится сторожем, хотя живет он здесь вместе с женою и малым ребенком, а потому должен пребывать постоянно начеку с неудобным соседом, назначенным ему в помощники. В середине острова большое тихое озеро, берега которого совсем затянулись порослью, и, пожалуй, недалеко то время, когда это озеро, наподобие многих иных, окружающих Селигер, превратится в трясучее болото.[10]

Берега озера Селигер однообразны и большею частью лишены растительности, только одинокие усадьбы да близлежащие деревни нарушают общий монотонный их вид. Когда-то здесь, говорят, сидел поме-

---

[9] Ср. путешествие И. Белова (*Тверь 1*, с. 316—319).

[10] Оз. Дивное с двумя маленькими островами.

Часовня над ключом, принимаемым за исток Волги. Фотография. 1890

щик, а теперь его не стало, и лишь одни разваливающиеся затейливые постройки, доставшиеся по нынешним временам в лапы зажиревшим кулакам, уныло напоминают о кипевшей здесь в былое время привольной барской жизни с домашними театрами, музыкой и другими затеями.[11]

Чтобы попасть к истоку Волги, к самой деревне Волговерховью, нужно проехать озеро Селигер по всей его длине и остановиться либо в деревне Подгорицы,[12] а оттуда на лошадях переехать те 15 верст, который отделяют ее от Волговерховья; либо надо пристать в деревне Слапущи, откуда всего каких-нибудь 7 верст до деревни Коковкино

[11] Усадьба Новые Ельцы (1800-е) Николая Яковлевича Толстого (1753—19.10.1813), см. путешествие Н. Я. Озерецковского (*Тверь 2*, с. 28—35), И. Ф. Тюменева. Под влиянием крепостного театра Толстых возник первый любительский театр в Осташкове: подростки Демидов и Трубицын, побывав в Новых Ельцах, устроили в Осташкове весной 1805 г. спектакль для детей, затем учитель М. Савич устроил детский театр в школе, тогда же возник Осташковский общественный театр. Накануне 1917 г. усадьбу купил банкир Нейгардт, планировавший создать здесь курорт. После 1917 г. в усадьбе существовал совхоз «Новые Ельцы». В 1923 г. имение было сдано в аренду коммуне студентов Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. Усадебный дом разрушен во время Великой Отечественной войны, восстановлен с искажением первоначальных пропорций (надстроены галереи). Воскресенский храм снесен. С 1946 г. в усадьбе находилась турбаза «Селигер» (с 2005 г. палас-отель «Селигер»).

[12] Д. Подгорье Осташковского у.

на озере Стерж. От Коковкина до истока по течению реки около 20 верст, а прямиком по отвратительной дороге не более 12—15-ти. Я избрал последний путь по указанию названного выше П. И. Пущина, имея от него записку к слапущанскому мужичку Иуде; его помощь требовалась для перемещения лодки с озера Селигер на озеро Стерж, а также и для приискания мне самому лошадей. С лодкой и людьми я расстался в Слапущах и тотчас же переехал с Иудою в Коковкино к местному рыбаку Смирнову. Рыболов и охотник, Смирнов оказался арендатором верхнего течения Волги. Арендная плата за право рыболовства положена ему весьма небольшая — всего несколько десятков рублей, да и тех, по рассказам Смирнова, не стоит платить за весенний лов, не выручающий часто и пустяшных денег. Весенний разлив Волги перед впадением ее в озеро Стерж Смирнов загораживает заколом и в поставленные его мережи ловит кое-когда язя, леща, окуня и щуку. К концу мая месяца лов почти прекращается. За два-три дня моего пребывания в Коковкине я видел пойманными только одного язя фунта в три да маленькую щучку. Весь предварительный улов засолен для семьи Смирнова, и стоящие тут же в доме с этим засолом бочки дают себя чувствовать отвратительным запахом. Вообще вылавливаемая в волжских озерах рыба заготовляется впрок, про запас, на зимнее время, и, как здесь ни близка вода и многочисленны рыбаки, ухою из свежей рыбы проезжему можно полакомиться не иначе, как заказав рыбаку доставить ее только что пойманною.

И из озера Стерж, точно так же как из Селигера, вылавливается масса молоди, величиною часто не более булавки. Эта рыбешка носит здесь название *остреченка*[13] и ловится самыми частыми неводами. Насколько много вылавливается ее здесь, можно судить уже потому, что в то время как закинутый невод вытаскивается на берег или в лодку, за ним идет масса остреченка, притягиваемая движением воды, а потому, вслед за первой тоней, сейчас же закидывается вторая, и рыба черпается неводами, словно ковшом.

От Коковкина к деревне Волговерховью можно добраться либо на лошадях, либо пешком; последнее много удобнее, а главное поучительнее для того, кто основательно хочет познакомиться с первыми шагами нашей великой реки. Торная дорога, по которой ездят здешние крестьяне, столь ужасна, что едва ли нечто подобное можно встретить в ином месте. Вся местность между деревнями Волговерховьем и Коковкином, т. е. тот район, который пробегает Волга от своего истока до впадения в озеро Стерж, в общем волниста, а в низменных местах болотиста. В этой местности то там, то сям просачиваются ручьи, разливающиеся в большие лужи, чрез которые проходит самая

[13] Остреченок — окунь-сеголеток на Селигере.

Деревня Волговерховье. Фотография. 1890

дорога. Мостов нет нигде, а чтобы не завязнуть в мягкой глинистой грязи, чрез речки и болота переброшены бревна разной длины и толщины, вовсе не скрепленные, частью намокшие и лежащие в воде, а частью плавающие на поверхности луж. Тут даже пешеходу приходится заниматься мудреною эквилибристикою, балансируя то на одном, то на другом бревне, а потому легко можно себе представить, каково приходится несчастной лошади, запряженной в тяжелую телегу, и мученикам, на этой телеге странствующим.

Деревня Волговерховье[14] раскинулась на небольшом бугре, выстроена в один порядок и спускается к самому болоту, из которого вытекает ручеек, уже носящий громкое название *Волги*. В деревне 25 дворов, построенных большею частью уже по освобождении крестьян; до этого здесь, говорят, было не более двух-трех жителей — крестьяне эти принадлежали казне и, получив надел, поделили его со своим выросшим потомством. Выстроились новые хаты, а земли между тем не прибавилось — стало тесно, и пошли волговерховенские мужики на дальние заработки — те, кто пошустрее; менее же предприимчивые арендуют землю у ближних помещиков на более или менее короткие сроки. Но далеко не лучше стало от такого положения ни помещикам,

[14] Д. Волговерховье (Волгино Верховье) Осташковского у., 42 км к северо-западу от Осташкова. Первый от истока мост через Волгу, деревянный, около 2 м в длину, известен с 1910 г.; первая от истока плотина через Волгу построена в начале XX в. Ольгинским женским монастырем; не сохранилась.

ни даже самой реке Волге; поредел на ней лес, поприбавились неприглядные пустыри и обмелело ее верховье. В здешней глуши помещик вряд ли знает свои угодья и заглазно отдает их в аренду. Вырубит крестьянин на арендованном участке лес, вывезет за зиму что поценнее, а остальное выжжет раннею весною; затем расковыряет землю кое-как косулею или сохою и понашвыряет в целину, удобренную пожогом, большею частью овес; этот последний дает в первый и даже на второй год урожай сам 10—15-ть, а потом земля истощается и бросается на произвол судьбы, впредь до нового облесения и новой, может быть подобной же, операции. В деревне весною редко встретишь взрослых мужиков и баб — дома остаются лишь старый, малый да хворый; всё же остальное копошится у земли за трудной работой, большая часть которой выпадает на долю женщины.

У самой деревни, внизу, в небольшой впадине, окруженной незначительными пригорками, покрытыми пашнями и густым березовым молодняком, находится небольшое топкое болото; имеет оно вид обыкновенной лужи, но на одном краю ее стоит одинокая часовенка, в весеннее время года совсем недоступная для осмотра. Часовня устроена, вероятно, не волговерховенскими мужиками, хотя им несомненно принадлежит забота о ее возобновлении. Говорят, здесь когда-то был мужской монастырь, давно уже упраздненный. Место его указывают на горе в самой деревне Волговерховье — там, где и стоит теперь одинокая часовня.[15] Весьма вероятно, монахи для водосвятия и добывания чистой воды на домашний обиход, найдя подходящий родник в близлежащем болоте, огородили его и устроили нечто вроде стоящей и поныне, несколько раз с тех пор возобновленной часовни. Словом, монахи едва ли придавали ключику то значение, которое он имеет теперь; равным образом можно предположить, что название монастыря перешло, по его упразднении, к существующей ныне деревне. Брошенные когда-то незатейливые кладки подняло весеннею водою и разнесло в разные стороны. Ключик доступен лишь после спада вод, и им волговерховенцы пользуются поздней осенью и в зимнее время. Говорят, в некоторые годы он высыхает совсем, и тогда крестьянам приходится ездить за водою в другой, тоже болотный родник, находящийся версты за две дальше; летом крестьяне обыкновенно довольствуются болотною темно-

---

[15] Волговерховский мужской монастырь Преображения Господня на горе Фавор (1649) сгорел (1724) и опустел. Строительство Спасо-Преображенского собора (1902—1912) в стиле московского Покровского собора на Красной пл. положило начало Волговерховскому женскому монастырю св. равноап. великой княгини Ольги (1912). Закрыт (1928), возобновлен (1999). Кроме собора, сохранились деревянная Никольская церковь и памятник Николаю Чудотворцу. Часовня регулярно возобновляется.

Ребятишки из деревни Волговерховье. Фотография. 1890

красною водою, которая в это время наполняет впадину, окружающую часовню. Незначительное по размерам болотце это, с скудным водою ключиком посередине, вряд ли может само по себе составлять исток и той даже речки, которая, принимая здесь громкое название Волги, идет до впадения в озеро Малый Верхит. Вернее полагать, что ключей, подобных тому, над которым поставлена часовня, в данной местности много; все они соединяются в одно болото, часть которого составляет лужу, разливающуюся у деревни Волговерховье; из нее же вытекает та маленькая интересующая нас речонка, первые шаги которой вялы, нерешительны и еле-еле заметны после весеннего спада вод.

Но уж несколько десятков сажень подальше Волга превращается в быстрый ручеек с твердым дном и с лежащими на нем кое-где каменьями, чрез которые вода энергично переливается. Затем левый, гористый берег понижается, и местность, по которой протекает речка, становится ровною с весьма малым падением. Быстро набежавшая вода приостанавливается, и Волга опять становится болотом, поросшим смешанным лесом с остатками пеньев, кореньев и всякого мусора. Стержень реки делается незаметным, и трудно уследить его по глухому топкому болоту. Кое-где лес редеет, река обозначается маленькими плесами, а эти последние друг от друга отделяются высокою сочною травою или повалившимися деревьями, которые доживают свой век под мягкой бархатистой зеленью мхов. Левый берег реки, прилегающий к владе-

Первые шаги Волги. Фотография. 1890

ниям ближней деревни Алексеевки,[16] весь обнажен от леса, а правый, огороженный прясламы, принадлежит помещице Вараксиной[17] и еще кое-как уцелел от опустошительной порубки. Лес — глухой, частый и путаный; местами в нем попадаются довольно солидные ели, ясно свидетельствующие, что, несмотря на сырую почву, и высокий лес мог бы здесь вырасти в защиту верховья реки от высыхания. Близ деревни Алексеевки вся низина реки покрыта сочною травою, и лишь несколько уцелевших берез в виде реденькой рощицы залиты в настоящее весеннее время водою. У Алексеевки левый берег опять становится гористым, но отходит далеко от реки; почва долины тверда, Волга разливается по ней в несколько ручьев, но вскоре опять затягивается болотом. В сопровождении же болота Волга добирается до озера Малый Верхит в виде неширокой, но довольно глубокой канавки, чрез которую кое-где переброшены кладочки. Проследить Волгу до самого

[16] Д. Алексеевка Осташковского у.

[17] Вараксины, владельцы усадьбы Ивановское Осташковского у. Сохранились главный дом и флигель (вторая половина XIX в.), хозяйственная постройка (нач. XX в.), фрагменты парка (кон. XVIII — кон. XIX в.): ГАТО. Ф. Р-1590. Оп. 1. Д. 375. Л. 127—127 об.; Ф. Р-835. Оп. 8. Д. 175. Л. 13, Л. 36 об.; Д. 207. Л. 47 об.; Тверской музей и его приобретения в 1898, 1899, 1900 и 1901 годах. Тверь, 1903. С. 14 (№ 9743, 9744).

Первый нагорный берег Волги. Фотография. 1890

озера можно только издали, так как берега озера топки; тем не менее видно, как Волга коснулась Верхита и чрез несколько сажень тотчас же выскочила, продолжая идти дальше почти рядом с берегом озера.

Малый Верхит[18] окружен лесом преимущественно по ту сторону, на этой же стороне, ближайшей к деревне Алексеевке, лишь кое-где удержались группы осин да у самой воды стелется мелкая поросль, всё же остальное срублено, сожжено, а почва распахана. Озеро Малый Верхит имеет почти круглую форму, не более версты в диаметре, и очень пустынно. Пройти по Волге у озера по тому болоту, которое разошлось вдоль ее берегов, довольно трудно; точно так же трудно сказать определительно, есть ли Малый Верхит самостоятельное озеро, образовавшееся из ключей, или просто представляет собою впадину, заполненную водою, натекающею из реки. Между Малым и Большим Верхитом — расстояние верст 3—6. От Малого Верхита Волга тянется узкою полоскою, прихотливо изгибающеюся и местами малозаметною в густо поросшей в ней траве, а дальше, вплоть до впадения Волги в Большой Верхит, раскидывается опять топкое болото, подходящее непосредственно к озеру. Никто не знает, где собственно идет струя воды, которую можно бы назвать рекою, и не составляет ли всё это пространство одно сплошное озеро, затянувшееся трясиною,

[18] Озз. Верхит Малый и Большой, Стерж в Осташковском у.

которая и составила перемычку между Верхитами? В это промежуточное между озерами болото впадают ручьи, летом, может быть, совсем высыхающие; более значительный из них, ручей Красный, пересекает дорогу из д. Коковкина в Волговерховье; он, говорят, сохраняет воду и в жаркое время года. Озеро Большой Верхит, оправдывая данное ему название, похоже на предыдущее своим видом, но больше его по величине. Если меньшее из них имеет в длину и ширину около версты, то большее никак не менее двух. Берега его точно так же покрыты лесом, который с левой стороны очень редок; прежде росший здесь лес сменили распаханные поля, большею частью уже заброшенные и предоставленные дальнейшему облесению. На этот раз облесение это окажется, может быть, более прочным благодаря новому закону, оберегающему леса в верховьях наших рек от беспощадного истребления. Из Большого Верхита Волга выходит заметной, довольно широкой канавой, но и здесь подойти к ее берегу нет никакой возможности из-за вязкого болота, поросшего высокой, шелковистой травой, чахлой березой и такой же осиной; где посуше и повыше, там засела и ель. Что Волга выходит из Большого Верхита, можно заключить по самой канавке, имеющей хотя и слабое, но заметное течение; оно-то и не дозволяет ей обратиться в болото, наравне с прилежащею местностью. Таким образом можно с точностью определить место выхода Волги из озера Большой Верхит, ме́ста же впадения никто не знает, так как оно ни в какое время года совсем незаметно. Сюда на челноках забираются местные рыболовы, которые, казалось, должны были бы знать довольно основательно как самое озеро, так равно и его берега, но и они равно ничего разъяснить не могут. Таким образом, остается лишь догадываться, что или Большой и Малый Верхиты составляют одно сплошное озеро, или Волга, по выходе из Малого Верхита, впадала когда-то в Большой Верхит непосредственно, минуя болото, но постепенно чистые берега ее затянуло толстым слоем травянистых зарослей, и часть поверхности речки превратилась в трясину.

Дальше берегом реки нельзя пройти за сплошным болотом, и приходится сворачивать в сторону на дорогу, которая ведет от Коковкина к Волговерховью. Проследовав чрез все трясины и ручьи этой дороги с ее невозможными гатями, мы вновь подходим к Волге близ первого чрез нее мостика, где она имеет уже вполне определившийся характер речки. Мостик этот расположен вблизи озера Стерж. Речка подходит к озеру, то прихотливо извиваясь малозаметным ручейком в густом еловом лесу, то быстро пробегая по открытой местности с нагорным левым берегом, то, наконец, лениво разливаясь широкими тихими плесами, поросшими кувшинками и мечником, среди лиственного леса. Эта более живописная часть Верхней Волги имеет вдоль берега проторенную тропинку; по ней можно удобно добраться до высокого курга-

Волга у деревни Алексеевки. Фотография. 1890

на, с которого открывается вид на озеро Стерж и на широкий разлив Волги, весь заросший густою болотною травой. Поперек разлива — Смирновский закол для весеннего лова рыбы. Озеро чисто, протянулось верст на 10 в длину при ширине с добрую версту и оживляется целым рядом деревень; кругом селения леса уж нет — всё начисто вырублено, и лишь кое-где небольшими рощицами обозначаются помещичьи усадьбы да погосты сельских церквей, а вдали от берегов Волги темной полосой синеет сплошной лес, Бог знает как уцелевший. Для дальнейшего путешествия по озерам вплоть до Верхневолжского бейшлота мне опять пришлось купить лодку и подрядить гребцов, хорошо знающих как воду, так и окрестные берега. Всё это проще и дешевле сделать в Коковкине, на самом Стерже, а переезд из Осташкова до деревни Слапущи по Селигеру практичнее совершить в наемной лодке.

Для желающих последовать моему примеру и совершить описываемую экскурсию прибавлю, что купленную в Коковкине лодку можно продать там, где в ней более не окажется надобности, и чем ниже по Волге, тем выгоднее. В общем всё путешествие от Петербурга до Осташкова, по Селигеру, к Коковкину и Волговерховью и, наконец, вниз по озерам и вплоть до города Ржева, а оттуда по железной дороге обратно до Питера, обойдется около 100 рублей. Времени подобная экскурсия требует не более двух недель.

Но обратимся опять к озеру Стерж и впавшей в него Волге.

Весенний разлив Волги по лугам деревни Алексеевки. Фотография. 1890

По рассказам местных жителей, Волга проходит чрез озеро почти посредине и, имея темно-красный цвет воды, не смешивается с водами самого озера, а в тихую погоду ясно на нем обозначается темной лентой. Возможно, что самое название Стержа озеро получило вследствие того, что в нем заметен стержень реки. В озеро Стерж с западной стороны впадают две речки: Песчинка и Синчина; по ним в весеннее время сплавляются лесные гонки, которые, по входе в озеро, связываются в более солидные караваны и спускаются вниз вплоть до бейшлота. Такие же гонки леса и дров, но в больших размерах, идут по рекам Руне, Куди, Жукопе и другим, впадающим в Волгу и озера. Много народа чуть ли не целое лето копошится на этих гонках; много народа работает также и в зимнее время в лесах при заготовках и рубке. Уходит этот народ из ближних и дальних деревень от родной хаты и семьи в надежде на хороший заработок, но редко кто сберегает трудовую копейку и приносит ее домой: богатеют на ней попутные кабаки да балуется сам труженик.

В течение весеннего разлива и летом вплоть до осени, вследствие задержки воды у шлюза, устроенного на Волге, при выходе ее из озера Волго, воды Стержа сливаются с следующим озером Овселук,[19] и текущая между ними Волга становится незаметной; точно так же незаметны

[19] Озз. Всéлуг, Пено, Волго, рр. Руна, Жукопа, см. путешествие Боголюбовых.

Рыболовный закол при впадении Волги в озеро Стерж. Фотография. 1890

переходы Волги в озера Пено и Волго — всё это пространство представляется одним сплошным озером. Тотчас же по выходе из Стержа река Волга принимает в себя значительный приток — реку Руну, длина которой превышает длину самой Волги до взаимной их встречи почти вдвое. Река эта, начинаясь почти на границе Новгородской губернии, проходит чрез несколько озер, принимает в себя много ручьев и речек, бегущих из окрестных болот, и приносит таким образом в Волгу немалый запас воды. Но несмотря на свою длину, Руна далеко не имеет того для Волги значения, какое на нее оказывает ниже впадающая река Жукопа. На берегах Руны когда-то рос сплошной строевой лес, остатки которого ныне с лихорадочною поспешностью сводятся лесопромышленниками, вступившими в сделки с помещиками до выхода охранительного лесного закона.

Чрез Волгу у погоста Ширково[20] устроен уже настоящий мост на сваях, с подъездными дамбами с обеих сторон. Непосредственно за мостом река впадает в озеро Овселук и теряется в нем, равно как

[20] Ши́рков погост основан у протоки между озз. Стерж и Вселуг на дороге в Новгород. В XVIII в. сц. Ши́рково рядом с погостом, в XIX в. владельческая д. Наумово Село (в 1889 г. 17 дворов, 167 жителей), ныне с. Ширково Пеновского р-на. Церковь Иоанна Предтечи (1697), летний храм, деревянная, многоярусная, из трех уменьшающихся с высотой четвериков, перекрытых вось-

Озеро Стерж. Фотография. 1890

и в соседнем — Пено. Берега Овселука однообразны, мало возвышенны и покрыты с восточной стороны кое-где уцелевшими еловыми рощицами, а с западной порослью лиственного молодняка. Почти посредине Овселука на маленьком островке приютился монастырь Ново-Соловецкая пустынь во имя преподобных о. Зосима и Саватия, по-местному *Божье дело*.[21] Монастырь этот составляет филиал, или отдел, Ниловского Столобенского. Монахов здесь всего 10 человек, посылаемых сюда на исправление за провинности. На маленьком монастырском острове уцелели старые дубы и вязы, есть также небольшая сосновая рощица; в общем — это приятное пятнышко на однообразном просторе Овселука, ширина которого здесь доходит до трех верст. В озере ловится ряпушка, которой нет ни в Стерже, ни в Пено. Рыбаков здесь также много, и повсюду торчат из воды палки их бесчисленных мереж.

мискатной кровлей. Каменный (1913) зимний храм по архитектуре близок церкви Ольгина монастыря в Волговерховье.

[21] Новосоловецкая пустынь при Ниловой Столобенской пустыни (1701) на о. Малосоловецком (Божье Дело). Основана иноком Иоилем, упразднена (1764), приписана к Ниловой пустыни, закрыта (1930-е), не сохранилась. Церковь Троицы Живоначальной (1730—1753), каменная, с приделами Покрова и Зосимы и Савватия, на месте деревянной. Разрушена (1930-е). На острове 4 дуба 500—550 лет, вековые сосны, ряд елей и берез.

Берег озера Пено у деревни Гришино. Фотография. 1890

При соединении Овселука с озером Пено с западной стороны впадает река Куть,[22] по которой идет масса лесных гонок. По рассказам местных жителей, река Куть обильна водою, принимает в себя немало речек и проходит по лесистой местности. Через перемычку, соединяющую озеро Овселук с Пено, у селения Овселук[23] возведен на сваях постоянный мост длиною уже с целую версту. Мост этот — на почтовом тракте, идущем из г. Холма в г. Осташков.[24]

Берега озера Пено поросли густым лесом, часть которого, затопляемая водою разлива, усохла и, попадая в воду, засорила берега на большом пространстве, — благодаря этому переезд по озеру во время ветреной погоды небезопасен. Само озеро очень мелководно. Волга по выходе из него также загромождена повалившимися деревьями; к осени,

[22] Р. Кудь, правый приток Волги (длина 39 км), исток оз. Витьбино, притоки: Половизьма (Мостовлянка), Половка, Пучинка.

[23] Д. Вселуки (погост Овселуг) Пеновского р-на. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы (1830—1844, арх. А. А. Трофимов), каменная, с приделами Никольским и Пятницким, одноглавый восьмерик на четверике. Построена на средства помещиков Квашниных и прихожан вместо прежней деревянной холодной церкви (1742), сгоревшей в пожаре. Закрыта (1960-е), возобновлена (1994). В 1859 г. в деревне 14 дворов, 56 мужчин, 64 женщины.

[24] Г. Холм Новгородской губ., в 201 км к югу от Великого Новгорода.

по спаде воды, она принимает вид реки и идет очень извилисто вплоть до впадения в озеро Волго.

Тотчас по выходе из озера Пено Волга с правой стороны принимает обильный водою приток Жукопу, впадающий в нее широким и быстрым потоком. Течение Жукопы столь сильно, что раннею весною, во время ледохода, приток преодолевает движение самой Волги к озеру Волго, поворачивая ее на время вверх, опять к озеру Пено. Между озерами Пено и Волго берега Волги вообще лесисты и доселе сохранили дикий вид. По разливам в прибрежных лесах выводится масса уток, и охота на них является для местных поселян хорошим подспорьем к рыболовству. Прекрасные береговые луга, затопляемые водами разлива от запруды бейшлота, мелеют только к концу августа; не ранее 15-го числа начинается здесь косьба грубой осоки — в эту последнюю, за долгим стоянием под водою, обратилась росшая здесь до устройства бейшлота прежняя шелковистая трава. Почти в середине между озерами Пено и Волго разлив Волги суживается и в ширину не превышает 200 шагов. Масса плотов скучивается на этом узком месте, и переезд по реке затрудняется, особливо в праздничное время, когда рабочий люд разбредается по окрестным деревням и некому помочь протиснуть лодку. Дальше река образует несколько широких плесов и протекает чрез маленькие озерца Ясенское и Волосце; по выходе из последнего она вскоре вливается в более всех предыдущих широкое озеро Волго, а затем поблизости мы видим и довольно примитивное инженерное сооружение — бейшлот.

Бейшлот[25] собственно устроен для урегулирования уровня Волги между Тверью и Рыбинском и имеет целью задерживать большой запас воды. На запрудах бейшлота сохраняются все вешние волжские воды в течение всего периода судоходства вплоть до глубокой осени. Когда в воде не встречается уж более надобности, а именно в октябре, бейшлот открывается на зиму и только вслед за весенним вскрытием рек запирается вновь. Бейшлот имеет три пролета, загороженных деревянными щитами. Подъем и опускание щитов производится с помощью вращания огромных деревянных колес, целый ряд которых устроен по верху запруды, вдоль которой проложена проезжая дорога. При мне был открыт один средний пролет, и чрез него постоянно пропускались гонки леса и дров, которых скопилось немало по всей Волге от самого выхода ее из последнего озера. Здесь, впрочем, всегда идет деятельная работа: большие караваны леса, медленно передвигаясь по выше лежащим озерам и соединяющей их Волге, у бейшлота, для прохождения чрез него, разбиваются на отдельные звенья, по нескольку бревен в каждом, и спускаются по очереди в быструю струю открытого шлюза; за шлю-

[25] О Верхневолжском бейшлоте см. в путешествии Боголюбовых.

Мельница на роднике. Фотография. 1890

зом звенья связываются опять заново и идут по Волге, передвигаясь уже одною силою ее течения, тогда как вплоть до бейшлота их приходится протаскивать с помощью каната с якорем, то завозимым вперед, то вытаскиваемым по вороту, устроенному на носу каравана.

Чрез бейшлот в последние годы идет особенно много леса: с 10 мая по Петров день проходит от 100 до 500 000 бревен и до 20 000 куб. сажень трехполенных дров. Ниже бейшлота Волга принимает вид реки или, скорее, канала — столь однообразно высоки и ровны здесь оба ее берега. Этот характер Волга удерживает вплоть до Селижарова посада,[26] где, приняв в себя речку Селижаровку,[27] она становится шире и быстрее, сохраняя, впрочем, и далее унылое однообразие голых берегов. Лишь кое-где один либо другой берег покрыты лесками, деревушками и селами. Вблизи реки попадаются одиноко стоящие мельницы, работающие на воде запруженных ключей, сбегающих в Волгу;

[26] Пос. Селижарово (1504) на Волге в устье рр. Селижаровки и Песочни, 189 км к западу от Твери. До 1764 г. владение Троицкого монастыря. Церковь Петра и Павла (1610), руинированные остатки монастыря, церкви Воскресения Христова (1763—1854), бытует предание о существовании подземного хода от храма на другой берег Волги.

[27] Р. Селижаровка, левый приток Волги, длина 36 км, исток в юго-западном конце Селижаровского плеса Селигера. Притоки — Тихвина и Сижина (оба левые).

Река Волга близ Ржева. Фотография. 1890

деревни же почему-то отходят вдаль, и их не встречается у берега, как мы часто видели раньше.

То там, то сям протянуты канаты, по которым передвигаются паромы. Уцелевшие усадьбы ре́дки, а еще реже попадается помещик, живущий в своих родовых владениях; в имениях же, перешедших в руки купцов, усадьбы неузнаваемы: то, что их скрашивало — сады и парки, повырублено, дома заброшены, а понастроенные вновь клетушки мало напоминают прежних бар.

Далее Волга делается всё шире и шире и становится всё более похожею на ту могучую руку, которая, пробежав 3,5 тысячи верст, вливает наконец свои воды, соединенные с водами мощных притоков, в Каспийское море.

На этом и прекратилась наша экскурсия.

Разумеется, экскурсию можно было бы продолжить куда дальше. Долгий и разнообразный Волжский путь давно ведь ждет верного и картинного описания — задача почтенная и трудная, ибо только тот правдиво и успешно осилит это дело, кто, имея в своем распоряжении время, средства и уменье, пойдет по реке, шаг за шагом, и нанижет все свои впечатления вместе с запасом полученных сведений в одно грандиозное, красивое, стройное целое, а главное — кто ко всем дорожным невзгодам отнесется со снисходительностью и к собираемым сведениям — с должными любовью и беспристрастьем.

Приложение

И. И. Шишкин

Шишкин Иван Иванович (25.01.1832—8.03.1898), художник-пейзажист, рисовальщик, гравер-аквафортист. Академик (1865), профессор (1873), руководитель пейзажной мастерской (1894—1895) Императорской Академии художеств. Член-учредитель Товарищества передвижных художественных выставок. Регулярно выезжал на этюды в Поволжье, Белоруссию, Нарву, Олонецкую, Вологодскую губ., на Карельский перешеек. В мае 1890 г. вместе с Е. П. Вишняковым предпринял экспедицию к истокам Волги, художественные результаты которой представил в 1891 г. на персональной выставке. Шишкин отмечал: «Малочисленность этюдов с верховьев Волги была обусловлена как не совсем благоприятной погодой во время поездки (стояли холода), так, в особенности, чрезвычайно дурными дорогами для проезда к верховьям. Приходилось с большим трудом подвигаться по топям, болотам и грязям при почти полном безлюдье этой стороны» (Выставка в Императорской Академии художеств этюдов, рисунков, офортов, цинкографий и литографий И. И. Шишкина, члена Товарищества Передвижных художественных выставок. 1849—1891 гг. СПб., 1891. С. 28). У истоков им написаны картины «Лесная глушь в начальном течении Волги», «Первый мост через Волгу», «Часовня над ключом, дающим начало Волге», серия этюдов. Шишкин высоко ценил фотографию как средство изучения натуры. Применение фотографической техники стало оригинальной особенностью его педагогической системы. Одному из учеников он писал: «Я хочу вам дать совет капитальный, на котором зиждется вся премудрость изучения природы или натуры, как говорят, а также и тайны искусства и особенно техники живописи, — это фотография. Она единственная посредница между натурой и художником и самый строгий учитель, и если вы разумно поймете это и займетесь с энергией изучением того, в чем вы себя чувствуете слабым, то я вам ручаюсь за скорый успех... В одну зиму работы разумной с фотографии можно научиться писать и воздух, т. е. облака, и деревья на разных планах, и даль, и воду — словом, всё, что вам нужно. Тут можно незаметно изучить перспективу (воздушную и линейную) и законы солнечного освещения и проч. и проч. Если вы это поймете и последуете моему совету, то вы быстро научитесь и писать и рисовать, а главное, разовьете и облагородите ваш глаз и прочее... / А практически делается вот так: берется по вашему вкусу хорошая фотография или только часть из нее, вам нужная, и, дабы хорошо видеть и понять, нужно взять лупу или стекло увеличительное. С фотографии, кроме рисования каранд<ашом>, нужно писать краской, одним тоном, в тон примерно фотографии. На палитре составляют шпателем тона, сначала положить самый темный; потом полутона и так

далее до самого светлого, и все эти тона кучками должны быть заранее на палитре готовы (контур обязательно обводят чернилами или тушью)» (1896). Текст печатается по изд.: Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике / сост. и вступ. статья И. Н. Шуваловой. Л.: Искусство, 1978. № 165, 169, 175 (Мир художника).

Из переписки

И. И. Шишкин – Е. М. Хруслову[28]

<Петербург.> 4 апреля 1890

Добрейший Егор Моисеевич, <...> к Вам просьба. Вы как-то говорили, что знакомы с Морозовым[29] — владельцем лесов и вод на истоках Волги, нас едет туда почти целая компания, в числе коих и Репин.[30] Нельзя ли будет заполучить от владельца что-либо вроде открытого листа, что ли, или вообще каких-либо практических сведений, которые нам очень необходимы, потому что мы не имеем ничего, почти никак<ого> понятия о местности, кроме Ниловой пустыни (и то только знаем название), — если можно, Егор Моисеевич, спросите и сообщите нам.

---

[28] Хруслов Егор Моисеевич (1861–1913), живописец, пейзажист. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Участвовал в XVII и XVIII передвижных выставках. Был уполномоченным Товарищества передвижных художественных выставок по организации выставок, хранителем Третьяковской галереи (1899–1913).

[29] Морозов Михаил Абрамович (7.08.1870, Москва — 12.10.1903, там же), купец, предприниматель, коллекционер и меценат, муж меценатки и хозяйки московского литературно-музыкального салона М. К. Морозовой, отец ученого-шекспироведа М. М. Морозова и пианистки М. М. Морозовой (Фидлер). Директор Товарищества Тверской мануфактуры (см. путешествие М. И. Семевского). Литератор, художественный критик, общественный деятель. Хруслов обучал живописи М. А. и И. А. Морозовых в их имении Поповка Тверского у. и во время путешествия 1889 г. по Волге и на Кавказ (*Семенова Н. Ю.* Морозовы-коллекционеры // Морозовские чтения – 1998 . Богородск: Богородский печатник, 1998 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bogorodsknoginsk.ru/arhiv/chteniya98/. Дата обращения: 12.06.14. Загл. с экрана). Общение с московскими художниками продолжилось и в дальнейшем: при покупке картин М. А. Морозов пользовался консультациями В. А. Серова и С. А. Виноградова.

[30] Репин Илья Ефимович (1844–1930), художник, мастер портрета, исторических и бытовых сцен, академик (1876), действительный член (1893), профессор (1893) Императорской АХ; член Товарищества передвижных художественных выставок (1874).

И. И. Шишкин – Е. М. Хруслову

<Петербург.> 11 мая 1890

Егор Моисеевич, <...> несказанно Вам благодарен за Ваши хлопоты по предполагаемой нашей поездке.[31] Вы дали сведения уже достаточные, чтобы не заблудиться и иметь местами даже приют. А если г. Савельев будет так добр, пришлет нам маршрут, то это будет совершенно достаточно. Памятную книжку Т<верской> г<убернии> мы выпишем.

А Репин, кажется, нас поднадует, он едва ли поедет[32] — ну, всё равно, мы трое едем непременно.

Сказать точно, когда выезжаем, не могу. Примерно от 20 до 25 мая. Ищем 4-го компаньона вместо Репина, да всё нет желающих. А троим не всегда удобно располагаться на наших доморощенных экипажах.

И. И. Шишкин – Е. М. Хруслову

Питер. 20 апреля 1891

Добрейший многоуважаемый Егор Моисеевич, <...> позвольте Вас поблагодарить, хоть и поздно, за Ваше доброе участие в нашем путешествии по верховьям Волги, которым мы с Вишняковым не умели воспользоваться, и благодарить гг. Морозовых за готовность сделать всё от них зависящее, короче сказать, мы не успели и не доехали до имения Морозовых,[33] закончили наш путь Коковкином.

---

[31] Благодаря Хруслову Шишкин получил письмо Якова Федоровича Гартунга (1841–1900), директора правления Товарищества Тверской мануфактуры, члена Общества любителей художеств: «Москва 22 мая 1890. Товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий. Правление. Москва. В Селижаровскую контору лесных операций Товарищества Тверской мануфактуры. Приказчикам зашлюзных рощей Крупскому, Щербакову и другим. Правление поручает вам принять сего Ивана Ивановича г. Шишкина и его товарищей, показать им лес и озера во владениях Товарищества, предоставив им помещение в лесных конторах и все возможные удобства. Директор Я. Гартунг» (Иван Иванович Шишкин. Переписка. № 169, прим.).

[32] Репин в мае 1890 г., работая над картиной «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», поехал на юг по Волге, далее по Дону в Крым и затем в Одессу.

[33] В Осташковском у. Морозовым принадлежали усадьбы Ворошилово, Колпино, Меглино, Ильинское, Морозово; о какой именно усадьбе идет речь, неясно. Кроме того, Морозовы владели упомянутой выше Поповкой и усадьбой Мигалово Тверского у., усадьбой Дорогань Бологовского у. (ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 112; Ф. Р-835. Оп. 8. Д. 175; Оп. 2. Д. 62; Ф. Р-836. Оп. 1. Д. 129; Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 37; Список населенных мест Новгородской губернии. Новгород, 1909. Вып. 5: Валдайский уезд. С. 58–59).

И. Ф. Тюменев

[1892, 1893, 1899]

Тюменев Илья Федорович (1855–1927), либреттист, библиофил, художник, земский деятель, коллекционер. Из семьи богатых рыбинских купцов, детство и юность провел в Петербурге. С осени 1866 г. учился в Торговой школе Видемана, через несколько месяцев перешел в другое учебное заведение, где, видимо, стал заниматься музыкой. В 1875–1876 гг. брал уроки музыки у Н. А. Римского-Корсакова, с которым поддерживал дружеские и творческие связи, написал либретто для ряда его опер (в том числе «Царской невесты»); сочинял романсы, церковную музыку, написал оперу «Еретики», перевел либретто опер К. В. Глюка («Орфей»), В. А. Моцарта («Дон Жуан»), Р. Вагнера. В 1880–1888 гг. учился в Императорской Академии художеств. Незаурядные способности к рисованию использовал в своих поездках по России, Западной Европе, Сирии, Палестине. Написал нескольких повестей (в том числе «Халдей. Повесть из новгородского быта XV века», 1903), воспоминания о художнике А. П. Рябушкине. Совершил несколько путешествий по Тверской губернии. Путевые заметки «В верховьях Волги» посвящены поездке летом 1892 г. от Валдая на Селигер. В 1893 г. Тюменев путешествовал по Волге от Ржева до Углича (Исторический вестник. 1896. Т. 63, 64; сокр. вариант: Зубцов и Старица: путевые заметки // Нива. 1895. № 25. С. 585–591). Тверские впечатления Тюменева отражены и в очерке «От Тихвина до Весьегонска». Текст печатается по изд.: Тюменев И. Ф. 1) В верховьях Волги: путевые наброски // Исторический вестник. 1894. Т. 56. № 4. С. 128–160; № 5. С. 435–461; № 6. С. 679–707; 2) От Ржева до Углича: путевые наброски // Исторический вестник. 1896. Т. 63. № 1. С. 184–216; № 2. С. 525–557; № 3. С. 909–933; Т. 64. № 4. С. 185–214; 3) От Тихвина до Весьегонска: путевые наброски // Исторический вестник. 1899. Т. 76. № 4. С. 190–195. В оформлении использованы рисунки А. П. Рябушкина, В. П. Павлова, В. В. Беляева и И. Ф. Тюменева, сделанные во время описанных в тексте путешествий. Часть рисунков В. П. Павлова республикуется в путешествиях А. Дюма, М. И. Семевского, Н. П. и А. П. Боголюбовых.

1892. В верховьях Волги

В Тверской губернии лежит большое, многоразветвленное и с многочисленными островами озеро Селигер, почему-то принимаемое многими, иногда по-видимому просвещенными лицами нашего общества, за исток Волги, между тем как даже непросвещенный люд, живущий по Селигеру и в его окрестностях, знает очень хорошо, что начало Волги не здесь. Однако отсюда недалеко уже и до истока Волги.

Рагозин. Волга[1]

I. До Полнова

— Как нам поближе проехать на Селигер? — спросили мы в Валдае[2] нашу любезную хозяйку Авдотью Васильевну Шишову, содержательницу единственной в городе меблированной комнаты для приезжающих.

— Вам надо до Полнова ехать; все богомольцы от нас к Нилу угоднику[3] этою дорогою ходят.

— А дальше?

— А дальше в лодках едут до монастыря. Полново-то на Селигере стоит. Там мужички и лодки держат для богомольцев.

— А сколько верст отсюда до Полнова?

— Наверно не могу сказать, не бывала, говорят, верст 50, не больше.

Послали за содержателем почтовой станции; но объявленная им цена показалась дорогой даже самой хозяйке. Она решила позвать вольных ямщиков, и вот по площади потянулись к нашему дому личности в армяках и сибирках, судя по их степенной походке, чаявшие от нас великие и богатые милости.

Дверь отворяет первый ямщик.

— Вам лошади?

— Да.

— Троечку-с?

— Троечку.

---

[1] *Рагозин В. И.* Волга. СПб., 1880. Т. 1. С. 1. Рагозин Виктор Иванович (1833—1901), инженер, предприниматель, нефтепромышленник, писатель. Исследовал бассейн Волги, из 10 т. в печати появилось три: «От истока Волги до слияния ее с Окою», «Волга от Оки до Камы, включая оба притока», «Низовья Волги» (СПб., 1880—1881), неизданные тома — описание промышленности Волжского бассейна. О плане издания см.: *Рагозин В. И.* Волга. Т. 1. С. II.

[2] Г. Валдай Новгородской губ., 94 км от Вышнего Волочка, на границе с Тверской губ.

[3] Нил угодник — прп. Нил Столобенский.

— В Полново?

— В Полново.

— Так-с!

Пауза. Ямщик хмурит брови, сосредоточенно смотрит в пол, точно решая какой-то вопрос, и вдруг встряхивает волосами.

— Что ж, можно-с, — объявляет он и заламывает такую цену, какую только русский человек в состоянии заломить.

Начинаются объяснения, уговаривания, доводы, «резоны» с уходами и возвращениями, но дело все-таки оканчивается ничем.

Зовем другого.

— Вам троечку-с?

— Тройку.

— До Полнова-с?

— Да.

— Так-с!

Опять пауза и буквальное повторение предыдущего.

За вторым ямщиком является третий, четвертый, пятый; время идет, а дело ни на шаг не двигается: очевидно, ямщики сговорились «прижать» нас как следует.

Наконец, вбегает сияющая Авдотья Васильевна и с торжеством заявляет, что сюда идет ямщик хороший, добросовестный, которого она смело может рекомендовать.

Ямщик действительно оказался прекрасным, но, к сожалению, у него не было лошадей: все находились в разгоне. Авдотья Васильевна повесила голову.

Было уже 4 часа дня, а до Полнова один ямщик считал 57 верст, другой — 58, третий — 59, а четвертый — все 60. О том, чтобы добраться засветло, уже не могло быть и речи, и мы помышляли только, как бы выбраться из Валдая, не поддавшись слишком бесцеремонной ямщицкой эксплуатации.

Вдруг добросовестного ямщика озарила мысль.

— Вот что, господа, я вам посоветую, — воскликнул он. — С ними дел не сделать, а вы лучше пугните почтового.

— Как пугнуть?

— А вот как: потребуйте коней только до Ивантеева — это немножко ближе, чем полдороги, — туда он обязан отвезти за прогоны,[4] а там, скажите, любого мужичка наймем, а ты сиди, мол!

Позвали опять почтового, пугнули, и через четверть часа к дому уже подкатил громадный тарантас, похожий на петербургские мясные телеги, к довершению сходства выкрашенный в красную краску.

---

[4] Прогоны — деньги, выдаваемые чиновникам и военнослужащим на разъезды, вычисляются по количеству верст, лошадей, чину, классу и должности проезжающего.

Нас было четверо,[5] но в тарантасе хватило бы места и на шестерых.

— Город Валдай — что спросят, то и отдай! — проворчал один из моих спутников, когда мы миновали последние домики предместья.

За городом ямщик указал нам влево от дороги часовню Козьмы и Дамиана.

— Тут у нас чудо было, — начал он. — На этом выгоне скот городской пасется, и есть на нем ключ; вот где часовня поставлена, тут пастухи скотину поят. Вот только раз — часовни тогда еще не было — случился на скотину мор, чудо как-то выходило: которая корова из этого ручья попьет, к вечеру и ноги протянет. Думали, думали, взяли ключ вычистили и часовню Кузьме-Демьяну поставили. С тех пор и язву, полно, как рукой сняло.[6]

Верстах в четырех от Валдая, среди холмистой, возвышенной местности, перед нами развернулась красивая панорама. Впереди на пригорке показался небольшой монастырь, за ним утопающий в зелени уголок озера, а далее, по берегу, село с каменной церковью.

— Короцкое,[7] — заметил ямщик.

Это имя заставило нас еще внимательнее отнестись к окружающей местности: кроме своей живописности, она имеет и историческое значение. На месте бывшего перед нами монастыря, основанного в 1864 году, стояла в старину Покровская обитель, но в Смутное время шведы разорили ее до основания; часть оставшегося после нее материала была употреблена в дело постройки нынешних монастырских зданий.

Село Короцкое имеет еще более важное значение. Здесь в 1724 г. у бедного причетника Савелия Кириллова Соколова родился сын, которому суждено было сделаться одним из ярких светильников нашей православной церкви, — св. Тихон Задонский, епископ Воронежский и Елецкий.[8] В селе, неподалеку от каменной церкви, существует дру-

---

[5] С Тюменевым путешествовали художники: Рябушкин Андрей Петрович (17.10.1861—27.04.1904), Беляев Василий Васильевич (14.01.1867—19.02.1928), Павлов Василий Петрович (р. 1861).

[6] Источник свв. Косьмы и Дамиана в Валдае на Богомольной горе. По преданию, открыт паломниками Иверского Валдайского монастыря. Первоначально на ключе был сооружен небольшой сруб, позже часовня. Место, где богомольцы служили первый молебен, отдыхали и утоляли жажду, называлось Богомолкой. Тюменев приводит одну из легенд, связанных с историей источника.

[7] Д. Короцко Валдайского у., на западном берегу оз. Короцкого, к югу от Валдая. Впервые упоминается в писцовых книгах Деревской пятины как Короцкий погост. Покровский монастырь (деревянный храм, между 1629 и 1644; церковь свт. Николая Мирликийского, после 1650; упразднен после 1718).

[8] Тихон Задонский (1724—1783), богослов, религиозный писатель, архимандрит ряда монастырей, епископ Ладожский и Кексгольмский (1761—1762), Воронежский (1763—1767). В работах «Об истинном христианстве» (1770—1771),

Село Короцкое. Родина святого Тихона Задонского. Рисунок. 1892

гая — деревянная обветшалая, в которой мальчик был окрещен с именем Тимофея, в которой он потом пел и читал на клиросе и подле которой похоронен его отец, оставивший после себя большую семью в самой печальной, почти нищенской обстановке. «Как я начал себя помнить, — рассказывал впоследствии св. Тихон своему келейнику в Задонске,[9] — в доме при матери нашей было нас четыре брата и две сестры; отца своего я не помню. Старший брат был дьячком, средний взят в военную службу, а мы все еще малы были и жили в великой бедности, так что нуждались в дневной пище. В нашем приходе был ямщик богатый, но бездетный. Он часто приходил к нам и полюбил меня. Не раз он просил меня у матушки: „Отдай мне Тиму своего; я воспитаю его вместо сына, и всё мое будет принадлежать ему“. Жаль было матушке отдавать меня, но крайний недостаток в пропитании заставил ее согласиться, и она повела меня за руку к ямщику. Старшего брата в то время не было дома, но возвратившись и узнав от сестры, что матушка повела меня к ямщику, он бросился за нами и, став на колени, стал умолять матушку: „Куда вы ведете брата? Не хочу я, чтобы

«Сокровище духовное, от мира собираемое» (1777—1779) осмыслял явления действительности в свете религиозного опыта. Сочинения перекликаются с произведениями Г. Р. Державина, А. Н. Радищева, Д. И. Фонвизина. Тихон Задонский отразился в творчестве И. В. Киреевского, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского (прототип старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»).

[9] Цитата из кн.: *Чеботарев В. И.* Записки келейника: материалы для жизнеописания святителя Тихона, епископа Воронежского // Православное обозрение. 1861. № 7. С. 303—305.

брат был ямщиком; лучше сам пойду по́ миру, а не отдам ямщику; постараемся выучить его грамоте, тогда он может определиться в пономари или дьячки“. Матушка вернулась домой». Стоя на коленях, проситель и не знал, какую услугу оказывает он русской церкви, сохраняя для нее своего дорогого Тиму. Бедность в семье была страшная.

«Бывало, — продолжает святитель, — как в доме есть нечего, так целый день бороню пашню у богатого мужика, чтобы только хлебом меня покормили».

Когда мальчику исполнилось 11 лет, его отдали в духовное училище в Новгороде, где около этого времени брат его получил место псаломщика. Хотя Тимофей в числе лучших учеников был принят на казенное содержание, бедность и здесь давала о себе знать. «Бывало, как получу хлеб, — говорит он, — половину оставлю для себя, а другую продам и куплю свечу; с нею сяду за печку и читаю книжку. Товарищи мои, богатых отцов дети, найдут отопки лаптей моих и начнут смеяться надо мною и лаптями махать на меня, говоря: „Величаем тя, святителю!“» В 1759 году он был уже архимандритом Желтиковского монастыря близ Твери, а в 1761 — викарием новгородским и, встреченный при въезде в город местным духовенством, своими бывшими сверстниками, с улыбкою заметил, что их лапотки и вправду оказались пророчеством.

Вскоре после открытия мощей св. Тихона основан в честь его вышеупомянутый женский монастырь-община. Каменная церковь в селе построена сравнительно недавно, в 1823 году.

Следующая за Короцким деревня Бор очень красиво расположена на горе с крутым подъемом. Места вообще очень высокие: то и дело открываются синеющие на горизонте лесные дали, раскинутые на несколько десятков верст; посреди зелени более близких лесов, точно зеркальная сталь, там и сям блестят озера. Воздух прекрасный, и грудь как-то особенно легко дышит на этом широко раскинутом раздолье.

Солнце уже начинает склоняться к западу.

Вот и Ивантеево, спасшее нас в Валдае; думали из благодарности сделать в нем привал, но ямщик заметил, что проехали только 24 версты, и посоветовал остановиться в следующей деревне Новиках, лежащей на половине пути до Полнова. Так и сделали.

В Новиках наш возница остановился у нового, недавно отстроенного двухэтажного дома. Мы поднялись наверх и любовались большою светлою горницею, свидетельствовавшею о достатке хозяев, но вскоре нам пришлось разочароваться: в доме уже гнездился червь, который в скором времени должен был подточить всё это цветущее на вид хозяйство.

— Нет, кормилец, плохое наше житье стало, — заговорила хозяйка, подав нам самовар и остановясь у притолоки, — ты не смотри, что изба-то новая, а жить теперь и совсем круто приходит. Прежде-то исправно жили с сыном, что говорить, и избу эту он в прошлом году поставил, да сам-то, голубчик, зимою и помер. Осталась я, старуха,

с невесткою да с малыми ребятками. В избе живем в новой, а дом держать некому; сам, поди, знаешь, как в хрестьянстве без мужика-то? Вот и видим, как нужда подступает, как она в каждую щелочку пробирается, да ничего не поделать. Пока еще крохи кое-какие, что остались-то, доедаем, а там... — старуха махнула рукою и отвернулась.

За Новиками нас ожидала бесподобная картина заката. Солнце уже совсем опустилось к горизонту, и мягкие, ласкающие лучи его тихо скользили по густому полю зеленой ржи, плавно колебавшейся от легкого прикосновения замирающего ветерка и отливавшей приятными лиловатыми оттенками.

II. Полново[10]

Было уже совершенно темно, когда мы подъезжали к Полнову. Дорога шла с холма на холм, точно по волнам разбушевавшегося моря. В небе мерцали редкие звезды. Тишину нарушал только топот наших коней да легкое погромыхиванье экипажа.

Впереди обозначалась темная масса селения; огни в домах давно уже были погашены. Ямщик остановился у высокой избы на краю села и начал стучать в ворота. Это был постоялый двор некой Аграфены Кирилловны, рекомендованный нам старухою в Новиках.

Хозяйка встретила нас сама и поместила в передней комнате, кого на диване, кого на полу.

В Новиках мы слышали, что у Аграфены Кирилловны есть муж, но голова всему делу — она, и действительно она принадлежит к тому типу русской женщины, которая и без мужа обойдется и любого мужика смело заткнет за пояс. Немолодая, маленького роста, полная, она держит себя крайне спокойно, с достоинством, без малейшего признака торопливости и в то же время умеет всюду поспеть, всё досмотреть лично, всем распорядиться, и хозяйство у нее, по-видимому, находится в твердых руках.

— Вам к угоднику? — спросила она утром, плавною, неслышною походкой входя в комнату.

— Да, пока в Нилову пустынь.

— На озере-то ветерок, рябь маленькая, лодки у нас не гораздо большие, а ветер про́тивень; боюсь, долго проедете.

— А нельзя ехать берегом?

— Можно и берегом на Осташков; там по дороге поворот будет к угоднику и перевоз, ведь монастырь-от на острову, да только берегом дальше, и цену возьмут дороже. Вы чайку попьете, так сходите на берег, лодки наши посмотрите, а я велю на всякий случай ямщика

---

[10] С. Полново Демянского у. Новгородской губ.; с XII в. одно из поселений на новгородских торговых путях. Ср. путешествие Н. Я. Озерецковского (*Тверь 2*, с. 30—31).

позвать. Навоз теперь они возят, время не совсем удобное.

Мы пошли смотреть лодки, миновали высокую церковь, стоящую на пригорке, и спустились к озеру. Узкое плёсо[11] Селигера пестрело мелкою зыбью; ветер дул прямо в лицо. У берега покачивалось несколько небольших лодок, народу никого не было: все работали в поле. За нами подошли к берегу два молодых парня с предложением услуг, показывали и свою лодку, но ни лодка, ни гребцы не показались нам надежными, и мы решили ехать берегом.

Село Полново. Церковь и пристань на берегу Селигера. Рисунок. 1892

На постоялом дворе нас уже поджидало несколько крестьян, но у одного все лошади были в разгоне, другой готов был ехать, но имел всего-навсего одну лошадь, третий обещал выбрать коней, но для этого приходилось запастись терпением на несколько часов. Положение оказывалось не лучше, чем в Валдае. Сидеть и ждать, пока соберут, приведут, напоят и накормят тройку или четверку деревенских кляч, имея в перспективе тащиться на них берегом около 50 верст, нам не хотелось; но, с другой стороны, измерение ширины Селигера собственными руками в случае, если бы утлая ладья опрокинулась, тоже представлялось не особенно заманчивым.

Удалившись в свою переднюю комнату, мы стали решать вопрос: которое же из этих двух зол меньшее? Решение нам никак не давалось. Каждое из зол было нисколько не меньше, а наоборот — больше другого. Но, вероятно, кто-нибудь из нас имел счастье родиться в сорочке.

---

[11] Правильно *плёс*; Тюменев передает речь местных жителей.

Дверь отворилась. Вошел какой-то местный обыватель, судя по костюму — торговец, и, помолившись на образа, уселся на диван.

— Я, господа, к вам с советом, — начал он. — Послушайте меня, и я думаю, что мой совет будет самый правильный.

Мы насторожились.

— Если будет, примерно, глина, вам ничего?

— Какая глина?

— Глина обыкновенная, пудов 100, не больше.

— Да вы про что?

— Вы ведь к угоднику?

— Да.

— Так вот про то самое и говорю: если с глиной в лодке ехать, вам ничего? Глина-то в Осташков идет, уж погрузили, так по пути к угоднику и завезут. Я тоже туда еду, только до Сосницы проеду на лошади — дела у меня, а от Сосницы к вам в лодку и сяду.

— А велика ли лодка?

— Большущая! Уж будьте покойны, — замахал он руками, — будьте покойны! пудов 150 глины поднимает, так вас-то поднимет.

— Кто же везет глину?

— Мужичок здешний, Николай Занегин, человек надежный; вполне могу ручаться. Мореход настоящий. Он почти всё время в озере проводит. Я услыхал про вас и задержал его, велел сюда зайти. Уж поверьте, будет и покойно и удобно.

Мы поблагодарили.

— Да вот и он сам, — воскликнул купец, взглянув в окно.

Вошел Николай Занегин, очень симпатичный с виду мужчина, с загорелыми, мозолистыми руками и добродушным, открытым лицом.

— Что ж, если согласны, так я рад буду, — сказал он, — мне всё равно ехать-то.

— А как цена до Ниловой пустыни?

— Да что ж с вас взять-то? За два рубля свезу.

— С каждого? — Берегом с нас просили 15 рублей.

Николай засмеялся.

— Если с каждого по два рубля брать, то скоро богат будешь. Со всех два рублика пожалуйте, и спасибо скажу.

Минут через десять мы уже стояли на берегу. У пристани ожидала подведенная Николаем лодка, довольно солидного вида; вся середина ее была занята грузом глины, покрытой рогожами.

Мимо нас прошли гуськом на пристань пять странниц с кофейниками, тоже ехавшие к угоднику, — они еще ранее уговорились с Николаем, — и два пильщика, взятые до Осташкова даром, за греблю. Таким образом, общество наше неожиданно увеличилось.

С нами Николай был особенно любезен, устроил нам удобные места подле гребцов, посреди лодки, так что мы всю дорогу ехали,

полулежа на мягкой глине, укрытой двойным слоем рогож. Он простер любезность даже до того, что отдал в наше распоряжение свой кожан. Грубая, затверделая кожа этого морского пальто привела было в смущение одного из наших спутников, но Николай поспешил заметить:

— Нет, ты, барин, его не пихай, в озере еще во как спасибо ему скажешь.

Наконец, всё было готово, и мы разместились в следующем порядке: в носовой части гребцы — Николай с замужней сестрой и пильщики, впереди глины — наша компания, позади груза, в кормовой части, — странницы, и у руля старики — отец и мать Николая.

Николай снял шапку и начал креститься.

— С Богом! — крикнул он, и наша лодка отвалила от пристани. Было ровно 11 часов утра.

III. По Селигеру

— Долго ли ехать до монастыря? — осведомился я у Николая, усердно работавшего веслами.

— Всё от ветра, — заметил он. — Ежели по́ветер, на парусе так до Осташкова часа в 4 доедешь, а коли про́тивень, как вот теперь, так и двенадцать проедешь, а то и все пятнадцать.

Слова его оправдались; нам пришлось пробыть в лодке около четырнадцати часов.

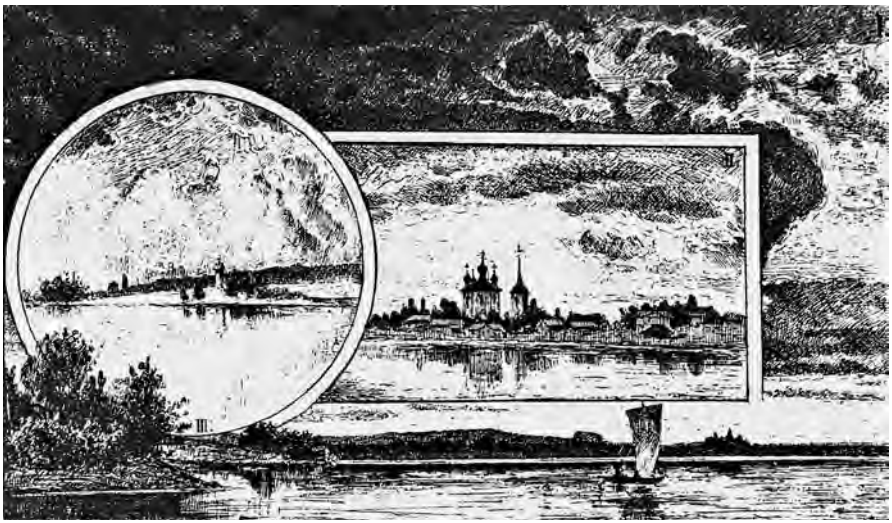
Продолговатое плёсо Селигера вообще не отличается шириною и в нескольких местах производит даже впечатление не озера, а широкой реки. Зеленые берега его живописны: на них расположено несколько сел и много деревень, окруженных полями и пашнями; в промежутках синеют на горизонте леса.

Мы разговорились с Николаем о глине, служившей нам такою удобною мебелью. Добывается она в Горицах, верстах в 20 от Полнова, на восемнадцатисаженной глубине. Человек двадцать крестьян становятся друг над другом по стенке, опускающейся в шахту, и передают глину нижний верхнему, пока она не достигнет поверхности земли. В продаже на месте пуд глины обходится 12—13 коп.<еек>, доставленная же в Осташков, она доходит до 18, 20 и даже 25 коп.<еек> за пуд.

Упомянув об Осташкове, Николай перешел к местному кожевенному производству и стал рассказывать об известном осташковском фабриканте Савине, который, по его словам, был очень добрый человек и широко благодетельствовал всей окрестности. (Если не ошибаюсь, этот Савин был мужем известной в свое время драматической артистки Орловой.)[12]

---

[12] Орлова-Савина Прасковья Ивановна (урожд. Куликова, 1815—1900), актриса Малого (Москва, 1835—1847), Одесского (1847—1851), Александринского (Петербург, 1851—1859) театров. Особый успех имела в роли Офелии



На Селигере. I. Полновское плесо. II. Сосница. III. Егорьевский островок. Рисунок. 1892

— А помер, сердечный, от огорчения — не вытерпел! — продолжал Николай. — Купил он, говорят, где-то за границей пожарную трубу и подарил городу; много будто бы за нее денег заплатил. Вот на первый пожар ее и вывезли. Савин тут стоит подле, смотрит, как его машина будет действовать. А машина ни взад, ни вперед — испортилась. Он так огорчился, что даже машиниста ударил, да тут же и сам замертво упал. Отнесли его в соседний дом, там и душу Богу отдал.[13]

— Еще и посейчас бедным-то он него жалованье идет, — закончил рассказчик, — кому рубль в месяц, кому полтора. Добрый человек был, царство ему небесное!

в «Гамлете» с участием П. С. Мочалова, В. Г. Белинский назвал ее «замечательной артисткой и для драмы и для комедии». Во время Крымской войны в 1855 г. была сестрой милосердия, ср. стихотворение Ф. Н. Глинки «Ты возвратилась невредимой...». Первый муж — актер Малого театра И. В. Орлов, второй муж (с 1859) Федор Кондратьевич Савин (1816—1890), коммерции советник, городской голова Осташкова. После замужества жила в Осташкове, играла на сцене местного театра (*Токмаков И. Ф.* Театр в городе Осташкове Тверской губернии: краткий историко-статистический очерк в связи с биографическими сведениями о сценических и музыкальных деятелях. М.: Гор. тип., 1905), занималась благотворительностью. На ее средства были открыты столовая для бедных, дом милосердия.

[13] О пожарной команде см.: Осташковская гражданская пожарная команда Ф. Савина // Московские ведомости. 1860. № 194; Киевские губернские ведомости. 1860. № 40.

— Ну, а как вам в Полнове живется?

— Живем ничего себе. Наше село по берегу из богатых считается.

— Кто этот купец, который хлопотал о нас?

— А это наш, полновский, Звонарев по фамилии, человек обделистый, на все руки. Он чем хошь торговать будет: и кожами, и хлебом, и глиной, и телятами, и огурцами, что только под руку попадет. Всё купит, только бы польза была. Имений несколько скупил да перепродал, тоже хорошо нажил, и теперь тоже еще есть у него несколько. Человек набожный, всё у него с молитвой, зато уж если и ругаться примется, так такое-то скажет, что, кажется, никому так и не придумать.

Часа через два сделали небольшой привал у мыса Пу́хорки, в 12 верстах от Полнова. Кто вышел размяться на берег, поросший густыми кустами орешника, кто остался в лодке. Николай достал свой завтрак — ржаной пирог с горохом и угостил нас. Вкус довольно своеобразный, но приятный.

— А это вот мыс Ску́гарев, — показал он направо, когда мы снова тронулись в путь.

— Что же это за название такое?

— Прежде-то тут перевоз был, с этого мыска на тот берег, к Доброму. Вот приедет кто на мысок, а перевоз-то на той стороне. Кричать тут всё равно не докричишься; вот и сидит на мыску, да ску́горит — скучает, значит…

Другое новое слово, встречавшееся в разговоре Николая, было *ерзых*! — означающее быстрое падение, проваливание, стремительное движение сверху вниз.[14] Николай очень любит это выражение и в разговоре употребляет его довольно часто. Охотник он также вставлять в речь разные поговорки, шуточные и серьезные, например: *наше дело маленькое, выпил да ащо!* — или *сыт, да не бит, так и слава Богу*; *пусть лучше нас люди ругают, а не мы людей — крепче заснешь* и т. п.

— О-ох, далеко до угодничка, — вздыхают странницы, — поди, к вечеру только доберемся.

— Да уж ваше дело теперь не хвали, — отзывается Николай из-за вёсел. — Приедем поздно, ворота заперты; господ-то еще кое-как пропустят, а вам придется под сосенкой заночевать.

— Что ж, ляжем и под сосенкой, — смеются странницы.

— А волки?

— Э, брат, нас, старух, и волки не тронут, испугаются; а тронут, так разве только зубы об нас переломают.

---

[14] Ср. говор староверов: «Ерзыхать, ерзыхнуть, ёрзать, соскальзывать» (*Паликова О. Н., Ровнова О. Г.* Словарь говора староверов Эстонии: книга для учащихся. Тарту: Sata, 2008. С. 50. Об осташковской диалектной лексике см. в путешествии Озерецковского.

Хотя ветер был всё время противный, но Николай не утерпел-таки и в виду Сосницы, пользуясь легким изгибом фарватера, поставил парус. Весла продолжали работать, но вода, по словам гребцов, «стала маленько пожиже». Действительно, Николай знал свое дело: несмотря на то что лодка шла только в полпаруса, промежуток в несколько верст, остававшийся до Сосницы, мы прокатили в какие-нибудь двадцать минут, приведя в изумление самого Звонарева, уже поджидавшего нас на берегу.

Сосница раскинута на самом берегу Селигера. Это довольно большое селение с каменной церковью.[15] Она находится еще в Новгородской губернии, но уже подле самой границы с Тверскою. Здесь мы устроили настоящий привал и отправились пить чай в избу; странницы с самоварчиком расположились на берегу.

Впрочем, чаепитие продолжалось недолго, и около трех часов мы уже снова пустились в путь, причем в лодке с нами поместился и Звонарев.

— Так вы, господа, на Волгу — верховье посмотреть желаете? — заговорил он, — хорошее дело. Прежде-то не слыхать было, а теперь с каждым годом господа всё больше и больше наезжать начали. В прошедшем году даже немец какой-то к нам в Полново явился со своей лодкой. Зеленой краской выкрашена, вся разборная, а сама крохотная такая, что только одному человеку сесть.

— Еще как собрали ее да понесли на берег, — оживился Николай, — отец мой думал, что гроб несут, да и давай креститься. Помнишь? — крикнул он, оборотясь к рулю, но ответа не последовало: старик был туговат на ухо и вдобавок дремал.

— Тогда на озере-то чуть беды с ним не натворили, — подхватил Звонарев, — глядят по деревням: что такое по воде чернеется? Лодки-то не заметно, а только полчеловека над водою видать; смотрели, смотрели и решили, что лось плывет, да за ним в погоню на лодке, с ружьем, — чуть не убили.

— Потом, говорят, из Осташкова по Селижаровке[16] на Волгу проплыл.

Плёсо сделалось несколько шире, впереди опять показались острова, составляющие характерную особенность Селигера; их здесь насчитывают до 160. Такое обилие островов подало повод к преданию, рассказывающему, что Селигер приходится родным братом озеру Ильменю и проклят им испокон веков. Однажды будто бы оба брата пошли куда-то вместе по одной дороге. Настала ночь, и они прилегли соснуть. Пока Ильмень спал, Селигер с целью обогнать

---

[15] Погост Сосница с церковью Спаса Преображения (1778), закрыта (1930-е), руинирована.

[16] Р. Селижаровка, левый приток Волги, вытекает из оз. Селигер.

брата поднялся втихомолку и пустился в путь, но не успел он отойти ста верст, как Ильмень проснулся. «Будь же ты проклят, — закричал он коварному брату, — и за твои сто верст пусть будет на тебе отныне более ста островов». Так и случилось.[17]

Но, вероятно, Селигер был все-таки хороший ходок, так как в короткий промежуток времени успел взобраться на такую высоту, что среди многочисленных озер Тверской губернии занимает самое возвышенное место. Не будучи специалистом по части топографии, приведу здесь сведения о длине, ширине и глубине Селигера, заимствованные из двух книг, написанных в начале и в конце нашего столетия: из книги академика Озерецковского «Путешествие на озеро Селигер» (1817) и из книги «Описания Волги» г. Рагозина (1880), причем не могу не отметить интересного явления, что Селигер, несмотря на проклятие старшего брата, в течение каких-нибудь 60 лет успел вырасти и раздобреть и в длину, и в ширину, и в глубину. У Озерецковского наибольшая длина озера показана 60 верст, у Рагозина — 80; наибольшая ширина в 1817 г. отмечена — 15 в., в 1830 — 30 в.; наибольшая глубина была 10 сажень, теперь стала 16.[18] Кто виноват в этой метаморфозе: озеро ли, или его измерители, — решать не берусь, но цифры во всяком случае не лишены интереса.

— А это вот впереди остров, Богатый называется, — заговорил Николай, — клад, говорят, на нем зарыт, только достать его никто не может.

— Почему же?

— Трудно: бесовская сила мешает; не любит она клады-то отдавать. Да вот тоже недалеко от нас было: пошел один мужичок клад копать, место такое есть, тоже клад положен. Пошел он ночью, всё как след быть сделал и давай копать. Копал, копал и до чего-то уж докопался. Вдруг мимо знакомый мужик идет: «Здорово, Ванюха, ты что тут делаешь?» Он повернулся: «Здравствуй, говорит, откуда?» — Разом всё пропало — ни мужика, ни клада!

— Разно бывает, — заметил Звонарев. — Тоже мужичок один копал, тоже докапываться начал, вдруг слышит: «Пожар! Пожар! Деревня горит!» Выскочил он из ямы, ничего кругом нет, ни огня, ни зарева, а клад пропал.

— А то еще случай был, — подхватил Николай. — Тот мужичок всё время без помехи копал и уж большую яму выкопал; стал уж до клада докапываться, только слышит — где-то поют, сначала далеко, а потом всё ближе да ближе. Вдруг глядит — над головой у него, на краю, люди показались, покойника несут; поднесли к краю, да вдруг

---

[17] Эту легенду см.: *Рагозин В. И.* Волга. Т. 1. С. 5.

[18] *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по Селигеру. СПб., 1817. С. 161–162; *Рагозин В. И.* Волга. Т. 1.

ерзых его в яму! Мужик заступ бросил, да бежать, а потом и места того не нашел, где и копал-то.

За Богатым показался небольшой островок с белевшим на нем каменным столбиком.

— Тут икона Егорью поставлена, — пояснил Николай.

— Кто же поставил?

— Проезжий один, давно уж. Ехал он вот также озером, с деньгами. Как раз в самый Егорьев день. Пристал: деньги-то немалые, а народу по озеру ездит много. Погнал он обратно к острову, а деньги его все целехоньки, тут и лежат, где оставлены, и поставил он на этом месте образ Егорью.

Звонарев давно уже смотрел на берег, бывший в нескольких саженях, на котором паслось стадо коров.

— Ты чего тут пасешь? — закричал он пастуху. — Как смеешь на господской земле пасти? Вот я барыне скажу.

— Сказывай, у нас арендовано, — пробурчал пастух.

— Вот разбойники народ! — обратился к нам Звонарев. — Врет всё, и не думали они арендовать, а пастух самовольно: мол, когда-то еще поймают да загонят, да когда-то в суд, а сколько скотина больше травы наест, чем штрафу заплатить придется. Их накануне оштрафовали, а на другой день они уже опять тут. Знаю я их, разбойников!

Но поступки этих «разбойников» оказываются еще цветочками в сравнении с тем, что здесь порою происходит. Недалеко от Егорьевского острова показалась одиноко стоящая заброшенная усадьба. Здесь прежде жил арендатор с женою и работником. Дело было зимою. Арендатор уехал зачем-то в Осташков; в это время на остров перебралась шайка цыган и ворвалась в усадьбу. Работника связали и бросили в сарай, вломились к арендаторше, избили ее до полусмерти, всё, что могли, разграбили и, наконец, сожгли самый дом. Несколько далее, на правом берегу Селигера, около деревни Подполья, не так давно нашли труп убитого человека. Жители деревни Лучков, рядом с Подольем, известны своим озорством, и проезжие обыкновенно стараются засветло миновать перелесок под их деревнею.

IV. Кравотынское плёсо[19]

— Великое это озеро и пространное, — раздался позади голос странницы. — А скоро придет время, ни одной капельки не останется.

— Это как? — обернулся Звонарев.

— Придет антихрист, и всё посохнет.

— Когда это он придет?

---

[19] Кравотынский плес (с Восточными, или Лежневскими озз.), длина 9 км. С XVII в. эту часть Селигера называли Лыковские, Княжеские, Пафнутьевские воды.

— Говорят, уж народился.

— А ты почем знаешь?

— В книгах сказано.

— В каких?

— Да уж известно в каких — в божественных.

— Ты читала, что ли?

— Не читала я, а мне люди сказывали.

— То-то и оно-то! Озеро, бабушка, когда-то еще высохнет, а до тех пор ты все-таки на воду-то поглядывай, ишь, валы какие ходить почали. Ты плавать умеешь?

— Нет, кормилец, не умею.

— Ну, вот видишь! Я-то, коли что, выплыву, а ты, значит, как топоры плавают…

— Выплывешь? — восклицает старуха. — Небось, как в бахилы-то воды нальется, скорее моего ко дну пойдешь.

Все смеются. Разговор на минуту прекращается. Старуха смотрит на прибрежные леса и заводит с товарками речь о грибах, причем с особою похвалою отзывается об опенках.

— Каки таки опенки? — снова спрашивает Звонарев. — Полно, бабушка, нешто это грибы? Поганки, скажи, а не опенки.

— Вот видишь ты, — вразумляет старуха, — борода-то у тебя скоро сивая будет, а и этого не знаешь. Опенки-то, друг любезный, ежели сварить, — ум отъешь, вот что!

Солнце заметно начинало склоняться к западу; тени на берегах становились косее; вечерело.

Недалеко от Егорьевского острова мы миновали самое узкое место пути, но лишь только поравнялись с мыском, видневшимся впереди, как Селигер могучим взмахом снова развернулся перед нами, и впереди показалась широкая блестящая гладь воды. Направо вырос большой остров Хачин, царь всех островов, рассеянных по Селигеру.[20]

Николай глянул вперед и повернулся к странницам:

— Ну, теперь, старушки, держись: Кравотынское плёсо показалось! Вез я вот этак плотника, — обратился он к ним, — так тот мне уж только в Осташкове признался: так я, говорит, этого самого Кравотынского плёса боялся, что от самого Полнова только о нем и думал, — слыхал я, какое оно широкое да в погоду бурное. А как поехали тем плёсом-то — ветер, волны; я лег ничком да до самой Ниловой пустыни и головы не поднимал; лежу да думаю, что вот-вот кувырнет нас, и всё ко дну.

Мы ехали левым берегом; надо было перебираться через плёсо к острову Хачину, составлявшему правый берег, а плёсо раздвигалось

[20] О. Хачин на Селигере, площадь 31 км^2, 13 внутренних озер.

всё шире и шире. Справа поднималась темная грозовая туча, заслонившая свет заката; по временам из нее сверкала молния. Ветер крепчал; вдали, на середине плёса, стали похаживать волны, показались на них и белые гривки. Начинало заметно темнеть. Правый берег, окутанный мглою, превратился в сплошную туманную полосу.

Лодка по-прежнему шла левым берегом. Николай в своей красной рубахе, без пояса, стоял на носу и шестом промерял дно; здесь было очень мелко.

Легкая лодочка с двумя гребцами, обогнавшая нас у Егорьевского островка, теперь убавила ходу и пропустила нас вперед, очевидно с намерением иметь при переезде через плёсо более надежного компаньона.

Николай внимательно посмотрел на правый берег, почти совершенно сливавшийся с тучею, и положил шест.

— Ну, ребята, — сказал он, — давай теперь через Кравотынское плёсо перебираться. Николай, — обратился он к Звонареву, — садиська, брат, на руль, смени стариков моих.

Купец беспрекословно полез на корму.

Один из наших товарищей, любитель гребного и парусного дела, сел на весла, сменив сестру Николая.

— С Богом! — слышится команда, и четыре весла дружно врезаются в воду. Лодка вздрагивает и круто сворачивает в широкое плёсо. Маленькая лодочка держится позади нас.

Туча быстро надвигается; гром грохочет всё ближе и ближе.

Весла работают с ожесточением, лодка несется теперь прямо в перерез плёса. Волны ударяются о борта, порою обдавая нас холодными брызгами. Темнота усиливается, туча заволокла почти всё небо. На лодке царствует тишина, только слышно, как весла поскрипывают в уключинах.

Вот и середина плёса. Со всех сторон показываются белые гребни, из волн здесь образовалась какая-то толчея, лодку начинает заметно покачивать. Молнии ярко освещают картину бушующего кругом плёса, гром гремит почти над нашими головами.

Лодка борется с волнением, гребцы работают вовсю. Еще минут десять такой усиленной работы — и правый берег начинает потихоньку вырастать перед нами; очертания прибрежных кустарников становятся крупнее и крупнее. Волнение мало-помалу стихает, лодка идет свободнее, бурное место пройдено. Но туча уже во всю ширину разлеглась по небу, и вдруг хлынул дождь как из ведра. Гребцы напрягают последние силы, лодка летит и с налету врезается носом в берег.

Следом за нами подбежала и маленькая лодочка, гребцы выскочили из нее и спешили развести огонь. Для нас же Николай в какие-нибудь две-три минуты устроил на лодке же «балаган» из паруса. От нечего делать мы достали корзину с дорожною провизией, и через

Кравотынское плесо. Рисунок. 1892

минуту наш балаган превратился в трапезную для всей братии, населявшей лодку.

Скоро гроза пронеслась. Кругом полная тишина, только было слышно, как падают в воду с мокрых бортов запоздалые капли.

До пу́стыни оставалось всего верст пять, не более, но двигаться приходилось в совершенной темноте. Долго, долго позади нас мерцал огонек, разложенный гребцами с маленькой лодки, но наконец и он скрылся. Мы шли ощупью, направляясь опять в левую сторону к мелкому левому берегу. Звонарев опять сидел с нами.

— Отец, гляди хорошенько, — крикнул Николай рулевому, — мелко тут, правее держи.

Но с кормы не откликались. Николай попробовал махать рукою, и тем не менее минут через пять лодка стала на мель.

Кое-как столкнулись и тронулись далее; кругом тишина и мрак.

— А вон и пустынь виднеется, — воскликнул Звонарев.

Впереди действительно вырастала темная масса острова.

— Жаль, построек теперь не видать, — продолжил он, — а то вы удивились бы: дворцы, чистые дворцы понастроены. Во многих я монастырях бывал, но такого богатства не видывал. Да вот завтра сами посмотрите.

— А вы тоже здесь ночуете?

— Нет. Мы вас в гостиницу проводим, а сами в Осташков: тут всего верст семь будет.

Остров всё ближе и ближе. Действительно белая каменная громада монастыря даже ночью производила впечатление.

Мы миновали полуостров Светицу,[21] находящийся против самого монастыря, и вошли в монастырскую бухту, где стояли у пристани два парохода.

Зачалив лодку у набережной, Николай и Звонарев взяли наши вещи и понесли в гору к монастырской гостинице; следом за нами шли странницы.

В гостинице мы достучались «отводчика» (монаха, отводящего кельи), который вышел со свечой и, окинув беглым взглядом наши костюмы и чемоданы, поместил нас в комнате второго этажа.

Мы самым сердечным образом простились с Николаем и Звонаревым.

V. Преподобный Нил и ревнители его памяти[22]

Столобный остров, на котором ныне расположен монастырь, в XVI веке принадлежал вместе с окрестными водами и берегами к вотчине боярина Богдана Яковлевича Бельского, как известно, испытавшего на себе и ласку Грозного, и тяжелую опалу Годунова.[23] В начале XVII века местность эта была жалована князю Лыкову за победу над Лисовским при Медвежьем броде.[24]

Но маленький пустынный островок, совершенно незаметный в общей массе обширной вотчины, еще с 1528 года начал прославляться на всю окрестность благодаря подвигам поселившегося на нем отшельника. Отшельник был родом из Жабенского погоста Деревской пятины[25] и еще в молодых летах поступил в Крыпецкий монастырь

---

[21] Све́тица (правильно *Све́тлица*, ранее *Святица*, *Светлище*, *Светлице*), полуостров на берегу Селигера и деревня, известна с XVII в. как монастырское селение.

[22] Пересказ кн.: *Успенский В. П.* Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни Тверской епархии Осташковского уезда // Памятная книжка Тверской губернии на 1868 год. Тверь: тип. Губ. правл., 1868. Отд. 2. С. 1–105.

[23] Бельский Богдан Яковлевич († 1611), дворянин, приближенный Ивана Грозного. После его смерти участвовал в политической жизни Смутного времени. В 1609 г. был вторым воеводой в Казани, призывал не присягать Самозванцу, за что был убит толпой.

[24] Лыков-Оболенский Борис Михайлович, князь (1576–2.07.1646), стольник (1598–1605), воевода в Брянске (1602–1604). Признал Лжедмитрия I (1604), участвовал в подавлении восстания Болотникова (1606–1607), сражался с Лжедмитрием II. В августе 1608 г. у Медвежьего брода на р. Москве разбил отряды польского полковника Александра Лисовского. При царе Михаиле боролся против воровских шаек (1614), командовал отдельным отрядом в Можайске в войну с королем Владиславом (1618).

[25] Деревская пятина — один из пяти (Вотская, Шелонская, Обонежская, Деревская и Бежецкая) территориально-административных районов древнего

в Псковской области, где и получил при пострижении имя Нила.[26] Но жизнь в обители не удовлетворяла его, душа его стремилась к уединению, и в 1515 году, имея около 20 лет от роду, он с разрешения игумена оставил монастырь и удалился к пустынным в то время берегам Селигера. Не доходя до озера 25 верст, он облюбовал себе место для жительства посреди дремучего леса, росшего по берегам реки Серемхи, и тринадцать лет провел в этой лесной глуши. Но мало-помалу молва о нем стала распространяться по окрестности; к нему один за другими начали являться посетители за молитвою, за советом, за благословением. Уединение было нарушено.

Преподобный начал молиться об указании ему нового пустынного места для подвигов и во сне услышал голос, указывавший ему на остров Столобный. Узнав от посетителей о местоположении этого незнакомого ему острова, св. Нил в 1528 году оставил Серемскую пустыню и переселился на Столобный. Здесь он выкопал пещеру, в которой провел зиму, а весною срубил себе келейку и поставил часовню.

Снова начались подвиги и изнурение плоти, неустанного труда и непрерывной молитвы. Преподобный даже ночью не давал себе полного отдыха; в стену своей кельи он вбил два деревянных крюка и в случае крайнего утомления позволял себе опереться на них, так что крюки приходились ему под мышками, и дремал в таком полустоячем, полусидячем положении: это был его единственный отдых.

Крестьяне, жившие на соседних берегах и не обращавшие внимания на незначительный остров, теперь, узнав, что им пользуется какой-то инок, немедленно явились туда на лодках и принялись вырубать лес под пашню. Напрасно святой молил их оставить для него деревья на одном пригорке, они вырубили всё начисто, обойдя только одну сосну подле самой кельи подвижника. Окончив рубку, они зажгли сваленный лес, и пламя быстро разлилось по всему острову. Преподобный заплакал и начал молиться. Огонь дошел до самой кельи святого и вдруг остановился сам собою. Пораженные чудом крестьяне спешно удалились с острова.

По дороге из Осташкова к Торжку и теперь еще тянутся остатки бывших здесь когда-то непроходимых лесов Каченовских, служивших надежным приютом всякого рода лихих людей; по месту своего притона этот люд имел и особое название кацененков. Однажды толпа

Новгорода между рр. Ловатью и Мстой. Погост Жабня находится ныне в Валдайском р-не.

[26] Нил Столобенский был пострижен в монахи в 1505 г. в Крыпецком Иоанно-Богословском мужском монастыре (основан в 1485 г. преподобным Саввой Крыпецким) Псковского у. См.: Православные русские обители: полное иллюстрированное описание православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне. СПб.: Воскресение, 1994. С. 170—172.

этих молодцов решила наведаться на Столобный в надежде на богатую добычу из подаяний, приносимых отшельнику. Они застали преподобного подле кельи копающим землю мотыгой и стали требовать, чтобы он указал им место, где зарыто его сокровище.

— Сокровище мое — в углу моей кельи, — отвечал преподобный.

Там находилось единственное его имущество — келейный образ Пресвятой Богородицы.

Войдя в келью и взглянув в передний угол, разбойники были до того поражены светом, исходящим от иконы, что тут же ослепли, но преподобный молитвою возвратил им зрение.

Не один пловец на Селигере был обязан своим спасением молитвам подвижника, не один страждущий и удрученный горем ушел от него с облегченною душою.

Двадцать семь лет прожил преподобный на Столобном и, чувствуя приближение кончины, исповедался и причастился св. тайн у своего духовника Сергия, игумена Николо-Рожковского монастыря, находившегося на берегу, почти против Столобного. Преподобный предсказал Сергию, что на острове со временем устроится обитель, и, прощаясь, несколько раз повторил просьбу, чтобы Сергий в скором времени снова побывал у него.

На следующий день, 7-го декабря 1555 года, Сергий опять явился на остров, но, войдя в келью святого, нашел его уже почившим в молитвенном положении, опирающимся на свои крюки, к которым он прислонился в предсмертном изнеможении.

С кончиною старца затих пустынный остров, и только богомольцы, приходившие поклониться уединенной могиле праведника, нарушали царившую на нем тишину.

Основателем монастыря на Столобном явился иеромонах Николо-Рожковской обители Герман.[27] Он еще с детства питал особое уважение к памяти преподобного Нила и задумал составить описание его жития. С этой целью он начал собирать о нем сведения и часто бывал на Столобном, иногда даже переселяясь туда на долгое время. Он возобновил часовню над гробом преподобного, а через несколько времени с помощью добрых людей построил и деревянную церковь во имя Богоявления. Церковь была освящена около 1594 года. В это время несколько добровольных отшельников уже проживали на острове, а с построением церкви число их еще увеличилось, и Герман в том же году стал хлопотать в Москве у патриарха Иова[28] о разрешении

---

[27] Иеромонах Герман, настоятель Ниловой пустыни (1594—1614).

[28] Иов (в миру Иоанн; 1530-е — 1607), первый всероссийский патриарх (1589), родился в Старице, воспитывался и принял постриг в Старицком Успенском монастыре, настоятель его (1569—1571). За отказ присягнуть Лжедмитрию I

открыть на острове общежительную пустынь, что и было дозволено. Пустынь названа Ниловою, а Герман назначен первым ее строителем. При нем был написан образ преподобного по указаниям стариков, знававших праведника лично, и написано его житие, дошедшее до нашего времени только в списке.[29]

В первые годы своего существования обители пришлось немало вынести сначала от неурожая и бескормицы, а потом, в Смутное время, от неприятельских набегов, так что, умирая в 1614 году, Герман оставил обитель в крайне бедственном, жалком положении.

Но в обители уже находился другой ревнитель святыни — инок Нектарий, впоследствии игумен, который и должен считаться главным устроителем ее благосостояния. Нектарий вступил в обитель еще ребенком, в 1599 году, и перенес в ней все лишения голодного и смутного времени.[30]

низложен и сослан в Старицкий Успенский монастырь, где умер. Канонизирован в 1989 г.

[29] Об основании монастыря известно, что «по разнесшемуся повсюду слуху о богоугодном житии преподобного Нила и проистекающих от гроба чудесных исцелениях, многие из окрестных и дальних стран монахи и миряне стали приходить на остров сей, на котором и жили по нескольку времени. Наконец прибыл и некто иеромонах Герман. В часовне, при гробе преподобного Нила, он нашел живущего там мирянина, родом из Холмогор, по имени Борис Козмин. К ним присоединилось вскоре еще несколько братии. И так как число братии таким образом умножилось, то вышеупомянутые иеромонах Герман и Борис Козмин, с общего всех совета, по благословению митрополита Новгородского Александра при помощи благочестивых христиан в 1594 году построили на острове первый деревянный храм во имя Богоявления Господня с приделом Василия Блаженного. Немного спустя построена была другая деревянная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. А часовня, в которой под спудом лежали мощи преподобного Нила, оставалась на прежнем своем месте. / Монахи и миряне стекались прежде всего на остров для того только, чтобы поклониться почивающему там угоднику Божию, Нилу преподобному; но, видя сооруженные уже около его часовни церкви, начали притекать с тем, дабы на острове и жить постоянно. Для этой цели стали они строить себе небольшие деревянные кельи; потом кельи были обнесены деревянной оградой; и таким образом на острове между 1594 и 1599 годами составилось иноческое общежитие, которое впоследствии было названо по имени преподобного Нила пустынею Ниловою, или Ниловскою» (Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1874. Т. IV. С. 82).

[30] Нектарий (1587—15.01.1667) прибыл в монастырь в 1599 г. Он был «обучен российской грамматике и по тогдашнему времени некоторым словесным наукам». Живя в обители, приобрел уважение братии монастыря, был выбран игуменом, рукоположен в настоятели митрополитом Новгородским Иоакимом. В 1628 г. в Москве был представлен царю Михаилу Федоровичу, которому предсказал рождение наследника престола, в 1629 г. стал восприемником царевича Алексея Михайловича. В 1634 г. был назначен архиепископом Тобольским и Сибир-

В письме к одному московскому боярину, помеченном 1639 годом, уже будучи в то время архиепископом Тобольским, Нектарий припоминает эти тяжелые дни: «Как мне забыти труды, и раны, и глад, и жажду, наготу и босоту? И до смерти мне надобно помнить, какова милость Божия надо мною грешным была в пустыни и что мы кушали: вместо хлеба траву папорт и кислицу, ухлевник и дягиль, и дубовые желуди, и дятлевину и с древес сосновых кору отымали и сушили, и с рыбою смешав, вместе истолкши; а гладом не уморил нас Бог».[31]

В год смерти Германа Нектарию было всего около 28 лет, но он уже пользовался таким всеобщим уважением, что был немедленно избран занять опустевшее место строителя. Благодаря его стараниям пустынь скоро приобрела много благодетелей; на благоустройство ее внесли свои лепты: митрополит Ростовский Варлаам, известный архимандрит Троице-Сергиевой лавры Дионисий,[32] князь Дмитрий Михайлович Пожарский,[33] Алексей Никитич Трубецкой,[34] боярин Колтовский,[35] Иван Никитич Романов[36] и др., но особенно был по-

ским, однако постоянно просил царя об увольнении в Нилову пустынь, куда был отпущен в 1640 г. См.: Историческая записка о Ниловой пустыни. Тверь, 1853. С. 5–11, 19–23, 31; *Успенский В.* Преосвященный Нектарий — второй настоятель Ниловой Столобенской пустыни, бывший архиепископ Сибирской и Тобольской, 1587–1667. Тверь, 1882.

[31] Ср.: «Да и до смерти мне надобно помнить, какова милость Божия надо мною грешным была в пустыни и что мы кушали вместо хлеба сие брашно: траву папорт и кислицу, ухлевник, и дягиль, и дубовые желуди, и дятлевину, и с древес сосновых кору отымали и сушили и, с рыбою смешав, вместе истолкли. То нам и брашно было, а гладом не уморил нас Бог» (1770; Два памятника древнерусского монастырского быта (XVII века) // Русский архив. 1873. Кн. 3. Вып. 9. Стлб. 1773–1774).

[32] О Дионисии Зобниковском см. в прим. к путешествию М. И. Семевского.

[33] Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (1578–20.04.1642), один из организаторов освобождения Москвы от поляков в 1612 г.; присутствовал в Ямском (1625), Разбойном (1621) приказе; воевода в Новгороде (1628–1631), управлял Судным приказом (1635).

[34] Трубецкой Алексей Никитич, князь (1628–1663), боярин (1645), при коронации Александра Михайловича ближний боярин, судья в приказе Казанского дворца и наместник казанский (1660); заключил договор о мире с Польшей, вел переговоры о мире с Швецией. См.: Сказание о роде князей Трубецких. М.: изд. кн. Р. Э. Трубецкой, 1891.

[35] Видимо, Колтовский Иван Александрович († 1630/1631), в 1611 г. вместе с Д. М. Пожарским и И. М. Бутурлиным руководил народным восстанием против поляков в Москве. По воцарении Михаила Федоровича участвовал в походах 1616–1618 гг. против Лисовского; воевода в Вязьме (1617), Калуге (1618), Нижнем Новгороде (1619); судья в Патриаршем судном приказе (1625–1626).

[36] Романов Иван Никитич († 18.07.1640), дядя Михаила Федоровича Романова. В 1613–1614 гг. князь Б. М. Лыков спорил с ним о местничестве.

лезен монастырю новый владелец Селигерской вотчины князь Борис Михайлович Лыков, пожертвовавший ему остров Городомлю с рыбными ловлями[37] и полуостров Светицу, о котором я упоминал в предыдущей главе.

При посредстве Ивана Михайловича Катырева-Ростовского[38] Нектарий получил доступ ко двору и так понравился царю Михаилу Федоровичу,[39] что по государеву желанию был возведен в сан архиепископа Сибирского и Тобольского. Но питомец Ниловой пустыни не мог вынести разлуки с нею и через четыре года испросил разрешение вернуться на Столобный. Царствование Алексея Михайловича[40] ознаменовалось для обители пожалованием права безоброчной рыбной ловли на озере Ильмене и назначением обильной денежной и хлебной руги. В монастыре уже было две деревянных церкви, но в ночь на 27-е августа 1665 г. пожар истребил все монастырские здания. Нектарий не пал духом и, устроив наскоро маленькую деревянную церковь, стал подумывать о сооружении каменного храма над могилой преподобного. Он поехал в Москву ходатайствовать о разрешении собирать пожертвования, а вернувшись домой, начал готовить материал. В следующем 1667 году он опять ездил в Москву, но здесь неутомимого старца постигла тяжкая болезнь, которая унесла его в могилу. Отпевание совершил в Чудовом монастыре[41] патриарх Антиохийский Макарий (бывший в Москве для суда над Никоном).[42] Тело покойного, согласно завещанию, было отправлено в пустынь, и сам царь Алексей Михайлович пешком проводил его за пределы Москвы.

---

[37] Ср. о Городомле у Озерецковского.

[38] Катырев-Ростовский Иван Михайлович, князь († 11.1640), служил при Борисе Годунове, муж сестры Михаила Романова, в 1613 г. участвовал в избрании его царем, занимал высокие административные и военные должности. Катыреву-Ростовскому приписывают «Повесть книги сея от прежних лет: о начале царствующего града Москвы…» (1891) о событиях от царствования Ивана Грозного до избрания Михаила Федоровича (*Гудзий Н. К.* К вопросу о составе «Летописной книги», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 290–297).

[39] Михаил Федорович (12.07.1596–12.06.1645), первый царь (21.02.1613) из династии Романовых.

[40] Алексей Михайлович (Тишайший, 3.03.1629–30.01.1676), царь (1645), сын царя Михаила (от брака с Е. Л. Стрешневой).

[41] Чудов (Алексеевский Архангело-Михайловский) монастырь основан в Московском Кремле ок. 1358–1365 гг. митрополитом Алексеем. До 1561 г. его настоятель считался первым среди игуменов русских монастырей. Закрыт (1930-е).

[42] Макарий III, патриарх Антиохийский (в миру Иоанн Заим, 1648–1685), на поместном московском соборе (1656) поддержал меры Никона против раскольников; присутствовал на соборе 1666 г., осудившем Никона.

К следующему году материал для постройки каменной церкви был вполне готов, и преемник Нектария Герман II[43] приступил к копанию рвов для фундамента. По плану, ров на левой стороне храма должен был проходить в расстоянии полутора аршин от гроба преподобного. 27-го мая 1667 года рабочие поравнялись с этим местом, но лишь только ров выкопан, как земля подле гроба осыпалась, и глазам всех представились нетленные мощи преподобного, лежавшие в совершенно истлевшем гробе.[44] День обретения мощей и до нашего времени составляет великий праздник не только для обители, но и для всей окрестности. К этому дню в монастырь сходятся от 15 до 25 тысяч богомольцев, из Твери приезжает архиерей, и из Осташкова на особой барке, убранной разноцветными флагами, отправляется большой крестный ход в обитель. За ним движется по озеру масса лодок разного вида и величины с окрестным народом и пришлыми богомольцами. В хорошую майскую погоду картина этого празднества представляет, говорят, удивительное зрелище.

Вклады и пожертвования в обитель продолжались и в царствование Федора Алексеевича,[45] но при Петре приняли другой оборот. На монастырские мельницы и рыбные ловли был наложен оброк, отменена сперва рыбная выдача из кормового двора, установленная при прежних государях,[46] а потом прекращена и хлебная руга.[47] Монастырь начал беднеть; средств не хватало даже на ремонт зданий, деревянные крыши текли и обваливались, а тут, как на грех, в мае 1717 г. нагрянули на остров разбойники под предводительством атамана Петрушки, ворвались в платяную палату и забрали оттуда не только все монастырские пожитки, но и имущество окрестных помещиков, отданное в обитель на хранение.

---

[43] Иеромонах Герман II, настоятель Ниловой пустыни (1667—1672), из крестовых иеромонахов Новгородского архиерейского дома.

[44] Деньги на строительство каменной церкви Богоявления Господня на месте деревянной пожертвовал царь Алексей Михайлович, благословил строительство Новгородский митрополит Питирим. Для возведения нового храма потребовалось разобрать часовню, в которой находились под спудом мощи прп. Нила; обретены 27 мая 1667 г.

[45] Федор III Алексеевич (30.05.1661—27.04.1682), царь (29.01.1676), старший сын царя Алексея и его первой жены Марии Милославской. В 1680 г. заменил отпуск хлеба и харчевых припасов в Нилову пустынь четырьмястами рублей ежегодно. Сверх того, пожаловал на оз. Ильмень рыбную ловлю в два невода и полупустошь Погорелое. В церковь пожаловал дорогое Евангелие, богатые священные сосуды со всем прибором.

[46] В 1698 г. Петр I пожаловал монастырю озз. Серемо и Тихмино с речками Серемхою, Каменкою и Тихминкой.

[47] Руга (греч. житница) — отсыпной хлеб, раздаваемый духовенству вместо жалованья.

Но это злоключение было последним. Через три года Петр вместо руги пожаловал монастырю право на ловлю рыбы в Селигере, которое при Анне Иоанновне[48] по просьбе монахов было заменено денежною выдачей. В конце прошлого и в начале нынешнего столетия явились и щедрые частные благотворители, которые на свои средства совершенно преобразили внешность монастыря и окончательно упрочили его благосостояние.

VI. Нилова пустынь

На следующий день нам предстояло осмотреть пустынь, побывать в Осташкове и к вечеру проехать по Березовскому плесу Селигера в деревню Свапущи,[49] от которой считается до истока Волги не более 12 верст. Мы думали взять в Осташкове лодку, но Николай и Звонарев посоветовали нанять до Свапущей монастырский пароход, и потому первым нашим делом поутру был визит на пароходную пристань.

В знакомой нам уже бухте стоял теперь только маленький пароходик «Нил», большой же — «Нилова пустынь» — ушел в Осташков, куда он ежедневно ходит два раза за богомольцами. Мы сообщили машинисту «Нила» о своем желании проехать в Осташков и Свапущи. Он сходил к казначею и принес ответ, что пароход до Свапущей стоит 15 рублей, в Осташков же казначей предлагал съездить за ту же цену, бесплатно — на большом пароходе, когда тот перед вечерней отправится вторично за богомольцами. Мы согласились.

Поздняя обедня еще не началась, и машинист предложил нам побывать покуда у «Нила сидящего».

— Сейчас я отца Ефрема кликну, — добавил он, уже направляясь к маленькой часовне, стоящей на берегу подле пристани. Вскоре из нее появился о. Ефрем с большой связкой ключей, и мы отправились вдоль дороги, проложенной в тени громадных деревьев, которыми мы любовались еще из гостиницы.

На высоком западном берегу острова, на месте пещеры, в которой преподобный провел первую зиму на Столобном, находится каменная церковь Иоанна Предтечи, построенная в конце прошлого столетия помещиком Челищевым.[50] Пещера эта, найденная также во время копа-

---

[48] Анна Иоанновна (1693—1740), императрица (1730—1740).

[49] О д. Свапуще см. в путешествии Е. П. Вишнякова.

[50] Церковь Иоанна Предтечи (1781), каменная, двухэтажная, с небольшой колокольней и Покровским приделом в нижнем этаже; находилась за оградой монастыря на западной стороне острова на месте пещеры, выкопанной прп. Нилом. Не сохранилась. Секунд-майор, торопецкий помещик Иван Сергеевич Челищев принял постриг и жил в Ниловой пустыни, построил церковь, завещав похоронить себя в ней; ср. путешествие Н Я. Озерецковского (*Тверь 2*, с. 42).

Нилова пустынь с юго-восточной стороны. Рисунок. 1892

ния рвов для фундамента, приходится в северо-западном углу нижнего этажа, где устроена церковь во имя Покрова Богородицы. Угол обделан в форме ниши, наподобие пещеры, в которой помещено резное изображение угодника в три четверти натуральной величины — это и есть «Нил сидящий». Святой представлен опирающимся на крюки, в том положении, в котором увидел его после кончины игумен Сергий. На изображение поверх резной схимы накинут черный бархатный епитрахиль.[51] Маленькие копии с этой резной фигуры далеко распространены по всей окрестности; мы видели их и в Соснице, и в Полнове, и даже в Валдае. Говорят, что прежде эти копии изготовлялись в громадном количестве окрестными крестьянами и продавались по 12—15 копеек, но теперь монастырь, будто бы под предлогом грубости этих работ, запретил крестьянам продажу и продолжает продавать их уже только от себя. Впрочем, круглые фигуры теперь и в монастыре почти не продаются, их заменили резные плоские иконки за стеклом.

О верхнем этаже Предтеченского храма о. Ефрем отозвался, что там ничего нет, и повел нас к другой церкви, Воздвиженской, находящейся неподалеку, на юго-западном мысу острова.[52]

---

[51] Епитрахиль — обрядовое облачение священника, надевается на шею в виде передника с крестами из двух широких лент, спускающихся до земли.

[52] Церковь Воздвижения Честного Креста Господня (1784—1788), каменная одноглавая однопрестольная, выстроена в стиле барокко (не рококо) вне ограды монастыря в юго-западной части острова на средства петербургского купца, осташковского мещанина Саввы Яковлевича Яковлева (Собакина, 28.11.1712—21.02.1784).

Нилова пустынь. Башня-маяк и полуостров Светлица. Рисунок. 1892

Ветер за ночь окреп и теперь будто носился в пространстве, вздымая на озере пенистые волны и раскачивая вершинами деревьев старой рощи, по которой мы проходили. О. Ефрем бодро шел впереди, указывая дорогу. Волоса его то и дело взлетали на воздух, полы подрясника развевались по ветру, и только тяжелая связка ключей, не поддаваясь порывам вихря, мерно раскачивалась в такт его походке. Церковь стоит на открытом возвышении и окружена невысокою оградой. Построена она почти в одно время с предыдущею. Прежде на этом месте находилась каменная часовня в память пребывания и подвигов угодника в Серемской пустыни. Церковь имеет в плане квадрат, переходящий наверху в осьмиугольник. Она построена в стиле рококо и особенно внутри, благодаря обилию света, производит крайне приятное впечатление. Живописные резные и лепные работы исполнены исключительно осташковскими мастерами Верзиным и Конягиным, старавшимися превзойти себя из усердия к преподобному, и труды их были поощрены монаршим одобрением. Император Александр I во время посещения обители в 1820 г. обратил особое внимание на отделку этой церкви, расспросил о мастерах и похвалил их в самых лестных выражениях.[53]

Отсюда о. Ефрем провел нас опять к пристани, к маленькой часовенке, из которой его вызвали. Здесь находятся остатки высокого пня

[53] Осташковские мастера Кондратий Семенович Конягин и Илья Михайлович Верзин во второй половине XVIII в. оформляли интерьеры Петропавловской церкви монастыря и Троицкого собора в Осташкове. Александр I побывал в монастыре в 1820 г. и пожаловал золотую панагию с золотой цепочкой, украшенную бриллиантами, а настоятелю монастыря архимандриту Павлу золотой наперсный крест с драгоценными камнями.

от дерева, под которым спасался преподобный; теперь под ним спасается о. Ефрем, и койка его пристроена позади пня.

Поблагодарив нашего провожатого, мы направились по аллее, проложенной под монастырскою стеною вдоль берега от самой пристани, у которой стоял теперь и большой пароход, вернувшийся из Осташкова.

Мы присели на одну из скамеек, которыми щедро снабжена эта береговая дорожка. На аллее от пристани показался монах с курчавой седой бородою, в подряснике, в круглой шляпе котелком, с сумкою через плечо, на шее у него покачивалась серебряная часовая цепочка.

— Здравствуйте, господа, — обратился он к нам. — Это вы желаете ехать в Березовское плёсо?

— Мы.

— По-моему, вам будет гораздо удобнее ехать с нами.

— И вы туда же?

— Нет, я, собственно, кассир с большого парохода, так вам лучше ехать на нашем, чем на маленьком.

— Как вам угодно.

— Отлично будет, уверяю вас. Теперь мы вас в 2 часа отвезем в Осташков, там часика два погуляете, потом заедем на минутку сюда, только народ высадим, а сами и дальше в Свапущи.

— Можно и так.

— Только цена на большом пароходе будет на 3 рубля дороже. И я вам прямо скажу, — заторопился он, — что угоднику тут почти никакой пользы не будет. На дровах, да на том, на другом те же три рубля и выйдут, а уж съездим-то как! Свезем, одним словом, и скоро, и удобно. Уж вы трех рубликов не пожалейте.

Чтобы сделать ему удовольствие, не пожалели трех рубликов и расстались с ним до двух часов.

В монастыре ударили в колокол. Мы продолжали путь вдоль берега и вскоре поравнялись с восточными воротами монастыря, против которых в 1813—1814 гг. устроена каменная пристань для приема крестного хода из Осташкова в день обретения мощей.[54]

Полюбовавшись на лежащий напротив знакомый уже нам полуостровок Светицу с церковью Михаила Архангела,[55] мы дошли до северо-восточного угла, где в 1870 г. построена на берегу двухъярусная каменная башня со шпилем; здесь во время зимних метелей ставится

---

[54] *Дрызалов В.* Описание крестного хода из г. Осташкова к острову Столбному // Московские ведомости. 1849. № 64. Архиерейская пристань в пустыни сооружена в 1814 г.

[55] Церковь Михаила Архангела (1828), каменная, холодная, с теплым приделом Жен Мироносиц на полуострове Светлица. Не сохранилась.

фонарь, служащий маяком для проезжающих по озеру.[56] Эта симпатическая мысль принадлежит покойному архимандриту пустыни Иоасафу. Около башни устроена пристань для парома, соединяющего монастырь с фруктовым садом, огородом и скотным двором, помещающимися на Светице.

На колокольне раздался трезвон, возвещавший начало литургии. Мы вошли в монастырь и направились к собору.[57]

Большой трехпрестольный собор не отличается красотою. Он строился по плану архитектора Шарлемона с 1821 по 1833 год. Внутри он отделан под мрамор, украшен лепною работою и производит более выгодное впечатление, чем снаружи, хотя бросается в глаза недостаток света в главном наосе,[58] особенно в восточной части, где свет из окон загораживается иконостасом. Подле первого клироса, в арке, соединяющей главный храм с боковым приделом, покоятся мощи преподобного Нила в богатой раке, под сенью.[59] Стены боковых наосов не так давно расписаны художником Грибковым. Во всей отделке собора чувствуется щедрость и богатство.

---

[56] Имеется в виду Светлицкая башня (1863).

[57] Собор Богоявления Господня (1833), каменный, построен по проекту И. И. Шарлеманя, разработанному для Исаакиевского собора в Петербурге. Строительством руководил архитектор А. Дементьев Боттани (*Галашевич А.* Художественные памятники Селигерского края. М.: Искусство, 1983. С. 109—112). Приделы: Никольский и Благовещенский, в иконостасе которого размещалась святыня монастыря — первая икона Нила Столобенского, выполненная в 1595 г. иноками Иовом и Нифонтом, которые, «разведав подробно черты преподобного Нила от старцев, знавших угодника Божия еще при жизни <…> написали на доске первый образ его. И сей-то образ, обложенный басманным, позлащенным серебром, поставлен был при мощах преподобного в Благовещенском приделе» (Историческая записка о Ниловой пустыни, что на Селигере. Тверь: тип. Губ. правл., 1853. С. 6). «Когда написанный образ покрыли олифою и поставили на открытом месте против солнца, в то время жители деревни Богданова, по нынешнему названию Пачкова, отстоящей от пустыни в 3-х верстах, видели над островом необыкновенно яркое сияние. Об этом знамении скоро сделалось известным в пустыни, и все приняли его за удостоверение в надлежащей верности образа» (*Успенский В. П.* Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни. С. 12). Мощи прп. Нила Столобенского хранились в соборе до 1919 г., после закрытия монастыря перенесены в Вознесенский собор в Осташкове; в 1995 г. возвращены в обитель.

[58] Наос в православном храме — место, где собиралась церковная община для совершения богослужений.

[59] Там же находилась чудотворная келейная икона прп. Нила Столбенского — Владимирская (Селигерская) икона Божией Матери, украшенная в 1873 г. золотым окладом, она упоминается в житии святого; утрачена.

Служба шла в главном храме, пели монахи под управлением светского регента, пение нотное.[60] В то же время в правом приделе безостановочно служились молебны угоднику, у раки которого толпились богомольцы.

Несмотря на глухое, непраздничное время, народу в церкви было много. Вообще богомольцы в обители не переводятся, что видно уже из ежедневных двукратных рейсов парохода, исключительно только привозящего и отвозящего посетителей. В прекрасном описании пустыни, составленном местным археологом, осташковским протоиереем о. Владимиром Успенским,[61] говорится, что в день обретения мощей (27-го мая) и предшествующие ему два-три дня в обитель собирается до 35 тысяч богомольцев; в течение великого поста их пребывает до 30 тысяч, в продолжение года всего около 100 000 человек. Ко дню обретения в монастыре заготовляется 5000 хлебов по 20 фунтов каждый, а на печение просфор расходуется 25 мешков муки пятипудового веса.[62]

Мы подошли к свечному ящику, где продаются также иконки, крестики, фотографии и пр. Я осведомился о древней иконе преподобного Нила, хранящейся в монастыре, и старший свечник, иеромонах,

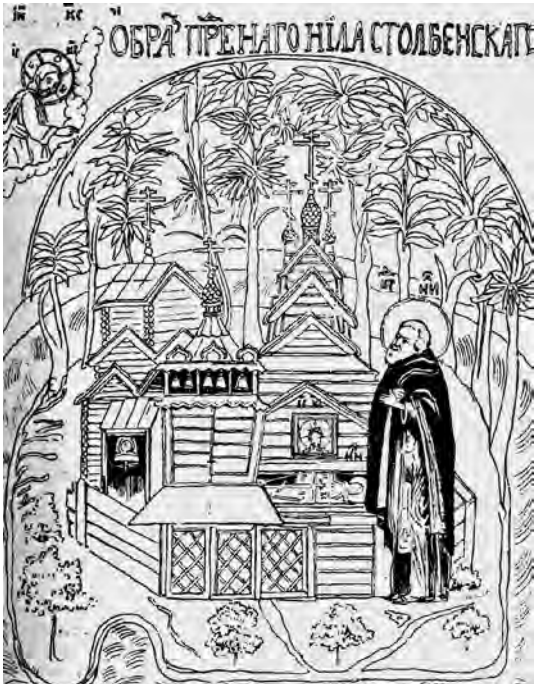
---

[60] При архимандрите Агапите (Воинове, 1839—1849) в Ниловой пустыни была возрождена традиция древнего церковного знаменного распева, существовавшего в России в XI—XVII вв. Знаменный распев представлял собой монодию, исполнявшуюся в унисон; лишь с середины XVI в. появляются элементы многоголосия. Знаменный распев утратил свое значение во второй половине XVII в. Внимание к нему вновь возрастает в начале XIX в. в связи с пробуждением интереса к русской национальной музыке. См.: *Успенский Н.* Древнерусское певческое искусство. М.: Музыка, 1965; *Дроздецкая Н. К.* Опекаловский распев: именование и бытование // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 80—91.

[61] Успенский Владимир Петрович (1824—1894), священник, краевед. Родился в с. Завидове Ржевского у. (ныне Оленинский р-н) в семье дьякона; преподавал в Осташковском уездном духовном училище (1850), священник Преображенской церкви в Осташкове (1868), протоиерей (1890). Изучал историю Ржевского и Осташковского у., член ТУАК (1884), действительный член Тверского губернского статистического комитета (1863). Изд.: «Записка о прошлом города Осташкова Тверской губернии» (1893), «Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни Тверской епархии Осташковского уезда» (1886), «Описание Осташковского Знаменского женского монастыря» (1890). Рукописи: «Исторические заметки об Осташковском уезде» (б/д), «Описание коллекции рукописей, икон, старопечатных и лубочных изданий, переданных в Тверской музей в 1877—1893 гг.» (1893), «Описание рукописной коллекции, поступившей в Тверской музей в 1884—1891 гг.» (б/д). См.: *Соколов Л.* Протоиерей В. П. Успенский. Тверь, 1895.

[62] См.: *Успенский В. П.* Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни.

любезно проводил меня в алтарь левого предела,[63] где она находится. Икона действительно очень интересна: на ней изображена, хотя и не особенно искусно, древняя пустынь времен Нектария, между 1641 и 1648 годами.[64] Левее от колокольни, стоящей на первом плане, видна одноглавая соборная церковь Богоявления Господня с приделом московского чудотворца Василия Блаженного с трапезою и келарскою, которые, впрочем, на иконе прикрыты колокольнею; видимые же из-за колокольни фронтоны относятся, вероятно, к самой церкви, состоявшей из нескольких срубов. Эта церковь построена в 1636 году над могилою преподобного; в 1665 г. она сгорела и заменена каменною, при постройке которой, как я уже говорил выше, совершилось открытие мощей угодника. Церковь о трех главах направо от колокольни построена Нектарием в 1622 году во имя Покрова Богородицы; на ней было пять глав; но две задние главы прикрыты в рисунке передними. Перед колокольнею — святые ворота, деревянные, косящатые, с калиткою. Налево от колокольни, в особой пристройке, помещен благовестный колокол, пожертвованный около 1641 года князьями Иваном и Юрием Ромодановскими.[65] Лик преподобного, молящегося облачному Спасу,



Икона XVII столетия с изображением Ниловой пустыни между 1641—1648 годами. Прорись

[63] Икона находилась в иконостасе Благовещенского придела Богоявленского собора.

[64] В настоящее время икона хранится в собрании музея «Коломенское» в Москве.

[65] Ромодановский Иван Иванович, князь (Меньшой; † 1675), воевода, боярин; первый воевода большого полка в Туле (1633). Ромодановский Юрий Иванович, князь († 1683), стольник (1648), воевода в Могилеве (1655), глава пуш-

близок к другим древним изображениям, одно из которых, написанное в 1595 году монахами Оршинского монастыря Иовом и Нифонтом, было положено на гробницу преподобного и в уменьшенном виде показано на иконе вместе с гробницею, которую художник изобразил впереди Покровской церкви, тогда как на самом деле она находилась в храме Богоявления.

У свечного ящика заказываются молебны. Меня удивило, что заказчики, отдав поминанье, начинали перебирать образки, выставленные для продажи. Оказалось, что здесь молебны служатся с своего рода премией. Заказчик после молебна получает образок, как бы в благословение от обители, на самом же деле это благословение действительно обращается в премию, так как образок заранее выбран заказчиком по своему вкусу, и сообразно величине образка установлена такса и за самый молебен, начиная от рубля: менее рубля молебен полагается уже без иконы.

Продажа образков преподобного началась очень давно; о ней упоминается еще в 1663 году. Не знаю, каковы были цены тогда, но теперь и образá, и книги, и фотографии — всё очень дорого, особенно в сравнении с другими монастырями.

Из собора мы отправились в гостиницу.[66] Один из наших товарищей, человек аккуратный и бережливый, исправляющий должность нашего путевого казначея, зашел в просфорную, чтобы купить на дорогу десяток просфор, но вернулся ни с чем и сильно не в духе.

— Помилуйте, — жаловался он, — это просто невозможно! Сегодня за чаем сам платил отводчику по пятачку за штуку, теперь явился в депо, там меня осмотрели, взвесили, оценили и за эти же просфоры требуют по 15 коп., да еще и продают неохотно, а навязывают рублевые. Это показалось мне так бесцеремонно, что я не взял ничего.

Но разочарования его на этом не кончились. Придя в свою комнату, мы стали укладывать вещи: приближалось время отправляться на пароход.

— А за ночлег как вы рассчитаетесь? — спросили мы нашего казначея.

— Я вчера у Звонарева справился. У них есть кружка, и кто сколько хочет, столько и опускает; 20, 30 копеек. Я им приготовил рубль.

— Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас! — послышался в коридоре голос, сопровождаемый легким стуком в дверь.

карского приказа (1667—1671), воевода в Казани (1673—1676). Они пожертвовали монастырю пятидесятипудовый колокол в 1672 г., в 1845 г. он был перелит.

[66] Монастырская гостиница построена в 1734—1799 гг.

— Аминь.

В комнату вошел монах с книгою под мышкой.

— Вы, господа, уезжаете?

— Уезжаем, — отозвался казначей.

— Не пожелаете ли вписать сюда свою жертву на обитель? — монах протянул книгу.

Казначей судорожно провел рукою по волосам и взялся за перо…

— Вот тебе и кружка! — воскликнул он по уходе монаха.

— Что же вы написали?

— Да что же напишешь меньше трех рублей?!.

VII. Осташков

На пристани пароходный кассир встретил нас как старых знакомых и отдал в наше распоряжение дамскую каюту. Пароход тронулся.

Мы несколько времени любовались общим видом монастыря, который с воды особенно красив и внушителен. Ехавшие с нами богомольцы долго еще крестились, глядя на остававшуюся позади величавую обитель, и наконец чинно уселись по лавкам. Некоторые из них придвинулись поближе к монастырскому послушнику, ехавшему в город «по своим делам» и читавшему вслух какую-то книжку, с приличными пояснениями и толкованиями.

Ветер после полудня стал потише, и хотя по озеру еще расхаживали порядочные волны, но белые гривы уже исчезли.

Пароход миновал лесистый остров Городомлю, и вскоре направо потянулся окруженный старою рощею Осташковский Житный монастырь,[67] а впереди, омываемый с трех сторон водами Селигера, развернулся и сам Осташков с своими домиками, церквами и колокольнями.

---

[67] Богородичный Житенный мужской монастырь (1716) посвящен Смоленской иконе Богоматери Одигитрии, защитнице и покровительнице Осташкова; закрыт (1920-е), возобновлен как женская обитель (2002). Ансамбль монастыря: церковь Иконы Божией Матери Смоленской (1737—1742); надвратная церковь Иоанна Богослова и Андрея Первозванного (1768); каменная колокольня над западным входом в Смоленский собор (1751) с большим «благовестным» колоколом в 60 пудов; одноэтажная каменная братская трапезная с кухней (1756), придел во имя новоявленного чудотворца свт. Димитрия митрополита Ростовского (1762); одноэтажный каменный флигель братских келий (1772), ограда и башни (1760—1761, построены на средства Саввы Яковлева); двухэтажный каменный корпус настоятельских келий (1834). На территории монастыря размещалось духовное училище (1751—1758, 1772—1780), духовное правление (1773). *Сычева Ираида*. Житенный Богородицкий женский монастырь в Осташкове. М.: изд-во МГУ, 2006; *Успенский В.* Описание Осташковского Знаменского женского монастыря. Тверь, 1890.

Недалеко от пристани нам указали два городских собора, помещающихся в одной общей ограде. Узенький переулочек только для пешеходов ведет мимо ограды на большую улицу и выводит прямо к почте. Мне надо было получить несколько писем, адресованных в Осташков; товарищи мои прошли на бульвар, который тянется вдоль улицы и примыкает к соборной ограде.

Выходя из почтовой конторы, я наткнулся на корову, преважно разлегшуюся посреди дороги. Тихая, точно заснувшая, улица, окаймленная впереди неподвижными, дремлющими деревьями бульвара, и эта корова, с таким видимым удовольствием нежившаяся на солнышке посреди пыльной дороги, представляли довольно типичную картину провинциальной глуши. Я достал альбом и стал набрасывать эту мирную сценку. Мимо меня прошел какой-то местный житель, вероятно чей-нибудь работник. Он опустил письмо в кружку и в недоумении остановился подле меня.

— Рисуешь? — спросил он после долгого молчания.

— Рисую.

— Что же это ты рисуешь?

— Да тебе не разобрать.

— А ну-кась!

Он заглянул мне через плечо.

— Эвон дом, крышу вывел.

— А вот коровы-то и не приметил.

— И впрямь корова! Глядико-сь! Корова и есть! Ишь рога-то как обозначились... ишь, ишь! Ах ты!.. Да на что ж тебе корова-то?

— А любопытно мне, как у вас в городе по улицам коровы валяются, у нас, в Питере, этого не увидишь.

— А вы откуда?

— Из Питера.

— Из Питера?! А у вас, говоришь, нет?

— Нет. У нас не позволяют, наблюдают.

— Вот что! А почему же так?

— У нас порядок да чистоту наблюдают.

— Да, да, да. Вот диво-то! Ну, а ежели, примерно, кто свою корову держит?

— Те за городом пасут, а то на сене.

— На сене? Круглый год?

— Круглый год.

— Поди ж ты!

Я стал складывать альбом.

— Списал?

— Списал.

— Ну, и ловок же ты! А рога-то, рога-то!

Город Осташков. Рисунок. 1892

— Вот и ваша корова теперь в Питер попадет.

— Уж верно так. Прощай!

— Проездом, что ли? — крикнул он, уже отойдя несколько шагов.

— Проездом.

Я нашел на бульваре товарищей, и мы отправились осматривать город. Не успев пообедать в Ниловой пустыни, мы все давно ощущали аппетит довольно солидных размеров; но пароход стоял в городе всего 2 часа, и надо было спешить осмотром, забывая о тленных и бренных мира сего.

Впрочем, осмотру не суждено было состояться. Едва мы прошли несколько шагов, как хлынул такой дождь, что на улице оставаться было невозможно. Мы осведомились, где лучшая гостиница в городе, но до нее было довольно далеко, и мы успели порядком промокнуть, пока, наконец, увидели вывеску «Гостиница Золотой якорь».

Нас попросили во второй этаж, где есть «зало» и помещается старый, плохой бильярд.

— Обеды есть?

— Никак нет-с!

— А готовые порции?

— Тоже нет-с!

— Что же у вас есть?

— Приготовить можно-с всё что угодно.

Из всего что угодно мы наскоро заказали щи и курицу.

— А скоро ли будет готово?

— Через полчаса-с.

— Верно?

— Уж будьте покойны-с.

Полчаса прошло.

— Что же обед?

— Сейчас будет готов-с.

Проходит три четверти часа, наконец час. Время уходит, а половой бегает вниз и вверх, принося только одни успокоительные известия. Мы начинаем считать минуты. Об осмотре города уже не может быть и речи, теперь — дай Бог — только поспешить на пароход.

— Обед! обед!! — восклицаем мы уже с тоскою, чуть ли не в сотый раз.

— Сейчас! сейчас! — суетится половой и опять бежит вниз и снова возвращается с пустыми руками.

Через 20 минут нам надо быть на пароходе, а обеда нет. Казначей поднимается с своего места и посылает повару грозный ультиматум, что, если обед не будет подан сию де минуту, мы уходим.

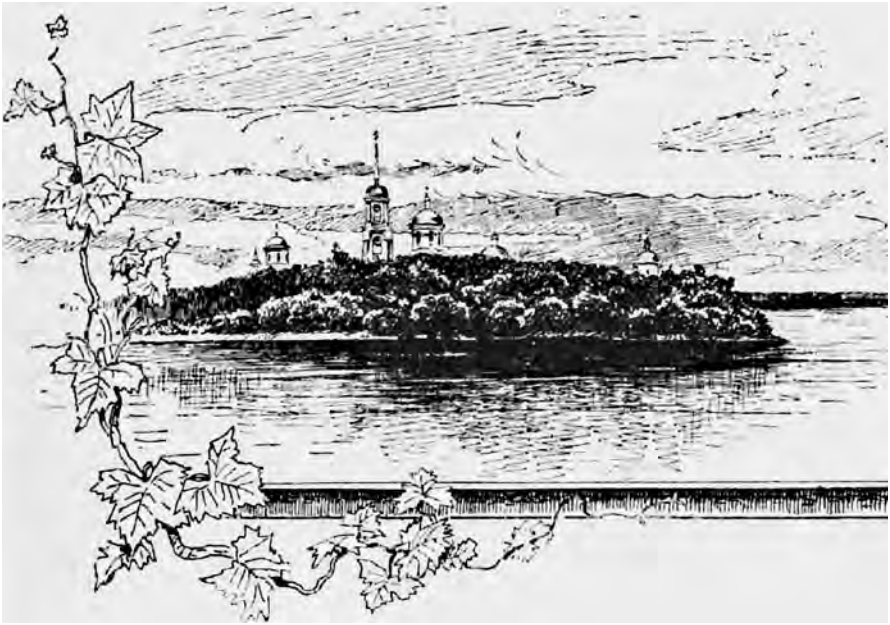
Приносят обед, но, увы, несмотря ни на какие пословицы, утверждающие, что голод есть лучший повар, лучшая приправа и т. д., мы при всем желании должны были удовольствоваться одним только лицезрением поданных яств, до того всё это было горячо и в то же время недоварено. Схватив наскоро по одной полусырой картофелине, мы отдали деньги и бросились бежать. Кто-то попробовал браниться, но оказалось, что и браниться уже было некогда.

На пароход мы прибежали уже после второго свистка, и через минуту он отвалил от берега.

На палубе находилась новая толпа богомольцев, человек в сорок; преобладали бабы. Послушник, ездивший в город по своим делам, вероятно, справил их вполне удовлетворительно, так как сидел на носу один, никакой книжки более не читал и находился в очень веселом расположении духа. С ним-то мы и пробеседовали всю дорогу, так что не заметили, как вернулись в монастырь.

VIII. Березовское плёсо

Лишь только богомольцы вышли на пристань и стали подниматься к монастырю, как на пароходе началась спешная выгрузка товара. Из большого ящика в носовой части, устроенного, вероятно, для склада пожитков команды, появилась бутылка мадеры, за нею сверкнула на солнце посудинка с российскою светланой, показались на свет Божий и другие заключенные: несколько бутылок пива, херес, наливка



Нилова пустынь с северо-западной стороны. Рисунок. 1892

и т. д. Получатели уже поджидали на пристани и, спрятав его за пазуху, спешили в монастырь.

Глядя на эту сцену, мне невольно припомнилась заповедь Нектария братии[68] и ее результаты: «И ныне аз, многогрешный Нектарий, — писал он в 1666 году, — со слезами прошу и молю вас, священники и диакони, и вся братия сея обители... чтоб при мне во святей сей обители хмельного пития не было, и по смерти моей не заводить, и в монастырь не вносить, и самим в монастыре и вне стен монастыря, отходя, не пить де, и жить во обще». «А кто, — продолжает епископ, — забыв милость Божию и наше благословение презрев, учнет бражничать, пить хмельное питие и что имети свое, а не обще,

[68] Далее цитата из «Заповеди святителя Нектария о трезвости и общежитии» (2 апреля 1666), см.: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. / изд. подгот. Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Вып. X. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 283. Как известно, христианство не запрещает употребления вина, связанного с обрядовой стороной жизни церкви, с евхаристией, но осуждает пьянство. В «Калязинской челобитной» (ок. 1677) изображается жизнь монахов Троицкого Калязина монастыря, проводящих время в безделье и пьянстве (Памятники литературы Древней Руси: XVII век / подг. текста и комм. Н. В. Понырко. М.: Худож. лит., 1989. Кн. 2. С. 211–214, 608–609).

и такова бражника, и ослушника, и самолюбца от святого сего места из обители изгнать». Постановление об изгнании было принято всею братиею, но не прошло и трех лет, как преемник Нектария Герман уже доносил митрополиту Питириму[69] о сопряженных с изгнанием неудобствах, потому что некоторые старцы, «желая пить хмельное питие, а некоторые и для пожитков, стали уходить из монастыря, унося с собою платье и прави́льные книги».[70] Время было смутное; в церкви начинал развиваться раскол. Раскольники встречали таких старцев, приносивших правильные книги, с распростертыми объятиями. И Питирим принужден был отменить изгнание, заповеданное Нектарием, заменив его «монастырским смирением, смотря по вине».[71] Правда, что в 1774 г. Платон, архиепископ Тверской и Кашинский,[72] сделал на обороте Нектариева постановления надпись: «Сие установление и аз сужду быти богоугодно и полезно», но упомянутые Германом «некоторые старцы», вероятно, и до сих пор не могут перевестись в монастыре. А впрочем, еще самим равноапостольным князем замечено, что Руси веселие — пити.[73]

— Есть у нас и самоварчик, — подошел к нам кассир, — как только выедем, сейчас для вас и согреем, а потом уж и сами попьем.

Мы поблагодарили.

Действительно, лишь только пароход вышел из бухты и обогнул остров, как самоварчик уже появился в каюте, но нам не хотелось

---

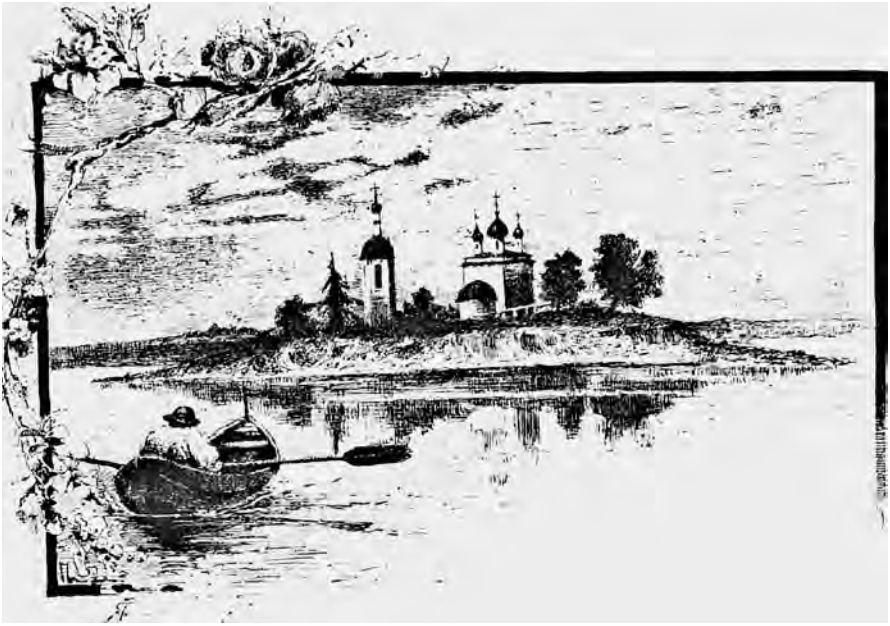
[69] Питирим († 19.04.1673); архимандрит Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря (1650), переведен в Московский Новоспасский монастырь (1654), епископ Сарский, с возведением в сан митрополита (1655), митрополит Новгородский и Великолукский (6.08.1664). По удалении патриарха Никона управлял делами патриаршества; патриарх Московский и всея Руси (7.07.1672). В 1673 г. по его благословению основан Осташковский Знаменский женский монастырь.

[70] Ср. в «Грамоте Питирима, митрополита Новгородского и Великолукского, в Нилову пустынь о запрещении инокам держать по кельям хмельное питье» (9.12.1668): «...и многие старцы, не хотя жить в монастыре, но хотя пить хмельное питье, а иное де и для пожитков своих из тое Ниловой пустыни выбегают и платье и правильные книги с собой сносят» (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб.: тип. II Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1836. Т. IV. С. 218–219. № 165).

[71] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи... С. 218.

[72] О митрополите Платоне см. в путешествии М. И. Семевского.

[73] «Веселие Руси есть пити, и не можем без того быти» — фраза, которую в «Повести временных лет» говорит киевский князь св. равноап. Владимир Святославич († 1015), когда в 986 г. он выбирал веру для Руси. Мусульманство запрещало употребление вина, и он предпочел православие, поскольку церковь использует вино в обряде причастия.



Николо-Рожковский погост. Рисунок. 1892

уходить с палубы, и мы продолжали смотреть на монастырь, здания которого долго еще виднелись из-за окружающего бора.

На левом берегу, на мыске, показалась церковь Никола Рожок.[74] Я уже говорил, что в старину здесь был монастырь, из которого вышел основатель Ниловой пустыни, теперь же на месте обители стоит уединенный молчаливый погост.

Вскоре пароход вышел в Березовское плёсо, более похожее на широкую реку, чем на залив озера. По обоим берегам потянулись большие имения и усадьбы.

Мы наскоро сбегали напиться чаю и через несколько минут были уже снова на палубе.

Пароход приближался к имению Ельцы на левом берегу, с церковью и большим барским домом.[75] Не успели мы развернуть свою походную карту, как из трюма появился машинист в очень разговорчивом настроении духа и, подойдя к нам как к старым знакомым, заговорил, указывая на Ельцы.

---

[74] Церковь Успения (1763) с надвратной колокольней (1770) и оградой с башнями (конец XVIII — начало XIX в.).

[75] Усадьба Новые Ельцы Осташковского у., см. в путешествии Озерецковского и Вишнякова.

— Вон впереди виднеется дом, так разве только одно Юсуповское имение с ним может сравниться.[76] Было Толстых, теперь Сафонова, — продолжал он, подсаживаясь к нам. — И чего только в этом доме не было: и театр, и тюрьма для крепостных — эн, эн, направо башня-то угловая, — и зала танцевальная, точно церковь, в два света, а наверху хоры. А сад, так я вам скажу, какой только чертовщины там нет; другой и самый ученый человек не скажет, зачем она.

Поговорив еще немного, он куда-то исчез, по всей вероятности промочить горло, и минут через пять уже снова сидел рядом с нами.

— А это вот на правом берегу имение — эн, крыша-то видна, — ну, это тонко; а подалее-то еще именьице видать, то и совсем слабо! А вон вдали лес-то виднеется, это — Игнатьевский, а мысы Телка и Бык прозываются. Покойник Павел Павлович Игнатьев,[77] бывало, всё с палкой ходил, и такой бедовый был на руку, что страсть! Меня раз чуть-чуть было не отвозил. А вон налево — имение Пущина гора;[78] там поблизости Жизневский нашел кости, горшок и копье и утвердил, что тут был языческий город.

Он опять исчез.

— Я здешние места очень хорошо знаю, — снова начал он, — направо Березовцы[79] и две церкви — это Тарасова.[80] А в Березовцах гора, если близко подойти, так немыслимо и подняться. Ходят уже

---

[76] Видимо, имение Юсуповых Архангельское (*Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в.: землевладение, землепользование, система хозяйства. М.: Сов. Россия, 1971. С. 33).

[77] Игнатьев Павел Павлович, граф (1848—1886), предводитель дворянства Осташковского у.

[78] Усадьба Абрамово (Пущина Гора) принадлежала штабс-капитану Алексею Алексеевичу Пущину (р. 1789), см.: О продаже имения // ТвГВ. 1841. № 28. С. 187; ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 1997. Л. 1—1 об. См. о ней в путешествии Озерецковского.

[79] По писцовым книгам 1495 г., Березовец принадлежал посаднице Марфе Исаковой. В нем указано городище, церковь и двор большой (*Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке. СПб., 1853. С. 184; Прил. С. 205). Во времена Великого Новгорода здесь был городок, принадлежавший боярам Борецким. Березовцы и Стерж упомянуты в договорной грамоте Новгорода с литовским великим князем Казимиром ок. 1440 г. (Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: тип. II Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1846. Т. I. № 39. С. 52—53). Ныне д. Березовый рядок (прежнее название — погост Березовский рядок) с каменной Покровской (1863) и деревянной Преображенской (1726) церквами, обе не сохранились.

[80] Д. Тарасова упоминается в путешествии Озерецковского.

с другой стороны, там поотложе. На горе-то церковь Вознесения, под горою — Преображения, а мыс будет Трунёво.

Плёсо оканчивалось; показались Свапущи. Машинист ушел, и через несколько минут пароход начал сбавлять ходу. Лоцман дал свисток. На берегу стали показываться люди. День был субботний; недалеко от воды топилась баня. Из нее выскочил какой-то красный силен во вкусе Рубенса,[81] с седою бородою, совершенно лысый, — посмотрел и ушел.

— Ну, вот и подъезжаем, вот и доставили вас в целости, в сохранности, — раздался позади нас голос кассира.

Мы поблагодарили его и команду. Все остались очень довольны и, остановив пароход, стали подводить лодку к трапу.

— Лодочка у вас плоховата — говорил лоцман, провожая нас по лестнице, — качкая больно. Новая, да такую смастерили, что…

И действительно, хотя до берега было не более 20 сажен, мы всё путешествие ни разу не подвергались такой опасности опрокинуться, как на этом переезде. Но дело кончилось благополучно. Распрощавшись с нами низкими поклонами, пароходная команда отправилась в обратный путь, и мы остались на берегу.

Еще вчера Николай советовал нас спросить в Свапущах Иуду и остановиться у него, так как и он, и семья его — вполне хорошие люди.

— Есть у вас в деревне Иуда? — спросили мы крестьян, собравшихся толпою и недоуменно посматривавших на нас.

— Есть Иуда. — Иуда Васильевич. — Есть такой, — послышались голоса. — Да вот и сын его.

Из толпы вышел молодой парень, которому мы отдали вещи, и он повел нас в гору к своему дому.

Мы в последний раз оглянулись на Селигер, считающийся питомником большинства населяющей Волгу рыбы, уже триста лет осеняемый высокими крестами Ниловой пустыни, и сказали ему сердечное спасибо за два дня, так приятно проведенные на его водах.

Иуда был в бане, и нас встретил его сын Василий, который, за выделом старшего брата Ивана, считается после отца большаком в семье. Вскоре явился и сам Иуда, оказавшийся скромным, степенным мужичком, да и вся семья его действительно очень симпатична.

До истока Волги отсюда считают 12 верст. Мы порядили туда назавтра две пары лошадей с тем, чтобы подводчики к вечеру доставили нас в деревню Овселуг, и, попросив разбудить себя с восходом солнца, улеглись спать.

---

[81] Силен — в древнегреческой мифологии воспитатель и спутник Диониса; веселый, добродушный, постоянно пьяный лысый старик с мехом вина. Тюменев имеет в виду картину П. П. Рубенса (1577—1640) «Пьяный Силен» (1618).

IX. Исток Волги

Из-за лесу было из-за темного,
Из-под чудного креста с-под Леванидова,
Из-под белого горюча камня Латыря,
Тут повышла, повышла, повыбежала,
Выбегала-вылегала матка Волга-река,
Местом шла она ровно три тысячи верст!
А и много же в себя она рек побрала,
Да побольше того ведь ручьев пожрала,
Широко-далеко под Казань прошла,
Шире, далей того да под Астрахань;
Здесь пускала устьё ровно семьдесят верст,
Выпадала во морюшко Хвалынское.

Былина[82]

Мы проснулись в четыре часа утра. Солнце только что поднималось над горизонтом, и косые лучи его золотистым светом брызнули вдоль широкой улицы спавшей деревни. День был воскресный; в переднем углу избы, перед образами, теплилась свеча. Семья Иуды была уже на ногах, занимаясь приготовлением к поездке: кто давал корму лошадям, кто мазал колеса, кто возился около самовара и т. д.

Но вот начала просыпаться и деревня. На улице появился пастух с своим коротеньким рожком, и за окном полились звуки его незатейливой песни. В одном из домов отворилась калитка, и в ней показалась корова, сопровождаемая хозяйкою. Где-то дальше выскочил на улицу теленок и вприпрыжку пустился по улице. Мало-помалу и из соседних домов стали появляться местные буренки и сивушки. А рожок так и заливался бесконечными переливами, и его гнусливые, мелкие трели далеко разносились в свежем утреннем воздухе. Минут через десять вся улица была полна коровами, тоскливые звуки рожка сменились их нестройным мычанием, и вскоре всё стадо удалилось из деревни, подняв густые облака пыли.

Напившись чаю, мы тронулись в путь. Стряпухи начинали топить печи, и дым легкими столбиками поднимался в недвижном воздухе. Двое из наших товарищей ехали впереди с Васильем, я и казначей следовали за ними; лошадьми правил Иван, старший брат Василия, уже успевший отбыть воинскую повинность.

За околицею деревни показался большой тенистый сад барской усадьбы.

---

[82] Эпиграф из былины «Добрыня и Алеша», известной в нескольких вариантах, однако источником является, вероятно, роман Д. Л. Мордовцева «Москва слезам не верит» (1885), в котором приводится этот фрагмент.

— Это Шаховских,[83] — пояснил наш Иван, — мы все ихними крепостными были. Отец те времена еще хорошо помнит.

— Он у вас старик бодрый.

— Здоровый старик и память хорошая. Помнит еще, как Николаевскую машину строили;[84] он там с тачкой не один год работал около Бологова. Тогда, говорит, их четырнадцать человек господа послали от нашей деревни. Да и много еще кой-чего помнит. Занятный старик. А вы, господа, на Волгу-то, должно быть, в первый раз? — обратился он к нам в свою очередь.

— В первый.

— Теперь всё больше и больше туда проезжать начали. Один помещик так нарочно лодку свою завел и проехал до самого Ржева, а потом уехал в Петербург, да там, говорят, и помер; хороший барин был. Другой так пешком от истока до самого Стержа прошел, — верст пять-шесть будет, — так сквозь кустовняк и шел по ямам, по кочкам.

Впереди сверкнула широкая полоса воды.

— Вот и Стерж-озеро показалось, — заметил Иван, — в него и Волга впадает, а левее, на берегу-то, деревня Коковкино.

Мы стали огибать озеро, направляясь к видневшейся на том берегу деревне Новинке с погостом Петра и Павла, от которого идет дорога к самому истоку Волги.[85] Путь наш пролегал по холмистой местности, покрытой полями и небольшими зарослями. Спустившись с одного пригорка, мы подъехали к маленькой речке, через которую был перекинут старый мост.

— А это какая река?

— Волга.

— Как Волга?

— Она самая; тут через нее и первый настоящий мост построен.

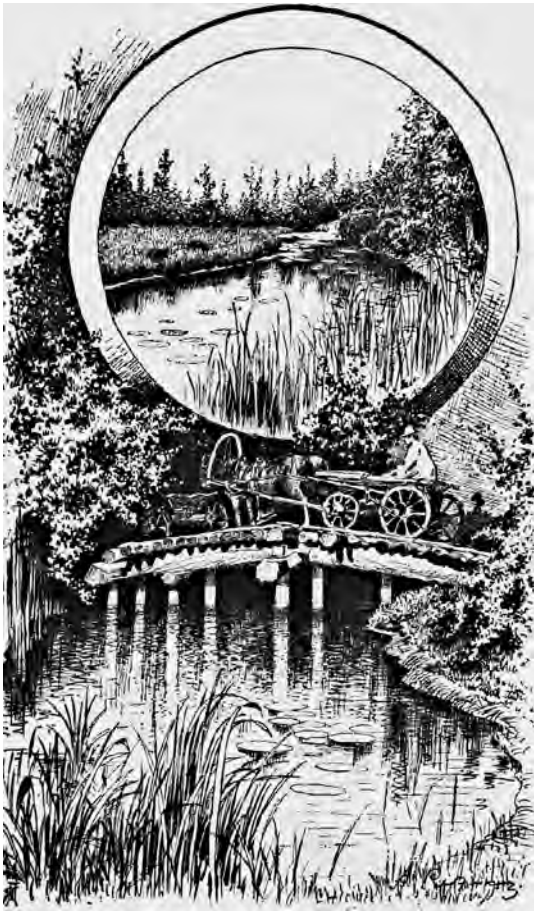
Мы остановились и сошли на берег. Крохотная речка скромно пробиралась под сенью густых ветвей, нависших над нею с противоположного берега. Выйдя из-под моста и очутившись на просторе, она вдруг делала шаловливый изгиб влево и пропадала из глаз за покрытым

---

[83] Усадьбой Покровское при д. Свапуща Залесской вол. владели князья Шаховские: ТвГВ. 1906. 1 сент. № 66. С. 1; Русский архив. 1912. Т. 1. С. 311—315; ГАТО. Ф. Р-1590. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 127; Ед. хр. 1198; Ф. Р-835. Оп. 8. Ед. хр. 175. Л. 12 об. В Осташковском у. Шаховским принадлежала также усадьба Каменка Ботовской вол. (Николай Владимирович Шаховской) и сц. Свапущи.

[84] Имеется в виду строительство Николаевской железной дороги.

[85] Д. Новинка в северо-западной части оз. Стерж. Рядом погост с церковью Петра и Павла, дворы причта. До 1807 г. церковь деревянная, каменная освящена в 1822 г. Вероятно, подрядчиком строительства был осташковский мастер Петр Иванович Цепляев.



Первый мост через Волгу.
В круге: вид с моста вниз по Волге.
Рисунок. 1892

цветами мыском левого берега. Для первого знакомства с Волгой трудно выбрать более симпатичную картинку; мы ее сфотографировали.

Проехав мост и лес, начинавшийся на том берегу Волги, мы снова выехали на открытое место, и перед нами во всю длину протянулось красивое озеро Стерж. Новинка с погостом Петра и Павла была уже недалеко. На карте погост этот назван Стержем, но здесь его так не называют, и зовут Стержем только озеро.

В Новинках народ выходил из церкви от заутрени. Подводчики наши остановились и начали справляться, которым берегом лучше проехать на обратном пути в Овселуг, так как сами там не бывали. Пошли толки, пререкания, споры и, наконец, решили, что ни тут, ни там дорогу похвалить нельзя, но все-таки лучше ехать здешним правым берегом. Василий начинал нервничать.

— Что это он кипятится? — спросили мы Ивана, когда снова тронулись в путь и свернули на дорогу к деревне Волговерховью.

— Да взялся-то он до Овселуга, немножко не подумавши. Время теперь горячее, кони заморены, завтра навоз возить, им сегодня постоять бы, поотдохнуть, а он сгоряча-то взялся; вот теперь его и разбирает.

Дорога потянулась холмами, большею частью по лесу; местами на дороге стояли непросохшие лужи, попадались ямы, огромные

камни. Избалованные хорошими дорогами, подводчики наши приуныли. От Петра и Павла до деревни Вороновой[86] считается 5 верст, а оттуда 2 версты до Волговерховья, но мы тащились уже целый час, а Воронова всё нет как нет. Только выберемся на полянку, а за нею опять лесок, за леском новая полянка, снова лесок, а жилья не видно и признаков.

Наконец показалось окруженное лесом яровое поле, а за ним вскоре само Вороново, состоящее всего из двух дворов. Теперь до цели путешествия было уже недалеко, и подводчики наши оживились.

Судя по описанию, находящемуся в книге Рагозина, и по приложенному к ней рисунку, мы думали, что нам придется прежде заехать в деревню, а оттуда идти к часовне над истоком Волги, одиноко стоящей где-то на болоте, в стороне от деревни, на деле же вышло иначе.

Из-за кустарника, окаймлявшего дорогу, показались с правой стороны крыши деревни, раскинутой на довольно высоком пригорке. В плетне, который давно уже тянулся позади кустов, вправо от дороги, оказались ворота; мы круто свернули к ним и, миновав их, очутились на берегу маленького ручейка, позади которого, на возвышении, была расположена деревня Волговерховье. Этот ручеек был Волга, а несколько левее виднелась на болотце и часовня, поставленная над самым истоком великой реки…

Оказалось, что В. А. Раевский,[87] осматривавший Волгу по поручению г. Рагозина, подъехал к Волговерховью по другой дороге, а угол зрения на приложенном к книге рисунке взят очень тесный: видна только часовня и вокруг нее несколько деревьев. Чтобы дать более ясное представление о характере местности, мы избрали для своего рисунка несколько иную точку, с которой видна часовня, и первые шаги новорожденной красавицы, и старая кузница — первая постройка на берегах Волги, и мостик, и поднимающаяся в гору деревня, в которой указано и местоположение другой часовни, поставленной в память бывшего здесь когда-то монастыря.

---

[86] А. Н. Островский ехал той же дорогой и указывал то же расстояние от погоста Петра и Павла до Волговерховья — 7 верст, но не называл д. Вороново.

[87] Раевский Валерий Александрович (р. 1845) учился на физико-математическом факультете Казанского университета, не кончил курса; преподавал русский язык в Сарапуле, Нижнем Новгороде (1865—1873), инспектор народных училищ Орловской, Рязанской и Нижегородской губ. (1884—1913), помощник организатора Отдела средних и низших учебных заведений на Всероссийской промышленной и художественной выставке (1896), организатор секции низших учебных заведений на Всемирной выставке в Париже (1900). Его материалы по географии, истории, народам бассейна Волги использовал В. И. Рагозин.

На берегу подле кузницы стояла какая-то баба. Увидев, что мы остановились и хотим пробраться к часовне, она предложила свои услуги и начала наскоро прокладывать жерди через болотце, поминутно обрываясь по колено в воду. Болотная трясинка тянется от часовни во все стороны на протяжении 10—15 сажен.

Когда путь был кое-как настлан, мы, вооружившись шестами, уходившими при каждом шаге в воду, пустились по жердям к часовне. Она, как видно, выстроена не так давно и внутри совершенно пуста. У двери нет ни лесенки, ни приступка, так что в нее приходится влезать, как в окно. Посреди часовни сделан невысокий сруб вроде колодца, в котором ежегодно 6-го августа святится вода, и Волга при самом своем рождении является уже освященною погружением в нее св. креста.

Едва ли не первым путешественником, составившим описание истока Волги, был академик Озерецковский, посетивший это место 10-го июля 1814 года. Он застал здесь только «кладезь» пространством сажени в полторы. «Сюда, — говорит он, — вбирается вода из ближайшего болота, ельником поросшего, и в сем водохранилище, которое жители Иорданью называют, она кажется стоячею; однако ж тихо пробирается ручейком в обширный буерак и дном оного продолжает путь свой под наклонности буерака». Над Иорданью в его время лежали «вдоль и поперек» старые бревна, оставшиеся «от бывшей некогда там часовни, которой из жителей никто не помнит, но известно по преданиям, что там была часовня, и вода в кладезе хранилась чиста и так прозрачна, что опущенная в нее булавка или полушка в нарочитой глубине были видны. Но когда не стало часовни, источник оставлен в небрежении и теперь воду содержит черную, тинистую, которую пить не можно». Озерецковский слышал, что в старинные года «вода сия почиталась лекарственною в глазных болезнях и разных наружных сыпях и что из дальних мест многие люди приезжали сюда лечиться, обмывали ею свои струпья». «Если ныне, — замечает он, — вычистить оный источник и обнести его срубом с кровлею, то от воды могло бы быть то же действие; но и без того исток толь знаменитой реки заслуживает быть уважен».[88]

Лет 25 назад другой путешественник, г. Поляков,[89] застал здесь часовню, но уже в полуразрушенном виде, а в книге г. Рагозина (1880)

---

[88] *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по Селигеру. С. 80—82.

[89] Поляков Иван Семенович (1847—1887), зоолог, антрополог и этнограф, посетил исток Волги летом 1874 г.: *Поляков И. С.* Об исследованиях в верховьях Волги // Известия Императорского Русского географического общества. 1874. Т. X.

Часовня над истоком Волги и деревня Волговерховье. Рисунок. 1892

приведен разговор с девяностолетним стариком, на памяти которого успели обветшать на этом месте две часовни.

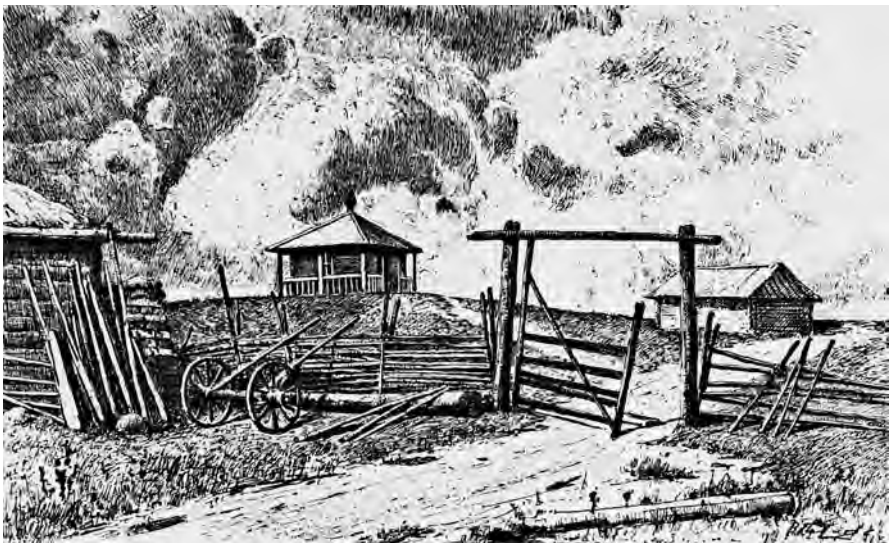
Глубина колодца в часовне около полутора аршин; вода в нем имеет болотистый, красновато-желтоватый оттенок. Вода эта, по словам крестьян, никогда не высыхает, ручеек же, начинающийся от часовни, в жаркое время сильно мелеет и даже пересыхает совсем, а вода держится только по ямкам. Вообще же старики утверждают, что прежде и вода была чище, и течение сильнее, и само болото обширнее.

На стенах часовни мы нашли с десяток надписей; здесь оставили свои автографы какой-то землемер из Москвы, «мимоходом посетивший матушку Волгу», инспектор народных училищ, некий господин, «изъездивший всю Волгу вдоль и поперек, от девяти фут до Ржева, за исключением одного маленького кусочка, и теперь явившийся посмотреть исток ее», и т. п.

Пока мы были в часовне, на берегу у кузницы уже собралось много любопытных. Несмотря на то что «господа» стали наезжать сюда всё чаще и чаще, каждый подобный наезд всё еще составляет для волговерховцев своего рода событие.

Мы осведомились о другой часовне, на месте упраздненного монастыря,[90] и крестьяне охотно провели нас в деревню, где направо, за их дворами, на пригорке помещается еще не старая по виду часовня,

[90] Волговерховский Спасо-Преображенский мужской монастырь был основан по указу царя Алексея Михайловича в 1649 г.



Часовня на месте упраздненного монастыря в деревне Волговерховье. Рисунок. 1892

обнесенная крытою галерейкою. Во времена Озерецковского на пригорке еще были заметки старинные могилы;[91] теперь их уже не видно, но крестьяне говорят, что в соседних огородах и посейчас еще находят кирпич, вероятно остаток монастырских печей, так как зданий каменных в монастыре не было. Он был основан в 1649 году и приписан к Ниловой пустыни. Основание монастыря состоялось по указу царя Алексея Михайловича, и деревянный храм обители построен во имя Преображения Господня с приделом в честь св. Иоанна Предтечи. Но находясь в стороне от дороги, в глухой пустынной местности, монастырь не мог похвастать приливом богомольцев, что, конечно, отразилось и на его дальнейшей судьбе. К концу XVII столетия он даже совсем запустел, и церковь, по выражению того времени, несколько лет «стояла без пения». Но еще до наступления следующего века монастырь был возобновлен, и Петр Великий пожертвовал в него два евангелия, псалтырь, требник и ирмолог.[92] Снова в храме раздалось пение, и опять ненадолго: в 1724 году обитель сделалась жертвою пожара; строитель и братия в числе десяти человек переведены в Нилову пустынь, а запустелое место сдано священнику погоста Стержи (Петра

[91] *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по Селигеру. С. 82.

[92] Ирмолог — книга, содержащая ирмосы (вступительные стихи, показывающие содержания прочих стихов песни или канона) восьми гласов.

и Павла) за 16 коп. годового оброка. В 1740 году местность эта под названием Преображенской перешла к Селижарову монастырю,[93] который поселил здесь приписанных к нему церковников, и деревня Волговерховье, по всем вероятиям, образовалась из этого поселка.[94] В часовне нам показали старинные, совсем уже обветшавшие ризы. Там же мы заметили новые деревянные подсвечники работы самих крестьян, украшенные лучинками и местами покрытые малиновым колером.

Из часовни мы снова спустились к Волге, которая, обогнув деревню, пробирается по болотистой, поросшей ельником трущобе к миниатюрному озерку Малый Верхит, находящемуся неподалеку от деревни Воронова. Волга только задевает это озеро и направляется к другому, несколько большему озерку, носящему название Большого Верхита. Первый приток свой ручей Персянку она принимает в себя еще не доходя до Малого Верхита; здесь же, между двумя Верхитами, она пополняется водою своего второго, более значительного ручья Красного и сама становится шире. Из Большого Верхита Волга выходит уже не ручьем, а маленькой речкою; недалеко от ее выхода и находится тот первый мост, у которого мы познакомились с нею утром. От моста она уже прямо направляется к озеру Стерж.

Обратный путь к озеру Стержу по той же дороге показался нам и короче, и легче; даже подводчики наши слегка поразвеселились. Верстах в трех или четырех от Стержа мы встретили на дороге пеструю разряженную толпу волговерховской молодежи, возвращавшейся домой от обедни. Вид этих здоровых, веселых молодых людей, их оживленные разговоры и далеко раздававшийся в лесу смех наполнили душу чем-то веселым, праздничным. Вдали снова показался Стерж, Новинка и кресты Петропавловского погоста.

---

[93] Троицкий Селижаров монастырь основан в конце XV в. князем волоцким (волоколамским) Борисом Васильевичем (21.07.1449—05.1494, сын великого князя Василия Темного), владевшим Ржевским уделом, или его сыновьями Федором и Иваном (после 1494) и впервые упоминается в духовной грамоте князя Ивана (1504).

[94] Лицам, желающим получить более подробные сведения от этой обители, рекомендую брошюру г. Колосова «Верховья Волги в их прошлом и настоящем», которая должна выйти из печати в самом непродолжительном времени. Приношу глубокую благодарность многоуважаемому А. К. Жизневскому, давшему мне возможность заранее познакомиться с ее содержанием. — *Прим. Тюменева*.

Колосов В. И. Верховья реки Волги в их прошлом и настоящем: читано в заседании Комиссии 6 нояб. 1890 г. Тверь: тип. Губ. правл., 1893. О В. И. Колосове и А. К. Жизневском см. путешествие М. И. Семевского.

X. Стерженский крест

...старик седой,
Развалин страж полуживой,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой.

Лермонтов[95]

Лет пятнадцать тому назад на кладбище Стерженско-Петропавловской церкви над могилою соседнего помещика Обернибесова стоял большой каменный крест с какою-то старинною надписью.[96] Сюда, на могилу, крест был перенесен одним из потомков давно умершего помещика, а ранее он находился в двух верстах от погоста при впадении Волги в Стерж, где на правом берегу и доныне уцелели остатки круглого насыпного холма (около 4 сажен высоты), носящего в народе название городка. Действительно, местность эта была заселена еще во времена глубокой древности и принадлежала Новгороду. О погосте Стерж упоминают новгородские летописцы, о нем говорится и в договорной грамоте Новгорода с польским королем Казимиром.[97]

Долгое время никто, кроме местных жителей, и не подозревал о существовании древнего креста на одинокой могиле, но вот однажды на погост явился о. В. П. Успенский, неутомимый археолог и почтенный труженик науки, известный своими описаниями Ниловой пустыни и других монастырей Осташковского уезда. Он обратил внимание на крест, понял его важное значение и описал эту древность в своем труде «Исторические заметки об Осташковском уезде». Оказалось, что после известного Тмутараканского камня[98] крест этот может смело занять первое место в ряду подобного рода памятников. Надпись на нем помечена 1133-м годом и заключается в следующих словах: «6641 месяца июля 14 день почахъ рыти рѣку сю язъ Иванко Павловиць и крест сь поставихъ».

---

[95] Из поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» (1839).

[96] Очевидно, подпоручик Александр Яковлевич Обернибесов, владелец имения Григорьевское и дд. Князево и Новинка Осташковского у. (Описание имения, 30.03.1853: ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 3239. Л. 2–3; О продаже имения // ТвГВ. 1863. № 19. С. 272; № 21. С. 299). После его смерти его сын Виктор Александрович передал Стерженский каменный крест Тверскому музею (*Жизневский*. С. 35–36).

[97] Казимир IV Ягеллон (1427–1492), великий князь литовский (с 1440), король польский (с 1447). По мирному договору с Новгородом (1470), город Стерж принадлежал польскому королю.

[98] О Тмутараканском камне см. в прим. к путешествию М. И. Семевского.

Петропавловский погост
и Стерженский крест. Рисунок. 1892

Буквы надписи вырезаны на кресте довольно четко, но смысл ее разобрать нелегко; лаконизмом своей заметки Иванко Павлович поставил для нас вместе с крестом и интересный вопросительный знак. Мы знаем, что сам он около этого времени был посадником в Новгороде, знаем и место, где был поставлен крест, а именно, как замечено выше, при впадении Волги в Стерж, но спрашивается: для чего понадобилось новгородцам углублять такую маленькую незначительную речку и даже ставить крест в память начала этой работы? Правда, что местность Стержа недалеко от древних путей, соединявших Новгород с Поволжьем и Подвиньем, но Волга при впадении в озеро еще так мала, что мысль пользоваться для сообщения именно ею, тогда как вблизи находились более удобные водные линии, могла явиться только в какой-нибудь крайности. Вопрос долгое время оставался открытым, пока не занялся им член Тверской архивной комиссии В. И. Колосов. В заседании комиссии 19-го декабря 1889 г. он сообщил о результатах своего исследования, и вывод, к которому он пришел, доказывает несомненную даровитость почтенного исследователя.[99]

Известно, что новгородцы издавна посещали Волгу, куда, помимо колонизации, привлекала их торговля с волжскими болгарами. Путь их к Волге сначала лежал, минуя Верхнее Поволжье, на Ладожское озеро, Онегу, Белоозеро и Шексну. Потом к нему присоединился другой, более короткий — из Ладожского озера на реку Сясь и приток ее Воложу (ныне Тихвинка), а затем волоком до притоков Мологи.

[99] Сообщение г. Колосова издано отдельною брошюрою под заглавием «Стерженский и Лопастицкий кресты в связи с древними водными путями в верхнем Поволжье» (Тверь, 1890). — *Прим. Тюменева.*

Этими двумя путями, которые теперь известны под именами систем: первый — Мариинской, а второй — Тихвинской,[100] шли через болгар в Новгород все азиатские товары. Оба пути, выходя к Волге, неминуемо должны были проходить по Суздальской земле. Вначале князья, занятые Киевом и южной Русью, мало интересовались этим новгородским путем, шедшим по их владениям, но когда в 1125 году Суздаль выделился в особый удел с своим особым князем и этим князем сел в Суздале Юрий Долгорукий,[101] положение дел изменилось, и новгородцы это поняли. Несмотря на то что в первые годы своего княжения Юрий не высказывал явных враждебных намерений относительно новгородцев, они все-таки поспешили проложить новый путь к Волге и уже по своим владениям, через Мсту и Тверцу (нынешняя Вышневолоцкая система). Это видно из того, что около того времени у них появляются два новых городка: Новый Торг на Тверце и Тверь при впадении ее в Волгу.[102] Но устье Тверцы было все-таки очень близко к суздальским владениям и в случае войны легко могло быть захвачено неприятелем, а между тем отношения к Суздалю именно около 1133 года стали быстро обостряться. В 1132 году умер в Киеве князь Мстислав Владимирович,[103] и брат его Ярополк, сделавшись князем киевским, отдал Переяславский удел своему племяннику Всеволоду Мстиславичу,[104] княжившему до того времени в Новгороде. Всеволод явился в Переяславль, но был выгнан из своего нового удела Юрием Долгоруким и братом его Андреем.[105] Всеволод вернулся к новгородцам, и на горизонте появились черные точки. В 1133 году Иванко Павлович принялся за углубление Волги, а в 1134 г. Всеволод уже пошел на Суздаль войною, но почему-то должен был вернуться с дороги. Посадником новгородским в то время был Петрило,[106] который

---

[100] О Мариинской, Тихвинской и Вышневолоцкой водных системах см. в путешествии С. В. Максимова.

[101] Юрий Владимирович Долгорукий (конец 1090-х — 1157), князь суздальский и киевский (прозвище получил после смерти за вмешательство в южнорусские дела).

[102] Новый Торг (Торжок) впервые упомянут в летописях за 1139 г., Тверь — за 1135 г.

[103] Мстислав (Гаральд, Феодор) Владимирович (Васильевич) Великий (1076—1132), великий князь киевский (1125), сын Владимира Мономаха, с 1088 г. княжил в Новгороде, Ростове, Смоленске, участник походов против половцев.

[104] Всеволод (Гавриил) Мстиславич († 11.02.1138), князь новгородский, псковский.

[105] Андрей Владимирович Добрый (1102—1141), князь, 5-й сын Владимира Мономаха. До смерти отца (1125) княжил во Владимире Волынском, потом в Переяславле южном.

[106] Петрило (Петрило Микулич) — Петр, новгородский посадник (ок. 1130).

за неудачу похода потерял посадничество, и новгородцы вместо него выбрали в посадники Иванка Павловича, углублявшего Волгу и, вероятно, отнюдь не принадлежавшего к торговой партии, которая из-за своих интересов желала мира с Суздалем. На следующий же год зимою новгородцы снова тронулись в поход, но битва на Ждан-горе была для них несчастлива и окончилась их полным поражением.[107] В этой битве вместе с другими сложил свою голову и храбрый посадник.

Обращаясь к интересующему нас вопросу о надписи, заметим, что Волга в самом своем верховье очень близко соприкасается с притоками реки Полы, впадающей в Ловать. «Не естественно ли предположить, — заключает г. Колосов, — что новгородцы, ввиду возможности захвата их водных путей к р. Волге со стороны суздальских князей, пред началом враждебных действий против Суздаля озаботились о соединении своих владений с верховьями Волги помимо Тверцы, чтобы обезопасить себе хотя подвоз жизненных припасов?»

В настоящее время благодаря стараниям неутомимого ревнителя старины А. К. Жизневского Стерженский крест помещен в Тверском музее и составляет одно из главных его украшений.[108]

XI. Сюрприз

И залег ту дорогу Тугарин-Змей.

Мей[109]

Доехав до Новинки, мы свернули направо вдоль по берегу Стержа и вскоре миновали погост. Кормить лошадей решено было в имении близ деревни Горка у арендатора, жена которого приходилась дальнею родственницей нашим подводчикам. Горка находилась приблизительно на половине протяжения Стержа, который широким зеркалом расстилался перед нами. На противоположном берегу против погоста виднелась деревня Коковкино. А далее тянулись почти непрерывною линией: Бельково, Шелихово, Князево. Мы ехали, любуясь всё время роскошными далями. Погода была прекрасная; около полудня, впрочем, набежала тучка, и нас порядком промочило дождем. Но Горка была уже недалеко; вскоре мы остановились перед домиком арендатора. Его самого не было дома, нас встретила хозяйка с сестрой.

— А уж как вы нас напугали! — сказала она, отворяя дверь в комнату.

— Чем?

— Мы думали, не разбойники ли приехали.

---

[107] Битва между новгородцами и суздальцами 26 января 1135 г. на Ждане-горе (р. Кубра, приток Нерли Волжской) закончилась поражением Новгорода.

[108] См. о нем далее.

[109] Эпиграф из драмы Л. А. Мея «Псковитянка» (1859).

— Да неужели у нас такой воинственный вид? — засмеялся наш казначей.

— А разве вы ничего не слыхали?

— О чем?

— О Колпаке-то?

— И понятия не имеем

— Вы теперь куда едете?

— В Овселуг.

— Да неужто вы решитесь туда ехать? Ведь он как раз теперь где-то около Овселуга находится. Облаву на него делать собираются: становой приехал, урядник; говорят, вся деревня на ногах, теперь вы и лошадей не достанете.

— Да что же это за Колпак такой необыкновенный?

— Разбойник и, говорят, самый отчаянный, — подхватила сестра хозяйки, — был уже сослан в Сибирь и вернулся оттуда; говорят, он дмитровский мещанин.

— Там у него будто бы и жена есть, — заговорила хозяйка. — Теперь вот уж недели две как сюда на Стерж перебрался, и много уж народу убили: у него целая шайка, кто говорит — семь человек, а кто — и больше.

— И будто бы всех, кого он ограбит, — опять вмешалась сестра хозяйки, — непременно убивает, чтобы не оставалось свидетелей.

— Жене своей, — перебила хозяйка, — в Дмитровске чуть язык не отрезал, чтобы не могла говорить.

— И будто бы особенно любит резать женщин; мы с сестрою сегодня всю ночь не спали.

Действительно, обе они были в страшном возбуждении.

Пока мы пили чай, явился и сам арендатор, ездивший в Залесье, в волостное управление. Там его не только не успокоили, но напротив, напугали еще более, подтвердив прежние известия о Колпаке и дополнив их новыми подробностями.

— До сих пор убили девять человек, — говорил он, — а последнего зарезали мальчика-пастушка. Тот пас лошадей под лесом; пришли, зарезали, и неизвестно зачем. Вся шайка, говорят, хорошо вооружена ружьями и револьверами. В последний раз их видали в лесу под Овселугом. Теперь там облава. Поймают ли, нет ли, решить трудно, а только вам, господа, теперь туда ехать не советую. Во-первых, дорога в Овселуг адская, я сам недавно ездил, — во-вторых, если даже предположить, что Колпак ввиду облавы несколько и присмирел, то все-таки вы коней не получите: все люди на облаве, и никто не поедет.

— Так нельзя ли как-нибудь объехать это место?

— Трудно; других дорог нет. Самое лучшее вам свернуть пока на Осташков, а там по Ржевскому тракту опять на Волгу выедете.

Мы призадумались. Перспектива сражения с Колпаком и его шайкою для нас, мирных граждан, заключала в себе мало привлекательности, а сидеть в Овселуге и ожидать результатов облавы, которая неизвестно когда и неизвестно чем окончится, нам тоже не хотелось, так как в конце концов мы все-таки очутились бы в руках крестьян-подводчиков, а нам уже валдайские ямщики достаточно ясно показали, как можно грабить беззащитных путников, вовсе даже не прибегая к помощи ножа или ружья.

Выйдя в кухню потолковать с нашими возницами, мы нашли их в сильном волнении. Оказалось, что работник арендатора уже сообщил им все новости из волостного правления и теперь они просили отпустить их обратно, положительно отказываясь ехать далее. Пришлось уговаривать их, чтобы они довезли нас хоть до Осташкова, потому что об Овселуге не могло быть и речи. Наконец кое-как поладили и часу в 4-м тронулись в путь на Осташков, в очень скверном настроении духа, так как хотя и ненадолго, но все-таки приходилось отступать от намеченного маршрута.

Миновав село Залесье, откуда арендатор навез столько тревожных новостей, мы приблизились к реке Руне, первому значительному притоку Волги, впадающему в нее в том месте, где она переходит из Стержа в озеро Овселуг. Остановясь на мосту над Руною, я счел своим долгом снять с нее фотографию, так как г. Рагозин относится к Руне еще с бóльшим уважением, чем к самой Волге, и даже считает истинным началом Волги не Волгу, а именно Руну.

Подробно описав в начале исток Волги у деревни Волговерховья, уже описанный ранее его и Озерецковским, и Штукенбергом,[110] и Гельмерсеном,[111] и другими именно как исток нашей великой реки, Рагозин в конце первого тома заявляет, что упоминаемое в книге начало Волги «было признаваемо как таковое не в силу научных данных, а на основании произвольно, и притом в сравнительно недавнее время, присвоенного Волговерховской речке имени Волги». Но когда же было это сравнительно недавнее время? Г. Рагозин отвечает: «Позволяем себе высказать следующую догадку: нам кажется, что речка, впадающая в северный конец Стержа, получила название Волги гораздо позднее обрусения или вытеснения финских племен, населявших об-

[110] Штукенберг Иван Федорович (1788—1856), географ; будучи студентом Дерптского университета в 1823 г., произвел нивелировку от Дерпта до истоков Волги. Его статья «Волга» была опубликована в «Библиотеке коммерческих знаний» (СПб., 1842. Кн. 9). Материалами Штукенберга пользовался В. И. Рагозин.

[111] Гельмерсен Григорий Петрович (Георг фон; 1803—1885), русский геолог, академик, профессор геогнозии и палеонтологии, директор Петербургского Горного института.

ласть теперешней Тверской губернии, а именно во время возникновения Волговерховенского монастыря, когда основатели его, люди более или менее просвещенные, провозгласили свою речку настоящим началом Волги, так как продолжение водной артерии ниже Стержа — по крайне мере по выходе ее из озера Волго — называлось уже Волгою сыздавна, а Руна между тем была уже известна под теперешним именем». Выходит, что эти более или менее просвещенные люди сначала основали монастырь, неизвестно где и неизвестно зачем, а потом уже стали придумывать мотивы его основания в такой болотистой трущобе, на берегу незначительного ручейка, тогда как под боком были прекрасные берега Стержа и, наконец, та же самая Руна, которая действительно раз в пять длиннее девятиверстной — при впадении в Стерж — Волги.[112] Далее г. Рагозин ссылается на известного географа Риттера,[113] который хотя и не называет Руны, но как будто бы принимает ее за исток Волги, по крайней мере сам г. Рагозин об этом не упоминает, а, напротив, говорит, что Риттер имел в своем распоряжении карту далеко не подробную. На ней, по словам г. Рагозина, были обозначены: Стерж с впадающею в него крошечною речкою, затем Руна, озера Овселуг, Пено и Волго, но за исключением последнего все без подписей. Понятно, что на такой немой карте Риттеру пришлось принять за исток Волги более длинную речку, но знай он исконные названия обеих рек, он, быть может, и переменил бы свое мнение. Ведь и Ока, сделавшая до Нижнего 1 400 верст, преспокойно впадает в Волгу, которая даже по рагозинскому счету (то есть считая от верховьев Руны) прошла только 1228 верст, и никому не приходит в голову называть Волгу притоком Оки. Правда, что у г. Рагозина и относительно Оки есть свои соображения, из которых видно, что он бы не прочь переменить роли обеих рек и назвать дальнейшее течение Руны-Волги Окою, но в учебниках географии распределение ролей всё еще остается старое.[114] Уж, должно быть, такое счастье нашей матушке Волге на роду написано, что льются в нее все большие реки, и принимает она в свои счастливые берега и Каму «многоводную», и Оку, и... — да простит мне г. Рагозин — и Руну.

Мы тронулись далее и вскоре миновали деревню Наумово на южной оконечности Стержа. За деревнею показалась очень хорошая новая дамба и мост через Волгу, которая здесь выходит из Стержа и направляется к озеру Овселуг с его продолжением — Пёно. На пригорке про-

---

[112] *Рагозин В. И.* Волга. Т. 1. С. 33—34.

[113] Риттер Карл (1779—1859), географ, профессор Берлинского университета (1820), соч.: «Die Erdkunde im Verh ä ltniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen oder allgemeine vergleichende Geographie» (Берлин, 1817—1818).

[114] См.: *Рагозин В. И.* Волга. Т. 1. С. 33—34.

Река Руна недалеко от впадения ее в озеро Стерж. Рисунок. 1892

тивоположного берега возвышалась старая церковь Ширковского погоста, один из немногих остатков древнего типа деревянных церковных построек этой местности.[115] Мы поднялись на пригорок, и перед нами широко развернулись дали Стержа и Овселуга, соединенные Волгою. Картина была очень живописна. Вдали, на островке посреди Овселуга, виднелись каменная церковь и колокольня Новосоловецкой пустыни, более известной в окрестности под именем *Божье дело*. По поводу этого названия Озерецковский пишет следующее: «К названию сему подал повод некто, отставной солдат, а другие приписывают какому-то монаху, который вздумал построить на сем пустом острове церковь и, не имея денег на уплату работникам, на требования их всегда отвечал: „Дело Божие“. Между тем собирал деньги от податей и уплачивал работникам, которые терпеливо трудились над делом Божиим и довершили церковь».[116] Пустынь основана в 1701 г. пустынником монахом

[115] Церковь Иоанна Предтечи Ширкова погоста (1697, Пеновский р-н) на берегу озера Вселуг, высота 45 м, древнейший деревянный ярусный храм Тверского края.

[116] *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по Селигеру. С. 84. См. там же примечания.

Иоилем, спасавшимся здесь на острове. До 1765 г. обитель пользовалась правом самостоятельного существования и управлялась собственными строителями, но в вышеозначенном году при учреждении новых духовных штатов она была назначена к упразднению и обращению в приходскую церковь. Впрочем, это дело, легко и просто решенное на бумаге, оказалось далеко не таким легким к исполнению на практике: обитель, помещавшаяся на уединенном острове, отделенном от берегов широким водным пространством, вовсе не соответствовала понятию доступной всем и каждому приходской церкви, и приписка к ней какого бы то ни было прихода оказывалась просто невозможною; кроме того, восстали и владельцы земель, уступленных монастырю в пользование. Они соглашались оставить угодья за церковью только в том случае, если на острове будут жить монахи. Монастырь упразднен не был, но его приписали к Ниловой пустыни.

За Ширковским погостом дорога повернула к Осташкову, и мы стали удаляться от Волги.

Прощаясь на время с Волгою, упомяну вкратце, что из Овселуга она переходит в озеро Пёно, непосредственно к нему примыкающее и составляющее с ним как бы одно озеро, части которого имеют два разных наименования. По словам г. Рагозина, Овселуг-Пёно имеет в длину 22 версты, когда же бывает заперт бейшлот[117] — шлюз, находящийся ниже и образующий запасное водохранилище верхней волжской воды, растягивается на 40 верст и простирается до самого озера Волгó, последнего из озер, проходимых Волгою. Длина этого озера невелика — всего 7 верст. Отсюда Волга выходит уже настоящею рекою и без дальнейших помех пускается в свое дальнее странствие.

Впрочем, недалеко от Волги она встречает еще одну преграду, но уже искусственную — это бейшлот, о котором только что упомянуто. Г. Рагозин рассказывает, что вид его производит сильное впечатление: «Стихийному порядку или, лучше, беспорядку вдруг противополагается разумная воля, и вместо громадных глыб гранита и коршей, бесцельно и случайно преграждавших фарватер, перед взором, утомленным однообразием пустынной природы, предстает величавое гидротехническое сооружение. Тяжелые, прочные и высокие устои, столбы, подпирающие тридцатисаженный мост, валы, колеса, щиты — всё это дело труда и гения человека, который в своих целях положил сдержать напор слишком сорока миллионов кубических сажен воды!»[118] Бейшлот был сооружен в 1841 г. Волга давно уже известна своими частными мелководьями, причиняющими массу лишнего труда и потерь судоходству, и польза, приносимая в этом отношении бейшлотом, несомненна.

---

[117] О Верхневолжском бейшлоте см. путешествие Боголюбовых.

[118] *Рагозин В. И.* Волга. Т. 1. С. 38–49.

При полном его открытии прибыль воды замечается даже на расстоянии 630 верст, при устье реки Мологи, где уровень воды поднимается вершка на полтора; у Калязина вода прибывает на 3½—5 в., у Твери — от 6 до 10, у Ржева на целый аршин, а при впадении Селижаровки (в 10 в. ниже бейшлота) на полтора аршина. При этом надобно только заметить, что вследствие слабого уклона течения Волги этот благодетельный избыток движется по реке крайне медленно и доходит, например, до Твери только на шестые сутки.

Пока мы посылали мысленно горячие упреки Колпаку, произведшему овселугскую кутерьму, благодаря которой нам не удалось видеть ни Волгу, ни бейшлота, наши доморощенные коньки трусили да трусили от деревни до деревни и часу в одиннадцатом вечера благополучно дотащили нас до Осташкова.

В темноте между кустами снова мелькнула стальная поверхность Селигера: впереди, еле отличаемые от окрестных деревьев, выросли силуэты осташковских церквей и колоколен. Мы проехали подгородную слободу и поднялись в город.

Несмотря на позднее время и мрак, давно уже покрывавший пустынные улицы, на завалинках перед домами и на скамейках у ворот ютилась молодежь, провожавшая воскресный день где парами, где целыми кружками; у каждого дома раздавались звуки гармонии, и замечалось какое-то движение: там танцевали кадриль.

Минут через десять мы подъехали к почтовой станции, где и расположились на ночлег.

XII. Опять в Осташкове

Новоторы — воры, да и осташи хороши.
Народная поговорка[119]

Осташковцы — ершееды, издавна говорит народ о жителях этого города, и действительно, в старину они, еще будучи крестьянами патриаршей слободы, немало покушали на своем веку и ершей, и всякой другой рыбки, ибо еще во времена Михаила Феодоровича Селигер «с плесами, и с луками, и со всякими угодьи» был отдан «в дом Успения Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев Петра и Алексия, Ионы и Филиппа». Далее в грамоте говорится: «И теми рыбными ловлями владеют патриарши ж домовые осташковских слобод крестьяне и сторонные люди из оброку, а помещикам и вотчинникам, новгородцам, ржевичам, которые живут около того озера Селигера, опричь боярина нашего князя Бориса Михайловича Лыкова, в том озере Селигере рыбы ловить не указано». Жалованная грамота Михаила Феодоровича сгорела во время пожара слободы в 1653 г. и в следующем же году

[119] О новоторах и осташах см. путешествие Боголюбовых и С. В. Максимова.

заменена новою, выданною царем Алексеем Михайловичем на имя патриарха Иосифа.[120] Озерецковский, приводящий дословно эту вторую грамоту, говорит, что еще в его время дворяне и обыватели Селигера не могли ловить рыбу против своих селений, так как право ловли принадлежало одним осташам.[121] Впрочем, выше, при описании Ниловой пустыни, я заметил, что с 1720 по 1734 г. ей было дано право собирать оброк с селигерских рыбаков в свою пользу. В 1772 г. слобода Осташковская обращена в город, который до 1775 г. причислялся к Новгородской губернии, а ныне, как известно, находится в пределах Тверской. Построен он в крайне правильных линиях. Говорят, что этою правильностью он обязан императрице Екатерине II. В ее царствование страшный пожар почти совершенно истребил Осташков, и когда императрицу спросили, по какому плану устраивать снова город, она будто бы сама начертила несколько параллельных и перпендикулярных к ним линий, указав держаться этого прямоугольного чертежа.

Проснувшись утром, мы решили до отъезда походить по городу, осмотреть собор и оба монастыря — мужской и женский.

Пока нам готовили чай, мы стали разглядывать картины, развешанные по стенам комнаты. Две из них, несомненно работа осташковских мастериц доброго старого времени, были очень искусно вышиты шелком и изображали сидящих на ветках птиц. На противоположной стене помещались два фамильных портрета какого-то купца и его супруги, у которой на голове красовался старинный головной убор. К нашему удивлению, и портреты оказались крайне недурными, особенно по рисунку. Вообще надо заметить, что в осташковцах замечается какая-то несомненно художественная жилка. О церкви Воздвижения в Ниловой пустыни, украшенной осташковскими мастерами, я уже говорил и могу прибавить, что и здесь, в городе, в убранстве церквей заметен особый своеобразный характер, влечение к светлому, разноцветному, веселому. На домах то и дело попадаются разные порезки, украшения, даже в окнах, среди цветов, нередко выставлены для услады зрения прохожих картинки, гипсовые бюстики, даже игрушки, и всё это подобрано и расставлено с претензией на своего рода изящество. Присутствие этой жилки составляет, на мой взгляд, заметный штрих в характеристике городка.

Сначала мы отправились в женский Знаменский монастырь, основанный при Алексее Михайловиче в 1673 году, на поле Большое Струговище, уступленном под обитель патриаршими крестьянами.[122] Теперь

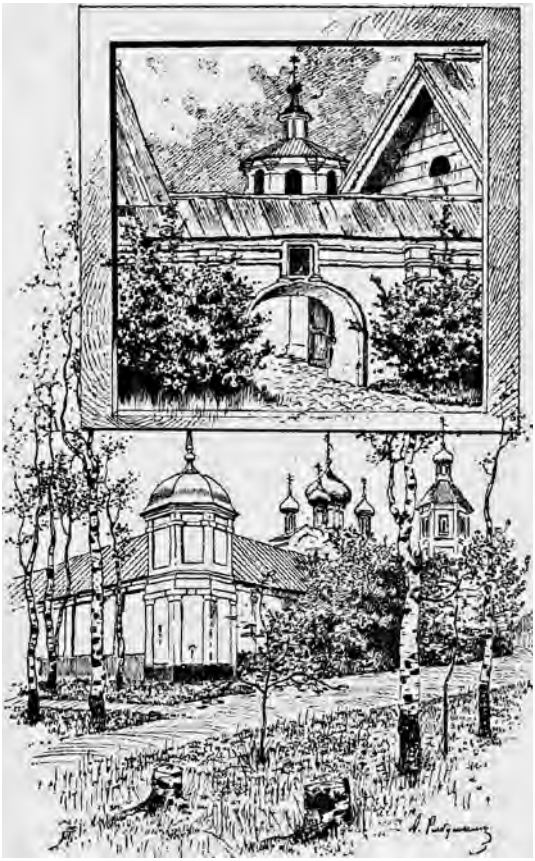
---

[120] Иосиф († 1652), пятый патриарх Московский и Всея Руси (1642—1652).

[121] Текст жалованной грамоты см. в путешествии Озерецковского.

[122] См. о Знаменском монастыре в путешествиях Озерецковского и Островского.

он уже давно находится в черте города. Здесь нас поразило отсутствие больших строений для помещения монашествующих. Оказывается, что монахини живут каждая в своем особом домике с двором и палисадником, вследствие чего обитель получает вид маленького городка с улицами, переулками и церковью посредине. Церковь здесь новая, каменная и отличается щеголеватостью как во внутренней, так и в наружной отделке. Монастырь славится во всей окрестности изготовлением икон в готовых ризах из золотой и серебряной ткани, украшенных разноцветными стеклами. В сущности, вся икона и состоит из одной этой ризы, строго воспроизводящей все контуры подлинника; пишутся для нее только лик и руки, которые и вставляются на соответственные места.



Житный монастырь близ Осташкова. Общий вид монастыря со стороны города и Святые ворота. Рисунок. 1892

Цена таких икон начинается от двух-трех рублей и кончается несколькими десятками, смотря по убранству иконы и тонкости работы, которую особенно в дорогих иконах можно прямо назвать изящною.

Из монастыря мы прошли мимо рынка и базарной площади к соборам.[123] Один из них, Воскресенский, построенный в 1689 г., обновлен в 1890, другой, во имя Св. Троицы, построен восемью годами позднее первого, а именно в 1679 г. В нем пять престолов: три в ряд, в главной части храма, и два в притворе. Средний большой иконостас богато вызолочен, на местных иконах блестят дорогие ризы. Композиция литых

[123] См. путешествие Белова (*Тверь 1*, с. 288–323).

царских врат довольно своеобразна: евангелисты помещены рядом, а над ними вместо Благовещения — Спаситель, вручающий Петру и его ученикам ключи от Царствия Небесного. На западной стене главного храма помещаются две работы академика Щетинина, помеченные 1858 годом: св. апостол Матфей, пишущий Евангелие, и копия с картины Рейтерна «Жертвоприношение Исаака».[124] Раскраска стен пестра, но в высоком храме много света и дышится как-то особенно легко. В 1857 году храм был заново украшен внутри купцом Абабковым,[125] как гласит о том пространная надпись в правом приделе. В тоне этой надписи и похвалах украсителю храма опять чувствуется задушевная нотка любви к красоте и благолепию; видно, что составитель надписи был сам в душе художник. В притворе, где помещаются два остальных придела, многие иконы интересны своею древностью, как, например, образ святителя Николая колоссальных размеров в ризе 1788 года. Здесь же находится плащаница с резным изображением почившего Спасителя. В этой фигуре, несмотря на наивность работы, схвачено много жизненных штрихов, и общее впечатление получается крайне удовлетворительное. Вход в собор устроен в виде крытого фонарика, увенчанного золотою короною.

— Не знаете ли, в память чего поставлена эта корона? — спросил я проходившего мимо осташковца.

— Корона-то? Да безо всякой памяти поставлена, собственно, для красы. Ишь, как горит! Смотреть любо!

Мы тронулись к мужскому Житному монастырю, расположенному на островке подле города и соединенному с ним широкою дамбою. Когда мы подъезжали к Осташкову на пароходе, монастырь не произвел на нас особенно сильного впечатления, теперь же, приближаясь к нему по дамбе, усаженной в четыре ряда высокими старыми березами, мы пришли в восторг от живописности его местоположения среди массы густой, сочной растительности. Особенно красивы показались нам вид угловой башни и св. ворота. Мы сделали с них наброски в путевые альбомы, но, разумеется, сочетания красок, переливы тонов в окружающей зелени и чарующая прелесть общей картины, освещенной яркими лучами солнца, не могли быть схвачены одним карандашом.

Скромный небогатый монастырёк, кроме своего нынешнего вида, ничем особенным не замечателен. Построен он не далее как в начале

---

[124] Видимо, Щетинин Илья Иванович († 1864), академик живописи Императорской АХ. Рейтерн Евграф (Герард) Романович (1794—1865), живописец и гравер, тесть В. А. Жуковского, картина «Авраам приносит Исаака в жертву» (1849).

[125] О Николае Кузмиче Абабкове см. «Письма из Осташкова» В. И. Слепцова (письмо девятое, текст надгробной надписи).

прошлого столетия на месте какого-то житного двора, отсюда и название. После того как Осташков сделан городом, сюда было переведено духовное правление, в котором председательствовал архимандрит Ниловой пустыни. Главная святыня монастыря, икона Смоленской Божией Матери, находилась прежде на осташковской городской стене и оттуда перенесена в обитель.[126] Обойдя монастырь, мы прошли в старую рощу на мысу острова. Здесь, недалеко от монастырской стены, на расчищенной площадке возвышался стройный обелиск. На цоколе памятника виднелись следы бывших здесь каменных или металлических досок, очевидно с надписями, и я обратился за разъяснениями к монаху, шедшему с ведрами на берег.

— Тут вся история нашего монастыря была описана, — отвечал он, — так и оборвали доски-то.

Мы вернулись в город, где, между прочим, нам показали дом Савина,[127] уже знакомого нам и по слухам, и по рассказу Николая Занегина об его благотворениях и внезапной кончине. Знаменитый осташковский завод Савиных, основанный еще в 1792 г., известен за границею не менее, чем в России. На нем изготовляются и красятся самые тонкие сорта красной и палевой юфти, не имеющие себе равных даже в заграничных изделиях. Сорта эти, законтрактованные иностранными фирмами, почти целиком уходят за границу, откуда возвращаются к нам в виде бумажников, портмоне, портсигаров и пр., причем цена их возрастает, конечно, не в арифметической, а геометрической прогрессии.

Кроме своей юфти, Осташков славится еще так называемыми осташами, большими желтыми сапогами из грубой кожи, которые расходятся по России и имеют большой сбыт в городах и деревнях балтийского побережья.[128] Но не одни кожевники сумели доставить своему городку широкую известность, кузнецы осташковские тоже в долгу не остаются: их топоры и косы сверкающими радиусами далеко раскидываются по лицу земли православной.[129]

Вернувшись на почтовую станцию, я еще раз остановился перед портретом купчихи и полюбовался ее типичным головным убором. Быть

---

[126] См. об этом образе в путешествии Озерецковского.

[127] О купцах Савиных см. в путешествии Островского.

[128] См.: Приготовление кожаных сапогов в Тверской губернии // Северная почта. 1864. № 129. С. 516—517. Кожевенных заводов в первой половине XIX в. в Осташкове насчитывалось до 28. См. о них в путешествии Озерецковского.

[129] О кузницах в Осташкове см. в путешествии Озерецковского. См. также: *Рубцов Н.* Записки о промышленности города Осташкова // ТвГВ. 1861. № 44, 45; Местная промышленность г. Осташкова // Русский инвалид. 1863. № 10. С. 434; Промышленность г. Осташкова // Народная газета. 1863. № 19.

может, уборы эти и посейчас еще хранятся где-нибудь на дне сундуков осташковских красавиц, быть может, которая-нибудь и решится изредка надевать их, но время старинного русского костюма, очевидно, даже в глухой провинции переходит в область преданий. По крайней мере мы, исходив весь город, нигде не встретили хотя бы одной женщины в старом русском костюме. Во времена Озерецковского было иначе. «Женщины, — писал он, — носят кокошники с высокими очельями, унизанными жемчугом по парче или другой дорогой ткани, так что один кокошник ценою бывает в 4000 рублей, да и посредственный стоит не менее тысячи рублей. У девиц на головах широкие ленты, или венцы, такой же цены; сверх сих уборов покрываются длинными фатами, по большей части белыми. В душегрейках и ферязях (по-тамошнему *сташники*), обшитых *плетеньком* (кружевом), по воскресным дням ходят прогуливаться под вечер вокруг Знаменского монастыря; погулявши там, сходятся на площадь „беззаботную“, где, до ночи прохаживаясь, поют песенки и, как станет темно, расходятся по домам своим, каменным и деревянным. На сих прогулках всегда бывают и мужчины, которые одеваются в хорошие кафтаны».[130] «Мужчины», как мы видели вчера вечером, и в наше время являются на прогулки аккуратно, но уже не в кафтанах, а в немецких пиджаках и по домам расходятся значительно позднее своих бабушек и дедушек.

После обеда мы снова тронулись в путь по направлению к Волге.

XIII. Селижаровский посад

Среди дубравы блестит крестами
Храм пятиглавый с колоколами.
Гр<аф> А. Толстой[131]

Дорога из Осташкова на Ржев бросается в глаза своею шириною. Ямщик объяснил нам, что в старину по ней гоняли большие гурты скота; теперь это прекратилось. Верстах в шести от города он указал нам влево две деревни: Рудино Верхнее и Рудино Мокрое.[132] Обе, как оказалось, лежат всё на том же Селигере, который узким заливом тянется вдали параллельно дороге еще верст на пятнадцать. Около Верхнего Рудина от ржевской дороги отделяется тракт на Вышний Волочек. Через несколько верст встретилась хорошая усадьба, раскинутая по обеим сторонам дороги.

— Чья это?

---

[130] *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по Селигеру. С. 145—146.

[131] Эпиграф из стихотворения А. К. Толстого «Благовест» (1840-е).

[132] О Верхнем и Нижнем Рудинах, Верхнем и Нижнем Котицах см. в путешествии Озерецковского.

Селижаровский посад со стороны Осташкова. Рисунок. 1892

— Нила угодника.[133]

Усадьба, говорят, приносит хороший доход монастырю.

Мы продолжали разговаривать с ямщиком и как-то случайно коснулись Савина. Оказывается, что панегирики ему поются не только на воде, но и на суше: народ не забыл своего благодетеля.

— Добрый был покойничек, — заговорил ямщик, — уж такой-то добрый, что и сказать нельзя, всему краю кормилец. Случился у нас как-то неурожай, так он по деревням мешков семьсот хлеба одного в долг роздал. Едет, бывало, сам, а за ним и хлеб везут; а денег уж всегда у него полный карман набит. Долго не забудут у нас Федора-то Кондратьича, — вздохнул он, — долго!..

Около погоста Верхние Ко́сицы (на карте: Котицы) дорога почти вплотную подходит к Селигеру, который недалеко отсюда и оканчивается, посылая от себя навстречу Волге гонца — реку Селижаровку. И бежит этот гонец к Волге по полям, по долам, несет ей привет от старого Селигера и нагоняет ее под монастырем в Селижаровском посаде,[134] который может считаться первым значительным селением, раскинувшимся на берегу молодой красавицы.

До посада мы добрались около 7 часов вечера и решили остаться здесь на ночь.

---

[133] Видимо, имеется в виду усадьба Сиговка, см. о ней в путешествии Озерецковского.

[134] О Селижаровском посаде см. в путешествии Белова.

У крыльца почтовой станции нас встретил древний старик, содержатель почты.

— Можно у вас переночевать?

— Сколько угодно! Пожалуйте! У нас светличка особая для приезжающих имеется.

Светелка была довольно просторная, с тремя окнами на улицу. Оставив в ней свой багаж, мы спешили воспользоваться промежутком времени, остававшимся до заката, чтобы засветло осмотреть посад.

Почтовая станция находилась на углу большой площади, через которую пролегал ржевский тракт, спускавшийся к мосту над Селижаровкой. Вся правая сторона площади была занята высокой каменной стеной Троицкого монастыря, построенного над самым слиянием Волги с Селижаровкою. Под защитою этой крепкой каменной твердыни со временем образовался и самый посад, носивший прежде скромное название монастырской слободы и названный посадом только в 1862 году.

Первым долгом мы захотели взглянуть на оставленную нами под Овселугом Волгу и, перейдя мост, пустились берегом Селижаровки к месту слияния обеих рек. На противоположном берегу, полуприкрытая зеленью старых вековых деревьев, тянулась белая монастырская стена, отражаясь в тихих водах Селижаровки.

Дойдя до мыска, мы остановились: навстречу нам плавно, не спеша, двигалась полная, широкая река, залитая золотистым отблеском опускавшегося к горизонту солнца. Это была Волга, которую мы так недавно оставили почти новорожденным ребенком. С каким-то величавым спокойствием принимает она в себя воды Селигера, отражающие старинную рощу и каменные стены обители.

Но долго любоваться этой картиной нам не пришлось: надо было спешить в монастырь, пока не заперли ворота.

Сделав набросок внешнего вида обители со стороны моста, мы поднялись на площадь и вошли в монастырские ворота, над которыми возвышается высокая колокольня в казенном стиле первой четверти нашего столетия, окончательно не гармонирующая ни со стеною, ни с окружающими башнями. Посреди монастыря находится довольно обширный храм Св. Троицы конца XVII века с крыльцом, отличающимся очень интересной архитектурной обработкой. Эта же обработка в еще более разработанном виде видна на другом крылечке при входе в монастырь с западной стороны.

Монахов никого не было видно, и вообще монастырь внутри казался как будто пустым. Я присел на полузаросшую могильную плиту и стал набрасывать крыльцо Троицкого собора; товарищи мои с походными альбомами рассеялись по монастырю. Кругом было тихо, ни звука, ни шороха, и я весь погрузился в свое занятие.

Свято-Троицкий монастырь в Селижаровском посаде. Рисунок. 1892

За спиной моей послышались шаги. Подошел какой-то субъект в пиджаке и смазных сапогах, по всей вероятности подосланный невидимыми монахами.

— С какой целью, собственно, вы планы снимаете? — обратился он ко мне.

— С самой похвальной, — отвечал я, не желая подвергаться дальнейшему допросу.

— Однако?

— Много будете знать — скоро состаритесь.

Субъект отошел и направился к воротам, подле которых помещались флигеля для братии. Я полагал, что мои не совсем вежливые ответы несколько охладят любопытных иноков, но оказалось, что они, наоборот, произвели целую сенсацию. Обо мне было доложено игумену, который только что вернулся откуда-то и, выйдя из тарантаса, прямо направился ко мне.

— Что вы тут делаете? — раздался позади меня его властный голос.

— Рисую, как видите, — отвечал я.

Он заглянул в альбом.

— Для себя рисуете, или будете помещать в журнале?

— Для себя; а там не знаю, может быть, и помещу.

Игумен переменил тон и оказался довольно любезным человеком.

— Да у нас тут мало интересного-то, — заговорил он, — собор этот не старый. Всего лет двести будет. Построен он в 1675 году.

Есть другая церковь в углу над Селижаровкой, та подревнее будет, только и в ней ничего особенного нет.

Он обвел меня вокруг собора и показал на церковь, построенную у самой стены.

— Рядом-то с нею прежде колокольня была, да обветшала, а в 1825 году и совсем обвалилась. Через пять лет, в тридцатом году, выстроили новую, вот что над воротами-то.

— А когда основан монастырь?

— Неизвестно. Первое упоминание о нем в грамотах относится к 1504 году, так что, вероятно, он основан в конце XV столетия, а может быть, и раньше, только от тех времен ничего древнего не сохранилось.

Пока мы осматривали монастырь, солнце уже закатилось, и, не желая задерживать привратника, мы поспешили раскланяться с о. игуменом.

В светелке на почтовом дворе, в образнице, я опять увидел икону, которая часто встречается в здешней местности и даже изображена на наружной стороне собора в Осташкове. Композиция иконы довольно оригинальна: на ней изображен пейзаж с кустами, посреди которого стоят два дерева, и на каждом из них помещено по образу: на правом — изображение креста, на левом — Богоматерь с младенцем и св. Николай.

— Что это за икона у вас? — спросил принесшую самовар хозяйку.

— Это Окóвецкая Божия Матерь, — отвечала она, — разве вы о ней не слыхивали?

— Нет, не приходилось.

— Ее все верст на двести кругом знают.

И хозяйка начала рассказывать, что эта икона составляет местную святыню Ржева и его окрестностей, что иногда даже и называется Ржевскою, что постоянно икона находится в селе Окóвцах, в 25 верстах от Селижаровского посада, что там в честь ее выстроен большой каменный храм, при котором содержатся три священника, и т. д.

— А почему она изображается на деревьях?

— Уж не могу вам сказать. Да, впрочем, об ней и книжка есть, там, наверно, всё прописано.

Впоследствии мне удалось достать и книжку, которая действительно объяснила мне необычную композицию Оковецкой иконы. В книжке помещен русский перевод славянской рукописи XVII века, составитель которой пользовался другим, более древним источником, как кажется, современным явлению самой иконы. По словам рукописи, событие это произошло в XVI столетии, именно в 1539 году. В дремучем Оковском лесу между деревнями Дрябки и Клочки протекала (и поныне существующая) река Пыршня; на ней стояло какое-то небольшое

заброшенное городище, против которого за рекою находились деревни вотчинника Ивана Повадина.[135] В одной из этих повадинских деревень жили крестьяне Иван Пономарев и родной дядя его Ермолай, занимавшиеся воровством и конокрадством. В деревне Клочках, по сю сторону реки, проживали также два конокрада, и однажды повадинские, сойдясь с клочковскими, уговорились совершить двойной грабеж и разменяться добычею в лесу на условленном заранее месте. Клочковцы должны были украсть двух коней и передать повадинцам за реку, а повадинцы обещались привести им за коней двух коров. Иван и Ермолай удачно справились с своим делом и привели коров на указанное место к Пыршенскому городищу; клочковцев там не было: им не удалось похитить коней. В ожидании их повадинцы стали бродить около городища и вдруг на одной сосне увидели стоящую икону с изображением Св. Креста.[136] Явление образа в лесу показалось им настолько необычным, что они даже заподозрили в этом какое-то наваждение и поспешили перебраться обратно через реку, заметив друг другу: «Видно, не чужими животами нам менять, а своими головами ответить придется». Через несколько времени они где-то повстречались с клочковцами. Те прямо накинулись на них: «Какой у вас умысел на нас был? Зачем на городище крест целовали? Там и образ стоит... Где же ваша правда?» Повадинцы клялись, что никакого зла не замышляли и образа не приносили. Клочковцы удовлетворились и пошли дальше, а Ермолай сказал племяннику: «Пройдем на городище, посмотрим, что за причина; нет ли там клада под иконой?» Они пришли на знакомое место: икона по-прежнему неподвижно стояла на дереве; она оказалась прибитой к нему гвоздем. Так как местность находилась на той же стороне, где и Клочково, то повадинцы отправились туда заявить об иконе. Пришли к городищу клочковцы всей деревней, подумали, подумали и решили послать за священниками к Спасу на погост (вероятно, нынешний погост Солодомля), но священники были где-то на празднике, и посланный, встретив некоего монаха Стефана, по всей вероятности из Селижарова монастыря, пригласил его следовать за собою. За ним тронулось в путь население окрестных деревень в числе более ста человек. Дело было в самый Духов день. Придя на городище, инок и люди

---

[135] Оковский лес занимал почти вся юго-западную часть Осташковского у. и прилегавший к ней северо-восточный край Смоленской губ. (ПСРЛ. Т. IX. С. 3). Д. Клочки располагалась в двух-четырех верстах к западу от Пыршенского городища, на другой стороне его за речкой Пыршней была д. Дрябки (Бредки). Земли Ивана Стефановича Повадина находились недалеко от погоста Солодомли.

[136] Икона Чудотворный Крест Господень и верхушки зданий при подножии; явилась накануне праздника Вознесения.

начали молиться новоявленной иконе. Между тем поднялся сильный ветер, грозовая туча кругом обложила небо, и только на городище было светло. Деревья качались от непогоды, и Стефан, взглянув на соседнюю сосну, стоявшую саженях в трех от образа, увидел на ней другую икону с изображением Богоматери, Предвечного Младенца и святителя Николая.[137] От иконы начались обильные исцеления. Стефан отправился с извещением в Москву, куда вслед за ним прибыли священник Григорий и четыре выборных из Оковецкой области. Дело было доложено молодому царю Ивану Васильевичу, который, удостоверившись чрез своих посланных из Москвы людей в истине сообщенного ему события, велел построить на месте явления иконы две церкви и пожелал, чтобы самые иконы были на время перенесены в Москву.[138]

11-го января 1540 г. они прибыли в первопрестольную и пробыли здесь до июля месяца.[139] Памятью пребывания их в Москве и до наших дней остался построенный в 1686 г. храм во имя Ржевской Божией Матери у Пречистенских ворот и другой в Поварском переулке, на месте остановки икон при перенесении их в Москву. Со временем построения церквей на Пыршенском городище местность эта стала называться Око́вцами, и первое летописное упоминание о ней

---

[137] Икона Божия Матерь с Предвечным Младенцем, сидящим на Ее левой руке, и предстоящим свт. Николаем. Почитание иконы началось в Оковцах, Ржеве и Москве с 1540 г. Почитание 11 июля, а не 25 мая вызвано, вероятно, тем, что именно в это время совершилось признание ее. См.: *Николаева С. Ю.* Сказание об Оковецких иконах // Русская провинция: миф — текст — реальность. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 384–394.

[138] Церковь Пресвятой Богородицы Одигитрии с приделом св. Николая Чудотворца и церковь Происхождения Честных Древ.

[139] По пути в Москву в Ржеве от икон исцелилось 9 человек. В Москве близ Новинского монастыря иконы встречал Иван IV с братом Юрием, митрополит с духовенством и множество верующих. Ср. летопись: «Лета 7048 генваря принесены были ото Ржевы на Москву две иконы чюдотворные: образ Пречистые Одигитрие, а другая икона Крест Честный, и встретоша чюдотворные иконы со кресты пресвященный Иосаф митрополит с всем священным собором и князь велики Иван Васильевич всея Руси з братом своим с князем Юрьем, и з боляры, и с всем народом близ нового монастыря митрополича, и повеле князь великий на том месте храм поставити в имя Пречистыя Богородица» (ПСРЛ. Т. 8: Продолжение Летописи по Воскресенскому списку. СПб.: тип. Эдуарда Праца, 1859. С. 295). Новый Новинский монастырь основан между 1410 и 1431 г. митрополитом св. Фотием, упразднен в 1764 г. В 1868 г. на его месте находились каменные церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы и Казанской Пресвятой Богородицы (Книга-путеводитель по Москве. М., 1868. Т. 1. С. 278–279). Указание, что иконы были принесены из Ржева, а не из Оковец, объясняется тем, что место их явления Пыршенское городище относилось к Ржевскому у., почему явленная икона Богородицы называлась Ржевской.

находится под 1547 годом. Когда восставший народ убил в московском Успенском соборе князя Юрия Глинского, брат его Михаил с князем Турунтаем-Пронским побежали было в Литву, но были задержаны в Ржевской области князем Петром Шуйским. Привезенные в Москву, они, оправдываясь перед царем, заявили, что «ехали в Оковец помолиться Пречистой».[140] В эпоху Смутного времени иконы для безопасности были перенесены в Новгород и возвращены оттуда только в 1667 году. По поводу этого возвращения в Осташкове существует предание, что иконы были везены по зимнему пути озерами, что новгородцы не хотели отдавать их и устроили даже погоню, но будто бы лед позади поезда трескался, и на озерах делались такие полыньи, которые совершенно преграждали путь новгородцам. Размер иконы Оковецкой Богоматери очень невелик, всего 1 ½ вершка в квадрате. В настоящее время она ежегодно совершает круговые путешествия по окрестным городам и деревням.[141] И теперь, по словам хозяйки, икона находилась где-то в отсутствии.

До Ржева нам хотелось добраться пораньше, и мы попросили разбудить себя на другой день в 4 ч. утра.

XIV. До Ржева

Порой ручей, порой овраг.
А там поля, опять поля!
И в золотых опять волнах
С холма на холм взлетаю я…

А. Н. Майков[142]

Вчерашний старец, так любезно проводивший нас в светелку, оказался существом довольно коварным. Утомленные пешим хождением в Осташкове, тряскою в телегах и разнообразием испытанных впечатлений, мы с вечера заснули богатырским сном, но не прошло и трех часов, как мы все четверо уже снова были на ногах посреди комнаты, с ужасом поглядывая на свои покинутые ложа.

---

[140] См.: Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 7061… СПб.: Имп. АН, 1769. С. 144.

[141] В Москве иконы находились в Успенском соборе, а в Новгороде до 1667 г. в церкви Успения (Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т. XI. С. 76, 20). Крестные ходы с иконой начались в начале XVIII в. В Новгороде 11 июля совершали крестный ход из Софийского собора в церковь Успения Пресвятой Богородицы, где богослужение проводил новгородский епископ (*Макарий, архимандрит*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М.: тип. В. Готье, 1860. Т. I. С. 96, 98; Т. II. С. 76).

[142] Эпиграф из стихотворения А. Н. Майкова «Поля» (1861).

На каждом из них по разным направлениям двигались целые полчища кровожадных неприятелей, и притом в таком громадном количестве, какое, вероятно, не снилось и самому Ксерксу, когда он замышлял поход против греков. Силы были крайне неравны, и мы принуждены были уступить, проклиная и старика, и светелку. Ничего не оставалось делать, как подсесть к окнам и глядеть на пустую улицу: было только 2 часа утра, и всё вокруг спало глубоким сном. Так прошел час. Торжествующие неприятели давно уже располагались по своим жилищам, а мы всё сидели у окон, боясь пошевельнуться. Мало-помалу деревня начала просыпаться. По улице прошел пастух, и потянулось стадо в поле. Мимо окон, степенно похрюкивая, прошла свинья, мужик провел на водопой свою лошадь, рядом с нею на длинных ножках важно выступал жеребенок.

Дверь отворилась, в светелку вошла хозяйка с самоваром.

— Да вы уж и встали? — удивилась она и, выслушав наши жалобы, только покачала головой.

— Да, — заметила она, — уж кто на нашей станции разок поспит, в другой раз не захочет. Они и нас-то самих давно уже отсюда выжили, — прибавила она в утешение.

Через полчаса мы уже выезжали на знакомую площадь и начали спускаться к мосту. В монастыре благовестили к заутрене. Солнце поднималось над горизонтом.

Выезжая из посада, мы миновали за рекою местный трактир с заманчивой вывеской:

Пожалуйте, — на прощение
Есть для вас угощение.

Против посада за Селижаровкой раскинут погост Сергий, как назвал его ямщик. На нашем наброске Селижаровского посада со стороны Осташкова церковь этого погоста видна на краю справа.

Снова мимо нас потянулись деревни: Будаево, Голубово, Тальцы,[143] — Тальцы, впрочем, село.

Вчера еще за некоторыми деревнями в поле мы не раз видели новые дощатые часовни. Одни из них были кругом обшиты тесом, другие только с трех сторон и казались неоконченными. Сегодня за Тальцами опять встретилась такая же постройка.

---

[143] С. Тальцы Селижаровского р-на, в 12 км к юго-востоку от Селижарова, в 3 км от Волги, на шоссе Ржев — Селижарово. В середине XIX в. одноименный приход и волость Осташковского у. В 1859 г. 18 дворов, 116 жителей; в 1889 г. 28 дворов, 151 житель, земская школа; промыслы: лесной (возка, пилка дров, сплав леса), садоводство. В 1955 г. в состав Талицкого с/с вошел Будаевский с/с.

— Что это за часовни у вас по уезду строятся? — обратился я к ямщику.

— А это, барин, на случай, — таинственно подмигнул он.

— На какой случай?

— Говорят, мор будет. Слышь, какая-то белая женщина являлась.

— У вас?

— Нет, далеко где-то. А только ждут наверное!

— Неужели?

— Верно, говорят, будет; у нас готовятся. Сказывают так: если кто тогда в деревне захворает, и сейчас его, слышь, в ту холодную снесут, на поле, чтобы от него в деревне заразы не было.

Легенда, действительно возникшая раннею весною на юге о белой женщине, являвшейся казаку и предсказавшей урожай, который некому будет собирать, так как деревни запустеют от мора, отчасти оправдалась впоследствии появлением холеры, но в это время (июнь 1892) о холере еще ничего не было слышно, и эти предупредительные меры показались нам довольно характерными.

На 20-й версте от посада мы проехали погост Ильи Пророка, при котором устроена школа в память чудесного события 17 октября 1888 года.[144]

Недалеко от погоста показалось имение известного московского фабриканта Морозова на реке Большой Коше,[145] впадающей в Волгу, которая всё тянется в правой стороне от дороги и то скрывается, то снова показывается вдали серебристою лентою.

В двух верстах от Большой Коши протекает другой приток Волги, Малая Коша, служащая границею между Осташковским и Ржевским уездами.

Проехав через мост, мы действительно вскоре заметили, что находимся в другом уезде. Верстовые столбы исчезли, их заменили экономические надписи на телеграфных столбах, ведущие счет верстам не от станции до станции, как обыкновенно, а от Ржева до границ уезда. Надписи эти настолько мелки, что на трех-четырех верстах при всем желании еле успеваешь разглядеть цифры разве на одной

---

[144] 17 (29) октября 1888 г. произошла катастрофа с поездом императора Александра III на участке Курско-Харьково-Азовской (ныне Южной) железной дороги у станции Борки под Харьковом. Несмотря на многочисленные человеческие жертвы и сильные повреждения подвижного состава, в том числе царского вагона, сам император и члены его семьи не пострадали, что в официальной печати и в церковной традиции интерпретировалось как чудо; на месте катастрофы был воздвигнут храм.

[145] О рр. Большая и Малая Коши и имениях Морозовых см. в путешествии Е. П. Вишнякова.

дощечке. На мостах появились своеобразные украшения в виде резных столбов, ничего не подпирающих и как-то бессмысленно торчащих в небо своими острыми верхушками. Таких столбов на каждый мост приходилось по 8 штук.

— Так вот куда ржевцам верстовые-то столбы понадобились! — засмеялся один из моих спутников. — Они предвидели, что глаз путника устанет, разбирая их петит на телеграфных столбах, и решили вознаграждать его на каждом мосту умилительным зрелищем торчащих в небо бревен.

Моровые бараки за деревнями также исчезли.

Несколько выше границы обоих уездов на Волге начинаются небольшие пороги, из которых самым значительным считается Бенский (верстах в 20 от границы) близ деревни Митьково,[146] лежащей несколько в стороне от дороги.

За станцией Озеренка[147] мы имели случай лишний раз подметить всем известную характерную черточку русского человека. Дорога в этом месте была недавно починена и покрыта еще не совсем укатанным щебнем. Мальчик, правивший в переднем тарантасе, поехал по этому щебню, но наш ямщик, взрослый, задержал лошадей, свернул через канаву, причем чуть не опрокинул тарантас, и поехал стороной по дорожке, кое-как проложенной в кустарнике.

— Что же ты свернул? — спрашиваю.

— Да, вишь, дорога-то не укатана.

— Ты ямщик?

— Ямщик, а то как же?

— Ведь тебе больше всех по ней ездить придется.

— Это верно.

— Так кто же ее будет наезжать, если ты первый норовишь объехать?

Смеется.

Наконец, мы заехали в такие ямы, что лошади еле-еле вытаскивали тарантас, а колеса начали поскрипывать.

— Ничего! — ободрял себя ямщик, — это вот только тут одно местечко…

Передний тарантас давно уже проехал щебень и был далеко впереди, а мы всё еще ныряли по ямам, пока, наконец, ухнув напоследки в канаву, выбрались опять на дорогу.

---

[146] О Бенских порогах см. в путешествии Озерецковского, который, однако, связывает их с дд. Копылы и Повадино Селижаровского р-на, а не с д. Митьково.

[147] Усадьба Озеренка Холнинской вол. Ржевского у. принадлежала поручику Василию Степановичу Доможирову (1858; ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 1599).

Волга у деревни Кривцовы Дворы. Рисунок. 1892

— Там для коней-то неспособно, — заметил уже вполголоса ямщик, кивнув на лежавший позади щебень, а кони плелись шагом, опустив головы и еле переводя дух от усталости.

Миновав станцию Сытьково недалеко от деревни Кривцовы Дворы,[148] мы выехали наконец на самый берег Волги. Она только что оставила позади себя прекрасный сосновый бор, густо покрывший ее правый берег, и, весело сверкая на солнышке, подходила к Кривцовым Дворам. Ширина ее как будто еще прибавилась. Пройденная ею линия казалась прямой как стрела, но впереди уже виднелся новый капризный изгиб вправо, и красавица опять исчезала за береговым мысом.

Сделав набросок, мы тронулись далее, и снова перед нами потянулись знакомые картины деревень, окруженных полями небольших перелесков и время от времени встречавшихся господских небольших усадеб.

Наконец за станцией Бахмутово, часов около 5 вечера, впереди показалась высокая белая колокольня.

— Ржев! — обернулся к нам ямщик.

---

[148] Тюменев с этого места едет той же дорогой, которой путешествовал и Островский: Сытьково — Бахмутово — Ржев.

— А сколько верст до него осталось?

— Да еще верст семь будет. Ее далеко видать, высокая.

Панорама Ржева с осташковской дороги не представляет ничего интересного. На первом плане станция Ржевско-Вяземской железной дороги,[149] за нею ряды деревянных домиков, раскинувшихся на довольно широкое пространство, и только. Церквей почти не видно, и лишь одна соборная колокольня белеет на синевато-сизом фоне неба.

Проехав предместье, мы очутились на большой площади с неизменными торговыми рядами и сквером, обнесенным деревянной решеткой; сквер был заперт. Ямщики круто свернули к Волге, и вскоре мы остановились у чугунного подъезда гостиницы Некрасова.[150]

Первое впечатление, произведенное Ржевом, было далеко не в его пользу, но вид на город, открывшийся из окон нашего номера, сразу заставил нас переменить мнение. Почти под самыми нашими ногами высокий берег крутым обрывом спускался к Волге, по которой между стоявшими большими лодками сновали челночки и мерно двигался ялик на перевозе. Вправо тянулась набережная, усаженная молодыми деревцами, влево, среди зелени, виднелась церковь Св. Николая[151] и далее, на особом холме, собор с своей колокольней. Противоположный, правый берег Волги, напоминавший Замоскворечье в миниатюре, широко раскидывался по отлогому склону к реке с своими церквами, гостиным двором и базарной площадью, пестрея разноцветными стенами и кровлями своих домиков, линии которых местами перебивались зеленью садовых деревьев; вдали на горизонте синели леса. Но главную красоту картины составляла Волга, извивавшаяся внизу плавным подковообразным движением. Пройдя под мостом, соединяющим оба берега, она не спеша сворачивала в правую сторону и скрывалась от глаз за зеленой рощицей левого берега, посреди которой красовалась небольшая церковь Владимирской Божией Матери.[152]

Ржев — первый город, который встречает Волга на своем пути, и, любуясь им из своих окон, мы должны были отдать ему справедливость: он достойно начинает славную линию приволжских берегов, известных своей чисто русской красотой и живописностью местоположения.

---

[149] Ржево-Вяземская железная дорога (116 в.) открыта в 1888 г., сооружена на средства правительства. Новоторкой называлась потому, что до присоединения к Николаевской железной дороге (1894) принадлежала к Новоторжской железной дороге (128 в.), движение по которой открылось (от ст. Осташково, ныне Лихославль) до Торжка в 1870 г., до Ржева — в 1874 г.

[150] Гостиница Некрасова располагалась на месте здания Федерального казначейства на набережной (бывший банкирский дом Рябушинских).

[151] Никольская церковь (1692). Не сохранилась.

[152] О храмах Ржева см. в путешествии Белова и Максимова.

XV. Ржев

Оселъ Святославъ Рьжевку, городьць Мьстиславль.

Новгородская летопись[153]

Роль первого города, поставленного в верховьях великого водного пути, принадлежит Ржеву издавна. О нем упоминается уже в одной грамоте XII века, а в начале XIII-го он был уже заметным городком в пределах Торопецкого княжества и, когда настало время, честно сослужил службу князю своему, известному Мстиславу Мстиславичу Удалому. Когда Мстислав в 1216 г. отправился в Новгород оборонять дом св. Софии от притеснений суздальских князей, брат их Святослав Всеволодович с 10 000 воинов вошел в Торопецкий удел и «осел Рьжевку, городьць Мстиславль», где в то время находился некто Ярун с сотней защитников. Мстислав с братом Владимиром в это время двигался по Селигеру к суздальским пределам и, узнав на верховьях Волги об осаде своей Ржевки, спешно пустился с пятьюстами мужей (больше у них с братом и не было) на выручку города. Но ржевцы уже отбились от неприятеля, и Мстислав не нашел врагов под стенами. В 1225 г. в Ржеве княжил князь Владимир, по всем вероятиям брат Мстислава.[154] По мнению некоторых писателей, позднейшее название города Ржева Володимирова произошло от этого князя. Другие же полагают, что приставка явилась только во времена Донского, когда город, переходивший из рук в руки, присоединен окончательно к Москве и назван Владимировым в честь куликовского героя Владимира Андреевича Храброго. При постройке соборной колокольни в 1832 году были найдены остатки крепости, воздвигнутой во времена этого князя. В XV столетии здесь княжил и Шемяка, и сын Василия Темного Борис, оставивший город в удел своим сыновьям Федору и Ивану, причем князю Федору достался левый берег, а князю Ивану — правый. С тех пор берега получили свои особые названия Князь-Федоровской и Князь-Дмитровской стороны (последняя — по князю Дмитрию, преемнику Ивана). К Тверской губернии Ржев причислен только в 1775 году и теперь считается ее лучшим уездным городом.[155]

За Волгой, на Князь-Дмитровской стороне, ударили где-то в колокол.

---

[153] Эпиграф из Новгородской IV летописи (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 186).

[154] В описаниях Ржева говорится, что князь этот был Владимир-Дмитрий Всеволодович, получивший Ржев вместе с Москвой по распоряжению брата его князя Константина Всеволодовича, но этот Владимир-Дмитрий умер еще в 1224-м году. См. «Описание Тверского музея», сост. А. К. Жизневским. — *Прим. Тюменева.*

[155] Неточно: Ржев вошел в Тверскую губ. с момента ее образования в 1775 г.

— Это у Владимирской, ко всенощной, — объяснил слуга, подававший нам обед, — там теперь каждый день всенощные служатся.

— Почему?

— Икона у них стоит, Оковецкая Божия Матерь.

— Да разве она здесь?

— Здесь. Ее теперь каждый год нам в город приносят, с самого 1875 года. Это покойничек Евграф Васильевич Берсенев[156] нам выхлопотал; он тогда городским головой был. И несут ее, матушку, к нам по правому берегу Волги, а обратно в Оковцы — по левому, чтобы во всех деревнях могли ее встретить и принять в дома. Славный был человек этот Евграф Васильевич, много для народа сделал.

Между тем колокол продолжал гудеть над Волгою, призывая жителей на молитву.

Мы решили начать осмотр города с Князь-Дмитровской стороны и прежде всего побывать на всенощной во Владимирской церкви, которая, замечу в скобках, прежде называлась Оковецкой, а потом почему-то переименована во Владимирскую.[157]

Спустившись с крутого обрыва к Волге, мы вступили на мост, который издали, судя по конструкции, казался нам железным, на деле же был деревянный.[158] Внизу под нашими ногами плавно протекала Волга; ширину ее у Ржева определяют в 20—25 сажен.

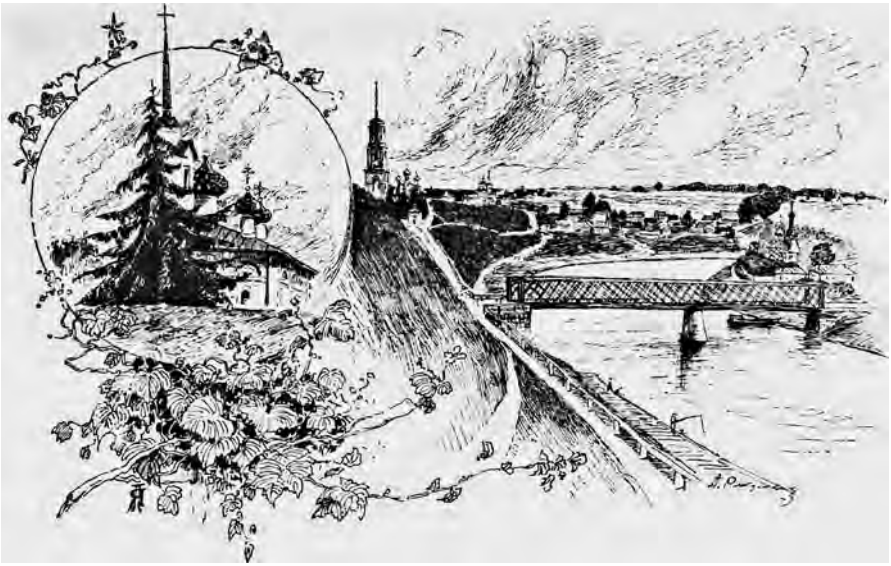
С моста мы повернули влево и вскоре подошли к ограде Владимирской церкви. У ворот и внутри ограды, в рощице, окружающей церковь, толпился народ, преимущественно женщины в пестрых праздничных нарядах; на лицах у всех какое-то особое благоговейное выражение. Одни входили в церковь, другие выходили, третьи сидели со знакомыми на скамеечках, иные просто прохаживались между деревьями в ожидании чего-то. Масса нищих толпилась у ворот и вдоль дорожки, проложенной к паперти. В церкви было тесно и душно. Служба шла в главном храме, впереди, и звуки еле долетали в притвор, где, впрочем, стояла главная масса народа. В низком притворе было темно от деревьев, окружающих церковь, и в этой темноте ярким

---

[156] Берсенев Евграф Васильевич, ржевский городской голова (1856—1879), создал Ржевское добровольное пожарное общество ревнителей (1871), поддержал Т. И. Филиппова в деле открытия в Ржеве мужской прогимназии (1874); собирал древние рукописи и иконы, коллекция приобретена Императорской Публичной библиотекой и Тверским музеем.

[157] Владимирская церковь построена в 1758 г.

[158] Первый стационарный мост (деревянный на каменном быке посередине) построен по решению Ржевской земской управы в 1888 г. по проекту инженера В. Ф. Панкевича. Опора состояла из гранитных блоков, скрепленных цементирующей смесью с булыжниками. Разрушен ураганом через 5 лет, опоры сохранились и использовались при строительстве нового моста.



Город Ржев. Налево — Князь-Федоровская сторона с собором, направо — часть Князь-Дмитровской стороны с церковью Владимирской Божией Матери. В круге: церковь Святого Николая на Князь-Федоровской стороне. Рисунок. 1892

световым пятном выделялся в левой стороне массивный свечник перед иконой, уставленный десятками пылавших свечей. По лесенке, ведущей к образу, двигались сплошной толпой прикладывавшиеся богомольцы. На месте чудотворной иконы стояла теперь копия, также украшенная богатой ризой, сама же икона еще не возвращалась из города, где ей служились молебны по домам.

Мы вышли из церкви и не успели сойти с паперти, как на улице у ворот началось движение, которое тотчас же передалось и толпе внутри ограды. Все зашевелились, засуетились, спеша к дорожке и в то же время расчищая путь к церкви. Через минуту в воротах показался протодиакон в облачении, с кадилом в руке. За ним сверкнула в воздухе золотая риза чудотворной иконы, которую высоко над землей несли два ржевича в длинных кафтанах, сзади показался старичок священник, сопровождаемый громадной толпой народа. Шествие подвигалось быстро. Народ, бывший в ограде, бросился теперь на самую средину дорожки и начал подходить под икону. На дорожке мгновенно образовалась длинная линия коленопреклоненных мужчин и женщин всякого звания и состояния, и над ними высоко в воздухе проносилась сверкавшая богатым убранством икона, направлявшаяся к церкви. Это чисто русская картина, окруженная зеленью берез и освещенная вечерними лучами солнца, произвела на нас глубокое впечатление.

Проводив икону, народ начал расходиться. Мы вышли за ограду.

Неподалеку находилась длинная прямая улица, которая вела в гору, к высокой каменной церкви. На половине этой улицы нам встретился уголок до того своеобразный, что при взгляде на него невольно припоминалось время чуть ли не Алексея Михайловича, когда и в самой Москве существовали такие, теперь уже давно исчезнувшие уголки. В улицу упирался узенький-узенький переулочек, тянувшийся вдоль бревенчатых стен какого-то амбара. Его окружали старинные деревянные постройки, а самый угол переулочка составляла ветхая амбарушка, поставленная не в линию, а наискось к остальным строениям. От всего уголка веяло такой стариной во всей ее неприкосновенности, что я не утерпел и, присев на тумбу, достал альбом.

Мгновенно меня окружила целая толпа ребят; начали останавливаться и взрослые. Ближе всех ко мне поместилась древняя старушка, вероятно ровесница угловой амбарушке, так важно повернувшейся боком к улице.

— А как у вас эта улица называется? — обратился я к старушке.

— А Притатеицкая, кормилец.

— Как?

— Притатеицкая.

Название звучало крайне странно; я записал его.

— А какая это церковь на горе, в конце улицы?

— А это у нас Иван Притатеич.

Я догадался: улица была Предтеченская.

Поднявшись на гору к Ивану Притатеичу, мы свернули вправо и пошли по верхней улице вдоль Князь-Дмитровской стороны. Улица находилась уже почти на окраине, но по ней тянулись деревянные домишки и заборы.

Пройдя несколько сажен, мы встретили на правой стороне дороги подобие широких ворот, поставленных вдоль улицы. Во всю длину большой перекладины, утвержденной на двух столбах, тянулся правильный ряд железных крючьев. Поравнявшись с воротами, мы увидели, что против них, по ту сторону дороги, находился в промежутке между двумя домами небольшой дворик. На нем оказалась целая линия таких ворот, поставленных друг за другом, так что под ними образовывался длинный и широкий проход до самого конца дворика. Мы остановились и никак не могли понять, что бы это значило.

Подошел местный житель.

— Фабрику нашу смотрите? — спросил он.

— Да разве это фабрика?

— По-нашему, фабрика называется, — улыбнулся житель, — тут у нас нитки для канатов делаются.

— А для чего крючья?

Старинный уголок в городе Ржеве на Князь-Дмитровской стороне. Рисунок. 1892

— А то как же? По крючьям-то нитки и тянут. Вот тут, например, на каждой перекладине по 64 крючка, — это двойная. Здесь рабочие делятся на две артели, по 32 человека выходит, и идут рядами, одна артель, скажем, немножко впереди. А другая за ней, чтобы тесноты не было. Тянут нитки, каждый человек по своим крючкам, по линии значит. Один, скажем, по крайним, другой по вторым, третий по третьим и так дальше. Бывают фабрики и поменьше, на одну артель, на 32 человека, а есть заводы и в 3 ряда: выходит, значит, 96 крючков; только таких совсем мало.

— Куда же собираются нитки?

— А их там, в конце, на барабан такой наматывают.

— Велика длина такой нитки?

— Полагается 100 сажен; делают и длиннее, да редко. Вообще теперь это дело упадать стало, год от году всё меньше да меньше.

— Что же так?

— Да всё паровые пошли; канатные заводы завелись. У нас работа ручная, а там машина; вот тут и сообрази! Работают и наши, да только мало, против прежних лет куда меньше. Должно, скоро и конец придет, — махнул он рукой и тронулся дальше.[159]

Улица привела нас в единоверческую часть города, с высокой белой церковью, более похожей на дом с башней, чем на церковь. Говорят, в Ржеве очень много раскольников, чуть ли не больше половины всего населения, и все по преимуществу поповцы; других сект здесь, кажется, не слышно.[160] С. В. Максимов в «Крылатых фразах» рассказывает,

---

[159] О канатных фабриках Ржева см. в путешествии Ф. Н. Глинки (*Тверь 1*, с. 174), С. В. Максимова.

[160] Поповцы — раскольники, признававшие старообрядческое духовенство и священные таинства, в отличие от беспоповцев. Во второй половине XVII в. Ржев

что помимо своей яблочной и ягодной пастилы Ржев, хотя и под большим секретом, известен еще погребальными колодами, т. е. гробами, «выдолбленными из целого отрубка древесного с особенным изголовьем (в отличие от колоды вяземской), за которые истые староверы платят большие деньги».[161]

Мы повернули к Волге и спустились к церкви Преображения, близ которой находится гостиный двор и базарная площадь Князь-Дмитровской стороны. Но лавки были заперты, и площадь пуста.

Начинало заметно темнеть, и мы вернулись в гостиницу.

* * *

На другой день мы обошли Князь-Федоровскую сторону. Главное ее украшение составляет собор, высокая колокольня которого, как я уже говорил, видна на несколько верст кругом. В иконостасе главного храма замечательны древние иконы: Спаса Нерукотворного и Успения Божией Матери. Здесь же, у правого клироса, находится небольшой иерусалимский крест очень изящной работы с частицею Древа Креста Господня, пожертвованный в собор уроженцем города Ржева Тертием Ивановичем Филипповым, занимающим в настоящее время важный пост государственного контролера.[162] Но помимо государственных заслуг Тертий Иванович достоин уважения и во многих других отношениях. Он известен как писатель по церковным вопросам, в особенности по расколу. Статьи его, помещенные в разных периодических изданиях и собранные в одну книгу под названием «Современные церковные вопросы», составляют ценный вклад в сокровищницу нашей духовной литературы. Кроме того, Тертий Иванович принадлежит к числу немногих истинных любителей и знатоков русской народной мелодии

был центром раскольничества, с середины XVIII в. здесь жило большинство тверских поповцев.

[161] Цитата из кн.: *Максимов С. В.* Крылатые слова. СПб.: изд. А. С. Суворина, 1890. С. 10; ср.: *Максимов.* С. 194.

[162] Филиппов Тертий Иванович (5.01.1826, Ржев — 29.11.1899, Петербург), государственный служащий, общественный деятель, собиратель и пропагандист русской народной песни. Родился в семье мещанина-аптекаря, очевидно старообрядца. Приняв православие, много писал о вопросах церкви, в том числе: Современные церковные вопросы. СПб., 1882. В работе над русскими песнями сотрудничал с К. П. Вильбоа (Русские народные песни [100], записанные с народного напева и аранжированные для одного голоса с аккомпанементом фортепьяно К. Вильбоа, текст под ред. Ап. Григорьева. СПб., [1860], 2-е изд. 1894, ср.: Русские романсы и народные песни. 1874, 2-е изд. 1889), М. П. Мусоргским (Думский кружок: сборник хоров. М., 1882. Вып. 1; 1884. Вып. 2; 1884. Вып. 3), Н. А. Римским-Корсаковым (40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизированных Н. А. Римским-Корсаковым. М.: изд. Юргенсона, 1882).

и любовь свою к ней доказал изданием прекрасного сборника, гармонизированного Н. А. Римским-Корсаковым.

В числе икон, помещающихся в левом, трапезном приделе собора, обращают на себя внимание два образа св. Параскевы Пятницы. Иконы эти до того ценились в древности, что при великом князе Василии Ивановиче их брали даже в Москву для снятия копий, которые были поставлены «в Пятницкой церкви, недалеко от Покрова» (как гласит надпись), а оригиналы возвращены обратно в собор.

До 1745 года была здесь и еще одна достопримечательность, ныне уже не существующая, о которой нелишне будет сказать несколько слов.

В Ржеве и до наших дней сохраняется древнее предание о неустанном защитнике города князе Владимире, похороненном под собором вместе с княгиней Агриппиной. В смутные времена Московского государства, когда к городу подходила враждебная Литва, на высоком берегу Волги, точно из земли, вырастал белый богатырский конь, управляемый статным всадником. Вместо всякого оружия всадник держал в руке один белый плат, и только, бывало, взмахнет он этим платом в воздухе, как устрашенная Литва в смятении бежит от города. Всадник этот был князь Владимир. Литва уходила, а витязь не прекращал своей заботливости о городе: каждую ночь он непременно поднимался из могилы и обходил пешком городские стены. Настали мирные времена, но обходы князя продолжались по-прежнему. Каждый вечер к его могиле жители ставили новую пару сапог, чтоб князь не натрудил себе ног во время обхода, и на утро подошвы оказывались стоптанными. Так продолжалось долгие, долгие годы. Но вот однажды пожалели ржевичи новых сапог и к стоптанным накануне сделали только новые подметки. Обувь поутру оказалась нетронутой. Раскаялись жители и поспешили исправить свою вину, но князь уже более не поднимался из могилы; обиделся он на жадность людскую и перешел будто бы из Ржева в Новгород.

Действительно, до половины прошлого столетия в соборе, направо от входа, находилась гробница с резной позолоченной сенью над местом могилы князя Владимира и княгини Агриппины, почитавшихся святыми. На гробнице была положена и громадная икона в сажень длины с изображением князя и княгини. Икона эта, находящаяся теперь в Тверском музее, была написана на средства стольника князя Абернибесова, бывшего воеводой в Ржеве в 1698 г. В честь святых была составлена особая служба, и празднование им совершалось 15 июля.

В 1745 году тверской архиерей сделал распоряжение об исследовании княжеских гробниц. Комиссия из настоятелей монастырей Желтиковского, Селижаровского и Иваницкого явилась в Ржев и приступила к раскопке 9 сентября. Копали долго, но ничего, кроме отдельных черепков и костей, не находили. Наконец, после двух дней рабо-

ты на двухсаженной глубине увидели и княжеские гробницы. По словам акта, составленного на месте, они были дубовые, выдолбленные и «обиты кругом сколою березою». Гробницы были открыты, но в них оказались только одни полуистлевшие кости. Надгробная икона увезена в Тверь, гробница и сень, разобранные во время копания, более не возобновлялись, и теперь соборный сторож даже не знал ничего о прежнем существовании мощей. Указал он нам только небольшой колодезь подле северной стены храма, будто бы выкопанный руками князя Владимира. Но кто же были эти князь Владимир и княгиня Агриппина? Достоверного об них ничего неизвестно. Можно только предполагать, что, по всем вероятиям, это и есть брат Мстислава Удалого Владимир Мстиславич, первый известный нам князь ржевский, а княгиня Агриппина, похороненная рядом с ним, вместе с ним почитаемая и изображенная на одной с ним иконе, была его близкой родственницей или даже супругой.[163]

В течение своего долголетнего существования Ржев подарил родине не одного полезного деятеля. Упомянем, для примера, хоть о Терентии Ивановиче Волоскове (1744–1807),[164] бывшем здесь первым городским головой. Волосков принадлежал к числу редких самородков. Он был и богослов, и астроном, и химик, и механик-самоучка. Будучи

---

[163] Тюменев первым рассказывает эту легенду. Князь Владимир Мстиславич (до 1178 – после 1226), младший брат Мстислава Мстиславича Удалого (см. о нем в путешествии Боголюбовых), князь псковский (1208–1212, 1215–1222). Местное почитание князя Владимира и его жены Агриппины установлено не позднее XVII в. (*Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской церкви. 2-е изд. М., 1903. С. 140). 9 сентября 1745 г. Тверской архиепископ Митрофан вскрыл гробницы и не признал Владимира и Агриппину святыми. Выявлены икона князя и княгини, написанная «радушием» ржевского воеводы стольника князя Сергия Феодоровича Обернибесова, и гробница с иконостасом, созданные в 1716 г. лантратом Лукой Ивановичем Челищевым (Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее за 1876 год. № 1–3. Смесь. С. 9–10; ср.: *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской церкви. С. 454–455, 456, 458). Икона перевезена в Тверской музей; гробницы уничтожены. Несмотря на запрет, иконы Владимира и Агриппины хранились в домах, а две иконы в Покровской старообрядческой общине (*Волков В.*, *Чистяков Г.* Забытые князь и княгиня из Ржева – местные Петр и Февронья // Караван + Я: Тверской еженедельник. 2004. 4 авг.). Почитание восстановлено в 1979 г., день памяти 28 июля. В церкви Оковецкой иконы Божьей Матери и в Вознесенском соборе Ржева находятся иконы и фрески свв. Владимира и Агриппины (Святые благоверные князь Владимир и княгиня Агриппина // Сайт Андрея Платонова [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.golubinski.ru/russia/rzhev/vladimir.htm. Дата обращения: 12.12.2013. Загл. с экрана).

[164] О Т. И. Волоскове см. также: *Тверь 1*, с. 178–186.

сыном раскольника, он благодаря чтению сочинений св. Димитрия Ростовского обратился в православие и впоследствии сам написал несколько духовно-полемических сочинений, из которых особенно замечательны обличение на раскол Михайлы Калмыка, попа Стародубской слободы, и переписка его с новоторжским городским головой Адрианом Морозовым, которого он из раскола обратил в православие. Отец Терентия Ивановича знал способ изготовления малиновой краски, известной под названием кармина. Сын довел ее производство до высокой степени совершенства, так что фунт волосковского кармина в 20-х годах нашего столетия продавался по 42 рубля серебром и нашел себе сбыт даже за границей. Он устроил зрительную трубу в 7 фунтов длиною и часы «сколок мироздания», над которыми трудился несколько лет. Часы эти, находящиеся ныне в Тверском музее, показывали года, месяцы, числа, дни, минуты, секунды. На них двигалась серебряная луна, проходившая все свои фазы, вращалось золотое солнце по голубому небосводу, который сжимался и расширялся по убавлении и прибавлении дня. Часы, кроме того, были замечательны еще некоторыми подробностями: так, например, числовая стрелка сама собой безошибочно переходила с последнего числа месяца на первое число следующего; они показывали годы простые и високосные, что дает возможность предположить в них существование такого колеса, которое обращалось вокруг своей оси только один раз в четыре года, а такой механизм свидетельствует о замечательной точности и отчетливости в работе.

Переносясь из прошлого столетия в XVI-е, встречаем другого уроженца Ржева — преподобного Арсения,[165] который, переселясь в Новгород, был свидетелем страшной расправы царя Ивана Васильевича с предполагаемыми новгородскими изменниками. Узнав

---

[165] Арсений (Амвросий, ок. 1500, Ржев — 12.07.1570, Новгород), прп. Новгородский, основатель Новгородского Арсениева Богородицкого мужского монастыря. Сын кожевенника, помогал отцу до его смерти. Женился по воле матери, но не прожил в браке полгода и тайно ушел в Новгород. Первые пять лет в Новгороде занимался кожевенною работою, тайно постился и молился. О его благочестии узнал новгородец Ф. Д. Сырков и обещал помощь в построении обители. Амвросий принял иночество и в 1562 г. построил обитель в честь Рождества Богородицы на торговой стороне. В 1570 г. Иван Грозный после казни новгородцев хотел построить здесь дворец и, узнав об Арсении, явился к нему с дарами и наружным смирением. Арсений обличил Грозного в жестокости и не принял даров. Собираясь идти на Псков, Грозный посетил Арсения 11 июля и просил благословения. Тот ответил: «Завтра, государь, готов я в путь за тобою». Царь решил, что Арсений готов идти с ним в Псков, но Арсений на следующее утро умер. По обретении мощей Арсения над ними была устроена каменная часовня, затем церковь Рождества Христова. 8 мая 1785 г. мощи из упраздненного Арсениева монастыря перенесены в Кириллов Новгородский монастырь.

о святом, Грозный лично отправился к нему с дарами, но отшельник не принял их, заметив только: «Много невинных послал ты в Царство Небесное», — и грозный царь смолчал. Покончив с Новгородом и отправляясь казнить Псков, Иван Васильевич снова пришел к святому за напутственным благословением. «Завтра, — сказал старец, — готов и я в путь свой». Царь обрадовался, полагая, что святой хочет сопровождать его, но на другой день узнал о кончине старца. Есть много предположений для объяснения не совсем понятного факта, что поднятая над Псковом разящая рука Грозного вдруг неподвижно замерла в воздухе. Кто знает, быть может, и та неожиданная кончина Арсения была одной из причин, повлиявших устрашающим образом на впечатлительную душу царя?

Но более всех оказал услуг родине уроженец Ржева Давид Федорович Зобниновский,[166] в монашестве Дионисий, известный впоследствии архимандрит Троице-Сергиевой лавры, правая рука патриарха Гермогена, горячий патриот, рассылавший вместе с Палицыным окружные грамоты и благословивший Пожарского на горе Волкуше на трудный подвиг освобождения Москвы от поляков. В качестве сведущего человека он с двумя товарищами был назначен царем Михаилом Феодоровичем для просмотра и проверки требника, напечатанного в 1602 году. Справщики нашли в нем до 40 ошибок. Но Крутицкий митрополит Иона не хотел признать их и объявил Дионисия еретиком. Троицкого архимандрита присудили сослать на заточение в дальний Кириллов-Белозерский монастырь.[167] Здесь его били, подвергали всяческим оскорблениям, сорок дней мучили в дыму на полатях, заставили помимо церковных служб класть ежедневно по тысяче поклонов, но Дионисий прибавлял к ним еще другую тысячу от себя и с редкостным великодушием переносил гонение. «Господин мой и отец, преподобный Иона-митрополит, — говорил он, — свыше всех человеков сотворил мне добро; по делам моим он меня смиряет: это искушение к просвещению души моей». Но с приездом в Москву Иерусалимского патриарха Феофана правда, наконец, восторжествовала. Страдалец оправдан и возвращен в свою лавру, коею управлял до самой смерти. Ко гробу его собрались многие иконописцы, чтобы закрепить для потомства черты уважаемого старца.

---

[166] См. путешествие М. И. Семевского.

[167] Тюменев посетил Кирилло-Белозерский монастырь в 1894 г.: *Тюменев И. Ф.* Пятисотлетие Кирилло-Белозерского монастыря // Исторический вестник. 1897. Т. LXIX. Август. С. 118—147, 447—482. Статью иллюстрировали рисунки В. Павлова, которые вошли в коллекцию «По Руси» (РНБ), в собрании Тюменева сохранились изображения монастырского кладбища на территории Малого Ивановского монастыря.

В ржевской Владимирской церкви хранится икона святого, написанная в XVII веке, вскоре после его смерти, и, по всей вероятности, близко передающая облик этой замечательной личности.

Обойдя огород, мы вечером еще раз полюбовались с соборного холма красивым видом местности, оживленной серебристой лентой красавицы реки, и отправились в гостиницу.

Наступала ночь, последняя, которую мы в этом году проводили на берегах Волги. Город затихал, ночная мгла незаметно окутывала всё более и более обе исторические стороны. Я подошел к окну и долго наслаждался негой теплой летней ночи. Внизу, между засыпавшими берегами, тихо протекала Волга. На Князь-Дмитровской стороне слышался чей-то приятный голос, певший песню. Задушевная мелодия глубоко проникала в душу. Песня замерла вдали, и снова всё стихло. Огоньки в домах начинали гаснуть одни за другими. Город заснул, и только по временам кое-где раздавался отдаленный лай собак да изредка слышались на прибрежном бульваре спешные шаги запоздалого обывателя.

1893. От Ржева до Углича

> В дороге всё случайно: не знаешь, на что нападешь, с кем встретишься и что заметишь.
>
> *Шевырев*[168]

I. По пути к Зубцову

> О, Волга, после многих лет
> Я вновь принес тебе привет.
>
> *Некрасов*[169]

Солнце ярко светило в небесной синеве, обдавая землю целыми потоками тепла и света, когда мы на следующий год снова вернулись в Ржев с одним из участников прошлогоднего путешествия в верховьях Волги.[170]

Высокий шпиль ржевской соборной колокольни по-прежнему ярко вырезывался на голубом небе, по-прежнему весело пестрела за Волгой Князь-Дмитровская сторона, а сама Волга так сверкала своими золотистыми струями, что даже больно было смотреть. По-прежнему же

---

[168] *Шевырев С. П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850. Ч. 1. С. 1–2.

[169] Начало 3-й части стихотворения Н. А. Некрасова «На Волге. Детство Валежникова» (1860): *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 88.

[170] См.: Исторический вестник. 1894. Т. LVI, апрель, май, июнь. — *Прим. Тюменева.*

при спуске с горы к мосту нас осадили целые толпы нищих. Сначала мы им подавали, но потом это нам надоело. Зато лишь только мы, не опуская руки в карман, прошли мимо первого же нищего, как услышали от него замечание:

— Ишь, приезжают тоже в город, любуются, а для Божьего человека и денег нет!

Нищие чувствуют себя здесь вполне господами и на милостыню смотрят как на законную дань, собираемую с обывателей.

А вот и старый знакомец — деревянный мост, которому несколько месяцев спустя суждено было в один прекрасный день обрушиться в Волгу. Но мы благополучно перебрались через него и очутились на Князь-Дмитровской стороне. Несколько лет назад к этому берегу приставали небольшие пароходы, ходившие сюда из Твери; теперь же, за мелководьем Волги, а может быть, и вследствие других причин, это пароходное сообщение прекращено, и нам, чтобы спуститься Волгою до Зубцова, приходилось взять лодку.

От моста мы повернули направо вдоль берега и вскоре подошли к живорыбным садкам, подле которых помещался перевоз через Волгу, дающий, несмотря на близость моста, недурной заработок содержателю. Здесь же на берегу, чинно в ряд, были поставлены пять или шесть каменных гробниц, новеньких, чистеньких, без надписей. Гробницы были выставлены на продажу и сделаны из белого старицкого камня, как объяснил нам торговец с ближайшего садка.

На перевозе никого не было.

— Спит он, — заметил торговец, — время-то жаркое, а он только что потрапезовал.

На его отклик из травы неподалеку от мостков поднялась заспанная фигура с всклоченными волосами. Мы спросили лодку до Зубцова.

— Что ж, это можно, — отвечал перевозчик, щурясь от света и мигая сонными глазами.

— А цена?

— Цена обнакновенная — два рубля. Ведь двадцать верст, а мне с обратным и все сорок будут.

Видно было, что на него от жары «такой розмарин напал», что ему даже лень было и запрашивать.

Ржев был осмотрен нами еще в прошлом году, и мы решили отправиться в тот же день в четыре часа вечера.

— Оно и лучше: не так знойно, — заметил перевозчик.

Узнав в заключение, что его зовут Иваном Колпачниковым, мы велели ему при первых звуках соборного колокола к вечерне выезжать на противоположный берег Князь-Федоровской стороны и направились обратно к мосту, а новый наш знакомец — на свое облюбленное местечко, в травку.

Возвратясь на Князь-Федоровскую и побродив немного по городу, сделав кое-какие покупки, мы отправились в знакомую уже нам гостиницу Некрасова на самом берегу Волги и, войдя в общую залу, были поражены изумлением: вместо обычного на Руси грязного полового нас встретила девушка в белом чепце и кокетливом переднике — настоящая немецкая kellnerin.[171] Это во Ржеве-то! — в городе, насквозь пропитанном «древлим благочестием»[172] и степенностью!

Но вот пробило наконец четыре часа, и на соборной колокольне загудел колокол. Мы поспешили на берег. Волга по-прежнему горела и сверкала, как расплавленный металл. Спускаясь с откоса к реке, мы заметили, что от Князь-Дмитровской стороны отчаливает и наша лодка. Через несколько минут Колпачников уже цеплялся багром за прибрежные камни. В носу лодки сидел другой Колпачников, мальчуган лет десяти.

— Зачем он тебе? — осведомились мы.

— А на обратном пригодится. Вверх-то ведь тягой подниматься буду; на веслах — дольше.

— Как тягой?

— А вот зачалюсь сам бечевой и пойду берегом, а лодка за мной. Вот тут ему править и придется, чтобы она носом в берег не шла.

Мы тронулись в путь.

Мерные, бархатистые звуки соборного колокола плавно неслись по поверхности Волги, далеко разносясь по окрестностям. Под мостом они на мгновение стихли, но потом, по мере приближения лодки к собору, полились еще звучнее, еще величественнее.

Помолясь на собор, Колпачников повернулся и в сторону Владимирской церкви, которая с воды кажется еще красивее, чем с берега. Мы осведомились об Оковецкой иконе.

— И теперь здесь находится, — отвечал он. — Днем по городу ходит, а ко всенощной в церковь вернется.

По пути к собору был перекинут с холма на холм высокий, красивый мост, и внизу подле него белела часовня.

— Тут у нас Иверская икона стоит, городская, с московской списана, — пояснил Колпачников. — Всё Евграф Васильич Берстенев, покойничек, устроил. Он нам и Оковецкую икону выхлопотал, и для Иверской часовню построил, и мост-от его же.

Мы похвалили мост.

— Да, супротив этого моста другого во всём городе нет — крепок! А то раз — вот потеха-то была! — он засмеялся. — Есть у нас мосток в городе, и ничего бы себе, ездили кое-как. Только раз приехал к нам

---

[171] Официантка, служанка (*нем.*).

[172] Древлее благочестие — старообрядство, раскольничество.

архиерей, в карете на своих конях. Поехал в благословенную; кони-то сытые, грузные, тот мосток и продавили! Одна так в мосту и завязла — еле вытащили!

Он снова захохотал.

Вообще наш Харон оказался человеком довольно веселого нрава. Сынишка же его, сидя на носу, держал себя крайне степенно и, видимо, изображал из себя большого.

Князь-Дмитровская сторона начинала скрываться за поворотом, но Князь-Федоровская долго еще виднелась позади, красуясь своим обрывистым берегом, своим собором и высокою колокольнею, у подножия которых впадает в Волгу ржевская речка Холынка.[173]

— Вот тут, направо-то, и имение Берстеневское было, — продолжал просвещать нас Колпачников, — а подальше-то — купца Немилова, теперь Поярковское.

Против последнего имения на левом берегу находится бумажная фабрика Образцова, на которой, по словам Колпачникова, будто бы выделывается бумага даже для кредитных билетов.

За фабрикою показался Опоцкий овраг. В древности в этих местах был город, остатки земляных насыпей которого сохранились и до настоящего времени. Во время полой воды из насыпи часто вымывались медные пули и серебряные копейки. О времени основания Опок в Тверской летописи под 1403 годом есть помета: «Того же лета в Твери заложен бысть городок на Опоках великим князем Иваном Михайловичем Тверским, того ж лета и срублен бысть». Из последних слов можно вывести заключение, что стены деревянного городка были необширны; «весне почат, а в осенине кончан», — читаем в другой неизвестной летописи, приводимой Карамзиным в примечаниях к V тому его истории. В 1447 году, зимою, тверской князь Борис Александрович приехал с княгинею в Ржев, но едва не попал в плен к захватившим город литовцам и укрылся с женою в городке на Опоках. Описание

---

[173] Исток р. Холынки выше д. Дешевки Ржевского р-на, устье в центре Ржева. Согласно исследованиям П. Ф. Симсона, до конца XVII в. в устье Холынки на Коркошиной горе существовало старое городище. В результате раскопок были обнаружены развалины древней стены и ров шириной до 4 саженей. Ниже в долине реки П. Ф. Симсон нашел орудия палеолитической и неолитической эпох, среди них редкий экземпляр орудия из кости. См.: *Симсон П. Ф.* 1) Каменный век под г. Ржевом. Тверь: ТУАК, 1903; 2) К истории каменного века // Записки Отд. русс. и слав. арх. ИРАО. СПб., 1903. Т. V. Вып. I; 3) К моему исследованию о каменном веке под г. Ржевом // Труды II Обл. Археол. Тверского съезда, 1903. Тверь, 1906. С. 256–259; 4) Русский Перигор. Страница по доисторической археологии // Московские ведомости. 1902. № 308; отд. изд.: Ржев, 1903; 5) Из истории Ржева. Тверь: ТУАК, 1916. См. также фотографии С. М. Прокудина-Горского.

Опок можно найти в описи Тверской земли, сделанной московскими писцами в 1491 году. Теперь на месте Опок, в двух верстах от Ржева, находится село того же имени.[174]

Налево потянулся высокий известняковый берег, а на правой стороне — густой ровный сосновый бор, куда ржевцы ездят на лодках целыми семьями наслаждаться чаепитием среди здорового соснового воздуха; и действительно, местечко выбрано ими *крайне* удачно.

— А как рыба у вас?

— Дорогá. Прежде, бывало, налимы, щучки, головли копеечек по пятнадцати фунт были, а теперь и все двадцать отдашь.

— Стерлядь попадает?

— Попадает — за ту и по два рубля фунт берут, а уж если рубль, так это дешево считается. Нет, против прежнего совсем не то стало!

Лодка быстро шла по течению; Ржев давно уже скрылся из виду. И справа, и слева тянулись довольно высокие, красивые берега, то пустынные, то поросшие лесом и оживленные щебетанием птиц, звучно доносившимся с берега. На левой стороне мы видели много быстрых ключей; на одном из них, около деревни Горшково,[175] прилажена даже небольшая водяная мельница.

Поэтичную картину представляла, на левом же берегу, заброшенная барская усадьба, окруженная старыми деревьями сада, отражавшимися в Волге. Ветхая деревянная башенка, стоя на берегу над Волгою подобно дряхлому крепостному сторожу, смотрела на нас пустыми отверстиями вместо окон. Глядя на эти развалины, невольно припоминалась та светлая пора, когда «порвалась цепь великая»[176] и миллионы освобожденного русского народа осенили себя крестным знаменем.

---

[174] Город-крепость Опоки великого княжества Тверского на границе с княжеством Московским (1403) основан тверским князем Иваном Михайловичем. Захватив часть Ржевской вол., Тверь подошла впритык к Ржеву и отстроила в 2 км от него свой город всего за полгода («В весне почат, а в осенине кончан»), а Москва укрепляла затем Ржев пять лет. Опоки выполняли военно-стратегическую функцию в отношениях с Золотой Ордой, Литвой и Москвой. По писцовым книгам нач. XVII в., в Опоках было несколько церквей, 97 лавок и 227 дворов. Во время Польской интервенции Опоки были сожжены поляками и не восстанавливались в статусе города. В 1859 г. в Ржевском у. владельческая деревня Апокино (Апоки), 26 дворов, 189 жителей. Рядом на Волге усадьба Молохово (Желудьево). После 1945 г. Опоки включены в состав Ржева. Борис Александрович (после 1398—1461), великий князь тверской (1425) и его первая жена Анастасия († 1451), дочь Андрея Дмитриевича, сына Дмитрия Донского.

[175] Д. Горшково Успенского с/п.

[176] Цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Имеется в виду отмена крепостного права (1866).

Виды Волги между Ржевом и Зубцовом. Вверху: погост Ильи Пророка при устье реки Бойни. Посредине: г. Зубцов издали. Внизу: заброшенная усадьба на левом берегу. Рисунок. 1893

Но вот и полдороги. На левом берегу забелел погост Ильи Пророка, а за ним показалась деревня Бойня, расположенная по речке Бойне же, впадающей в Волгу.[177] Недалеко от устья этой последней перед нами открылась чудная панорама лесистого берега, освещенного косыми лучами опускавшегося к западу солнца. Вообще, насколько мы могли заметить, леса содержатся здесь в большом порядке и издали похожи на расчищенные парки.

Среди разнообразных пейзажей, пестрою вереницей проносившихся перед нами, встретилась и жанровая картинка. Четыре девочки, чинно сидя рядком на берегу ручья, впадавшего в Волгу, плели из цветов венки и примеряли их на свои миловидные головки, оглашая окрестность нестройным, но усердным пением. Насколько привлекательна была сама картинка, настолько же неприятно поразили нас их песни. Они были непомерно коротки и, не успев начаться, уже оканчивались, заменяясь всё новыми и новыми. Слов мы не разобрали, да, признаться, и разбирать не хотелось: довольно было уже и того, что мы встретили их даже

[177] Р. Бойня, приток Волги, протекает в Ржевском и Зубцовском р-нах, исток в Старицком р-не, длина 53 км. У устья находится с. Бойня, на границе Ржевского и Зубцовского р-на, с Преображенской церковью (1899), приделы св. Архистратига Михаила и св. пр. Илии. Сохранились остатки алтаря и северная стена колокольни.

здесь, на берегах Волги! Этот куцый, неприглядный тип песни появился на Руси в сравнительно недавнее время и входит в моду среди молодежи, вытесняя мало-помалу старую, долгую русскую песню. С этими новыми образчиками народного творчества я познакомился в Новгородской губернии, где их называют *частушками*. Чтоб дать понятие о содержании этой новой поэзии, приведу, кстати, несколько примеров:

На качелюшке качалась —
Под качелюшкой вода, —
Белу юбку замочила,
Коленкоровую, — да!

Или:

За рекой солнце играет,
Ваня в Питере гуляет.
Беленький, кудрявенький,
Купи конфетку с барынькой.

Или:

Если б я была богата,
Не любила бы солдата:
У солдата усы колки,
Настоящие иголки!

В приведенных примерах еще видна претензия на какой-то аляповатый юмор, а вот и чистая лирика новейшей формации:

Ты скажи, мила подружка,
Как я лето провела:
На речке волны так не бились,
Как сердечко у меня.

Или:

Наше полюшко красиво,
Пел веселый соловей.
Прощай, забава дорогая, —
Голос мил душе моей.

И надо, к прискорбию, сознаться, что семена этих плевел далеко разносятся ветром в разные стороны и приветствуются молодежью как желанные гости.

Версты через три Волга опять развернула перед нами новую картину. Правый берег, пологий, поросший травою и редким кустарником, круто врезался в Волгу, тесня ее к левому берегу, высокий силуэт которого из темно-красной глины казался издали каменною твердынею, выдвинутою к самой воде.

Любуясь Волгою, мы поддерживали разговор и с нашим словоохотливым гребцом. Он рассказал нам несколько анекдотов из жизни современного Ржева, имеющих слишком частный характер, чтобы быть интересными.

— А как вас, ржевичей, дразнят? — задал я вопрос.

— Нас-то?

— Вас-то.

— А кобелятниками.

— Это почему же?

— Да сказывают, будто мы отца родного на кобеля променяли.

Мы засмеялись.

— Верно, верно, — продолжал он, — уж это так испокон веку, что мы кобелятники. Зубцовцы — те вот тараканники, тверичи — козлятники.

— За что же зубцовцы в тараканники попали?

— А они, вишь, таракана на Волгу поить водили.

— А тверичи?

— Те опять козла на колокольню тащили, потому и козлятники.

Впрочем, надо заметить, что в народных присловьях, собранных Сахаровым, шутка о поднимании козы на колокольню отнесена к тихвинцам, а для тверичей имеется особый диалог, из которого явствует, что они собаку за куницу приняли.[178]

Вечерело. До Зубцова было уже недалеко. Мы миновали деревню Оладьино, затем Порожек,[179] с красивым оврагом, и вскоре на левом берегу из-за пригорка показалась игла соборной колокольни Зубцова.

Навстречу нам плавно тянулись вверх по течению стройные, белогрудые полулодки, ясно отражавшиеся в тихой воде, позолоченной косыми лучами заката.

Мы повернули за мысок, и перед нами по обеим сторонам реки раскинулся миниатюрный городок. Впереди виднелся низкий плашкоутный мост, а за ним сплошною стеною возвышалась какая-то гора, которая как бы загораживала Волге всякое дальнейшее течение.

Мы пристали к небольшой пристани правого берега у самого моста и простились с Колпачниковым.

Поднявшись на пригорок и очутившись на базарной площади, мы тотчас же имели удовольствие познакомиться с местным урядником, который любезно осведомился о нашем имени, фамилии, чине

---

[178] Ср.: *Сахаров*. 1, 400; см. также путешествие С. В. Максимова.

[179] Д. Алад(ь)ино Зубцовского с/п (в 2008 г. постоянных жителей 1); дачный пос. Волжанка на левом берегу Волги. Д. Порожки Зубцовского с/п (в 2008 г. постоянных жителей 1) на правом берегу Волги и выше Аладино, т. е. Тюменев сначала прошел Порожки, а только потом Аладино.

и звании. За неимением во всем Зубцове ни одной гостиницы, нам пришлось поместиться на постоялом дворе госпожи Душечкиной, в двух шагах от базарной площади.

II. Зубцов

> Зубцов, уездный город Тверской губернии, при впадении р. Вазузы в Волгу, с 3 480 жителями и важной пристанью, к коей приходят товары из Смоленской губернии.
>
> *Из старого словаря*

Вся литература о Зубцове ограничивается, как кажется, несколькими строками, рассеянными там и сям в описаниях Тверской губернии и в очерках г. Красницкого, который, описывая Ржев, уделяет попутно небольшое местечко и Зубцову с его соседкою Старицей.[180]

Вот вкратце те немногие сведения, которые мне удалось найти о прошлом Зубцова. Летопись упоминает о нем еще в XIII столетии во время войны Мстислава Удалого с Ярославом Всеволодовичем, притеснявшим новгородцев. Брат Ярослава Святослав осадил Ржев, но был отбит. Мстислав, шедший с войском на выручку города, не нашел уже врага под его стенами. Далее летописец продолжает: «И пойде Мстислав, и взя Зубчев, и быша на Вазузе; и прийде Володимир Рюриковиц с смольняны, идоша по Волзе воююче». После известной Липецкой битвы Мстислав возвратил Зубцов посаженному им на Владимирском столе брату Ярослава Константину. Всё это происходило в 1216 году.[181] Через тридцать два года к Зубцову подходила Литва,[182] а под 1297 годом мы находим о нем известие в Никоновской летописи, впрочем, не совсем ясное, а именно: «срублен бысть во Тверском княжении на Волге городок Зобцов».[183] Очевидно, что здесь речь может идти разве только о возобновлении стен города, но еще вероятнее, что в этом месте в летопись вкралась ошибка, так как у тверского летописца под тем же годом известие это сообщено в несколько иной редакции: «Срублен бысть город на Волзе, ко Зубцеву, на Старице»,[184] и последнее указание совершенно изменяет смысл всего

---

[180] *Красницкий И.* Очерки Тверской губернии. Вып. 1. Город Ржев. СПб., 1874. С. 4–6. Впечатления этого автора (художника и фотографа) от Тверской губернии отразились и в изд.: Тверская старина: очерки истории, древностей и этнографии / сост. И. Красницкий. Вып. 1: Город Торжок. СПб.: Военная тип., 1876.

[181] ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 36.

[182] ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. С. 395; Т. X. М., 2000. С. 137.

[183] ПСРЛ. Т. X. С. 171.

[184] ПСРЛ. Т. XV. С. 407.

известия. В следующем столетии, в 1375 году, Зубцов был взят войсками Дмитрия Донского, который, осадив тверского князя Михаила Александровича в его стольном городе, послал из-под Твери особую рать для покорения городков, лежавших вверх по Волге. По взятии Зубцова многие его жители были, как кажется, переселены в Москву. Но вслед за окончанием войны город был опять возвращен тверскому князю[185] и отдан им вместе с другими городами старшему сыну своему Ивану Михайловичу с внуками Александром и Иваном. Последним зубцовским князем был внук Александра Иван Юрьевич, умерший бездетным. В 1486 году пала Тверь, и Зубцов вместе с другими городами княжества уже навсегда перешел в московские руки. В 1491 году новоприобретенные владения были описаны и записаны по-московски в сохи. Тверь писал князь Федор Алабыш, Старицу — Борис Кутузов, а Зубцов и Опоки описаны Дмитрием Пешковым.[186] В эпоху самозванцев зубцовцы поцеловали было крест тушинскому вору, но потом вместе с Тверью, Старицею, Клином и другими городами принесли повинную царю Василию. Этот переход к Шуйскому не остался без возмездия со стороны тушинцев. Старица была разорена поляками и русскими приверженцами царика.[187] Известно, что путь тушинского отряда лежал мимо Зубцова, но был ли он взят неприятелем или нет — об этом точных сведений не имеется. Сохранилось местное предание, что даже в нашем столетии Зубцов чуть было не попал в руки неприятелей: в 1812 году французы будто бы доходили до этих местностей и, зная по карте, что здесь где-то должен находиться город Зубцов, искали его по всем направлениям, но найти не могли.[188]

— Наш город в старину большой был, — говорили нам местные жители, — стародревний город; Зубками, сказывают, прозывался, и посейчас в гербе у нас зубцы обозначены.[189] Прежде в нем семь-

---

[185] ПСРЛ. Т. XI. М., 2000. С. 23.

[186] ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 223.

[187] Лжедмитрий II.

[188] Французы встретили сильное народное сопротивление в Сычёвском у. Смоленской губ., смежном с Зубцовом; пленных французов отправляли в Зубцов. О намерении их захватить Зубцов ничего не известно.

[189] Народная этимология названия города, связывающая его с гербом (утвержден в 1780), на котором изображена «золотая стена со старинными зубцами» (*Винклер П. П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное собрание законов с 1649 по 1900 год. М., 1990. С. 57). На самом деле название города восходит к древнерусскому *зубецъ* в значении ‘ломаные очертания кромки чего-либо’ по причине расположения его на мысу у слияния Вазузы с Волгой (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 67; *Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 78).

Зубцов. Вид с Полустовой горы. Рисунок. 1893

десят семь церквей насчитывали. В Олуневе в деревне земля и теперь еще соборному причту принадлежит; да и везде кругом церкви были: и на Масловой горе, и в Мозжарине[190] за Вазузой, и в других местах.

В старину, по словам г. Красницкого, Зубцов производил обширную торговлю хлебом.[191] Действительно, в шестидесятых годах с зубцовской пристани отправлялось в Петербург по Волге хлеба, сала, пеньки, льну и проч. на сумму около 2 миллионов рублей. Товары эти закупались частью в Тверской губернии, но еще более в Смоленской, откуда доставлялись в Зубцов по Вазузе. Благодаря торговле и значительному отпуску товаров от местной пристани, в Зубцове развилась постройка судов и барок, изготовление которых в прежние времена достигало до весьма солидной цифры — от трехсот до восьмисот штук ежегодно. Но с проведением железных дорог, когда пути сообщения круто изменили свои направления, когда юркая, подвижная чугунка явилась слишком сильным конкурентом нашему старинному обозу и неповоротливому каравану, торговля в Зубцове начала постепенно клониться к упадку. В 1872 году было сплавлено по Волге с местной пристани всего-навсего восемь барок. По словам г. Полевого,

[190] Населенные пункты в окрестностях Зубцова: Лунево (7 км к северо-западу), Маслова Гора (1 км к западу) и Мозжарино (менее 1 км к югу).

[191] *Красницкий И.* Очерки Тверской губернии. С. 6.

общая производительность Зубцова в настоящее время не превышает 60 000 рублей. Доказательством же, что город в прежние времена был и больше и многолюднее, служат обширные пустыри, залегающие между его церквами и разными казенными сооружениями и составляющие характерную черту физиономии Зубцова.

На следующее утро мы отправились осматривать город. День был воскресный. У ворот нам встретилась сама г-жа Душечкина в шляпке и перчатках, с зонтиком в руках, словом, совершенно по-праздничному.

— Ранние отошли, — заявила она, — придется вам уж к поздней. Я сама только от угодника.

— От какого угодника?

— Да от нашего от угодника.

— Так у Вас в Зубцове свой угодник есть?

— Как же! Вот на площади церковь.

— И мощи есть?

— Да нет же. Вы не понимаете. Это у нас церковь Николы-угодника;[192] ну, а по-нашему говорится просто — угодник.

— Вот оно что!

— Да вы, должно быть, в первый раз здесь?

— В первый. Хотим ваш город посмотреть.

— А если город смотреть, — оживилась она, — так есть у нас такое место, что весь город перед вами как на ладони будет. Ужасно как красиво.

— Где же это?

— А вон на той горе. — Она указала на гору, которую мы заметили еще вчера и в которую как бы упиралась Волга. — Это у нас Полустова гора называется, и кладбище на ней старое Вознесенское. А уж вид оттуда!.. Не раскаетесь, что пошли! Сходите, сходите; до поздних обеден еще успеете.

Минуты через две мы уже были на базарной площади, на краю которой из-за зелени берез возвышалась колокольня и купол церкви угодника.

На площади стояло десятка три телег с привезенными на продажу товарами. Тут были колеса, горшки и другая глиняная посуда, но главным предметом продажи и купли были, по-видимому, поросята, потому что на площади буквально стон стоял от их отчаянного, пронзительного визга.

Мы вмешались в толпу, чтобы прислушаться к особенностям местного выговора. Известно, что в старину зубцовцы не совсем ладили с буквою *ц*, вследствие чего о них сложилась даже следующая пого-

---

[192] Троицкая церковь (1877) с приделом св. Николая Чудотворца (*Добровольский*. С. 256). Не сохранилась.

ворка: «Ты чей, молодеч? — Зубчевский купеч. — А где был? — В Москве пó миру ходил». Но как мы ни вслушивались, ничего оправдывающего эту поговорку найти не могли. Или визг поросят был уже слишком пронзителен, или действительно зубцовские «купчи» уже превратились в купцов обыкновенных. Потом нам приходилось и самим разговаривать с местными обывателями, но неправильностей в произношении мы не заметили.[193]

С базара мы прошли в ограду к «угоднику». Церковь не древняя, как и все вообще церкви в Зубцове, — и, по-видимому, ничем особенным не замечательна. На могилках вокруг церкви теплились лампады в особых деревянных фонариках, несколько богомольных старушек сидели вдоль стен на траве в ожидании поздней обедни.

Выйдя из ограды на берег, мы очутились на мыске, как раз над самым слиянием Волги с Вазузою. В любом учебнике географии можно прочесть, что под Зубцовом в Волгу впадает Вазуза, но при взгляде на слияние обеих рек нам представилось совершенно обратное. Вазуза, широкая, стройная, почти прямая, как лента, подходила к городу; правый берег ее составляла вышеупомянутая высокая гора, которая, поднимаясь отвесною стеною, как бы защищала и обеспечивала своею массою ее дальнейшее направление. И к этой-то прямой широкой реке приближалась, почти под прямым углом, не менее широкая, но извилистая Волга, которая, слив свои воды с Вазузою, круто сворачивала течение по направлению русла, намеченного ее притоком. Если бы Волга не имела за собой более обширного бассейна притоков, большого количества пройденных верст и большей сравнительно ширины и силы падения, то, судя по характеру слияния, ее легко можно было бы принять за приток Вазузы.

Глядя с мыска на слияние обеих рек, легко понять, что при виде этой картины в народном воображении возникло представление о двух сестрах, тягающихся за первенство. Народный рассказ о Волге и Вазузе в общих чертах сходен с преданием о соперничестве Ильменя с Селигером, о котором я упоминал в своем месте.[194] Родные сестры Волга и Вазуза, не решив на словах спора о первенстве, условились лечь спать вместе и на другой день пуститься в путь до моря Хвалынского. Которая из них добежит раньше, та и старше, и почета достойнее. Вазуза схитрила и, поднявшись спозаранку, не будя сестры, пустилась тайком в путь, выбирая дорогу попрямее и покороче.

---

[193] Ср.: *Пословицы русского народа*. С. 212. Не исключено, что эта особенность зубцовского говора имеет древнее происхождение. Так, в Новгородской первой летописи город впервые упоминается как *Зубьчевъ* или *Зубчовъ* (ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 55, 255).

[194] См.: Исторический вестник. 1894. Апрель. С. 142. — *Прим. Тюменева*.

Проснулась и Волга, поднялась на ноги и тронулась в дальнюю путину «ни тихо, ни скоро, а как следует». Не успела Вазуза добежать до Зубцова, как увидела грозно идущую наперерез ей Волгу. Беглянка испугалась, немедля признала ее старшею сестрою и просила взять себя на руки и донести до моря Хвалынского, что Волга и исполняет до сего дня. — Однако и посейчас, замечает народ, Вазуза просыпается весною раньше Волги и будит свою старшую сестрицу от зимнего сна.[195] — Очень легко может быть, что один из рассказов о соперничестве двух братьев-озер и сестер-рек является вариантом другого, но, по всей вероятности, рассказ о Волге и Вазузе должен был возникнуть ранее, так как он отличается большею естественностью и лучше приспособлен к подмеченным явлениям природы.

Вазуза берет начало в Смоленской губернии, в болотах Вяземского уезда. Хотя общая длина ее простирается до 140 верст, но судоходна она только в нижнем своем течении от устья р. Гжати, всего на протяжении 42 верст. Говорят, под самым ее слиянием с Волгою стоял монастырь, от которого теперь не осталось и следа. Местные жители прибавляют, впрочем, что к этому монастырю принадлежала доныне существующая в городе Спасская церковь[196] на берегу Волги.

Ближайшею нашею целью была Полустова гора. Путь к ней лежал через плашкоутный мост, перекинутый через Вазузу несколько повыше впадения ее в Волгу. Перебравшись через мост, мы по другому берегу снова поравнялись с знакомым мыском и начали взбираться на гору. Крутизна была значительная, и подъем нелегок, но когда мы наконец взобрались на край отвесной стены, то невольно должны были согласиться с г-жою Душечкиной, что вид с горы «ужасно как красив»: весь город был у наших ног. Внизу, под самой горой, протекала Волга, уже принявшая в себя младшую сестру. В левом краю виднелось Завазузье, часть города, более похожая на пригородный посад, и мимо него, подобно серебристой ленте, с легкими изгибами подходила к городу Вазуза.[197] Направо от нее вплоть до Волги раскинулась

---

[195] О сказке «Волга и Вазуза» см. в путешествии С. В. Максимова.

[196] Церковь Преображения Господня, 1794 (*Добровольский*. С. 255). Сохранилась в сильно измененном виде, не действует. Сведения о Спасо-Преображенском монастыре на месте этой церкви неизвестны.

[197] Ср. очерк Тюменева «Зубцов и Старица»: «В левой стороне виднеется третья городская часть, называемая *За Вазузою*. Она мне показалась уже чем-то вроде посада, но жители ее даже слегка обиделись на мое предположение и заявили, что они живут в городе. Видимая отсюда с горы церковь Печерской Божьей Матери известна у них более под именем Иоанна Милостивого. В общем, вид с этой горы можно назвать одним из красивейших в верхнем течении Волги. Благодаря массе пустырей и больших промежутков между домами, вид города представляет какую-то до нельзя разбросанную, пеструю массу, но с другой стороны, именно

торговая часть города с базаром и церковью угодника, за которою тянулись ряды местного гостиного двора. С базарной площади спускалась широкая дорога к мосту через Волгу, у которого вчера пристала наша лодка. За мостом прямо против нас, на левом берегу Волги, находилась главная городская часть, носящая уже административный оттенок. Здесь и собор, и городская аптека, и древний вал бывшего здесь на самом углу, подле Волги, острожка,[198] и вышеупомянутая Спасская церковь. Собор[199] построен при Екатерине и ничем особым не отличается. Внутри древнего вала над Волгою разведены обширные капустные огороды и помещается здание городской управы. Большие пустыри, поросшие травою забвения, пестрили город своею зеленью по всем направлениям, но более всего их было в городской, административной части, лежавшей против нас за Волгою; впрочем, зелень эта отнюдь не портила картины, по крайней мере на наш взгляд, зубцовцам же эти когда-то застроенные, а теперь унылые пустыри, вероятно, приводят на память не совсем отрадные воспоминания о былом процветании города.

На вершине горы, на которой мы находились, расположено старое Вознесенское кладбище.[200]

Товарищ мой тотчас же принялся за набросок расстилавшейся перед нами панорамы Зубцова, а я отправился на поиски. Где-то на краю этой горы, по словам г. Красницкого, должна была находиться небольшая сосна, которую старожилы Зубцова относят к самому отдаленному времени. Он же упоминает и о вросших в землю памятниках на Вознесенском кладбище, с высеченным на них изображением креста и монашеского посоха, принимаемого за две сложенные вместе секиры. На основании этого посоха он даже строит предположение о существовании здесь когда-то монастыря.[201] Но, признаюсь, ни сосны, ни памятников я не нашел. Одно из двух: или я действительно плохо искал их, или же сосна успела свалиться с обрыва, а памятники — окончательно заросли травою, так как брошюра

эта-то пестрота и разбросанность делают его очень живописным, оригинальным городком». Церковь Печерской иконы Божьей Матери (1864) известна по приделу св. Иоанна Милостивого (*Добровольский*. С. 255). Сохранилась в сильно измененном виде, не действует.

[198] На самом деле это земляные укрепления древнего зубцовского кремля.

[199] Успенский собор, постройки 1801 г. (*Добровольский*. С. 255). Сохранился, действует.

[200] Деревянная Вознесенская церковь, перенесена за город на Полустову гору, на кладбище (1873), в 1889 г. в ней возобновилось богослужение. Разрушена во время Великой Отечественной войны.

[201] *Красницкий И*. Очерки Тверской губернии. С. 5.

г. Красницкого появилась в свет уже двадцать лет тому назад, именно в 1874 году.

Вернувшись на край обрыва к товарищу, я застал его сильно не в духе.

— Ну, городок! — воскликнул он, — никак не схватить! Церковь, пустырь, пять, шесть домов, опять пустырь, опять церковь, пустырь и так далее. Станешь смотреть на собор — Спаса не видно. Взглянешь на Угодника — ни Спаса, ни собора! Станешь глядеть на Завазузье — Волга пропала! Да вдобавок еще альбом чуть ветром в Волгу не унесло.

Ветер был действительно порядочный; с юга из-за кладбища поднималась темная туча. Но над городом небо было по-прежнему чисто и ясно, в воздухе разносился мерный благовест к поздней обедне. А внизу, подобно мурашам, двигались в разных направлениях обыватели, более всего их было на базарной площади и на мосту, перекинутом через Волгу; здесь, кажется, были главные жизненные артерии тихого городка. Справа, со стороны Старицы, к городу подходило несколько судов; они поднимались вверх по течению конною тягою. У подножия нашей горы бечевник обрывался в воду, и лошади вступали в Волгу, направляясь вброд к узкому песчаному островку, лежавшему вдоль реки, у самых наших ног. Во время этого маневра одно из судов под напором течения сделало поворот и стало поперек Волги. Началась суетня: всё оживилось. Снизу слабо доносились до нас брань и крики копошившегося у реки народа, порою долетал отчаянный, хриплый голос надседавшегося лоцмана, а виновница катастрофы Волга тихо и спокойно протекала мимо этих кричащих и суетящихся точек, даже не замечая, что посадила их скорлупку на песчаную отмель острова. Через несколько времени дело было кое-как улажено, суда тронулись в путь и подошли к городу.

Набросок моего товарища был окончен, и мы поспешили вниз. Спешить действительно приходилось, потому что туча подвигалась всё ближе и ближе, пошел мелкий дождик, превратившийся затем в жестокий ливень.

Переждав дождик в Завазузье, мы еще несколько времени побродили по городу и после обеда начали собираться в дальнейший путь.[202]

---

[202] В «путевых заметках» «Зубцов и Старица» Тюменев писал: «Расставаясь с этим живописным, древним городком, название которого упоминается еще в начале XIII столетия, городком, который был знаком Мстиславу Удалому, скажем несколько слов о виденном нами здесь женском головном уборе, который удержался в этой местности от блаженных дней доброго старого времени. Убор этот можно встретить и в Ржеве, и в Старице, но уже только изредка:

От Зубцова до Старицы считают по почтовому тракту 47 верст, а Волгою — 50. Местные обыватели посоветовали нам избрать первый путь, так как путь по Волге не представлял особого интереса, да кроме того, ввиду довольно сильного противного ветра, ехать в лодке нам пришлось бы не менее восьми часов. Мы взяли почтовых лошадей. Но прежде чем покинуть Зубцов, я счел долгом навести еще одну справку.

П. Н. Полевой, описывая в своей «Художественной России» Тверскую губернию, приводит краткую биографию известного драматурга Владислава Александровича Озерова, который оказывается уроженцем Зубцовского уезда. По словам г. Полевого, автор «Димитрия Донского» родился в 1769 году в родовом поместье отца своего селе Казанском и там же в 1816 году окончил свою полную огорчений жизнь. «Земляки Озерова, — заканчивает г. Полевой, — оказали бы истинную услугу его памяти, если б в селе Казанском (Зубцовского уезда) отыскали и указали потомству забытую могилу талантливого писателя».[203] Желая хоть сколько-нибудь посодействовать разъяснению этого вопроса, я обратился к одному из местных жителей, знающему, по его словам, весь уезд как свои пять пальцев, но он положи-

„цивилизация“ проникает к нам, увы, даже и в эти скромные захолустные уголки, и разные иностранные шляпочки и наколочки давно уже выживают из дому родную, дедовскую старину. Убор состоит из повойника и ряски; он предназначен только для женщин и приспособлен так, что окончательно скрывает от постороннего взгляда одну из главных частей их былой девичьей красы — густую волнистую косу. Право любоваться этою косою, по прежним понятиям, предоставлялось только мужу, и вот, выйдя замуж, девушка надевала на голову нижнюю, так сказать домашнюю, часть убора — повойник, плотно скрывавший от чужого взора ее волосы. Конец расплетенной на свадьбе косы, не помещавшийся вокруг головы, укладывался на затылке в особый, туго перевязанный мешочек. Для приема гостей и выхода в люди на повойник надевалась для красы ряска, шитая из жемчуга или полужемчуга. Спереди, по краям лба, она имеет два возвышения, на затылке же над мешочком повойника помещается особый каблучок, называемый кичкою. Из-под кички, прикрывая тыльную часть шеи, спускается небольшой кусочек материи — подзатыльник. Ряска из полужемчуга сравнительно недорога — я видел ее на голове простой зажиточной крестьянки, но жемчужная ряска, смотря по отделке, густоте и добротности жемчуга, доходила в старину до 10 000 руб. Но чем богаче и гуще была вышита ряска, тем тяжелее она была для головы, и прежние красавицы, накрасовавшись в ней перед людьми, с чувством большого облегчения снимали дома этот убор с своих хорошеньких головок. Теперь у молодежи носить ряску считается отсталостью, мещанством».

[203] Полевой Петр Николаевич (1839—1902), историк всеобщей и русской литературы, автор книги «Художественная Россия: общедоступное описание нашего отечества» (СПб., 1884).

тельно заявил, что во всём уезде никакого села Казанского нет; то же подтвердили и двое или трое из присутствовавших при нашей беседе.[204] Все единогласно указывали только на Казанское кладбище в полуторах верстах от города, недалеко от Старицкой дороги. Против этого кладбища на противоположном правом берегу Волги действительно существовало старое имение, принадлежавшее, впрочем, каким-то другим владельцам.[205] Фамилии Озеровых никто из моих старожилов не знал. Вопрос так и остался открытым. Лошади были поданы, и мы отправились.

Переехав по мосту через Волгу, тарантас наш поднялся мимо старинного вала на соборную площадь. Вероятно, жизнь в Зубцове развлечениями не отличается, потому что даже такое маловажное явление, как проезд нашего тарантаса, оказалось для обывателей чуть ли не целым событием. Заслышав стук колес, они уже спешили остановиться, с любопытством ожидая нашего приближения, и потом долго, долго, не двигаясь с места, провожали нас глазами. Но вот промелькнули последние домики предместья, последний зубцовец, превращенный нашим появлением в соляной столб, снова получил способность двигаться, и мы выехали в поле, позади которого сплошною стеною темнел густой сосновый бор, окружающий вышеупомянутое Казанское кладбище, расположенное на берегу Волги. Хотя надежды на отыска-

---

[204] Речь идет о с. Борки. На картах XIX — начала XX вв. оно называлось Борки Казанские или Борки (Казанское), чтобы отличить его от сц. (ныне д.) Борки, расположенного на левом берегу Волги в 5 км вверх по течению от Зубцова. Название Казанское происходит от церкви Казанской иконы Божьей Матери (1765). См.: *Добровольский*. С. 259. Не сохранилась. Озеров Владислав (в крещении Василий) Александрович (родился и умер в Борках), самый популярный трагик начала XIX в., автор трагедий «Ярополк и Олег» (1798), «Эдип в Афинах» (1804), «Фингал» (1805), «Димитрий Донской» (1807), «Поликсена» (1809). На могиле В. А. Озерова установлен каменный памятник в виде гроба с крестом на крышке и с надписями на трех сторонах: «Под сим камнем погребено тело генерал-майора и ордена Св. Владимира 3 степени кавалера Василия Александровича Озерова, который родился 1769 года сентября 30 дня скончался 1816 года сентября 5 дня. Житие его было 46 лет 11 месяцев 6 дней»; «Сей памятник плачевный, Где прах почиет в мире твой, Тебе душевною любовью посвященный, Сердечно орошен слезой»; «И сотвори ему вечную память. Святый боже, Святый бессмертный, помилуй нас» (*Кутейников С. Е.* «Сей памятник плачевный» // Наука и жизнь. 2001. № 10. С. 34).

[205] Это и было имение Озеровых. Через брак старшей сестры драматурга Натальи Александровны оно перешло к дворянам Безобразовым. На Казанском кладбище в Борках сохранилось надгробие майорши Натальи Александровны Безобразовой (1765—1860). См.: *Кутейников С. Е.* Пушкин и Озеров на Зубцовской земле. Старица, 2005. С. 34.

ние могилы Озерова не было никакой, но мы на всякий случай велели завернуть на кладбище.[206]

Я разговорился с ямщиком. Помещиков Озеровых он тоже не слыхивал и села Казанского не знает. Я стал расспрашивать об окрестностях города. Гора на правом берегу Волги, против кладбища, называется Пищалиной горою[207] и славится своим белым песком, идущим на стеклянные заводы. По ту сторону города есть высокая Маслова гора, с которой тоже открывается красивый вид на город и окрестности.

— Поди-ка, обыватели-то частенько туда с самоварами забираются?

— Зачем?

— Как зачем? Погулять, на город полюбоваться издали.

— Чего же на него любоваться, коли они и так каждый день по улицам ходят?

— Ну, а гуляют-то у вас где же?

— А на кладбище.

— Неужели веселее-то места не нашли?

— А что же? Зелень, могилки, какое же еще веселье? А то и по городу гуляют, по улицам. Городок небольшой, да ведь и людей-то немного. Просторно! Уж это, конечно, не Ржев! — глубокомысленно прибавил он после некоторого молчания.

Доехав до леса, мы прошли пешком на кладбище. Окруженное густыми рядами развесистых сосен, отрезанное от остального мира, погруженное в тишину и безмолвие, кладбище это производит сильное и в то же время приятное впечатление. Оттенок какой-то мягкой, кроткой грусти лежит на всей картине — тихой, неподвижной, точно дремлющей под яркими лучами летнего солнца. К счастью, мы не встретили никого из гуляющих: они неизбежно нарушили бы всю гармонию общего построения картины. Впрочем, на скамье у одного памятника сидела старушка няня с двумя игравшими подле нее детьми. Мы обратились к ней, не помнит ли она здесь на кладбище памятников семьи помещиков Озеровых. Ответ был отрицательный. Пошли наудачу бродить около церкви и здесь, рассматривая надгробные плиты, пришли к убеждению, что если памятник Озерова — здесь ли, в другом ли месте — был сделан из местного известняка, подобно большинству окружавших нас гробниц, то он едва ли мог сохраниться до настоящего времени. Известняк этот крайне непрочен, и даже такие сравнительно

---

[206] Тюменев посетил не кладбище при Казанской церкви в имении Озеровых на правом берегу Волги, а кладбище при Казанской церкви, расположенной на левом берегу Волги на окраине Зубцова, приписанной к Успенскому собору (*Добровольский*. С. 255). Не сохранилась. Естественно, что могилу Озерова он найти не мог.

[207] Имеется в виду д. Пищалино, фактически примыкающая к Зубцову.

недавние памятники, как, например, с надписями 1877 и 1879 годов, успели уже почернеть, потрескаться и местами даже лопнуть. А между тем камень этот здесь, по-видимому, в большом ходу и составляет почти исключительный материал для надгробных монументов. Окончив свои безуспешные поиски, мы вернулись к тарантасу.[208]

Путь в Старицу лежит через деревни: Алексино, Тересково (село), Кальдино и Кринично;[209] в некоторых из них нам порою встречались избы на каменном фундаменте — явный признак обилия камня в этих местностях.

Солнце пекло немилосердно. По сторонам тянулся жиденький лесок, жалкий, унылый, точно вконец истомленный зноем. Лошади трусили мелкою рысцою, отмахиваясь от оводов и мерно побрякивая бубенцами. Ямщик, уставясь глазами в одну точку, сидел неподвижно и, казалось, дремал.

— А правда ли, — начал я, — будто вы, зубцовцы, таракана на Волгу поить водили?[210]

— Водили, это верно. Двенадцать человек, на веревке.

— Что больно много — двенадцать?

— Уж должно быть, такое положение было.

От нечего делать я поддерживал разговор, но разговор этот не представлял ничего интересного и скорее наводил на душу печальные думы. Пред ними сидел человек, промышляющий ямщичеством чуть не смолоду, следовательно, почти выросший на козлах и могущий служить типом ямщика, а между тем какая огромная разница была в нем с прежним ямщиком, типом доброго старого времени! В детстве я еще застал тот старый, чисто русский, широкий тип лихого удальца-наездника, составлявшего одно целое с его верной неизменной тройкою, которая была для него точно своя, родная, с которою ему не страшны были ни горы, ни грязь, ни распутица, ни волки, ни разбойники. — «Голуби, не выдавай! Режут!..» — и тройка его мчится быстрее вольной птицы, несмотря ни на какие препятствия. Он был мастер ездить, мастер спеть песню, отпустить острое словечко. Любил он, чтобы седок угостил его в дороге, но за это грошовое угощение сторицею вознаграждал седока услужливостью, весельем и лихою умелою ездою. Теперь этот прежний симпатичный тип, созданный ширью и простором родной земли, с проведением железных дорог выродился

---

[208] По словам Порфирьева (История русской словесности, ч. II, новый период, отд. 8, Казань, 1891, стр. 105), Озеров скончался в 1816 л. в имении своего отца, находившемся в Чистопольском уезде Казанской губ. — *Прим. Тюменева.*

[209] Д. Алексино Зубцовского у.; д. Терешково Ржевского у.; д. Кореничено Старицкого у.

[210] Ср.: *Пословицы русского народа.* С. 212.

и исчез окончательно всюду, где только появился его лютый враг чугунка.

— Хоть бы ты песню, что ли, спел, — обратился я к нашему ямщику.

— Ну их! Я песен не знаю.

— Отчего же?

— Это вот мужики любят песни-то горланить, а у нас этого заведения нет. Вот только разве когда пьян напьешься.

— А трезвому нельзя?

— Да ничего хорошего нет.

Человек он женатый, но любимую тему его составляли вино, пьянство и прекрасный пол; повествования его по этой части отличались каким-то особым нахальством и цинизмом. Мало-помалу он перевел речь на проезжающих бар и офицеров, которые в деревнях угощали его водкою. Чем ближе была деревня, тем восторженнее становились его рассказы об этих «добрых господах». Но мы не поддались на удочку, ибо уже знали по опыту, чем оканчиваются у нынешних ямщиков эти угощения. Незадолго перед тем, проезжая на тройке вдоль Боровицких порогов, мы раздобрились и разрешили ямщику выпить за наш счет в деревне. После угощения возница сначала так безобразно погнал тройку, что мы боялись вылететь из тарантаса, а через пять минут уже спал на облучке, раскачиваясь во все стороны и рискуя ежеминутно упасть с козел, так что в продолжение всей остальной дороги нам приходилось самим смотреть и за ним, и за лошадьми. Увидев, что надежда на угощение не осуществляется, наш зубцовец переменил тактику и повел сладкие речи о щедрости проезжающих вообще, о тороватых господах, которые по приезде давали ему по три рубля на водку и проч. На коней своих он, очевидно, не обращал ни малейшего внимания, всецело углубясь в самое бесцеремонное попрошайничество.

Наступал вечер. Жар давно уже свалил, повеяла прохлада, а наша тройка по-прежнему плелась нога за ногу, в то время как ямщик изображал всё новые и новые случаи щедрости проезжих, но мы уже перестали его слушать.

Вдали показалась церковь подгородного села. За ним по сторонам дороги потянулся ряд высоких берез. В зелени их, как в рамке, красивою картиною мелькнула Старица, сначала издали, потом ближе и ближе. Колеса нашего тарантаса подскочили и загромыхали по булыжной мостовой. Начали встречаться экипажи с офицерами стоящего здесь кадра гвардейского кавалерийского запаса. Мы миновали здание полкового штаба и, сделав поворот налево, въехали в центральную часть города, которая, точно ручей по узкому оврагу, круто скатывается к Волге, к подножью лежащего на той стороне реки старого Успенского монастыря.

III. Старицкая обитель и ее постриженники

— Что, отче честный, есть ли тут
Что посмотреть в монастыре?
— А посмотри! Запрету нет!
Что есть — увидишь.

Майков[211]

Успенский Старицкий монастырь[212] более чем на полтораста лет старше самого города, и потому повествование свое о Старице мне

[211] Стихотворение А. Н. Майкова «Упраздненный монастырь» (1860).

[212] Согласно церковной традиции, Успенский монастырь был основан в урочище Старый Бор, которое находилось, по всей видимости, восточнее современной обители. Позже там стояла Богоявленская церковь, а в советское время построен существующий ныне Дом культуры. См.: *Арсений, игумен*. Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. С. 21—23; Краткие сведения об основании и первоначальной судьбе Старицкого Успенского монастыря // ТЕВ. 1889. № 3. С. 86—88; *Салимов А. М., Салимова М. А.* Старицкий Успенский монастырь. С. 51. Старица (Новый городок) была основана в 1297 г. На современном месте Старицкий Свято-Успенский мужской монастырь основан в первой половине XVI в. при князе Андрее Ивановиче Старицком, хотя, согласно местному преданию, монашеская жизнь в этих местах велась еще в XII—XIII вв. С 1559 г. монастырем правил архимандрит Иов, уроженец Старицы, ставший в 1571 г. настоятелем Московского Симонова монастыря, а позднее первым патриархом Московским и всея Руси. В 1606 г., отказавшись признать Лжедмитрия, Иов был сослан в Старицкий монастырь, где и скончался. На месте его погребения в Успенском соборе построили четырехъярусную колокольню с часовней. В 1652 г. по велению царя Алексея Михайловича мощи Иова перенесены из Старицы в Успенский собор Московского Кремля. Расцвет монастыря относится к XVII в. Но в 1764 г. земли у монастыря отобрали, монахов осталось 12 человек. Закрыт (1919), разобрана ограда с угловыми башнями (1930-е), возобновлен (1997), восстановлен в первозданном виде (2013). Основные постройки. Храм Успения Пресвятой Богородицы (1530) из белого камня с пятью главами; в нем находятся мощи схимонахини Пелагии, матери патриарха Иова. Настоятельский каменный двухэтажный корпус (1530-е) с братской трапезной, кухней и кельями. Надвратная церковь во имя св. Иоанна Богослова (1694) с арочной галереей. Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы (1570), двухэтажная, шатровая, с остроконечным верхом, построена Иваном Грозным. Троицкая церковь (1819), каменная, двухэтажная, построена генерал-майором А. Т. Тутолминым, в нижнем этаже усыпальница Тутолминых. Ср. очерк «Зубцов и Старица»: «В ней хранится деревянный крест с распятием, сделанный собственноручно Петром Первым в то время, когда он проживал на марциальных водах близ Кончозера в Олонецкой губернии. Государь, как известно, без дела сидеть не любил, но как попал этот крест в дальнюю Старицу, сказать трудно». Часовня с купелью во имя Георгия Победоносца. Мавзолей-усыпальница И. Ф. Глебова (1707—1774), у паперти Успенского собора. См.: *Арсений, игумен*. Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. Тверь: тип. Губ. правл., 1895; *Салимов А. М., Салимова М. А.* Старицкий Успенский

Успенский монастырь в Старице. Рисунок. 1893

приходится начинать с ее обители, тем более что монастырь составляет едва ли не главную достопримечательность города. По времени основания (XII в.) он должен быть отнесен к числу самых древних монастырей русских.

В 1110 году из дальней Киево-Печерской лавры пришли сюда, на берега Волги, два инока: Трифон и Никандр. Путь их в эти северные пределы лежал, вероятно, по Днепру до его верховьев, откуда они перебрались волоком до истоков Вазузы и спустились по ней в Волгу. Плывя по Волге, они облюбовали на правом берегу ее урочище, известное под именем Старого Бора. Урочище это расположено на возвышении, несколько в стороне от реки, и находится как раз против нынешней Старицы. Иноки поселились в этой пустынной местности, построили часовню и стали учить приходивший народ слову Божию. Вероятно, около них вскоре же начали собираться и другие любители пустынного жития из окрестного населения, так как в древнем помянике, сохранившемся в обители, вместе с именем Трифона, который умер в 1127 году, упомянута и «братия, умершая при его животе». Никандр на 26 лет пережил товарища и скончался в 1153 году.

монастырь. Тверь: Фонд возрождения Старицкого Свято-Успенского монастыря, 2008.

После Никандра в помяннике упоминаются имена правивших вслед за ним иноков: Мисаила, Порфирия и Феодорита, при котором начата постройка деревянной церкви во имя Успения Божией Матери, вероятно по примеру Киево-Печерской лавры, где главная церковь освящена также в честь этого события. Таким образом, и до наших дней у Старицы существует духовная связь с дальним Киевом. Вместе с «домом Пречистыя Успения» начата была постройка и другой церкви — Похвалы Богородицы.

Ввиду того что местность, в которой находился монастырь, была тогда в черте новгородских владений, надо полагать, что основание обители и закладка церкви были совершены по благословению новгородских архиепископов. По крайней мере, мы имеем несомненное свидетельство, что церковь Успения освящена Новгородским епископом Георгием, или Гавриилом, считавшимся викарием при брате своем, известном Иоанне, архиепископе, управлявшем в то время новгородскою паствою. На освящение храма прибыл в обитель и князь Андрей Юрьевич Боголюбский, так как граница его Суздальского княжения находилась неподалеку от местности, занимаемой обителью. Вскоре после освящения церкви в помяннике монастыря настоятели начинают именоваться уже игуменами, и первым из них был Кирилл, скончавшийся в 1203 году.

В половине XIII столетия образовалось Тверское княжество, и местности верховьев Волги вошли в состав его владения. В монастырском помяннике около этого времени встречаются уже имена архимандритов Леванида († 1272), Филарета и Мефодия. В год смерти Леванида была освящена так долго строившаяся церковь Похвалы Богородицы и освящена уже не новгородским, а тверским епископом. При этом можно допустить предположение, что архимандритство введено в обители тверскими владыками, желавшими придать более значения отошедшему к новому княжеству монастырю. Действительно, вместе с именем первого архимандрита Леванида в помяннике записано уже 154 имени иноков, и следовательно, число монашествующих было тогда довольно значительно. Тем не менее в силу каких-то неизвестных нам причин архимандритство в обители через несколько времени прекратилось, и она снова стала управляться игуменами. Из числа этих последних упомянем об игумене Серапионе, о котором в помяннике замечено, что он «убиен в 1292 году со всею о Господе братиею от поганых». Под «погаными» здесь, по всей вероятности, подразумеваются татары, которых сын Александра Невского Андрей дважды приводил на Русь — в 1281 и 1293 годах. Разгром обители, вероятно, следует отнести к последнему году, когда Андрей с татарами, шедшими под предводительством ханского брата Дуденя,

направлялся к Твери, но, узнав, что туда уже прибыл вернувшийся из Орды князь Михаил Ярославич, свернул на Волок и двинулся к Новгороду.[213] Таким образом, тверскому монастырю пришлось поплатиться за неудавшийся поход против столицы княжества. В краткой повести об избиении братии говорится, что тела убитых иноков были брошены в Волгу. Течение быстрое, но, по словам летописца, воды реки не могли унести тела мучеников, и по уходе неприятеля все убитые были взяты из воды и погребены в монастыре подле Дома Пречистой. Братии в то время насчитывалось в обители 124 человека, убиты, кажется, все до единого. Впрочем, обитель недолго оставалась в запустении. Около храмов снова начали собираться иночествующие; для управления ими назначен был игумен Дорофей, умерший в 1304 году, но со смертью его прекращается и монастырский помянник,[214] составляющий единственную известную до сих пор летопись событий в монастыре за первые две сотни лет его существования. О дальнейшей судьбе его в продолжение целых двух с половиною веков нам ничего неизвестно, и туман начинает рассеиваться только к половине XVI столетия. Перед нами появляется силуэт уже каменной обители, стоящей на самом берегу Волги, украшенной зданиями, которые сохранились и до настоящего времени. Своим перемещением и постройками монастырь был обязан князю Андрею Ивановичу Старицкому, родному дяде Иоанна Грозного.[215] Причины, по которым

---

[213] Андрей Александрович Городецкий (ок. 1255—27.07.1304), князь костромской (1276—1293, 1296—1304), новгородский (1281—1285, 1292—1304), городецкий (1264—1304), великий князь владимирский (1281—1283, 1294—1304). В 1281 г., воспользовавшись распрей своего старшего брата Дмитрия с новгородцами, за богатые дары получил в Орде у хана Менгу-Тимура ярлык на великое княжение и военную помощь. Вместе с татарами совершил набеги на города Северо-Восточной Руси, но не сумел одолеть Дмитрия Переяславского и по приглашению новгородцев княжил в Новгороде. В 1293 г. золотордынский хан Тохта направил против Дмитрия своего брата Тудана (Дюденя), который разграбил Владимир и Москву, а отряд Тохта-Тимура (Тахтамира) напал на Тверское княжество Михаила Ярославича, союзника Дмитрия. Дмитрий бежал в Псков, Андрей стал великим князем.

[214] Полную публикацию помянника см.: ТЕВ. 1889. № 3. Он является поздним списком с предполагаемого источника.

[215] Андрей Иванович Старицкий (5.08.1490—11.12.1537), младший сын великого князя московского Ивана III Васильевича. По завещанию отца получил в удел Старицу и ряд других городов. В 1533 г. женился и имел единственного сына Владимира. В том же году умер Василий III, и Андрей присягнул наследнику Ивану (будущему Грозному) и его матери Елене Глинской. Вскоре Андрей просил Глинскую расширить его владения, но получил отказ и удалился в Старицу (март 1534), где вокруг него собралась оппозиция Глинским. Тогда же Андрей узнал о смерти брата Юрия в тюрьме, где находился после смерти

князь Андрей Иванович перенес монастырь на берег, нам неизвестны; мы знаем только что возобновление обители на новом месте совершилось в 1551 году и что князь построил на свои средства две каменные церкви: собор во имя Успения Божией Матери и церковь в честь св. Иоанна Богослова над святыми воротами монастыря, выходившими прямо на Волгу. Для управления вновь учрежденным монастырем братия вызвала из Волоколамской обители уроженца Старицы Германа Садырева-Полева,[216] который впоследствии был архиепископом Казанским. Герман явился в Тверь и был возведен в сан архимандрита, но в Старицкой обители пробыл почему-то недолго, всего два с половиною года, и после присутствия в Москве на собрании по делу

князя Василия. После выяснения отношений с Глинскими, несмотря на заверения в любви, взаимное недоверие возрастало. Андрей перестал ездить в Москву. В 1537 г. пошли слухи, что Андрей собирается бежать в Литву. Глинская пыталась помешать этому. Из Старицы Андрей поехал в с. Берново, откуда разослал призыв к боярским детям идти к нему на службу. На призыв откликнулись многие. Андрей хотел овладеть Новгородом, но был остановлен и сдался. В Москве его бросили в тюрьму со всей семьей; через несколько месяцев он умер и с большим почетом захоронен в Архангельском соборе Кремля. Старицкое княжество перешло к его сыну. Эта история изложена в «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого» (XVI в.), проникнутой сочувствием к Андрею. См.: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 220–224; ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 356–357; *Бенцианов М. М.* Двор князя Андрея Старицкого и проблема «старицкого мятежа» 1537 г. Ч. 1, 2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 64–76; 2013. № 1 (51). С. 17–26; *Шапошник В. В.* «Мятеж» Андрея Старицкого (осень 1536 – июнь 1537 г.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. №1. С. 174–212.

[216] Герман (Григорий Федорович Садырев-Полев; 1505–6.11.1567), родился в Старице в княжеском роде Полевых, в 25 лет принял постриг в Волоколамском монастыре, где подвизался под руководством игумена Гурия и познакомился с отбывавшим там наказание Максимом Греком. В начале 1551 г. назначен архимандритом Старицкого Успенского монастыря. В 1554 г. сопровождал еретика Матвея Башкина в ссылку в Волоколамский монастырь и остался там казначеем. Свт. Гурий, назначенный епископом Казанским, вызвал Германа и поставил игуменом Свияжского монастыря Успения Богородицы (3.02.1555). После смерти Гурия Герман стал архиепископом Казанским и Свияжским (12.03.1564). В 1566 г. вызван в Москву для участия в земском и церковном соборе, по воле Ивана Грозного, вопреки желанию, назначен в митрополиты Московские. Герман требовал от царя отмены опричнины и обличал его, призывая к покаянию. Царь держал Германа в Москве под надзором, но сана не лишил: он участвовал в интронизации митрополита Филиппа. Герман умер в Москве во время моровой язвы, но Андрей Курбский в «Истории о великом князе Московском» пишет, что он был либо задушен, либо отравлен по царскому приказу. Мощи Германа обретены в 1595 г. (или 1592) и с разрешения царя Феодора Иоанновича перенесены в Свияжский монастырь.

известного Матвея Башкина вернулся в Волоколамский монастырь.[217] «А был той Герман, — говорит Курбский об этом старицком уроженце, — светлого рода человек и бе он яко тела великого муж, так и разума многого. Аще же и от осифлянских мнихов четы произыде, — прибавляет князь Андрей Михайлович, — но отнюдь обычая лукавого и обыкновенного их лицемерия непричастен был: но человек простый, истинный и непоколебим в разуме, и великий помощник был в напастях и в бедах объятым, тако ж и к убогим милостив зело».[218]

Одним из ближайших преемников св. Германа Полева был другой архимандрит Герман; при нем в число братии поступил человек, которому суждено было играть одну из главных ролей в царствование Феодора Иоанновича и Бориса Годунова.[219] Новопостриженник был родом из Старицы, сын посадского человека; звали его в миру Иваном. Образование он получил в монастыре под руководством самого архимандрита. Постригая его в монашество, Герман дал ему иноческое имя Иова. В 1556 году Грозный поменялся городами с двоюродным братом своим Владимиром Андреевичем Старицким и, дав ему в удел Дмитров, взял Старицу себе. Вскоре же Иван Васильевич собрался побывать в своем новом любимом городке и, живя в Старице, неоднократно бывал в монастыре; здесь он узнал Иова и, как кажется,

---

[217] Костомаров в своей монографии «Великорусские религиозные вольнодумцы XVI века» говорит, что судьба Башкина после суда неизвестна, но в кратких жизнеописаниях русских святых архим. Игнатия (т. II, XVI в., стр. 91) упомянуто, что Башкин был отдан на увещание архимандриту Герману в Волоколамский монастырь. — *Прим. Тюменева.*

Башкин Матвей Семенович (XVI в.), из детей боярских. Во время Великого поста 1553 г. сообщил священнику Благовещенского собора Симеону, что отпустил своих холопов на волю согласно проповеди Христа, и призвал его к покаянию. Симеон сообщил о Башкине протопопу Сильвестру, который уже знал о нем как человеке подозрительном. В июле Башкина взяли под стражу, он начал каяться, выдал единомышленников и сознался, что заимствовал свое учение от «латынников». Основные положения ереси Башкина известны из посланий митрополита Макария в Соловецкий монастырь и царя к Максиму Греку. В 1553 г. на соборе Башкин сначала отрицал свою ересь, но потом сознался и назвал некоторых единомышленников. Собор сослал Башкина и братьев Борисовых в Волоколамский монастырь для «вразумления», куда он прибыл 22.12.1554. Дальнейшая судьба его неизвестна. См.: *Зимин А. А.* Вольнодумец Башкин и его единомышленники // И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 168—181.

[218] Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31. С. 318—319.

[219] Федор Иоаннович (11.05.1557—7.01.1598), царь всея Руси (18.03.1584), третий сын Ивана Грозного, последний из династии Рюриковичей. Борис Федорович Годунов (1552—13.04.1605), шурин Федора Иоанновича, фактический правитель (1587—1598), царь всея Руси (27.02.1598).

полюбил его.[220] По смерти Германа Иов назначен был архимандритом обители, а в 1571 году по желанию Грозного переведен в Москву, сначала в Симонов, а через четыре года в Новоспасский монастырь. В этом последнем перемещении можно видеть новый знак внимания Грозного, так как Новоспасский монастырь считался в Москве царским. В 1581 году Иов хиротонисован во епископа Коломенского, а в 1586 году переведен в Ростов архиепископом; но не прошло и года, как мы видим его уже в Москве в сане митрополита. Наконец 26-го января 1589 года Иов сделался первым патриархом Московским и всея Руси.

«Чем же обратил на себя Иов такое внимание верховной власти, — спрашивает преосвященный Макарий в своей „Истории русской церкви“, — чем заслужил такие отличия?» — и в виде ответа приводит характеристику патриарха, помещенную в «Истории о первом патриархе Иове Московском».[221] Действительно, автор биографии рисует нам и внешний,

---

[220] Владимир Андреевич Старицкий (1533—1569), сын князя Андрея Ивановича Старицкого, двоюродный брат Ивана Грозного. После гибели отца (1537) вместе с матерью находился в заключении. В 1541 г. освобожден, ему вернули Старицкий удел. В 1549 г. заменял царя во время его похода на Казань, в 1552 г. командовал царской дружиной при штурме Казани. Когда в марте 1553 г. Иван Грозный тяжело болел, бояре прочили Владимира на престол вместо сына Ивана IV царевича Дмитрия. После выздоровления царя Владимир сослан в свой удел, но после рождения у царя сына Ивана (1554) Владимир назначен опекуном царевича и объявлен правителем государства, а в новом завещании и наследником трона, если царевич умрет в малолетстве. Владимир присягнул сыну Грозного, что существенно ограничило его права как удельного князя: он должен жить в Москве, а не в уделе и иметь не более 108 дворян. В начале 1563 г. Владимир возглавил поход на Полоцк, но в мае его и его мать обвинили в заговоре против царя. Царь простил Старицких, но взял всех придворных Владимира к себе на службу и заменил их своими людьми. В ноябре 1564 г. Иван IV произвел с Владимиром обмен землями без политических целей, но в 1566 г. отобрал у Владимира в опричнину Старицкий удел и заменил его Дмитровом и землями в Московском и Стародубском у. В 1569 г. Владимира обвинили в намерении отравить царя; в октябре 1569 г. он, его жена и старшая дочь вынужденно приняли яд, мать Владимира инокиня Евдокия была убита. Владимир торжественно похоронен Иваном IV в родовой усыпальнице в Архангельском соборе; земли его царь забрал себе. В живых остались двое детей Владимира: сын Василий († 1574, за год до смерти Иван IV вернул ему Старицкий удел) и дочь Мария (выдана Иваном Грозным замуж за Магнуса Ливонского, † 1597).

[221] *Макарий (Булгаков)*, митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви: в 12 т. СПб., 1883. Т. 10: Общий взгляд на период самостоятельности Русской Церкви; Учреждение Патриаршества в России. Имеется в виду «История о первом Иове, патриархе Московском и всея России» (после 1652). См.: Русская историческая библиотека. Т. 13: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1891. Стлб. 923—950;

и внутренний облик Иова крайне приятными, привлекательными чертами. Он говорит, что в те времена «не обретеся человек подобен ему ни образом, ни нравом, ни гласом, ни чином, ни похождением, ни вопросом, ни ответом», хвалит его замечательную память, благодаря которой Иов знал наизусть Евангелие, Апостол, Псалтырь, читал на память такие длинные молитвы, как, например, на вечерне в день Пятидесятницы и т. д. «Прекрасен бяше, — продолжает он, — в пении, и во чтении, и во умерении, яко труба дивна всех веселя и услаждая слухи сердца слушателей» — и рассказывает далее, что Иов был крайне богомолен, служил по нескольку раз на неделе сам, причем в служении был прост, не требовал большого числа сослужащих, «но аще и три, или два, или един будет, и то готов служити с ним». Далее биограф восхваляет его трезвость: по его словам, Иов пил только одну воду «и тое в меру», называет его щедрым, милостивым и замечает: «в лета же его патриаршества много изрядных людей освященных быша церковников, но никто же таков дарованием божиим украшен».

Но из последующих поступков Иова, особенно после кончины государя Феодора Иоанновича, из его постоянной и неизменной преданности Годуновым, можно заключить, что, помимо своих нравственных качеств, умный и способный старичанин был обязан своим возвышением еще и другой причине, что за ним давно уже следил дальнозоркий глаз Бориса Феодоровича, видевшего в нем прекрасное орудие для достижения своих широких честолюбивых планов. Костомаров[222] думает даже, что и само учреждение патриаршества соединялось у Бориса с дальнейшими планами воцарения. Правда, преосвященный Макарий говорит, что это «известное мнение совершенно произвольно», но тем не менее факт налицо, что как только у нас побывал Антиохийский патриарх Иоаким[223] и была высказана мысль об учреждении в России

Вершинский А. История о первом патриархе Иове (по Старицкому списку) // Тверская старина. 1911. № 3. С. 47—56; № 4. С. 26—35; № 5. С. 16—23; № 6. С. 35—40.

[222] См.: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей 1-й отдел: Господство дома св. Владимира. СПб., 1873. Вып. 3: XV—XVI столетия.

[223] Иоаким V Дау, патриарх Антиохийский (25.05.1581—7.10.1592), собирал на славянском востоке пожертвования для уплаты долгов своего престола. По поручению Константинопольского патриарха Иеремии II исследовал состояние Киевской митрополии. Смоленский воевода встретил патриарха с почестью и сопроводил в Москву, куда Иоаким прибыл 17 июня 1586 г., произведя огромное впечатление, ибо москвичи впервые принимали православного патриарха. Правительство Феодора Иоанновича вело переговоры с Иоакимом о введении в Москве патриаршества.

патриаршества, Иов, только недавно переведенный в Ростов, был взят оттуда на Москву и сделан митрополитом, следовательно, первым кандидатом в патриархи. Если возведение его в этот сан оттянулось до 1589 года, то вина в том всецело падает на греков, которые благоразумно предпочли затягивать дело как можно дольше, получая в то же время богатые и обильные царские подарки, и если бы не нужда, заставившая Царьградского патриарха Иеремию[224] приехать в Москву за милостынею, кто знает, на сколько лет оттянулось бы учреждение у нас патриаршества. Но в Константинополе в это время произошла важная перемена: патриарх Феолепт[225] был низвергнут султаном, и на место его назначен Иеремия, находившийся в заточении. Новый патриарх явился к месту своего служения и с ужасом увидел, что патриарший дом разорен и разграблен дочиста, жилые помещения обвалились и сама патриаршая церковь обращена в мечеть, мало того: его решено было выселить со старого пепелища и приказано вновь построить дом и церковь на другом, указанном месте. Средств у него, конечно, никаких не было, и вот в последних числах июня 1588 года в Москве была получена нежданная весть, что Царьградский патриарх уже в Смоленске. Около половины июля Иеремия прибыл в Москву, но грамоты об учреждении патриаршества с ним не было. Когда наконец с ним заговорили об этом деле, то Иеремия, по словам бывшего с ним друга Иерофея, митрополита Монемвасийского,[226] ставить патриарха отказался и предложил сам остаться в России и патриар-

---

[224] Иеремия II Транос (1530–1595), патриарх Константинопольский (1572–1579, 1580–1584, 1587–1595). В 1585–1587 гг. за отношения с папой Римским сослан на остров Родос. Прибыл в Москву в 1588 г., по просьбе царя Феодора Иоанновича поставил первого патриарха Московского и всея Руси Иова. В феврале 1593 г. собор в Константинополе (патриархи Константинопольский Иеремия, Александрийский Мелетий Пигас, Антиохийский Иоаким, Иерусалимский Софроний и греческие иерархи) утвердил патриаршество на Руси, границы всех пяти патриархий и послал в Москву благословение на патриаршество.

[225] Феолепт II, патриарх Константинопольский (16/27.02.1585–05.1586/04.1587).

[226] Тюменев пересказывает и цитирует записки Иерофея Монемвасийского, как они приведены у митрополита Макария: «Когда русские увидели, что (Иеремия) не поставляет им патриарха, а сам хочет остаться у них, говорят ему: владыка наш, если хочешь остаться, то и мы этого хочем <!>; но древняя кафедра России во Владимире, и туда да соблаговолишь отправиться для жительства. А то было место худшее Кукоса. Но, предупрежденный некоторыми христианами, патриарх сказал: и не говорите мне этого, я никак этого не сделаю. Тогда говорят ему: решение царя то, чтобы ты поставил патриарха. И Иеремия заговорил другое, что он не уполномочен епископами <!> и что это было бы беззаконно. Но, наконец, и не хотя, рукоположил России патриарха» (*Макарий (Булгаков)*. История

шествовать. Борис Феодорович и бояре на это как бы согласились, но прибавили, что древняя кафедра России — во Владимире, и предложили ему отправиться туда для жительства. «А то было место худшее Кукоса», — замечает Иерофей. «И не говорите мне этого, — отвечал Иеремия, — никогда этого не сделаю». Государь созвал бояр и, передав им желание Иеремии остаться в Москве, продолжал: «И мы помыслили, что то дело нестаточное: как нам такого сопрестольника великих чудотворцев Петра, Алексия и Ионы и мужа достохвального жития, святого и преподобного отца нашего и богомольца Иова изгнать от Пречистыя Богородицы и от великих чудотворцев и учинить греческого закона патриарха? А он здешнего обычая и русского языка не знает, и ни о каких делах духовных нам нельзя будет советоваться без толмача». Переговоры о постановлении патриарха продолжались, и Иеремия, наконец, убедился, что здесь греческая коса нашла на русский камень; он согласился уступить и поставить особого для России патриарха. Возведение Иова в сан патриарха Московского и всея Руси было совершено в Успенском соборе.

Возвратившись домой, в Константинополь, Иеремия собрал собор, на котором признано и утверждено учреждение Московского патриаршества. Четыре восточных патриарха распределились по старшинству и значению их кафедр в следующем порядке: первым считался Константинопольский, вторым — Александрийский, третьим — Антиохийский и четвертым — Иерусалимский. Новому, Московскому патриарху было отведено пятое место, после Иерусалимского. Государь и бояре выразили желание, чтоб русский патриарх, по значению пасомого им государства, занял третье место в ряду восточных патриархов, между Александрийским и Антиохийским, но это желание, несмотря на богатые подарки, не было уважено греками. В церковном служении русские патриархи получили те же внешние преимущества, какие были у восточных. Амвон, на котором облачался патриарх, был о двенадцати ступенях, тогда как для митрополита их полагалось только восемь; когда во время литургии патриарх садился на горнем месте, сослужащие ему архиереи должны были стоять; во время совершения таинства евхаристии они не могли приобщаться сами, но получали причастие из рук патриарха. В крестных ходах перед патриархом несли свечу, а во время путешествий впереди его везли серебряный крест, а позади пастырский жезл. Богослужебными облачениями патриарха были: саккос с позвонками и с нашивною епитрахилью, украшенною золотом или жемчугом, стихарь, пояс, епитрахиль с галлиатами, означающими потоки

Русской церкви. Т. 10. Прим. 20). Кукос — селение Кукуз в Армении (ныне г. Коксон на территории Турции), место ссылки Иоанна Златоуста.

Христовой крови, омофор, наколенник (епигонатий), митра с крестом наверху и, иногда, с короною по опушке, жезл, украшенный змиями; в обычное же время он носил рясу с широкими рукавами, бархатную мантию зеленого или багряного цвета с золотыми и серебряными скрижалями и белый клобук с нашивным крестом или с изображениями херувимов и серафимов; на груди его были две панагии и крест.

Вступив в управление русскою церковью, Иов обратил внимание на распущенность низшего духовенства; он установил вновь учрежденные еще стоглавым собором, но уже забытые должности поповских старост и десятских, следивших за благочинием и исправностью духовенства. Местом собрания этих должностных лиц служила особая изба, поставленная недалеко от нынешнего Василия Блаженного; здесь старосты и десятские должны были сходиться ежедневно. Но, видно, любовь к порядку и благочинию была чужда нравам того времени, потому что лет через десять после патриаршего распоряжения тиун Иова уже доносил своему владыке, что сборная изба стоит пуста, что поповские старосты и десятские бесчинств не унимают, что безместные попы и дьяконы по-прежнему сидят у Флоровских ворот,[227] заводят игры, бранятся и борются между собою и тут же нанимаются служить литургию. Иов призвал к себе старост, увещал их и выдал им вновь письменный наказ, бывший почти повторением прежнего.

Во времена патриаршества Иова было несколько случаев канонизации русских святых, например Василия Блаженного московского, над гробом которого царь Феодор Иоаннович соорудил особый придел при Покровской церкви на Рву, углицкого князя Романа Владимировича, Гурия и Варсонофия казанских, Антония Римлянина и др.[228]

Риторские свои дарования красноречивый старичанин выказал в приветствии государю по возвращении его из шведского похода, результатом которого было взятие Иван-города, Яма и Копорья. В речи своей Иов сравнивал Феодора Иоанновича с равноапостольным Константином и с великим князем Владимиром. Иов, по-видимому, любил кроткого, незлобивого государя и по смерти его, несмотря на свою старость, взял на себя труд составить его жизнеописание (вошедшее целиком в Никоновскую летопись).

Скончался Феодор Иоаннович, и для Иова, владевшего, в лице черного и белого духовенства, внушительною нравственною силою, на-

---

[227] Ворота Флора и Лавра (позднее Спасские), центральный въезд в московский Кремль (1491, арх. Пьетро Солари).

[228] Канонизация: Василий Блаженный (2.08.1588), углицкий князь Роман Владимирович (1595/1605), свт. Гурий и Варсонофий казанские (1595), св. Антоний Римлянин (1597).

стало время сослужить великую службу своему милостивцу Борису Феодоровичу. Когда после отказа Ирины от царства бояре объявили было народу, что правление переходит в боярскую думу, а народ завопил, что не хочет ни князей, ни бояр, знает только одну царицу и выбор нового царя предлагает сделать патриарху, Иов тотчас же воспользовался случаем и назвал Бориса. Все народные походы в Новодевичий монастырь были делом рук патриарха. Собор по вопросу об избрании царя, на котором присутствовало более ста игуменов, был созван им же. Заседание собора Иов открыл категоричным заявлением: «А у меня, Иова патриарха, и у митрополитов, и архиепископов, и епископов, и у архимандритов, и игуменов, и у всего освященного вселенского собора, и у бояр, дворян и приказных, и служилых, и у всяких людей, и у гостей, и у всех православных христиан, которые были на Москве, мысль и совет всех единодушно: что нам молить государя Бориса Феодоровича и иного государя никого не хотеть и не желать». Когда светские чины, съехавшиеся на собор, увидали, что дело Бориса поставлено прочно и что выбор его уже решен духовенством, они скромно заявили, что присоединяются к мнению освященного собора. Иов счел нужным немедленно же закрепить это решение. «Кто захочет искать иного государя, кроме Бориса Феодоровича и его детей, — объявил он, — против того всем светским стоять как против изменника, всею землею, а патриарху и освященному собору отлучить его от церкви: того предадут проклятию и отдадут на кару градскому суду». Затем был устроен, как известно, торжественный крестный ход с огромною толпою народа, который был собран под страхом пени в два рубля, и Борис «принять венец смиренно согласился».[229] Иов торжествовал, хотя и сам сознается, что за это время ему пришлось испытать «озлобление и клеветы, укоризны, рыдания ж и слезы».

Когда Борис вернулся из похода против Казы-Гирея, Иов устроил ему торжественную встречу, произнес речь и в заключение так расчувствовался, что повалился Борису в ноги.

Затишье первых лет царствования Годунова было, как известно, только затишьем перед бурею, и в 1600 году на западе уже сверкнула первая зарница: это были смутные сначала слухи, что Дмитрий не убит. Борис сделался жесток и подозрителен, «и до толика зла доидите от смутителей, — говорит жизнеописатель Иова, — яко господам везде от рабов своих дрожати и боятися, и повсюду плач бысть господам, и многие великие домы запустеша от злого нестроения, и мнози от великих вельмож лютыми и нужными бедами и скорбями погибоша». Словом, настало время, когда Иов в силу своего высокого сана

[229] Цитата из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина.

первосвятителя русской церкви мог выступить перед царем в качестве печальника за обитаемых. «Что, отче святый, — пеняли ему многие, — новотворимое сие видиши, а молчиши?» Но если Борис начинал напоминать собою Грозного, то Иов во всяком случае не был митрополитом Филиппом. «И совесть сердца его, — говорит биограф, — яко стрелами устрелена бываше и не многий что сотворити, еже семена лукавствия сеема видя и виноград Христова делатель сый, изнеможе, токмо ко Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую слезами обливаше. Быстр убо и строптив сей царь Борис и не хотя видети обличника себе». Этими последними словами биограф как бы старается извинить Иова, но он забывает, что покойный Иван Васильевич был еще быстрее и строптивее, и это не мешало архипастырям вроде Филиппа Колычева и вышеупомянутого Германа Полева без страха обличать его прямо в глаза.

Когда появился в Польше Лжедимитрий, грамота, разосланная по всему Московскому государству, о том, что он не кто иной, как Гришка Отрепьев, была подписана Иовом; по его же распоряжению состоялся обряд торжественного проклятия самозванца. Но ничто не помогало; гроза надвигалась всё ближе и ближе. Борис был уже серьезно нездоров, и Иов, вероятно, начал сознавать, что добром дело не кончится; он вознамерился удалиться на покой. Сохранилась его прощальная грамота, в которой он, ссылаясь на старость и недуги, отрекается от патриаршества и выражает желание пребывать отныне в уединении. Но, по всей вероятности, делу этому не было дано хода; по крайней мере, по смерти Бориса Иов всё еще оставался на месте. Он не покинул своего престола даже после свержения и заключения под стражу молодого царя Феодора Борисовича. Костомаров делает даже предположение, не поклонился ли новому царю, наравне с другими, «этот архипастырь, всегда уважавший силу и успех». Но с этим взглядом почтенного историка трудно согласиться. Во-первых, против такого предположения говорит вышеупомянутое желание Иова удалиться с кафедры еще во времена Бориса. Во-вторых, прежние грамоты патриарха, писанные и в Польшу и в Московское государство о Гришке Отрепьеве, и самое проклятие образовали слишком большую пропасть между ним и новым царем, чтобы примирение было возможно. В-третьих, оправдывающим Иова доводом служит обстоятельство, на которое не замедлил обратить внимание преосвященный Макарий, а именно: повинная грамота от Москвы была отправлена в Тулу к Лжедимитрию только с одними боярами; в числе посольства не было ни митрополитов, ни архиепископов, хотя самозванец и требовал этого в своей грамоте; следовательно, патриарх в этой повинной не участвовал. Иов мог оставаться после свержения Годуновых

вовсе не из желания перейти на сторону нового царя, а просто в силу инерции, не предпринимая ничего, потеряв голову и, быть может, всё еще надеясь, что народ, свергнувший светскую власть, не решится коснуться власти духовной и в решительный момент не выдаст его обидчикам.

Но самозванец уже выбрал себе другого патриарха, и участь Иова была решена. Однажды, когда он служил в Успенском соборе литургию, явились посланные от Лжедимитрия со множеством народа, вооруженного оружием и дреколием, и объявили патриарху, что он лишен сана. Иов сложил панагию пред иконою Владимирской Богоматери и произнес свою прощальную молитву. «О, Пречистая владычица Богородица! — сказал он. — Эта панагия и святительский сан возложены на меня, недостойного, в твоем храме, у честного твоего чудотворного образа. Девятнадцать лет исправлял я слово Сына Твоего; христианская вера нерушима была. Ныне же, грех ради наших, видимо, что на православную веру находит вера еретича. Мы, грешные, молим: умоли, Пречистая, Сына Твоего Христа Бога, утверди православную христианскую веру непоколебимо!» На него надели черное платье, позорили, таская «в церкви и по площади», как рассказывает он сам, и наконец, посадив в простую телегу, отправили в монастырь в Старицу. Впрочем, место заточения было, по-видимому, назначено по его желанию.

Возвращаясь с Иовом в Старицу, мы застаем архимандритом обитатели другого знаменитого постриженника, преподобного Дионисия Зобниновского, о котором я в свое время упоминал, говоря о Ржеве.[230] Ржевич по рождению, Дионисий (в мире Давид) еще в детстве переселился с своими родителями в Старицу, где отец его был избран в старосты Ямской слободы. Г. Скворцов в своем исследовании о преподобном[231] говорит, что, когда родители Давида переселились в Старицу, ему было около 6 или 7 лет. Мальчика отдали для обучения грамоте двум старицким монахам — Гурию Ржевитину и Герману Стареченину. Последний был не кто иной, как Герман Тулупов,[232] известный списатель Четьих-Миней; списыванием и собиранием жизнеописаний святых

---

[230] См.: Исторический вестник. 1894. Июнь. С. 706—707. — *Прим. Тюменева.*

[231] Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицко-Сергиева монастыря (ныне лавры) / Историческое исследование преподавателя Тверской духовной семинарии Дмитрия Скворцова. Тверь, 1890. — *Прим. Тюменева.*

[232] Герман (Тулупов Георгий/Юрий Иванович; ок. сер. 1550-х — 1636/1637), иеромонах Троице-Сергиева монастыря, книжник, профессиональный писец. В начале XVII в. священник Георгий Тулупов служил в Сретенской церкви Старицы, занимаясь перепиской книг на заказ. Возможно, после оправдания прп. Дионисия в деле о правке книг (1619) перебрался в Москву. 1 октября 1626 г.

он занимался уже в лавре, где жил во время архимандритства своего ученика. Давид был нрава скромного и много перенес в школе от сверстников, хотя наставники были им довольны. Возмужав, он хотел было поступить в монашество, но родители, которые впоследствии постриглись и сами, теперь отговорили его и нашли ему невесту. Давид женился, но все-таки стал служить Богу, сделавшись священником в селе Ильинском, в 12-ти верстах от Старицы. Через шесть лет он овдовел, схоронив почти одновременно с женою и двух своих сыновей. В качестве вдового священника он, по правилам Стоглава, уже не мог совершать в своей церкви литургии, и теперь сама судьба как бы направляла его в монастырь. Давид вернулся в Старицу и постригся около 1601 или 1602 года. Вероятно, монастырские власти уже давно знали ильинского священника, потому что вскоре он был сделан казначеем, а в 1605 году был уже архимандритом Старицкой обители, куда, как мы знаем, приставы в июне месяце привезли свергнутого патриарха. Дионисий угостил и отпустил их, а сам явился к Иову и, несмотря на приказание держать его «во озлоблении скорбнем», старался всячески устроить и успокоить старца. Таким образом, в стенах обители встретились оба ее знаменитых постриженника, из которых один уже заканчивал свое земное поприще, тогда как трудный и многострадальный путь другого едва только начинался. Вскоре по прибытии в Старицу дряхлый, болезненный патриарх лишился зрения, и это обстоятельство, по словам некоторых, было причиною, что царь Василий Иванович Шуйский, вступивший на престол по низвержении Лжедимитрия, не возвратил Иова на патриаршую кафедру; быть может, тому были и другие причины, но как бы то ни было, а действительно еще при жизни Иова патриархом на Руси сделался Гермоген.[233] Тем не менее об Иове в Москве вспомнили. Шуйский, большой сторонник торжественных церковных церемоний, которыми он думал успокоить умы народа, уже перенесший в Москву мощи Димитрия царевича, задумал устроить торжество всенародного патриаршего прощения и разрешения от клятв, измен и клятвопреступлений, сделанных народом в последние смутные годы. И вот в начале февраля 1607 года в Старицу были отправлены за Иовом Панфутий, митрополит Сарский и Подонский, Пимен, архимандрит Симонова монастыря, архидиакон

постригся в Троице-Сергиевом монастыре. Здесь занимался перепиской Четьих Миней с поучениями.

[233] Гермоген (в миру Ермолай; ок. 1530—17(27).02.1612), второй (фактически третий, считая Игнатия) патриарх Московский и всея Руси (1606, с 1.05.1611 в заточении), церковный общественный деятель Смутного времени; свм. (17 февраля, 12 мая).

Гробница патриарха Иова в Старицком монастыре. Рисунок. 1893

Алимпий и другие с царскою каптаною[234] на восьмерке лошадей, обитою внутри соболями, в которой 14-го февраля бывший патриарх и прибыл в Москву. Между тем от имени народа была составлена челобитная патриархом, в которой говорилось: «не только живущие во граде сем, но и живущие во всех градех страны сей просят разрешения и прощения, как живым от мала до велика, так и тем, которые отошли от мира сего прежде». Настал день 20-го февраля, день последнего, предсмертного торжества Иова. Загудели московские колокола, и народ со всех концов города повалил к Кремлю. В Успенском соборе давно уже не было места, и толпа наполнила площади кремлевские. Иов с Гермогеном направились к собору посреди необозримой толпы народа. Войдя в Успенский собор, Иов приложился к иконам и стал у патриаршего места, а Гермоген начал петь молебен. После молебствия к патриархам подошли выборные с челобитною, и Гермоген приказал архидиакону Алимпию прочесть ее во всеуслышание с амвона. Затем тот же Алимпий прочел и разрешительную грамоту от Иова, Гермогена и всего освященного собора. В грамоте о смерти Димитрия царевича было сказано глухо, что он убит в Угличе; имя Годунова при этом не названо. По прочтении грамоты народ бросился к Иову, кланялся в землю, целовал его руки, просил благословения. Это было искупление за те побои и оскорбления, которым патриарх подвергся на этом же месте два года назад.

Иов вернулся в Старицу, но силы его видимо угасали, и 19-го июня того же года он скончался, до последнего дня окружаемый заботами

[234] Крытая зимняя повозка.

и попечениями Дионисия. Похоронили его у правого западного угла соборной церкви; над гробом его Дионисий устроил небольшую часовенку.

В 1652 году, по повелению царя Алексея Михайловича, тело Иова было перевезено в Москву и положено в Успенском соборе.

Г. Скворцов допускает предположение, что во время последней поездки патриарха с ним ездил в Москву и старицкий архимандрит и здесь впервые сделался известен Гермогену, который оценил его способности и высокие душевные качества. По крайней мере, вскоре после смерти Иова мы видим Дионисия уже почти безвыездно живущим в Москве, помогающим Гермогену в служении, заседающим с ним на совещаниях у царя и выходящим вместе с патриархом для умиротворения недовольного Шуйским народа. В короткое время Дионисий сделался правою рукою Гермогена.

В январе 1610 года поляки сняли осаду Троицкой лавры. Троицкий архимандрит Иоасаф, утомленный долгими трудами, удалился в Пафнутьев монастырь, и Сергиева обитель осталась без начальника. Для исправления страшных уронов, нанесенных врагами обители и всей ее окрестности, царь и патриарх не могли найти лица более достойного, чем старицкий архимандрит. Дионисий ничего не знал о своем назначении на столь важный пост; он в это время был в Ярославле, куда поехал хоронить какого-то вельможу. Весть о назначении достигла до него при таких обстоятельствах, которые самому ему показались глубоко знаменательными. В то время путь от Ярославля до Москвы был наполнен лихим народом, целыми шайками воровских людей, которые грабили и убивали всех попадавшихся им прохожих и проезжих, и только имя доблестной Сергиевой обители пользовалось у них некоторым уважением: троицких монахов они не трогали. Дионисий знал это и, возвращаясь в Москву, решился назваться Сергиевым. Имя чудотворца спасло их от многих бед в пути. Путники уже подъезжали к самой Троицкой обители. Навстречу им показался монастырский служка. «Какая власть едет?» — окликнул он. «Троицкого Сергиева монастыря старец из сел едет», — отвечали спутники Дионисия. Но служка усомнился и повторил вопрос. Озадаченные путники снова уверили, что старец от Троицы. «Скажите правду, — заговорил служка, — не старицкий ли это архимандрит? Я послан к нему с грамотами от царя и патриарха». Дионисий заглянул в грамоты и увидел, что он и действительно теперь уже «Сергиев старец», что он архимандрит Троицкого монастыря. Началось его многотрудное, двадцатитрехлетнее служение родине, но и в эти тяжелые, скорбные времена Дионисий не забывал своей родной старицкой обители и во время своего троицкого архимандритства пожертвовал в нее много ценных вкладов.

IV. Старица

> Городок назывался прежде не Старицею, а Любим-городом. Поднялась на него Литва, а жители, узнав о том, сделали под Волгой подкоп и схоронили в нем всё имущество, чтобы ничто не досталось врагам. Литва взяла город и, когда увидела, что грабить нечего, так озлобилась на жителей, что перебила их всех, а город сожгла до основания. Пришел на помощь тверской князь и увидал одни развалины да среди них единственную уцелевшую ветхую старицу с клюкой. На месте старого города он построил новый и назвал его нынешним именем.[235]
>
> *Из местных преданий*

Времени до заката солнца оставалось еще часа полтора, и мы, наскоро заняв номер в гостинице, отправились в город с целью посетить сегодня же стены его древней обители.

---

[235] Ср. очерк «Зубцов и Старица»: «„В старину же городок наш не так назывался, — рассказывают жители, — звали его Новым городком, — в те-то времена и наша старина нова была. Вот только прослышали раз в городке-то, что Литва на них ратью идет с несметными силами. Видят наши — дело плохо, им уж от Литвы-то не раз доставалось. Вот и давай они поскорее под Волгу подкоп рыть, да в том подкопе всё свое имение, все животы свои и захоронили, чтоб Литве не досталось. Баб с ребятишками по церквам заперли, а сами на стены встали Литву встречать. Пришло Литвы видимо-невидимо, и полезла она на стены. Подмоги нашим ниоткуда не было. Бились они, бились, да не в силу, видно, было с литовской силой справиться. Ворвалась Литва в город, да как увидела, что в городе-то пусто, что грабить ей нечего, и давай всех побивать до единого. И мужей остатних, и баб, и ребят — всех изрубили и город до основания выжгли. Прошло немного времени, и приезжает из Твери князь со своею ратью. Шел он на выручку, глядит, а от города-то уж только пепел да бревна обгорелые остались. Едет он городом, ни души живой кругом не видно, все полегли жители-то, и только из одного пепелища вышла ему навстречу старица, чуть жива, на клюку опирается; только одна она из всего города и осталась. Князь же, как потом город-то отстроил, то по ее имени Старицей и назвал. А прежде звался Новый городок, а то еще говорят Любим-городком его звали“. / Любим-городком называл его не кто иной, как Иван Васильевич Грозный, который очень любил местоположение этого городка и на высокой горе левого берега Волги, среди старинных валов и укреплений, поставил свой царский дворец, в котором неоднократно живал со своею семьей и приближенными». Приведенное предание основано на народной этимологии названия города. В действительности оно происходит от названия р. Верхняя Старица (левый приток Волги), в устье которой была построена первоначальная крепость. Этимология гидронима — ‘старое русло реки’, ‘удлиненная котловина часто изогнутой формы, обычно заполняется водой при высоком уровне реки, образуя озера’ (*Воробьёв В. М.* Тверской топонимический словарь. М.: Русский путь, 2005. С. 387).

Улица, круто спускавшаяся к Волге, выходила на базарную площадь на самом берегу реки. Направо от этой улицы тянулся довольно возвышенный берег с городскими постройками, налево — поднималась большая высокая гора, на пустынной вершине которой в старину возвышались массивные стены города с собором, княжими хоромами, теремами, дворами бояр, именитых гостей и пр. Теперь на ней одиноко стоит новый некрасивый собор казенной архитектуры,[236] а на самой вершине, где в былые времена находился главный центр города, разгуливает на просторе ветер. Торговые ряды[237] на площади по случаю воскресного дня были закрыты. Посредине площади красовалась каменная часовня в память императора Александра II,[238] а с левой стороны, прислонясь к горе, — белая каменная церковь св. Параскевы Пятницы.[239] По стилю архитектуры ее можно отнести к первой половине нашего столетия, хотя средняя часть храма, по всей вероятности, построена значительно ранее. Подле алтарного полукружия, выхо-

---

[236] Борисоглебский собор построен в 1558—1561 гг. князем Владимиром Андреевичем Старицким и типологически действительно близок московскому собору Покрова на Рву. Разобран в 1802 г. (*Салимов А. М., Салимова М. А.* Старицкий Успенский монастырь. М.: Медиа Академия, 2008. С. 17—25, 39), новая постройка 1805—1820 гг.

[237] Торговые ряды, как и многие другие постройки, принадлежат архитектору Матвею Алексеевичу Чернятину (9.07.1771—1846). Из купеческой семьи, учился в архитектурной школе в Твери (1783—1798), работал архитекторским учеником в Старице, служил управляющим генерал-майора А. Т. Тутолмина в имении Новое Старицкого у. Архитектурные работы: Борисоглебский собор и церковь-колокольня при нем (1827), Троицкая церковь в Успенском монастыре — родовая усыпальница Тутолминых (1819), церковь Рождества Богородицы, торговые ряды (первая половина XIX в., на средства купца Дмитрия Федоровича Филиппова), каменные кузницы (конец XVIII — начало XIX в., ныне ул. Ленина), приделы-ротонды церкви Рождества Богородицы (начало XIX в., ныне ул. Набережная), Тутолминская больница (1810, не сохранилась, ныне ул. Володарского). См.: *Миронов С.* Старицкие купцы и архитекторы Чернятины // Караван+Я. 2003. 1 окт. № 40 (394); ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 14836. Л. 256.

[238] Устройство часовни в память о сохранении жизни императора Александра II после покушения инициировал Василий Петрович Чернятин (1817 — после 1872), купец второй гильдии, городской голова Старицы (1865—1868), пожертвовав на сооружение часовни 150 р. (освящена 7.04.1866). В. П. Чернятин был ратманом в городском магистрате (1850-е), церковным старостой Преображенского храма (1852), гласным в городской думе (1860), попечителем старицкой Тутолминской больницы (1861).

[239] Церковь Рождества Богородицы (1750—1825) на левом берегу Волги, на месте древней торговой площади; придел Параскевы Пятницы, покровительницы торговли.

дящего на площадь, поставлены симметрично по бокам две часовни, что придает внешнему виду храма довольно оригинальный характер. Западная часть постройки почти сплошь прилегает к горе, и колокольня находится всего в нескольких шагах от уступа величественной горной массы. Самые лучшие места под Волгой заняты гостиным двором, который едва ли помнит время своего последнего ремонта, и амбарами, за которыми, налево от базарной площади, тотчас же прекращается и город. Дорога, идущая под горою вдоль берега Волги, приводит к деревянному мосту, перекинутому на ту сторону и почти упирающемуся в прежние, ныне заложенные монастырские ворота, увенчанные небольшою церковью.

Чтобы войти в обитель, надо было обогнуть стену вокруг правого угла. Пройдя старую угловую башню, мы вышли к южному фасаду ограды. Здесь, посредине стены, были устроены новые ворота с башнею, которая находилась в полной дисгармонии с характером остальных построек. Причина этой дисгармонии объяснилась тут же. На стене ворот, с внутренней стороны, крупными буквами была начертана широковещательная надпись: «1885 г. августа 30 дня сооружены сии св. Успенские ворота, выстроена башня над часовней и покрыта железом ограда настоятелем архимандритом Агафангелом, по плану его, на его же собственный кошт». Нам говорили, что автор этой неудачной башни потом был отдан за что-то под суд и находится на покое в одном из вологодских монастырей, Старицкою же обителью управляет теперь игумен.

Сделав несколько шагов по тротуару, проложенному от ворот до собора, мы точно погрузились вглубь времен, во вторую половину шестнадцатого столетия. Прямо перед нами высились стены собора, построенного князем Андреем Ивановичем Старицким, и рядом с ним характерная колокольня несколько позднейшего времени. Налево стояла каменная масса Введенской церкви, построенной Грозным, а из-за нее вдали виднелась грациозная церковка Иоанна Богослова над прежними святыми воротами, поставленная Андреем Ивановичем, но, повидимому, перестроенная в XVII веке. На фоне кое-где выделялись старые каменные стены с угловыми башнями. Современные здания настоятельских и братских келий направо были почти сплошь закрыты зеленью кустов и широко раскинувших свои ветви берез; ворота с башнею 1885 года давно уже остались позади, так что впечатление старины не нарушалось никаким новейшим диссонансом.

По дорожке навстречу нам шел монах с двумя богомолками. Мы осведомились у него о месте погребения патриарха Иова.

— Как же, есть, есть, — заговорил он, — вот под колокольней палатка-то. Там и гробница; только мощи его не здесь.

— А где же? — задал я лукавый вопрос.

— Говорят, увезены куда-то, не то в Москву, не то в другое место. А впрочем, хорошенько не знаю, может быть, и здесь. А вы приезжие?

— Приезжие.

— Откуда?

— Из Петербурга.

— Я вот вам сейчас схимника[240] позову, он и покажет.

Явился позванный им старичок схимник, в шапочке с крестами спереди и сзади, очень добродушного вида, от старости несколько туговат на ухо.

Пока он отпирал дверь в палатку, составляющую нижнюю часть колокольни, монах указал нам издали на небольшое окно подле церкви Иоанна Богослова, в здании старых ворот.

— Вот окошечко-то, — заметил он, — тут, говорят, патриарх-то и жил в последнее время. Там у него подле ворот и келья была.

Схимник отворил дверь, и мы по узкому коридорчику вступили в палатку. По поводу этой палатки в рукописном житии Иова, находящемся в библиотеке Саввино-Старожевского монастыря, приведен рассказ о явлении патриарха Дионисию и его замечание, не совсем, впрочем, понятное. «И по представлении его (Иова), — говорится в рукописи, — и по погребении, по его святительскому приказу и повелением архимандрита Дионисия над гробом его создана палатка каменна. И не по мнозем же времени является святейший Иов патриарх архимандриту Дионисию и глаголет ему: поставили вы над гробом моим палатку не по моему приказу, мне-де палатку строить не тем переводом».

Впереди у стены, прямо против входа, помещалась каменная орнаментированная гробница, в которую при погребении было положено тело патриарха и где оно находилось в продолжение сорока пяти лет до перенесения в Москву. Вместо крышки на гробнице было помещено большое изображение Иова вроде иконы в серебряной ризе.

— Ведь покойный патриарх, кажется, не причислен к лику святых? — осведомился я.

— Нет, нет, не прославлен, — заговорил монах, — а это вот у нас схимник панихиды по нему служит, так он это уже от себя и украсил.

Схимник стоял молча; он, по-видимому, ничего не слыхал из нашего разговора. Впрочем, надо заметить, что, украшая портрет серебряным окладом наподобие иконы, он мог быть прав по-своему. В житии

---

[240] Схимник (схимонах) — монах, посвященный в схиму; схима — высшая степень монашества, предписывающая затвор и соблюдение строгих правил.

Иова приведено несколько случаев исцеления от его мощей лиц, страдавших нервными расстройствами (так называемых бесноватых).

— А вот и запись его надгробная, — указал монах на дощечку, висевшую у входа. Мы прочли следующее:

«7115 года июня в 19 день, на день Воскресения, в нощи, преставися раб Божий святейший патриарх I-й Иов Московский и всея России, уроженец города Старицы, из посадников. От своих вдан в монастырь Старицкой Успенской Божией Матери архимандриту Герману. От него научен чтению и слову Божию; в оном же монастыре пострижен в монашество тем же архимандритом и посвящен в иеромонаха.[241] От благочестивого царя и великого князя Иоанна Васильевича умолен быти архимандритом в оном монастыре, а потом взят бысть на Коломну во епископа, оттуда переведен бысть в Ростов во архиепископа. Из Ростова на Москву в митрополиты, из митрополитов в монархи Московские и всея России. По времени наста самозванец Гришка Отрепьев, возненавидел и сослал его в Старицкий Успенский монастырь под начал, где, проживая немалое время, окончил жизнь. Погребен Крутицким Пафнутием митрополитом и Тверским Феоктистом архиепископом при архимандрите Дионисии со всем освященным собором в сей палатке. Ныне же чудодействуя молит о всех Вседержителя Бога Господа нашего Иисуса Христа. Аминь».

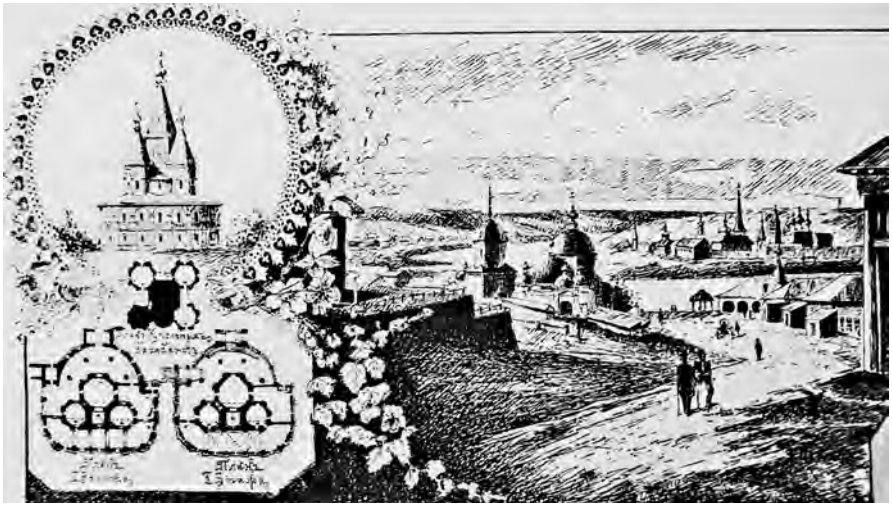
Обещав зайти на следующий день, мы поблагодарили своих новых знакомых и простились с ними. Солнце уже закатилось, когда мы вышли снова на Волгу и направились обратно в город. На небе еще алела вечерняя потухавшая заря, и массивный силуэт горы одиноко и молчаливо высился по ту сторону Волги; снизу его уже окутывала мгла незаметно расстилавшихся под берегом сумерек. Вверху на откосе горы, почти против самого моста, виднелся небольшой каменный столбик, означавший место бывшего здесь старинного храма во имя свв. Бориса и Глеба.

Перейдя мост, я присел на прибрежный камень, чтоб сделать набросок одного мотива, заинтересовавшего с художественной стороны; товарищ мой поднялся на дорогу, проходившую под горою, и занялся изучением общего силуэта монастыря.

Становилось всё темнее и темнее. По опустевшей дороге прогромыхали колеса какой-то старой, допотопной брички, и снова всё стихло. Только Волга по-прежнему неутомимо бежала мимо города, точно торопясь поскорее пробежать свой далекий путь.

Вернувшись в гостиницу, мы узнали, что в городе, вероятно благодаря присутствию военных, имеется даже клуб, помещающийся в здании нашей гостиницы, в втором этаже, причем наш номерной в дни

[241] Иеромонах — монах, обладающий саном священника.



Старица и древний Борисоглебский собор. Рисунок. 1893

собрания превращается в главного официанта. Клуб процветает преимущественно зимою. Занятия членов те же, что и в других местах: играют в карты, танцуют, по четвергам играет полковая музыка; бывают и спектакли, устраиваемые заезжими актерами, любительских же покуда не было. Летом увеселения в городе прекращаются, но жители не скучают. Они то заняты предстоящим смотром полку, то ожидают приезда какого-нибудь высокопоставленного лица и т. п. Так, например, когда мы приехали в Старицу, интересовавшим весь город вопросом был приезд архиерея. Об этом нам сообщили и в монастыре, и в лавке, куда мы зашли за папиросами, и в гостинице, так что мы теперь отлично знали, что приедет он по железной дороге из Ржева, что станция находится от города в 10 верстах, что за ним уже посланы экипажи, что встречать его поехал игумен и пр. и пр. Но помимо этих, так сказать, чрезвычайных событий, жители Старицы, по-видимому, благодушествуют и в своей обыденной обстановке.

Чуть только начинает смеркаться, особенно в праздничный день, как обыватели и прекрасные обывательницы уже спешат на улицу к воротам посидеть на лавочке и посумерничать, причем для крылатого божка любви наступает самое горячее время, и он порывисто мечется от ворот к воротам. Долго еще раздавались под нашими окнами веселая болтовня, остроты и шутки, сопровождавшиеся громким смехом на всю улицу.

На следующее утро мы снова отправились в монастырь и, проходя по знакомой уже улице, встретили образчик старицкого остроумия. На вывеске местного ресторана красовался следующий афоризм:

Чай, вино и пиво
С приятелем в беседе — диво!

С другой стороны входа была изображена целая жанровая картина на сюжет: чиновник, играющий на бильярде. Внизу подпись: «Не в должности, потому что нынешнюю неделю говею».

Впрочем, далеко не всем обывателям Старицы и ее окрестностей живется одинаково весело. Выйдя с базара на берег Волги, мы взглянули вверх по течению. На правом берегу вдали белели обнаженные пласты старицкого белого камня. Это была одна из каменоломен, рассеянных около города на обоих берегах Волги. Судя по виденным нами гробницам, камень этот особой прочностью не отличается, но, тем не менее, спрос на него есть и довольно значительный. Камень большими партиями сплавляется вниз по Волге и идет в дело при устройстве фундаментов, лестниц, тротуаров. По словам г. Рагозина, сотня плит из этого камня шириною в четверть аршина и длиною в три четверти каждая стоит в продаже 15—20 рублей, на месте же эта самая сотня покупается у крестьян, разрабатывающих каменоломни, по два с полтиной, по три и много уже, если по три с полтиной. Если бы крестьянин успел обтесать вчерне десять таких плит за день, то заработал бы 25 или 35 копеек, на самом же деле он не зарабатывает и этой скромной поденщины. Прежде чем тесать камень, надо его добыть, на что уходит немало времени: камень хрупок и при работе беспрестанно ломается, в нем попадаются прослойки кремня, заставляющие бросать начатую плиту как негодную и т. д. Поэтому на изготовление сотни плит зачастую уходит целый месяц упорного, тяжелого и опасного труда. Говорю — опасного, потому что крестьяне работают в постоянном страхе, что обрушившеюся глыбою им раздробит руку или ногу, проломит голову или убьет наповал. И всё это за какие-нибудь три, три с полтиной в месяц! Просто не верится описанию почтенного исследователя Волги, а между тем в книге своей он приводит дословный разговор с самими крестьянами, сообщившими ему эти сведения. Что же заставляет этих людей томиться на такой работе, доставляя барыши одним скупщикам, которые, сплавив плиты почти даром по течению Волги, получают за свои три рубля по пятнадцати, по двадцати? — «Одно что привычка, — отзывались крестьяне, — деды работали, ну и мы... думаешь, что заработаешь, а только увечье одно...»

Другое дело было бы, если бы нашелся добрый человек, который помог бы им завести свои, хотя бы немудрые, суденышки, научил бы их сплавлять работу на рынок самим и на первое время защитил бы их от конкуренции и прижимок кулаков-скупщиков. Тогда наверное каждый из этих добровольных каторжников с покрытием всех расходов получил бы не менее 8—10 р. за сотню своих трудовых плит.

Пятницкая церковь в Старице. Рисунок. 1893

Когда мы пришли в монастырь, в соборе уже шла обедня. Собор этот, как я говорил, построен в первой четверти XVI столетия князем Андреем Ивановичем Старицким. Он сооружен из белого камня, по словам г. Зверинского,[242] «наподобие церкви, что на Синайской горе», но откуда почерпнуто это сведение, мне неизвестно. Купола и верхние части собора деревянные и оштукатурены по подрешетнику;[243] одна из пяти глав собора уже покривилась и требует скорого ремонта. В трапезной части собора, в южном углу, примыкающем к колокольне, помещена каменная доска с надписью, которую, по всем вероятиям, надо отнести к XVII столетию: «На сем месте погребен быс святейший Иов патриарх московской и всея России, и во 160-м году (1652) мощи его взяты к Москве».[244] В самом соборе интересна солея,[245] очевидно старинная: три ступеньки ее вырезаны довольно прихотливою фигурою и утверждены каждая на особых точеных столбиках. В иконостасе замечательны две иконы, помещенные рядом с местными: направо за Спасителем — икона Успения Божией Матери, дар архимандрита Дионисия Зобниновского, налево, за Богоматерью, образ св. Троицы — дар Иоанна Грозного.

После обедни мы познакомились со служившим иеромонахом о. Виталием. Узнав, что нас интересует прошлое монастыря, он очень любезно сообщил нам всё, что знал сам по этому предмету, и, приведя в свою келью, указал хранящиеся у него печатные материалы. В монас-

---

[242] См.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. II: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892. — *Прим. Тюменева.*

[243] Специальный настил из подрешетин.

[244] В 1652 г. при патриархе Иосифе останки свт. Иова были перенесены в Москву и положены рядом с гробницей патриарха Иоасафа.

[245] Солея — возвышенная часть пола перед иконостасом.

тыре отец Виталий исправляет, кажется, должность казначея. Он сообщил нам, что в ризнице хранится плащаница работы царицы Анастасии Романовны[246] и два серебряных стакана, пожертвованные Грозным за упокой души убитого им сына, царевича Ивана Ивановича, и очень сожалел, что не может показать нам ризницу, так как ключи хранятся у игумена, который уехал теперь встречать архиерея. По той же причине он не мог провести нас и в Введенскую церковь, построенную, по преданию, Грозным. По поводу Грозного в монастыре сохранилось предание, что, бывая часто в обители, он нередко исполнял здесь обязанности пономаря. И по сегодняшний день еще, говорил о. Виталий, сохранилась память об его псарном и конном дворах в названиях Псаревской улицы и деревни Конькова. В Введенской церкви хранится крест работы Петра Великого, впрочем, уже достаточно известный по рисункам, помещавшимся в иллюстрированных журналах. Крест имеет около 2 аршин высоты, на нем помещена резная фигура распятого Спасителя; судя по надписи, он сделан Петром в Кончезере[247] во время пользования минеральными водами, и как попал сюда в Старицу, неизвестно. Подобный же крест находится и в церкви, сооруженной Петром на Марциальных минеральных водах близ Кончезера в Олонецкой губернии.

Церковь Святого Иоанна Богослова в Старицком монастыре. Рисунок. 1893

Простившись с о. Виталием, мы прошлись по монастырскому кладбищу, расположенному за соборным алтарем. С северной стороны к собору почти вплотную примыкает церковь, построенная в 1818 году местными помещиками Тутолмиными.[248] Подвал церкви обращен в об-

[246] Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева (1530/1532—1560), первая жена царя Ивана Грозного, мать царя Федора Иоанновича.

[247] С. Кóнчезеро в Кондопожском р-не Республики Карелия.

[248] Троицкая церковь. Тутолмин Алексей Тимофеевич (1769/1770—1823), из дворянского рода, восходящего к XV в. Служил в лейб-гвардии Преоб-

ширный склеп, который прежде сообщался с церковью посредством отверстия в потолке, но потом эта пустота в церковном полу признана неудобною, и отверстие закрыто. В склепе мы видели несколько памятников семейства Тутолминых недурной работы. Сделав наброски древних церквей обители, мы повернули к колокольне, чтобы еще раз взглянуть на палатку Иова. Замечу кстати, что колокольня построена значительно позднее палатки, а именно в 1686 году, как гласит о том надпись на стене.

Схимник встретил нас как старых знакомых и даже благословил просфорою. У него в палатке было несколько больных, пришедших за советом. Беседа старца с больными у гробницы первого русского патриарха имела характер какого-то старинного, наивного простодушия. Подходит к нему крестьянин, еще не старый, но бледный, изможденный и жалуется, что болят ноги, что весь нездоров и внутри что-то неладно.

— Бурчит? — спрашивает схимник.

— Бурчит.

— Ну, это воздушная болезнь! Тут надо молиться да сходить куда-нибудь в монастырь по обещанию. Теснить его надобно. Молебен тоже отслужить можно; этого он боится. Святой водицы раза три в день; это тоже полезно. Вот молитвой-то да святой водой ты его и тесни, и тесни, чтобы ему терпенья не стало.

— Я ведь дома-то как следует быть хозяйствую, и дом у меня, и всё — а тут словно что сделалось: вот уже третья корова недавно издохла, просто беда чистая.

— Вот, вот она с тебя-то и на скотинку кидается. Это болезнь лукавая. Тоже молебен бы отслужил. С крестным ходом можно во двор-то.

— Служили уж.

— Да ты не раз, а раза три в год. Ну, и водицей святой покропить можно, и в воду им водицы-то подлей, и пройдет всё, даст Бог. Тут главное теснить его надобно, теснить, — чтоб поблажки ни в чем не было. Жизнь веди чистую, греши поменьше, да Богу молись, да водичкой-то святой не забывай, вот оно всё и наладится.

Мы вышли из палатки и, оглянувшись еще раз на остававшуюся позади старину, направились к воротам. Теперь, конечно, жизнь монастыря можно назвать скорее прозябанием, но в XVI и XVII столетиях Старицкая обитель была хорошо известна в пределах Московской Руси, имела в Москве на Никитской улице собственное подворье, и еще в половине прошлого столетия за нею числилось до трех тысяч

раженском полку (1778), подполковник Санкт-Петербургского полка (1793). В 1779 г. вышел в отставку в чине генерал-майора. Богатый помещик Тверской и Подольской губ.

душ крестьян. Когда в 1723 году совершалось торжественное перенесение мощей св. Александра Невского из Владимира в Петербург, то в числе высшего духовенства, назначенного для встречи и проводов мощей, не был забыт и старицкий архимандрит. По штатам 1764 года монастырь обращен в штатный 3-го класса и с тех пор начал мало-помалу клониться к упадку.

Введенская церковь в Старицком монастыре. Рисунок. 1893

Мы обошли заволжскую часть города, расположенную около монастыря и состоящую большею частью из деревянных домиков и лачужек. Всё это разбросано по крайне неровной поверхности правого берега и представляет хотя и живописный, но бедный, почти грустный вид. Церквей здесь, впрочем, несколько, есть и Воскресение, и Воздвижение, и Илья Пророк, и Иван Предтеча,[249] но они в общей массе как-то мало заметны, исключая, впрочем, церкви Воскресения, красиво расположенной на берегу Волги почти бок о бок с монастырем, несколько ниже по течению. Нас посылали в часовню, лежащую за городом по московской дороге. Одни говорили, что на месте, где она поставлена, будто бы умер патриарх Иов, возвращаясь из Москвы, другие утверждали, что во время перенесения тела его в Москву на том месте остановились лошади, везшие мощи, и не хотели тронуться с места, когда же их начали понуждать, то они оторвали себе не то подковы,

[249] Воскресенская церковь (1784, придел Благовещения Пресвятыя Богородицы, сохранилась, к северу от Успенского монастыря, руинирована), Богоявленская церковь (1776, приделы Воздвижения Честнаго Животворящаго Креста Господня и Владимирской иконы Божией Матери, не сохранилась, ныне дом культуры), Ильинская церковь (1804, сохранилась, ул. Володарского), церковь Рождества Иоанна Предтечи (1813, приделы Усекновения Главы Иоанна Предтечи и Архистратига Михаила, построены в 1868 г. по плану М. А. Чернятина, не сохранилась, начало ул. Коммунистической).

не то самые копыта — верный признак, что святителю не угодно было расставаться со своею Старицею. Но так как жара была невыносимая, а до часовни приходилось идти до двух верст, то мы рассудили употребить время, которое нам оставалось пробыть в Старице, с меньшею затратою сил и с большею пользою. Нам предстояло еще осмотреть гору, возвышавшуюся за Волгою против монастыря, на которой в свое время была раскинута древняя Старица и где еще оставались следы каких-то зданий, построенных, по преданию, Грозным.

Перейдя на левую сторону и устроив в своей гостинице маленький получасовой отдых, мы отправились на гору. Путь наш лежал мимо кузниц, поставленных на возвышении, позади Пятницкой базарной церкви. Когда-то кузнечное дело и ручная ковка подков, лопат, серпов и проч. были едва ли не главною специальностью города. Теперь всё это прекратилось, и четыре-пять кузниц, виденных нами, представляли собою жалкий остаток прежнего производства.[250]

Поднявшись на гору, мы вышли к собору, уединенно стоящему посреди зеленого луга. За собором, правда, виднеются казенные магазины и несколько других казенных зданий, но они не придают картине никакого оживления, и собор кажется стоящим на пустыре. Собор построен в классическом стиле александровского времени и не представлял бы из себя ничего замечательного, если бы под карнизом его не была вделана надпись, на которую всякому любителю древней русской архитектуры следует обратить внимание. Надпись эта написана на кафельных изразцах и по языку и правописанию относится археологами к концу XVII века. При перенесении ее на карниз нынешнего собора некоторые кафли, вероятно, затерялись, и в надписи недостает нескольких слов. Мы дополним их в скобках по догадкам известного любителя и знатока русской старины г. Мартынова. Вот текст надписи:

«Лета 7066 июля — дня зачат бысть сей храм в городе Старице святых страстотерпцев Христовых князей русских и обою братий по плоти Бориса и Глеба, нареченных во святом крещении Романа и Давида, при державе благоверного государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и при великом князе <Юрии> Васильевиче и Феодоре Иоанновиче всея Руси и при преосвященном митрополите <Макарии>,

[250] Ср. в очерке «Зубцов и Старица»: «Старица издавна славилась своими кузнецами: их косы, серпы и топоры далеко расходились по окрестностям, доставляя мастерам и похвалу, и прибыток. И посейчас еще при подъеме на гору, за церковью св. Параскевы Пятницы, виден ряд местных кузниц, слышен шум раздуваемых мехов и удары молота; но это всё далеко уже не то, что было прежде, когда искусных мастеров на свете было поменьше, когда вся округа на дальнее расстояние только и работала что старицкими инструментами. Близко от Старицы, в крутых берегах Волги, добывается белый известковый камень. Он далеко развозится на судах по Волге и окрестным местам».

тверском <епископе Акакии>, а отделася сия святая церковь в лето 7069 и освящена <на память> великих страстотерпцев и русских князей Бориса и Глеба и святого чудотворца Николая Великорецкого, родителям на поминовение и в память прочим родом, и сему граду на украшение и на утверждение от противных супостатов и всем христианам на спасение».[251] Надпись эта относится к одному из крайне интересных сооружений эпохи Грозного. К сожалению, этот древний памятник нашего древнего зодчества около 1803 года был разобран, и материал его употреблен на постройку нового собора. Если бы местный старожил г. Веревкин не сделал в свое время рисунка с этого храма, мы не имели бы о нем никакого представления, а между тем старицкий Борисоглебский храм мог бы быть назван по стилю младшим братом московского Василия Блаженного. «После церкви в Дьякове и Василия Блаженного, — говорит архитектор Л. В. Даль, — это третий образец церкви XVI века, построенной не по общепринятой у нас форме четырехугольника с тремя абсидами и главою, а в виде кучки из нескольких восьмигранных, башнеобразных строений, служивших каждое отдельною церковью или приделом. Эта форма плана сопровождается на Дьяковской церкви и Василии Блаженном необыкновенно богато распещренными фасадами, не только не похожими на остальные дошедшие до нас русские церкви, но даже и между собою; можно подумать, что вкус русских, освободившихся только что от татар и сделавшихся из подданных властителями, поднялся на короткое время и пустился в изобретательность и новизну, покуда духовенство не вернуло его на старый путь». Фасад Борисоглебского храма сравнительно с Дьяковскою церковью и Василием Блаженным отличался крайнею простотою: пять приделов

Памятник на месте Борисоглебского собора в Старице. Рисунок. 1893

[251] Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Год 5-ый / сост. <и автор рисунков> А. Мартынов; текст И. М. Снегирева. М., 1857.

покрыты пятью гладкими шатрами. Стены были украшены резьбою на камне и цветными изразцами. На восточной стене находилось изображение распятия, составленное из кафельных изразцов. Чтобы представить себе фасад храма в его первоначальном виде, следует откинуть каменную паперть, которою он был окружен, вероятно, не ранее XVII века. (Около этого времени и деревянные лесенки в каждый из приделов Василия Блаженного были заменены общими каменными папертями.) «Наружная обделка этой паперти, — говорит г. Даль, — указывает на еще позднейшую переделку ее, уже в классическое время готических колонн и завитков; при этом, может быть, и забраны пространства под арками и между столбов, бывшие во всех древних церквах открытыми еще при первых царях Романовых, как, например, в селе Коломенском и первоначально в Василии Блаженном».[252] Из надписи видно, что старицкий храм начат постройкою в 1558 году, т. е. через четыре года после Василия Блаженного, и освящен в 1561. Судя по планам, в нем, как и в московском храме, должно было находиться девять престолов в разных этажах, но освящены из них только три, в среднем: главный во имя свв. Бориса и Глеба, правый во имя св. Николая Великорецкого и левый в честь Благовещения.

За нынешним собором поперек горы тянется высокий вал. Древний Борисоглебский храм находился, вероятно, сзади него, потому что каменный столб, сооруженный в память разобранной постройки, находится по ту сторону вала.

Мы направились к этому памятнику. Он поставлен над самым обрывом к Волге, и вид от него на противолежащий монастырь, на церковь Воскресения и на Волгу, красивыми изгибами уходящую вдаль, очень живописен.

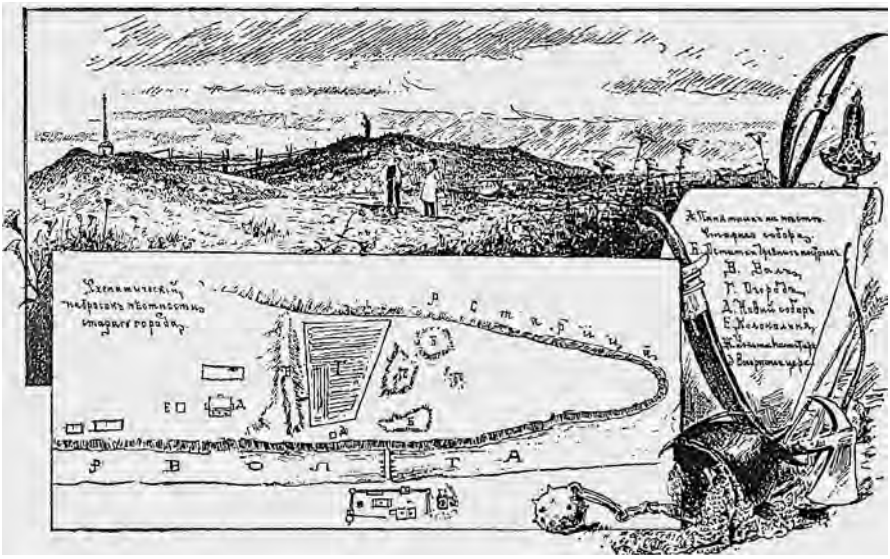
В столбе сделано углубление, в котором помещается икона святых братьев страстотерпцев. Хотя в городе нам и говорили, что памятник поставлен на месте старого собора, тем не менее едва ли можно допустить, чтобы такая крупная постройка могла быть выдвинута на самый откос. Храм помещался, вероятно, против этого места, но несколько дальше от края, быть может, там, где теперь разведен огород.

Пройдя вал, мы уже вступили в черту древнего города.[253] Вершина горы имеет здесь приблизительно форму равнобедренного треугольника,

---

[252] *Даль Л. В.* Историческое исследование памятников русского зодчества // Зодчий. 1872. № 2, 5, 7; 1873. № 1, 5, 11, 12.

[253] Старицкий кремль расположен к северо-западу от современного города, на мысу при впадении р. Верхней Старицы в Волгу. С двух сторон его защищали русла рек и крутые береговые откосы, с третьей оборонительные сооружения. Сохранились два вала и остатки рвов перед ними. Один вал 1297 (основание Старицы князем Михаилом Ярославичем) и 1366 г. (обновление князем



Остатки дворца Иоанна Грозного и схематический набросок местности старого города. Рисунок. 1893

основанием которого служит вышеупомянутый вал. Вдоль одной стороны треугольника протекает Волга, другую образует течение небольшой речки Старицы, а вершину его составляет впадение этой последней в Волгу. Сейчас же за валом тянется большой огород, окруженный плетнем, а за ним находятся фундаменты построек, приписываемых преданием Грозному. Далее — один сплошной громадный пустырь, похожий на какой-то унылый выгон, без кустика, без деревца. Грустно и тяжело было смотреть на эту опустелую местность, где начиная с 1297 года, когда «срублен бысть город на Волзе, ко Зубцову,

Михаилом Александровичем). Другой вал 1390 г. (увеличение площади Старицы в сторону плато). Основные постройки: белокаменный собор Михаила Архангела (1397), белокаменная церковь Николы (1403), 5-шатровый кирпичный Борисоглебский собор (при князе Андрее Ивановиче Старицком, все утрачены). В конце XVII в. кремль окружен стенами из деревянных срубов, забитых глиной и известью, длиной 599,5 сажен, с 13 башнями (2 проездных, 11 глухих, 3 башни имели сторожни, одна — тайник-сход к р. Старице). В середине XVIII в. в кремле три улицы: Дворянская, Торговая и Никольская. Современное городище свободно от застройки. Первые археологические раскопки на территории городища вел И. П. Крылов (1903): вскрыл остатки Борисоглебского и Михаило-Архангельского соборов, церкви Николы, неизвестного гражданского сооружения и белокаменного подвала. В настоящее время выявлен культурный слой от 0,4 до 2 м, вскрыт ряд построек. См.: *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI веков. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

на Старице», и вплоть до XVII столетия кипела жизнь, бушевали страсти, раздавались призывные звуки ратных труб, бряцанье оружия, где люди жили, волнуясь своими крупными и мелкими интересами, работали, трудились... а теперь не только от них, но даже и от самого города не осталось ничего, и только ветер разгуливает по широкой равнине. Мы прошли ее всю и не встретили ни одной живой души; да и кого в настоящее время заинтересует этот голый, печальный пустырь? А между тем Старица в XV и XVI столетиях была довольно заметным городом на Руси. Здесь княжили сыновья великих князей тверских, а после — московских. Иоанн III отдал ее в удел сыну своему Андрею Иоанновичу, который, как мы упоминали выше, возобновил монастырь и перенес его на новое место. Во время малолетства Иоанна Грозного старицкий князь представлял силу, которой побаивались даже на Москве, высылали против него войско и, чтобы захватить его в свои руки, не остановились даже перед клятвопреступлением. Андрей Иоаннович умер в московской тюрьме, и Старица перешла к сыну его Владимиру Андреевичу, но в 1556 году Грозный выменял у своего двоюродного брата Старицу на Дмитров и окончательно присоединил ее к своим владениям. Из числа других городов московской державы Старица почему-то пользовалась особым расположением государя Ивана Васильевича. По преданию, он называл ее Любим-городом и подолгу гащивал в ней на высоком берегу Волги. Здесь он принимал англичанина Дженкинсона,[254] отсюда вел переговоры с Польшею, и здесь же в 1581 году представлялся ему папский посол Антоний Поссевин.[255] Весьма вероятно, что и в постройке Борисоглебского собора царь принимал деятельное участие, желая украсить свой недавно приобретенный любимый городок.

Что касается развалин, находящихся неподалеку от вала, то о них трудно сказать положительно, были ли это постройки Грозного, как говорит предание, или они относятся к другому времени. Остатки построек сохранились в трех местах неподалеку друг от друга. Среднее здание выше и больше других. Остатки его, в виде довольно высокого холма, заметно возвышаются над окрестностью. Если подняться

---

[254] Дженкинсон Энтони (Anthony Jenkinson, 8.10.1529—1610), английский дипломат и путешественник, первый полномочный посол Англии в России. Он четырежды с 1557 по 1571 г. ездил в Россию как посол английских государей и представитель Московской компании, основанной лондонскими купцами в 1555 г. См.: Известия англичан о России XVI в. // ЧОИДР. М., 1884. № 4.

[255] Поссевино Антонио (Поссевин, Antonio Possevino, 1534—26.02.1611), первый иезуит, побывавший в Москве, Твери и Старице (1581). *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918. С. 246; *Литература Тверского края*. С. 137—139.

на этот холм, состоящий главным образом из камня, то в южной его части откроется большое, полузасыпанное щебнем углубление, уходящее под землю. Быть может, это углубление и подало повод преданию утверждать, что здесь были царские погреба. Правее от холма к Волге находятся остатки какой-то продолговатой кирпичной постройки, а левее к старицкому оврагу — фундамент здания совершенно правильной прямоугольной формы. Впереди главного холма, по-видимому, существовала еще какая-то постройка, о чем свидетельствуют беспорядочно разбросанные по земле груды кирпича. Не только эти остатки фундаментов, но и вся вершина горы требуют серьезного исследования и тщательных раскопок. Можно быть вполне убежденным, что труд и издержки не будут здесь потрачены даром.

Едва ли не последним разгромом Старицы следует считать разгром 1609 года, произведенный Зборовским и Шаховским.[256] Незадолго перед тем Старица, присягнувшая ранее Лжедмитрию, снова перешла на сторону Шуйского, и тушинцы решили показать на ней пример своего мщения. Двигаясь к Торжку, пан Зборовский с двумя тысячами литовских людей и князь Григорий Шаховской с тысячью русского сброда свернули через Зубцов на Старицу. От Зубцова они тронулись ночью и утром, подойдя к городу, бросились на приступ. Ратных людей в городе было мало. Видя, что им не удержаться, жители бросились в церкви и заперлись там. Поляки ворвались в город и начали расправу. Они не щадили никого, убивали даже малолетних и самый город сожгли до основания. С этим разгромом связано местное предание, помещенное в житии Иова и касающееся исцеления некоего Иоанна Тулупова, — быть может, родственника известного списателя Четьих-Миней Германа Тулупова. Этот Иоанн заболел лютой болезнью, от которой повредился даже в уме. И вот однажды, незадолго до прихода Зборовского, видит он видение: в Успенском монастыре открываются западные двери соборного храма, и из них выходит сама пресвятая Богородица; справа ее поддерживает святитель Николай, слева — патриарх Иов. И слышит он голос, который повелевает ему идти к воеводе князю Семену Путятину и к протопопу Иоанну с приказанием, чтобы шли они в главную соборную церковь Михаила Архангела, пели бы молебны, святили бы воду, обошли бы с крестным ходом

[256] Шаховской Григорий Петрович (упоминается в 1587—1612), князь, активный участник Смуты. Поддерживал Лжедмитрия I, Болотникова и Лжедмитрия II, затем примкнул к ополчению Минина и Пожарского. Зборовский Александр († 1621), польский полковник на службе Лжедмитрия II, после его гибели присоединился к польской армии С. Жолкевского. См.: Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М.: Современник, 1989. С. 444, 458.

городские стены, и Бог помилует их от нападения литовских и русских воровских людей. Иоанн рассказал домашним о видении и требовал, чтобы его вели к воеводе, но родители его, зная его болезненное состояние, не обратили на это никакого внимания. Через день над городом показались неприятели, «град Старицу обступиша и пожжоша, и люди в нем мечу подклониша, и пожогша соборную церковь во имя Архангела Михаил, и прочие соборные же церкви каменные во имя Николая чудотворца и святых мучеников Бориса и Глеба разориша, и в них множество людей посекоша».[257] Такой же участи подвергся и монастырь с бывшими в нем монахами и народом.[258] Между прочим, неприятели ворвались и в дом Тулупова. Иоанн, связанный в качестве бесноватого, разорвал свои веревки и начал литовских людей «поносить и укорять». Они рубили его мечами, искололи копьями и удалились. Весь тот день с утра до вечера Иоанн пролежал замертво. Ночью он очнулся напротив своего двора на берегу Волги. Рубашка на нем была вся изрублена, исколота и окровавлена, но на теле не оказалось ни одной раны, болезнь прошла, и стал он «здрав и смыслен, яко никоего зла пострада».

Остаток дня мы посвятили на осмотр города, раскинутого под горою и далее на холмах левого берега Волги. Мы спустились к самой Волге, которая имеет здесь очень быстрое течение. Плоты, спускавшиеся вниз, не проходили, а буквально проносились мимо нас, причем правившие ими люди не проявляли ни излишней суетливости, ни беспокойства. Вероятно, здешняя быстрина неопасна. По берегу раскидано много рыбацких хаток. Мы разговорились с некоторыми из рыбаков. По их словам, рыбы здесь не особенно много, но она недорога, значительно дешевле, чем в Ржеве. Рыбаки помнят 1883, коронационный год; тогда улов был хорош, и стерлядь продавалась живая по 30 к. фунт, а чуть уснет — по 17 к. Теперь, когда рыбы стало меньше, цена стерляди доходит гривен до восьми за фунт, но рубль считается уже дорого. В числе рыбаков оказался даже археолог. Он заявил нам, что город прежде имел 60 верст в окружности, относительно же дворца Иоанна Грозного категорично заявил, что дворец строен не им, хотя и должен быть отнесен к его времени. С берега мы снова поднялись в город.

---

[257] Цитата из «Летописной книги» (1626), которая приписывается князю И. М. Катыреву-Ростовскому и отражает основные события Смуты. См.: РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. XIII: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени.

[258] Старица была разорена в 1608 г. (*Арсений, игумен*. Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. Тверь: тип. Губ. правл., 1895. С. 64).

На одной из обширных городских площадей находится приходская церковь Вознесения Господня.[259] Прежде на этом месте был женский монастырь, остатки ограды которого видны еще и посейчас. По преданию, он был основан Иоанном Грозным и существовал до учреждения штатов при Екатерине II. В 1764 году, роковом для многих русских обителей, он был упразднен и обращен в приходскую богадельную церковь, с тем чтобы находившиеся в нем монахини остались при церкви до смерти. Вероятно, монашествующих было уже немного, так как в 1768 при церкви значились только игуменья и три монахини. Вокруг церкви расположено довольно обширное кладбище, оставшееся от монастыря. На нем находится могила монахини Пелагеи, которую жители считают сестрою патриарха Иова. Можно предположить, что во время разгрома Старицы шайками Зборовского и Шаховского сильно пострадала и женская обитель; по крайней мере на одной из надгробных плит у северной стены церкви мы нашли известие о том, что в половине XVII столетия обитель была построена заново. Вот содержание надписи: «Лето от создания мира 7176, от воплощения же Бога слова 1668 года, апреля 9 преставися раба Божия игуменья, знаменоносица и строительница святого места сего Марина Исидорова дочь… <фамилии мы точно разобрать не могли>. Строения же ее в обители сей — церковь каменная, 2 престола: Вознесение Христово, Знамение Богородицы и вся святая обитель сия во граде Старице».

Поздно вечером вернулись мы в гостиницу усталые, но очень довольные симпатичным городком и пережитыми за этот день впечатлениями.[260]

Теперь ближайшею нашею целью была Тверь, куда мы решили проехать по железной дороге. В тот же вечер мы наняли лошадей до станции, находящейся в 10 верстах от города, и содержатель почты дал нам такую красивую, лихую тройку, что когда мы с громом и звоном покатили по улицам, то стоявший у казенного дома здания часовой счел своим долгом сделать нам на караул.

Ямщик оказался из нынешних и только что выехал из города, как пустил лошадей шагом и попросил у нас «папиросочку».

---

[259] Церковь Вознесения Господня бывшего Вознесенского женского монастыря (XVI в., 1627—1686, сильно пострадал в Смутное время; 1755—1763, придел иконы Божией Матери Знамение, городской сад Старицы, ул. Гусева). По преданию, Вознесенский женский монастырь основан Иваном Грозным, первой настоятельницей была инокиня Пелагия. В 1764 г. монастырь упразднен, Вознесенская церковь стала приходской.

[260] Ср. в очерке «Зубцов и Старица»: «Не велик и не славен теперь город Старица, но много воспоминаний пробуждает он в душе русского человека».

V. Тверь

Тверь городок — Москвы уголок.
Пословица[261]

От вокзала до города считают около трех верст, но в действительности оно кажется меньше, по крайней мере мы проехали его незаметно, рассматривая город, длинною лентою развертывавшийся перед нами с своим собором, дворцом, церквами, казенными зданиями и другими постройками, перемешанными с густыми массами зелени садов и бульваров.

Воздвигнутый из пепла после страшного пожара 1763 г. волею и щедротами Екатерины, город в конце прошлого столетия считался одним из лучших и благоустроенных провинциальных городов. Эти признаки благоустройства остались в Твери и до нашего времени; всё здесь чисто, прилично, каменные постройки, окрашенные в казенный желтый цвет, расставлены, видимо, по заранее обдуманному плану, бульвары разбиты правильно, главная улица, Миллионная, широка, и ее прямая линия разнообразится тремя симметрично расположенными площадями со зданиями присутственных мест, почтовой конторы и пр. Но на площадях этих между булыжником пробивается трава, вид их пустынен и уныл, в самом центре города так же тихо, как и на окраинах, нет движения, нет жизни, город точно дремлет, точно застыл в ожидании чего-то. Таково впечатление, производимое Тверью на свежего, приезжего человека.

Оставив вещи в гостинице, мы тотчас же отправились ближе знакомиться с городом и начали осмотр с собора. Миллионная улица привела нас к длинному двухэтажному зданию дворца, построенному подле собора, и уперлась в широкий пустырь, на котором одиноко стояла ветхая церковь Николы в Капустниках. Пустырь одною стороною выходил на Волгу, а другою спускался к речке Тьмаке, за которою на пригорке, почти против первого Николы, возвышался второй Никола, называемый в Зверинце.[262]

---

[261] Об этой поговорке см. в путешествии А. Н. Островского.

[262] Речь идет об ансамбле на территории Соборной пл.: Спасо-Преображенский собор, Путевой дворец, церковь Николая Чудотворца в Капустниках (старая деревянная 1660—1670-е, перестроена 1760-е, закрыта в 1931) снесена при расширении стадиона «Химик» в 1954, западная часть площади рядом с огородами. Каменная церковь Николая Чудотворца в Зверинце с приделами свт. Арсения и прп. Нила Столобенского (на месте деревянной, нач. 1740-х, главный престол освящен в 1754, каменная колокольня 1767, закрыта после 1934) снесена при строительстве мемориального комплекса в честь победы в Великой Отечественной войне.

Церковь Николы в Капустниках в Твери. Рисунок. 1893

Хотя от прежней Твери в этом месте не осталось ничего, кроме собора и двух сравнительно недревних Никол, но благодаря писцовым книгам и исследованию почтенного археолога Н. Н. Овсянникова[263] мы можем хотя в общих чертах представить себе внешний тип и расположение города в XVII веке. Местность, окружающая собор, была занята крепостью, или собственно городом. В конце XVII века мы застаем ее рубленною по осыпи, окруженною земляным валом, тыном и рвом. Этот детинец был очень невелик и охватывал собою только место под нынешними, ближайшими к собору зданиями. Он был окружен с одной стороны Волгою, с другою — Тьмакою, а с третьей — глубоким рвом, прокопанным от Тьмаки к Волге, причем нынешняя Миллионная, прежде Вознесенская, улица почти целиком оставалась за стеною и находилась уже в так называемом Загородском посаде. В крепость вели четверо ворот: Владимирские, Благовещенские, Волжские и Тьмацкие. По книгам известно, что Владимирские ворота были сооружены из камня в 1674 году на средства архиепископа Иоасафа, который около того же времени построил и нынешнею церковь Николы в Капустниках. Ворота имели 9 сажень вышины и были украшены иконописью: на наружной стороне — «Предста ца-

[263] Овсянников Николай Николаевич (1834—1912), директор классической гимназии, член Тверской ученой архивной комиссии (1887), этнограф, археолог и историк Твери, автор воспоминаний. См.: *Овсянников Н. Н.* 1) Отрывки из исследования по древней Твери // Журнал ТУАК. 1888. 15 декабря. № 19; 2) Тверь в XVII веке: исторический и археологический путеводитель по г. Твери. Тверь, 1889.

рица одесную Тебе», на внутренней — «Спас во облаце» с предстоящими тверскими святыми. Затворов у ворот не было; по обе их стороны были приделаны каменные стены, но не далее как на 2 сажени, и затем начинался деревянный тын — эти ворота находились на нынешней Миллионной улице. Благовещенские ворота помещались между Владимирскими и Тьмацкими и получили название от соседней Благовещенской церкви, бывшей в детинце. Подле них, по словам писцовой книги, была караульная изба, «а в ней были стрельцы на карауле». В книге увековечена даже соборная просвирня Анютка, жившая подле этих ворот; у нее было три сына: Друганка, Максимка да Трешка, а подать они давали архиепископу. Тьмацкие и Волжские ворота выходили на Тьмаку и Волгу. Около Тьмацких ворот стояла архиепископская мельница.

Главное место в городе принадлежало, конечно, собору св. Спаса Златоверхого. За алтарем собора находился Афанасьевский монастырь, в котором окончил дни свои, утомленный борьбой с москвичами, князь Михаил Александрович (1399 г.). С северной стороны к собору примыкали здания владычного двора, построенного в XVII веке архиепископом Иоасафом из камня, после того как прежний владычный двор сгорел во время пожара 1661 года. Этот владычный двор тянулся от собора почти сплошною линией до самых Волжских ворот, в состав его входили: дворы конюшенный и житный, кельи архиерейские, казначейские и братские, столовая палата, приказ судный и казенный, хлебня, поварня, погреб и ледник; «на сенях» была устроена Иоасафом каменная церковь Происхождения честных древ Креста Господня.[264] Теперь вся местность владычного двора занята дворцом и примыкающим к нему садом. Здесь же неподалеку были дворы соборного причта и подворья монастырей: Старицкого, Отроча, Желтикова и других. Палаты князей тверских находились недалеко от собора, по всей вероятности на юг от него, быть может на том месте, где возвышается теперь здание тверской гимназии. В московские времена внутри города появились воеводский двор и приказная изба. Писцовая книга 1685—1686 года сохранила нам и цифры, дающие понятия о величине этих построек; так воеводский двор занимал площадь в 19-ть сажень длины и 16-ть ширины, а съезжая, или приказная, изба — 7-мь сажень в длину и 5-ть в ширину. Кроме Афанасьевского монастыря в городе находился еще другой — Троицкий, но в 1626 году он помечен

[264] *Салимов А. М.* Церковь Происхождения честных древ Креста Господня в тверском Кремле // Великое прошлое: труды научной конференции, посвященной 750-летию великого княжества Тверского и 725-летию Тверской епархии (23 декабря 1997 г., г. Тверь). Тверь: Герс, 1998. С. 79—101.

«запустевшим издавна». Остальное пространство города было занято дворами бояр и служащего люда, амбарами, торговыми лавками, полулавками и скамьями.

Если нынешний собор, построенный в конце XVII века, не представляет интереса глубокой древности, зато о месте, на котором он поставлен, можно смело сказать, что оно «земля свята есть». Искони на этом месте находилась главная духовная твердыня города, сначала (около 1271 г.) деревянный собор св. Козьмы и Дамиана, потом, в 1285 году, при князе Михаиле Ярославича и епископе Симеоне, заложен каменный Преображенский храм — Спас Золотоверхий, разобранный за ветхостью в XVII столетии. Нынешний собор построен архиепископом Сергием в 1682 г. по образцу московского Успенского собора. Его пять глав, увенчанные массивными золочеными крестами, окрашены в синюю краску, на которой, как на небе, разбросаны яркие золотые звезды. Такое украшение глав мы видели на многих церквах Тверской губернии. Против юго-западного угла находится высокая трехъярусная колокольня, построенная около половины прошлого столетия. На ней вместе с новыми колоколами находятся и три старых: первый — времен Алексея Михайловича, второй — Михаила Феодоровича и третий — времен Грозного с упоминанием на надписи имени св. Анастасии.[265]

Тотчас же при входе в собор мы увидели изображение князя-мученика Михаила Ярославича. Икона писана масляными красками и принадлежит, несомненно, новейшему времени, но на ней передан тип князя, взятый со старинной иконы. Облик святого настолько характеристичен, настолько чужд всякой условности, что, несмотря на разделяющие нас 500 лет, в голову невольно приходит мысль о точном портрете князя. Если древняя икона и не может быть почему-либо отнесена к XIV веку, то она легко могла быть скопирована с более древнего оригинала, написанного вскоре после мученической кончины князя. Наружность Михаила Ярославича, судя по изображению, отличалась крайним добродушием. Этот высокий, открытый лоб, переходящий в заметную лысину, курчавые волосы, негустая и недлинная борода, не прикрывающая и подбородка, небольшие, слегка опущенные усы — всё это мало заключает в себе героического и воинственного, но в светлых, открытых глазах, в спокойных, почти мягких линиях бровей, в контуре губ и общем выражении лица читаешь какую-то добросердечную простоту и, несмотря на сухость древнего рисунка, чувствуешь приятный, симпатичный облик тверского князя.

---

[265] См.: *Салимов А. М.* Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994.

Но вот и сам он покоится в нескольких шагах от нас у стены, подле правого клироса. Измученные, истерзанные останки доблестного борца за Тверь хранятся теперь в богатой серебряной раке. Когда находишься пред этою священною гробницей, невольно припоминаются последние минуты страдальца в роковую среду 22-го ноября 1318 года.[266] В этот день утром князь, уже осужденный татарским судом и предчувствуя близкий конец, пожелать приобщиться Св. Таин. Сопутствовавший ему игумен отпел заутреню и часы, после чего начал правила ко св. причащению, но князь пожелал сам прочесть его и, взяв книгу, стал читать с умилением и слезами. Причастившись, он подозвал к себе двенадцатилетнего сына своего Константина и начал с ним предсмертную беседу. Он говорил о княгине, об остальных сыновьях, посылал им последний привет, распределял между ними свои владения, говорил о боярах и о тех, «иже с ним быша и до меньших, не веля презрети их». Окончив беседу, князь поник головою и глубоко задумался, приготовляясь к ожидавшим его мученьям.

— Прискорбна душа моя до смерти, — вымолвил он и велел подать себе Псалтырь, духовные песни которого не раз служили ему утешением в скорби. Князь открыл 54-й псалом. — Внуши, Боже, молитву мою и не презри моленья моего, — раздался среди тишины его голос.

Игумен, два священника и бывшие с князем в орде тверские бояре молча стояли в сторонке, глядя на страдальца, томившегося и духовно, и телесно под тяжестью давившей ему шею и плечи деревянной колодки.

— Сердце мое смятеся во мне, и боязнь смерти нападе на мя, — читал Михаил далее, — страх и трепет прийде на мя и покры мя тьма.

Он остановился.

— Что предвещает мне этот псалом? — обратился он к священникам.

— Тебе ли, князь, не знакомы эти псалмы? — успокаивали священники, боясь еще более смутить страдальца. Они перевернули лист и указали на слова в конце псалма: «возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает и не даст вовеки смятения праведнику».

Лишь только Михаил, окончив чтение, закрыл книгу, как в палатку вбежал бледный, дрожащий отрок.

— Господин князь! — заговорил он, — идут от хана Кавгадый и князь Юрий Данилович со множеством народа прямо к твоей веже.

Михаил Ярославич быстро поднялся и заметил со вздохом:

---

[266] Многочисленные изложения последних дней жизни князя Михаила Ярославича Тверского см.: Михаил Тверской: тексты и материалы / сост., вступ. ст., переводы, подгот. текстов, прим. М. Строганова, О. Левша. 2-е изд. Тверь: Золотая буква, 2005.

— Знаю, зачем идут — убить меня.

Он наскоро отправил Константина к ханше, а сам стал творить последнюю молитву.

Кавгадый и Юрий остановились на торгу, неподалеку от палатки Михаила, сошли с коней и послали убийц для совершения казни…

Дикая, возмутительная картина встает перед глазами! Убийцы врываются в шатер, разгоняют людей и начинают бить Михаила, дергают за колодку из стороны в сторону и, наконец, бросают его об стену вежи с такою силою, что вежа проламывается. Михаил вскакивает на ноги, его снова валят на пол, нещадно бьют пятами, ударяют головой о землю. Наконец один русский, быть может москвич по имени Романец, выхватив большой нож, ударяет князя в ребра и вырезывает сердце. Вежа разграблена, люди Михаила обобраны, избиты, закованы. Когда Юрий с Кавгадыем входят в шатер, тело мученика нагое лежит на полу.

Увидав этот опозоренный труп, даже Кавгадый пришел в ярость и закричал на Юрия:

— Не брат ли он тебе старейший, как отец! Зачем же тело его лежит нагое?

Юрий велел своим прикрыть тело. Через несколько времени останки князя были отвезены в Москву и некоторое время находились при церкви Спаса на Бору, пока наконец тверичи не выпросили их у Юрия и не перенесли на родину.

На двух из центральных столбов тверского собора находятся два изображения последних минут благоверного князя. На первом мы видим его предсмертную молитву, на втором — момент самой кончины мученика. Картины эти написаны в 1838 году по благословению Тверского архиепископа Григория.[267] Помимо своего содержания, картины обращают на себя внимание и художественностью исполнения. Профессор С. П. Шевырев, заехавший в Тверь на обратном пути из Кирилло-Белозерского монастыря в 1847 г., упоминает об этих изображениях и автором их называет ученика московской школы живописи, свободного художника Орлова.[268] На нашем рисунке мы поместили главную группу из предсмертной молитвы, а над нею вверху вид древней тверской крепости со св. Спасом Златоверхим с вышеупомянутой старинной иконы, сохранившей нам тип Михаила Ярославича. Икона эта хранится в соборе. На ней вместе с князем изображена

---

[267] Григорий (Георгий Петрович Постников; 1.11.1784—17.07.1860), архиепископ Тверской и Кашинский (28.07.1829—1.03.1848), митрополит Новгородский, Петербургский, Эстляндский и Финляндский (1856—1860), первоприсутствующий член Святейшего Синода. Богослов, борец со старообрядчеством, основоположник церковной периодической печати в России.

[268] См. путешествие С. П. Шевырева: *Тверь 2*, с. 295.

и его матерь Ксения, а посредине, поддерживаемая их руками, — тверская крепость.

Под собором схоронены многие тверские князья с своими супругами, как-то: первый князь Твери Ярослав Ярославич, казненный в Орде Александр Михайлович, Михаил Александрович Микулинский, Иван Всеволодович Холмский и другие.

Светлый, просторный собор и внутри производит такое же приятное впечатление, как снаружи. По стенам всюду живопись на библейские и евангельские сюжеты, а внизу целая портретная галерея тверских архипастырей.

У южной стены, неподалеку от гробницы Михаила Ярославича, помещается большой нерукотворенный образ Спасителя, хорошего письма и, по-видимому, древний. Интересно, что до 1839 года образ этот находился в питейном доме села Кимры и привлекал массу богомольцев. Хотя чудотворений от него нигде записано не было, но в народе жило непоколебимое утверждение, что образ чудотворный, и молящиеся наполняли кабак. В 1836 году тверской архиепископ Григорий, впоследствии митрополит С.-Петербургский, обратил на это внимание и нашел, что место для поклонения святой иконе не совсем удобно. Оказалось, что кимряки давно уже хотели перенести ее в церковь и еще в 1825 году входили о том с прошением в тверскую казенную палату, но прошение оставлено без последствий на том основании, что икона принадлежит казне. Кимряки терпели несколько лет, но наконец не выдержали и собрали 50 рублей, долженствовавшие возместить казне ценность иконы и ее украшений. Деньги были приложены к прошению, но результат получился тот же. Наконец, в 1836 году за дело взялся сам владыка и поручил хлопоты своей консистории, но и консистория получила от палаты вежливый отказ. А икона попрежнему стояла в кабаке, доставляя порядочный доход целовальнику. Мало того, нашлись в Кимрах добрые молодцы, которые благодаря иконе придумали хотя и несложную, но довольно прибыльную спекуляцию. Известно, что простой народ мало знаком с употреблением бумажников и портмоне. Еще покойный М. Е. Салтыков заметил, что у мужика сапоги — «всё одно что ломбард»,[269] но иногда ломбард этот из голенища переносится в платок, который обыкновенно помещается в шапке. И вот как только наступало воскресенье или другой праздничный день, когда окрестные крестьяне съезжались на рынок, причем каждый из них считал долгом побывать и в кабаке, добрые молодцы

[269] Ср.: «...научен доктор долголетним опытом и практикою, что у мужика сапоги все одно что ломбард» («Губернские очерки», очерк «Скука»; *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 2. С. 227).

с раннего утра занимали свои места подле дверей. Лишь только простодушный посетитель отворял дверь и вваливался в заведение, как неизвестная рука мигом срывала с него шапку и швыряла ее на улицу, где ее тотчас же подхватывали другие таинственные, но ловкие руки. Шапка пропадала бесследно, а мужичку читалась приличная нотация, что не следует входить в шапке в помещение, где есть такая святая икона. Впрочем, не все посетители попадали в эту ловушку; более осторожные успевали и сохранить шапку, и помолиться, и даже пожертвовать свою добровольную лепту на икону, но эти деньги нигде не записывались, никем не проверялись, часто бросались в ящик за стойку или валялись просто на полу. Присутствие иконы, конечно, не удерживало посетителей от криков, песен, брани и т. п. — словом, дело не могло оставаться в таком положении. Потерпев неудачу в палате, консистория обратилась в губернское правление с утвержденным владыкою постановлением об отобрании св. иконы из неприличного и безобразного места ее нахождения. Губернское правление отнеслось в казенную палату с предложением сделать соответствующее распоряжение, а палата передала всё дело на рассмотрение департамента разных податей и сборов. Неизвестно, чем бы окончилась вся эта история. Но неутомимый владыка Григорий перенес дело в Синод, и только после того, как обер-прокурор Синода граф Протасов снесся с министром финансов, икона была наконец передана в духовное ведомство и помещена на свое нынешнее место в тверском соборе.

Взглянув еще раз на симпатичные черты Михаила Ярославича, мы вышли из собора и направились под гору к Волге. Слева тянулся вышеупомянутый пустырь, упирающийся в Тьмаку, справа начинались за собором здания дворца, переделанные около 1780 года из архиерейского дома, находившегося на месте прежнего владычного двора. От дворца спускался к Волге красивый и обширный Дворцовый сад.

Дворец, в смысле постройки, не отличается ни размерами, ни особым изяществом, но он интересен для нас по некоторыми соединенными с ним воспоминаниями. В начале нашего столетия здесь поселился принц Ольденбургский, назначенный на пост новгородского, тверского и ярославского генерал-губернатора.[270] Супруга его великая княгиня Екатерина Павловна, как известно, была большая поклонница искусства и просвещения и горячо покровительствовала всем благим начинаниям в науке и литературе. Грандиозный труд «История государства Российского», которому с 1803 года посвятил себя Карамзин, конечно, не мог не привлечь к себе горячих симпатий великой княгини. Историограф несколько раз был в Твери и неоднократно гостил

[270] См. об этом: *Тверь 2*, с. 82–103.

во дворце в продолжение 1810, 1811 и 1812 годов. «Не могу изъяснить тебе, — пишет он другу своему И. И. Дмитриеву, — как великая княгиня и принц ко мне милостивы. Я узнал их несравненно более прежнего (писано в феврале 1811 г.), имел случай ежедневно говорить с ними по нескольку часов между наших исторических чтений. Великая княгиня во всяком состоянии была бы одною из любезнейших женщин в свете; а принц имеет ангельскую доброту и знания необыкновенные в некоторых частях». Погрузившийся вглубь веков всей душой, всем существом своим, впечатлительный, склонный к сентиментализму историк поддался обаянию старины, обаянию древней, исконной Руси, охладел к реформам Петра, нарушившим, по его мнению, терпеливое, медленное, но прочное развитие государства, и под этим же консервативным углом зрения взглянул и на современную ему эпоху первых лет царствования Александра I. Взгляды Карамзина очень понравились великой княгине, и она просила его изложить их письменно. Историограф написал свою «Записку о древней и новой России», в которой отнесся с недоверием к реформам молодого императора. Когда весною 1811 года Александр I был проездом в Твери, великая княгиня Екатерина Павловна устроила в присутствии императора чтение некоторых глав из истории, продолжавшееся более двух часов, после чего Карамзин познакомил государя с содержанием своей «Записки». По замечанию М. П. Погодина, биографа Карамзина, государь взглянул на записку как на выражение недовольства целой партии и вначале было прогневался на Карамзина, но потом явно охладел и к Сперанскому. В письме к Дмитриеву сам Карамзин упоминает об этой беседе в следующих словах: «Говорил с ним немало, и о чем же? О самодержавии!! Я не имел счастья быть согласен с некоторыми его мыслями, но искренно удивлялся его разуму и скромному красноречию».[271] Но, помимо ученых и литературных занятий, великая княгиня и ее супруг интересовались и общественной жизнью Твери. В воспоминаниях Е. Ф. Тимковского, помещенных в «Киевской старине», говорится об их стараниях сплотить и оживить местное общество, «весьма равнодушное к связям дружбы и общежития».[272] Но тверские именитые граждане, по-видимому, были тяжелы на подъем. «Бывало, — пишет г. Тимковский, — не дозовутся их на придворные вечера или балы, так что, сверх пригласительных

[271] См.: Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. Ч. 1—2. М.: тип. А. И. Мамонтова, 1866.

[272] Тимковский Егор Федорович (1790—1875), тайный советник. В 1813—1815 гг. служил в главном управлении путей сообщения, находившемся тогда в Твери. См.: *Тимковский Е. Ф.* Воспоминания // Киевская старина. 1894. № 4. С. 20—25.

билетов, не раз должны были еще посылать камер-лакеев с каретами, чтобы притащить дородных купцов с разрумяненными их женами, как возят в столицах актеров и актрис». Дочерей своих купечество держало по-старинному взаперти. В 1813 году, к которому относятся тверские воспоминания г. Тимковского, им дозволялось только одно публичное гулянье, но зато продолжавшееся целый месяц. «С 1 июля по 1 августа, — говорил он, — почти ежедневно, и в полдень и вечером, они оставляют свои терема и в лучших нарядах, истинно русских, появляются хороводами то на улице, то у своих домов, чтобы, как говорится, себя показать и людей посмотреть. По захождению солнца во всех концах города раздаются их громкие веселые песни. Но как собрание девиц не может, да и не должно быть без кавалеров, то и длиннополые кандидаты супружества, то есть суженые, тут как тут. Впрочем, сколько помню, всё шло чинно, благопристойно, в своем виде и порядке, что подтвердить могут и все бывшие там наши братья, кургузые зрители». Обычай народных гуляний существует в Твери и по настоящее время, причем главным образом поводами к гуляньям служат крестные ходы и храмовые праздники в разных частях города.

Идя вдоль решетки Дворцового сада, мы вышли на Волгу, и Тверь развернулась перед нами во всей своей красе. Весь город был как на ладони. План его очень незамысловат. Вправо от нас вдоль Волги тянулась городская часть, составляющая казовую сторону Твери и заключающая в себе собор, дворец, присутственные места и лучшие улицы. Левее от нас, за пустырем, находилось устье Тьмаки, а далее, вверх по Волге, тянулось так называемое Затьмачье; таков план правого берега. На левом, против нас, окутанная в зелень, была расположена Заволжская часть, вправо, ниже по течению, виднелось устье Тверцы с Отрочим монастырем, а за Тверцою четвертая часть города — Затверечье. Плашкоутный мост соединял оба берега.

Отложив посещение остальных частей города до вечера, мы продолжали ознакомление с городской частью и направились вдоль берега вниз по течению. Тянувшаяся справа решетка Дворцового сада образовала в одном месте небольшой выступ, на котором устроена площадка и поставлены скамьи для отдохновения и наслаждения отсюда панорамою города и Волги. Но если вид с площадки доставляет истинное наслаждение, то не менее наслаждались мы в этом месте и видом сада с его изящною по рисунку, пышною, бархатистою зеленью, над которою высоко в небе горели кресты тверского собора, а синие купола его, выглядывая из-за деревьев, сверкали сотнями золотых звезд — чисто русский, характерный мотив!

Через несколько минут мы подошли к обрыву на месте древнего рва, соединявшего Волгу с Тьмакою и составлявшего с этой сторо-

ны границу городских укреплений. Замечу здесь кстати, что попытка возобновить тверские укрепления была сделана в начале прошлого столетия. Укрепив Новгород, Петр I прислал и в Тверь «математических наук учителя», известного Леонтия Филипповича Магницкого для приведения города в оборонительное положение, но Магницкий пробыл здесь всего три месяца, возвел несколько фольверков и уехал. На том дело и остановилось, и фольверки мало-помалу были размыты водою, так что от них остались только самые незначительные следы.[273]

За Дворцовым садом, окончившимся подле рва, потянулись вдоль Волги сады Губернаторский и Общественный; между ними находится спуск к плашкоутному мосту. В Общественном саду построен очень недурненький двухэтажный ресторан, с верхнего балкона которого открывается прекрасный вид на Волгу и на берег с мостом, где заметно более оживления, чем в других частях города.

Глядя на этот берег с снующим по нему простым людом, невольно переносишься мыслью к концу прошлого столетия, и в воображении возникает скромная, но интересная жанровая картинка. Простой люд, бурлаки, судорабочие, так же как и теперь, снуют по берегу, на Волге бабы полощут белье, шум и говор далеко разносятся над водою, а неподалеку в траве лежит бедно одетый мальчик лет пятнадцати и чутко прислушивается к окружающему его выразительному, меткому народному говору. Этот мальчик — Иван Андреевич Крылов, проведший в Твери свое детство и даже начавший здесь службу в качестве писца сначала в коммерческом уездном суде, а потом в тверском магистрате. Отец его Андрей Прохорович, переселившийся после пугачевщины в Тверь, умер в 1779 году, оставив семью без всяких средств к жизни, и Иван Андреевич, еще не имея четырнадцати лет от роду, должен был поступить на службу. В Твери он написал свою «Кофейницу», в которой яркою искоркою сверкнул его своеобразный, крупный талант. Служа в управе и магистрате, Крылов особенно любил посещать в свободное время этот берег Волги и проводил здесь по нескольку часов кряду, прислушиваясь к народной речи. Он не забывал во всю жизнь этих посещений и даже в старости рассказывал о них своим друзьям. Кто знает, не на этом ли берегу образовался тот характерный, меткий крыловский язык, которому мы удивляемся в его баснях?[274]

Впереди за Общественным садом показалась Самолетская пристань и целый ряд домов, построенных по набережной вдоль Волги

---

[273] О Л. Ф. Магницком см. в путешествии Боголюбовых.

[274] Ср.: *Жизневский А. К.* 1) Приобретения Тверского музея. <...> г) записная книжка И. А. Крылова // Журнал ТУАК. 1890. 27 сентября. № 29. С. 11; 2) Поминки по Ивану Андреевичу Крылову: читано в заседании Тверской ученой архивной комиссии. Тверь: тип. Губ. правл., 1895.

в стиле конца прошлого столетия. Дома очень похожи один на другой и сохранились в том виде, в каком были построены при Екатерине после пожара 1763 года.[275]

Мы повернули от Волги на Миллионную и вышли к гостиному двору неподалеку от Общественного сада, построенному также после пожара на месте старого гостиного двора, упоминаемого в писцовых книгах.[276] В XVII столетии вся нынешняя городская часть, за исключением крепости, составлявшей город в собственном значении слова, была занята Загородским посадом. Если воеводский дом и приказная и губная избы, имевшие значение нынешних присутственных мест, находились в самом городе, то здесь, на посаде, сосредоточивалась главным образом торговля, в вышеупомянутом гостином дворе, и городская уездная управа, вершившая дела в так называемой земской избе, тут же поблизости находился и неизбежный кружечный двор. Всё это помещалось на нынешней Миллионной, неподалеку от Владимирских ворот.

Второю улицею в городе после Миллионной считается Мироносицкая.[277] Мы прошлись и по ней, но ни церковь Св. жен мироносиц, давшая ей имя, ни сама улица, кроме красивого протянутого вдоль нее бульвара, ничего особо замечательного в себе не заключают. На бульваре сидела торговка с серыми, запыленными пряниками и леденцами. Убогий товар был разложен на лотке, причем подстилкою ему служила музыкальная пьеса с именем *Henri Wieniawsky*.[278] *Sic transit Gloria mundi*![279]

В заключение обозрения этой части Твери мы отправились взглянуть на Татарские горы, находящиеся на окраине города, на которых, как думают, в свое время располагались станом в шатрах ханские баскаки, непривычные к комнатному воздуху.[280] Извозчик провез нас в другой конец Миллионной, где к ней примыкают кузницы

---

[275] Часть современной наб. Степана Разина между Тверским просп. и ул. Трехсвятской.

[276] Ныне Свободный пер.

[277] Ныне б-р Радищева. См. путешествие Боголюбовых.

[278] Венявский Генрик (*Henryk Wieniawski*; 10.07.1835—31.03.1880), польский композитор еврейского происхождения. В 1848 г. давал концерты в Петербурге и Москве. Солист императорского двора и театров в Петербурге (с 1860), профессор Петербургской консерватории (1862—1865). Среди наиболее популярных пьес «Фантазия на русские темы» и «Souvenir de Moscou» («Московский сувенир»).

[279] Так проходит мирская слава! (*лат.*).

[280] О кладбище при церкви Смоленской иконы Божией Матери на юго-восточной окраине Твери с начала XVIII в., где находились Татарские горки, см. в путешествии И. А. Дмитриева: *Тверь 2*, с. 205.

и постройки Ямской слободы, расположенной на Московском шоссе, и вскоре остановился у пригорка, на котором поставлена церковь во имя Смоленской Божьей Матери и раскинуто кладбище.

— Если вам татар нужно, — заметил он, — так их туда подальше хоронят, вон к тому концу.

На кладбище мы встретили несколько стариков и старух, но никто из них ничего не мог сказать ни про Татарские горы, ни почему они так называются, и даже самое название было им мало знакомо. Все называли гору просто Смоленским кладбищем, а когда мы заговаривали о татарах, то старики, подобно извозчику, указывали нам на отдаленный конец кладбища, замечая, что там их действительно хоронят. Неужели память о Татарских горах осталась только в книгах?

VI. Затьмачье

Остальную половину дня мы употребили на осмотр местности, расположенной за рекою Тьмакою.

В начале XVII века эта часть города, носившая название Затьмацкого посада, заключала в себе 13 улиц, 26 церквей и 6 монастырей, теперь же во всех четырех частях Твери насчитывается не более 34 церквей, а из 6 затьмацких монастырей уцелел только один.

Пройдя пустырь, раскинувшийся подле собора, мы спустились к Тьмаке и очутились подле самого ее устья. Впереди был мост, соединяющий Затьмачье с центром города, а на той стороне, почти под самым мостом, возвышалась церковь Николы в Зверинце, указывающая своим названием на существование здесь в стародавние, былые времена зверинца тверских князей, дворец которых находился неподалеку, близ собора. Здесь же, не в дальнем расстоянии от церкви, существовал в древности и татарский двор, где останавливались татарские баскаки и другие приезжие ордынцы. Существование этого двора за Тьмакою не исключает возможности допустить предание и о Татарских горах в городской части, где татары могли раскидывать свои шатры летом, оставляя за собою право пользования двором в зимнее время.

На самом устье Тьмаки, всего в 65 саженях от Никольской в Зверинце церкви, находился в старину небольшой островок и на нем — известный когда-то в Твери Федоровский монастырь.[281] Время его

[281] Монастырь св. Феодора Стратилата (собор 1326) находился на острове в устье Тьмаки, на этом месте сейчас стоит часовня Михаила Тверского за обелиском Победы. См.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Т. III: Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб.: Синод. тип., 1897.

Тверь. Церковь Николы в Зверинце и Самолетский док. Рисунок. 1893

основания, по всем вероятиям, следует отнести к XIV веку, по крайней мере мы знаем, что церковь его во имя Федора Стратилата построена в 1323 году каким-то цареградским игуменом Иоанном. По-видимому, этот чужеземный инок не был единственным восточным пришельцем в обитель. В ватиканской библиотеке хранится греческая рукопись XIV или XV века, писанная, судя по надписи, в Твери в Федоровском монастыре некиим Фомою сирианином. Вероятно, в Смутное время монастырь потерпел от поляков, потому что в начале XVII столетия мы застаем церковь его стоящую без кровли, а из построек находим только три кельи: архимандритскую и две «крестьянских». Во времена Алексея Михайловича Никон, неоднократно проезжая через Тверь в свой новопостроенный Иверский монастырь, просил царя отдать ему Федоровскую обитель для приезда. Просьба была уважена, и монастырь по низложении Никона остался за патриаршим домом. В начале прошлого столетия монастырь получил название училищного, так как в нем была основана первая школа в Твери. Указом 1724 года Петр I отдал его архиерейскому дому для устройства школы, в которой бы получали образование дети духовного звания. Но к концу столетия обитель пришла в такую ветхость и упадок, что бывший тогда ректором Тверской семинарии св. Тихон Задонский вошел в консисторию с предложением перенести из монастыря все церковные вещи в соборную ризницу, так как воры уже покушались ограбить церковь и испугались только криков монастырского сторожа. Вероятно, что в это время в монастыре не было уже ни школы, ни достаточного числа братии, потому что в ответ на предложение ректора в 1773 году после-

довала резолюция преосвященного Платона: церковные вещи передать в соборную ризницу, а самую церковь за ветхостью продать на слом. Но покупатели давали такие незначительные суммы, что эконом архиерейского дома разобрал церковь хозяйственным способом и материалы отвез в Трехсвятское, резиденцию тверских архиереев, — и остались на месте монастыря только груды щебня да могилы иноков. Волга в весеннее время размывала порою эти могилы. Многие из гробов оказались сделанными из старицкого камня, и одна такая каменная гробница хранится в Тверском музее.

Теперь нет даже и острова, на котором помещалась обитель. Пароходное общество «Самолет» в 1857 году соединило его с берегом, и местность получила совсем другой облик. На месте бывшего зверинца существовала впадина, быть может, искусственный пруд. Общество «Самолет» углубило ее и устроило на этом месте док для своих пароходов, оградив его со стороны Волги валом, соединяющим монастырский остров с левым берегом Тьмаки. На устье реки устроены три шлюза для ввода пароходов в док. На берегу поставлены несколько домиков, в которых помещается управление и мастерские. Док может вместить в себе до 22 пароходов.[282]

Сделав набросок устья Тьмаки и прилегающей к нему местности, мы поднялись на пригорок к церкви Николы в Зверинце. В ней находятся три иконы из бывшего Федоровского монастыря, в числе которых следует заметить очень древнее изображение св. Феодора Стратилата. Против южной стороны церкви через улицу находится бульвар, идущий по берегу вдоль Тьмаки. На столбе в начале бульвара помещена надпись, что бульвар называется Головинским и устроен на средства городского головы Головинского.[283]

От бульвара мы направились к церкви Белой Троицы, которая представляет собою древнейший остаток тверской старины и по-

---

[282] О судоремонтных мастерских общества «Самолет» см. в путешествии Боголюбовых.

[283] Головинский вал — земляная дамба, сооружена в 1865—1866 гг. по инициативе головы Твери А. Ф. Головинского для защиты низменного Затьмачья от ежегодных весенних паводков. Решение о строительстве вала было принято в 1852 г., сметная стоимость 33 500 р., основные работы оплатил А. Ф. Головинский (10 000 р.). Вал прошел по левому берегу Тьмаки от Тихвинской ул. до устья, далее по правому берегу Волги (Краснофлотская наб.), по ул. К. Маркса и замыкался у Тьмаки. Высота вала от 1 до 7 м, длина — около 5 км. Во время паводка 1867 г. вал спас Затьмачье и был назван Головинским. Горожане установили гранитную колонну у бывшей Старицкой заставы (начало пр. Калинина), перенесена к церкви Николы на Зверинце, в 1960-е гг. в связи со строительством обелиска Победы помещена между мостами через Тьмаку, ныне на наб. реки Тьмаки вблизи Покровской церкви.

строена еще в царствование Ивана Грозного в 1564 году. По словам писцовой книги, она сооружена усердием «тверитянина Гавриила Тушкинского да Тихона Иванова Алексеевых, детей Ламиных» и отдана ими со всею утварью и строением «в дом Живоначальныя Троицы в Сергиев монастырь».[284]

Белая Троица в Твери. Рисунок. 1893

Церковь перенесла и погром Твери при Грозном, и страшные годы Смутного времени, оставшись невредима и во время опустошавших Тверь ужасных пожаров. Но, пощаженная огнем и ниспосыланными на Тверь бедствиями, церковь Белой Троицы все-таки не была пощажена руками «украсителей», которые в сравнительно недавнее время приделали к ней два теплых придела и колокольню, причем последняя, по обыкновению, нисколько не вяжется с стилем самой церкви. Узкие церковные окна были переделаны на широкие еще в конце прошлого столетия. Церковь имеет семь глав: пять больших и две маленькие, поставленные над восточными углами. Внутри церковь покрыта сводами, которые кажутся довольно низкими, но это происходит от особой причины: над этими сводами, под крышей, устроен еще и второй ряд сводов, заключающий в себе так называемые тайники, куда во время неприятельских нашест-

[284] Храм Троицы Живоначальной (Белая Троица), самое древнее из сохранившихся каменных зданий города. Тюменев цитирует надпись на западной стороне собора: «Лето 7072 совершен бысть сии храм во имя Живоначальния Троицы месяца августа 15 при благоверном царе Великом князе Иване Васильевиче и всея России и при епископе Акакии Тферьскомъ замышлениемъ и строением раба Божия Гавриилъ Андреева Тоушиньского». Первоначально имел одну-три главы, стал семиглавым в XVII в. В 1787 г. построен Ефремовский придел, в 1812 г. двухъярусная колокольня, в 1864–1867 гг. придел свт. Арсения и мчц. Татианы, в 1878 г. третий ярус и шатер. Иконостас относится к XVIII в., настенная живопись — к концу XVIII — сер. XIX в.

вий окрестные жители укрывали свои ценные вещи, а иногда прятались и сами. Таких тайников у церкви три; попасть в них можно только с крыши через особые отверстия. В церкви за престолом хранится очень древний деревянный крест, имеющий не восемь концов, как обыкновенно, а только семь благодаря отсутствию верхней оконечности, так что верх его составляет дощечка с надписью Пилата. Интересны также царские врата и железное кованое паникадило посреди храма, сделанное наподобие глобуса. Все эти вещи дошли до нас от времен глубокой древности и составили бы украшение любого музея.

Из шести монастырей, существовавших в Затьмацком посаде, сохранился только один — женский Христорождественский.[285] Мы побывали в нем у вечерни. Судя по постройкам и внешнему виду монастыря, можно сделать заключение, что рука дающих в Твери не оскудевает. Благолепием своим он обязан главным образом представительницам местного дворянства, а также купечеству; так, например, известно, что только на ремонт собора и его внутреннее украшение соседние с монастырем фабриканты Каулин и Залогин потратили более ста тысяч рублей. Монастырь расположен на правом берегу Тьмаки, в нем живут 32 штатных монахини и 211 послушниц.

В церкви мы были приятно поражены, найдя подробное, обстоятельное описание монастыря, что составляет большую редкость в наших православных обителях. К сожалению, недостаток исторических данных не дозволяет составить себе ясное представление о былой жизни монастыря: ни основатель его, ни самое время основания — неизвестны. Можно только положительно утверждать, что обитель уже существовала в XV столетии, так как, судя по жалованной грамоте великого князя Василия Ивановича, данной на имя игуменьи Александры в 1513 году, обитель была уже хорошо устроена

---

[285] Христорождественский женский монастырь, третьеклассный необщежительный. Впервые упомянут в грамоте 1514 г. В Смутное время разорен, но с конца XVII в. благоустраивался. До начала XIX в. все постройки деревянные. Главная святыня — чудотворная Тихвинская икона Богоматери, принесена в монастырь в 1703 г. Надвратная церковь Спаса построена на средства графини А. И. Чернышевой по проекту Н. А. Львова (1801—1805), к ней примыкают трапезная и настоятельский корпус. Собор Рождества Христова построен на средства жены, матери и сестер императора Александра I (1820, проект приписывают К. И. Росси, освятил тверской архиепископ Филарет (Дроздов). В войну 1812 года монахини были эвакуированы в Молого-Афанасьевский монастырь. При монастыре было училище для девиц духовного звания. В результате строительства Рождественской мануфактуры в монастыре прибавилось богомольцев. В качестве компенсации владельцы фабрики обновили внутреннюю отделку Христорождественского собора и сделали его теплым. После обновления собора его посетил император Александр II с супругой. Упразднен (1920-е), возобновлен (1999).

Христорождественский монастырь в Твери. Рисунок. 1893

и имела свои вотчины. Грамота освобождала игуменью и монастырских священников от пошлин и поборов, от суда десятильников и наездников тверского владыки. В духовных делах они были подсудны только самому тверскому архиепископу, а в уголовных — государю. «Крестьян же, — прибавлено в грамоте, — судит игуменья с сестрами, поп и дьякон и их наместник». В 1555 году грамота Василия Ивановича была подтверждена Грозным. В 1613 году в сожженную и разоренную поляками обитель вернулась игуменья Аполлинария с пятью или шестью уцелевшими монахинями и снова начала строить церковь и кельи. Через несколько лет в обитель поступила царская жертва великой инокини-старицы Марфы Ивановны, но насколько скромны были жертвы старицы-инокини, можно видеть из описания ее вклада: «Ризы полотняные, оплечье выбойчатое, да стихарь полотняный, оплечье выбойчатое; патрахель зенденинная, подкладка холщовая, поручи зенденинные, пуговицы оловянные да книга Минея общая, в десть печатная». Алексей Михайлович построил в монастыре вторую деревянную церковь во имя своего ангела и пожертвовал в нее оловянные сосуды, книги, ризы и всю утварь. Около 1703 года дочь новгородского дворянина Растопчина Евдокия, в монашестве Елена, перенесла в обитель свою родовую икону Тихвинской Божьей Матери, от которой стали совершаться исцеления. Весть о чудесах привлекала в монастырь большое число богомольцев, и материальное положение обители начало понемногу поправляться. Но епархиальная власть

не поверила чудесам, и в 1739 году икона была отобрана и поставлена в соборную ризницу, но после большого пожара 1763 года снова возвращена в монастырь, где находится и до настоящего времени.

Документы, относящиеся к прошлому столетию, сохранились в более полном виде. Между прочим среди них находится ведомость прихода и расхода монастырских сумм за 1742 год. В ведомости этой некоторые записи не лишены и общего интереса, так как заключают в себе бытовые штрихи, рисующие отношения монастырей того времени к начальству: «в поднос преосвященному поднесено хлеба и калачей на 60 копеек; баранов куплено в поднос воеводе три барана; подьячим денег 1 рубль; еще подьячим дано за письмо 10 копеек; ходили к архимандриту в Желтиков поклониться, снесли гостинцу — холстину, калачей всяких на 60 копеек; церковь перекрывали три раза, дано 60 копеек; Поздеева жена родила; снесено гостинцу на 5 копеек; к Михайлу Тулубьеву, жена родила, снесено гостинцу на 15 копеек; еще ему дано 1 рубль». Такая любезность со стороны монахинь к мирянам объясняется тем, что Поздеев и Тулубьев оба служили в консистории; Поздеев — простым чиновником, а Тулубьев секретарем.

В начале нынешнего столетия вместе с новою игуменьею Назаретою (урожденною Шванвич)[286] прибыла в монастырь и бывшая фрейлина Екатерины II Марья Васильевна Шкурина; в октябре 1801 года она приняла монашество под именем Павлы.[287] Шкурина, хорошо знавшая музыку, преобразовала богослужебное пение в монастыре и благодаря своим связям при дворе деятельно помогала игуменье в украшении обители. С 1803 года их стараниями установлен ежегодный крестный ход в монастырь, собирающий массу богомольцев. Постройка нынешнего

---

[286] Монахиня Назарета (1753 — после 1830), возможно, дочь примкнувшего к Пугачеву Василия Шванвича Надежда (*Рыхляков В. Н.* Из истории рода Шкуриных // Изв. Русского генеалогического общества. СПб., 1995. Вып. 3. С. 75). Настоятельница Мологского Афанасьевского монастыря, Христорождественского монастыря (1799), Казанского Богородицына монастыря (1807), Московского Алексиевского монастыря (1822), ушла на покой (1830). *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб.: изд. Археографической комиссии, 1871. С. 226, 301, 466.

[287] Мария Васильевна Шкурина (1755—1824), фрейлина Екатерины II (1769), удалилась от двора (1789), поступила в Смольный Воскресенский монастырь в Петербурге (1796), затем в Рождественский монастырь в Твери. Павел I не дозволял ей принять постриг. Постриглась с именем Павлия (Павла) при Александре в 1801 г. в Твери с разрешением носить знак фрейлины на монашеском одеянии, перешла в Богородицын монастырь в Казани (1807, должность казначеи), игуменья Троицкого Предтечиева монастыря в Свияжске (1814); уволена на покой (1818), умерла в Московском Алексиевском монастыре. *Майков П.* Заметка о семействе Шкуриных // РС. 1897. Т. 88. № 11. С. 421—422.

собора начата в 1809 году, уже после того как Назарета и Шкурина были переведены в Казань. Преемница Назареты Палладия[288] заготовила множество кирпича и дикого камня, но когда во дворце началась спешная перестройка для приезда великой княгини Екатерины Павловны и ее супруга, то игуменья отдала весь свой собранный материал на дворец. Это пожертвование было, конечно, вознаграждено, материал собран новый, и в 1810 году совершена закладка храма. Строение храма шло успешно, и к 1812 году он вчерне был окончен, но двенадцатый год разразился над Россией такою грозою, что об отделке нового храма нечего было и думать; мало того, все обитательницы монастыря ввиду опасности, грозившей Твери от французов, были отправлены в Мологу, где и прожили до минования опасности. Но едва лишь вернулись они в монастырь, как 19 сентября 1813 года новый храм рухнул до основания и превратился в груду щебня и мусора. Здесь-то игуменья и сестра проявили наибольшую энергию, и несмотря на несчастие, на массу неблагоприятных обстоятельств, они, как муравьи, неутомимо продолжали трудиться, собирать пожертвования, материал, и труды их увенчались успехом: на месте развалин вырос новый большой собор, освященный в 1820 году. С тех пор возникли и многие другие здания, придающие монастырю его нынешний красивый и богатый вид. Средствами к содержанию монастыря служат доходы с богомольцев, суммы, получаемые за печение просфор во все приходские церкви Твери, проценты с неприкосновенного капитала в 35 000 рублей, штатное жалование по третьему классу и пр. Кроме того, монастырь владеет землями и лесными дачами в Тверском и Бежецком уездах.

Ближайшими соседями монастыря являются две фабрики: Берга и Морозова. Берговская, основанная в 50-х годах московскими купцами Каулиным и Залогиным, производит ежегодно на миллион рублей бумажных тканей и считается одним из солидных предприятий этого рода.[289] Другая, бумагопрядильная Товарищества Тверской мануфактуры Морозовых, отличается еще большими оборотами и еще более грандиозным устройством. Это целый городок в миниатюре. Помимо обширных зданий самой фабрики, здесь имеются даровые помещения для рабочих. Холостые и одинокие помещаются группами в больших общих помещениях, семейные занимают отдельные комнаты, причем каждые десять семейств пользуются особою кухнею. Всюду порядок и чистота. При фабрике существует для рабочих своя лавка с съест-

[288] Палладия (Волкова), игуменья Христорождественского монастыря (1807—1814). Переведена в Кашинский Сретенский монастырь.

[289] О Рождественской и Морозовской мануфактурах см. в путешествиях М. И. Семевского и Боголюбовых.

ными припасами и при ней большая пекарня. Цены на все продукты понижены до минимума, и понятно, что, доставляя большое удобство и облегчение рабочим, лавка никакого дохода администрации не приносит. Для детей-сирот и полусирот устроен приют и при нем ясли для грудных, которых матери оставляют здесь, отправляясь на работу. Тут же помещается больница и родовспомогательный покой. Школа устроена образцово, в ней четыре класса с тремя параллельными отделениями. Учащихся в школе детей насчитывается более двухсот человек. Неподалеку от школы помещается библиотека и при ней особая зала для развлечений. Кроме садика для детей, на фабрике устроен сквер и для взрослых. Словом, всюду, куда ни взглянешь, видна гуманная и щедрая предусмотрительность. Дай Бог, чтобы всему рабочему люду на Руси можно было со временем жить в таких благоприятных условиях, как рабочее население Морозовского городка.

Осмотрев Затьмачье, мы отправились в Желтиковский монастырь,[290] находящийся в пяти верстах от города. Путь наш лежал мимо станции железной дороги по песчаной, поросшей кустарником местности. Местоположение монастыря на берегу Тьмаки очень живописно. Теперь в нем насчитывается не более 20 человек братии, но в старину обитель была известна даже за тверскими пределами. Главную достопримечательность ее составляют мощи св. Арсения, епископа тверского, который и основал обитель в 1394 году при великом князе тверском Михаиле Александровиче. Князь Михаил всю жизнь боролся с Москвой за свою отчизну и наконец, усталый, обессиленный, постригся в Афанасьевском монастыре. Чин пострижения князя совершал св. Арсений, деливший с ним и радости, и горе долгой и многотрудной жизни, а вскоре и сам удалился на покой в свой Желтиковский монастырь, где скончался в ночь на 2-е марта 1409 года. В монастыре хранятся: панагия Арсения, омофор, посох и каменный гроб, сделанный им еще при жизни, но особенною художественностью работы отличается покров с мощей святого, вышитый шелком и золотом. С этим покровом связана монастырская легенда, относящаяся к временам литовского разорения. Во время погрома обители и разграбления церкви один из неприятелей сдернул этот покров с гробницы святого, набросил его вместо попоны на своего коня и сел в седло. Но вдруг налетел шквал и сшиб с ног коня вместе со всадником. Грабитель был убит на месте, а покров от того же порыва ветра высоко взлетел на воздух и повис на кресте главного купола. В монастыре же сохраняется и древний образ св. Арсения, писанный во времена открытия мощей его, которое совершилось в присутствии Иоанна III, остановившегося в Твери во время своего новгородского

[290] О Желтиковом Успенском монастыре см. в путешествии М. И. Семевского.

похода 1483 года. На восточной стороне монастыря близ Св. ворот Петром Великим построена церковь во имя Алексея человека Божия по случаю болезни царевича Алексея Петровича. Подле нее находятся три комнаты, в которых царевич останавливался во время своего пребывания в монастыре. На монастырском кладбище похоронен, между прочим, известный поэт тверич Федор Николаевич Глинка и знаменитый проповедник тверской архиепископ Амвросий Протасов, скончавшийся в 1831 году.

VII. На берегу Тверцы

О, блаженна истина нелицемерная! О, блажен воистину и преблажен, кто исполнил заповеди Христовы и от своих за истину пострадал!

Слова царя Алексея Михайловича о святом митрополите Филиппе[291]

Утро следующего дня мы посвятили осмотру заволжской стороны Твери.

Главный интерес этой части города составляет устье Тверцы и построенный близ него Отрочь монастырь. Судя по летописным указаниям, монастырь построен в очень древние времена, быть может, даже несколько ранее самой Твери. Название *Отрочь* подало повод к разным догадкам для объяснения его происхождения. Одни говорят, что здесь во время оно существовал небольшой городок-крепость с гарнизоном из княжеских отроков, обязанных защищать устье Тверцы со стороны Новгорода, другие же по этому поводу рассказывают целую легенду, действие которой происходит во времена первого

[291] Ср. письмо царя Алексея Михайловича к боярину Оболенскому (1652): «Бог даровал нам, великому государю, великое солнце. Как древле царю Феодосию возвратил Он мощи пресветлого Иоанна Златоустого, так и нам благоволил возвратить мощи целителя, нового Петра, второго Павла проповедника, второго Златоуста, великое солнце, Филиппа митрополита Московского… Пастырь невинно изгнанный возвращается на свой престол… Как не дивиться, как не прославлять, как не проливать слезы при мысли, что изгнанный возвращается и принимает честь, принадлежащую ему? Где теперь гонители? Где лживые советники? Где клеветники и наушники? Где ослепленные мздою очи? Где искавшие власти за гонимого? Не все ли они погибли? Не все ли исчезли навек? Не все ли приняли месть от прадеда моего? Да и вечную примут месть, если не покаялись! О, блаженны заповеди Христовы! О, блаженна правда нелицемерная! О, блажен, истинно преблажен тот, кто исполнял заповеди Христовы и пострадал за правду от своих! Ей, ничего нет лучше, как утешаться правдою, за нее страдать и судить людей по правде» (Московский патерик. Жития святых / сост. игумен Иосиф (Шапошников), Ярослав Шипов. М.: Столица, 1991).

Отрочь монастырь в Твери. Рисунок. 1893

тверского князя Ярослава Ярославича, брата Александра Невского. Один из любимых отроков князя, по имени Григорий, выискал себе невесту в подгороднем селе Едимонове. Она была дочь местного причетника, носила имя Ксении и отличалась замечательною красотою. Накануне дня, назначенного для венчания Григория, князь отправился на охоту в окрестности Едимонова. Настала ночь, Ярослав Ярославич лег спать в своем шатре, и во сне ему приснилась красавица, его будущая суженая. На другой день он снова выехал на охоту и спустил своего сокола на показавшуюся в небе белую лебедь. Лебедь понеслась по направлению к Едимонову, сокол за нею. Князь погнался следом и, приехав в село, увидел, что лебедь исчезла, а сокол его запутался цепочкою в церковном кресте. Ожидая, пока освободят сокола, Ярослав Ярославич вошел в церковь, где всё уже было готово для бракосочетания Григория с Ксениею. Князь взглянул на невесту и в тот же миг узнал в ней девушку, которая была предназначена ему во сне. Он так был поражен ее красотою, что тут же взял ее за руку и со словами: «Венчай, поп!» — встал с нею перед аналоем. Бракосочетание совершилось. На свадебном пиру князь советовал Григорию, не теряя времени, выбрать себе новую невесту, но опечаленный отрок отрекся от мира и, поселившись над слиянием Волги с Тверцою, основал здесь монастырь. По другому варианту, Ксения также видела во сне князя, узнала в нем своего будущего супруга, и, когда князь вошел в простой одежде в дом ее отца, где она сидела рядом с Григорием, она встала

и сказала окружающим: «Воздайте честь вашему государю», а князь тотчас же повел ее в церковь.[292]

Такова легенда, но г. Борзаковский, добросовестный исследователь истории Тверского княжества,[293] считает ее вымыслом какого-нибудь книжника, так как, по всем вероятиям, монастырь существовал уже во времена князя Ярослава Ярославича. В старину полное имя монастыря было Отрочь Успенский Пречистый общий.

В настоящее время все постройки в монастыре новые, и от древней обители не осталось ничего, кроме воспоминания об одной келье, в которой мученически окончил дни свои один из доблестных героев XVI столетия — святитель Филипп, в миру Федор Степанович Колычев.[294] Сосланный Грозным в Отрочь монастырь, он терпеливо сносил и голод, и холод, и всяческие притеснения от своего пристава Кобылина. Настал 1569 год, Иоанн Васильевич отправился через Тверь казнить Новгород, и 23-го декабря Малюта Скуратов постучался в монастырские ворота. Святитель еще ранее говорил окружающим, что приспело время исполнения его подвига, и в этот день утром приобщился Св. Таин. Войдя в келью святого, Малюта начал говорить о походе царя на Новгород и просил благословения. «Твори то, зачем ты прислан», — заметил старец и тут же встал на молитву. Как известно, Малюта задушил его подушкою. Прикрикнув на игумена и братию, что благодаря их недосмотру митрополит умер от угара, Скуратов приказал вырыть при себе могилу за алтарем церкви и оставил обитель лишь после того, как тело было предано земле. В 1591 году, по ходатайству соловецких иноков, мощи страдальца были препровождены в Соловецкий монастырь, где Филипп в продолжение 18 лет (с 1548 по 1566 г.) был игуменом. Около половины XVII столетия Никон торжественно перенес их в Москву и положил в Успенском соборе.

Деятельность Филиппа по московской митрополии достаточно известна всем, но, быть может, не все знают, что помимо своих подвижнических и христианских доблестей Филипп отличался замечательно светлым умом и редкими административными способностями, которые блистательно проявил во время управления Соловецкою обителью. Уже не говоря о том, что при нем монастырь украсился новыми церквами, обогатился и средствами, и новыми владениями и пр., так что для одного перечисления его заслуг соловецкому летописцу потребовалось несколько страниц книги, в той же летописи находим и любопытные

---

[292] См. путешествие И. А. Дмитриева (*Тверь 2*, с. 150—154).

[293] *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб.: изд. книгопродавца И. Г. Мартынова, 1876.

[294] О митрополите Филиппе см. в путешествии Боголюбовых.

сведения об его усовершенствованиях в хозяйстве и монастырской агрономии; вот несколько примеров.

«До Филиппа игумена квас парили, ино сливали вся братия и слуги многие и изо швален, а при Филиппе парят квас старец да пять человек, и сливают те же, а братья уже не сливают, ни слуги, ни изо швален; а тот квас сам сольется со всех щанов, да верх подоймут, ино трубою пойдет в монастырь, да и в погреб сам льется, да и по бочкам разойдется сам по всем».

«Да до Филиппа игумена на сушило рожь носили многие братья, а Филипп игумен нарядил телегу; сама насыпается, да и привезется, да и сама и высыплет рожь на сушило».

«Да до Филиппа игумена подсевали рожь многие братья, а Филипп игумен доспел севальню: десятью решеты один старец сеет; да при Филиппе же доспели решето; само сеет, и насыпает, и отруби и муку разводит розно, да и крупу само же сеет, и насыпает, и разводит розно крупу и высейки».

«Да до Филиппа братья многие носили рожь на гумно веяти, а Филипп нарядил ветр мехами в мельнице веяти рожь» и т. д.[295]

Не забудем, что всё это происходило в XVI столетии.

Лет за сорок до св. Филиппа в монастыре был заточен Максим Грек, обвиненный в искажении перевода священных книг. Он прожил здесь двадцать лет и написал некоторые из своих сочинений.[296]

Осматривая монастырь, мы познакомились с ризничим о. Алексеем, который любезно показал нам здешние достопримечательности. Собор, построенный в 1722 году, показался нам очень высоким, особенно внутри, но архитектура его ничем особенным не отличается. Лет сто назад в купол его ударила молния, пролетела по иконостасу и расколола царские врата. В храме хранятся две старинные иконы: святителя Николая и митрополита Петра, из которых последняя особенно интересна по типу

---

[295] Летописец Соловецкий / изд. архимандритом Досифеем. 3-е изд. М., 1833. С. 34–35.

[296] Максим Грек (Михаил Триволис, 1470–21.01.1556), религиозный публицист, писатель и переводчик, прп. Прибыл в Москву в 1515 г. для перевода духовных книг (Псалтирь). Живя в Москве, начал критиковать власти, стал на сторону нестяжателей, отрицательно отнесся к намерению Василия III развестись с женой. Собор 1525 г. обвинил Максима в ереси, в сношениях с турецким правительством; отлучил от причастия и заточил в Иосифо-Волоцкий монастырь. В 1531 г. его вторично вызвали в Москву, предъявили новые обвинения (порчу богослужебных книг) и сослали в Отрочь монастырь под надзор епископа Акакия, который облегчил его содержание и разрешил читать и писать; но только в 1541 г. было разрешено причащаться Св. Тайн. В 1551 (или 1547) г. Максима перевели на покой в Троице-Сергиев монастырь. Свт. Макарий внес часть его поучений в Великие Четьи-Минеи.

изображения святого. Здесь же позади левого клироса находится деревянный гроб, в котором прежде покоилось тело св. Филиппа. Когда оно в 1652 году было перенесено из Соловков в Москву, тверской епископ выпросил у государя этот гроб на память Твери. В него были сначала положены мощи св. Арсения Желтиковского, впоследствии же, когда для них устроили особую серебряную раку, гроб перевезли в Отрочь монастырь и поставили в соборе.

О. Алексей провел нас и в церковь, устроенную на месте кельи св. Филиппа, находившейся в юго-восточном углу монастыря. Стены церкви расписаны изображениями из жизни святителя. Между прочим, на одной из стен изображена арка, запертая сквозною железною решеткою. Она изображает как бы вход в келью святого, который представлен в глубине молящимся перед иконою. Живопись, впрочем, довольно посредственная. При церкви устроен особый придел во имя св. Тихона Задонского, бывшего архимандритом Отроча монастыря с 1759 по 1761 год.[297] В алтаре этого придела о. Алексей показал нам серебряный ковчег, сооруженный стараньями и усердием Тихона, который был вызван из монастыря прямо для хиротонии во епископа. По поводу этой хиротонии отмечу довольно интересный факт. Весною 1761 года потребовалось назначить викария новгородскому архиепископу. Для возведения в епископский сан Петербургский митрополит Дмитрий Сеченов назначил семь кандидатов. В первый день Пасхи митрополит с Епифанием Смоленским должны были метать о них жребий. Епифаний просил включить в число кандидатов и тверского ректора семинарии архимандрита Тихона. «Он еще молод, время не ушло», — заметил митрополит, хотевший сделать Тихона архимандритом Сергиевой лавры, однако по просьбе Епифания велел записать и Тихона. В это время тверской ректор служил с преосвященным Афанасием пасхальную литургию в Тверском соборе. Во время Херувимской песни архиерей, стоя у жертвенника, вынимал части о здравии. В числе прочих сослужащих к нему подошел и архимандрит Тихон с обычным прошением: «Помяни мя, владыка святый!» «Епископство твое да помянет Господь Бог во царствии Своем», — отвечал Афанасий и тут только, заметив свою обмолвку, с улыбкою при-

[297] Тихон Задонский (Тимофей Савельевич Соколов, урожд. Кириллов; 1724—1783), богослов, свт. Окончив Новгородскую семинарию (1754), получил кафедру риторики, преподавал греческий язык и богословие. В 1758 г. пострижен в монашество и назначен преподавателем философии. В 1759 г. по просьбе Тверского епископа Афанасия (Вольховского) назначен архимандритом Желтикова Успенского монастыря, вскоре переведен архимандритом Успенского Отроча монастыря с назначением ректором духовной семинарии, учителем богословия и присутствующим в духовной консистории. Епископ Кексгольмский и Ладожский (1761), епископ Воронежский и Елецкий (1763).

бавил: «Дай вам Бог быть епископом». В тот же день в Петербурге трижды метали жребий, и трижды выпадал жребий Тихона. Обмолвка Афанасия оказалась пророческим предчувствием.

До 1764 года монастырь владел 1300 душ крестьян, теперь же чуть ли не весь его доход ограничивается 950 р. арендной платы за огород, раскинутый перед ним вдоль берега Волги.

Пройдя восточными монастырскими воротами, мы очутились подле самого устья песчаной Тверцы, скромно соединяющей свои воды с водами Волги. Общий вид этого устья не отличается ни шириною, ни грандиозностью, а между тем этот пункт составляет начало известной в свое время Вышневолоцкой системы, самого старого из трех водных путей, соединяющих Волгу с Невою.[298] Возникшая по мысли Петра, система эта в былое время принесла огромную пользу русской торговле, и если теперь, с устройством Тихвинской и особенно Мариинской системы, слава ее померкла, если этот первый водный путь с Волги в столицу находится в пренебрежении и запустении, то все-таки нельзя утверждать, что песня его спета окончательно и что в будущем он снова не принесет пользы если не Нижнему, то, по крайней мере, Верхнему Поволжью.

Тверца, как известно, верховьями своими почти соприкасается с рекою Цною, впадающею в озеро Мстино, так что в древности между ними существовал очень небольшой волок, или, точнее, волочек. Приняв в себя Цну, озеро Мстино выпускает в свою очередь р. Мсту, соединяющую его с Ильменем и знаменитую своими Боровицкими порогами, которые настолько опасны для судоходства, что, во избежание верной гибели в их стремнинах, вдоль их по берегу в старину был устроен для товаров особый волок, называвшийся Нижним; волочек же между Тверцою и Цною получил прозвище Вышнего. Это название Вышнего Волочка перешло впоследствии и на городок, образовавшийся над Цною и давший свое имя всей системе.

Для облегчения судоходства по этому пути, помимо соединения Тверцы с Цною особыми каналами и углубления русла мелководной Цны (работы, начатые еще при Петре), в соседних озерах посредством шлюзов были устроены значительные резервуары воды, поднимавшие во время прохода караванов как уровень озера Мстина, так и самой Мсты, вследствие чего Боровицкие пороги с их подводными камнями становились менее опасными и более доступными для судоходства. Правда, что плыть по Боровицким быстринам можно было только скрепя сердце; правда, что сам Петр, по словам местного предания, миновав пороги, выпивал каждый раз рюмку своей анисовки, а купцы,

[298] См. путешествие С. В. Максимова.

проведя благополучно свои суда, устраивали на радостях гомерические попойки, — тем не менее главные преграды были устранены, оба волока отошли в область преданий, и суда, хотя не без труда и опасностей, приходили водою из Астрахани, Казани и Нижнего прямо в Петербург. С течением времени количество озерных резервуаров было увеличено, пороги по возможности расчищены, в обход бурного Ильменя устроены два канала: Вишерский и Сиверсов, посредством которых суда прямо из Мсты проходили в Волхов, и вообще сделано многое для облегчения судоходства, но при всём том грозные Боровицкие пороги во все времена составляли ахиллесову пяту этой системы, и от Волочка до Новгорода судоходство по Мсте было исключительно только сплавное, так как благодаря им всякая тяга вверх, против течения, была совершенно немыслима.

По Вышневолоцкой системе проходило ежегодно три каравана: весенний (от 1200 до 1500 судов), нагруженный еще зимою на пристанях бассейна Верхней Волги; за ним следовал летний (от 1000 до 1200 судов) с пристаней Среднего Поволжья, от Рыбинска, а последним проходил осенний (от 750 до 1000 судов) с низовым товаром. Ко времени прохода этих караванов вода из резервуаров выпускалась, горизонт системы становился судоходным на всем протяжении, окрестные жители спешили к берегам на заработки, и от Твери до Новгорода закипала деятельность. На трех караванах здесь проходило товара миллионов на восемнадцать ежегодно с одной Волги, если ли же прибавить к этому грузы, отправляемые с самой системы и с заильменских рек, то ценность всего товара, провозимого по системе, следует возвысить до 26 000 000 р. с.

Таково было движение по системе в сороковых и пятидесятых годах; но с тех пор, благодаря устройству и развитию других двух систем, а также конкуренции, представляемой судоходству железными дорогами, Вышневолоцкая система начала клониться к упадку. Караваны сократились до самого незначительного минимума и наконец, прекратились совсем. Система глохнет, на нее махнули рукою, но, думаем, что это только до поры до времени.

— На Тверцу на нашу любуетесь? — обратился к нам еще нестарый крестьянин, проходивший берегом. — Зарастает она, кормилица, совсем зарастает.

Мы разговорились. Оказалось, что он и живет на Тверце, верстах в 25 от Твери. Зимой ездит в Петербург извозчиком, а летом промышляет судовою тягою.

— Шесть коней с братом держим, — продолжал он. — Земли-то у нас на четыре души, а семья — одиннадцать человек; надо кормиться. Отцу девяносто лет, работать не может, вот мы с братом вдвоем

и стараемся. Да на Тверце теперь делов совсем нет: больше по Волге вверх тянем да в сторону от нее по рекам. Тянем в Старицу, в Зубцов, и во Ржев, и в Осташков; случается по Селижаровке. Только я туда боюсь, в Осташков-то.

— Что же?

— Утопнуть там можно, вверху-то. Недавно туда рядили и цену хорошую давали, брат посылал, да я не решился. Больно там бечевник плох. Судоходства большого нет, а ходят суденышки маленькие, лошади в 3, не больше, так что можно сказать, что бечевника-то настоящего и совсем нет; тянут где удобнее, то по правому берегу, то по левому, и не один раз приходится через Волгу вброд перебираться. Вот тут-то и гляди! Известно, брод в реке не во всяком месте, а есть такие кряжики узенькие, с берега на берег под водою вкось тянутся сажень на сто, на полтораста, по ним и перебираются. А чуть маленько забрал лишка в которую-нибудь сторону, сорвался — и готово! Да мы и тут с братом на шестерке за лето-то рублей сотни две с половиною заработали. Слава Богу! Лошадки хорошие, привычные, а есть одна — всегда у нас передовою ходит, — так та лет двенадцать у нас в этой должности состоит. Всё знает, всё понимает. Только скажешь ей: «выше!» — она уж сама от реки в гору забирает; а скажешь: «ниже!» — опять к реке сворачивает.

— А как плата за тягу?

— Разно. Это годом бывает. Какая вода, какое судно. Вот я, например, недавно в пять дён на тройку 20 рублей выручил, — только это редко.

— Ну вот, положим, у меня одна лошадь.

— Хорошо. Вот я к тебе и прихожу. Я, значит, подрядился и набираю коней. Ну вот, положим, от Твери до Волочка сто восемьдесят верст; ну, больше четырех рублей не дам. Это уж если цены высокие: четыре с полтиною.

— И долго ли ты за эти четыре рубля проездишь?

— А это уж, милый друг, мое дело. Тут уж я тебе ничего обещать не могу. Если вода хорошая, погоню скоро и в неделю доеду, а то полторы и две. Мне самому лучше — скорее-то. Там в дороге-то ведь всё мое: и сено, и овес, и хомут, и шлея; ты уже ни об чем не заботишься. Да только скоро-то не всегда выходит; то на мели где застрянет, то на камень бросит, — мало ли чего бывает.

— А лоцман?

— Что ж лоцман? И лоцман ничего не поделает, даром что по два рубля в день получает. Вода-то местами что твоя молонья летит. Судно большое, грузное; коней двадцать тянут двумя берегами. Ну, если у них бечева лопнула, и ты свою поскорее режь. А то назад потащит

и коней всех в реку сорвет. Тут, прямо, режь бечеву скорее да Бога благодари, что цел остался. Мы, погонщики, точно разбойники — все с ножами и ходим. А лоцману не до руля: барку-то и так и этак выворачивает. Он только бегает да кричит, чтобы конец где-нибудь зачалили. Конец-то ину пору по берегу бежит, тащится. Ну если поймаем, забежим вперед да где-нибудь и зачалим за дерево, за пень или там за что придется, в барке-то ведь тысяч по двенадцати пудов грузу.

— А какие грузы?

— Хлеб больше да еще рыба. Судаки сушеные — те в мешках, а остальные больше в бочках. От Макарья много рыбы идет. Вот на Макарьевских-то нам хорошо! Тут мы вдоволь всего поедим: и рыбкой угостят, и прочим. Однако прощения просим, — спохватился он, — брат наказывал повидаться с ним поскорее; работа какая-то наклевывается.

Он раскланялся и почти бегом пустился к пешеходному мосту, наведенному через Волгу против устья Тверцы.

На другой день на пароходе мы разговорились опять с одним из погонщиков и имели случай пополнить наши сведения относительно конной тяги. Новому нашему собеседнику приходилось неоднократно бывать и в Осташкове, и в Торжке, и в Волочке. По его словам, в прошлом году вверх по Тверце прошло до сотни судов, но они поднимались не далее Торжка, где товары перегружаются на «Новоторку»,[299] или Волочка, где они поступают в вагоны Николаевской железной дороги. Тверца, по его описанию, быстрее Волги, но имеет песчаное дно, за которое, в случае надобности, всегда можно захватиться якорем. В Волге есть очень спокойные плеса, но встречаются и «ярые», бойкие места. Большие суда тянутся обоими берегами и в бойких, стремительных местах, в порогах, проводятся поодиночке, причем к судну подпрягаются лошади и от других судов, стоящих на якоре и ожидающих очереди. А места попадаются иногда очень «ярые».

— В Бенском пороге,[300] — заметил он, — так прямо глазом и видно, что надо судно на сажень вверх поднять.

Впрочем, крупные суда выше Ржева не поднимаются.

---

[299] Новоторжская железная дорога — часть хордовой железнодорожной линии Лихославль — Торжок — Ржев — Вязьма, проходящей по Тверской и Смоленской обл. с севера на юг и являющейся составной частью железной дороги Петербург — Симферополь; применяется к отрезку между Лихославлем и Ржевом. Участок Лихославль — Торжок открыт в 1870, участок до Ржева открыт в 1874 г., Ржево-Вяземская железная дорога сооружена в 1888 г. В 1894—1895 гг. вся железная дорога от Торжка до Вязьмы перешла в состав Николаевской железной дороги.

[300] См. путешествие Н. Я. Озерецковского (*Тверь 2*, с. 27).

Лоцман получает вознаграждение, равное плате за пару лошадей. От Твери до Ржева платится за пару рублей 25 и до 30; столько же получает и лоцман.

Выше Ржева ходят мелкие суда, вязки и третники[301] с грузом от 800 до 1500 пудов. От Селижаровского посада в сторону к Осташкову суда тянутся уже местными лошадями, которые и мельче, и легче волжских, а потому и более пригодны для мягкой, глинистой почвы берегов Селижаровки; сама же речка, по его словам, быстра и камениста. Добравшись до озера Селигера, суда идут уже на веслах или буксируются пароходами Савина и монастырскими от Нила-угодника.

Относительно переходов вброд через Волгу, которых так боялся наш первый собеседник, он заметил, что действительно приходится раз до десяти перебираться на левый берег и обратно, например около Бенского порога и в других местах, но он не боится — привык.

— Тут вся сила в передней лошади. Конечно, такая уж и ставится, бывалая, памятливая. А если передняя лошадь хороша, так почти и править не надо; как вошла по гужи в воду, тут уж ей самой волю дай — выйдет!

Ему неоднократно приходилось ходить и в лоцманах. По его рассказу, опасность при порыве бечевы вовсе не так велика, как описывал первый. Правда, что у погонщиков за хомутами часто бывают воткнуты ножи, но они прибегают к ним только в крайних случаях. Каждое судно идет всегда с двумя кругами бечевы. Один круг находится в действии и прикреплен к мачте, другой, срощенный с ним, лежит на палубе. Если первый круг лопнет, начинают тотчас же травить второй. В это время погонщики успевают повернуть лошадей и следуют за судном вниз по течению, пока ему не удастся бросить якорь. Конечно, в быстрых порогах, особенно при каменистом дне, когда якорь не может зацепиться и часто даже ломает крылья, приходится обрезать и другую бечеву, но это случается очень редко.

VIII. Тверской музей

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

А. С. Пушкин[302]

Быть в Твери и не видеть Тверского музея значило бы повторить историю крыловского «Любопытного», который в кунсткамере не приметил слона.[303] И действительно, Тверь может по справедливости гор-

[301] См. путешествие А. Н. Островского (*Тверь 1*, с. 350—415) и Боголюбовых.

[302] Эпиграф из 1-й песни поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

[303] Басня И. А. Крылова «Любопытный».

диться своим музеем. Основанный в 1866 г. стараниями тверского губернатора Петра Романовича Багратиона,[304] музей вначале предназначался для хранения образцов местных произведений земледельческой, фабричной и ремесленной производительности, произведений минерального, растительного и животного царств, а также для предметов, относящихся к этнографии и археологии Тверской губернии. Живое участие в деле собирания предметов для музея принял и покойный поэт Федор Николаевич Глинка. Заводские и промышленные образцы были собраны довольно быстро и в достаточном количестве. Что же касается до предметов археологии, то еще в 1872 году, то есть спустя шесть лет со времени основания музея, в нем находились только медный крест, бердыш, железный нож, несколько монет и глиняная кубышка, в которой они были найдены. Но в том же 1872 году в помощники председателя тверского статистического комитета был избран известный археолог Август Казимирович Жизневский. Благодаря его стараниям, а также просвещенному содействию начальника губернии А. Н. Сомова и архиепископа тверского преосвященного Саввы,[305] археологический отдел начал расти не по дням, а по часам, так что в настоящее время он заключает в себе не одну тысячу нумеров различных предметов и более двух тысяч документов, столбцов, тетрадей и книг. Интерес, возбуждаемый музеем в местном населении, растет с каждым годом, как это отчасти можно видеть по числу бывающих в нем посетителей. В 1874 году музей посетили только 12 человек, в следующем 1875 году посетителей было уже 374, в 1877 — 854, в 1879 — 2121, а в 1881 — 6631. Громадная зала тверской гимназии, отведенная под помещение музея, становится тесною для его коллекций, и теперь возникает мысль о перемещении музея в здание дворца.

Когда мы подъехали к гимназии, сторож объявил нам, что музей открыт для публики по воскресным дням, и тут же посоветовал обратиться лично к самому г. Жизневскому, занимающему теперь должность управляющего казенною палатою.

---

[304] Багратион Петр Романович (1818—1876), князь, генерал-лейтенант. Состоял в военной службе. Тверской губернатор с оставлением в свите его величества (14.09.1862—25.03.1868). Во время его губернаторства проведена железнодорожная ветка от Тверской станции к р. Волге, телеграфные линии от станции к Твери, оттуда в Старицу и Ржев, улучшена публичная библиотека, основан музей, произведены геологические исследования. В 1868 г. помощник по гражданской части генерал-губернатора Вильно, в том же году лифляндский, курляндский и эстляндский генерал-губернатор.

[305] О А. К. Жизневском, А. Н. Сомове и преосвященном Савве см. в путешествии М. И. Семевского.

Август Казимирович принял нас крайне любезно и, несмотря на то что очень занят по службе, нашел время лично отправиться с нами в музей и показать его коллекции.

— Музей для меня лекарство от всех болезней и лучшее отдохновение, — говорил он, подходя с нами к гимназии, и действительно, он всею душою, всем существом предан своему детищу, которое живет им и развивается благодаря его заботам и попечению.

Такого разнообразия и богатства, как в Тверском музее, нам нигде не приходилось встречать в провинции. Каждый отдел выставленных предметов заключает в себе не отдельные экземпляры того или другого рода, а целые коллекции с вариантами, разновидностями и подразделениями. Хотя мы и спешили осмотром, боясь утомить нашего любезного чичероне, тем не менее при всей поспешности мы провели в музее около двух часов и не заметили, как пролетело время.

Не стану описывать всех подробностей нашего осмотра, упомяну только о наиболее выдающемся.

В отделе древностей первобытного времени помещены предметы, найденные при раскопках на берегах озер Селигера, Сига и Овселука,[306] также в курганах Корчевского уезда и др.: несколько каменных шлифованных молотов, глиняные горшки с клеймами на дне и на боках, бусы, кольца, пряжки, привески, из которых особенно интересна одна выпуклая с конской головкой и бубенчиками, развешанными на цепочках.[307]

В числе каменных крестов первое место занимает Стерженский крест, о котором я говорил в очерках своего путешествия по верховьям Волги. Затем — Лопастицкий, найденный на берегу пролива между озерами Лопастицы и Витбино, находящимися неподалеку от Овселука. Предполагают, что он поставлен также при начатии работ по прорытию канала — нынешнего пролива, соединяющего озера. Форма трехконечного креста, в виде буквы Т, называемого египетским, встречается здесь на нескольких надгробных камнях, из которых пять найдено в самой Твери и один в Зубцове на Полустовой горе.[308] Интересен также камень, называемый *Степаном*. Он найден в 1835 году Федором Николаевичем Глинкою в Бежецком уезде. На камне вырублена фигура из трех прямоугольников, вставленных

---

[306] Правильно: Вселуг.

[307] См.: *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Посвящается второму Областному Археологическому съезду в Твери. Тверь: изд. ТУАК, 1903.

[308] См. главу X «Стерженский крест» в путешествии 1892 г. «В верховьях Волги». Описание см.: *Жизневский*. С. 35—40.

один в другой и соединенных прямыми полосками, расположенными накрест в вертикальном и горизонтальном направлении. Сбоку написано имя: Степан или Степана. По мнению ученого Финна Магнусена,[309] знатока скандинавской археологии, фигура означает место поединка, так как в старину для судебных поединков Hylmganga место отделялось в три пространства с тремя окружностями и обозначалось веревками, канавками, небольшими валиками и т. п. Имя же Степан написано в память лица, убитого на таком поединке и похороненного под камнем. Но есть и другое, более простое объяснение: камень мог быть простым межевым знаком владений какого-то Степана, так как в Бежецком уезде фигура из прямоугольников была найдена и на других камнях, но без всякой надписи и, быть может, представляла собой простой землемерный знак.

Между иконами, хранящимися в музее, первое место бесспорно принадлежит изображению св. князя Владимира, св. Аркадия Новоторжского и св. Моисея Угрина кисти знаменитого Симона Ушакова, писанному им в 1677 году, на 49 году жизни, в эпоху полного развития его таланта.[310] Из других икон особенно интересна икона преподобных Ефрема и Аркадия Новоторжских с видом старого Торжка и Борисоглебского монастыря XVII столетия. Икона писана новоторжцем, пономарем Филипповской церкви Евфимием Недоносковым в двадцатых годах прошлого века. Обращают на себя внимание как композициею, так и выполнением иконы: Распятия, Креста Господня с предстоящими царем Константином, царицею Еленою, царем Алексеем Михайловичем, царицею Мариею Ильничною и патриархом Никоном, далее икона «О тебе радуется», образ ангела-хранителя с похождениями, несколько старинных царских врат и другие. Здесь же находится и колоссальная надгробная доска, лежавшая над гробницею князя Владимира и княгини Агриппины в Ржевском соборе.[311]

---

[309] Магнусен Финн (Magnusen Finn; 1781–1847), датский ученый, профессор Копенгагенского университета.

[310] См. в путешествии М. И. Семевского.

[311] Икона Креста Господня с предстоящими в молении св. царем Константином и Еленой, припадающими к кресту царем Алексеем Михайловичем, царицей Марией Ильиничной и патриархом Никоном пожертвована в Тверской музей в 1876 г. любителем старины А. С. Мыльниковым. Эта, а также икона святых прп. Ефрема и Аркадия Новоторжских с подробным изображением Борисоглебского монастыря в Торжке, надгробная икона святых покровителей Ржева — князя Владимира и княгини Агриппины, найденная при вскрытии гробниц, не сохранились. Их описание см.: *Жизневский*. С. 45, 54–55, 57–60, 64–67. Изображения: С. 46, № 85, 87. Описание царских врат см.: там же. С. 61–62.

Отдел наперсных и нательных крестов настолько обширен и разнообразен, что для подробного его осмотра потребовался бы целый день времени, а для описания — особая брошюра.[312]

В числе покровов на Св. Дары есть один, поступивший в музей из церкви погоста Рогожи на берегу Селигера.[313] Покров шит золотом, серебром и шелками по шелковой ткани дымчатого цвета. На нем, по бокам лежащего на дискосе Младенца, вышиты лики святых, бывших ангелами царя Михаила Феодоровича и его семейства. Как попал такой покров в Рогожский погост, неизвестно. Интересны также напрестольная индития 1671 года с вышитым изображением похвалы Богородицы и лицевой покров на мощи св. Еврема Новоторжского, положенный в 1644 году князем Федором Семеновичем Куракиным.[314]

В богатой коллекции церковных облачений встречается много интересных мотивов орнамента, особенно на оплечьях.[315]

Среди старинных свечей есть одна, найденная в 1871 году в береге реки Нерли близ Троицко-Нерльской слободы.[316] Нашедший свечу крестьянин представил ее в церковь, и там она была помещена перед образом. Весть о чудесной находке быстро распространилась по окрестности, и народ толпами шел в церковь, где уже началось служение молебнов, пока местный благочинный не донес об этом куда следует. Свеча вытребована была в консисторию и потом передана в музей. В том же 1871 году при копании фундамента под новую колокольню в селе Оковцах было найдено медное паникадило с двуглавым орлом вверху и литыми рыцарскими головками на рожках, в которые вставлялись свечи. Полагают, что оно уцелело из утвари, пожертвованной Грозным в Оковецкую церковь, и, вероятно, в смутные времена зарыто в землю вместе с другими церковными вещами.[317]

Из брачных венцов составлена очень разнообразная коллекция. Есть венцы лубяные (XV—XVI века), есть деревянные, жестяные, крашеные и золоченые, одни в виде обруча, шириною в 2 вершка, другие в виде шапки, третьи в виде короны и т. д.

---

[312] Описание крестов см.: *Жизневский*. С. 73—106.

[313] С. Рогожа (Рогоза, 1848) на восточном берегу Селижаровского плеса Селигера, Сиговский с/о, на дороге Осташков — Кувшиново — Торжок, до Сиговки 9 км, до Осташкова 5 км. Женский монастырь Пелагеина пустынь (XV в., упразднен 1767). Спасо-Преображенская церковь (1770, закрыта в 1930-е).

[314] Описание обоих покровов см.: *Жизневский*. С. 121—122, 123. Изображения № 230, 532.

[315] Описание оплечий см.: *Жизневский*. С. 124—125. Изображения № 544, 546, 553.

[316] См. путешествие А. Дюма. Описание см.: *Жизневский*. С. 128—129.

[317] Описание см.: *Жизневский*. С. 132—133.

В особом шкафу помещаются старинные женские костюмы, надетые на манекенах, распределенные по городам. Есть костюм тверской, ржевский, весьегонский, осташковский, торжковский, вышневолоцкий. Наиболее интересен весьегонский, который относится чуть ли не к XVII столетию. Сохранились в музее и старинные рукавички, которыми тверские красавицы прикрывали свои личики от назойливых и посторонних взглядов. Рукавички делались из штофа или других материй и вышивались блестками, золотом и разными цветами; иногда они делались с меховою опушкою. Есть в музее и коробочки, в которых красавицы хранили свои румяна и белила, а также разные мелкие вещи. Особенно интересна одна такая коробочка, цилиндрической формы, с эмалевыми рисунками: княгини, князя-отрока с цветком и княжны с зеркалом. Коробочка эта, предназначенная, по-видимому, для хранения румян, долгое время находилась в роду Толмачевых и завещана музею одною из его представительниц.

В музее хранятся знаменитые часы ржевского механика самоучки Терентия Ивановича Волоскова[318] и полный костюм первого историографа Твери, нотариуса Диомида Карманова,[319] в котором он представлялся в Твери императрице Екатерине II. Есть также и портрет известного строителя вышневолоцкого шлюза — М. И. Сердюкова.[320] Сердюков пользовался большим расположением Петра Великого и изображен в пожалованном ему государем кафтане.

Из других портретов музея[321] отмечу портрет великой инокини Марфы, писанный, по предположению, с самой великой старицы каким-нибудь иностранным художником, два портрета великой княгини Екатерины Павловны и портрет преосвященного Нектария, архиепископа Сибирского и Тобольского, о котором я говорил при описании Ниловой пустыни.[322] Портрет Нектария писан по именному повелению

---

[318] Описание брачных венцов, женских костюмов, коробочки для румян и часов Волоскова см.: *Жизневский*. С. 136, 147, 166—167, 166.

[319] Карманов Диомид Иванович (1740—1795), историк, краевед, в качестве вольнослушателя прослушал курс риторики в Тверской духовной семинарии, служил в городском магистрате, купец 2-й гильдии, публичный нотариус. Труды его по истории Твери и торжественные речи публицистического характера не были опубликованы в свое время. См.: Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Предисловие В. И. Колосова. Тверь, 1893 (репринт, 1992); *Колосов В. И.* Библиотека тверского археолога XVIII в. Д. И. Карманова. Тверь, 1897; *Владиславлев В.*, протоиерей. Д. И. Карманов и его проповеди // ТЕВ. 1889. № 4.

[320] См.: *Тверь 1*, с. 109—110; *Тверь 2*, с. 127.

[321] Описание см.: *Жизневский*. С. 188—190.

[322] См.: В верховьях Волги // Исторический вестник. 1894. Апрель. — *Прим. Тюменева*.

царя Алексея Михайловича, и подлинник его находится в пустыни, здесь же хранится копия. Когда-нибудь музей, быть может, украсится хорошими портретами и других тверских уроженцев и деятелей. А их много! Достаточно припомнить только имена адмирала Корнилова,[323] драматурга Озерова, гравера Уткина,[324] И. Е. Забелина,[325] П. А. Плетнева,[326] М. Е. Салтыкова[327] и других.

Тверь, как известно, славится своими пряниками и мятным горохом. И это производство не забыто в музее. Наряду с образцами савинских кож и юфти и другими произведениями тверских фабрик выставлены и образцы пряников, из которых особенно выделяется один, свадебный, с надписью «Дар сердечный чете соединенной».

---

[323] Корнилов Владимир Алексеевич (1.02.1806, с. Ивановское Старицкого у. Тверской губ. — 5.10.1854, Севастополь, Малахов курган), вице-адмирал русского флота, герой Крымской войны. В с. Рясня, которое также принадлежало роду Корниловых, в настоящее время создан музей адмирала В. А. Корнилова и рода Корниловых.

[324] Уткин Николай Иванович (1780, Тверь — 1863, Санкт-Петербург), гравёр, крупнейший мастер портретной резцовой гравюры первой половины XIX в.; хранитель гравюр в Эрмитаже (1817—1860), смотритель Музея Императорской АХ (1841—1854). Внебрачный сын писателя и педагога Михаила Никитича Муравьева, отец которого Н. А. Муравьев служил в Твери сначала председателем палаты гражданского суда, а потом вице-губернатором наместничества. Мать его, дворовая девушка, была выдана замуж за камердинера Муравьева И. С. Уткина; в 1785 г. пятилетний мальчик получил вольную и определен в воспитательное отделение при Императорской АХ.

[325] Забелин Иван Егорович (17.09.1820—31.12.1908), археолог и историк, член-корреспондент (1884), почетный член (1907) Императорской АН, инициатор создания и товарищ председателя Императорского Российского Исторического музея им. имп. Александра III, тайный советник. Родился в семье мелкого чиновника в Твери; в 1828 г. семья Забелиных переселилась в Москву.

[326] Плетнев Петр Александрович (1.09.1791—29.12.1865), поэт, литературный критик, педагог, первый ректор Петербургского университета (1840—1861). Родился в семье священника с. Теблеши Бежецкого у., первоначальное образование получил в Тверской семинарии. См.: *Строганов М. В.* Друг Пушкина, поэт // Плетнев П. А. Стихотворения. Тверь, 1998. С. 5—12.

[327] Салтыков Михаил Евграфович (псевдоним Николай Щедрин; 15.01.1826—28.04.1889), писатель, тверской вице-губернатор (1860—1861). Родился в с. Спас-Угол Калязинского у. (ныне Талдомский р-н Московской обл.). Следует иметь в виду, что в 1881 г. земский врач М. И. Петрункевич подарил в Тверской музей гипсовую копию бронзового бюста Салтыкова работы скульптора П. П. Забелло, но по инициативе А. К. Жизневского бюст был изъят из экспозиции музея после закрытия журнала «Отечественные записки»: *Строганова Е. Н.* М. Е. Салтыков и Тверская ученая архивная комиссия // На взгляд неравнодушного потомка: научные и краеведческие статьи, посвященные жизни и творчеству Салтыкова-Щедрина. Талдом, 1998. С. 114—120.

Мерою пряник полтора аршина длины и аршин ширины; цена ему десять рублей.

Об отделах домашней утвари, оружия, строительных материалов, письменных принадлежностей, равно как о богатейшем собрании рукописей и монет не стану и распространяться; это завело бы меня слишком далеко. Скажу только, что для подробного осмотра музея и всей массы собранного в нем промышленного, археологического и этнографического материала потребовался бы, по крайней мере, целый месяц.

Когда мы вышли из музея, на улице шел давно желанный в Твери проливной дождь. У Августа Казимировича зонтика не оказалось.

— Я так сжился с нуждами губернии и наших крестьян, — сказал он, — что нарочно не взял с собой зонтика, чтоб дождь не ушел. Теперь слава Богу! А меня пусть помочит.

Сторож снабдил его своим зонтиком, и мы расстались с почтенным археологом, личность которого произвела на нас самое приятное впечатление.

IX. От Твери до Калязина

Дым столбом, кипит, дымится пароход!
Н. В. Кукольник. Попутная песня[328]

Утро следующего дня было тихое, ясное; на небе — ни облачка. Простившись с Тверью, мы отправились на Самолетскую пристань, приютившуюся под пятисаженным откосом правого берега. Для публики устроена вниз широкая деревянная лестница, а для вещей и груза — гладкий дощатый скат, по которому то и дело мелькали несущиеся вниз ящики, тюки, корзины и сундуки.

Пароход «Сильфида» дымился внизу, готовый к отплытию. Публики было много. Всюду суета, оживление. Матросы перетаскивали вещи на пароход, между ними сновали отъезжающие, провожающие, торговцы, нищие и неизбежные при каждой суете мальчики, которые суются в ноги, пролезают под локтями, толкаются, протискиваются и вообще суетятся более всех без всякой причины.

Заняв места, мы поднялись на верхнюю площадку и стали любоваться окружавшею нас картиною. Снизу доносился шум и говор сновавшего по пристани и пароходу занятого, озабоченного народа, а серебристая гладь Волги была тиха и даже казалась неподвижною. На противоположном берегу, освещенные яркими лучами солнца, тянулись сады, церкви и дома Заволжской части, белели каменные стены Отроча монастыря, а по ту сторону Тверцы скромно ютились домики

[328] Начало «Попутной песни» (1837), романса М. И. Глинки на стихи Н. В. Кукольника. Но пароходом во времена Кукольника называли современный паровоз.

Затверечья. Колокольни и купола церквей разнообразили несколько монотонную линию горизонта.

Подле меня стоял мальчик и также глядел на ту сторону, перебегая глазами от одной церкви к другой.

— А я все церкви знаю! — наконец обратился он ко мне.

— Неужели?

— Верно.

Он был, видимо, доволен этим знанием и, не ожидая приглашения, начал пересчитывать церкви:

— Вон слева-то, крайняя, — это Филип-апостол, а поближе сюда — Вознесенье, а над мостом-то — Трех Исповедников, подле Отроча — Троица, Отрочь... — ну, это известно. В Затверечье первая — Екатерина, а из-за нее видать — Здвиженье, а по берегу дальше, направо-то, Минивихтора...

— Как?

— Минивихтора. А дальше Неопалимая Купина.[329] Всё!

Он с торжеством повернулся на одной ноге и направился вниз на палубу, не удостаивая меня дальнейшим разговором.

— Постой! — крикнул я, — что за Минивихтора? Вероятно, Мины и Виктора?

Мальчик ничего не ответил и продолжал спускаться. Через несколько минут он уже беседовал с каким-то мужичком.

— Это Вознесенье, — доносился снизу его голос, — это Трех Исповедников.

— Ну?

— Это Троица.

— Верно!..

Раздался второй свисток. Шум и суетня увеличились. Я взглянул вперед и удивился: от Отроча монастыря к нашему берегу тянулся сплавной мост, загораживая Волгу и пресекая всякое по ней движение. Но, услыхав второй свисток парохода, на мосту закопошились, и через

---

[329] Церкви Заволжья: ап. Филиппа на берегу Волги (нач. XVII в. деревянная; 1774 каменная, не сохранилась; там, где ул. Благоева / Филиппоапостольский пер. выходит на наб. Афанасия Никитина), Вознесения что за Волгой (не сохранилась, на территории пл. Мира), Трех Исповедников (Воскресения Христова, каменная 1731 на месте деревянной, рядом с памятником Афанасию Никитину), Великая Троица (1733—1737, ул. Шевченко, 1, на средства тверских купцов Матвея и Алексея Арефьевых, в доме которых теперь находится Музей тверского быта). Церкви Затверечья: влкмчц. Екатерины (1781, ул. Кропоткина, 19/2, по преданию, Екатерина II пожертвовала на постройку 500 рублей), Воздвижения (1763, не сохранилась), мч. Мины, Виктора и Викентия (1805, ул. Кропоткина 62/1), Неопалимой Купины (1841, каменная, кладбищенская; не сохранилась, пустырь перед Восточным мостом).

несколько минут средняя частица моста тронулась с места и отошла в сторону, оставив узкое местечко для парохода.

На штурвальный мостик взошли капитан и два бородатых лоцмана. Они сняли фуражки и начали молиться на тверские церкви. Третий свисток. Сходни отданы. Медленно повернулись колеса, и пароход отделился от пристани, наполненной провожающими, среди которых стоял и мальчик, знающий все тверские церкви.

Пройдя сплавной мост, капитан скомандовал полный ход, и панорама берегов плавно поплыла мимо нас, развертывая всё новые и новые картины.

Свисток. На нос пробежал матрос измерять глубину. Мы на Константиновской мели.[330] Пароход идет тихим ходом. На носу то и дело мелькает в воздухе длинный шест, разделенный на восьмивершковые футы, и слышится голос матроса:

— Шесть! — шесть! — шесть! — пять! — шесть! — пять! — пять! — че́тыри! — че́тыри! — че́тыри! — пять! — пять! — шесть!

Мель пройдена. Капитан дает свисток, шест исчезает, и пароход опять идет полным ходом. Но это продолжается недолго. Через версту показывается следующая мель — Примерковская. Опять свисток, тихий ход, опять мелькает в воздухе шест, и слышно: шесть! пять! че́тыри! че́тыри! и т. д., пока, миновав мель, пароход снова пускается полным ходом.

Весною, в полую воду, эти мели нисколько не стесняют движения и почти незаметны, но летом, особенно в жаркие, сухие года, Волга мелеет настолько, что мели порою становятся окончательно непроходимыми, и пароходство в верхнем плесе от Твери до Рыбинска приостанавливается.

Тверь долго еще виднелась вдали со своей зеленью, со своими куполами.

В семи верстах от города, на левом берегу Волги, но несколько в стороне от воды, среди сосновой рощи находится небольшой Николо-Малицкий монастырь, получивший свое название от ручья Малицы. Основан он во второй половине XVI столетия, но кем — неизвестно.

---

[330] На Волге от Твери находились мели: Константиновская (около д. Константиновка, длина 360 сажен), Перемерковская (д. Перемерки), при д. Горохово, Юрьевская (длина 4,5 в.), Низменная, ниже р. Дубянки (длина 300 сажен), Едимоновская, Телятниковская, Юрятинская и Гагаринская (Сухаринская?), на них были устроены водостеснительные сооружения для подъема воды. Тюменев называет вторую мель Примерковской, что объясняется влиянием книги А. П. и Н. П. Боголюбовых «Волга от Твери до Астрахани» (СПб.: тип. Гогенфельда и К°, 1862): здесь также названы только первые две мели от Твери, а вторая именно Примерковская. Книга Боголюбовых оказала заметное влияние на описание Тюменевым своего путешествия от Твери до Калязина.

В писцовых книгах, современных его основанию, он назван «великого князя монастырьком на Новгородской дороге» и действительно находится неподалеку от старого Петербургского шоссе, идущего, как известно, через Новгород. В 1676 году он, по-видимому, возобновлен стольником Г. Д. Овцыным, а в 1753 г. возведены в нем все каменные строения графом П. И. Шуваловым в благодарность за исцеление жены его Мавры Егоровны, которая и похоронена в обители. Здесь хранится мозаичный образ Спасителя работы Ломоносова, пожертвованный, вероятно, теми же Шуваловыми, которые вообще много благодетельствовали монастырю.[331]

Вдали показалась какая-то темная фигура своеобразной формы. Это туэр[332] тащился вверх по железной цепи, проложенной от Рыбинска до Твери. Цепь посредством паровых приспособлений навертывается на вал, пароход движется по ней вперед, а пройденные части цепи снова опускаются в воду. Туэр вел на буксире шесть барок с хлебом и, видимо, работал добросовестно. Но надо заметить, что этот род буксирования судов с каждым годом падает всё более и более.

На правом берегу мы миновали село с библейским названием — Эммаус.[333] Здесь когда-то находился загородный дом тверских архипастырей, теперь давно уже упраздненный.

Вскоре за Эммаусом на противоположном берегу, при впадении реки Орши, показалась луковичная глава церкви, принадлежащей заштатному Оршинскому монастырю.[334] О времени его основания сведений не сохранилось; известно только из надписи на одной из надгробных плит, что в 1542 году он уже существовал. Известно также, что в нем были и иконописцы, так первая икона св. Нила Столобенского была написана в 1595 году пришедшими отсюда, с Орши, иноками Иовом и Нифонтом. В смутное время монастырь был разграблен поляками. Некоторые из спрятанных перед их нашествием вещей найдены под церковным полом в 1846 году. Укрытыми оказались три антиминса 1557, 1610 и 1613 годов, кадило 1603 года, дискос и три блюда 1604 года. Но как ни был разрушен и ограблен монастырь, архимандрит его Иосиф пользовался, по-видимому, общим уважением тверичей и, в качестве выборного от Твери, приложил свою руку к грамоте об избрании Михаила Феодоровича на царство. Монастырёк очень невелик и довольно живописно расположен над устьем Орши.

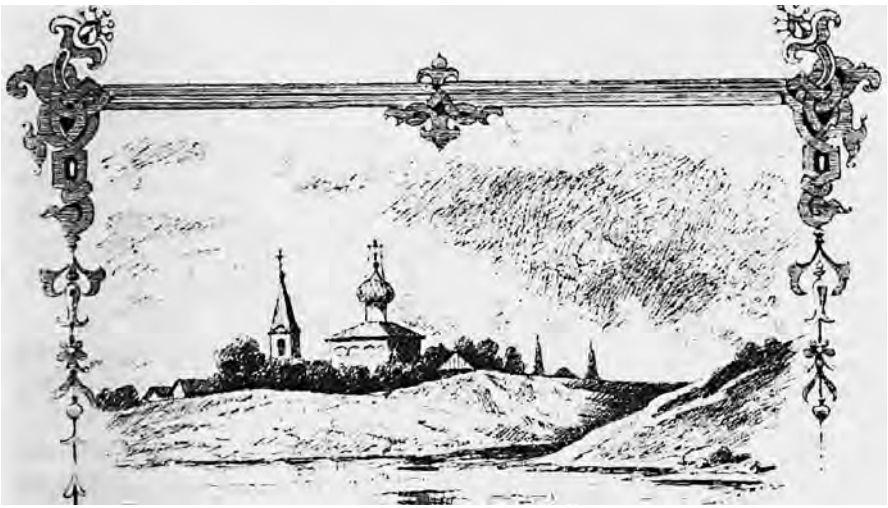
---

[331] См. путешествие М. И. Семевского.

[332] Туэр — буксирный пароход, движущийся при помощи зубчатого колеса, которое цепляется за кольца протянутой по дну реки цепи.

[333] См. путешествие Боголюбовых, И. А. Дмитриева (*Тверь 2*, с. 171—172).

[334] О р. Орше и Оршином Вознесенском монастыре см. в путешествии Боголюбовых.



Оршинский монастырь. Рисунок. 1893

По Волге то и дело попадаются разные суда, спускающиеся вниз или буксируемые вверх пароходами. Все пароходы при встрече обязательно «размахиваются» друг с другом флагами. Едва только вдали показывается какой-нибудь пароход, капитан следит за его приближением и дает свисток. Этот свисток всегда дается пароходом верховым, то есть идущим с верха. Через несколько секунд на низовом пароходе показывается клуб белого пара, и с него доносится звук ответного свистка. Один из рулевых после совета с капитаном выходит на правый или левый кожух, глядя по обстоятельствам, становится на самый край и машет белым флагом, указывая, что хочет пройти мимо встречного парохода именно этим бортом. Низовой большею частью соглашается и машет в ответ с соответствующего кожуха, то есть если верховой машет с левого борта, то он отвечает с правого, и пароходы расходятся без приключений. Но случается, что низовой, особенно буксирный, идущий со многими барками, находит для себя невыгодным направление, назначаемое верховым пароходом. Тогда они перемахиваются снова, и пассажирский пароход как более легкий уступает; но такие перемашки случаются крайне редко. Обыкновенно уже вперед можно угадать, которыми бортами разойдутся пароходы, так как оба предпочитают держаться своей правой стороны. Когда они равняются друг с другом, капитаны, или в их отсутствие старшие лоцмана, большею частью приветствуют друг друга приподниманием фуражек.

Но вот и опять историческая местность.

На правом берегу показывается село с старинною церковью, красиво помещенною на вершину обрывистого холма, покрытого зеленым

Городня (древний Вертязин). Рисунок. 1893

ковром свежей травы с пестреющими на нем узорами полевых цветов. Это Городня,[335] иначе — Городень, Городец или, как она иногда называется в летописях, Вертязин городок. Здесь в 1312 году князь Михаил Ярославич, прогневавшийся на новгородцев и не пускавший в Новгород «обилия», то есть хлеба и съестных припасов, вследствие увещаний новгородского владыки Давида заключил мир с Новгородом. Новгородцы обязались уплатить 1500 гривен серебра, а тверской князь «ворота отворил» для хлебных обозов. Принимая монашество, тверской князь Михаил Александрович отдал Вертязин вместе с Тверью и другими городами старшему сыну своему Ивану и его детям, а в 1569 году царь Иван Васильевич, расправившись с Тверью, перебил заодно и жителей Городца чуть не до единого. В 1609 году на этом берегу Михаил Васильевич Скопин-Шуйский узнал неожиданную тревожную весть, что Делагарди свернул с московской дороги и, вместо того чтоб идти на выручку Троицы и самой Москвы, двинулся обратно к Новгороду. Отсюда же он отправил к шведам Ододурова с просьбою вернуться и не изменять данному обещанию. По словам г. Борзаковского, в городке и теперь еще видны фундаменты храмов древнего города, а уцелевшая церковь Рождества Богородицы,

[335] См. путешествия А. Н. Островского (*Тверь 1*, с. 368—375), И. А. Дмитриева и А. М. Петропавловского (*Тверь 2*, с. 167—170, 330—331).

по предположениям, построена в XIII веке. Внизу церкви под сводами можно видеть древние стены с остатками старинных фресок.[336]

Мели встречаются очень часто. Так между Оршинским монастырем и Городнею, на пространстве около 15 верст, мы прошли три больших мели одну за другою. Но слух наш уже привык и к свисткам и к промерке. Мы спокойно внимали доносившимся с носа матросским восклицаниям и только однажды слегка насторожились, когда, после знакомого: че́тыре, че́тыре — вдруг послышалось: три! три! — но потом футы опять начали прибывать, и все успокоились. Две деревни между Оршею и Городнею носят интересные названия: Отроко́вичи и Судимирка,[337] оставшиеся, быть может, из времен глубокой древности.

За Городнею мы миновали селение Выдогощь с длинною, вдающеюся в Волгу песчаною косою; затем, на правом берегу показалось село Мелково,[338] а наискось от него, на левом, — Едимоново, первая пароходная станция в 47 верстах от Твери.

О древней легенде, связанной с Едимоновым, я уже говорил выше. В настоящее время село известно своими артельными сыроварнями и школою молочного хозяйства. Всё это заведено здесь Н. В. Верещагиным[339] более двадцати лет назад. Благое начинание принесло добрые плоды. Дело сыроварения распространяется всё далее и далее, принося крестьянам несомненные выгоды и улучшая их материальное положение. Школа успела уже выпустить до 300 знающих дело сыроваров, хорошо ознакомленных и с другими отделами молочного хозяйства. Сыроваренное дело давно уже перешло пределы Тверской губернии и обещает в будущем немалые экономические выгоды всему здешнему краю. Едимонову принадлежит честь быть колыбелью этого дела.

Против Едимонова опять бакены, опять мель, свистки и промерка. Не успел капитан отпустить матроса и дать полный ход, как уже снова позвал его: впереди виднелись новые бакены, и на этот раз шест показал три без вершка.

За Единомоновом, на правом берегу, появилась граница Московской губернии, которая в это месте оттесняет Тверскую как будто бы только

---

[336] *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества.

[337] Д. Отроковичи (93 жителя) Городенского с/п Конаковского р-на на правом берегу, д. Судимирка (15 жителей) Каблуковского с/п Калининского р-на на противоположном, левом берегу Волги.

[338] Д. Видого́щи Каблуковского с/п Калининского р-на (52 жителя), на левом берегу Волги. Впервые упоминается в XVI в. Д. Старое Мелково (ранее с. Мелково, впервые упоминается в 1546), центр Старомелковского с/п Конаковского р-на (1308 жителей).

[339] О Н. В. Верещагине см. в прим. к путешествию М. И. Семевского.

затем, чтобы взглянуть на Волгу, и через двадцать верст снова отходит в сторону.

Неподалеку от села Нового (второй Самолетской пристани от Твери) в Волгу впадает справа река Шоша,[340] идущая сюда из Зубцовского уезда, и заставляет ее круто изменить направление. Волга, державшаяся от самой Твери юго-восточного направления, почти под прямым углом поворачивает отсюда на северо-восток и течет по этой линии почти до самой Корчевы, где в нее впадает слева река Созь, которая отклоняет течение прямо на восток. Такая податливость составляет одну из характерных особенностей Волги и объясняется отчасти малым уклоном ее русла и происходящим от этого слабым течением.

Берега Волги между селениями уже давно стали какими-то унылыми, пустынными. Лесов мало, пейзаж однообразен, и даже селения с своими церквами, построенными в одном и том же стиле, мало оживляют картину.

Недалеко от устья Сози мы заметили на левом берегу целый ряд холмов, очевидно насыпных. Средний холм был значительно больше и выше других, и все они вместе напоминали какое-то древнее богатырское кладбище.[341]

Благодаря беспрестанным мелям пароход наш на расстоянии 88 верст от Твери до Корчевы уже опоздал на два часа, так что вместо четырех мы пришли в Корчеву только в шесть.

Корчева[342] прежде была казенным селом, а в 1781 году переименована в уездный город тверского наместничества; через 15 лет ее оставили за штатом, а в 1803 опять восстановили, но город даже и в настоящее время настолько мал, скучен и незначителен, что не выдержит сравнения ни с одним из остальных тверских уездных городов, не исключая и Зубцова. От его улиц, бульвара и набережной веет такой захолустною тишиною и сладостною дремотою, что мы не решились нарушать этого блаженного состояния даже в рисунке и изобразили его мирно покоящимся в летнюю тихую ночь.

На одной из мелей около Корчевы нас ожидало маленькое развлечение. Поперек Волги, с левого берега на правый, медленно двигалась какая-то темная точка, долго служившая загадкою для всех, пока нако-

---

[340] О рр. Шоше и Сози см. в путешествии Боголюбовых. С. Новое (с 1920-х Свердлово) Вахонинского с/п Конаковского р-на, известно с 1624 г.

[341] С. Устье при впадении р. Сози в Волгу, известно с 1628—1629 гг. Церковь Живоначальной Троицы (деревянная, 1722; каменная, 1821). О курганах см.: *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. С. 255.

[342] О г. Корчеве, рр. Дубне и Сестре см. путешествия Боголюбовых и С. В. Максимова.

Город Корчева. Рисунок. 1893

нец лоцман не заявил, что это плывет корова. Слова его подтвердились, и пассажиры со всего парохода долго следили за отважным животным, которое, добравшись до отмели, с громким мычаньем вышло на берег, не подозревая, сколько удовольствия, смеха и веселья доставило оно нашим палубным зрителям.

Берега по-прежнему однообразны, невысоки и большей частью пусты. Нижнюю часть их составляют песчаные отмели, повыше зеленеет трава.

Верстах в тридцати от Корчевы в Волгу впадает справа река Дубна, протекающая по губерниям: Владимирской, Московской и Тверской. Недалеко от устья Дубна принимает в себя другую реку, Сестру, идущую из Клинского уезда. Эта Сестра была соединена каналами с Москвою-рекою так, что составляла небольшую систему, по которой с Волги можно было доехать водою до Москвы, но теперь это сообщение по неизвестным причинам заброшено и приходит в упадок.

Почти против устья Дубны, на левом берегу, находится сельцо Пекуново,[343] около которого сохранились остатки древнего городища. Городище, по всей вероятности, имело кругообразную форму, было окружено тремя рвами и двумя валами и, по-видимому, огорожено тыном. Возле городища в два ряда тянулись курганы. Прежде их было

[343] Д. Пекуново Федоровского с/п Кимрского р-на. О курганах см.: *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. С. 257–262.

до тридцати; теперь осталось только четырнадцать. Прежний владелец рылся и в городище, и в курганах с целью отыскать клады, но, кроме костей, ничего не находил. Когда вешний разлив Волги размывал городище, в размывной земле находили кремневые наконечники стрел и копий, черепки глиняной посуды и человеческие черепа. Последние, к сожалению, рассыпались при первом к ним прикосновении. И много еще рассеяно по Волге таких городищ, до которых не касалась рука археолога.

Дубна, подкрепленная Сестрою, сообщает Волге свое направление с юга на север, и влияние младших сестер на этот раз так значительно, что Волга, тронувшись на север, не покидает этого направления до самой Мологи.

Пароход был уже недалеко от Кимры. На правом берегу, окруженная красивым сосновым бором, показалась каменная церковь Иоанна Предтечи; построена она недавно и, по-видимому, талантливым архитектором. Раскраска ее несколько пестра, но пропорция и общий силуэт производит очень приятное впечатление. Кроме того, вид этой одиноко стоящей на берегу церкви прекрасно дополняется фоном окружающего ее леса, и в общем получается крайне симпатичная картинка.

Кимра[344] была уже в виду. Солнце только что скрылось за горизонтом, и Волга со всею окрестностью покрылась легкою дымкою удивительно приятного, точно перламутрового тона. Пароход наш плавно приближается к левому берегу, где виднелись оба собора и дома столицы волжского сапожного мастерства.

Подле нас сидела компания из нескольких мелких купцов и приказчиков.

— Кимра, — глубокомысленно заметил один из них, глядя на приближающееся селение.

— А что Кимра? — подхватил другой, — аль опять сапожков захотелось?

Компания захохотала.

— Дались вам сапоги, — нехотя улыбнулся первый. — Раз поучили, в другой не поймают.

— Политурка-то, политурка-то! А? — поддерживали другие. — Недаром сами говорят: нашей работы проносишь до субботы, да и то только коли в руках носить будешь, а на ноги ни-ни!

— Да неужели же в Кимре так плоха обувь? — спросил я.

— У них всякая есть, какая угодно, — отозвался один из собеседников. — Они ведь колдуны; из глины сапоги слепить могут.

---

[344] О с. Кимре и кимряках-сапожниках см. путешествия А. М. Петропавловского (*Тверь 2*, с. 337–343) и С. В. Максимова.

Село Кимра. Рисунок. 1893

— Ну, полно врать, — вмешался пожилой купец, сидевший тут же, — зачем говоришь чего нет!

— А разве не лепят? Посмотри у них на подошву, разве это кожа? Кожа-то только сверху, а под ней чего-чего нет, и тряпки, и бумага, и глина...

— Одно слово политурка!.. — захохотал кто-то.

Купец отвернулся от них и заговорил со мною.

— Видите ли, действительно плутовства много, признаться надо. Но только если вы сделаете сапоги на заказ да хорошую цену дадите, настоящую, так довольны останетесь, потому они мастера здесь...

— Если их сапоги купить, — не унимались собеседники, — да верст за десять в гости пойти, так домой босиком вернешься.

— Да чего, — подхватил один из них, — при мне было, прошлым годом, вот на пароходе же. Ехал англичанин один. Прочитал он в книжке, что, мол, здешняя пристань сапогами славится, и айда на берег. Купил сапоги, пять с полтиной дал, приносит на пароход. Ему кто-то и посоветовал положить их для крепости в воду: у них, мол, всегда так делается. Тот положил, приходит через полчаса, а они и совсем размокли: в подошвах сахарная бумага объявилась.

Слушатели захохотали.

Купец пробовал оппонировать.

— Нет, уж ты, Степан Михайлыч, не спорь, — остановил его седой старик, до сих пор не принимавший участия в разговоре, — у тебя дочь в Кимру выдана, так ты за зятя заступаешься, а только надо правду

сказать, избаловался народ, совсем измошенничался. Теперь вот в этой самой Кимре, — обратился он ко мне, — нет дома, где бы не было сапожника, кроме разве только питейных заведений, и все деревни кругом, верст на 15, на 25, все сапожным ремеслом занимаются, а дельного товару днем с огнем наищешься. Все норовят, как бы поднадуть да объегорить. Дешево сделают, да зато уж прескверно.

— Зачем говорить, чего нет! — оживился было купец, но старик, не слушая его, продолжал:

— На войска прежде в военное время подряды большие брали и деньги наживали хорошие, а солдатики-то, по их милости, босые ходили. Вот теперь локоть-то и близко, да не укусишь; как веру в них потеряли, подрядов не дают, заказов не присылают, и приходится им зубы на полку класть. А всё через себя, через плутни. И заводы свои кожевенные есть, и мастера есть, могли бы работать, а веры нет, и шабаш!

— Ан врешь, и на Питер, и на Москву работают кимряки-то, на всю Россию, — загорячился купец.

Но старик только махнул рукою и направился к лестнице.

Пароход давно уже стоял у пристани. Высоко поднимались в небо обитые белой жестью нарядные купола нового Покровского собора, подле которого помещался старый — Троицкий. В сущности понятия *старый* и *новый* могут быть приняты здесь только относительно, так как, судя по стилю, оба собора построены в настоящем столетии. В архитектуре окрашенного в желтую краску Покровского собора поражает смешение классических деталей с русскими. Храм построен по общему образцу русских церквей, квадратный, с пятью куполами, а стены разбиты колоннами чуть ли не дорического ордена: по карнизу тянутся античные триглифы и метопы, а под ними с алтарной стороны помещаются полукруглые углубления с образами, тогда как заостренная форма оконных наличников на барабанах под куполами напоминает готику. Троицкий собор, голубой, имеет только одну главу; он скромнее, но более выдержан в стиле. Я потому распространился о кимрских соборах, что им принадлежит главная роль в общем виде Кимры. Соборы эти настолько овладевают вниманием зрителей, что остальные постройки селения, особенно с Волги, как-то стушевываются, и от общего вида остается только впечатление окруженных зеленью соборов.

Во второй половине XVII столетия Кимра считалась дворцовым селом, которое было пожаловано тестю царя Ивана Алексеевича, Салтыкову; потом Кимрою владел канцлер Головкин, Скавронские, а в 1847 году кимряки, в количестве 1400 душ, выкупились на волю за 495 000 рублей ассигнациями, выданными им заимообразно от казны с рассрочкою. Сапожному ремеслу кимряки выучились более ста лет назад в Москве, куда ходили работать с половины ноября до Святой

недели. Войны 1807 и 1812 года, благодаря большим заказам от казны, сильно содействовали развитию сапожного производства и сразу подняли благосостояние жителей. Оказывается, что война родит не только героев, но и сапожников. Большие подряды взяли кимряки и в последнюю войну, но, кажется, старик-приказчик был прав, и солдатики остались не особенно довольны обувью. Вообще доверие к кимрскому товару поколебалось, и это отражается на крупных местных фирмах: начинаются банкротства, тяжело отзывающиеся на мелких тружениках, работающих товар на оптовых производителей. Но, конечно, дело если и падает, то, во всяком случае, еще не упало совершенно и может быть поднято вновь при более строгом и добросовестном отношении к материалу и работе.

В Кимре пароход простоял около часа. Грузили целую гору ящиков с сапожным товаром, отправлявшимся в Ростов-на-Дону.

Сумерки спускались всё более и более, превращая очертания берега в темные силуэты. Только на западе еще догорала вечерняя заря, отражаясь в спокойной глади Волги. На пристани еще суетились люди, но Кимра затихала. За кормою парохода по колено в воде стояли несколько мальчиков и удили, вскоре и они скрылись. Наступала теплая летняя ночь.

Запасшись на особой пристани нефтью, заменяющей здесь дровяное отопление, пароход наш двинулся далее.

Угомонились и палубные пассажиры; большинство их спит вповалку где попало: подле ящиков, на носу, у трубы. Мы вошли в рубку и спросили чаю. Снизу из каюты доносится чей-то сладкий храп, а за окном по-прежнему раздается знакомое пять, пять, чéтыри, чéтыри! Пароход стукнулся дном о песок, но прошел благополучно. Он движется вперед с большой осторожностью. Медленно проплывают мимо нас огоньки, зажженные на бакенах. И снова всё темно. Минут через пять новый свисток. «Есть!» — кричит матрос, пробегая мимо рубки. Хлопает дверь, ведущая в носовую часть судна, и опять начинается промерка.

В рубке не сиделось; мы поднялись на верхнюю площадку. Впереди сверкает ряд огоньков на бакенах, пароход идет самым тихим ходом. Из-за леса поднимается месяц и золотистым столбом отражается в зеркальной поверхности реки. Края горизонта еще не совсем потемнели, но над головою и под нами в воде — темная, непроглядная бездна.

Час ночи. Капитан сворачивает к левому берегу и дает протяжный свисток. Слева видна деревня, а впереди, точно островок, вырезается темный силуэт рощи. На берегу вспыхнул огонек и пополз под гору, а минуты через три он уже приблизился к пароходу в лодке. Мы близ устья Медведицы. Река эта начинается за 250 верст в Вышневолоцком уезде и в древние времена служила границею между Ростовскою областью и Новгородом. По ней новгородцы, как и по Тверце, частенько

наведывались на Волгу, и в те времена река эта имела гораздо большее значение, чем в наши дни.

За Медведицей пароход миновал усадьбу М. Е. Салтыкова, о которой книга г. Боголюбова «Волга от Твери до Астрахани», изданная в 1862 г., говорит: «На полуострове выстроен красивый двухэтажный дом г. Салтыкова. Он года три как отстроен, а до того лет 50 стоял в запустении без крыши, как говорит предание, потому, что тут водилась нечистая сила. Другое предание говорит, что в этом доме живал Борис Годунов».[345]

Далее встретилось село Скнятино, бывший тверской город Скнятин, или Кснятин, неоднократно упоминаемый в летописях. Он построен в 1134 году Юрием Долгоруким на устье р. Нерли, вытекающей под именем Вексы из озера Плещеева и затем меняющей свое имя на Нерль. Длина ее около ста верст.[346]

Под утро пароход подошел к пристани Сергиевской, которую правильнее было бы назвать Кашинскою, так как отсюда всего 12 верст до г. Кашина, и Сергиевское (названное так по близлежащему имению) составляет его главную пристань на Волге.

Отсюда всего только несколько верст до Кашина.

X. Калязин

Калязинцы свинью за бобра купили.
Народное присловье[347]

При первых лучах восходящего солнца пароход подошел к Калязину, высокая колокольня которого давно уже виднелась издали, вырезаясь своим белым цветом на фоне утреннего неба.

Мы хотели осмотреть здешний Макариевский монастырь и взглянуть на поле битвы, где молодой Скопин наголову разбил Сапегу,[348] —

---

[345] Неточная цитата; ошибка Тюменева: с. Медведицкое Кашинского у. принадлежало князю И. П. Салтыкову, см. прим. к путешествию Боголюбовых.

[346] О Скнятине и Сергиевском см. путешествие Боголюбовых. Р. Нерль, правый приток Волги, длина 112 км, исток оз. Плещеево; см. путешествие А. Дюма.

[347] См. путешествие С. В. Максимова.

[348] См. описание монастыря в путешествиях А. М. Петропавловского (*Тверь 2*, с. 367–371), Боголюбовых. Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (8.11.1586–23.04.1610), деятель Смутного времени. В мае 1609 г. возглавил борьбу против поляков. Разбил их под Торопцем, Торжком, Тверью, остановился под Калязином. К августу у него было уже 20 тысяч воинов. Поляки начали объединять свои силы, в середине августа подошли к Калязину, и вблизи монастыря началась Калязинская битва, в результате которой Ян Сапега отступил к Москве. Памятники Скопину-Шуйскому установлены в с. Городне, Калязине (скульп. о. Евгений Антонов), в 2009 г. мемориальные знаки близ Торопца и Торжка, в Кашине.

Калязинский монастырь. Рисунок. 1893

а потому, простившись с пароходом, сошли на пристань и начали взбираться на гору. Услужливые юные калязинцы, несмотря на ранее время, уже присутствовали на пристани, подхватили наши вещи и мигом довели нас до Волжской гостиницы, находящейся на берегу, на краю торговой площади. Гостиница, вероятно, построена недавно, потому что на дверях ее красуется надпись: «Вход в гостиницу вновь открытую».

Ввиду того что главный интерес Калязина составляет его монастырь, расположенный несколько в стороне, на левом берегу Волги, мы и решили прежде всего отправиться туда.

— Вам в монастырь? в монастырь? — приставали мальчики. — Пожалуйте на паром, вот внизу, сейчас и перевезут.

Внизу, несколько левее пристани, действительно стоял большой паром, на котором суетился какой-то мужичок. Мы спустились к парому.

— Вам, господа, за Волгу? в монастырь? — осведомился мужичок.

— За Волгу, в монастырь.

— Пожалуйте в лодку; сейчас торговок везут.

Лодка была почти полна и скоро отвалила от барки. Торговки везли с собой и товар: булки, пироги, семечки, пряники и т. п. Все они отправились торговать в монастырь, где постоянно бывают пришлые богомольцы.

До монастыря от берега надо пройти, по крайней мере, с полверсты, сначала полем, потом слободкою, раскинувшеюся под его высокими каменными стенами.

Но прежде чем войти в монастырь, скажем несколько слов об его основателе.

В начале XV века, когда вся эта местность еще была покрыта густым непроходимым лесом, недалеко от Кашина проживал в своем поместье один из боевых сподвижников московского князя Василия Васильевича Темного, по имени Василий, по прозвищу Кожа, родоначальник древнего рода Кожиных. Прозвище свое он получил по следующему поводу: гонясь однажды за убегавшим Шемякою, он убил под ним коня и, срезав кусок кожи с павшего животного, принес его как трофей своему князю, за что был будто бы почтен от него похвальною грамотою. Удалившись от дел, Кожа проживал с супругою Ириною в селе своем Грибневе (или Грибнове), нынешнем Кожине, и здесь у них родился сын, которого они нарекли именем Матфея. Подобно большинству наших русских подвижников, Матфей еще в ранней молодости получил склонность к отшельнической жизни. Уступая желанию родителей, он вступил в брак, но по смерти жены тотчас же оставил дом и отправился в ближайшую обитель святителя Николая на Клобукове, где и был пострижен с именем Макария. Жизнь в монастыре мало удовлетворяла его душу, искавшую уединения, и с благословения игумена он отправился в леса искать себе место для уединенных подвигов. Такое место нашел он на берегу Волги, на земле некоего вотчинника Ивана Коляги, там, где стоит теперь монастырь. Вокруг его кельи вскоре стали собираться люди, желавшие жить под его духовным руководством, и преподобный наконец увидел себя вынужденным обратить свое скромное жилище в небольшой монастырек и соорудить в нем небольшую церковь. Церковь была срублена, по преданию, в сорок дней, но в общине иночествующих не было иеромонаха, который мог бы совершать богослужение в новопостроенном храме. Макарий долго отказывался от предлагаемого ему братией священного сана, но так как никто не хотел иметь другого иеромонаха, кроме него, то он наконец согласился и отправился в Тверь, где был рукоположен тамошним епископом. Коляге очень не нравилось возникновение монастыря на его земле. Он боялся, что монахи со временем отнимут у него землю, и решил убить преподобного. Но в это время над ним самим разразился целый ряд бедствий; он потерял одного за другим всех членов семейства и наконец расхворался сам настолько, что был близок к смерти. Раскаявшись в своем злодейском умысле, он велел нести себя в обитель. Макарий простил его и своею беседою настолько размягчил его сердце, что Коляга захотел постричься в монашество и все свои земли и владения отдать обители. С тех пор и монастырь,

получивший Колягину вотчину, стал называться Колягиным, — или, по-славянски, — Калязиным монастырем. Преподобный Макарий дожил до глубокой старости и скончался в 1483 году марта в 17 день. Перед смертью он говорил своим духовным чадам: «Разумейте, братие: аще имам дерзновение к Богу, по отшествии моем, обитель сия не оскудеет, но распространится». Слова его исполнились, и обитель продолжала обогащаться жертвованными вотчинами, деревнями и угодьями. В 1521 году дмитровский купец Михаил Воронков, питавший большое уважение к памяти преподобного, испросил у дмитровского князя Юрия Ивановича дозволение поставить в обители, вместо обветшавшей деревянной Троицкой церкви, каменную. Грунт избрали более твердый, в десяти шагах от старой церкви, и начали копать фундамент. 26 мая рабочие нашли в земле нисколько не поврежденный гроб и в нем нетленные мощи преподобного. Дни кончины и обретения мощей с большим торжеством празднуются в обители, особенно последний, когда из калязинских церквей отправляется в монастырь крестный ход, и мощи при громадном стечении народа обносятся вокруг монастырских стен.

После открытия мощей обитель стала еще более известна. В 1544 и 1553 годах ее посетил сам государь Иван Васильевич и пожаловал ей село Городище со всеми пустошами и деревнями, бывшими за князем Александром Борисовичем Горбатым. Здесь одних деревень было до 28. В 1597 году монастырь приобрел уже подворье в Москве, в Китай-городе. Через два года царь Борис Федорович, задумав выдать Ксению за датского принца, явился со своей семьею в обитель испросить благословения преподобного на этот брак. Он привез с собою и богатую серебряную раку, в которую были переложены мощи угодника. Но настали смутные времена. Царя Бориса давно уже не было в живых, царевна Ксения томилась в заключении, и Калязинский монастырь сделался на время главною квартирою предводителя русской рати князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Потеряв надежду взять Троицу, Сапега со Зборовским и Лисовским тронулись к Калязину монастырю с целью разбить Скопина и разогнать его войско, собиравшееся на освобождение Москвы. 14 августа 1609 года они подошли к Рябовой пустыни, верстах в 20 от Калязина. Скопин знал, что под самым монастырем неприятелю надо будет переправляться через болотистую речку Жабню, и отправил на правый берег Волги в подмонастырскую Никольскую слободу часть войска под начальством князя Барятинского, Валуева и Жеребцова. В ночь с 17 на 18 августа поляки пришли в село Пирогово и на другой день утром стали переправляться через Жабню, но русские разбили передовой отряд, смяли его в болото и заставили уцелевших бежать обратно к Пирогову. Не успели опомниться польские воеводы, как сам Скопин

со всем остальным войском очутился уже на правой стороне Волги и, перейдя Жабню, первый начал наступление. «Бились целый день, — говорит Костомаров, передавая рассказ Аврамия Палицына,[349] — дым был так густ, что трудно было распознать, кто с кем бьется; а среди грома пищалей, треска ломаных копий, воплей раненых раздавались беспрестанно крики русских: „преподобный отче Макарие, моли Бога за нас! помоги нам!“ На солнечном закате услышал Бог молитвы рабов своих, тушинцы подались, потом стали отступать и наконец побежали. Русские гнали их чуть не до Рябовой пустыни и всё продолжали призывать на помощь святого Макария Калязинского. Немало значительных лиц попалось тогда в плен, и воротился князь Михаил Скопин в Калязин с победой и одолением».[350]

Эта победа обессмертила имя Калязина монастыря в истории.

Поляки, впрочем, на следующий год отомстили обители, обнесенной тогда еще деревянными стенами. Под ними совершенно неожиданно явился Лисовский и начал приступ. Воевода Давид Жеребцов, один из участников победы прошлого года, защищался отчаянно, но поляки зажгли стены, и участь осажденных была решена. Ворвавшись в монастырь, поляки перебили всех начиная с воеводы, мощи преподобного выбросили на землю, а серебряную годуновскую раку разрубили на куски и увезли с собою. От времен этой кровавой эпохи в обители до наших дней сохраняются десять чугунных пушек и более 700 чугунных же ядер.

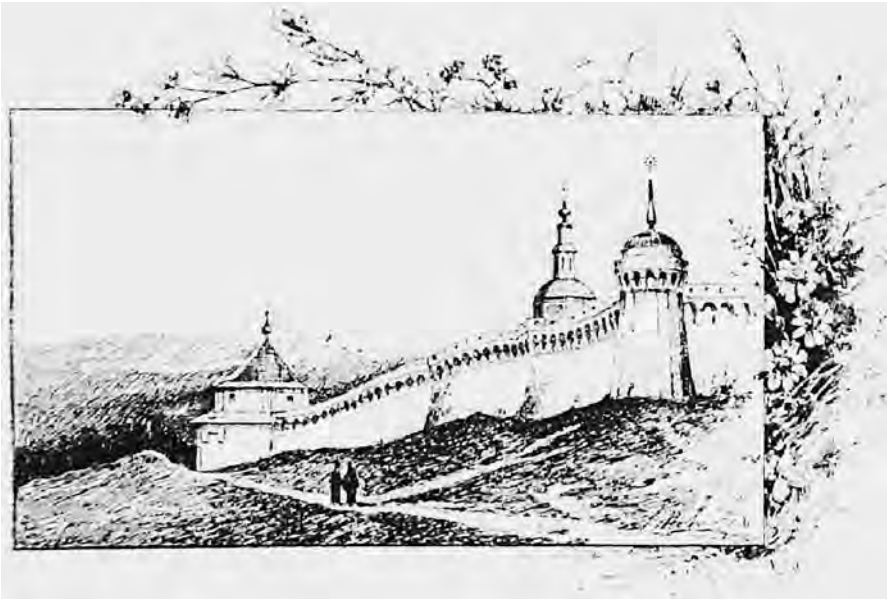
Обитель скоро отправилась от погрома, и в 1617 году в ней был уже воздвигнут третий каменный храм над св. воротами во имя преподобного. В 1619 году сюда приезжал молодой государь Михаил Феодорович и пожертвовал в обитель колокол. В 1654 году, во время бывшей моровой язвы, здесь же проживала и супруга царя Алексея

---

[349] См.: *Палицын Авраамий*. Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря. М., 1784. Глава 51. С. 169—170. — *Прим. Тюменева*.

Ср.: «Солнцу же достизающу на запад, и возопиша вси православнии к Богу со умилением, вопиюще от сердец своих: „Виждь, Владыко, кровь раб твоих, неповинно закалаемых; тако же и ты, преподобне отче Макарие, помолися за ны к Богу и помози нам!“ И уже близ вечеру сущу, услыша Господь молитвы раб своих; и нападе страх велий на врагов Божиих; и, ужасом великим одержими, в бегство устремишася. И побегоша, друг друга топчюще, гоними гневом Божиим. Руские же полцы гнаша литовских людей, секуще до Рябова монастыря; и многих литовских людей побили и поранили, и нарочитых панов многих живых поимали. И с великою победою и одолениим возвратишася под Колязин монастырь со многою корыстию».

[350] Цитата из кн.: *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613. СПб.: изд. Д. В. Кожанчикова, тип. К. Вульфа, 1868. Ч. 2: Царь Василий Шуйский и воры. Глава 3, III.



Святые ворота Калязинского монастыря. Рисунок. 1893

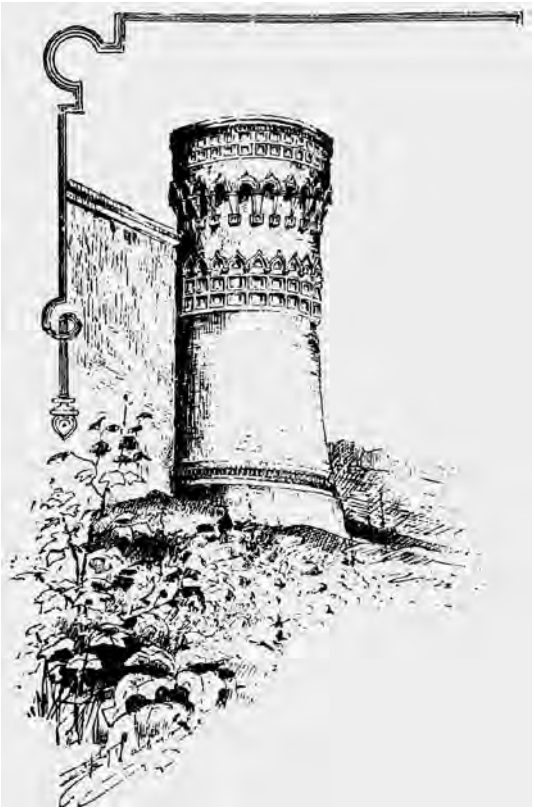
Михайловича Мария Ильинична с патриархом Никоном. Корпуса, в которых жили высокие гости, и посейчас называются: один — царским, другой — патриаршим.

По описи 1764 года, монастырь владел двенадцатью тысячами душ крестьян, а принадлежавшая ему Никольская слобода на правом берегу Волги была уже настолько значительна, что в 1775 году сделана уездным городом Тверского наместничества и получила имя Калязина.

Мы вошли в монастырь. В него ведут двойные ворота. Внутренние старше наружных, которые устроены только в половине XVII столетия, вместе со стенами. На обширном монастырском дворе было еще тихо. Несколько богомольцев утоляли жажду из фонтанчика, устроенного в виде креста, с оконечностей которого брызжут тонкие струйки воды. Другие отдыхали на скамьях, расставленных под старыми большими деревьями, разросшимися в юго-восточном углу.

В главном соборе, построенном в 1654 году на месте Воронковского, шла заутреня. Храм был полон молящимися. Мощи преподобного помещаются за правым клиросом в богатой серебряной раке, устроенной около 1700 года. В трапезной части собора похоронен местночтимый постриженник обители, митрополит крутицкий Серапион († 1652 года). Перед гробницею его горело много свечей.

Кафисмы окончились, и началось пение канона. Пели почему-то на одном только правом клиросе и, надо сказать правду, из рук



Северо-восточная башня Калязинского монастыря. Рисунок. 1893

вон плохо. В сущности и на правом-то пел только один старик. Он еще кое-как справлялся с напевом нотного обихода, но остальные просто тянули за ним кто в лес, кто по дрова, не выговаривая слов и даже не заглядывая в книгу. Послушав это пение минут десять, мы не выдержали и обратились в бегство.

После заутрени открылись просфорня и иконная лавка. Мы побывали в той и в другой и отправились на дальнейший осмотр монастыря, но особенно интересного в нем не оказалось. Кроме собора здесь имеются еще три церкви: Сретенская, перестроенная из прежней Борисоглебской, с трапезою, церковь Алексея человека Божия, построенная в 1655 году иждивением монастырского келаря Иринарха в честь ангела царя Алексея Михайловича, и надвратная церковь во имя преподобного Макария. Царские кельи, в которых проживала царица Мария Ильинична, находятся с южной стороны неподалеку от ворот. Здесь же, по переименовании монастырской слободы в город Калязин, помещались до 1786 года калязинские присутственные места.

Едва ли не самую интересную часть монастыря составляют его стены, построенные в промежуток времени между 1644 и 1648 годами. Они прочно сложены из кирпича, выбелены и местами раскрашены голубою краскою. Архитектурные детали стен и особенно башен представляют большой интерес как образцы каменного русского орнамента XVII века. Одна из башен на северо-восточном углу особенно выделяется богатством и изяществом украшений и доказывает несомненную талантливость своего строителя. На св. воротах есть над-

пись, что «строил град сей келарь Аврамий Семенов сын Бедов при игумене Иоанне, а подмастерья делали по государеву указу Марко Иванов сын Шарукин да сын его Иван Марков в лето 7156». Трудно сказать, кому принадлежит композиция башенного орнамента: Бедову ли, Шарукиным ли, или же проект стены по государеву указу был изготовлен в Москве; во всяком случае, эти стены и башни могут служить прекрасным образчиком русского зодчества времен первых царей из дома Романовых.

В заключение упомяну о высокой монастырской колокольне, построенной в 1816 г. посреди восточной стены монастыря. На ней в разных этажах помещены колонны всех четырех орденов: в 1-м этаже — тосканские, во 2-м — ионические, в 3-м — коринфские и в 4-м — дорические. Сама по себе колокольня стройна и пропорциональна, но, конечно, совершенно не вяжется с окружающими ее стенами и башнями.

У монастырских ворот наши знакомые торговки давно уже расставили по бокам дорожки свои столики и открыли торговлю. Они ни минуты не могли посидеть молча и трещали без умолку, то выхваляя товар идущим из монастыря богомольцам, то споря и перебраниваясь между собою.

С самого края сидела толстая, кубообразная женщина под зонтиком и хвастала, что вчера продала на целых два рубля.

— А потому что умею с покупателем обойтись, — наставительно закончила она.

— Ты-то умеешь? — возражала из-за противоположного столика худенькая бабенка в красной кумачной кофте.

— Еще бы не уметь, когда я здесь сто лет торгую.

— Как сто лет? Тебе по пачпорту сорок пять. Как же сто? Где же остальные-то?

— А вот и ищи. Сто лет я здесь торгую.

— Врешь, врешь! — и всего-то лет семь сидишь.

— Ан не семь!

— Ан семь!

Началась перебранка.

— Чего спорите-то? Чего орете? — степенно заговорил мужик-богомолец, сидевший на краю дороги. — Ишь, какой шум подняли, а из-за чего? Она продала, ну, значит, ее счастье; за что же ее бранить?

— Нет, не счастье, а она, дяденька, колдунья, — подмигивает на толстую товарку молодая востроглазая бабенка.

— Колдунья?! — восклицает худощавый мужик, выходящий из монастырских ворот. — Повтори-ка, повтори еще, что ты сказала?

— Колдунья она, говорю.

— Ах ты! ах ты! — заметался мужик. — Да как ты можешь в святом месте этакое слово выговаривать! Ну, попалась бы ты мне у нас с этим словом, я б тебя пробрал!

— Как бы ты пробрал-то?

— Да уж пробрал бы! На недельку бы посадил.

— Ишь ты!

Но тут вступаются уже все торговки.

— Да на что бы посадил-то? На лавочку аль на скамеечку?

— Аль на стул?

— Может, на троечку аль на парочку?

Мужик машет рукою и спешит уйти, но бабы преследуют разбитого неприятеля.

— А ты, милый человек, в наш монастырь со своим уставом не суйся, — кричат они ему вслед. — Много вас таких-то! — и с кем связался-то? С бабами! Эх ты, несмысленный ты человек, вот что!

Мужик давно уже скрылся из виду, а торговки всё еще продолжали волноваться.

Осмотрев монастырь, мы хотели взглянуть на место знаменитой битвы.

— А что, тетушка, не знаешь ли, где тут у вас село Пирогово? — обратился я к толстой торговке под зонтиком.

— Нет, такого не знаю.

— Пирогово? — да ведь это город, — отозвалась ее соседка.

— Как город?

— Город Пирогово, город и есть, — подхватило несколько голосов.

— Да где же такой город?

— Да наш же город, Калязин.

— Так Пирогово-то в городскую черту вошло, что ли?

— А кто его знает, в черту ли, не в черту ли, а только город.

— Ой, врете вы, врете вы всё! — вскакивает кумачная кофта. — Ведь они говорят: село Пирогово, село, — так какой же город?

— Да ведь это давно было, — попробую я успокоить, — может быть, с тех пор…

— Никогда Пирогово селом не бывало, никогда!

— А Жабня-река там поблизости есть? — продолжаю я допрос.

— Как же, как же — есть! — восклицают все. — Она самая там и есть. Что, взяла? — набрасываются они на кофту.

— И всё врете, всё врете. Молчите, я скажу, молчите, — отбивается та, — он говорит: село.

— А Жабню слышала?

— Знаешь, чай, где Жабня?

— Ну!

— Ну!

Началась страшная перепалка, шум и крик. Спорили и кричали все разом, так что ничего уже разобрать было невозможно, и дело кончилось тем, что одна из баб высыпала у другой целое корыто семечек на землю.

Мы направились к недалекому от стен берегу Волги, но долго еще от монастырских ворот доносились крики разбушевавшихся торговок.

В стороне стояли разбросанные домики подмонастырской слободы, составляющей вместе с монастырем первую часть города.

По дороге нам встретились две местные барышни, сопровождаемые веселыми, сияющими кавалерами в смазных сапогах. Парни идут к городу, девушки сворачивают в слободу, они, видимо, только недавно познакомились.

— Заходите к нам, — приглашают девушки, — мы вас с мамашей познакомим.

— Зайдем. А где вы живете?

— А вот этак вот.

— Зайдем.

Но вот мы и на берегу Волги. На противоположной стороне в один ряд тянутся деревянные домишки, составляющие окраину города, правее церковь и устье какой-то реки.

У нашего берега сидит в лодке перевозчик.

— Это какая река? — спрашиваем мы, указывая вправо, на устье.

— Жабня.

— А за церковью над Жабней, должно быть, Пирогово?

— Нет. Пирогово левее церкви. Вот дома-то напротив — это оно и есть.

Не успели мы приняться за набросок Пирогова, как на берегу показался рыболов с ведром и двумя удочками.

— Скажите, пожалуйста, — это Пирогово? Напротив, за Волгою?

— Нет. Пирогово будет правее от церкви — вон где Жабня.

Мы опять к перевозчику.

— А это вам, господа, лучше у старых людей спросить, — отвечал он. — Я тут напротив живу, и всегда нас в городе дразнят: эх вы, пироговские жители! Вот я поэтому и сказал. А если хотите, вот тут у нас напротив-то старик живет, древний, так он вам доподлинно скажет.

Он перевез нас на другую сторону, поднялся с нами в гору и вызвал белого как лунь старика.

— Пирогово за церковью начинается; над Жабней оно, — сказал старик. — Еще прежде там монастырский скотный двор был, и домов

в полугоре не было, а стояли, как и у нас, в один ряд. Сказывают, там когда-то битва была.

— Вот мы битву-то и разыскиваем.

— Была, была. В монастыре и ядра остались. Теперь монахи ими воду греют. А церковь эта у нас — Илья-пророк, а вся наша здешняя часть Свистухой прозывается. Первая-то часть — где монастырь, вторая — где собор, где пароходы пристают, а наша-то уж третья, вроде как пригород.

Мы поблагодарили старика и направились откосом мимо церкви к Пирогову. Скоро мы поравнялись с устьем Жабни, на которой неподалеку устроена мельница; благодаря запруде вода держится на довольно высоком уровне, и местность не имеет того болотистого характера, о котором упоминается в описании битвы, но этот характер мог бы получиться и в наше время, если только уничтожить запруду. Высокий берег Волги, вздымающийся над ее устьем, по мере удаления вглубь быстро понижается, и общая картина берегов Жабни между Пироговом и нынешним Калязином (бывшею Никольскою слободою) как нельзя более подходит к описанию Палицына.

Перейдя мост через Жабню, ведущий в город, мы с небольшого пригорка сделали набросок схематического плана и вида окружающей местности.

Вернувшись в гостиницу, мы хотели было заказать обед, но, взглянув на скатерти и сервировку, предпочли лучше удовольствоваться просфорами, купленными в монастыре.

В четыре часа в городском соборе ударили к вечерне. На внутренних стенах собора мы прочли надписи, что он построен при государях Петре и Иоанне Алексеевичах и что в 1837 году он удостоился посещения покойного государя Александра Николаевича, бывшего тогда еще наследником престола.[351]

Побродив еще по площади и полюбовавшись красивым видом на Волгу и монастырь с высокого берегового откоса, мы уже окончательно не знали, что делать далее в Калязине, и легли спать.

В три часа утра нас разбудил свисток парохода. Мы поспешили на пристань и минут через десять уже двигались далее вниз по Волге, которая предстала теперь перед нами в новом освещении, вся обвеянная свежестью ясного раннего утра. Солнце уже поднялось над горизонтом и скрылось в дымке прозрачного облака. Мягкая золотистая полоска тянется от него вдоль реки, гладкой, неподвижной, точно еще не очнувшейся от ночной дремоты.

---

[351] О Никольском соборе см. путешествие А. М. Петропавловского (*Тверь 2*, с. 372). В дневнике В. А. Жуковского посещение великим князем Александром Николаевичем Никольского собора не отмечено (*Тверь 1*, с. 247).

Схематический набросок местности, на которой происходила битва при Калязине монастыре. Рисунок. 1893

Пароход дает свисток и останавливается. От берега отделяется лодка — принять пассажира. Из-под весел гребца летят не брызги, а трепещущие светом бриллианты. Над Волгою клубятся легкие облачка утреннего пара, точно флером прикрывающего даль и очертания ближних берегов.

Солнце поднимается всё выше и выше. Лучи его становятся ярче и горячее. Туман исчезает совершенно, и вдали перед нами расстилается красавица Волга во всей пышной прелести своего утреннего наряда.

По берегам мимо нас по-прежнему плывут деревни и села с каменными церквами, тянутся суда с грузом хлеба, стекла, досок. Встречаются по-прежнему и мели, но «Эолина» проходит их без промерки. Она сидит гораздо мельче «Сильфиды»; груза на ней мало, а пассажиров и того меньше.[352] Мы разговорились с лоцманом.

Осадка здешних пароходов, например «Эолины», без груза — 13—14 вершков, т. е. около двух футов. С грузом — вершков 18. Груз в 1500 пудов дает уже осадку в 3 фута. Жалованье лоцманам полагается не особенно большое — 35 рублей в месяц на своем содержании. Замечу здесь в скобках, что лоцман — главное лицо на пароходе. На нем лежит вся ответственность по управлению судном, он должен

[352] «Эолина» и «Сильфида» входили в число 25 пароходов, которыми товарищество «Самолет» располагало на Волге и Каме с 1862 г.

Местность битвы при Калязине монастыре. Рисунок. 1893

знать все мели, все изгибы капризного фарватера Волги, и в большинстве случаев капитан является только исполнителем того, что шепнет ему лоцман. В зимние месяцы лоцмана остаются, конечно, без работы и должны жить на сбережение от летнего жалования. Прежде им выдавалась пенсия за долголетнюю службу в размере 5 рублей в месяц, но теперь это отменено.

Пароход давно уже миновал границу Тверской губернии — на устье речки Зарубежки — и вступил в пределы Ярославской.[353]

Вот на правом берегу показалась деревня Новоселка, родина симпатичного поэта Ивана Захаровича Сурикова,[354] а наискось от нее — каменные стены Покровского монастыря, лежащего верстах в 4-х от конечного пункта нашей летней поездки.

Еще один поворот, и направо запестрели соборы, храмы и монастыри, составлявшие, казалось, одну сплошную стену башен, куполов и колоколен, а через несколько минут развернулась целиком и вся панорама богоспасаемого града Углича, единственная по красоте и своеобразности на всей Верхней Волге.

---

[353] Устье р. Зарубежье является и ныне границей между Тверской и Ярославской обл., вблизи д. Скатерка Карабузинского с/п Кашинского р-на.

[354] Суриков Иван Захарович (25.03.1841—24.04.1880), поэт-самоучка. Родился в д. Новоселово Угличского у. Ярославской губ. в семье оброчного крепостного графа Шереметева, весной 1849 г. вместе с матерью переехал в Москву.

1899. Весьегонск

Весьегонск, уездный город Тверской губернии на р. Мологе и р. Рени, с 3500 жителей, большею часто мещан, работающих на пристани и на судах. Купцы ведут значительную торговлю.

Из старого словаря[355]

<...> Не стану подробно описывать, как мы добрались до Весьегонска,[356] так как общий характер дороги уже известен читателю из предыдущих глав, а на пути между Устюжной[357] и Весьегонском мы ничего особенно интересного не встретили. Скажу только, что Алексей еще с вечера передал нас некоему Александру, живущему на половине дороги к Весьегонску. Этот Александр всё время рассказывал нам о местных помещиках, об их житье-бытье, их отношениях к крестьянам, их чудачествах и пр. Характеристики получались, правда, очень интересные, но так как речь шла о личностях, и поныне еще здравствующих, то я не считаю себя вправе оглашать его не совсем скромные рассказы.

По пути мы не раз любовались красивыми видами, так как дорога пролегала по высокой холмистой местности, миновали границу Тверской губернии, зачертили несколько курганов, насыпанных, вероятно, еще древнею весью,[358] и, переменив лошадей в доме Александра, прикатили в Весьегонск часу в первом дня.

Издали город производит менее благоприятное впечатление, чем Устюжна. Церквей, составляющих главное украшение панорамы каждого провинциального города, здесь всего три или четыре.[359]

---

[355] Источник эпиграфа: Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон, 1907—1909. Р. Реня — приток Мологи.

[356] Г. Весьегонск на северо-востоке Тверской губ., на правом берегу р. Мологи, притоке Волги; 89 в. от Бежецка.

[357] Г. Устюжна Новгородской губ. (ныне Вологодская обл.).

[358] Местность, где расположен Весьегонск, населяло угро-финское племя весь, что отразилось в первой половине его названия. Вторая половина связана с угро-финским словом *ёга*, *ёги* (река). С. Весь Ёгонская в составе новгородской волости Ёгна упоминается в договорных грамотах 1265 г. Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем. Значительная часть курганов, древних славянских захоронений VIII—IX вв., находится на берегу р. Рени около д. Жуково. См.: *Тихомиров И.* Кто насыпал Ярославские курганы. Первобытные древности. Тверь, 1903; *Виноградов А.* Бодачевский курганообразный могильник. Весьегонск, 1924; *Зелов Н.* 1) Раскопки А. Н. Ушакова // Ленинский завет (Весьегонск). 1982. 2 авг.; 2) Тайны весьегонских курганов // Там же. 5 авг.

[359] Храмовый комплекс Казанской (1811) и Троицкой (1869) церквей; Богоявленский собор (1742—1758); церковь Рождества Богородицы (или,

Вид Весьегонска с Устюжского тракта. Рисунок. 1890-е

Первое, что мы увидели, въезжая в город, было кладбище с недостроенной колокольней.[360] Проехав две-три улицы, мы очутились на берегу Мологи[361] и спустились к пароходной пристани, чтобы оставить там вещи, так как хотели из Весьегонска добраться на пароходе до Волги. Пароход еще не приходил.

Распростившись с нами, Александр отправился на постоялый двор ожидать попутчика, а мы остались на пристани, любуясь на Мологу, катившую так же спокойно, как и в Устюжне, свои тихие воды по направлению к Волге.

Через реку с того берега медленно переправлялся паром с крестьянскими телегами и лошадьми, а на плоту, почти подле самой пристани, несколько баб полоскали белье; звонкие голоса их далеко разносились по тихой воде. Паром подошел к нашему берегу.

— И чего трещите-то? Чего стрекочете? — крикнул с парома бабам какой-то старичок, которому, видно, надоели их крики во время переправы.

— А ты что за указчик? — огрызнулись бабы.

— Много ль корзин наполоскали?

— А тебе на что? Ну, шесть! Ну, так что ж?

по одному из приделов, Кирики и Улиты; 1822—1844), церковь Иоанна Предтечи (1869).

[360] Видимо, кладбищенская церковь Рождества Богородицы.

[361] О р. Мологе см. в путешествии Боголюбовых.

— А косточек перемыли, что и в двенадцать не уберешь.

Слова его были покрыты громким смехом присутствующих.

Бабы принялись кричать старику что-то, очевидно, бранное, но мы не дожидались конца этой сцены и пошли осматривать город. Он не велик и по внешнему виду кажется меньше и беднее Устюжны, хотя и ведет более значительную торговлю. Название его произошло от древних насельников этой местности веси ёгонской, обитавшей здесь с незапамятных времен. Прозвище ёгонской здешняя весь получила, по мнению одних, от финского слова *иогги* — река, а по мнению других, от реки Иогницы, для отличия от жившей неподалеку веси моложской.[362] В XVI столетии село Весь Ёгонское принадлежало московскому Симонову монастырю,[363] и в нем находилась таможенная застава. Село было торговое и, вероятно, давало порядочный доход обители. От 1563 года сохранилась грамота Иоанна Грозного Ширяю Лопакову, повелевающая вызвать на суд приказчиков и крестьян князя Прозоровского за нанесение убытков Симонову монастырю переводом ярмарки из Веси Ёгонской в Старый Холопий.[364] В следующем году тому же Ширяю была отправлена другая царская грамота, запрещавшая приезжим людям торговать в селах Городецкого, Углицкого и Ярославского уездов, кроме Веси Ёгонской, где они должны были платить тамгу местным таможникам.[365] В конце XVI столетия сюда

---

[362] Здесь и далее Тюменев использует сведения из словаря Брокгауза и Ефрона.

[363] Симонов (Успенский) монастырь (1370) основан на юго-востоке Москвы племянником и учеником прп. Сергия Радонежского свт. Федором на землях, пожертвованных боярином Степаном Васильевичем Ховриным (в монашестве Симон).

[364] Г. Старый Холопий (Холопий городок, Холопий) в XIV—XVI вв. в 60 в. от устья Мологи (ныне район с. Брейтово Ярославской обл.), позднее с. Старое Холопье; затоплено при строительстве Рыбинского вдхр.; входил в состав Ростово-Суздальской земли. От Веси Ёгонской до Холопьего городка вниз по течению Мологи ок. 75 в.

[365] Имеются в виду Царская грамота Бежецкого Верха в Городецкий уезд Ширяю Лопакову о назначении срока приказчикам и крестьянам князей Прозоровских явиться к суду за нанесенные Симонову монастырю убытки переводом ярмарки из села Веси Егонской в Старый Холопий (26 мая 1563) и Таможенная Весьегонская грамота (4 августа 1563): Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. СПб.: Тип. II Отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1836. Т. 1. С. 306—314. В грамотах речь идет о стольнике, воеводе Александре Ивановиче Прозоровском († 1566) и Михаиле Федоровиче Прозоровском († 1564). Тамга (монг.-тюрк.) — у монголов знак собственности на скот; в России XIII—XV вв. сбор с торговых сделок; здесь: пошлина.

Плот и паром на Мологе в Весьегонске. Рисунок. 1890-е

перешла часть известной моложской ярмарки,[366] и торговые обороты сделались еще крупнее.

В 1764 году село перешло от монастыря в ведение государственной экономии, а в 1776-м обращено в заштатный город Тверского наместничества.[367] В настоящее время Весьегонск фигурирует уже в качестве уездного города[368] и известен своею Богоявленскою ярмаркою, на которой продаются хлеб, кожи, меха, рыба и гвозди местного и устюженского производства. Оборот ярмарки достигает до 1 000 000 рублей.[369]

Проходив по городу около часа, мы, кроме нескольких довольно широких улиц, торговых рядов и собора, построенного на холме над Мологою, ничего заслуживающего особого внимания не заметили.

Во время осмотра города нам пришлось случайно познакомиться с двумя местными обывателями, в беседе которых заключались кое-какие штришки для характеристики нравов.

---

[366] Моложская ярмарка в конце XIV — начале XV в. была крупнейшей в Верхнем Поволжье.

[367] См.: *Карманов Д.* Исторические известия о принадлежащих к Тверскому наместничеству городах. Тверь, 1896.

[368] Герб Весьегонска представлял изображение черного рака на золотом поле (1780). В 1803 г. Весьегонск стал уездным городом. Демьян Бедный посвятил городу поэму «Рак на золотом поле».

[369] В Весьегонске были ярмарки Петровская (30 июня — 3 июля) и Крещенская / Богоявленская (6—23 января), на которую приезжали купцы более чем из 40 городов.

Переходя из улицы в улицу, мы несколько раз встречали всё одну и ту же старуху с коромыслом и ведрами. Она как будто нарочно старалась попадать нам на глаза и каждый раз низко раскланивалась с нами. В последний раз, когда мы шли по бульвару, насаженному на соборном холме вдоль Мологи, старуха уже без ведер снова повстречалась с нами и, отвесив низкий поклон, стала просить денег на дорогу в Леухинский монастырь[370] (лежащий ниже по течению Мологи), куда она собирается на богомолье.

— Я мещанка здешняя, — рассказывала она, — хочется съездить отца Иоанна[371] повидать; он скоро там будет. У своих просить не хочется — не дадут всё равно, еще поругают, а вы, господа, люди проезжие, никому не скажете.

Мы дали ей на билет. Старуха осталась очень довольна и уже не отходила от нас. По ее словам, о. Иоанн Кронштадтский очень любит Леухинскую обитель и бывает в ней чуть не каждый год.

— А то еще строят здесь монастырь, — продолжала она, — верстах в 30 отсюда, на камне. На камне и церковь стоять будет. Бывший следователь ставит.[372]

— Камень тут ни при чем! — раздался чей-то резкий голос слева.

Мы обернулись.

У решетки, идущей вдоль бульвара, стоял человек, по костюму похожий на мещанина; он был заметно выпивши.

— Камень тут ни при чем! — отчеканил он снова.

— Ась? — откликнулась старуха.

— Камень тут ни при чем, — повторил мещанин еще настойчивее.

— Как ни при чем, когда на камне…

---

[370] Леушинский Иоанно-Предтеченский женский монастырь (1875) в местечке Леушино между Череповцом и Рыбинском, закрыт (1931), затоплен при строительстве Рыбинского вдхр. (1941—1946).

[371] Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергеев; 1829—1909), священник, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, основатель Иоанновского монастыря на Карповке в Петербурге; духовный писатель. Канонизирован в 1990 г. Покровительствовал Леушинскому монастырю, приезжал ежегодно с 1891 г., был близко знаком с игуменьей (с 1885) Таисией (Мария Васильевна Соколова; 1842—1915).

[372] Троице-Пятницкий (Параскево-Пятницкий) женский монастырь (1895), так называемый Камень, недалеко от Чистой Дубровы. До монастыря здесь была Параскево-Пятницкая женская община, а раньше вокруг камня, почитавшегося священным, была часовня влкмчц. Параскевы и икона Параскевы неоднократно являлась у камня (*Головкин А. Н.* Карелы: от язычества к православию. Тверь: Студия-С, 2003). Руководил строительством обители мировой судья Петр Макарович Вознесенский, проект каменного собора архитектора Г. Федорова.

— Так и знайте, господа, — обратился он к нам, — что камень тут ни при чем.

Мы тронулись далее.

— Это Курченков, маляр здешний, — пояснила старуха, — в соборе[373] работает, только выпивает шибко.

Маляр шел за нами следом.

— Зачем это вы распространяете, путаете господ? — обратился он к старухе.

Теперь я рассмотрел его ближе. Глаза смотрели тускло, апатично; выражение лица плаксивое, голос высокий, слегка дребезжащий. Старуха начала что-то возражать.

— Это мы знаем: как-либо, как-нибудь, было или не было! — скороговоркой оборвал он ее и повернулся ко мне:

— Позвольте, милостивый государь, я вам все расскажу. Государь — слово великое, но я вас из уважения милостивым государем называю. Я же ведь там, на постройке работаю, и вы спросите только Василия Иванова Курченкова, он вам всё скажет. Камень там ни при чем. Камень будет этак 8 аршин и этак 6 аршин. Понимаете? Этак 6, а этак 8. Но и при всём том теперь там изображение Параскевы Пятницы.

— На камне?

— Нет, в часовне.

— А где же часовня?

— Позвольте. Камень этак 8 аршин, а этак 6...

— А часовня-то на камне?

— Нет.

— Сбоку?

— И опять нет.

— Так где же? На воздухе?

— Нет, и не на воздухе. А вот, положим, камень, этак 8 аршин, а этак 6 аршин...

И только лишь после долгих расспросов нам удалось наконец разобрать, что часовня сооружена вокруг камня и охватывает его своими стенами.

Старуха начала рассказывать, что прежде там часовни не было, а вера к камню уж давно жила в народе. На поверхности камня находилась ямочка, постоянно полная водою, которая почиталась целебною, и жившая близ камня карелка кропила этой водой больных.

— И вдруг благодать Святого Духа! — закричал Курченков. — Причем тут благодать? Понятно, сама воду наливала.

---

[373] В Богоявленском соборе.

Желая поддержать старуху, я возразил, что народная вера в камень на чем же нибудь да была основана.

Он уклонился от прямого ответа, видимо, боясь спорить с нами, но зато старуха снова воодушевилась.

— Из Дубровы[374] мужик с больными ногами пришел, а ушел здоровый, — заговорила она.

— А вы при этом были? — накинулся Курченков.

— Моя невестка с ним шла.

— А позвольте вас спросить, из какой деревни?

— Из Дубровы.

— А сколько ему лет?

— Немолодой.

— Я вас не о том спрашиваю, молодой он, или немолодой, а вы мне скажите, сколько ему лет?

— Да почем же я его лета знаю?

— Так вот видите, не знаете, а нас учить хотите!

Узнав, что мы едем на Волгу, он заговорил:

— Вы меня, милостивый государь, спросите: Курченков, какие от Питера до Нижнего перекаты? Все знаю.

— Вы лоцманом ходили?

— И лоцманом, и поставщиком, и судохозяином, а теперь — маляр! Я еще в молодости это дело изучил, но в одно прекрасное время пошел по другим делам. А почему Курченков в Весьегонском Богоявленском соборе работает? Потому что он поставщик! — закончил он, важно покосившись на старуху.

Но той, очевидно, хотелось познакомить нас со всеми местными святынями, и она начала говорить о находящейся в городе часовне Кирика и Улиты и приношениях в нее натурою.

— Это вот как, — перебил ее Курченков, — вы, милостивый государь, несете туда, например, петуха, они (он указал на моего товарища) корову несут, я — гуся, а она (на старуху) — ничего; она молитву несет, и кончено. Потом эти наши приношения начнут продавать от церкви нам же. Мой гусь стоит рубль, я за него от усердия два даю. Так не лучше ли мне прямо два рубля отдать? Зачем же гуся-то носить?

Старуха начала рассказывать, что у таких-то и таких-то коровы все телились неблагополучно, а как снесли теленка к Кирику и Улите и оставили там, на крылечке, коровы стали телиться прекрасно.

— Позвольте, — возразил Курченков, — вы при том не были. Это надо было самим видеть.

---

[374] С. Чистая Дуброва Чамеровской вол. Весьегонского у., в 20 км от Весьегонска.

Богоявленский собор в Весьегонске. Рисунок. 1890-е

— Чего? как телятся-то?

— Нет, а чудо-то. Вот еще, милостивый государь, есть здесь в соборе икона Грузинской Божьей Матери,[375] и говорят, будто бы в давние времена икона эта сама на лошади в телеге приехала. Встают будто бы поутру, а у собора лошадь с телегой, и в ней икона. Но ведь это го-во-рят, а кто же это видел?

— А нешто Тифинская Владычица не явилась на воздусях? — вступилась старуха.

— Так, Тифинская на камне приплыла.

— Нет, не на камне, а по воздуху.

— Как же по воздуху, если я и самое место видел, где камень остановился[376]?

— Так вы судохозяином были? — спросил я, чтобы замять спор.

---

[375] По преданию, Грузинская икона Божией Матери была вывезена персами из Грузии при завоевании страны шахом Аббасом I (1622), в 1625 г. выкуплена Стефаном Лазаревым, находившимся в Персии по торговым делам.

[376] Согласно «Сказанию о иконе Богоматери Тихвинской» (кон. XV — XVI), Тихвинская икона Божией Матери в 1383 г. чудесным образом остановилась «на воздухе» над р. Тихвинкой в Новгородских землях, где для нее была сооружена церковь Успения. См.: РА. 1881. Кн. 2. С. 15—16; *Иванова И. А.* 1) Икона Тихвинской Богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богоматери» // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 419—436; 2) Летописные сведения об иконе «Богоматерь Тихвинская» // Там же. Л., 1969. Т. 24. С. 242—244.

— Был-с, милостивый государь, был-с! У меня в Коприне[377] судно льдом унесло.

— Как так?

— Оставил там человеку на хранение, а он говорит, будто льдом унесло. Восемьдесят бочек винных дубовых было, и те пропали, говорит, льдом унесло и шабаш! Сужусь, и посейчас сужусь! Вы знаете, каково иметь дело с дровокатами? Я и сам собаку съел, да не пускают куда следует, тормозят. Верно, так ничего и не выйдет.

Мы стали спускаться с бульвара к пристани. Курченков простился с нами, но, отойдя несколько шагов, он вернулся и сказал мне с таинственным видом:

— А если вам насчет нашего города что интересно, так я вам всю тайну открыть могу. Это стоит только три копейки, письмецо пошлите в Весьегонск Курченкову, и ответ не замедлит.

Он ушел. Старуха продолжала идти за нами.

— Дурак пьяный! — ворчала она вслед своему удалявшемуся оппоненту, — два дома просудил, теперь на квартире живет. Его уж и из городской управы гоняют, а всё неймется! Всё не по нём!

Пароход уже стоял у пристани и готовился к отходу. Заняв место в рубке, мы заказали обед и сели к столу. Послышались свистки: первый — второй — третий. Вдруг от сильного толчка рубка вся вздрогнула. Со стола полетели на пол уксус, перец и горчица.

— Что это? — спросили мы покачнувшегося слугу.

— Это ничего-с! Это пароход тронулся, — отвечал он.

---

[377] С. Коприно Рыбинского у. Ярославской губ. на правом берегу Волги.

Тверская мужская гимназия

[1914]

Летом 1901 г. директором Тверской губернской мужской гимназии был назначен Викторин Иванович Стовичек (6.09.1851–26.12.1913), бывший до этого директором Рыбинской гимназии, а ранее преподавателем классических языков и инспектором в Костроме. В 1902 г. инспектором Тверской гимназии был назначен Петр Петрович Чернышев, кандидат Московского университета, учитель древних языков 4-й Московской гимназии, до этого преподаватель Костромской гимназии (с 1877); с 1907 г. на посту директора. Именно эти люди создали в 1903 г. Общество содействия образовательным экскурсиям при Тверской гимназии (другое название: Общество организации путешествий учеников Тверской гимназии). Дело в том, что именно в это время «за образовательными экскурсиями признано было важное педагогическое значение» (Столетие Тверской мужской гимназии: 1804 – 2 февраля 1904: историческая записка / сост. Д. Крылов. Тверь: тип. Губ. правл., 1904. С. 351). Текст печатается по изд.: Отчет Общества организации путешествий учеников Тверской гимназии за 1913–1914 г. (двенадцатый год существования). Экскурсия к истокам Волги под руководством директора гимназии П. П. Чернышева. Тверь: типолит. М. В. Блинова, преемн. Н. М. Родионова, 1914. 41 с.: ил. В оформлении использованы фотографии Я. Р. Эргардта.

Экскурсия к истокам Волги под руководством директора гимназии П. П. Чернышева

За истекшие двенадцать лет Обществом было организовано тринадцать экскурсий, маршруты которых прилагаются ниже.[1] Летом 1914 г. удалось провести только небольшую экскурсию к верховью

[1] В статье приводится описание маршрутов предыдущих поездок:

«I экскурсия (1903 г.). Тверь – Кузнецово – Углич – Рыбинск – Ярославль – Ростов – Троицкая лавра – Москва – Тверь.

реки Волги. Чтобы организовать такую поездку, пришлось обратиться прежде всего к попечителю Московского учебного округа за разрешением устроить экскурсию, потом к начальнику Тверской губернии,[2] к начальнику Вышневолоцкого отделения Петроградского округа путей

II экскурсия (1904 г.). Тверь — Волхов — Новгород — Петроград — Павловск — Кронштадт — Петергоф — Царское Село — Выборг — Иматра — Сердоболь — Валаам — Ладожское озеро — река Нева — Петроград — Тверь.

III экскурсия (1905 г.). Тверь — Москва — Бахчисарай — Севастополь — Херсонес — Георгиевский монастырь — Инкерман — Байдары — Ялта — Массандра — Никитский сад — Гурзуф — Ай-Петри — Ливадия — Ореанда — Ай-Тодор — Алупка — Корбеклы — Чатырдаг — Одесса — Киев — Москва — Тверь.

IV экскурсия (1907 г.). Тверь — Москва — Нижний Новгород — Казань — Самара — Саратов — Астрахань — Петровск — Баку — Тифлис — Военно-Грузинская дорога — Пятигорск с окрестностями — Москва — Тверь.

V экскурсия (1908 г.). Повторение 3-й экскурсии, но обратно без заезда в Одессу и Киев, т. е. по прежней дороге.

VI экскурсия (1910 г.). Тверь — Москва — Варшава — Вена — Будапешт — Дунай — Белград — Ниш — София — Плевна — Тырново — Шипка — Старая Загора — Константинополь — Принцевы острова — Скутари — Черное море — Одесса — Киев — Москва — Тверь.

VII экскурсия (февр. 1911 г.) в Москву, где были осмотрены Красная площадь, Кремль с памятниками, соборами, храм Христа Спасителя, Румянцевский музей, Торговые ряды, Политехнический музей, Третьяковская галерея; были в театре Зимина, в Большом театре и в Народной консерватории.

VIII экскурсия (окт. 1911 г.) в Москву, где были осмотрены храм Христа Спасителя, Кремлевские соборы и памятники, Политехнический музей, Торговые ряды, Красная площадь, Третьяковская галерея, памятники Пушкину и Первопечатнику; были дважды в театре Зимина и в театре «Эрмитаж».

IX экскурсия (1912 г.). Тверь — Москва — Ростов — Пятигорск — Кисловодск — Владикавказ — Военно-Грузинская дорога (Казбек, Терек, Арагва, Девдоракский ледник) — Тифлис — Боржом — Батум — Сухум — Новороссийск — Москва — Малоярославец — Москва — Тверь.

X экскурсия (1913 г.). Тверь — Москва — Ростов Великий — Ярославль — Кострома — Ярославль — Вологда — р. Вологда, Сухона, Северная Двина — Архангельск — Соловецкий монастырь — Архангельск — Москва — Тверь.

XI экскурсия (1914 г.). Тверь — Вышний Волочек — Осташков — Нилова пустынь — Биологическая станция на Селигере — дер. Свапуща — Верхневолжский Ольгинский монастырь — Свапуща — Осташков — Тверь».

[2] Фон Бюнтинг Николай Георгиевич (15.07.1861—2.03.1917), тверской губернатор (1906—1917), гофмейстер двора его величества, член ТУАК (1907), местного благотворительного общества «Доброхотная копейка» (1910), Тверского православного братства св. блг. кн. Михаила Ярославича (1911), почетный член Общества хоругвеносцев в Старице и Торжке и православного братства св. блг. княгини Анны Кашинской.

сообщения,[3] к директору Осташковского реального училища, к настоятелю Ниловой пустыни, к настоятельнице Волговерховского женского Ольгинского монастыря,[4] к управлению Николаевской железной дороги (о разрешении ночевки в вагоне при остановке) и, наконец, к начальнику станции Тверь (с заблаговременным уведомлением о предстоящей поездке).

В экскурсии участвовало 26 человек. Руководителем настоящей поездки, как и всех предыдущих, был директор гимназии П. П. Чернышев. Ему помогали во время экскурсии два преподавателя: А. И. Андреев и Я. Р. Эргардт.[5] Из сумм Общества на эту поездку было отпущено 315 р., по 15 р. на человека, т. е. всего на 21 человека; из 315 р. не было израсходовано и поступило обратно в кассу Общества 60 р. Поездка продолжалась 6 дней и обошлась для каждого ученика в 11 р. 62 к., т. е. по 1 р. 94 к. в сутки. Приходится опять и опять высказать сожаление, что экскурсионный тариф для учащихся допускает скидку с билетов только в 50 % вместо прежних 75 %. Надбавка, по-видимому, небольшая, но она уменьшает число экскурсантов и число экскурсий (особенно из низших учебных заведений). Прискорбно, что через это у многих отнимается возможность знакомиться непосредственно с нашей великою родиной.

Маршрут экскурсии был следующий: Тверь — Вышний Волочек — Осташков — Нилова пустынь — Биологическая станция на озере Селигере — деревня Свапуща — Верхневолжский Ольгинский монастырь — Свапуща — Осташков — Тверь.

Весь расход, считая своекоштных экскурсантов, выразился в сумме 302 р. Составные части его следующие:

на продовольствие пошло около 88 р.;

на передвижение — 146 р.;

на помещение — 53 р.;

на посещение достопримечательностей и разное — 15 р.

Возвращаясь в Тверь, участники экскурсии изъявили желание поделиться своими впечатлениями на бумаге, в результате чего и явились помещенные далее их описания.

---

[3] Вышневолоцкое отделение Санкт-Петербургского (с 1914 г. Петроградского) округа путей сообщения (1784), наблюдало за состоянием Вышневолоцкой водной системы, занималось строительством мостов, понтонов, пароходов. Упразднено в мае 1918 г.

[4] Волговерховский во имя св. равноапостольной великой княгини Ольги женский монастырь (Ольгинский женский монастырь) в д. Волговерховье Осташковского у. основан в 1912 г. Настоятельницей монастыря стала игуменья Вера.

[5] Андреев Алексей Иванович, коллежский советник; Эргардт Яков Робертович.

Вышний Волочек. Из дневника экскурсанта

Город Вышний Волочек. Его достопримечательности. Домик Петра Первого. Водохранилище.[6] *Памятник царю Освободителю. Вышневолоцкий канал.*

Первым местом остановки нашей экскурсии был Вышний Волочек. Вышний Волочек, уездный город Тверской губернии, расположен на двух реках: Цне и Тверце. Одною из достопримечательностей этого города является водохранилище, куда мы и направились сначала. Водохранилище находится верстах в трех от города. Из Волочка туда ездит пароход по Цне. Придя на пароходную пристань, мы узнали, что до отхода парохода часа полтора. Ждать было долго, поэтому мы отправились пешком. Дорога шла сначала рекою, потом лесом. Вид реки (Цны) красивый: оба берега ее обложены камнем; по реке снуют лодочки и ялики; плывут барки и кошели с дровами и лесом. Немного пройдя, мы увидели другую реку, вытекающую из Цны, это — Тверца, имевшая до проведения Николаевской дороги большое торговое значение. Недалеко от водохранилища находится домик Петра I. Там, по преданию, жил Петр при постройке шлюзов. Домик этот небольшой, одноэтажный, очень похожий на голландские дома начала XVIII столетия.[7] Домик окружен парком; с одной стороны идет аллея к водохранилищу. Пройдя немного, мы увидали водохранилище. Оно представляет большое озеро, с одной стороны которого устроена большая плотина, имеющая вид ряда клеток, закрытая массивными деревянными щитами; к каждому щиту приделана цепь, посредством которой щит при надобности поднимается и опускается особым механизмом. Так как напор воды очень силен, то одна или две клетки бывают постоянно открыты. Чрез них вода прорывается и падает в пруд, дно которого покрыто огромными камнями. Вследствие очень сильного напора, вода с большою силою ударяется об эти камни, разлетается тысячами брызг и пенится. Весь пруд представляет кипящую, волнующуюся массу воды, которая то подходит к плотине, то отступает

---

[6] Вышневолоцкое вдхр. образовано в долинах рр. Шлины и Цны (1719). Цнинский бейшлот создан на месте шлюза после постройки Цнинского канала с собственным шлюзом (1722; в конце ул. Тургенева). Облицован гранитными плитами и оснащен ручной лебедкой для перемещения заслонок; водоспуск полностью деревянный и почти не изменил свой облик за 250 лет.

[7] Речь идет о двухэтажном каменном доме (1719) в усадьбе Михаила Ивановича Сердюкова (1677—1754), автора проекта улучшения Вышневолоцкой водной системы (1719) и управлявшего ею (1722). Под его руководством сооружены плотина на р. Шлине, канал из р. Шлины в оз. Ключино, Цнинский канал (1719—1722). См.: *Тверь 1*, с. 109—110, 149—150; *Тверь 2*, с. 250—256.

Вышний Волочек. Плотина при водохранилище. Фотография. 1914

назад. В конце пруда устроена другая плотина, такая же, как и первая. За этой плотиной начинается уже Цна. Из озера в Цну, огибая плотины и пруд, идет узкий канал, служащий для сплавки бревен из озера в Цну. Бревна гонят по озеру в кошелях (деревьях, связанных между собою наподобие окружности), потом поодиночке сплавляют по каналу, по особо устроенным наклонным желобам в реку, где их снова собирают в кошели и сплавляют дальше.

Общий вид водохранилища очень красивый: вдали за озером виднеются деревеньки, невысокие холмы и леса, окружающие озеро, по озеру плавают лодочки рыбаков, летают чайки и стоят, качаясь на волнах, красные и белые сигнальные лодки. Ближе по берегу раскинулся березовый парк, по берегам пруда идут аллеи, стоят небольшие домики... А вдали везде вода и вода... Осмотрев водохранилище, мы отправились обратно на пароходе в город, где осмотрели собор[8] и памятник Александру II. Памятник этот довольно красивый; он представляет как бы небольшую часовню, с передней стороны которой вставлен образ св. Александра Невского и надпись золотыми бук-

[8] Казанский собор, см. о нем: *Тверь 2*, с. 242.

вами на зеленом фоне: «Царю Освободителю».[9] Потом осматривали Вышневолоцкий канал, не очень широкий, но глубокий, обложенный с обеих сторон гранитом. Масса дров, сплавлявшихся по каналу, портила его вид... Было уже довольно поздно, когда мы возвратились на вокзал.

Ученик 6 класса *В. Владимирский*

Вышний Волочек

3 июня в 4-м часу пополудни приехали мы в Вышний Волочек, уездный город Тверской губернии. Город получил свое название от верхнего волока, по которому в старину перевозились гужом товары от Николо-Столобенской пристани на реке Тверце[10] к реке Цне, там снова грузились на суда и шли водою в Новгород.

Время основания Волочка неизвестно, но уже в 1546 году в нем было около 100 дворов. Городом Волочек стал в 1772 году.[11] Теперь в нем около 20 000 жителей. С проведением Николаевской железной дороги и с упадком движения по Вышневолоцкой системе[12] торговое значение Вышнего Волочка сильно понизилось. Всё же, благодаря развитию фабричной промышленности, Волочек — один из лучших уездных городов Тверской губернии. Особенно красят его многочисленные каналы и шлюзы, окруженные садами и бульварами. Кроме них в Волочке осматривать нечего, а кто собирается осмотреть Верхневолжское водохранилище, тот свободно может пропустить шлюзы и каналы, находящиеся в черте города.

Как я уже сказал, мы приехали в Волочек в 4-м часу дня. Быстро пообедав на станции, мы отправились в город. До места стоянки парохода, на котором мы должны были отправиться к водохранилищу,

---

[9] Никольская часовня в память о кончине Александра II (1883), обращена в церковь Александра Невского (1896). Кирпичная, оштукатуренная, на валунном цоколе, характерна для периода эклектики с элементами позднего классицизма. Список домам, находящимся в городе Вышнем Волочке. Тверь, 1896. С. 5; *Добровольский*. С. 616.

[10] Речь идет о пристани у Николо-Столпенского монастыря; в XV—XVI вв. территория Никольского погоста на Волочке у Столпа, ныне пос. Белый Омут.

[11] Вышний Волочек получил статус города в 1770 г., а в 1772 г. стал центром уезда Новгородской губ.

[12] Открытие Николаевской железной дороги (1849) привело Вышневолоцкую водную систему в упадок, сообщение переместилось в более удобную Мариинскую водную систему (ныне Волго-Балтийский водный путь). К началу 1890-х гг. транзитное движение по Вышневолоцкой водной системе полностью прекратилось, и она использовалась только для местного движения и для лесосплава.

от станции недалеко — версты 2—3. Быстро прошли мы несколько улиц, одна из которых, а именно Казанский переулок, известна у жителей города под громким названием Невского проспекта, и подошли к реке Цне. Когда мы были у пристани, оказалось, что пароход только что отошел и следующий раз пойдет часа через два. Так как до водохранилища всего версты 3, то и было решено пойти туда пешком. Дорога к водохранилищу очень красива, живописна. Сначала она идет по реке Цне. Еще в городе дорога проходит по мосту над Тверецким каналом, первым по времени сооружением Вышневолоцкой системы, соединяющим бассейны Балтийского и Каспийского морей.[13]

О его прорытии передают следующий рассказ. В 1703 году Петр Великий, озабоченный снабжением Петрограда жизненными припасами, посетил Вышний Волочек. Этот город, как я уже говорил, находится на месте верхнего волока, причем по земле груз приходилось тащить, волочить около 3 верст. Петр увидел, какое значение может иметь прорытие здесь канала между Тверцою и Цною. Со свойственною ему энергией Петр приказал тотчас же при нем брать лопаты и начать работу. Работы продолжались до 1709 года. В то же время на реке Цне и на канале были устроены шлюзы, чтобы, смотря по надобности, обращать воду Цны или в Тверцу, или в Мсту. Судоходство открылось в 1709 году. Движение быстро развивалось. В 50-х годах XVIII столетия ежегодно проходило по системе около десяти миллионов пудов.

Далее дорога к водохранилищу идет то по берегу Цны, то по лесу. Весело с песнями шли мы по ней. Наш преподаватель Яков Робертович Эргардт сделал несколько фотографических снимков. Дорогой мы нашли себе развлеченье. В лесу было множество слепней. На наших спинах, особенно у тех, кто был в сером или черном, сидели они чуть не сотнями. Слепни в Волочке отличаются астрономическими познаниями: на фуражке одного из нас они сели в виде созвездия Большой Медведицы. Несмотря на их ученость, бывшие в белом старательно били их на спинах товарищей, хотя надо сказать, что страдали больше сами товарищи, а не слепни... Скоро увидели мы водохранилище.

Недалеко от водохранилища находится домик, в котором Петр Великий останавливался в бытность свою в Вышнем Волочке. Теперь там живет господин Босяцкий, инженер, заведующий Вышневолоцким отделом Петроградского округа путей сообщения. Г-н Босяцкий нас встретил очень любезно и предложил себя в наше распоряжение на всё время пребывания экскурсии на Заводском водохранилище (так оно

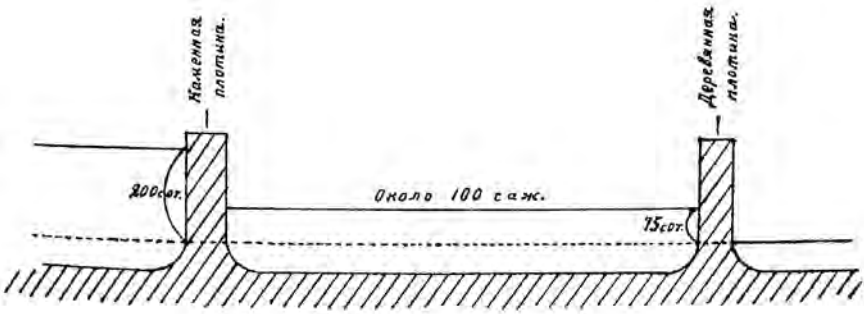
[13] Тверецкий канал Вышневолоцкой водной системы (1703) соединяет Цну и Тверцу.

называется потому, что еще при Петре, когда система находилась в ведении Михаила Сердюкова, около того места, где теперь водохранилище, находились разнообразные заводы).

Домик Петра Великого внутри не представляет ни малейшего интереса, так как от времени Петра там ничего не осталось. Гораздо интереснее темница того же времени. Это мрачное небольшое здание, нижний этаж которого находится под землей. Есть предание, что между домиком Петра Великого и темницею, между темницей и водохранилищем были при Петре подземные ходы. Действительно, если в нижнем этаже темницы постучать в земляной пол, то слышится глухой гул. Господин Босяцкий предполагает на свои средства произвести здесь раскопки.

Далее отправились мы на самое водохранилище, до сих пор, несмотря на падение Вышневолоцкой системы, сохранившее свое значение как питательный пункт всей Верхней Волги.

Воды Цны и Шлины, прегражденные плотинами, разлились и образовали громадное искусственное озеро в 60 квадратных верст, с запасом воды около 17 000 000 кубических сажен. Русло реки Цны преграждает плотина, которой регулируется пропуск воды в Вышневолоцкую систему. Сначала плотина была из дерева, но во 2-й половине прошлого столетия, после того как один раз деревянную плотину прорвало, была построена каменная. Каждый день пропускается воды около 500 000 куб. сажен, причем в Тверцу каждую секунду идет около 2,5 куб. сажен, а в Мсту 5. Пропуск воды регулируется рейкой. В половодье уровень на рейке 230 соток, к 1 мая 212 соток, к 1 июля 200 соток. Устройство плотины ясно видно из следующего чертежа:



Каменная плотина состоит из громадных гранитных глыб и деревянных щитов, которые в случае надобности поднимаются воротом. За каменной построена другая — деревянная плотина. Она устроена на случай возможного прорыва воды и для того, чтобы на каменную

давила не вся находящаяся в водохранилище вода. Между деревянною и каменною плотинами уровень воды на 75 соток выше уровня реки, в водохранилище же на 200—230 соток. Таким образом каменной плотине приходится выдерживать давление 125—155 соток воды, а остальные 75 соток приходятся на деревянную.

Несмотря на то что товарное движение по Вышневолоцкой системе совершенно прекратилось, однако Верхневолжское водохранилище имеет громадное значение. Лишь благодаря ему бывает осенью возможно по Верхней Волге пароходное сообщение. Когда Вышневолоцкое водохранилище из-за отсутствия дождей в середине лета приходится закрывать, то всякое сообщение по Волге прекращается, и пароходовладельцы с нетерпением ожидают середины августа, когда водохранилище вновь открывают.

По водохранилищу нас сопровождал господин Босяцкий. Он любезно давал нам указания, подробно объясняя действие шлюзов и т. п. В обход реки Цны прорыт в 1908 году канал для сплавки леса. По рекам и озеру лес сплавляют в громадных плотах, так называемых кошелях; у канала кошели разбирают, сплавляют отдельными деревьями, а далее в «лотке» снова связывают в кошели и отправляют далее к Балтийскому морю.

Осмотрев плотины и полюбовавшись роскошными видами, мы отправились к пароходу, любезно предоставленному нам городским головою господином И. И. Большаковым.[14] Там, поблагодарив господина Босяцкого, мы сели на пароход и отправились в обратный путь. Пароход быстро бежал вниз по течению реки, и скоро мы были в городе. Пройдя по набережной, мы отправились на вокзал, где недолго заставил себя ждать наш поезд, и, делясь впечатлениями дня, тронулись мы в дальнейший путь.

Ученик VIII класса *В. Чернышев*

Нилова пустынь

Вот уже с четверть часа как мы едем на монастырском пароходе по озеру Селигеру, направляясь из Осташкова в Нилову пустынь. Озеро встретило нас неприветливо. Довольно сильный ветер беспокоил его, и оно, как взмыленный конь, покрылось сгустками пены по всем направлениям. По озеру разбросаны небольшие островки, покрытые мелким кустарником, и попадаются иногда буйки, указывающие на более или менее опасные места. Ниловой пустыни еще не видно.

---

[14] Большаков Иван Иванович (род. 1851), купец, потомственный почетный гражданин, городской голова Вышнего Волочка, депутат 3-й Государственной думы от Тверской губ., член фракции «Союза 17-го октября».

Нилова пустынь. Светлица. Фотография. 1914

Но вот из-за поворота, который делает пароход в виду островка, вдали вырисовываются на фоне воды и неба белые здания, зелень, окаймляющая остров, и над всем этим кресты колоколен, подымающихся из зелени. Пароход продолжает идти, и немного спустя мы входим в гавань Ниловой пустыни. Вблизи Нилова пустынь еще красивее. Ряды деревьев тянутся вдоль набережной зеленой каймой и, как бахрома, украшают чистые белые стены зданий и церквей, а воды Селигера еще более оттеняют эту белизну стен и яркую зелень деревьев. Мы приехали и осматриваемся. Направо от нас — здание, куда на зиму вводят пароходы, а налево сад с широкими тенистыми аллеями, ведущими к противоположному берегу острова. Мы направились в самый монастырь направо и, пройдя ворота, ведущие туда, располагаемся в гостинице,[15] где заняли благодаря любезности архимандрита несколько приличных номеров. Оправившись после дороги, мы пошли бродить по острову. Заходим в церковную лавку и на память о пребывании у Нила преподобного приобретаем открытки, мелкие вещички, сделанные, нужно сказать, с большим вкусом. Отсюда мы, идя по берегу, подходим к часовне. В этой часовне дуб, или, вернее сказать, остатки дуба, в дупле

[15] Монастырская гостиница (1734—1799).

которого преподобный Нил спасался от непогоды. Раньше он стоял свободно; но теперь окружен часовней, так как богомольцы, веруя в спасительную силу этого дуба, отрывали от него кусочки, что скоро повело бы, конечно, к совершенному уничтожению его. И, действительно, вид у него неважный: верх его спилен, и над землей возвышается не больше двух с половиною аршин ствола. Дупло довольно большое и, без сомнения, расширено стараниями богомольцев. Идя дальше по берегу, мы огибаем собор[16] и подходим к мосту, соединяющему остров с сушей. Селигер здесь настолько узок, что связан мостом. Вид на тот берег прекрасный: крутой и гористый, он покрыт соснами, идущими лестницей вверх, и из-за них на вершине видна церковь, как бы господствующая и над соснами, и над Селигером. Переходим мост и, взобравшись на гору, входим в церковь.[17] Тишина здесь. Всё дышит спокойствием. Чтобы проникнуться этим настроением, надо пробыть тут некоторое время, а мы — люди далекие от этого уголка. Ворвавшись с воли, под впечатлением Селигера и красивой природы острова, мы не так настроены, и тишина и спокойствие на время исчезают из храма. Мы всюду осматриваем и любопытствуем. Между прочим, интересно отметить алтарь, поразительный в акустическом отношении. Если встать одному в одном углу, а другому на известное место в другом, то слова одного будут слышаться другому над самым ухом, так что невольно осматриваешься, не стоит ли кто рядом с тобой. Впечатление ошеломляющее. Осмотрев церковь, мы тронулись обратно. В гостинице подкрепились обедом, и так как время подходило к вечеру, то мы и пошли в собор ко всенощной. Приложившись к мощам и постояв немного, я пришел к заключению, что замолю грехи как-нибудь в другой раз на свободе, а теперь решил погулять по острову и, так как он не велик, то и обошел его кругом. Остров кругом обложен тесаным камнем, и этот каменный пояс, скрепленный железными пряжками, поднимается над водой на аршин и больше. Средняя часть острова возвышенна, и здесь расположены собор и главные постройки монастыря, а кругом хозяйственные. И всё это утопает в зелени. Особенно хорошо в западной части острова. Здесь деревья вплотную подходят к Селигеру, и зеленые ветви красиво свешиваются над водой. Ближе к монастырю густо разрослись сосны, и между ними стоят отдельные кельи и часовня. Место вполне подходящее для уединения и молитвы, так как сама природа располагает к спокойствию и созерцанию. Проходя здесь, я набрел на прелестный уголок. В одном месте между соснами возвышенность круто обрывается к берегу, и с обрыва откры-

---

[16] Собор Богоявления Господня (1821—1833) Нило-Столобенской пустыни.

[17] Церковь Михаила Архангела (1828) на полуострове Светлица, не сохранилась.

вается восхитительный вид. Вершины сосен почти наравне с обрывом, а среди них виден купол и крест часовни и кругом внизу и наверху яркая, еще весенняя зелень. Не знаю, как зимой, а летом Нилова пустынь — одно из очаровательнейших местечек, где с удовольствием можно провести время и в одиночестве. И монахи, очевидно, ценят это. Они с любовью отзываются о своей обители, рассказывая о всём нас интересующем.

Между тем всенощная кончилась. Погода переменилась. После обеда ветер стих, и солнце перед заходом, очевидно, захотело порадовать нас своим хорошим расположением духа, перед которым не могло устоять и озеро. Оно успокоилось, как бы приглашая нас полюбоваться им. Особенно спокойно было оно с подветренной стороны. Все участники экскурсии разбрелись по острову, наслаждаясь хорошей погодой. Из нас нашлись страстные рыболовы и по примеру монахов направились после всенощной на западный берег острова. Удочки достали в монастыре. Пришли и, расположившись на каменных плитах берега, принялись за уженье. На мою долю не пришлось удочки. Я, устроив самую примитивную, пытался искушать судьбу. Но на мою долю, очевидно, и рыбы не нашлось; зато как я, так и все удившие были награждены чудным заходом солнца и теплым ясным вечером, так что мы и не заметили, как стало совершенно темно. Некоторые ловили удачно, и они так вошли во вкус этого, что на следующее утро они не поленились встать с восходом солнца и наловили порядочно. Но я, учитывая то обстоятельство, что всю рыбу из Селигера не выловишь и что надо запастись хорошим настроением на поездку по Селигеру и до Волговерховья, преступно проспал до 7 часов утра, когда уже меня разбудили другие. Наскоро собравшись и пожелав всего доброго монахам обители и острову, мы пошли на пароход, который пришел уже за нами из Осташкова, чтобы везти на верховья Волги. Все разместились, и пароход тронулся. Вышли из гавани и идем уже по Селигеру. Остров становится всё меньше и меньше и наконец заслоняется другими. Но в нашей памяти он не заслонится ничем, и я думаю, что у всех участников экскурсии сохранится о Ниловой пустыни самое приятное воспоминание. Что касается меня, то я в восхищении от ней и с удовольствием вспоминаю и буду вспоминать время, проведенное в этом отрадном уголке Селигера.

Ученик 8 класса *Н. Находкин*

На пароходе из Ниловой пустыни в Свапущу

Утро 5-го июня застало экскурсантов в чистенькой гостинице Ниловой пустыни. Экскурсанты здесь были распределены по номерам, по 3—4 человека в каждом. Вечером мы поздно засиделись на берегу

озера, занимаясь апостольским делом, ловлей рыбки, ну а утром разоспались, тем более что мы отдыхали после ночи, проведенной в вагоне, и запасались силами на 18-тиверстный путь к цели нашей экскурсии, к Волговерховью. Но нашлись такие любители рыбной ловли (тем более что рыба ловится в Селигере отлично), которые встали с восходом солнца и отправились еще разик поудить. Приведя себя в порядок, я отправился в чайную, где собрались уже почти все экскурсанты. Чай пили с большими просфорами, после чего монахи подали «на путь грядущий» по селедке на группу. Подкрепившись, мы вышли на крыльцо, где Яков Робертович произвел с нас два снимка. Потом, забрав вещи и простившись с обителью, мы направились на пароход, уже поджидавший нас. Это был «Иван Савин 1-й», довольно дрянненький пароход, постройки 1887 года, но самый лучший (кроме монастырских) на Селигере. Машина у него испорчена, дает перебои. Тронулись и, осторожно пробираясь на простор, проходили мимо пристани, гавани, садков и т. п. Наконец вышли и пошли поскорее. Через четверть часа мы уже были на другой стороне озера у Гефсиманского скита. Место красивое. Шли бором с версту, пока не дошли до скита. Скит сравнительно недавней постройки. Перед кельями в два ряда цветут розы и мак. Церковь деревянная,[18] с недавней же живописью. Посмотрели и пошли тем же путем назад. Опять пошел пароход, опять приближается Нилова пустынь, но мы проходим мимо нее, она удаляется, но всё не скрывается из вида. Мы проходим мимо села, расположенного на высоком крутом берегу. Здешний житель, мой товарищ, едущий вместе с нами, как-то называет его, но название скоро вылетает из памяти. Пароход идет дальше. На носу его сгруппировались любители пейзажа, с кормы же несутся песни. Поворот, и пароход проходит еще мимо какой-то деревни и тихо подходит к берегу. Мы выходим на берег и идем к зданию, сиротливо стоящему на косогоре. Ни души; только громадная черная собака лает не переставая на незваных гостей. Вот кто-то показался. Руководитель экскурсии директор Петр Петрович объясняет, что мы за люди. Оказывается, что это биологическая станция.[19] Спустя некоторое время выходит начальник станции, и мы идем ее рассматривать. Она состоит из двух комнат, в обеих сидят молодые люди и старательно рассматривают мутную водичку под микроскопом; некоторые так же старательно вглядываются в блюдечко, в котором налита вода и бегает пара жучков. Осмотрев всё это, двигаемся на пароход. Опять отходим. Селигер уже

---

[18] Гефсиманский скит — монастырь на о. Городомля, основан в конце XIX в. Храм Успения Пресвятой Богородицы (конец XIX — начало XX в.).

[19] Биологическая станция основана русским ботаником Иваном Парфеньевичем Бородиным на Бологовском оз. (1896), позже перенесена на Селигер.

очень узок, мы поворачиваем несколько раз и выходим на более широкое место. Идем уже больше часа. На горе вырисовывается какое-то большое здание. Спрашиваю капитана, что такое. Говорит: «Усадьба Новки».[20] — «Будем заходить?» — «Да!» Снова пристаем к берегу, выходим на берег, идем около версты по сыпучему песку в гору и останавливаемся перед громадным двухэтажным домом. Кучи щебня и мусора свидетельствуют о том, что в доме ремонт. Тем не менее мы храбро идем за каким-то рабочим, который нас ведет по пустым огромным комнатам и в конце концов приводит на вышку. Вид оттуда, правда, чудесный. Видно даже Осташков и Нилову пустынь. Опять спускаемся по лестницам, чердакам, выходим на вольный воздух и идем к пароходу. Трогаемся. Опять навстречу плывут зеленые берега, опять сзади парохода расстилаются клубы черного дыма, опять с кормы несется песня про Стеньку Разина, про матушку Волгу.[21]

— А далеко ли до Свапущи[22]? — спрашиваю я рулевого.

— Да недалече, верст с десяток осталось.

Томительно идут последние часы; наконец вдали замечаю деревушку и наугад спрашиваю: «Уж это не Свапуща ли?» — «Да, скоро доедем». Всё ближе и ближе деревня, уже земля нас окружает с трех сторон, и скоро мы сходим на берег. Наше плавание по Селигеру кончилось.

Ученик VIII класса *С. Чернобровкин*

Поездка по озеру Селигеру от Осташкова до Свапущи

4 июня около 10 часов утра поезд, в котором мы ехали из Бологое, остановился у платформы Казино, верст за 10 до станции Осташково.[23] Здесь мы должны были высадиться и отправиться до г. Осташкова на пароходе по озеру, что было гораздо удобнее, нежели ехать в поезде до станции Осташково, находящейся на довольно значительном рас-

---

[20] На самом деле — с. Новые Ельцы, см. путешествие Вишнякова.

[21] «Песня» Д. Н. Садовникова («Из-за острова на стрежень...», 1883).

[22] Д. Свапуще (Свапуща) Осташковского у., через нее идет дорога на исток Волги. См. путешествие Вишнякова.

[23] Д. Покровское на железной дороге Бологое — Полоцк на восточном берегу Селигера, ныне с/п Сорожское Осташковского р-на. Последний владелец отставной штабс-капитан гвардии Дмитрий Алексеевич Казин. См.: Сообщение об очередном X съезде уполномоченных Дворянских обществ в Санкт-Петербурге в февр. 1913. // ГАТО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 5321. Л. 42 об.; Список лиц, имеющих право быть избранными в члены Государственного Совета от Тверского губернского земского собрания по Осташковскому у. // ТвГВ. 1915. 14 авг. (№ 622). С. 5.

стоянии от города. Начинаем высаживаться. Платформы собственно здесь никакой не оказывается; мы, сначала немного смущенные этим обстоятельством, выпрыгиваем из вагона с вещами прямо на насыпь и отправляемся к озеру, которое находится поблизости. У берега в небольшой бухте стоят два парохода; садимся на пароход с огромным красным колесом сзади. Озеро пока ничего особенного не представляет: по берегам много тины; на самом озере встречаются небольшие острова, которые, вероятно, всякую весну во время половодья скрываются под водой, для того чтобы к лету снова появиться на поверхности воды и украсить собой однообразную ширь озера. Вдали виднеется уже город. Мы сидим на палубе и от нечего делать слушаем разглагольствования толстого господина, должно быть местного жителя, который рассказывает нам про озеро, про Осташков и показывает с парохода такие достопримечательности города, как Житный[24] и Девичий[25] монастыри. Наконец наше «путешествие» кончается, после долгих лавирований парохода у берега высаживаемся на набережную. Сваливаем вещи на извозчиков и отправляемся на Нилово подворье, откуда нам предстояло отправиться на монастырском пароходе в Нилову пустынь. Идем по мостовой, так как собственно тротуаров нет. Вообще с первого взгляда заметно, что Осташков — самый типичный провинциальный городок, отличающийся в жару удушливой пылью и зноем, а весной и осенью непролазной грязью, подобно нашей «богоспасаемой» Твери где-нибудь за Тьмакой или за Волгой. Правда, здесь есть зелень, особенно на окраинах, где уже пахнет более деревней. На одной улице прокладываются рельсы для провозки паровика,[26] который стоит тут же. Пройдя еще немного улиц, мы пришли наконец к подворью на берегу озера, где находится небольшая пристань. Но здесь нас ждало сильное разочарование: мы предполагали отправиться тотчас же, но оказалось, что пароход только что ушел, а отправится потом часов в пять и прибудет сюда не ранее трех часов. Таким образом, мы имели в перспективе провести около пяти часов в Осташкове, что нам не представлялось очень занимательным. Подумали о других способах переезда в монастырь, причем проектировали даже отправиться на какой-то огромной плоскодонной лодке, на которой мы должны были бы, вероятно, стоять все на середине, столпившись в одно место, как табун

---

[24] Житенный (Житный) мужской монастырь Смоленской иконы Божией Матери (1716) в южной части о-ва Житный к северу от Осташкова. В 1920-х гг. упразднен, в 2002 г. возрожден как женский монастырь.

[25] Знаменский женский монастырь в Осташкове (1673) на пустыре Старое Струговище, или Убогом, на берегу Селигера. Упразднен в 1920-х гг.

[26] Паровоз с небольшим поездом, применявшийся в городах до появления трамваев.

лошадей. Но, к счастью, этот проект был отвергнут, и решено было ждать парохода. Между тем необходимо было еще напиться чаю, так как мы с утра не успели сделать этого. Надо было «осадить» какую-нибудь булочную и раздобыть булок. Отправляемся в числе нескольких человек и в сопровождении гимназиста нашего товарища, осташковца. Запасов одной булочной не хватает, как это и всегда случается, когда приходится бывать экскурсантам в маленьких городках. Забираем булок из двух булочных и оправляемся обратно в подворье. Там уже ждут нас с булками; самовары готовы. Пьем чай и затем расходимся бродить по городу, получивши предварительно от Петра Петровича инструкцию возвратиться непременно к трем часам на случай прибытия парохода. За три или четыре часа, которые были в нашем распоряжении, мы успели исколесить весь город. Посмотрели местную женскую гимназию,[27] в которой как раз был торжественный молебен, должно быть по случаю окончания занятий; гимназистки в коричневых платьях и белых передниках и пелеринах гурьбами выходят из здания гимназии; у всех в руках дневники, в которых им, должно быть, отмечают их успехи и поведение. Гурьбами выходят они из гимназии и гурьбами отправляются в здешний сад.[28] Побывали в саду и мы. Сад довольно маленький, с тощими деревцами, и даже в сравнении с нашим тверским Общественным садом не выдерживает критики. При виде этого сада невольно вспоминается почему-то сад гоголевского города N, в котором деревца были не выше тростника. Тем не менее осташковцы, вероятно, находят одно не из последних удовольствий — погулять в саду. Посмотрели мы еще Девичий монастырь, побродили и без всякой цели по городу, но все-таки у нас оставалось еще время, и когда мы пришли в подворье, парохода еще не было. Впрочем, ждать пришлось недолго, и вскоре маленький пароходик с небольшим количеством пассажиров — богомольцев, сподобившихся побывать у Нила преподобного, — подошел к пристани. Мы перетаскиваем на пароход свои вещи и через какую-нибудь четверть часа благодаря хлопотам нашего руководителя отправляемся в путь. Разместившись на палубе и на носу парохода, мы любуемся видами, которые постепенно открываются перед нашими глазами. Более всего поражает изобилие островков на озере. То и дело попадаются то совсем маленькие острова, покрытые зеленью, то довольно значительные, на которых живописно расположены деревеньки, окруженные лесами. На всём озере насчитывают, кажется, до 160 островов, количество громадное, если принять во внимание сравнительно незначительную площадь озера — 260 кв. верст: один остров в сред-

[27] Женская гимназия им. Елизаветы Ивановны Бенардаки, основана в 1857 г. как девичье училище; прогимназия (1901), гимназия (1909).

[28] Набережный сад (1860) — городской сад в Осташкове.

нем приходится на 1 ½ кв. версты. Острова главным образом и украшают озеро, которое без них было бы слишком однообразно и скучно. Изредка, и то если смотреть в одну какую-нибудь определенную сторону, можно видеть на огромном пространстве только воду и воду. Совсем близко проезжаем мимо красивого острова с высоким крутым берегом, на самом краю которого ютится маленькая церковь и деревня по прозванью Никола Рожок.[29]

Город уже совершенно скрылся из глаз 33 островами, хотя мы отъехали всего верст пять. От Осташкова до Ниловой пустыни считается около 8 верст, и мы не успели как следует налюбоваться островками Селигера, как вдали уже показались красивые главы монастыря, играя блеском в лучах солнца. Вскоре мы уже ясно различали и белые стены, окружающие монастырь, и мост, перекинутый на ближайший остров, на котором находится небольшая церковь. Виднеется небольшая пристань и рядом с ней маленький док для монастырских пароходов. Наш пароход входит в небольшую бухту с выложенными камнем берегами и причаливает к пристани. Мы высаживаемся и, забравши с собой свои вещи, отправляемся в монастырскую гостиницу. Через ворота мы вступаем во внутренний двор монастыря, окруженный различными зданиями. Тут находится обычная монастырская лавочка, «образная», в которой можно накупить крестиков, ложек, кошельков, открыток и пр. Напротив «образной» находится гостиница с номерами для богомольцев и «чайной», в которой монахи поят богомольцев чаем. Монастырь с первого взгляда уже не представляется слишком большим; чувствуется, что здесь, на этом маленьком острове, который не более чем в полчаса можно объехать кругом на лодке, живут какой-то особенной, полной уединения и тишины жизнью. Невольно приходит на память Соловецкий монастырь,[30] в котором мы были прошлый год также в качестве экскурсантов. Вспоминаются грандиозные стены Соловецкого монастыря, выложенные из огромных камней; вспоминаются белые чайки, которые, как домашняя птица, бродят там повсюду и которых почему-то хотелось видеть и здесь, когда мы недавно подъезжали к пристани. И вообще Соловки то и дело приходят на ум во время пребывания нашего в монастыре. Мы разместились в монастырской гостинице, занявши отдельные номера по трое

---

[29] С. Никола Рожок известно с XIV в. Храм Успения Пресвятой Богородицы построен в 1763—1768 гг. на месте Николо-Рожковского монастыря (упразднен после 1765).

[30] Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь на Соловецких островах в Белом море. Возник в 1420—1430-х гг., в 1920 г. закрыт; Соловецкий лагерь особого назначения (1923), Соловецкая тюрьма особого назначения (1937—1939); музей-заповедник (1967), возобновлен (1990).

и по четверо. Было уже около 5 часов вечера, и нам надо было торопиться и пользоваться временем для осмотра монастыря, так как на следующий день надо было уже уезжать. Поэтому тотчас же мы и отправились в сопровождении настоятеля монастыря. Отдельных каких-либо достопримечательностей в монастыре нет, но весь монастырь в своем целом является, конечно, ценностью для всякого русского человека как одно из тех мест, в которых спасались подвижники земли Русской. Кроме того, этот монастырь, построенный преподобным Нилом на острове, является ярким показателем обычного явления, характеризующего с определенной стороны всех подвижников, которые старались удалиться подальше от мира с его мирскими суетами и укрыться там, где они могли бы в строгом уединении совершать свой подвиг спасения. Острова на озере Селигере являлись одним из наиболее удобных мест для этой цели. Преподобному Нилу Столбенскому, как и всем вообще подвижникам, приходилось, конечно, переносить немало лишений на этом острове, где он поселился в первой половине XVI века, когда не только острова, но и берега озера были мало населены. Мы побывали здесь между прочим в так называемой Светлице,[31] небольшой часовенке, в которой хранятся остатки от дуба, дупло которого служило для преподобного Нила местом для защиты от непогоды. Из этого видно, что преподобный Нил, совершая на этом острове свой тихий и скромный подвиг спасения, не имел даже постоянного жилища и, подобно многим святым, скрывался в дупле дуба. Так жил здесь основатель монастыря три века тому назад. Теперь же картина сильно изменилась: в монастыре — великолепный собор, несколько церквей, из которых одна построена еще при жизни преподобного,[32] кельи и гостиница для богомольцев. Мы успели осмотреть все здешние церкви, а также и ту, которая находится на другом острове. Побывали мы и в соборе, где послушали некоторое время своеобразную монастырскую службу и приложились к мощам преподобного Нила. Наконец, мы вдоволь насладились той тишиной, которой так полна монастырская жизнь и которая поселяет в душе спокойное и радостное настроение. Тишина, господствующая в монастыре над всем окружающим, сначала кажется несколько странной, особенно для жителя города, привыкшего к своей жизни с ее ежедневным и еженощным шумом. Но эта тишина так успокоительно действует на душу, что невольно поддаешься ее обаянию и чувствуешь себя наверху блаженства, которое достигает наивысшей степени при наступлении вечера, когда всё смолкает и только пение какой-нибудь

[31] Светлица, сторожевая башня, построена в 1863 г.

[32] Деревянная Богоявленская церковь построена в 1591—1594 гг., через 40 лет после смерти Нила Столбенского.

птички, приютившейся в деревьях, окружающих монастырь, нарушает тишину. Некоторое оживление замечается, впрочем, на берегу озера, где собираются к вечеру монахи, любители половить рыбу на удочку. Там и сям между зеленью деревьев на берегу озера виднеются рыболовы, с удочками в руках склонившиеся над водой и с напряженным вниманием следящие за своими поплавками, то и дело меняя прикормку на крючках. Ловля идет бойко: рыбы в озере много, и, как говорят монахи, попадается иногда на крючок и крупная. Некоторые из наших экскурсантов, запасшись в монастыре удочками, также разместились на берегу половить рыбы в озере Селигере. Всё тихо и мирно; тишина господствует и здесь, несмотря на большое скопление народа; только и слышно изредка плесканье большой рыбы на значительном расстоянии от берега да короткие переговоры рыболовов, которые рассказывают о сомах и щуках, попадавшихся им на удочку. Некоторые из наших экскурсантов собрались вокруг Алексея Ивановича, нашего преподавателя, который, также вооружившись удочкой, расположился на берегу. Клев хороший: то и дело Алексей Иваныч вытаскивает из воды по рыбке, но каждый раз леска запутывается в ветвях деревьев и каждый раз приходится долго распутывать и снимать ее.

Но уже поздно; становится всё темнее и темнее, и трудно уже следить за колебаниями поплавка. Мало-помалу рыболовы расходятся, чтобы завтра утром на заре опять прийти сюда с удочками. Пора и нам идти на покой, отдыхать и вставать завтра раньше. С чувством сожаления, что время так быстро уходит, мы отправляемся в гостиницу и разбредаемся по номерам. Многие толкуют о том, чтобы и завтра пораньше встать и успеть половить еще рыбы.

На другой день, действительно, некоторые поднялись рано: и рыбы половили, и раннюю обедню постояли. Но иные встали довольно поздно; только успели попить чаю в монастырской чайной, как уже пришел пароходик, который должен был отвезти нас по озеру Селигеру до деревни Свапущи, откуда мы должны были отправиться к истокам Волги. Мы перетащили вещи и расположились на пароходе. Яков Робертович сделал было попытку снять нас на пароходе и устроился было на близко стоявшей барке, но солнышко, как нарочно, скрылось за тучу; так и не удалось сделать снимка. Вскоре мы уже опять ехали на пароходе, разместившись по всем его углам: кто поместился в небольшой каюте с маленькими окошечками в стенах; кто на корме парохода, кто на носу, где было, пожалуй, всего удобнее следить за открывающимися постепенно видами.

По пути до Свапущи мы заехали в Гефсиманский скит, находящийся на острове совсем недалеко от Ниловой пустыни (кстати, мне приходилось читать, что остров, на котором находится монастырь, носит названье Смоленский; не знаю, насколько это верно; по крайней

Пароход с экскурсантами возле биологической станции. Фотография. 1914

мере, нам не приходилось этого слышать во время пребывания в монастыре).

Островок, на котором находится скит, покрыт хорошим сосновым лесом, принадлежащим монастырю. Вообще монастырь обладает огромным лесным богатством в окрестностях. Лес, в который мы вступили по дороге, ведущей в скит, очень красив; особенно грандиозны старые вековые сосны, еле-еле в обхват одному человеку, гордо поднимающие свои вершины к небу. Такие сосны то и дело попадаются нам по краям дороги. Самый скит не представляет ничего особенного: первоначально мы уперлись в забор, окружающий его, и затем уже, зайдя с правой стороны, вошли в ограду. Маленькая деревянная церковь, или, вернее, часовня, да кельи — простые крестьянские избы — по сторонам, и больше ничего. Мы заглянули через стеклянную дверь в церковь и отправились обратно на пароход, чтобы продолжать свое путешествие. Впереди предстояла еще остановка у биологической станции с целью ее осмотра. Но до этой станции еще далеко: забираешься на нос парохода и любуешься всё теми же островками, то и дело попадающимися на пути, около берегов которых изредка виднеется рыболов, расположившийся на лодке. Или, опуская глаза в воду, следишь за облаками, которые, отражаясь в зеленоватой воде озера, как в зеркале, виднеются на глубине, такие же белесоватые и дымчатые, и бегут

по озеру, не отставая от парохода. С носу парохода перемещаешься на корму или же, лучше всего, забираешься на крышу нашей каюты, где и сидеть и наблюдать чрезвычайно удобно.

Проезжаем мимо маленькой белой часовни; рулевой снимает шапку и крестится: часовня построена как раз против монастыря, как говорит рулевой, который, ездя уже более 30 лет по озеру, всякий раз, проезжая мимо, считает своим долгом снять шапку и перекреститься.

Наконец мы подъехали к биологической станции, небольшому деревянному домику, расположенному на самом берегу. Заведующий станцией еще не вставал, и нам пришлось некоторое время ждать. Приблизительно через четверть часа нас впустили в здание станции. Там заведующий показал нам несколько интересных приборов, применяющихся при исследовании озера: приборы для измерения температуры воды на различных глубинах, приборы для захвата со дна воды или для добывания из воды различных организмов и пр. Мы посмотрели в микроскоп на один из микроорганизмов, добытых в озере, и отправились на пароход.

По пути до Свапущи мы останавливались еще в селении Малых Ельцах, где осматривали старинный барский дом, «дворянское гнездо», принадлежащее теперь г. Нейгардту.[33] Побывали в доме во всех комнатах, затем забрались на вышку, которая устроена на крыше дома, не знаю с какой целью. Возможно — для того, чтобы любоваться видом, открывающимся отсюда на озеро, которое виднеется на далеком пространстве вокруг, то извиваясь, как змея, полосами между кучами островков, то разливаясь на широкое пространство, едва доступное глазу. Яков Робертович сделал отсюда несколько снимков. На дальнейшем пути до Свапущи мы уже больше нигде не останавливались и наконец около 1 часу пополудни благополучно добрались до этой деревушки, а часа через три отправились отсюда пешком к истокам нашей матушки Волги.

Ученик VIII класса *Ив. Зверев*

Истоки реки Волги

Около самых истоков реки Волги стоит ветхая, небольшая деревянная часовня.[34] В этой часовне, конечно, мы побывали. Как снаружи, так и внутри она имеет вид неказистый. Единственными украшениями в часовне являются образ Спасителя, сруб, уходящий под пол в болото, и книга, в которой расписываются все посетители верховьев реки Волги. К срубу привешен ковшик, так что всякий желающий

[33] С. Новые Ельцы, см. путешествие Вишнякова.

[34] Первые упоминания о часовне над истоком реки Волги относятся к XVII в.

Часовня у начала Волги. Фотография. 1914

может посмотреть и попробовать здешнюю волжскую воду. Как цвет, так и вкус ее здесь очень оригинальны: цвет ее, благодаря болотным растениям, темно-коричневый, а на вкус она довольно сладковатая, вернее пряная, и очень теплая (конечно, только летом). Вот и вся бедная внутренность часовни. Однако, несмотря на это, мы пробыли в ней довольно порядочное время. Это произошло оттого, что мы заинтересовались подписями, которыми усеяны все ее стены, стараясь найти на них фамилию хотя бы одного своего знакомого. Считая и своим долгом расписаться, некоторые из нас оставили и свои фамилии на стенах этой часовни.

Недалеко от часовни находятся лес, монастырь и деревня. В лес очень трудно пробраться благодаря болоту, и из нас нашлось немного смельчаков, которые, думая, что Волга вытекает не из того места, где поставлена часовня, а гораздо дальше от нее, решили открыть новое верховье реки Волги. Но их поиски были напрасны: чем дальше они отходили от часовни, тем труднее становился их путь (болото очень вязкое, топкое). Деревня, расположенная у истоков Волги, носит название Волговерховье. В ней находится и женский монастырь. Монастырь этот стоит на большой горе. Да и вообще нельзя не заметить того, что около истоков Волги очень много гор. В монастыре мы нашли радушный прием и пробыли в нем дня полтора. За это время нам удалось

осмотреть Волгу на протяжении нескольких верст. В самом своем начале Волга очень узка. Канава, по которой здесь протекает Волга, так мала и так сливается с окружающей ее местностью, что некоторые из нас высказывали опасения, что в недалеком будущем эта канава пропадет и вода в ней высохнет. Эти опасения находили себе подтверждение в том, что местами в канаве находилось так много хвороста, что из-под него еле-еле просачивалась вода. По пути к Большому Верхиту (это озеро, по выходе из которого Волга становится значительно большей, но все-таки «не похожа ни на реку, ни на ручей»), мы успели снять несколько фотографических снимков, которые дают возможность познакомиться с тем, что представляет из себя Волга у своих истоков.

Воспитанник 8-го класса *Б. Резвяков*

Истоки Волги

Главная цель нашей экскурсии заключалась в том, чтобы посмотреть на истоки Волги, т. е. ближе и нагляднее ознакомиться с началом этой великой русской реки. В самом деле, для каждого человека, видевшего Волгу хотя бы и в городе Твери, не говоря уже о среднем и нижнем ее течении, и то представляет живой интерес посмотреть на ее начало, на исток ее.

Исток Волги, как известно, лежит в Осташковском уезде Тверской губернии. Так вот, прежде чем туда попасть, мы и отправились в город Осташков, лежащий на восточном берегу большого озера Селигера. (Из этого озера вытекает один из первых притоков Волги река Селижаровка.) От Осташкова недалеко и до истока Волги. Чтобы отправиться к истоку Волги, мы воспользовались пароходом, который держал путь к деревне Свапуще, лежащей на западном берегу озера Селигера. Во время двадцатипятиверстного переезда по озеру мы любовались многочисленными островами, которые со всех сторон выплывали перед нашими глазами. Эти острова с раскинувшимися на них поселками и деревнями, покрытые хвойными и лиственными лесами, представляют из себя весьма живописный вид и невольно привлекают внимание путника. Нельзя не отметить из них большого острова, на котором расположен белокаменный, сверкающий главами своих церквей монастырь Нила Столобенского. Плавание по озеру промелькнуло для нас незаметно. Мы прибыли в деревню Свапущу. Отсюда до истока Волги или, вернее, до деревни Волговерховья всего верст восемнадцать. Этот путь мы сделали пешком.

Местность по дороге была весьма холмистая. Едва успевали мы взобраться на один холм, как при спуске с него пред нашими глазами вырастал другой; всюду кругом видны были различной величины и формы пригорки, холмы и бугры, покрытые по большей части хвой-

ным лесом; встречались также болота и озера, которыми вообще изобилует здешняя местность.

Наконец мы пришли в Волговерховье. Деревня эта, а рядом с ней и девичий монастырь расположены на пригорке, к югу от которого находится болото. Болото это с виду ничего особенного не представляет, и, без сомнения, каждый из нас встречал подобные болота, описание которых очень просто: осока, белокопытник, мочажина, ивняк, кочки да кое-где просвечивающая вода — вот и всё! Но тем не менее оно как-то особенно привлекало наше внимание и против воли заставляло подолгу всматриваться в одну и ту же осоку и в одно и то же оконце воды, как будто в них было сокрыто что-то такое таинственно-важное, что необходимо знать каждому из нас.

Посередине болотца стоит ветхая деревянная часовенка. Ее мы, конечно, поспешили осмотреть. Войдя туда, мы заметили, что в левом углу висит единственный небольшой, без украшения образ Спасителя; прямо против входа у стены стоит деревянное изображение Нила Столобенского; налево у стены небольшой стол, на котором лежит книга, почти вся исписанная обозначениями времени посещения и именами лиц, осматривавших часовню; посреди часовни уходит под пол в болото небольшой сруб, наполненный прозрачной, но красноватой болотистой водой, на вкус не совсем приятной; течения никакого не заметно. Так вот это и есть начало Волги! По мере удаления от часовни течение становится явственно. Берега ручья — Волги поросли хвощом, брединой и олешником. Ширина реки совсем ничтожна. Так, я лично вставал одновременно одной ногой на правый берег, а другой на левый или же свободно обменивался рукопожатием с товарищем, стоявшим на противоположной стороне реки. Из этого можно судить о ширине реки в ее истоке. Надо сказать, что при виде этого ручья как-то странным кажется называть его словом *Волга*. Словом, при произношении которого невольно представляется не этот ничтожный ручей, а славная, могучая и вместе с тем спокойная, огромная река, наша матушка-кормилица. Но тем не менее приходится согласиться, что это так и должно быть, что этот ручей есть Волга.

Ширина долины близ деревни Волговерховья сажен десять. Берега оба высокие, но левый выше и круче правого. Недалеко от часовни Волга огибает монастырь с восточной стороны и вступает в еловый труднопроходимый лес, который растет по болоту. Выйдя из леса на ровную, низменную луговину, Волга течет уже по определенному руслу с многочисленными изгибами. Здесь недалеко от деревни Вороновой она принимает свой первый приток — ручей Персянку, который почти не увеличивает ее ширины. Дальше Волга вступает опять в труднопроходимый лес, протекает затем по множеству болот и озер, из которых получает большое количество воды, и уже становится поря-

дочной рекой. Из озер, которые она проходит, надо отметить следующие: Малый Верхит, Большой Верхит, затем Пено и другие. В конце же концов она проходит чрез озеро Волго и, получив отсюда свое название, становится общеизвестной матушкой-кормилицей рекой.

Ученик 5 класса *Л. Кислов*

Истоки Волги

5 июня мы прибыли наконец к истокам Волги, конечной цели своей экскурсии. Нам пришлось идти 18 верст от деревни Свапущи почти всё время по дождю, но тем не менее идти было легко и весело: болтали, смеялись, разгадывали загадки, пели почти всю дорогу. У меня до сих пор не выходят из головы некоторые эпизоды этого «путешествия». Так, проходя с песнями по одной деревне, мы привлекли внимание большей ее части, и за нами шла целая толпа мальчишек. Наверно, долго еще ходили толки о нас и догадки, что это за люди, откуда да куда идут и т. д.

Прибывши к истокам, мы встретили радушный прием игуменьи женского монастыря при истоках Волги.

На следующий день мы отправились осматривать истоки нашей кормилицы матушки Волги. Волга вытекает из большого болота, лежащего около деревни Волговерховья, расположенной у подножья высокого холма.

Нас, несколько охотников, пошли бродить по болоту. Болото топкое, большое, сплошь заросшее березками и небольшими елями, обвешанными длинными прядями мха. На память об этом болоте у меня сохранился сучок длиною не более двух вершков с висящим на нем мхом вершков 10—12.

В болоте есть два родника: один на самом его краю, другой поодаль в болоте, в нескольких саженях от первого. Который из них считать за настоящий исток Волги — вопрос довольно спорный.

Над первым родником, более широким и глубоким, построена низенькая часовенка, с квадратным срубом и одним небольшим окошечком. Интересна внутренность ее. На самой середине сделан небольшой срубик, на краю которого лежит жестяной ковш. Вы можете почерпнуть этим ковшом воды из *Волги* и напиться. Вода красная, но довольно вкусная. Обстановка часовни такова: в одном углу (налево к окну) висят несколько икон с облезшей краской, далее стоит потемневшее деревянное резное изображение преподобного Нила, потом два деревянных подсвечника, налойчик, у окна стол, на котором лежит книга, чернила и перо. В этой книге расписываются посетившие часовню. Но этого, очевидно, мало посетителям: они пишут свои имена и фамилии на стенах, что сделали и мы. Этих подписей так много,

что приходится искать место для своей. Кроме таких подписей на стенах можно видеть также и несколько изречений, содержание которых легко предается забвению. Видно только, что они писались под влиянием известного настроения.

Место, где стоит часовня, тоже довольно низкое, так что к самой часовне приходится идти по особо устроенным мосткам.

От часовни Волга течет (кажется, только весной да в дождливое время) несколько сажень довольно широкой полосой, потом суживается и, обогнувши высокий холм, извивается змейкой по полям, лесам, впадает далее в оз. Малый Верхит, Большой Верхит, оз. Пено и т. д. Там, где Волга, обогнувши холм, течет по полю, она настолько узка, что ее можно перешагнуть в полном смысле этого слова. У монастыря, расположенного на холме, через Волгу положено несколько досок, через которые спокойно переходишь с одной стороны на другую.

Холм, про который я говорил, высок, растительностью не покрыт. Красиво приютились на нем две церкви (старая деревянная и новая каменная) и стройки женского монастыря, основанного 7—8 лет тому назад (матерью Верой, теперешней игуменьей).

Еще издалека видишь куполы церкви этого монастыря. Если же взойдешь на колокольню новой церкви (еще строящейся; постройка началась до основания монастыря, лет 12—13 тому назад), то открывается чудный вид. Куда ни посмотришь, везде лес, растянувшийся на необозримое пространство. Видно и Волгу, малютку Волгу по сравнению с Волгой, уже прошедшей озеро Селигер.

Вот в общих чертах картина истоков Волги и окружающей ее местности. В заключение скажу о впечатлении, произведенном на меня экскурсией.

Впечатление осталось великолепное. Часто вспоминаются отдельные эпизоды экскурсии, выплывают картины виденного, и так ярко, как будто еще их и теперь видишь. Так, например, представляются мне истоки Волги. Что-то родное чувствуется там, что-то маленькое, простое, но свое, русское; охватывает какое-то невыразимое чувство при виде того, о чем так много приходилось слышать от других. Уверен, что на прочих эта экскурсия произвела такое же сильное впечатление, как и на меня.

Ученик 8 кл. *А. Обновленский*

Переход от Волговерховского монастыря до деревни Свапущи

Мы отправились из Верхневолжского женского монастыря в 7 часов утра. Обильная роса покрывала траву и сообщала босым ногам приятный, вызывавший в спине дрожь холодок. Голубое безоблачное

Экскурсия по дороге в Свапущу. Фотография. 1914

небо предвещало сильную жару к полудню и заставляло торопиться с отправкой, чтобы дойти до зноя до деревни Свапущи, находящейся в 15 приблизительно верстах от монастыря. Поэтому лишь только подали телегу и тарантас для наших вещей, мы тотчас пустились в путь.

Лошади поехали по дороге, а мы пошли для сокращения пути по берегу Волги, которая представляла из себя не что иное, как незначительный ручеек, часто засыпанный, грязный, с желтой болотной водой и с крутыми берегами, еле достигавшими, впрочем, полутора аршин высоты. С одной стороны поля, с другой — лиственный лес в полуболоте украшают Волгу в ее истоках.

Через полчаса ходьбы мы встретились с лошадьми и пошли теперь вместе с ними. Кратчайший путь, который привлекал нас, оказался очень невыгодным для тележки с поклажей. Воз прыгал невообразимо из стороны в сторону, поднимаясь то на один, то на другой бок и вызывая с нашей стороны опасения за свои пожитки. Монашка ли, находившаяся на возу, была плохим кучером, или лошадь — такой уж непослушной, только воз наш, если с боку дороги встречался пень, камень или какое-нибудь другое препятствие, непременно попадал на него, несмотря на то что с другой стороны дорога была скатертью. В одном месте, например, переднее колесо телеги зацепило за изгородь, хотя со стороны, противолежащей изгороди, тянулось далеко к горизонту поле.

Пришлось давать задний ход, что молодой лошади, между прочим, очень не понравилось, и она выразила свое недовольство тем, что раз пять очень эффектно вставала на дыбы, не обращая внимания на наши возгласы, вызывавшие в некоторых серьезную тревогу за вещи, прыгавшие на телеге из стороны в сторону. Общими силами нас и двух монашек неприятность была всё же устранена, и мы отправились дальше.

Волга скрылась из глаз, и теперь хвойный лес стал по обе стороны дороги. Его усыпляющий смолистый запах, усилившаяся жара, жажда — всё это отнимало силы, и казалось, что и конца не будет нашему путешествию. Некоторые еще бодрились, другие же, отчаявшись дойти, преспокойно уселись на тарантас. Песни, это незаменимое подспорье всех пешеходов, как-то не пелись, разговоры не клеились, и все шагали, молча передвигая ноги по нагревшемуся песку дороги.

Одно происшествие развлекло немного всех нас и несколько оживило. Пришлось проезжать через топкую грязь, в которую чьими-то догадливыми руками были положены толстенькие бревнышки, очень плохо выполнявшие свою задачу. Когда телега достигла самой середины грязи, послышался возглас нашего учителя немецкого языка: «Колесо! Колесо!»

Монашенка бросилась в сторону крика и, заметив, что переднее колесо телеги соскочило с оси, совершенно растерялась, бросила вожжи и, не догадываясь остановить лошадь, заголосила: «Матушка, Пресвятая Богородица!.. Ось-то!.. Ось-то!.. Ось сломится!.. Матушки родимые!..»

Кто-то из гимназистов догадался остановить лошадь, а остальные бросились, заворачивая брюки, спасать погибающий в грязи воз. Кто-то, погрузнув по колени, вспомнил дьявола; кто-то окончательно простился с своей подушкой, готовящейся упасть в грязь; словом, суматоха поднялась препорядочная. Засучив брюки возможно выше, мы начали работать в грязи, поднимая ось и стараясь одеть на нее колесо. Пришлось выпрягать лошадь, которой оводы и мухи не давали покойно стоять на месте.

После некоторых довольно продолжительных усилий экскурсанты с перепачканными руками и ногами, с забрызганными грязью физиономиями одели, наконец, колесо и бегом дружно вывезли телегу из грязи, забыв усталость и утомление. Дальше дорога улучшилась, и телега дошла до цели путешествия без всяких приключений.

Места на дороге встречались часто очень живописные. То озеро блеснет чрез чащу дерев своей серебристой поверхностью, то ручеек, журча и играя на солнце, пересечет дорогу, то последняя красиво спустится с невысокой горки, покрытой чудным хвойным лесом, оживляемым чириканьем птичек, то она пойдет прямо, прямо между лесом и полями.

На душе становилось отрадно, глядя на все эти природные красоты. В самом деле хотелось обнять весь мир и закричать во весь голос: «Чудно создан Божий мир!»

После четырехчасовой ходьбы показалась наконец давно желанная Свапуща. Лица у всех сразу просияли, пропала усталость, запелись дружно песни, воцарилось веселье, и вот мы у цели путешествия.

Ученик 8 класса *А. Муравьев*

Волговерховский Ольгинский монастырь

Прекратите свои поскорей разговоры,
Постарайтесь молчанье теперь соблюдать,
Вы снимайте свои головные уборы:
Здесь явилась Господня для всех благодать.

Средь болот, в изобильи одетых травою,
Средь деревьев, покрытых седеющим мхом,
Поместилась часовня с смиренной главою,
С деревянным, давно постаревшим крестом.

А под нею источник с простою водою,
Но священной для искренних, чистых сердец…
Проносились века неизменной чредою —
А воде не бывал и не будет конец.

Здесь рождается вечно кормилица Волга:
Потихоньку она по канавкам бежит,
Чуть заметным ручьем представляется долго
И вливается в озеро Малый Верхит.

А кругом рожь высокая радует взоры,
А местами под паром добреет земля,
А с небес и с деревьев различные хоры
Распевающих птиц оглашают поля.

На холме, на краю небольшого селенья,
Деревянная церковь смиренно стоит,
А за ней храм обширный, на случай стеченья
Богомольцев воздвигнутый, óкрест глядит.

То недавно усердьем людей православных
Там построили храм, им заполнив пустырь,
И на память о давних событиях славных
Учредили вновь Ольгинский здесь монастырь.

На заре появленья России великой
(Пронеслася тому чуть не тысяча лет)
В нашей родине, слабой и дикой,
Воссиял через Ольгу спасительный свет…

Этот свет, незаметный почти поначалу,
Разливался всё шире, всё глубже вокруг,
Озарял нашу родину мало-помалу,
А теперь уж сияет, как солнечный круг.

Этот свет христианства, России спасенье,
Через Ольгу святую когда-то возник —
И наш русский народ, для других в удивленье,
От него стал могуч, стал велик…

Пусть же сей монастырь там, где Волги начало,
Расширяясь, растет, благодатью цветет,
Привлекает к себе богомольцев немало,
И пусть слава о нем по России идет!

Много лет по лесам, по полям необъятным
Волга-матушка воды вдаль к морю несет,
Широтой и раздольем своим благодатным
Миллионы к себе на поклоны влечет…

Пусть же тот монастырь, что собой освящает
Первый шаг нашей Волги, могучей реки,
Бесконечные годы всем людям вещает,
Что деяния Ольги святой велики!..

П. Чернышев

Тверь в записках путешественников

Выпуск 3

Водные пути Верхней Волги. Вторая половина XIX – начало XX века

Издание подготовлено
Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым

Издательство ТО «Книжный клуб»
Тел. (4822) 417155
E-mail: tverbook@mail.ru, www.tverbook.ru

Генеральный директор А. С. Полосков
Корректор Р. А. Милюгина

ISBN 978-5-903830-51-0

Подписано в печать 24.09.2014 г. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Объем 29 п. л. Тираж 300 экз. Заказ № _ _ _ _.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Тверской Печатный Двор».
Тверь, с. Никольское, д. 26.